Российская академия наук
Уфимский научный центр
Институт истории, языка и литературы
Российский этнографический музей

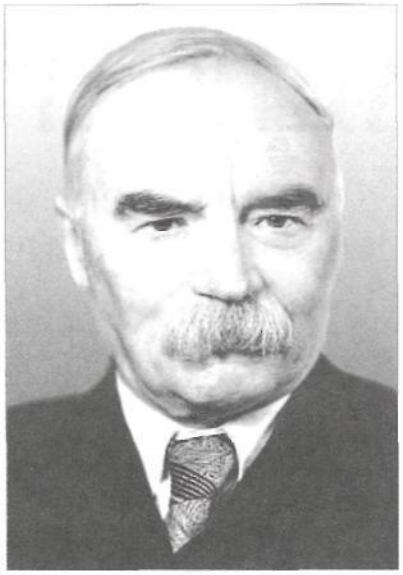
С. И. РУДЕНКО

БАШКИРЫ

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Печатается по изданию:
Руденко С. И. Башкиры.
Историко-этнографические очерки.
М; Л., 1955.
С изменениями и дополнениями

Уфа
«Китап»
2006



(1885–1969)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первые, правда скудные, сведения о башкирах и их образе жизни мы находим у арабских писателей X в. Посол багдадского халифа к царю волжских булгар Ибн-Фадлан[1], совершивший в начале X в. (922 г.) путешествие к волжским булгарам, сообщает о территории, занятой башкирами, и ряд интересных данных о их верованиях. Другой арабский писатель путешественник Абу Заид аль-Балхи, посетивший Булгарию и Башкирию в первой половине X в., приводит более обстоятельные сведения о месте обитания башкир. Значительно позднее, в XIII в., кое-какие сведения о местопребывании башкир и их образе жизни дают нам западноевропейские путешественники Плано-Карпини и Вильгельм Рубрук. В русских источниках, кроме летописи Нестора, в исторических документах о местожительстве, занятиях и пище башкир упоминается в «Книге Большому Чертежу»; в XVIII же столетии и особенно во второй его половине имеются уже обстоятельные описания быта башкир. После классической «Топографии оренбургской» П. И. Рычкова в «Дневных записках» И. Лепехина приводится много ценных, безыскусно и ярко изложенных фактов, характеризующих быт современных Лепехину башкир. Весьма ценные сведения сообщает нам и П. С. Паллас в своем «Путешествии по разным провинциям Российского государства». Сжатое, но все же достаточно обстоятельное описание занятий, одежды, жилища, утвари и различных предметов быта башкир мы находим у Фалька. В 1779 г. появилось первое, правда компилятивное, «Описание всех обитающих в Российском государстве народов» И. Г. Георги, в котором автор в значительной степени использовал материалы о живущих в пределах России народностях, в том числе и о башкирах. В начале XIX в.

[1] Библиографические данные о перечисленных в предисловии изданиях приведены в списке литературы.

Н. С. Попов в «Хозяйственном описании Пермской губернии» довольно обстоятельно знакомит нас с бытом пермских башкир. После работы Попова, в первой половине прошлого столетия, было опубликовано довольно много мелких газетных и журнальных статей и заметок, посвященных башкирам и напечатанных преимущественно в официальных изданиях. Перечисление этих статей было бы мало интересным, тем более что в своих очерках я буду ссылаться на те из них, которые заключают в себе более или менее ценные для нас данные. В середине прошлого столетия вышла книга В. М. Черемшанского «Описание Оренбургской губернии», где автор о быте башкир сообщает много интересных сведений, не утративших своего значения до последнего времени. Эта книга дала обильный материал для ряда последующих изданий, из которых как наиболее крупные можно назвать работы И. Казанцева, Литуновского и статьи, посвященные башкирам, в «Списках населенных мест» Уфимской и Оренбургской губерний.

Во второй половине XIX в. в связи с большим интересом к изучению быта населения России и литература, посвященная башкирам, становится более многочисленной и разнообразной. В последние годы XIX в. появляется ряд работ аналитического характера, глубже освещающих быт башкирского народа, происхождение отдельных племен, народов и наций и их культурные взаимоотношения. Из небольших бытовых очерков, дающих описание отдельных районов, следует отметить работу А. Игнатовича о Бурзянской волости, статью В. А. Арнольдова «Санитарно-бытовой очерк жизни башкир юго-восточной части Стерлитамакского уезда Уфимской губернии», М. Баишева — «Деревни Зианчурина Орского уезда Оренбургской губернии» и Бергхольца — «Горные башкиры катайцы». Из наиболее значительных общих описаний быта башкир к этому времени относятся работы В. М. Флоринского «Башкирия и башкиры», Алекторова «Башкиры», П. С. Назарова «К этнографии башкир» и, наконец, монография Д. П. Никольского «Башкиры». По богатству и ценности материала из статей о башкирах этого времени следует отметить статьи, написанные самими башкирами, в частности Б. Г. Юлуевым, Т. Г. Баишевым, А. Алимгуловым, М. А. Куватовым и др. Появляются специальные работы, посвященные уже отдельным частным моментам жизни и быта башкир, как, например, статьи С. Г. Рыбакова о песнях, музыке и музыкальных инструментах башкир, Д. Н. Соколова о башкирских тамгах, Д. К. Зеленина о левирате у башкир.

Несмотря на большой литературный материал, накопившийся к концу прошлого столетия, казалось бы достаточный для общей характеристики дореволюционного быта башкир, общей сводной работы не было составлено. Последнее в значительной

мере объясняется тем, что систематическим изучением быта башкир никто не занимался и огромное большинство авторов ограничивалось либо самой общей характеристикой быта, либо описанием быта башкир какой-нибудь деревни или волости, либо, наконец, каким-нибудь частным вопросом.

Задавшись целью написать этнологическую монографию о башкирах, я приступил к сбору материалов в 1905 году и закончил свои исследования в 1908 г. В 1908–1909 гг. появились первые мои работы, посвященные башкирскому фольклору. В 1916 г. была издана первая часть монографии о башкирах, рассматривающая физический их тип, и в 1925 г. — вторая часть, о быте башкир.

Настоящая работа в основном является переизданием второй части моего труда «Башкиры», характеризующей дореволюционный быт этого народа. Подготовляя этот труд к переизданию, я, естественно, должен был заняться коренной его переработкой. Историческая и этнографическая наука за период с 1925 г. по настоящий момент достигла огромных успехов. Сейчас ставятся и разрабатываются такие вопросы, которых в то время касались только в самых общих чертах, например такой важный вопрос, как вопрос о происхождении и сложении башкирского народа.

Работая над новой редакцией упомянутой книги, я учитывал новейшие работы о башкирах, такие как «Материалы по истории Башкирской АССР», работы по истории башкир Н. Ф. Демидовой, А. Н. Усманова, Н. В. Устюгова, А. П. Чулошникова и других. Кроме того, я имел возможность познакомиться с рядом еще не опубликованных работ научных сотрудников Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР, заключающих в себе ценные данные по истории, этнографии и диалектологии башкир.

Задачи советской этнографии, призванной к освещению процессов создания социалистической культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию, на первый план выдвигают изучение национальных особенностей племен и народов СССР в их историческом развитии.

Проблемы происхождения и сложения народов и наций в СССР за последние годы разрабатывались мало. Причиной этого отчасти были антинаучные утверждения так называемого нового учения о языке Н. Я. Марра. Утверждения Н. Я. Марра о том, что возникновение новых типов вовсе не требует единства происхождения или что этногония и глоттогония есть мировые процессы, протекающие стадиально, утверждения, сводившие на нет значение антропологических и этнографических данных в вопросах этногенеза, отвлекли на некоторое время этнографов от разработки проблем происхождения и сложения народов и наций СССР и вели их по неправильному пути.

В период социализма на развалинах старых буржуазных наций возникли новые социалистические нации, коренным образом отличающиеся от наций буржуазных. Одной из важных задач советской этнографии является изучение процесса формирования социалистических наций. В этой связи большое значение приобретает изучение национальных особенностей, специфики культуры и быта социалистических наций, а также выяснение этнических элементов, из которых складывалась та или иная социалистическая нация или народность.

Как мы знаем, нации отличаются друг от друга не только по языку, но и по материальной и духовной культуре. Последнее относится и к новым социалистическим нациям, в том числе и башкирской.

В противоположность буржуазной космополитической науке советская этнографическая наука особое внимание уделяет изучению этнической и национальной специфики того или иного народа в ходе его исторического развития.

Со времени сбора материалов, характеризующих быт башкир и изложенных в историко-этнографических очерках (1905—1908 гг.), произошли крупные изменения в национальном быте башкирского народа.

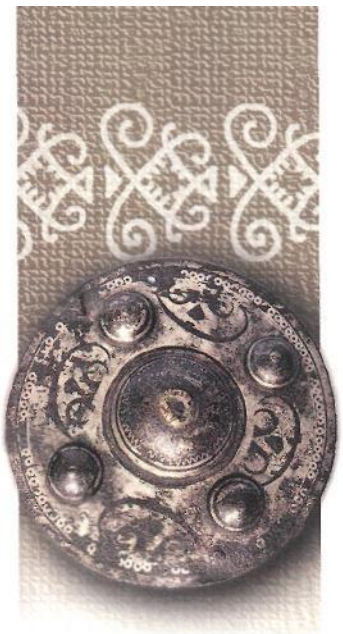
Не имея своей государственности, испытывая двойной, национальный и экономический, гнет, башкиры до Великой Октябрьской социалистической революции находились в тяжелом положении. Только в результате Великой Октябрьской социалистической революции башкиры получили полную свободу национального развития. За годы довоенных пятилеток полуколониальная царская Башкирия превратилась в мощную индустриально-аграрную автономную социалистическую республику в составе Российской Федерации. Вместе с общим экономическим прогрессом на небывалую высоту поднялся культурный уровень башкир, влившихся в братскую семью народов многонационального Союза Советских Социалистических Республик.

Для того чтобы показать, как сильно изменилась жизнь башкир в семье братских народов СССР, мне казалось не только полезным, но и необходимым дать в заключительной главе хотя бы очень краткий общий очерк современного быта башкир. Тема эта очень большая и ответственная, и мною она, конечно, не освещена в должной мере. Однако при отсутствии специальных работ на эту тему публикуемые сведения помогут читателю составить представление о тех огромных изменениях в жизни трудящихся башкир, которыми они обязаны социалистическому строю, Коммунистической партии и помощи русского народа.

В основу главы о современном быте башкир положены материалы историко-этнографической экспедиции Башкирского филиала Академии наук СССР 1952 г., во время которой я

имел возможность ознакомиться с современным бытом башкир и пополнить историко-этнографические очерки некоторыми дополнительными сведениями.

Считаю своим долгом принести свою искреннюю благодарность научным сотрудникам Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР, облегчившим мою работу над очерками своими весьма ценными советами и замечаниями. Особо я хочу подчеркнуть большую работу, любезно проделанную К. З. Ахмеровым по выправлению и транскрибированию многочисленных башкирских слов.



Глава I

ПРИРОДА БАШКИРИИ

Природа Башкирии, занимающей восточную часть Русской равнины — Приуралье, горы Южного Урала и Зауралье, чрезвычайно разнообразна и богата. Территория современной Башкирии, в древности горная страна, в результате длительных и разнообразных процессов континентального разрушения и выветривания превратилась в страну типа средних гор, окаймленных пенепленированными (выровненными) пространствами. Вследствие разнообразия горного и равнинного рельефов, крайне пестрого почвенного покрова, обусловленного многообразным литологическим составом подстилающих его осадочных образований, далеко не одинаковых климатических условий в отдельных районах страны весьма разнообразным оказался и растительный и животный мир. В Башкирии имеются и высокогорные зоны с субальпийской растительностью, и таежные районы, зоны широколиственных деревьев, лесостепи и степи с характерными для них обитателями.

Башкирия расположена в области, где происходит частый обмен воздушных масс умеренных и субтропических широт с арктическими. Воздушные массы, приходящие летом с Атлантики, достигают Башкирии, в значительной мере уже потеряв свою влажность, хотя западные предгорья и горы Урала они все же обеспечивают довольно большим количеством осадков. Зимой, особенно в зауральской части Башкирии, господствуют воздушные массы азиатского антициклона. Климат Башкирии поэтому в общем континентальный, с умеренно теплым, иногда жарким летом и холодной зимой. В целом Башкирия расположена в зоне умеренного бореального климата, где четыре, а иногда и более месяцев в году теплые, со средней температурой выше 10°. Это обеспечивает возможность произрастания теплолюбивых древесных пород растений, преимущественно лиственных, с более продолжительным периодом вегетации.

Средняя температура летних месяцев 10—20°, в отдельные дни 30—33°. Весна и осень короткие.

Уральский хребет оказывает большое влияние на распределение ветров, осадков и температуры и поэтому создает резкие различия в климате западных и восточных его склонов. Наибольшее количество осадков выпадает на западных склонах Урала. Перевалив через горы, воздушные массы становятся более сухи-

ми, и осадков в Зауралье поэтому много меньше, чем в Предуралье. По направлению с запада на восток падает и средняя годовая температура воздуха. Столь же хорошо прослеживаются климатические изменения от севера к югу. Средняя годовая температура на севере Башкирии +0,8°, в средней ее части (Уфа) +2,7°, на юге +3,9°. Соответственным образом от севера к югу, где климат теплее и суше, меняется и количество осадков. На севере Башкирии среднее годовое количество осадков 550—600 мм, в крайней юго-восточной части Зауралья их всего 400—450 мм. Для всей Башкирии характерны весенние возвраты холодов в связи с вторжением холодных арктических масс воздуха.

В горах Урала климат холоднее и зимние морозы достигают —40° и ниже. Весной поздние возвраты холодов там чаще, иногда и в июле температура понижается до —3°.

Средняя высота снегового покрова в Башкирии 40—50 см; средний максимум 100 см.

Благодаря значительному количеству осадков и влаге, конденсирующейся в высокогорных областях, и расчлененности рельефа богатая речная система покрывает всю территорию Башкирии. Основная водная артерия Башкирии — р. Белая, истоки которой находятся в горах Южного Урала. Первоначально она течет вдоль хребтов, затем в области погружения складчатой системы Южного Урала она поворачивает на запад; по выходе из гор в Приуралье до г. Уфы она течет на север и затем поворачивает с юго-востока на северо-запад, впадая в р. Каму. Р. Белая — самая большая и самая красивая из рек Урала. В горах она течет в глубоких (от 50 до 100 м) долинах, склоны которых разнообразны: они или крутообрывистые, скалистые, или пологие, поросшие лесом. С принятием р. Уфы Белая становится

Рис. 1. Река Уфа в среднем течении

Рис. 2. Гольцовые россыпи. Южный Урал

типичной равнинной рекой с широкими долинами от 3 до 16 км шириной.

Белая собирает воды многих притоков. Справа в нее впадают Нугуш, Зилим, Сим с Инзером, Уфа, Бирь, Танып, слева — Ашкадар со Стерлей, Уршак, Дема, Кармасан, Чермасан, База, Сюнь. Уфа принимает два крупных притока — Ай и Юрюзань. Текущие к западу р. Буй и к северу р. Ик впадают в р. Каму. Реки южной горной части Башкирии — Таналык, Сакмара и Большой Ик — относятся к бассейну р. Урала. Все реки Башкирии летом сильно мелеют. Зимой в горных реках образуется много донного льда, вызывающего заторы. Вскрываются реки в среднем в конце апреля, начало осеннего ледохода — в конце октября.

Озер много в Зауралье. Имеются они и в Приуралье, но там они почти все пойменные и происхождение их связано с эрозионной деятельностью рек и карстовыми явлениями.

С физико-географической точки зрения в Башкирии может быть выделено несколько достаточно ярко выраженных районов.

Уральская возвышенность расположена к северу от 53-й параллели и представляет собой скопление горных хребтов и отдельных возвышенностей. Это высокогорный водораздельный район, связанный с поясом древнепалеозойских кварцитовых известняков и сланцев. Абсолютные высоты здесь колеблются от 700 до 1000 м. Водораздельный хребет Урал-Тау с высотами 900—1000 м проходит по восточной стороне горной системы; наивысшая его точка 1067 м. К западу от верховьев р. Белой поднимается массив Иремель (1584 м). К юго-западу от него, в верховьях р. Большого Инзера, правого притока р. Белой, расположен массив Яман-Тау (1638 м) — наивысшая точка Южного Урала. Ряд хребтов лежит в гольцовом поясе не только своими

вершинами, но и склонами, завалеппыми обширными каменными россыпями, конденсирующими влагу и дающими начало многочисленным источникам. Климат этого района прохладный и влажный. Почвенный покров в основном подзолистый, на вершинах гор переходящий в горно-луговой. Растительный покров весьма разнообразен, с хорошо выраженной вертикальной зональностью. На высотах 1000—1600 м расположен гольцовый пояс в виде каменной россыпи с вкраплениями горно-тундровой и альпийской растительности (рис. 2). Ниже расположена зона субальпийских лугов и горных болот, питающихся ручьями, вытекающими из-под гольцов. Севернее 54-й параллели и ниже 900 м горы покрыты елово-пихтовым лесом. Южнее 54-й параллели леса преимущественно сосновые, с примесью лиственницы и березы. Животный мир достаточно богат. В высокогорную зону гольцов заходит с севера северный олень, там же встречается белая куропатка. В лесах водятся медведи, белки, лесные куницы; из птиц характерны глухарь и рябчик. В данном районе живут башкиры: айлинцы, часть кудейцев, катайцы, горные кипчаки и тамьян-тангаурцы.

Возвышенно-равнинная часть Южного Урала, или Губерлинское плато, в прошлом высокогорная страна, в настоящее время выровнена и довольно значительно размыта поверхностными водами. Этот район может быть подразделен на два подрайона: южноуральский и зауральский пенеплен. Нагорная равнина южноуральского пенеплена окаймляет с юга Уральскую возвышенность. Климат там более теплый и сухой. Почвы серые подзолистые. Леса широколиственные и сосновые, лиственичные и березовые. На западном склоне в широколиственных лесах преобладают клен и ильм, на восточном — береза. Травяная раститель-

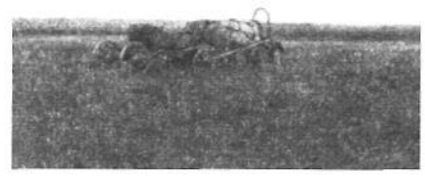


Рис. 3. Зауральские степи

Рис. 4. Известковые скалы. Берег р. Юрюзани

ность в этих местах богатая, с преобладанием зонтичных. На юге — горные черноземные почвы со степной растительностью. Зауральский пенеплен может служить классическим примером предельной равнины, обширная его территория покрыта относительно тонким пластом глинистых послетретичных наносов, местами древним аллювием латеритового типа. Климат зауральского пенеплена отличается резко выраженной континентальностью. Сосново-березовая лесостепь к югу сменяется ковыльно-разнотравными степями на различных черноземах. В степях местами распространено засолонение почв, связанное как с грунтовым увлажнением, так и с появлением соленосных субстратов среди поверхностных образований. Фауна в данном районе разнообразна — лесная и степная. Для первой характерны лесная куница, рысь, горностай, лесные полевки, заяц-беляк, глухарь, тетерев, рябчик, вальдшнеп, ястреб; для второй — хомяк, заяц-русак, волк, степная лисица, степной лунь, серая куропатка, дрофа и стрепет. В этом районе живут башкиры: бурзяне, кипчаки и усергане.

Район предгорий восточного склона Урала может быть подразделен на два подрайона — северный и южный. Северный подрайон, административно входящий в Челябинскую область, в верховье р. Миаса и южнее этой реки, расположен на Западно-Сибирской низменности. Северо-восточная часть этого подрайона лесостепная (березовые колки среди распаханных степей), юго-восточная — степная (рис. 3), с черноземными почвами. Климат континентальный, много усыхающих озер, часть которых солоноватые или соленые. Осенью много водоплавающих птиц — уток и гусей. В лесостепной части встречаются волки, много зайцев, лисиц, тетеревов и серых куропаток. Проживают здесь башкиры: катайцы, кара- и барын-табынцы, частично

Рис. 5. Смешанный лес в бассейне р. Танып

айлинцы. Южный подрайон отличается сложным рельефом. Там имеются хребтообразные возвышенности, невысокие увалы, холмы и скалистые сопки. Многочисленные озерные котловины преимущественно тектонического происхождения. Состав наносов не однороден — участки скалистых обнажений чередуются с участками мягких делювиальных отложений. Почвы черноземные и серые лесные. Леса из березы, сосны и лиственницы сменяются участками степей, большей частью каменистых. Населяют этот подрайон башкиры: барын- и тамьян-табынцы.

Район предгорий западного склона Урала, Нижне-Айское мелкогорье. Поверхность Нижне-Айского мелкогорья, расположенного на северо-востоке Башкирской АССР, между Уфимским плато и Уралом, глубоко расчленена широкими долинами р. Ай и ее правых притоков, которые текут на абсолютной высоте около 200 м. По южной стороне мелкогорья течет р. Юрюзань в очень глубокой эрозионной долине, местами каньонообразной, с отвесными скалистыми берегами (рис. 4). На междуречьях поднимаются отдельные

возвышенности, холмы. Климат здесь мягче по сравнению с Уральской возвышенностью, но количество осадков столь же велико (500—550 мм). В области развития известняков распространены явления горного карста: подземные реки, пещеры, воронки. Почвы подзолистые, к западу сменяющиеся оподзоленным черноземом. На севере района простираются смешанные широколиственные леса — липа, дуб, клен, примесь ели и пихты; южнее на вершинах хребтов встречаются леса, состоящие из березы, сосны и лиственницы. Основное башкирское население: а й л и н ц ы, частично т а н ы п ц ы и к а т а й ц ы.

К западу от Нижне-Айского мелкогорья расположено Уфимское плато, в бассейне р. Уфы, преимущественно в бассейне ее левых притоков — Ая и Юрюзани. Состоит оно из широких водоразделов, местами плоских, местами сильно холмистых. Абсолютные его высоты на востоке достигают 500 м, к западу высоты снижаются. Уфимское плато изрезано глубокими оврагами и речными долинами. Вследствие устойчивости известняков, слагающих плато, долины узкие и достигают глубины свыше 250 м. Климат относительно суровый и влажный. Почвы дерново-подзолистые и серые лесные оподзоленные. Растительный покров — елово-пихтовые леса, частично пострадавшие от пожаров, местами вырубленные; с елово-пихтовыми лесами перемежаются леса из широколиственных пород клена и дуба. В этом районе живут исключительно башкиры т а н ы п ц ы.

Обширный район Приуралья, занимающий почти половину площади всей Башкирии, глубоко расчленен речными долинами и отличается исключительным разнообразием рельефа. Последнее обусловливается свойствами коренных пород и асимметричным развитием солнцепечных и теневых склонов — долин и возвышенностей. Влияние коренных горных пород на рельеф равнины особенно четко сказывается из-за слабого развития рыхлого покрова поверхностных отложений.

Большая часть района находится на относительно приподнятой глыбе Русской платформы, сложенной с поверхности преимущественно глинисто-песчаниковыми и известняковыми породами верхнепермского возраста.

Крайним северным подрайоном этого района является Таныпский увал, расположенный между долинами рек Таныпа и Буя. Высота увала местами превышает 200 м. Поверхность увала всхолмленная, в юго-западной части он заметно понижен при переходе в широкие долины Камы и Белой. Слабо- и среднеподзолистые почвы покрыты темнохвойными лесами из ели и пихты, сменяющимися к югу смешанными широколиственными или дубово-березовыми лесами (рис. 5). В лесах встречаются медведь, рысь, лисица, заяц, куница, колонок и белки; из птиц наиболее характерны рябчик, местами тетерев, белая куропатка, вальдшнеп. Башкиры, живущие в этом подрайоне: г и р е й ц ы, и л а н ц ы и к и р г и з ы, а к северу от них в пределах Молотовской области (ныне — Пермский край. — *Отв. ред.*) — у р а н ц ы и г а й н и н ц ы.

Южнее, между Таныпом и Белой, расположена Бирская равнина с абсолютными высотами 250—300 м. Относительные высоты колеблются в пределах 150 м. Сильно развит карст, на севере равнины имеются карстовые озера. Почвенный покров бирской лесостепи — светло- и темно-серые выщелоченные черноземы. Лес смешанный из ели, пихты, березы и осины, перемежающихся с широколиственными, особенно с липой, выступающей чаще всего в виде подлеска. На Бирской равнине проживают башкиры: т а н ы п ц ы, и ч к и - и л а н ц ы и к а н л и н ц ы.

Правобережье р. Белой имеет весьма разнообразный рельеф. Большие площади там заняты широкими массивными водоразделами, сложенными красноцветными породами. Часть водораздельных массивов сложена кунгурскими гипсами. Массивы имеют вид либо широких и плоских плато, либо вытянутых узких и крутых грив. Левобережье р. Белой представляет собой равнинную местность, перерезанную оврагами, среди которых возвышаются изолированные отлогие холмы, сложенные пермскими красноцветными породами, которые почти

целиком закрыты мощным плащом плиоценовых и четвертичных отложений. Почвы разнообразны. На правобережье темно-серые лесные и выщелоченные оподзоленные черноземы, на левобережье главным образом тучные черноземы и черноземы выщелоченные оподзоленные. Этот Бельский подрайон почти безлесен, покрыт типчаками, ковылем и другой ксерофитной растительностью. Только на водоразделах встречаются леса из осины, дуба и березы; в более влажных местах — луговые степи. В Ашкадарской степи, в бассейне р. Ашкадара (к западу от р. Белой), сосуществует несколько степных ассоциаций. Самая распространенная из них — ковыльно-злаковая на широких долинных террасах, в ее покрове преобладает тырса. Другая степная ассоциация — ковыльно-разнотравная степь, которая по характеру растительности представляет переход к луговой степи. Для фауны этого подрайона характерны полевые суслики, степной хорь, заяц-русак, из птиц — пустельга, степной лунь, перепел, серая куропатка, степной конек, степной жаворонок и др. Проживающие здесь башкиры: минцы, табынцы и юрматынцы.

К западу от левобережья р. Белой расположена обширная Белебеевская возвышенность. Она лежит в Башкирии своей южной и центральной частями. Местами возвышенность достигает 450 м. Рельеф ее отличается большой эрозионной пересеченностью и колебаниями высот более чем в 200—300 м. Преобладают ступенчатые склоны и столообразные поднятия на водоразделах. Местами рельеф холмистый, иногда попадаются равнинные участки с резко поднимающимися над ними сопками. Подстилающие почвенный покров осадочные образования довольно разнообразны, а именно: чередующиеся песчаные, глинистые, красноцветные песчано-глинистые и карбонатные образования. Почвенный покров представлен дерново-карбонатными (перегнойно-карбонатными) почвами, выщелоченными и оподзоленными черноземами, на севере — серыми и темно-серыми лесными почвами. Широколиственные леса на серых лесостепных почвах на севере к югу переходят на наиболее повышенные точки рельефа, а также на северные склоны долин, в равнинных условиях уступая место ковыльно-разнотравным степям с характерной для них фауной. Состав башкирского населения здесь очень пестрый: енейцы, байларцы, ирехтинцы, минцы, иланцы, киргизы.

Природа Башкирии, как это видно из краткой характеристики ее естественно-исторических районов, крайне разнообразна. Разнообразие это проявляется не только в сложности рельефа, но и в флористических и фаунистических особенностях отдельных районов, обусловленных орографическими, климатическими и почвенными условиями.

Естественно, что столь разнообразные природные условия в известной мере отразились, особенно на первых этапах сложения башкирского народа, на его быте и экономике.

Глава II

КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Древнейшая история Башкирии изучена крайне слабо, и для ее освещения можно наметить только ряд вех.

Во время последнего оледенения европейский ледник в пору наибольшего своего развития (рисского) не покрывал территорию Башкирии, исключая горную ее часть, да и там не было сплошного ледяного покрова. Поэтому даже в эпоху рисского оледенения почти на всей территории Башкирии были условия, благоприятные для жизни человека. Если следы пребывания человека в мустьерскую эпоху (средний палеолит) обнаружены много севернее, в долине р. Камы, недалеко от впадения в нее р. Чусовой, то они, вероятно, будут найдены и на территории Башкирии.

Наиболее ранние памятники пребывания человека в Башкирии, относящиеся к верхнему палеолиту, были обнаружены С. Н. Бибиковым[2] при обследовании им ряда пещер в долине р. Юрюзани: Ключевой (рис. 6), Бурановской, Гребневой и Усть-Катавской II. В названных пещерах был обнаружен культурный слой с остатками фауны, прослойками древесного угля и каменных орудий. Хотя находки в этих пещерах не позволяют дать развернутую характеристику культуры этих древнейших из известных нам насельников края, однако имеются все основания отнести их к эпохе позднего палеолита, но не к самым поздним фазам его развития.

В своей датировке С. Н. Бибиков основывается на анализе фауны и, хотя и очень немногочисленного, кремневого инвентаря из Ключевой пещеры.

Фауна, современная пребыванию человека в названных пещерах, устанавливается по остаткам костей животных, служивших пищей человеку, и представляется в следующем виде: копытные — шерстистый носорог, лошадь, первобытный зубр, олень северный и благородный, лось, козуля азиатская; хищники — пещерный медведь, пещерный лев, медведь, росомаха, куница, горностай, волк, лисица и песец; грызуны — бобр, заяц, пищуха, тушканчик большой, хомяк, водяная крыса, сурок, белка, суслик рыжеватый; насекомоядные — еж, крот; птицы — глухарь, тетерев-косач, белая куропатка, тундровая куропатка, сорока, ворона,

[2] *Бибиков С. Н.* Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала // Советская археология. 1950. Т. XII. С. 66–104.

ласточка, голубь, орел, пустельга, кулик, утка, гусь. Из рыб только в Гребневой пещере найдены кости жереха и окуня.

Все пещерные местонахождения палеолитического человека нельзя рассматривать как места оседлых поселений. Это, как полагает С. Н. Бибиков, были временные стоянки охотников, пользовавшихся пещерами как убежищами и готовивших себе там пищу. Так как охотничьи коллективы экономически были мало связаны с узкими долинами горных рек, а пещеры использовали только в качестве временных укрытий, их стоянки следует искать в местах, более благоприятных для промысла и жизни в открытых речных долинах, на их террасах.

Ряд неолитических памятников обнаружен в среднем течении р. Уфы. К этой эпохе относится мастерская для изготовления каменных орудий, исследованная Л. Я. Крижевской на берегу р. Уфы, в 0,5 км выше впадения в нее р. Юрюзани[3]. Помимо многочисленных отщепов, в этой мастерской найдены различные орудия из кремнистого известняка, топоры и долота, оббитые крупными сколами, сплошь покрывающими поверхность орудий; крупные скребла с грубой подтеской и частично ретушью, ножевидные пластины, обломки призматических нуклеусов и типичные неолитические наконечники стрел.

Особый интерес представляют открытые С. Н. Бибиковым неолитические стоянки в долине р. Юрюзани, в Бурановской пещере и у Старичного гребня[4].

Богатая фауна, представители которой обнаружены на этих стоянках, состоит только из диких, но современных животных: лошадь, лось, козуля, бурый медведь, лисица, куница, хорек, заяц, пищуха, хомяк, водяная крыса, бобр, сурок, суслик; из рыб обнаружен только один карп. Этот смешанный состав представителей леса и степи вполне соответствует характерному для Башкирии, в частности для Айского мелкогорья,

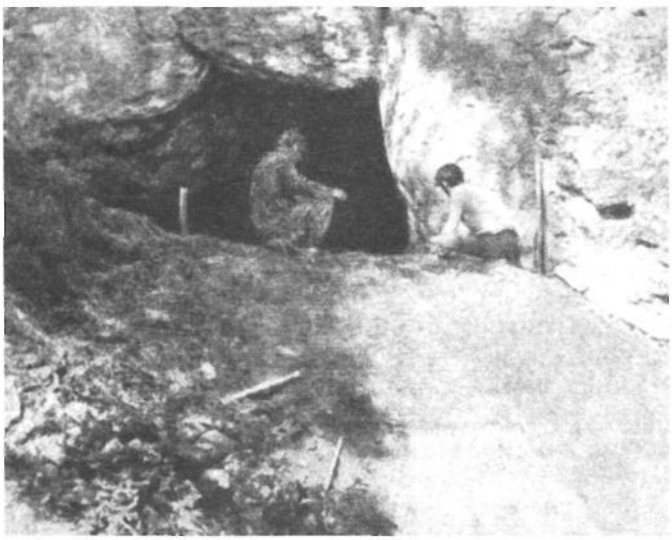


Рис. 6. Ключевая пещера

Рис. 7. Каменный инвентарь со стоянки у Старичного гребня

[3] *Крижевская Л. Я.* Археологические работы в Башкирии // Краткие сообщ. ИИМК АН СССР. 1953. Вып. LI.

[4] *Бибиков С. Н.* Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала // Советская археология. 1950. Т. XIII. С. 95–138.

Рис. 8. Подвески из змеевика. Погребение в Барановской пещере

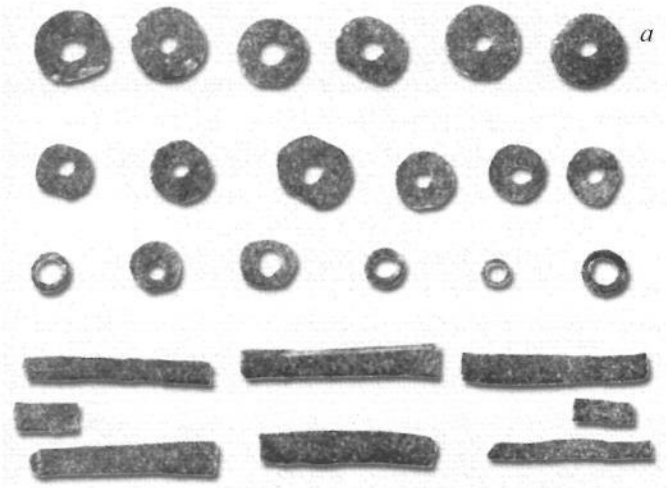


Рис. 9. Бусы и пронизки из погребения Усть-Катавской пещеры II (*а*) и подвески из погребения у Старичного гребня (*б*)

совместному распространению животных леса и степи.

Каменный инвентарь разнообразен. В Барановской пещере он состоит из тонких, изящных, хорошо ограненных пластин, пригодных для использования их в качестве вкладышей. У Старичного гребня каменный инвентарь (рис. 7) отличается грубыми, мало приспособленными для трудовых процессов формами, без тщательной отделки. В обоих пунктах были найдены захоронения людей без ям, прикрытые камнями, с богатым погребальным инвентарем. Судя по сохранившимся костным остаткам, это были люди низкого роста, вполне европеоидного типа. Мозговая коробка узкая и длинная, средневысокая, долихокранная, со среднеразвитым надпереносьем. Лицо ортогнатное, широкое, с узким носом. В общем, физический тип этих людей был близок тому, с которым мы встретимся в следующую эпоху начала бронзы.

В погребальном инвентаре характерны украшения пояса, состоящие из многочисленных, различной величины, овальной формы подвесок из голубовато-зеленого и зеленого змеевика (рис. 8), а также кремневые отщепы и костяное шило.

К несколько более позднему времени, но все же к концу неолита, С. Н. Бибиков относит вскрытое им погребение в Усть-Катавской пещере II, генетически связанное по типу захоронения и характеру погребального инвентаря с погребением в Барановской пещере. В Усть-Катавской пещере II обнаружено захоронение ребенка, причем при погребении найдено очень много вещей: сильно окрашенные красной охрой резцы байбака, набор в виде бус из многочисленных раковин наземного моллюска (Dentalium), пронизки в виде тонких птичьих костей (рис. 9), многочисленные каменные поясные подвески, уже известные нам по находкам в Барановской пещере, также овальной формы, но меньших размеров и сделанные не из офита, а из серого сланца. Здесь же найдены каменный остроконечник лавролистной формы, кремневые скребки, каменные пластинки с ретушью и медное четырехгранное в сечении шило.

Время, к которому относятся только что рассмотренные памятники, — II тысячелетие до н. э., вероятнее вторая его половина для Усть-Катавских погребений. Хозяйственная основа этого общества была та же, что и у обитателей неолитических стоянок лесной зоны Европейской части СССР. В Башкирии экономической базой была почти исключительно охота, в лесной зоне — охота, сочетавшаяся с рыболовством. Культура позднеолитического и энеолитического населения Башкирии, судя по рассмотренным пещерным стоянкам и стоянкам на открытых местах (верхний слой Усть-Юрюзанской мастерской), исходя из характера керамики, увязывается с так называемой андроновской культурой, получившей к концу II и к началу I тысячелетия до н. э. широкое распространение в Средней Азии и Южной Сибири. Эту культуру мы находим и на территории Башкирии.

Последние исследования показали[5], что наиболее древний из известных нам памятников андроновской культуры в Башкирском Зауралье — стоянка Кысы-Куль близ Миаса, относящаяся ко II тысячелетию до н. э. и исследованная К. В. Сальниковым, — имеет много общего с рядом подобных памятников Западного Казахстана. Изучение последних показывает, что в нынешних степных районах Зауралья во II тысячелетии до н. э. была достаточно распространена лесная растительность (в частности, сосновые боры). Последнее подтверждается остатками фауны. Исследованные стоянки этого времени представляют два типа поселений. Первый — приозерные и приречные поселения, жители которых занимались главным образом рыболовством; характерными орудиями этого населения были миниатюрные каменные пластинчатые наконечники стрел для охоты на водоплавающую птицу. Второй — временные стоянки, приуроченные к нынешним островным лесам, основанные охотниками на марала, козулю и кабана; характерными их орудиями были каменные наконечники стрел и дротиков с двусторонней обработкой, массивные скребки и пики[6].

Находки в ряде стоянок костей домашних животных — коровы, лошади и овцы — указывают на переход населения Башкирского Зауралья и Западного Казахстана во II тысячелетии до н. э. к скотоводству и, возможно, к земледелию. Выясняется и тип жилища населения, особенно хорошо изученный на Алексеевской стоянке[7], находящейся на р. Тоболе, к юго-западу от Кустаная, относящейся к концу II тысячелетия до н. э. и первым двум векам I тысячелетия до н. э.

В Алексеевском могильнике умершие захоронены в скорченном положении, характерном для данной эпохи. Физический тип захороненных — как и в других могильниках андроновской культуры, европеоидный. Исследование поселения показывает, что его обитатели занимались охотой и скотоводством. Найдены кости тура, оленя, верблюда, байбака, бобра, лисицы и зайца; из домашних животных — кости лошади, крупного и мелкого рогатого скота, собаки, причем лошади — одной и той же устойчивой породы, крупный рогатый скот — малорослый и крупный, а также гибриды средних размеров, овцы — однопородные, крупных размеров, собаки — мелкой и крупной породы. Остатки обожженных зерен пшеницы и находки двух каменных мотыг указывают на занятие примитивным земледелием. Оседлое население проживало в бревенчатых и, по-видимому, плетневых домах. Для обогревания жилищ посредине раскладывались костры, пища приготовлялась в глинобитных печах, устроенных в углу жилища. Разнообразная глиняная посуда в Алексеевке, как и в других поселениях и могильниках андроновской культуры, орнаментировалась характерным для нее узором из ромбов и заштрихованных треугольников. Отдельные большие жилые дома с прилегающими к ним пристройками для домашнего скота позволяют рас-

[5] *Формозов А. А.* К вопросу о происхождении андроновской культуры // Краткие сообщ. ИИМК АН СССР. 1951. Вып. XXXIX.

[6] *Сальников К. В.* Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952.

[7] *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение и могильник // Тр. / Государственный исторический музей. 1947. Вып. XVII.

сматривать их как самостоятельные хозяйственные единицы, принадлежавшие большим семьям, совместно владевшим домашним скотом. Как и в других памятниках андроновской культуры, относящихся к концу каменного века и началу эпохи металла, там найдены куски медной руды и литейные формы, кованые или чеканные украшения из золота.

В южном Приуралье племена, оставившие памятники андроновской культуры, соприкасались с племенами так называемой срубно-хвалынской культуры. Курганы андроновской культуры исследованы у хутора Кошкары, близ г. Ишимбая, у дер. Чубук-Каран Бижбулякского района. Племена андроновской и срубно-хвалынской культур отличались по своему физическому типу, хотя и те и другие были европеоидами. В культурном отношении они стояли на одном и том же уровне общественно-экономического развития. Оседлое скотоводство сочеталось у них с мотыжным земледелием[8].

Памятниками смешанной срубно-андроновской культуры являются стоянка Н. Курмантау Гафурийского района, могильник у с. Куганак того же района, могильник у дер. Ябалаклы Чишминского района.

Элементы, характерные для абашевской культуры Поволжья, обнаружены на поселении у с. Красный Яр, близ г. Стерлитамака на р. Белой (мыс Баланбаш). Остатки домашних животных, находка серпа и зернотерок, обломка литейной формы, так же как и у племен андроновской и срубно-хвалынской культур, указывают на занятия оседлым скотоводством и земледелием. Однако ряд предметов материальной культуры, найденных на этом поселении, особенно глиняная посуда, отличная от посуды андроновской и срубно-хвалынской культур, дает основание для отнесения этого поселения к особой культуре — абашевской.

Первые века I тысячелетия до н. э. ознаменовались установлением тесных связей и обмена между скотоводческими племенами, населяющими западноазиатские степи и предгория, и оседло-земледельческими племенами Средней и Передней Азии. Скот, который раньше служил для удовлетворения потребностей западноазиатских племен, становится теперь товаром. Отсюда появилась потребность в массовом разведении скота, в первую очередь лошадей, и, как следствие, в переходе ряда оседлых племен к кочевому скотоводству.

Переход к кочевому скотоводству позволил освоить до того почти не использованные огромные пространства полупустынь и прилегающих к ним степей. Появилась возможность содержания большого количества скота в течение круглого года на подножном корму без заготовки сена. У отдельных лиц начали накапливаться большие богатства в стадах скота. Это повело к резкой имущественной дифференциации внутри племен, к распаду патриархальной родоплеменной организации, к выделению привилегированного слоя, своего рода аристократии, к установлению военно-демократического строя общества.

На смену наиболее характерным для предшествующей эпохи бронзовым орудиям появляются орудия железные, ускоряющие темпы развития производительных сил. В лесной полосе усовершенствуется земледелие, появляется плуг, в степях на первое место выступает скотоводство.

В степной полосе, где не было естественных преград для передвижения, складываются крупные племенные объединения с общей культурой.

В VII в. до н. э. на юге Башкирии, в степях бассейнов рек Урала и Сакмары, обитали савроматы. Оставленные ими курганные могильники хорошо известны в Чкаловской области (ныне — Оренбургской. — *Отв. ред.*); вполне вероятно, что они будут обнаружены и на территории Башкирии. Весьма показательна находка на горе Песчаной, близ левого берега р. Нила, левого притока р. Юрюзани, изданная Н. И. Булычовым[9], — бронзовая ажурная бляха с ушком на

[8] *Сальников К. В.* Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952. С. 72.
[9] *Булычов Н. И.* Древности из Восточной России. М., 1902. Вып. I.

обратной стороне, с изображением животного, исполненного в характерном для савроматов «скифском зверином стиле» (рис. 10). А. А. Иессен[10] путем подбора аналогий пытается доказать происхождение этой бляхи из Предкавказья. Я считаю более вероятным местное ее происхождение. Изображение волка на этой бляхе в ряде деталей имеет много общего с многочисленными изображениями этого животного на различных украшениях сибирской коллекции Петра I, относящихся к скифскому времени.

Рис. 10. Ажурная бронзовая бляха. Собрание Н. И. Булычова

В то время как савроматами были заселены степи восточной Европы и западной Азии, в лесостепной зоне в бассейне р. Камы жили, по всей вероятности, тиссагеты — «народ особый и многолюдный, средства к жизни добывают они охотой»[11], памятники которых в археологической литературе известны под названием ананьинской культуры.

В отличие от савроматов, основным занятием которых было кочевое скотоводство, тиссагеты были оседлы; помимо основного занятия охотой и рыболовством, они держали лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, свиней, занимались, по-видимому, и мотыжным земледелием. Савроматы жили преимущественно в подвижных, крытых войлоком жилищах; жилища же тиссагетов были бревенчатые.

Это была эпоха окончательного утверждения патриархального рода, начало разложения родовой общины, утверждения частной собственности на скот и другое имущество.

Савроматы были в культурном отношении тесно связаны со среднеазиатским и переднеазиатским культурным миром. Обмен, происходивший в середине I тысячелетия до н. э. между населением Башкирии и Ирана ахеменидского времени, подтверждается проникновением в Башкирию отдельных предметов, в частности фиал (рис. 11, 12), найденных в верховьях р. Юрюзани и на р. Куганак к северо-западу от Стерлитамака, датируемых V в. до н. э.[12] Тиссагеты в культурном отношении стояли ближе к племенам лесостепной восточной Европы. Тиссагеты поддерживали обмен с северными лесными племенами и с савроматами, получая от последних металлические изделия, оружие, в частности железное.

Рис. 11–12. Фиалы с р. Юрюзани. Собрание Н. И. Булычова

Физический тип савроматов нам недостаточно известен, но при европеоидном типе тиссагетов к середине I тысячелетия до н. э. среди них весьма значительна была уже примесь монголоидных элементов[13].

Пребывание тиссагетов на территории Башкирии засвидетельствовано многочисленными памятниками ананьинской культуры. Наиболее существенные из них: городище Кара-Абыз к северо-западу от г. Благовещенска, Чертово городище близ Уфы (рис. 13), Охлебининское городище близ устья р. Сима, городище у с. Городки на р. Белой, у разъезда Воронки, в 6 км от г. Уфы, и другие.

Упомянутые археологические памятники относятся к так называемой уфимской культуре. Представляя собой местный

[10] *Иессен А. А.* Ранние связи Приуралья с Ираном // Советская археология. 1952. Т. XVI.
[11] *Геродот.* История. IV. 22.
[12] *Булычов Н. И.* Древности из Восточной России. М., 1902. Вып. I.
[13] *Збруева А. В.* Луговской могильник // Тр. / Ин-т этнографии. 1947. Т. II. С. 270.

Рис. 13. Пряжка и стилизованное изображение животного. Погребения на Чертовом городище

вариант ананьинской культуры, они особенно интересны по стилю искусства, близкому к стилю скифского искусства, в качестве пережитка, сохранившегося и в современном башкирском искусстве.

Савроматская (скифская — на юге Башкирии) и ананьинская (тиссагетская — в центре и на севере Башкирии) культуры эпохи раннего железа (VII—IV вв. до н. э.) в результате продвижения на север савроматских племен и ассимиляции ими тиссагетов сменяются так называемой сарматской культурой (IV в. до н. э. — II в. н. э.), получившей широкое распространение в Башкирии.

Сарматская культура непосредственно связана с предшествовавшей ей савроматской. Сарматы, как и савроматы, говорили на языках североиранской группы и по своему происхождению были, по-видимому, связаны со Средней Азией. Они, как и савроматы, были кочевниками-скотоводами, конными воинами, но уклад их жизни был уже иным. Обряд погребения по сравнению с ранним скифским был скромнее.

Оружие, в общем, оставалось тем же, что и у савроматов, но короткие мечи были заменены мечами нового типа, в известной мере изменился и стиль искусства. Теснейшая связь сарматов с Ираном продолжала поддерживаться, что подтверждается находкой различных изделий иранских мастеров. Сарматы подчинили своему влиянию население значительной части Башкирии, и их культура в течение ряда столетий была там господствующей. Памятники сарматской культуры в Чкаловской области и южном Приуралье весьма многочисленны. Особенной известностью пользуются раскопанные на Общем Сырте Прохоровские курганы[14]. Среди курганных могильников, относящихся к данной культуре и расположенных на территории Башкирии, следует отметить курганную группу у с. Киишки Кармаскалинского района, близ г. Уфы, погребения у дер. Нижне-Арметьево Макаровского района (ныне — Ишимбайского. — *Отв. ред.*), случайные находки в дер. Дмитриевке Гафурийского района.

Торговые сношения населения Башкирии с Ираном и в это время подтверждаются находкой в первом Прохоровском кургане серебряных блюд (рис. 14) с надписями арамейским письмом[15], относящихся к рубежу IV—III вв. до н. э., а также железного меча с золотой обкладкой ножен, украшенной филигранной проволокой и эмалью. Импорт с юга этого меча весьма вероятен.

Со II в. до н. э. по V в. н. э. на территорию Башкирии проникают элементы северной лесной, так называемой пьяноборской, культуры, сохраняющей еще традиции предшествующих культур, но отличающейся вооружением и рядом деталей в костюме и украшениях. Наиболее типичные из таких украшений — большие эполетообразные застежки — найдены у дер. Максимовки Бирского района (рис. 15).

[14] *Ростовцев М. И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // Материалы по археологии России. 1918. № 37.

[15] *Коковцов П.* О надписях на серебряных блюдах // Материалы по археологии России. 1918. № 37.

Рис. 14.
Серебряные блюда.
Первый Прохоровский
курган

В это же время на юге Башкирии выдвигается союз аланских племен, который находился в сфере политического влияния могущественного среднеазиатского Хорезмского государства. Китайские источники сообщают о том, что Хорезм собирал дань пушниной с аланских племен Приуралья.

Начиная с IV в. н. э. степями к югу от Урала в Поволжье и западную Башкирию проникает масса кочевых племен. Проникновение это было связано с военными столкновениями различных племен в прикаспийских и причерноморских степях в результате движения через эти степи гуннских орд.

В середине IV в. гунны овладели землей аланов, которые, судя по последним археологическим данным, частично занимали территорию Приуралья вплоть до IX в.

Памятником V—VIII вв. н. э. является Бахмутинский могильник на северо-востоке от г. Уфы, на правом берегу р. Уфы. У хутора В. Чандар обнаружено современное могильнику поселение и городище. Наконец, отметим погребения, раскопанные на участке Медицинского института в центре г. Уфы. Погребальный инвентарь, достаточно обильный, не дает ясного представления об основных занятиях населения центральной Башкирии в данную эпоху, хотя вряд ли можно сомневаться в связях населения, оставившего эти памятники, с севером и в том, что оно было оседлым и занималось земледелием и скотоводством.

По культурному облику памятники эти имеют много общего с памятниками сармато-аланов, хотя среди украшений имеются предметы явно северного лесного происхождения. Обращают на себя внимание отдельные могилы с богатым погребальным инвентарем, в частности женское погребение на участке Медицинского института в г. Уфе, с большим ко-

Рис 15. Эполетообразные застежки. Бирский район

Рис. 16. Серебряная чаша. Уфимский клад

Рис. 17. Сасанидское серебряное блюдо. Уфимский клад

личеством золотых ювелирных импортных изделий, весьма возможно из северного Предкавказья, население степей которого в это время было связано с населением южного Приуралья.

О связях населения Приуралья с VI–VII вв. н. э. с Передней Азией свидетельствует находка в г. Уфе в 1941 г. двух серебряных сосудов и медного сосуда с крышкой[16]. Серебряная с позолотой чаша на наружной поверхности имеет рельефное изображение орла с джейраном в лапах (рис. 16). Мотив орла, несущего джейрана, хорошо известен в персидской торевтике сасанидского времени. Серебряное с позолотой блюдо внутри украшено рельефным изображением царской охоты: сасанидский царь на скачущем коне стреляет из лука в диких коз (рис. 17).

К этому времени относятся и памятники собственно аланских племен, среди которых особенно интересен могильник у дер. Левашовки близ Стерлитамака, относящийся к VII–IX вв.[17] и исследованный А. Х. Михайловым. В этом богатом могильнике культура аланского облика представлена весьма ярко как личным и конским убранством, так и вооружением. Весьма богат набор типичных серебряных поясных пряжек и других украшений, характерны бронзовые бубенчики и золотые серьги. Очень оригинальны серебряные с ромбическим вырезом пластинки, которыми были закрыты глаза покойников. Типичны кольчатые железные удила с железными же прямыми псалиями и стремена, а также боевые секиры и сабли (рис. 18–21). Уникальна находка серебряной чарки с ручкой (рис. 22), покрытой снаружи прорезным с чеканкой орнаментом. Орнамент этот, как и на остальных украшениях, хотя в основе своей и растительный (лотосовидный), но содержит элементы, которые можно рассматривать как стилизованные изображения животных.

В точности такие же серебряные чарки, но с иным орнаментом, опубликованные Я. И. Смирновым[18], были найдены на правом берегу р. Камы в б. Вятской губернии.

Среди массы типично аланских вещей в Левашовском могильнике встречаются бронзовые (коньковые) подвески с утиными лапками – украшения местного, прикамского производства.

Находки в погребениях костей лошадей и крупного рогатого скота позволяют предположить, что население, оставившее после себя Левашовский могильник, было полукочевым.

Среди предметов женского украшения найдено пять серебряных арабских дирхемов с дырочками для подвешивания. Время чеканки этих дирхемов – с 94 (712) г. хиджры по 154 (770–771) г. Два из этих дирхемов биты в Багдаде, два – в Васите и один – в Кермане. В богатом захоронении воина найден золотой динар 87 (705–706) г. хиджры. Эти монеты (рис. 23, 24) датируют могильник VIII–IX вв.

[16] *Вощинина А. И.* О связях Приуралья с Востоком в VI–VII вв. н. э.: Уфимский клад, найденный в 1941 г. // Советская археология. 1953. Т. XVII. С. 183–196.

[17] *Ищериков П. Ф.* Аланский могильник близ г. Стерлитамака // Краткие сообщ. ИИМК АН СССР. 1952. Вып. XLVII.

[18] *Смирнов Я. И.* Восточное серебро. СПб., 1909. Табл. XVII. Рис. 116, 117.

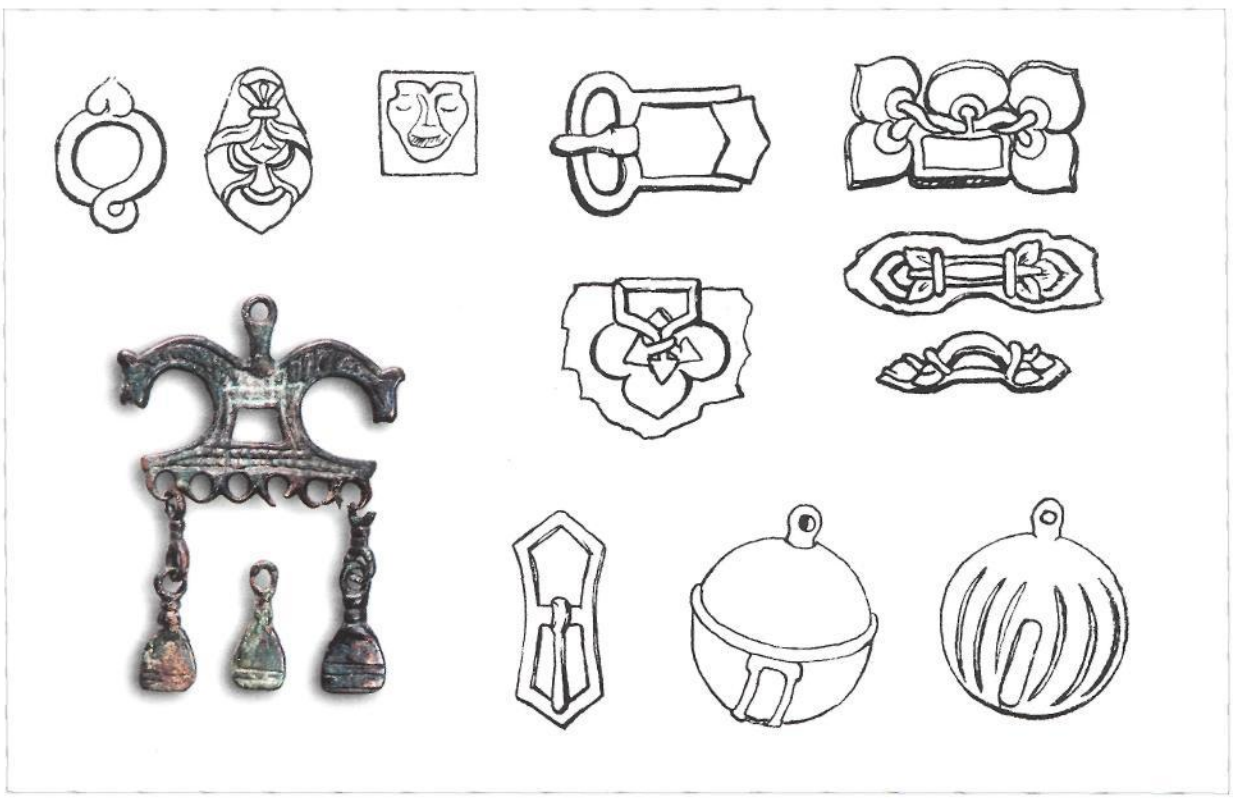


Рис. 18. Пряжки и украшения. Левашовский могильник

Инвентарь Левашовского могильника имеет много общего с инвентарем известных салтовских катакомбных погребений на р. Донце, хотя захоронения в Левашовке не катакомбные, а в грунтовых ямах. Иного типа глиняная посуда и физический тип населения, оставившего этот памятник.

Не подлежит никакому сомнению, что могильник у Левашовки принадлежал одному из обосновавшихся в Башкирии аланских племен. Большое число вещей аланского типа, находимых в разных местах Башкирии, свидетельствует о том, что в эпоху VII—IX вв. н. э. племена, населявшие Башкирию, если и не были подчинены хазарам, то находились в тесном с ними товарообмене.

По данным письменных источников, с IX в. степями между Уралом и Каспием из Азии в Европу проходили печенеги, торки и половцы. В IX в. печенеги кочевали между Уралом и Волгой. Во второй половине IX в. их вытеснили с этой территории продвигающиеся с востока торки.

Группа курганов IX в. была раскопана на территории Башкирии к северу от г. Верхнеуральска, у с. Кизникей. В курганах были погребены воины, оде-

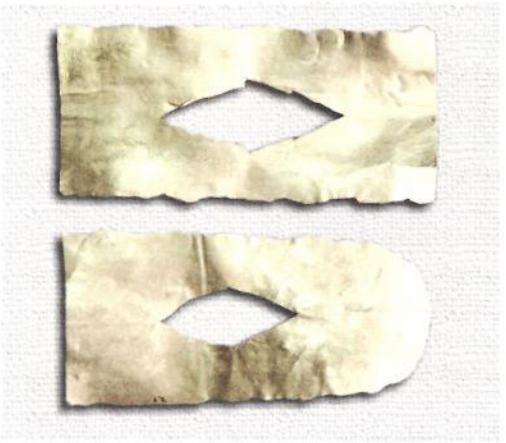


Рис. 19. Серебряные наглазники. Левашовский могильник

Рис. 20. Золотая серьга. Левашовский могильник

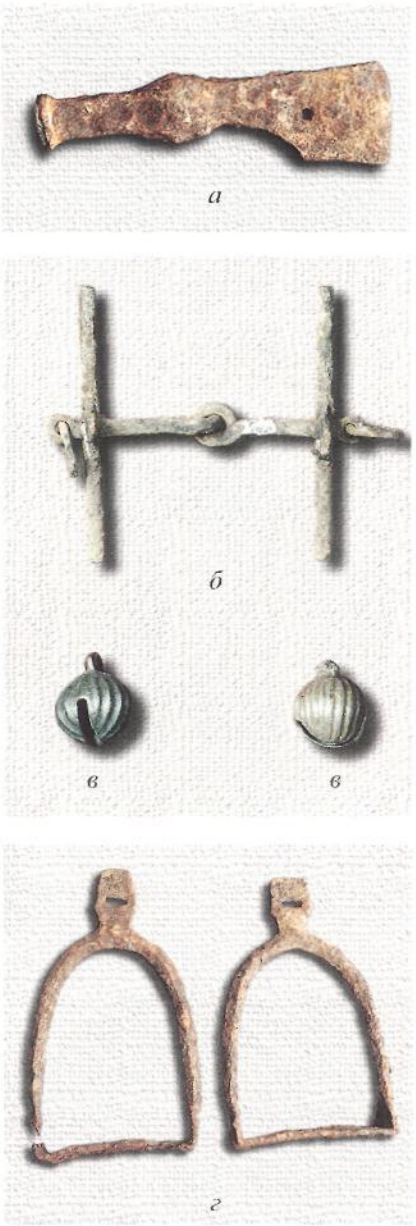


Рис. 21. Боевая секира (*а*), удила (*б*), бубенчики (*в*) и стремена (*г*). Левашовский могильник

тые в кольчуги и шлемы. Узды их коней были украшены серебряными пряжками[19]. Погребения торков (впускные) были находимы также при раскопках ряда более древних курганов.

В конце VII—VIII в. часть тюрок булгар, обитавшая в степях по северо-восточному побережью Азовского моря, под давлением хазар двинулась на Волгу и положила там в районе устья р. Камы начало Булгарского государства. Покорив местное население, булгары включили в состав своих княжеств разнородные оседлые и кочевые племена, в том числе северные группы приуральских сармато-аланов. К X в. булгарские княжества объединились в единое государство. Население Булгарии еще в начале X в. приняло ислам и до известной меры приобщилось к арабской культуре, появилась письменность. Территория этого государства распространилась и на нижнее течение р. Белой, следовательно, на западные районы Башкирии. К этому же времени (X в.) относятся и первые исторические сведения о башкирах как самостоятельной народности.

Ибн-Фадлан сообщал, что после того, как он со спутниками переехал через реку Ка(н)джалу, они «прибыли в страну народа турок, называемого аль-Башгирд»[20]. Другой арабский писатель, путешественник Абу Заид аль-Балхи (посетивший Булгарию и Башкирию в первой половине X в.), в «Книге видов земли» писал: «От внутренних башджаров до Булгарии 25 дней пути... Башджары разделяются на два племени, одно племя живет на самой границе Гузии (страны куман) близ булгар. Говорят, что оно состоит из 2000 человек, которые так хорошо защищены своими лесами, что никто не может покорить их. Они подвластны булгарам. Другие же башджары граничат с печенегами. Они и печенеги — тюрки»[21].

Занятиями башкир, издревле обитавших в основном на территории современной Башкирии, были охота, рыбная ловля, бортничество, скотоводство и в известной мере земледелие.

Подвластные булгарам западные башкиры платили им дань, состоявшую из мехов, воска и меда. Звонкой монеты у булгар не было, и ее заменяли куньи меха, которые и в дальнейшем в течение многих столетий оставались основным мерилом выплачиваемого башкирами ясака. Дань взималась и лошадьми. По сообщению Ибн-Рустэ (около 912 г.), каждый, кто из подданных булгарскому хану женился, должен был давать по верховой лошади.

Следующей за торками волной кочевых племен были половцы, которые уже в X в. жили к востоку от р. Урала. В XI в. они вытеснили торков из приуральских и волжских степей в степи южные, за Дон.

В этот домонгольский период население Башкирии, как и в более ранние времена, имело торговые связи с рядом соседних и удаленных от них народов. Торговля производилась главным образом через рынок волжских булгар, который

[19] *Сальников К. В.* Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952. С. 138.
[20] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Под ред. *И. Ю. Крачковского.* М.; Л., 1939. С. 66.
[21] *Абу Заид аль-Балхи.* Книга видов земли // BGA. T. I. Leiden, 1870. С. 123.

связывал восточную Европу с Азией. Торговали башкиры и с русскими купцами, которые имели значительный удельный вес на булгарском рынке, и с Передней Азией, о чем упоминает и Ибн-Фадлан.

В 1229 г. татаро-монголы покорили Булгарское ханство и вместе с ним входящую в его состав юго-западную часть Башкирии. Вслед за этим, в 1236 г., была завоевана вся Башкирия, которая вошла в состав образовавшейся в Поволжье так называемой Золотой Орды. Башкиры были обложены ясаком, состоящим из дорогих мехов[22]. Возможно, что с башкир, подобно другим подвластным Золотой Орде народам, взималась дань и в размере одной десятой от их стад[23].

Интересуясь лишь поборами с подвластных народов, золотоордынские правители, не разрушая башкирских общин, привлекали на свою сторону феодализирующуюся верхушку и использовали родовые пережитки для усиления поборов и повинностей с трудовых башкир.

В середине XIV в. обострилась борьба покоренных Золотой Ордой народов за свое освобождение от власти завоевателей. Особое значение для ослабления политического могущества Золотой Орды имела борьба русского народа с татаро-монголами. Победа на Куликовом поле, одержанная русским народом под предводительством великого князя московского Дмитрия Донского 8 сентября 1380 г. над ордами темника Мамая, имела исключительно важное историческое значение. Поражение татар оказалось настолько сокрушительным для могущества Золотой Орды, что после этого она уже не могла оправиться, ибо после Куликовской битвы покоренные татаро-монголами народы увидели возможность освободиться от их ига. В конце XIV в. против золотоордынского хана Тохтамыша предпринял поход среднеазиатский эмир Тимур.

В 1391 г. через территорию Башкирии прошли все опустошающие на своем пути враждебные армии. Знаменитое сражение между ними произошло в долине р. Кундурчи, притока р. Черемшана, и закончилось полным разгромом татаро-монголов[24]. Последнее вызвало политический кризис Золотой Орды, закончившийся ее распадом.

В это время на юго-востоке золотоордынского ханства обособился союз кочевых племен, из которого в начале XV в. образовалась Ногайская Орда, кочевавшая между средним и нижним течением Волги на западе и р. Яиком (Уралом) на востоке. Вследствие того, что еще в первой половине XIV в. в южной Башкирии преобладание получили некоторые из мангытских (ногайских) мурз, значительная часть Башкирии подчинилась Ногайской Орде. Только зауральские и самые западные районы Башкирии (по рекам Ику, Мензеле и Бую) признали свою зависимость — первые от Сибирского ханства, вторые — от Казанского.

Рис. 22. Серебряная чарка. Левашовский могильник

а *б*

Рис. 23. Серебряные дирхемы, битые в Васите (*а*) и в Багдаде (*б*). Левашовский могильник

Рис. 24. Золотой динар. Левашовский могильник

[22] *Рычков П. И.* Топография оренбургская, то-есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. СПб., 1762. Ч. 1–2; *Плано-Карпини И.* История монгалов / В переводе с примеч. *А. И. Малеина*. СПб., 1911. С. 33–34.

[23] *Абдул-Гази.* Родословное дерево тюрков. Казань, 1906. С. 67.

[24] *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 360.

Башкирия была расчленена. Общенародные собрания (*йыйын*) родовых старшин, биев, на которых до того решались наиболее важные вопросы, потеряли прежнее значение вследствие усиления родовой аристократии, а также ногайских и татарских мурз.

Для освещения политической истории башкирского народа в данный период имеются только скудные известия татаро-башкирских хроник.

Трудовые массы башкир в это время эксплуатировались не только своими биями, но и ногайскими мурзами. Об угнетении и грабежах башкирского народа ногайцами можно судить по сообщению башкира Кидряса Муллакаева П. И. Рычкову[25].

В сообщении говорится, что ногайский хан Акназар, проживавший в Уфе, «как скот и пожитки, так и детей их (башкир. — *С. Р.*) к себе отбирал и землями владеть... не допускал». Башкиры «принуждены были давать ему ясак с каждого человека по лисице, по бобру и по кунице, от чего наконец пришли они в самое крайнее истощение и убожество»[26]. Также грабили башкир сибирские и казанские ханы, «которые их еще в большее разорение привели и несносными податьми обложили»[27]. Страна пришла в экономический упадок. Ногайские башкиры «от своих владельцев, — пишет П. И. Рычков, — были разграблены и пропитание свое имели с крайней нуждою от ловли зверей и рыбы»[28].

В это же время в ногайской части Башкирии происходила большая усобица между ногайскими мурзами и башкирскими старшинами, стремившимися освободиться от чужеземного господства.

В башкирском фольклоре и родословиях (*шәжәрә*) сохранились отзвуки выступлений башкирского народа против своих угнетателей, но освободиться своими силами башкиры не могли. Единственным правильным и практически себя оправдавшим выходом из чрезвычайно тяжелого положения, в котором находились башкиры под властью татаро-монголов, было присоединение к укреплявшемуся тогда Московскому государству. Однако отсутствие объединяющей всех башкир организации и раздробленность племен не позволяли им присоединиться к Московскому государству одновременно.

В 1552 г., после разгрома Казанского ханства Иваном IV Грозным, было отправлено в Москву посольство с предложением подданства от башкир минских аймаков. Присоединение минцев сопровождалось острой борьбой с ногайскими мурзами и той частью башкирских старшин, которая находилась под влиянием ногайских мурз.

Второе посольство, от усерган, кипчаков, бурзян и тамьянцев, было в конце 1556 или в начале 1557 г., т. е. зимой. По свидетельству башкирских *шәжәрә*, оба посольства добирались до Москвы на лыжах. Они были приняты и обложены ясаком, как и минцы. Одновременно были подтверждены права башкир на владение теми землями, которые остались после ухода значительной части ногайцев с территории Башкирии за Яик, на Кубань.

После 1557 г. лишь небольшая восточная и северо-восточная части Башкирии оставались подвластными Сибирскому ханству. Эти части подчинились Москве в конце XVI, в начале XVII в., после того как пало и Сибирское ханство (1598 г.).

Присоединение башкир к Московскому государству, продиктованное насущными их экономическими интересами, было выгодно и политически, так как баш-

[25] *Рычков П. И.* Топография оренбургская, то-есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. СПб., 1762. Ч. 1. С. 58.

[26] *Рычков П. И.* История оренбургская (1730–1750) / Оренбургский Губериский Стат. Комитет. Оренбург, 1896. С. 69.

[27] *Рычков П. И.* Топография оренбургская, то-есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. СПб., 1762. Ч. 1. С. 38.

[28] Там же.

киры получали со стороны сильного Русского государства защиту от нападения соседних кочевых племен.

С другой стороны, царское правительство, приняв в подданство башкир, помимо взимания ясака, получало возможность использования новых подданных для обороны юго-восточных границ государства, а в случае надобности и для участия в длительных походах. Ясак взимался натурой — мехами и медом. Принималась главным образом куница (ценой по 40 коп.), но брали и другие меха, лисьи (по 75 коп.) и бобровые (по 1 руб. 50 коп.). Батман меду ценился 1 руб. В общем, ясак, которым были обложены башкиры, по выражению П. И. Рычкова, был «гораздо меньше и с лучшим учреждением» по сравнению с размером и порядком ясака, взимавшегося с башкир до русского подданства[29].

Оборона юго-восточных границ Башкирии в основном была возложена на тарханов — башкир, не обложенных ясаком.

Процесс объединения башкирского народа начался давно, задолго до монгольского завоевания, но по ряду причин затянулся, в частности вследствие того, что башкирские племена были разделены между различными государственными образованиями. Присоединение к Русскому государству позволило им объединиться в рамках этого государства. Окрепли и торговые связи башкир. Они продавали скот, кожи, меха пушных зверей, мед, воск, хмель. Тесное общение с поволжскими племенами и народами, с более развитым и передовым в культурном отношении русским народом было весьма плодотворным для хозяйственного и культурного развития башкир.

Эта прогрессивная роль русских в развитии народов Востока была отмечена Ф. Энгельсом, который в своем письме к Марксу писал, что «господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»[30].

После присоединения в середине XVI в. основной части Башкирии России, чтобы утвердиться в этом новом крае, потребовалось продолжительное время. Надо было построить города и крепости на важных стратегически и выгодных рубежах, заселить край русскими служилыми людьми. В первую очередь в центре края, там, где раньше были ставки главных ногайских ханов, надо было построить крепость (Уфу).

Башкиры еще в 1573 г. обратились к русскому правительству с просьбой построить на их земле город. Постройка крепости Уфы началась в 1574 г. и производилась в обстановке острой борьбы с ногайскими ханами и сибирскими царевичами — кучумовичами. В 1586 г. Уфа превращается в город и становится центром сбора ясака, а затем и административным центром. В дальнейшем в крае строятся крепости и города: Бирск, Мензелинск, Челябинск, Табынск, Стерлитамак, Оренбург и др. С постройкой городов началась систематическая земледельческая колонизация края служилыми людьми (стрельцы, пушкари, боярские дети, подьячие и др.), которые за службу царю получали ближайшие к городам «пустопорожние» земли. Сюда же, в Башкирию, устремились выходцы из побежденного русскими Казанского царства: татары, мишари, чуваши, марийцы и другие народности. Эта колонизация, начавшаяся со второй половины XVI в., не прекращалась до начала XX в. Естественно, что она внесла много нового в материальную и духовную культуру башкирского народа. Был нанесен удар кочевому землевладению, задерживавшему развитие хозяйства, удар неограниченной власти верхов башкирского общества, но в то же время открылись возможности для царских чиновников и наиболее предприимчивых колонизаторов большой эксплуатации в связи с обезземелением коренного населения.

[29] *Рычков П. И.* Топография оренбургская, то-есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. СПб., 1762. Ч. 1. С. 35.

[30] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 1929. Т. XXI. С. 211.

В составе Русского государства Башкирия управлялась приказами Казанского дворца и находившимися в Уфе русскими воеводами. В административном отношении она была разделена на четыре области (дороги): центральная и южная часть Башкирии составляли Ногайскую дорогу; западная часть — Казанскую; горная часть и земли, лежавшие к востоку и северо-востоку, — Сибирскую дорогу; четвертая, Осинская, дорога тянулась узкой полосой в северной части Башкирии.

Процесс разложения первобытно-общинного строя у башкир начался, о чем подробно речь будет ниже, еще задолго до присоединения к России, когда из основной массы населения выделялись родовые старшины — бии. Наиболее богатые из них владели большими стадами крупного рогатого скота и овец, держали от 500 до 2000 голов лошадей, а выделявшийся в первой четверти XVIII в. своим влиянием батыр Алдар имел одних только лошадей до 8000 голов. Старшины, стоявшие во главе родовых объединений, впоследствии волостей, сохранили свое привилегированное положение и после присоединения к России.

В течение XVI в. и до 30-х годов XVIII в. царское правительство активно не вмешивалось в детали внутренней жизни башкир. Все распоряжения проводились через старшин. За исправность сбора ясака перед русскими начальниками отвечали старшины. Старшины стремились к большей самостоятельности и эксплуатации трудовых слоев башкирского народа, а в набегах на соседей видели возможность иметь некоторые дополнительные экономические ресурсы. Усиление колониального и национального гнета, злоупотребления местной администрации вызывали большое недовольство политикой царизма в широких массах населения. Этим пользовалась реакционная часть башкирских старшин, активно выступая против правительства, поднимая восстания.

Поводы для башкирских восстаний всякий раз бывали различны, но проводились они всегда под лозунгом защиты общенародных прав. Этими лозунгами пользовались реакционные старшины, не мирившиеся с новой ролью слуг государя и старавшиеся восстановить свое былое значение.

В 60-х годах XVII в. вследствие войны с Польшей и Крымом потребовалось исключительное напряжение платежных сил населения. Это напряжение усиливали царские чиновники, стремившиеся к личному обогащению. Усиление фискального гнета, тяжело отражавшееся на рядовых башкирах, затрагивало и интересы старшин. В 1662—1664 гг. вспыхнуло восстание, сопровождавшееся набегами на русское население. Старшины рассчитывали на помощь калмыцких тайш и сибирских царевичей. Последние оказались бессильными в борьбе с окрепшим Московским государством. Вооруженное восстание, между тем, разоряло хозяйство рядовых общинников, они отказались от поддержки движения, возглавляемого старшинами, и принесли повинную.

Следующее значительное по размерам восстание башкир при участии калмыков было в 1681—1683 гг. в связи с продолжающимся систематическим захватом башкирских земель. Поражение, понесенное в мае 1682 г., и измена весной 1683 г. калмыков, перешедших на сторону Москвы, ослабили восстание, и оно постепенно затихло.

В начале XVIII в. войны, которые велись Петром I, и вызванные ими возросшие налоги усилили крепостную эксплуатацию крестьянства и угнетение нерусских народов, в том числе и башкир. Поводом к восстанию 1705—1711 гг. была попытка прибыльщиков собрать в Башкирии новые налоги по 72 новоприбытным статьям и требование, подкрепленное правительственными войсками, о поставке 600 подвод, 5000 коней и 1000 человек. Восстание продолжалось несколько лет и прекратилось только после длительной неравной борьбы, после нападения на башкир, по заключенному с правительством договору, калмыцкого хана и перехода части руководивших восстанием старшин на сторону царских войск. Но и после этого отдельные волнения продолжались.

В конце первой четверти XVIII в. еще более усилилась колониальная политика царизма. В Башкирии, на Урале, началось строительство горных заводов, в связи с чем башкиры были ограничены в правах владения лесами. Им было запрещено рубить заповедные леса. В 1732 г. снова вспыхнуло восстание. Башкирские старшины Ногайской дороги приняли решение оказать сопротивление в передаче лесов правительству.

В 1735—1736 гг. восстание распространилось на Казанскую и Сибирскую дороги, но среди старшин не было единства. Одни из них руководили и участвовали в восстании, а другие остались «верными» правительству.

К этому времени состав населения Башкирии существенно изменился за счет новых «прибылых» элементов: татар, мишарей, мари и других народностей. Эти народности были на стороне правительства, что значительно ослабило восстание, и оно было подавлено в 1739 г. при участии привлеченных правительством казахских султанов.

Царским указом от 11 февраля 1736 г. были введены значительные изменения в административное управление Башкирии. Вместо пожизненных старшин последние избирались только на один год и действовали притом под контролем местной администрации. Прежние волости, образовавшиеся на племенной или родовой основе, заменялись теперь новыми, возникшими на территориальной основе, однако превращение их в территориальные закончилось только после кантонной реформы 1798 г. Административно Башкирия стала частью России — Уфимской провинцией, управляющейся воеводами. Издревле установившийся порядок местного управления еще сохранился, но с подчинением старшин царской администрации. Раньше охранную службу несли главным образом тарханы, с середины же XVIII в. к ней было привлечено все ясачное население, которое должно было с ранней весны до глубокой осени поставлять по одному человеку от восьми дворов — «каждый о двух конь». К этому же времени на башкир распространилась обременительная повинность, связанная с содержанием почтовых станов, или ямов. Всеобщее недовольство было вызвано указом 1754 г., запрещавшим прежнюю свободную добычу соли из местных соляных месторождений и заменявшим ее обязательной покупкой соли из казны по 35 коп. за пуд, хотя указ в то же время снимал ясак.

Рис. 25. Печать старшины Чубиль-Минской волости Ногайской дороги

Строительство заводов, сопровождавшееся насильственным отчуждением башкирских земель, злоупотребления местной администрации и «выборных» башкирских старшин, тяжесть разнообразных повинностей вызывали естественное недовольство башкирского народа, но в то же время свою положительную роль сыграло общение с трудовыми массами русского народа.

К концу третьей четверти XVIII в., с усилением крепостнического гнета в России, в частности на Урале и в Поволжье, в Башкирии создалась напряженная обстановка. В 1755—1756 гг. вновь вспыхнуло восстание. В нем проявилась уже другая классовая расстановка сил по сравнению с более ранними восстаниями. Крупные башкирские старши-

ны не принимали в нем участия. Движение было направлено не только против царской администрации, но и против собственных старшин. Восставшие боролись за свои политические права. Эта новая черта особенно ярко проявилась во время крестьянской войны 1773—1774 гг. под предводительством Емельяна Пугачева, к которой примкнули и башкиры.

В своих воззваниях Пугачев призывал изнуренный башкирский народ «служить ему, как прежде деды и отцы его предкам государя. Отныне я вас жалую, — писал он, — землями, водами, лесами, рыбными ловлями, жилищами, покосами... верою и законом вашим, телом, пропитанием, рубашками, жалованьем, свинцом, порохом, провиантом, словом всем тем, что вы желаете во всю жизнь вашу. И будьте подобны степным зверям» (т. е. свободными)[31]. Манифесты Пугачева нашли отклик у башкир, и они поддержали начавшееся движение. К началу декабря 1773 г. уже вся Башкирия была охвачена восстанием.

Крестьянская война 1773—1774 гг. была борьбой угнетенных классов Российской империи против феодального крепостнического государства, и, хотя руководящая роль в этой войне принадлежала казачеству и русскому крестьянству, она была поддержана трудовыми слоями местного населения — башкир, татар, чувашей и других народов.

Особенностью этого восстания было выступление трудовых масс башкирского народа совместно с русским крестьянством против феодально-крепостнического гнета. Продолжительное совместное пребывание с русским крестьянством показало башкирам, что у них нет никаких оснований для вражды с крестьянами и что общим их врагом был царизм, который одинаково угнетал и русских крестьян, и башкир.

Вождем башкир в этом восстании был Салават Юлаев, возглавивший движение в самом начале и оставшийся верным ему до конца. Салават и его отец Юлай, обращаясь к русским крестьянам и башкирам-общинникам, подчеркивали необходимость тесного объединения для совместной борьбы против своих поработителей. Так, в своем обращении в сентябре 1774 г. Салават Юлаев писал: «Против русских в сердцах у нас нет злобы. Нам, башкирам, и русским не следует вести споры и разорять друг друга»[32].

Крупная историческая роль Салавата Юлаева в крестьянской войне 1773—1774 гг. заключалась в том, что он сумел возглавить башкирские массы и повести их по правильному пути вооруженной борьбы угнетенных с поработителями. Он понял необходимость совместной с русским народом борьбы против царизма и активно участвовал в этой борьбе башкирских народных масс.

«Крестьянская война и вызванное ею народно-освободительное движение в Башкирии окончились поражением. Слабостью движения явилось то, что основу его составляли неорганизованные крестьянские массы. Движение носило стихийный и локальный характер. Армия повстанцев, хотя и была многочисленной, не имела прочной и крепкой организации и не была способна на длительную борьбу. Самое главное — отсутствовал тогда рабочий класс, который мог бы возглавить крестьянское движение и народно-освободительную борьбу угнетенных народов и привести их к победе»[33].

«Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, — говорил И. В. Сталин, — если они сочетаются с рабочими восстаниями... Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели.

...Кроме того, говоря о Разине и Пугачеве, никогда не надо забывать, что они были царистами: они выступали против помещиков, но за "хорошего царя". Ведь таков был их лозунг»[34].

---

[31] *Салават Юлаев. К 200-летию со дня рождения.* Уфа, 1952. С. 12.
[32] РГАДА. Канцелярия Оренбургского губернатора Рейсдорпа. Кн. 11. С. 320.
[33] *Салават Юлаев. К 200-летию со дня рождения.* Уфа, 1952. С. 28.
[34] *Сталин И. В.* Сочинения. М., 1948. Т. 13. С. 112, 113.

Сказанное И. В. Сталиным полностью объясняет причины поражения крестьянского восстания 1773—1774 гг. и примкнувшего к нему башкирского восстания под предводительством Салавата Юлаева. Но неизбежная неудача крестьянской войны 1773—1774 гг. и ее составной части башкирского восстания, как мы знаем, не умаляет их прогрессивного значения. После подавления восстания, опасаясь повторения крестьянской войны, царское правительство произвело децентрализацию управления страной, разделив ее на губернии и наместничества. Последние в свою очередь делились на уезды, которые управлялись капитан-исправниками. В декабре 1781 г. было учреждено Уфимское наместничество, состоящее из двух областей: Уфимской и Оренбургской. Уфимское наместничество в 1797 г. было преобразовано в Оренбургскую губернию с центром в Оренбурге. В 1788 г. в Уфе правительством было учреждено мусульманское духовное управление, которому, под контролем администрации, были подведомственны вопросы религии, оформление брака и развода, регистрация рождения и смерти. С 1798 по 1824 г. производилось генеральное размежевание башкирских земель.

Самой крупной реформой был перевод башкир в военное сословие. Как уже упоминалось, в 60-х годах XVIII в. башкиры, неся охранную службу восточных границ, были обязаны иметь собственное вооружение и снаряжение, боевого коня и продовольствие. Жалования они не получали, это считалось их службой, за которую они освобождались от платежа ясака. С 1790 г. башкиры начали получать казенное продовольствие во время линейной службы. С 1797 г. выдача продовольствия была заменена денежным жалованьем по рублю на человека в месяц. В 1798 г. издается указ, по которому в Башкирии вводится кантонная система управления, превращавшая народы Башкирии в военное сословие, хотя и до этого башкиры неоднократно принимали активное участие в защите Русского государства. Во время польской и шведской интервенции в начале XVII в. башкирская конница сражалась в ополчении Минина и Пожарского за освобождение Москвы. Она принимала участие в Азовских походах Петра I, в Северной войне со шведами, в Семилетней войне с Пруссией (1756—1763).

С введением кантонной системы управления из башкир было сформировано нерегулярное войско, разделенное на 12 кантонов, которые в свою очередь делились на команды. Войско состояло под начальством командира отдельного Оренбургского корпуса. Управляли кантонами кантонные начальники, утверждавшиеся в своей должности оренбургским военным губернатором. Башкиры принимали участие в Отечественной войне 1812 г.; башкирская конница участвовала также в войне с Турцией 1828—1829 гг. В 1853—1854 гг. башкиры принимали участие в Крымской войне, и для обороны Севастополя было выставлено 4 полка. Организация башкирского войска, разделенного на 9 попечительств (округов), была упразднена в 1855 г.

Однако военной службой не ограничивались повинности башкир. Они несли этапную службу, почтовую гоньбу, платили налог в фонд обеспечения продовольствием в неурожайные годы. Продолжавшееся и в период кантонного управления отчуждение башкирских земель, длительное отсутствие мужчин, занятых на военной службе, равно как и упомянутые выше повинности, неблагоприятно отразились на хозяйстве основной массы башкир: значительно сократилось поголовье скота, особенно лошадей.

Наряду с этим пребывание на военной службе вместе с русскими, переселение на башкирские земли русских крестьян, совместная работа на заводах во многом способствовали повышению материальной и духовной культуры башкирского народа. Русские крестьяне передали им свой земледельческий опыт, свои бытовые навыки. В целях создания административных кадров для детей башкирской служилой знати были открыты школы на русском языке.

Крестьянская реформа 1861 г. внесла изменение и в положение башкир. В 1865 г. кантонная система была отменена, башкиры были переведены в подат-

ное сословие, приравнивались к сельским жителям и были подчинены общим губернским и уездным учреждениям. Из Оренбургской губернии были образованы две губернии — Оренбургская и Уфимская.

В пореформенный период наряду с земледелием и скотоводством среди башкир некоторое развитие получила местная промышленность: рогожное, лычное, колесное, смолодегтярное и другие производства. Расширилась торговля. Помимо скота, башкиры продавали пуховые шали из козьего пуха, грубое сукно (*тула*), дешевые ковры (*балаç*), мед, воск и т. п.

С развитием капитализма в России и с проникновением его в сельское хозяйство расхищение башкирских земель в результате разрешенных царским правительством после реформы 1861 г. изъятий, покупок и аренд приняло небывалые размеры, что не могло не отразиться на основном занятии башкир — сельском хозяйстве.

Вплоть до Октябрьской революции в башкирском земледелии местами все еще преобладало бессистемное неурегулированное землепользование и полеводство базировалось на чрезвычайно отсталой технике. В своем экономическом и культурном развитии Башкирия значительно отставала от прочих, особенно центральных, губерний России. Только после победы Великой Октябрьской социалистической революции перед башкирским народом открылись широкие возможности для национального объединения, экономического и культурного развития.

Глава III

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ПЛЕМЕННЫЕ И РОДОВЫЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ

Первобытно-общинный строй, характерный для племен, населявших территорию Башкирии, начал разлагаться уже давно, задолго до сложения башкирского народа. По обилию или отсутствию погребального инвентаря в могилах ананьинской эпохи (у тиссагетов) вполне определенно выделяются могилы богатого и бедного слоя населения. Еще ярче это имущественное неравенство прослеживается у степных скифских, а затем и у сарматских племен. Отсюда вполне естественно предполагать, что и у башкир с момента появления их на исторической сцене не могло быть общинно-родового строя, не осложненного классовыми противоречиями и уже наметившимся классовым расслоением их общества.

С момента присоединения башкир к Русскому государству все их земли им более не принадлежали. Великий государь считал себя собственником всех земель. Московская власть давала земли кому хотела и на условиях, какие признавала нужными, не спрашивая на то согласия прежних обладателей. Последние на владение землей получали царские грамоты, обращались к государям с челобитными об охране их прав на пожалованные им земли и угодия и получали «оберегательные памяти». Что это было действительно так, подтверждается многочисленными грамотами, закрепляющими за отдельными родами их земли[35]. Все земли были разделены между башкирскими родами еще в XVII в.

В «Изъяснении» И. К. Кирилова (1735 г.) о территориальном и внутриродовом разделении башкир сообщалось, что «земли и угодьи между (башкирскими. — *С. Р.*) родами все разделены... никакой земли и угодей нет, кои бы свободны лежали»[36].

Земли, принадлежавшие данному роду, считались его собственностью, позднее, после выделения из данного рода его подразделений — аймаков или тюб, родовые земли были закреплены за этими последними. Во главе родовых организаций, сообща владевших определенными территориями, стояли старейшины (*akhakалдар*), позднее — старшины, которые в отдельных случаях распоряжались

[35] См., например: *Новиков В. А.* Сборник материалов для истории уфимского дворянства. Уфа, 1879. С. 204—206.

[36] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. / Сост. *Н. Ф. Демидова*; Под ред. *Н. В. Устюгова*. М.; Л., 1949. С. 493.

общинной землей единолично, узурпируя права своих сородичей. Родовые земли в известной части были закреплены за родственно связанными между собой группами семей или за отдельными семьями, которые владели своими жеребьями или повытьями.

Однако распределение земель внутри данной родовой группы, особенно в лесных земледельческих районах, было довольно неодинаковым. Часть земель оставалась в общем пользовании, часть находилась в индивидуальном пользовании отдельных хозяйств.

При сдаче в оброк общинной земли записи производились старшинами с товарищами («с товарыщи») или группой доверенных лиц «с мирского совету». Припуск в свою вотчину обычно совершался группой башкир с товарищами, отдельными лицами в свои повытья, иногда «с родственниками», «с семьей», «с братьями», «с сыном»[37].

Уравненные с остальными башкирами в правах на владение землей башкирские князья, как и башкирские старшины, наравне со своими сородичами оформляли акты на владение общей землей. Так, например, имеется запись от 1719 г. башкира Ногайской дороги Кумрук-Табынской волости князя Иткуста Исенева с товарищами родственникам своим, башкирам Сибирской дороги Айлинской волости, Чичкану Аккышеву с братом о припуске их в свою вотчину по р. Белой[38].

В упоминавшемся уже выше «Изъяснении» И. К. Кирилова (1735 г.) говорится: «Настоящия башкирцы на двое разделяютца: первыя служилыя тарханы, кои никакого ясаку не плачивали и не платят, но служили службу, вторыя ясашныя плательщики; ясашные також де разность имеют в платеже ясаку — одни лисей оклад, другие купичной, да за бобровые гоны — бобры, за бортное ухожье — мед, однако же не натурою, но все деньгами установичными ценами по старому обыкновению»[39].

Таким образом, в XVII и XVIII вв. башкирское общество разделялось на два сословия — служилых людей и ясашных.

Тарханами числились те из башкир, которые обязаны были нести военную службу и за это освобождались от уплаты ясака. Тарханы, по существу, не принадлежали к «служилым людям», а занимали промежуточное положение между служилыми людьми и ясашными, или тяглыми.

В разрядных книгах они записывались в числе «служилых инородцев», но не получали за службу определенного корма, а имели перед ясашными башкирами, как указано выше, то преимущество, что, живя на одних и тех же с ясашными землях, не платили ясака.

Из грамот, опубликованных В. В. Вельяминовым-Зерновым в его труде «Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями», следует прежде всего, что не все тарханы были на одном и том же положении; огромное большинство тарханов, как сказано выше, было освобождено от уплаты ясака за личные военные заслуги или за заслуги их предков. В указах о тарханстве, в том числе башкирам из князей, очень часто упоминается, что оно дается потомкам за службу их дедов и отцов в Крымском, Азовском или Свевском походах. В тарханскую службу по особым челобитиям записывались малолетние дети умерших тарханов после того, как они к «службе поспели». При записи в именные тарханные списки потомков тарханов обычно выяснялось, платят ли они ясак или нет. В одних случаях ясак с них и их повытий снимался, в других указывалось: в «именной тарханской список» записать, «а ясак платить по

[37] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. / Сост. *И. Ф. Демидова*; Под ред. *И. В. Устюгова*. М.; Л., 1949. С. 144, 156, 171, 186, 205, 243, 401.

[38] Там же. С. 185.

[39] Там же. С. 492.

прежнему буде он в есаке написан»[40]. Таким образом, среди тарханов были и такие, которые наравне с прочими башкирами вносили ясак за свои повытья.

Тарханы, владевшие своими повытьями на общинных родовых землях, отбывая вместе «с русскими людьми» охранную службу восточных и юго-восточных границ Башкирии, вдали от мест постоянного своего жительства, имели привилегию свободного пользования земельными угодьями в пограничных областях. Однако, учитывая ту незначительную роль, какую играло земледелие в хозяйстве башкир XVII и даже XVIII вв., особенно в степной пограничной полосе, свободный выбор участка для пашни или даже для сенокошения при обширных земельных пространствах не затрагивал интересов основной массы населения этих областей. По сведениям П. И. Рычкова, в 1745 г. общее количество дворов ясашных было 8395, дворов тарханов — 1431, причем в это время имелись уже целые деревни тарханов[41].

На запрос Сената от 22 декабря 1776 г. о числе башкирских тарханов исправляющий должность оренбургского губернатора генерал-майор Мансуров писал: «Сколько ныне в Оренбургской губернии тарханов находится, о том точного известия за погорением в Уфимской и Исетской провинциях почти всех дел не отыскано, кроме того, что по некоторым от погорения оставшим делам найдено, что их тарханов по репортам старшин их показывано было от 1760 по 1767 год в Уфимской провинции до 654, а в Исетской до 10 человек».

Интересно следующее разъяснение Мансурова: «Число им по сим провинциям ведено было тогда только с точностию, когда сии тарханы имели преимущество против башкирцов в том, что тархан разумеется служилой башкирец, а не ясашник, и для того перед ясашниками они в почтении, и то по своему обычаю паче жалованья в награждение себе ставили.

...Тарханы имели вольность перед ясашниками в том, что они, гдеб хотели землею владеть, сена косить и рыбу ловить, в том ясашники спорить не могли, токмо до бортных угодий и бобровых гон не касались; однакож по ныне тот обычай у них вышел, понеже всяк имеет земли и угодий довольно.

А как тот ясак, по представлению бывшего здесь губернатором покойного действительного тайного советника Неплюева, и по определению Правительствующего Сената от 24 ч. марта 1754 г. учиненному, со всех с них башкирцов снят, и вместо того повелено покупать им от казны соль, то от того самого времени и зделались они, тарханы, с протчими башкирцами почти в ровном состоянии: ибо и службу и подводную гоньбу отправляют уже по дворовому числу и по очереди с башкирцами без различия...»[42].

До присоединения к Русскому государству и ранее во главе башкирских родов стояли бии. В военное время бии были организаторами нападений на соседние племена, в мирное — разрешали все внутриродовые вопросы. В то время как во главе родов стояли бии (от них ведутся многие родословные), во главе аймаков стояли старейшины, или аксакалы. С XVI в. биев сменяют ставшие во главе родов старшины, иногда потомки биев (князья).

В московский период потомки биев — князья — ходатайствовали о получении тарханных грамот и, получая их, тем самым освобождались от платежа ясака.

Уравненные с остальными ясашными башкирами некоторые из потомков биев (князцы), не зачисленные в тарханы, выделяются как старшины или «лучшие люди», пользующиеся одними и теми же правами на земли, как и остальные общинники, наравне с ними обложенные ясаком.

---

[40] *Вельяминов-Зернов В. В.* Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями. СПб., 1864. С. 30.

[41] *Рычков П. И.* История оренбургская (1730–1750) / Оренбургский Губернский Стат. Комитет. Оренбург, 1896. С. 82.

[42] *Вельяминов-Зернов В. В.* Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями. СПб., 1864. С. 47–48.

Башкирские старшины, в том числе и некоторые из тарханов, пользовались большим влиянием среди населения. Они собирались на съезды, на которых принимались всевозможные решения, в частности внешнеполитического характера. На эти съезды старшины приезжали «с своим собранием». После подавления волнений, во главе которых обычно стояли старшины, последние приносили повинную со «своими братьями, сыновьями и прочими родственниками и подлым народом»[43].

Однако отсюда еще не следует, как об этом пишут Н. В. Устюгов[44] и А. Н. Усманов[45], что у башкирских старшин были свои дружины, подобно монгольским нугэр, с которыми они совершали набеги и отправлялись с монгольскими ханами на облавные охоты.

Никакими достоверными данными о наличии у башкир института нугэр мы не располагаем. Ничего мы не знаем и о башкирских облавных охотах, подобных монгольским. Те выезды башкир на охоту в степи южной и юго-восточной Башкирии, на которые Н. В. Устюгов ссылается, были не более, как выезды на охоту небольших артелей ясашных башкир.

Следуя своей обычной практике, московское правительство с присоединением новых земель непосредственно активно не вмешивалось во внутренние отношения башкирских родовых общин. Оно имело дело с их старшинами. Последние отвечали за сбор ясака, и тем самым повышался их вес в общине. Авторитет старшин был достаточно велик, и в тех случаях, когда эти «лучшие люди» во время волнений брались заложниками, башкиры неоднократно заявляли, что без старшин они не могут гарантировать исправность поступления ясашных сборов, которые вносились как волостями в целом, так и тюбами и аймаками в отдельности[46]. Нельзя согласиться с Н. В. Устюговым и в трактовке экономики и быта башкир в первое время их подданства России[47].

Хотя все башкиры, кроме тарханов, были обложены ясаком, в том числе и старшины, тем не менее экономическое неравенство среди башкир проявлялось весьма ярко и среди них вполне отчетливо выделялась господствующая байская верхушка. Дело в том, что далеко не все вотчинные земли были закреплены за отдельными семьями. Даже в конце XIX в. во многих башкирских дачах имелись обширные участки общинного владения, которыми пользовались в первую

[43] *Устюгов Н. В.* Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. 1947. № 24. С. 39.

[44] Там же. С. 40.

[45] *Усманов А. Н.* Присоединение Башкирии к Московскому государству. Уфа, 1949. С. 26, 63.

[46] В квитанции на уплату ясака от 20 марта 1690 г., выданной башкирам, живущим по р. Деме, Илькигейку Байтянову и Кулагулу Утетову с товарищами, сказано: «Их аймаку, что платят всею волостью». Во владельной выписи от февраля 1714 г. читаем: «И в той окладной ясак платят они тюбою своею по 37 батманов меду» (*Чулошников А. П.* Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII в. // Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936. Ч. I. С. 10).

[47] Уподобляя башкирское общество XVII в. обществу кочевых монголов, Н. В. Устюгов писал: «В первое время башкирского подданства (России) оставалась почти в полной неприкосновенности одна из характерных черт кочевой экономики и кочевого феодального быта — набеги на соседей с целью грабежа имущества, отгона скота, захвата пленных».

Ссылаясь на Б. Я. Владимирцова, который отмечал, что войны монгольских феодалов друг с другом поддерживались «необходимостью искать себе добычу ввиду незначительности обмена в пределах одного феодального владения», Н. В. Устюгов продолжал: «Торговый обмен был слабо развит и в Башкирии, и башкирские феодалы постоянно совершали набеги на своих кочевых соседей, которые платили им тем же» (*Устюгов Н. В.* Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. 1947. № 24. С. 43).

Неприемлемое для кочевых обществ вообще объяснение военных столкновений и набегов, как своего рода приемов товарообмена, неприемлемо и для башкир, особенно если мы учтем, что даже в XVI в. число кочевых башкир было не так уж велико, а широкий товарный обмен установился в Башкирии задолго до XVI в.

Не касаясь причин, вызывающих набеги одной племенной группы на другую, отмечу только, что они могли быть многообразны: в одних случаях они могли совершаться с целью наживы — захвата скота, имущества и рабов, в других вызывались обычаем кровной мести (*карымта*) или совершались для угона скота (*барымта*) в компенсацию причиненного данному племени экономического ущерба.

Вооруженные набеги совершались под предводительством батырей, а во главе народных волнений, как мы видели, стояли старшины.

очередь богатые скотом башкиры и в том числе старшины, в зависимости от которых находилась беднота. Полковник А. Ф. Хрущов в конце 1736 г., характеризуя экономическое положение башкир Сибирской дороги, отмечал, что «из них не всякий богат, имеет много лошадей, но больше между ими убогих, которые ждут от богатых пропитания»[48].

Выше уже отмечалось, что классовая дифференциация внутри племен, населявших Башкирию, началась давно, по крайней мере с середины I тысячелетия до н. э. Башкиры на заре их истории, в X—XIII вв., были тесно связаны с феодальным государством волжско-камских булгар; в XIII—XVI вв. они входили в состав феодального государства Золотой Орды, после разложения которого подпали под власть Казанского и Сибирского ханств и Ногайской Орды. С середины XVI в. они вошли в состав Русского централизованного феодально-крепостнического государства. Все это не могло не отразиться на социально-экономическом развитии башкирского общества.

Производственные отношения башкир развивались по пути постепенного складывания феодальных отношений на почве уже давно начавшейся классовой дифференциации.

Экономические взаимоотношения внутри башкирского общества были неодинаковы в степной полосе, занимавшей около трети территории Башкирии, и в остальной области.

В скотоводческих районах эксплуатация богатыми бедноты происходила преимущественно на основе использования богатыми башкирами труда экономически зависимых от них сородичей, в лесных и земледельческих районах она происходила на основе ростовщичества и закабаления долговыми обязательствами.

В степных скотоводческих районах при наличии больших табунов лошадей и стад рогатого скота содержание их силами одной семьи было невозможным. Поэтому богачи в своем хозяйстве под видом так называемой «родовой взаимопомощи» использовали различные виды отработок. Наиболее широкое распространение получили *һауын* — сдача скота на выпас обедневшим родственникам или общинникам за пользование молоком, *өмә* — коллективная помощь богачу во время заготовки кормов для скота, *аш* — угощение для того, чтобы затем заставить работать в пользу хозяина.

И. И. Лепехин писал: «Наварив мяса, накопив кумызу, созывают своих знакомцев и подчивают, которые за угощение помогают хозяину косить»[49].

Товарно-денежные отношения внутри башкирского общества начали проявляться довольно рано вследствие того, что ясак, который в течение столетий исчислялся натурой (мехами, медом), фактически вносился деньгами, что стимулировало торговлю и денежные обороты. В руках отдельных лиц, баев и старшин, накапливались значительные по тем временам суммы.

В «извете» 3 июня 1740 г. башкира Кыр-Кудейской волости Сибирской дороги Емаша Чюрагулова при перечислении отнятого у него с товарищами имущества указываются суммы денег 80, 170, 300 руб. у каждого пострадавшего в *отдельности*[50].

Усилившееся имущественное неравенство в башкирском обществе к концу XVII и в первой половине XVIII в. привело к тому, что обедневшие общинники не в состоянии были выполнять свои общинные обязанности и вынуждены были занимать у богачей деньги или с условием отработки долга, или под заклад имущества и даже детей. Последнее, особенно в северо-западной Башкирии, привело к эксплуатации бедноты путем всевозможных «кабальных» записей.

---

[48] Цит. по: *Устюгов Н. В.* Башкирское восстание 1737—1739 гг. М.; Л., 1950. С. 43.

[49] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 3. С. 277.

[50] Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. Башкирские восстания в XVII и в первой половине XVIII века / Сост. *А. П. Чулошников.* М.; Л., 1936. С. 405.

В какой степени баями эксплуатировалась беднота, достаточно ясно видно из наемных записей.

Так, например, башкиры Минской волости Ногайской дороги Уразгильда и Аднагуе Ивашкины дали в 1706 г. наемную запись башкиру той же волости Аиттеру Исенбетлву в том, что они за взятые у него 9 руб. должны были накосить и свезти 300 копен добротного сена[51].

Башкиры Гайнинской волости Осинской дороги Артеней Тогашев и Чичкан Ирысшаев в 1709 г. заняли 12 руб. у башкира той же волости Шахманая Зебеева под заклад земли и скота: Артеней заложил 4 лошади, пашни и луга, а Чичкан — 3 борти, 6 овец, пашни и луга[52].

В заемной записи жены башкира Гайнинской волости Осинской дороги Сабаная Айбахтина Ногайбики было сказано, что она в 1711 г. взяла 10 руб. на расплату своих долгов у башкира той же волости Абдулы Тленчеева. «А за те деньги, — говорилось в записи, — дала я дочь свою родную девку Кызгыча Сабанаеву дочь... И живучи ей, Кызгыче, у него, Абдула, во дворе вольно ему, Абдулу, тое мою дочь выдать замуж за крепостного своего человека»[53].

В 1713 г. башкиры дер. Уразаево Осинской дороги Шигай Тышкеев и Девеней Каныбеков заняли 10 руб. у башкира той же деревни Боскуна Уразаева под заклад своих детей[54].

В одной из наемных записей от 20 февраля 1716 г. значится, что татарин Казанской дороги Баймурза Булатов взял у башкира той же дороги Иланской волости Юмая Исенеева «напредь сей записи 9 руб. денег. А за те взятые деньги вделать мне, Баймурзе, в ево, Юмаевой, вотчине в лесу 600 бортей ево, Юмаевыми, снастьми. А до зделки тех бортей косить мне, Баймурзе, ему, Юмаю, на год по 50 копен сена на ево лугах. А как оные борти и стану делать и сено косить, и в те поры пить и есть ево, Юмаево. Да мне же брать у него, Юмая, на поделку оных бортей епанчю»[55]. Неизвестно, сколько лет проработал Баймурза, пока заготовил 600 бортей, и сколько за это время он поставил копен сена, но кабальный характер подобной сделки станет ясен, если принять во внимание, что стоимость одной борти в те времена была 10 коп.

Каких размеров достигло к концу XVIII в. ростовщичество, показывает «реестр должникам», поданный в 1785 г. башкиром Бирской округи Акаем Зюбеновым правителю Уфимского наместничества А. А. Беутлану. Долги накопились за несколько лет за 24 башкирами, 1 татарином и 1 мари. Эти люди были должны Акаю Зюбенрову 712 руб. 60 коп. денег, 65 пудов ржаной муки, 17 пудов меду и 200 бревен. На каких условиях выдавались деньги и продукты, можно судить из вышеприведенных записей.

Еще ярче эксплуатация бедноты «лучшими людьми» выявляется по так называемым «житейским записям». Следует, впрочем, отметить, что, по житейским записям, эксплуатировались преимущественно иноплеменники, главным образом татары, мари, реже мишари.

В качестве примеров приведу две записи, относящиеся к первой половине XVIII в.

«1726 г., ноябрь 23. Житейская запись татарина Казанской дороги Ишимбетя Кильмякова с женой башкиру той же дороги Явгильде Айтышеву... "Взял я, Ишимбеть, при сей записи у него, Явгильды, 10 руб. денег, и за те взятые деньги по договору мне, Ишимбетю, з женою своею, Янгултаною Менлибаевой дочерью, у него, Явгильды, жить в доме и работать всякую домовую и отъезжую работу с вышеозначенного числа впредь

---

[51] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. / Сост. *Н. Ф. Демидова*; Под ред. *Н. В. Устюгова*. М.; Л., 1949. С. 23.
[52] Там же. С. 54, 55.
[53] Там же. С. 71.
[54] Там же. С. 107.
[55] Там же. С. 137.

10 лет. И в той работе мне, Ишимбетю, з женою своею ево, Явгильду, и домашних ево слушать и ослушным ни в чем не быть, над домом ево и животом никакой хитрости и дурна не чинить и животов ево не покрасть, и, не дожив до сроку, не сотти и не збежать и ни чем не отыматца. А пить и есть и платье верхнее носить мне, Ишимбетю, з женою своею все хозяйское. А ежели я, Ишимбеть, з женою своею в работе ево, Явгильду, и домашних ево слушать не стану и учну в чем огурятца, и какую хитрость и дурно чинить, и ему, Явгильде, меня, Ишимбетя, и жену мою за непослушание и огурство смирять и от всякого дурна унимать. Также будь я, Ишимбеть, з женою своею от него, Явгильды, куда сойдем или збежим и животы его, покрав, снесем, и ему, Явгильде, вышеявствуемые взятые деньги и сносные животы по своей его скаске, взять на мне, Ишимбете, и на жене моей; а сносных животов, что он, Явгильда, скажет, то и верить. И сию запись мне, Ишимбетю, и жене моей ни в чем не спорить"»[56].

Подобные же записи имеются на отработку в течение пяти лет за взятые 5 руб., на отработку в течение двадцати лет за взятые 30 руб., наконец, бессрочные. Образец бессрочной записи приведен ниже.

«1715 г., октябрь 18. Бессрочная житейская запись мари Казанской дороги Сабаная Бекметева и Осинской дороги Семена Байсеитова башкиру Казанской дороги, Гирейской волости Араслану Товлину... в том: "Взяли мы, Сабанай и Семен, у него, Араслана, напредь сей записи полтораста рублев денег, а за те взятые деньги жить нам, Сабанаю и Семену, у него, Араслана, и у жены ево и у детей вечно и работать мне, Сабанаю, з женою своею да з детьми, с сыном Сенкеем, а мне, Семену, з женою ж да з детьми, с сыном Тимошкой да з дочерью Тойбикою. И живучи, всякая ево домашная и отъезжая работа работать и во всем ево, Араслана, и домашних ево слушать, и ни в чем не огурятца, и над домом ево и над скотом, и над животом никаково дурна и хитрости не учинить, не покрасть и не збежать, и с воровскими людьми не знатца, не пить и не бражничеть. А буде мы, Сабанай и Семен, з женами и з детьми, будем в каком ослушании или жить у него, Араслана, не похотим, и ему, Араслану, взять на нас, Сабаная и Семене, и на женах наших и на детях выпеписанные данные свои деньги полтораста рублев все сполна. А за вину нашу и за ослушание вольно ему, Араслану, и домашним ево нас смирять домовым смирением, смотря по вине. А пить и есть, одежду и обувь носить нам, Сабанаю и Семену, з женами и з детьми, все ево, Аразланово"»[57].

В результате такого рода записей появились у башкир так называемые туснаки, выполнявшие всевозможные работы. Тусначество, однако, не получило широкого распространения, так как правительство решительно боролось с ним. Туснаки, лишившись свободы, переставали платить ясак, что было невыгодным для правительства.

Через заемные записи не только эксплуатировался труд общинников, но и приобретались земли, находящиеся в их частном пользовании. Так, в поступной записи башкир дер. Кудашево Исмаила и Алея Тергововых, данной ими в 1717 г. татарскому мурзе Асану Киреееву, дер. Камеево Осинской дороги, сказано: «Взяли мы, Смаил да Алей, при сей записи у него, Асана-мурзы, 10 руб. денег. А за те взятые деньги ему, Асану-мурзе, поступились мы, Смаил и Алей, в вотчине своей пахотную землю и сенные покосы, половину повытка своего также и прясла да сенны ж покосы — луг... И ему, Асану-мурзе, и детям ево и внучятом тою пахотною землею и сенными покосы половину, нашим повытком и пряслами и Кургинским лугом владеть вечно»[58].

Существенным фактором, бесспорно сказавшимся на взаимоотношениях внутри башкирского общества, было появление в Башкирии русских дворян-помещиков непосредственно вслед за присоединением ее к России. Уже во второй половине XVII в. в Башкирии была 101 дворянская фамилия. Первые из присланн-

[56] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. / Сост. *Н. Ф. Демидова*; Под ред. *Н. В. Устюгова*. М.; Л., 1949. С. 241—242.
[57] Там же. С. 134—135.
[58] Там же. С. 155.

ных в Уфу дворян и боярских детей получали земли и поместья около города. Обычно в поместье раздавались земли «пустопорожние», не состоящие в чьем-либо непосредственном пользовании. О праве собственности башкир на жалуемую землю не было и речи, ибо, как отмечалось выше, земля «инородцев», принявших подданство России, считалась собственностью русского царя. Однако поместья эти были маломощные. В 1760 г., по словам П. И. Рычкова, за всеми уфимскими дворянами числилось всего 636 душ крепостных.

До 1736 г. «пустопорожние» земли жаловались только правительством; с этого же года башкиры получили право продавать свои земли, в связи с чем число поместий увеличилось и к концу XVIII в. в Уфимской губернии насчитывалось еще 150 новых дворянских родов, владевших поместьями в Башкирии[59], в числе которых были и башкиры. Одни из них получили свои вотчины по жалованным грамотам, другие — путем купли, третьи — захватным порядком.

Повытья, которыми владели богатые башкиры, часто занимали немалые пространства, причем не только в XVIII в., но и позднее они нередко, помимо своих «особых» вотчин, неоднократно пытались захватить и общинные вотчины. В архивных делах имеется немало челобитных по поводу таких захватов.

Владельцы больших участков земли нуждались в рабочей силе и естественно пытались всемерно обеспечить себя ею, в частности путем житейских записей, о которых была речь выше. Таких полузакрепощенных людей, или туснаков, в общем было не много, так как правительство энергично боролось с тусначеском[60]. В богатых башкирских хозяйствах встречались, по-видимому, и крепостные. Напомню заемную запись Ногайбики (стр. 40), на основе которой заимодавец Тленчеев приобрел право полученную им в заклад девушку выдать замуж за своего крепостного человека.

Бесправное положение в башкирском обществе занимали пленные, или ясыри, которые, по сути дела, находились на положении рабов. Последние обычно захватывались во время набегов и работали у своих владельцев, выполняя всякие домашние работы, или продавались. Так, например, в 1712 г. башкир Табынской волости Ногайской дороги Кучук Савельев за 20 руб. продал пленного калмыка Бахуна тезику (таджику) дер. Сарт Ногайской дороги Сабангулу Ишмаметеву[61].

Бесправное положение ясырей вскрывается в одной из грамот 1700 г., обнаруженной В. В. Вельяминовым-Зерновым в делах Архива Оренбургской пограничной комиссии[62]. Суть этого дела заключается в следующем. В один из набегов второй половины XVII в. башкир Бурзянской волости Утека пленил калмычанина Апачку и отдал его за калым башкиру Минской волости Карсаке Бюлякову. Во время последующего за сим волнения Карсака со своим семейством «отъехал» в калмыки. По возвращении Карсака в Уфу Апачко жил у Карсака «повольно, а не в холопях, и он, Карсака, ево, Апачка, держал вместо сына своего родного, и женил, и, женя, наделил, и, наделя, отпустил». Впоследствии по «поклепу» детей Карсаки, будто бы Апачко у отца их «жил в холопях», Апачку отдали «им вместо холопа, и у него де они побрали коней и коров и весь ево живот». Указом ведено произвести розыск, а по розыску указ учинить по уложению.

Сколько-нибудь значительной роли в башкирском обществе военнопленные рабы-ясыри (*йәсер*) все же не имели. Захватываемые башкирами во время столк-

[59] *Новиков В. А.* Сборник материалов для истории уфимского дворянства. Уфа, 1879. С. 26—45.

[60] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. / Сост. *Н. Ф. Демидова*; Под ред. *Н. В. Устюгова*. М.; Л., 1949. С. 542.

[61] Там же. С. 88.

[62] *Вельяминов-Зернов В. В.* Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями. СПб., 1864. С. 35—36.

новений с соседями пленные либо ассимилировались (женщины и дети), либо продавались (мужчины) на среднеазиатских рынках.

За три с половиной (четыре. — *Отв. ред.*) столетия пребывания башкир в составе Русского государства классовая дифференциация башкирского общества, начавшаяся задолго до рассматриваемого времени, продолжала развиваться. Четко намечаются две социальные группы: эксплуататоры и обедневшие или разорившиеся общинники, эксплуатируемые.

Процесс классового расслоения башкирского общества шел крайне медленно и своеобразно. Причиной тому были зависимое положение края, наличие различных в хозяйственном отношении районов и пережитков патриархально-родового быта.

Пережитки патриархально-родовых отношений особенно в степных районах Башкирии имели место вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Это было отмечено И. В. Сталиным в тезисах к докладу по национальному вопросу на X съезде партии, когда он говорил о башкирах как «не успевших пройти капиталистическое развитие, не имеющих или почти не имеющих своего промышленного пролетариата, сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт»[63].

К началу XX в. у башкир сохранялось еще общинное владение вотчинными землями, но состав этих общин имел уже мало общего с древними кровно-родственными объединениями, так как вотчинные земли были распределены между аулами.

Состав башкирских племен (или родов) ко времени присоединения их к России был уже достаточно сложным. Помимо «коренных» башкирских родов, таких как минцы, юрматынцы, бурзяне, табынцы, усергане, тангаурцы и другие, в башкирское племенное объединение входили выходцы из болгар (бюлярцы и байлярцы), киргизы, киреи (кирейцы). В процессе дробления крупных родов или волостей из них выделились самостоятельные, территориально обособленные аймаки и тюбы, сохранившиеся к началу XX в. как башкирские земельные дачи. Вместе с припуском на свои земли иноплеменников в подразделениях башкирских родов появились тюбы: Сартовская (узбеки), Калмыкская (Калмыцкая), Ногайская (ногайцы), Мишерская (мишари), Трухменская (Туркменская). В результате военных столкновений между родами происходили существенные перемещения отдельных родовых групп, вследствие чего получилась чрезвычайно пестрая картина расселения родов башкир. Кроме того, образовались крупные роды или волости, утратившие название своих эпонимов и получившие новые географические названия (айлинцы, таныпцы).

В конечном счете родовые объединения башкир XIX и начала XX в. в том виде, как они были представлены башкирскими дачами, являлись исторически сложившимися группами, связанными между собой прежде всего территориальной и экономической общностью и только до известной степени родовыми связями.

В домонгольское время, по преданию, башкиры разделялись на двенадцать основных родов, из которых семь были расположены на территории бывшей Уфимской провинции, а пять — в зауральской ее части. В Уфимской провинции к западу от р. Ика жили бюлярцы, в верховьях рек Ика и по Деме — киргизы, в бассейне среднего течения р. Белой и правых ее притоков — табынцы, к югу от киргизов и табынцев большую территорию по Общему Сырту занимали кипчаки, а в верховьях р. Самары и на востоке в верховьях рек Сакмары и Урала — бурзяне.

С течением времени эти основные племена, или роды, размножились и среди них выделились подроды, которые позднее образовали самостоятельные роды.

[63] *Сталин И. В.* Сочинения. М., 1948. Т. 5. С. 24—25.

Кроме того, некоторые из поселившихся среди башкир чужеродцев, ассимилированные башкирами путем перекрестных браков, также выделились в качестве отдельных родов.

С присоединением к Московскому государству башкиры разделились на территориально обособленные роды или волости. Первые, по дошедшим до нас источникам, сведения о башкирских волостях по отдельным областям, или дорогам (см. карту разделения Башкирии на дороги), были собраны по инструкции от генерал-майора Геннина кунгурским бургомистром Юхневым во время его поездок по Башкирии в 1725–1726 гг. В этих сведениях, хотя неполных и неточных, сообщается количество дворов и примерное количество душ в 60 перечисленных им волостях[64].

Вторым, особенно интересным документом является реестр и описание башкирских волостей, составленные около 1730 г. в Уфимской провинциальной канцелярии со слов камерира Ф. Жилина и уфимцев С. Третьякова и И. Гавренева. Этот реестр ценен тем, что в нем указано, в каких местах и на каких реках находятся волости и какие к ним есть проезды. Список этих волостей с распределением их по дорогам (областям), прокорректированный на основании документов первой половины XVIII в., приводится ниже[65].

Волости Нагайской дороги

1. Минская – положение имеет по рекам: по Деме, по Уршаку, по Чермасану; степи и леса небольшия.
2. Курпечь-Табынская и Табынская тож, по Белой реке и по Инзерю, и по Илиму, и по другим речкам; между гор леса и поля по Илиму; тележнаго пути нет за горами и за лесами.
3. Юрматынская – по Белой реке и по Игеню, и по Ашкадару, и по другим речкам; леса и степи.
4. Катайская – по Инзирю и вверху по Белой; в горах леса и поля небольшие; тележнаго пути за горами и за лесами и за топями нет.
5. Кипчацкая – по Белой реке, и по Икам, и по Мендиму, а вверху и по Белой; тележнаго пути нет.
6. Бурзенская – по Белой реке, и по Икам, и по другим речкам; горы и леса и поля небольшия; тележнаго пути за горами нет.
7. Телевская – по Яику-реке, и по Мендяку-речке; по за Уралу степи, а лесу мало; тележной путь в тех местах от Уралу есть, а до Уралу от Уфы нет.
8. Сарыжь-Кипчацкая – по Белой же; леса и степи.
9. Тамьянская – по Белой и по Нугушу, и по другим речкам; горы, леса, степи; от города Уфы, что по Белой, до нижних жилищь тележной путь есть, а до верхних по Белой и по Нугушу нет.
10. Шуранская – за Уралом; по озерам живут к сибирским слободам, степи, лесу мало, а с Уфинской стороны до Уралу тележной путь с великою нуждою.
11. Усергенская – по Белой же реке и по Икам, и по Сакмаре, по Елаиру; горы, леса, поля небольшия; тележнаго пути нет за горами и за лесами, а за Сакмарою степь.
12. Тингаурская – по Белой и по Сакмаре; горы, леса, поля небольшия; тележнаго пути за горами и за лесами нет.
13. Бекетинская – за Уралом; по озерам больши степи, а леса колками, осенник и березник.
14. Кара-Табынская – в Бельских вершинах и по за Уралу в Яицких и в У[й]ских вершинах, и по Миясю, и по озерам; по Белой леса и поля, за Уралом больши степи, леса колками жь; от Уфы до сей волости тележнаго пути за горами и за лесами нет, а по Зауралью тележной путь свободной.
15. Кубеляк-Табынская – по Яику и по Мендяку; больши степи, лесу мало; тележнаго пути от Уфы до Урала нет за горами и за лесами, а по Зауралью тележной путь свободной.

---

[64] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. / Сост. *Н. Ф. Демидова*; Под ред. *Н. В. Устюгова*. М.; Л., 1949. С. 484–485.

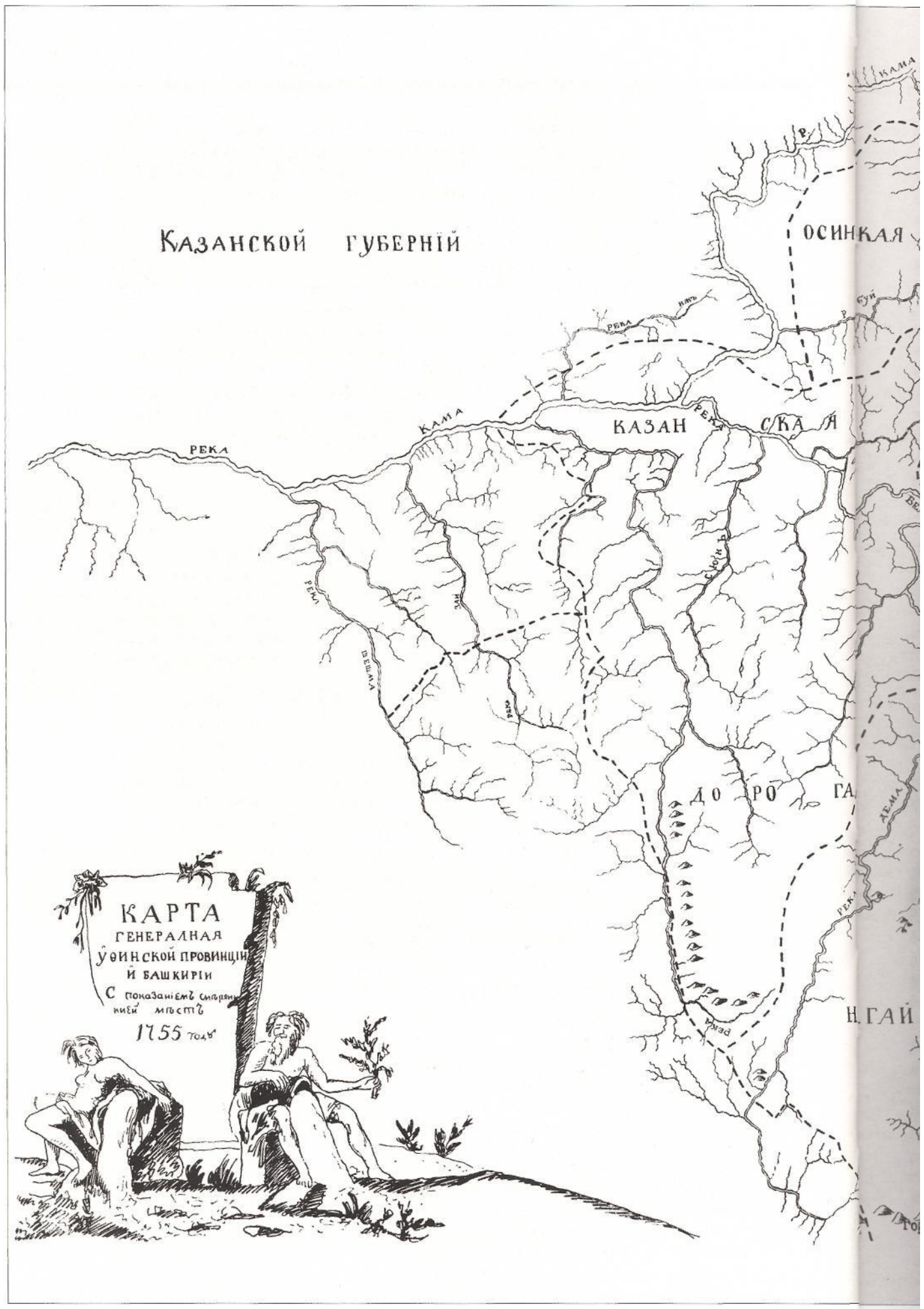
[65] Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. Башкирские восстания в XVII и в первой половине XVIII века / Сост. *А. П. Чулошников*. М.; Л., 1936. С. 135–137.

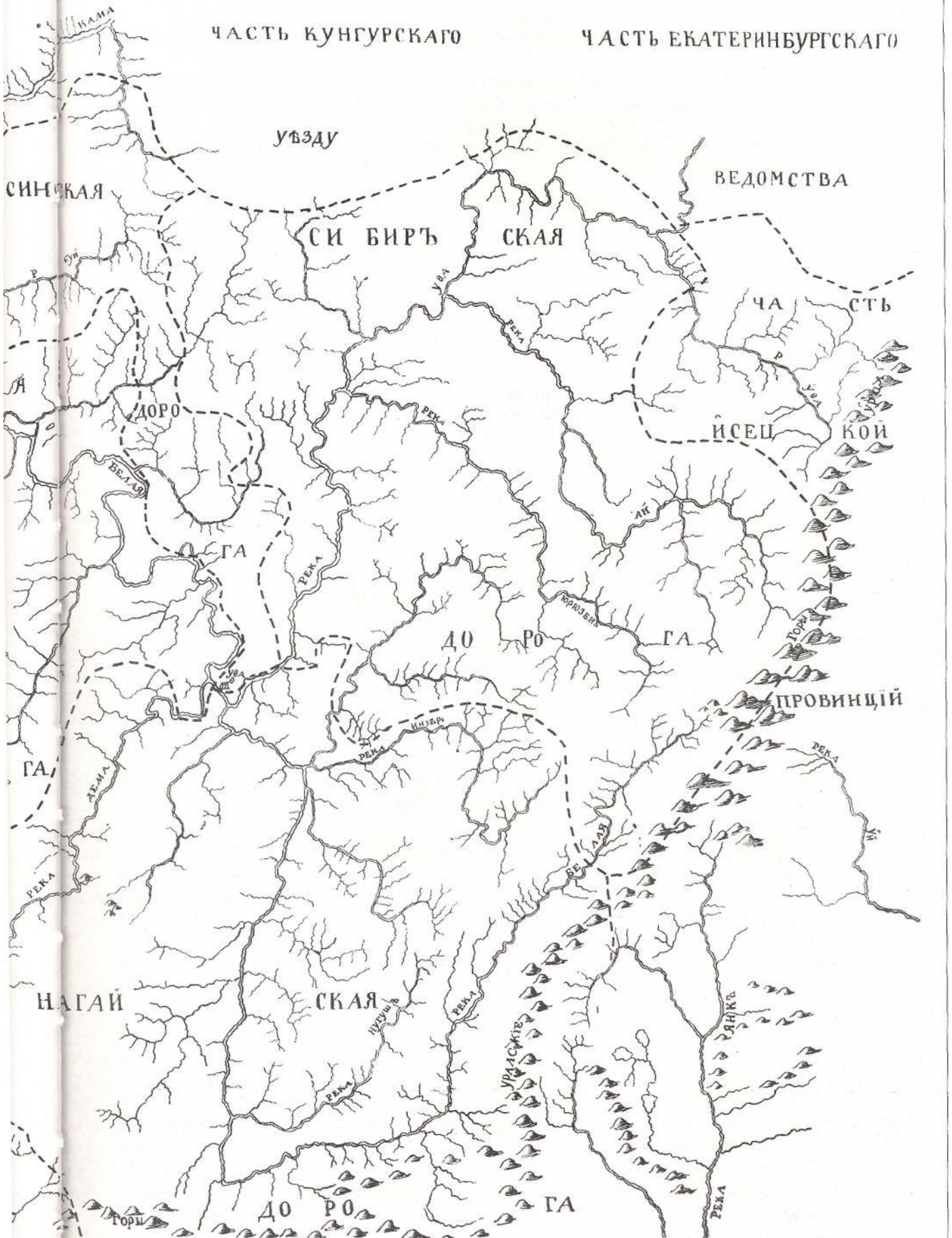
Волости Сибирской дороги

1. Кудейская – по Уфе-реке, по Симу, по Юреиню, по Кытову речкам; горы, леса и поля небольшие; и за горами, и за лесами, и за топями тележнаго пути нет.
2. Таныпская – в Таныпских вершинах и близ Уфы-реки; леса и поля; от Уфы тележнаго пути нет, разве только с нуждой.
3. Кущинская – по Аю; горы, леса, а поля небольшие; тележной путь самой нужной.
4. Балыхчинская – по Уфе-реке и по Тюю; горы, леса, поля небольшия; тележной путь в ней нужной.
5. Ялдацкая – по Уфе-реке; горы, леса, поля; тележной путь в ней нужной.
6. Айская – по Аю и за Уралом в разных местах по озерам; по Аю горы, леса и поля, а за Уралом больши степи; и от Уфинской стороны тележной путь до Уралу самой нужной, а по за Уралу с Сибирской стороны свободной путь.
7. Мекетинская – за Уралом по озерам; больши степи, леса колками.
8. Бала-Катайская – по обе стороны Уралу, по озерам и по речкам; и от Уралу к Уфе леса, горы, степи, а по за Уралу больши степи, а леса колками; и от Уфинской стороны до Урала путь самой нужной.
9. Челжетуцкая – за Уралом по озерам и по речкам близ Ухтузских заводов, где медной завод; степи и леса; от Уфинской стороны путь самой нужной.
10. Бекетинская – за Уралом по озерам.
11. Сенирянская – за Уралом по озерам; больши степи.
12. Кувакайская – в Айских и в Ерезинских вершинах, и по Садке-речке и за Уралом по озерам; горы, леса, степи, а больши гор; и от Уфы тележнаго пути за горами и за лесами, и за топями нет.
13. Кара-Табынская – в Бельских и в Яицких вершинах, а на каких местах, писано о том на Нагайской дороге о Кара-Табынской волости, понеже жилища имеют в одних местах; и по Белой путь самой нужной и от Уфы до той волости проехать невозможно на телегах.
14. Бучкурская – за Уралом по озерам; больши степи, а леса – колки.
15. Табынская – в тех же местах, где и Кара-Табынская.
16. Уиларская – по Уфе-реке и по Байке-речке; леса и поля.
17. Сызгинская – за Уралом, по Миясю и по озерам; между колков больши степи, и по Уфереке между гор и лесов и где обретается пристань, что нагрузя Уфинского уезду иноверцы и Кунгурского уезду обыватели в струга хлеб и проводитца до города Уфы; а растоянием иметца та пристань от города Уфы зимнею порою на порожняке езды дней 5, а летнею порою нужной путь на телегах.

Волости Казанской дороги

1. Сарыш-Кипчацкая – по Ику и по Сюне; больши степи, а леса дубровные, а черных лесов малое число.
2. Тамьянская – по Ику ж.
3. Ирехтинская – по Ику.
4. Тингаурская – по Ику.
5. Бурзенская – по Ику.
6. Кипчацкая – по Ику и по Сюне.
7. Аская – по Ику.
8. Курпечь-Талбынская – по Ику.
9. Сенирянская – по Ику.
10. Табынская – по Ику, а живут в вышеозначенных волостях на сей Казанской дороге башкирцы разных дорог и волостей.
11. Каршинская – по Кармасану; степи, а леса дубровные.
12. Дуванейская – по Чермасу; степи, а леса дубровные.
13. Шемшединская – по Евбазе; леса и степи.
14. Ички-Иланская – по Белой реке и по Базе-речке; леса и степи.
15. Гирейская – по Белой реке; по обе стороны леса и степи.
16. Ялдацкая – по Куяшу; степи, лес дубровной.
17. Янейская – по Ику и по Белой рекам, и по Закамью; леса и степи.


Казанской губерніи
Осинкая
Казан
Ска я
Река
Кама
Р.
Буй
Река Ижъ
Река
Река
Река
Река
Р.
Р.
Р.



Карта разделения Башкирии на дороги

18. Тышки-Иланская – в Базинских и в Ыцких вершинах и по другим речкам; леса и степи.
19. Иланская, что писано выше сего, и Ички-Иланская волость – обе в одних урочищах.
20. Кыргиская – по Сюне и по другим речкам; леса и степи.
21. Балярская – по Каме-реке, по Ижу, по Мейзеле и по другим речкам; леса и степи.
22. Гайнинская – по Ику.

Волости Осинской дороги

1. Тазларская – по Кизгено-речке; леса дубровные и поля.
2. Уранская – по Бую; леса превеликия и поля есть.
3. Ганинская – по Толве: леса превеликия ж и поля есть небольшие и горы; до сей волости за лесом, которого переездом с 60 верст, и за топями от городовой Уфинской стороны тележнаго пути нет.
4. Ирехтинская – около Таныпу и по речкам; леса и поля небольшия.

Итого в Башкирской провинции имянуются дорог 4, которые почитаются не для проезда, но вместо уездов, или, как в российских уездах имянуются, разные станы, а в них волостей 58.

Судя по сохранившимся документам, одноименные волости в первой половине XVIII в. были в пределах разных дорог: Бурзенская – Казанской и Ногайской дорог, Дуванейская и Елдяцкая – Казанской и Сибирской дорог.

В росписи 1735 г. разделения башкир Уфимского уезда по волостям или по родам[66], составленной в Уфе по данным Уфимской канцелярии и «самих того башкирского народу знатных старшин», подписанной главным командиром Оренбургской экспедиции И. К. Кириловым, числилось 44 настоящих волости или рода. В этой росписи приводится также перечень происшедших от этих настоящих родов подродов, называемых аймаки или тюбы. Для Минского рода сообщается 9 названий таких аймаков или тюб, для Юрматынского – 7, для Кипчацкого – 5, причем оговаривается, что они не называются аймаками, для Бурзенского – 4, для Кудейского – 5, для Таныпского – 3, для Айлинского – 11, для Кауканского – 2, для Кара-Табынского – 9, для Каршинского – 3, для Дуванейского – 4.

В других документах, 1737 г.[67], составленных на основании устных показаний башкирских старшин, дается список 11 волостей, входящих в состав Табынской тюбы, 10 – входящих в состав Катайской тюбы и 10 волостей, входящих в состав Айлинской тюбы.

В документах XVII–XVIII вв. термины «аймак» и «тюба» многократно применяются для обозначения семейно-родовых и территориальных единиц внутри большого рода или волости. «Аймак» – термин, вошедший в употребление в монгольское время, – означает совокупность нескольких, обычно родственных семей; «тюба» (*түбә*) – понятие территориальное, обычно пастбищная территория, принадлежащая данному аймаку. При распадении старых родов на аймаки последние со временем превращаются в самостоятельные роды или волости, и вследствие передвижения населения меняется и состав населения отдельных волостей. Очень показательно в этом отношении указание в реестре волостей 1730 г.: в десяти первых перечисленных в реестре волостей Казанской дороги живут «башкирцы разных дорог и волостей». Близкая по содержанию к росписи разделения башкир по волостям 1735 г., но более подробная роспись имеется в работе П. И. Рычкова «Топография оренбургская», где автор приводит по дорогам список «настоящих родов и происшедших от оных тюб и аймаков», список, который воспроизводится нами ниже.

С тех пор состав населения Башкирии существенно изменился, в частности с появлением так называемых «ново-башкир». Русские власти, стремясь уничто-

[66] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. / Сост. *Н. Ф. Демидова*; Под ред. *Н. В. Устюгова*. М.; Л., 1949. С. 495–497.
[67] Там же. С. 500.

жить обособленность башкир от поселившихся на их землях припущенников, при разделении башкир на кантоны (1798 г.) в пять из них включили мишарей, тептяри вошли в некоторые из северо-западных кантонов. Особое «Положение о башкирах», опубликованное в 1863 г., распространялось также на тептярей, мишарей и отчасти на татар. Благодаря этому, а особенно вследствие сравнительно привилегированного положения, которое занимали башкиры как собственники земель, их именем стали называть себя и тептяри[68], и мишари. Так появилось название «ново-башкиры».

В связи с политикой царского правительства и стремлением выявить «свободные» земли с 1898 г. производилось размежевание башкирских земель с выделением так называемых свободных, которые хотя и оставались в общем пользовании башкир, но могли быть проданы общиной.

Приступая к изучению башкир, чтобы выделить собственно башкир из группы народностей, известных в то время под этим собирательным именем, я решил в своих исследованиях заниматься только теми из башкир, которые имели вотчинные грамоты на владение землей, т. е. с так называемыми башкирами-вотчинниками.

Во время последнего межевания территории, населенной башкирами, властями были проверены их вотчинные права на землю на основании грамот, выданных в различные годы отдельным родам или их подразделениям, и земли их были вымежеваны в особые башкирские дачи. Одновременно были отмежеваны и припущенники на башкирских землях.

В образованных в 1898 г. Пермской, Уфимской и Оренбургской комиссиях по размежеванию башкирских земель сосредоточивались все данные о дачах башкир-вотчинников. От этих комиссий в 1907 г. мною был получен список всех башкирских дач и карты географического их распределения.

При проверке на местах выяснилось, что не везде башкирские дачи, числящиеся по официальным данным за башкирами, принадлежали последним. В некоторых случаях вотчинные права на землю давались правительством мишарям, оказавшим особые услуги правительству в борьбе с башкирскими восстаниями, и в официальных документах владельцы их стали числиться башкирами-вотчинниками. Как пример могу указать на Башкиро-Течинскую в б. Шадринском уезде Пермской губ. и на Ичкинскую дачи в б. Челябинском уезде Оренбургской губ., которые были населены исключительно мишарями. С другой стороны, коренные башкиры, потерявшие свои грамоты, теряли тем самым свои вотчинные права на земли и причислялись к припущенникам. Для примера укажу на у л у - к а т а й ц е в, живших совместно с б а л а - к а т а й ц а м и в б. Екатеринбургском и Шадринском уездах Пермской губ., и на д у в а н е й ц е в — в б. Белебеевском уезде Уфимской губ. Первые были мною исключены из числа башкир-вотчинников, вторые были включены в число изучаемых мной башкирских групп.

Были и такие случаи, когда на правах припущенников коренные башкиры одной, иногда значительно удаленной башкирской дачи жили среди башкир другой дачи. Так, пришлось учесть башкир а й л и н ц е в, проживавших смежно с башкирами с а р т - к а л м а к а м и и к а т а й ц а м и в б. Челябинском уезде. В некоторых случаях при составлении карты башкирских дач мной разделялись башкиры, принадлежащие к двум различным родам и замежеванные при генеральном межевании в одну общую дачу (например, б у р з я н о - к и п ч а к а, с а р т - к а л м а к а, — к и п ч а к и и б у р з я н е). Такое разграничение производилось мной на месте по расспросным сведениям о принадлежности деревень к тому или иному роду.

---

[68] Тептяри не представляют собой этнические группы. Это «сходцы» (татары, мишари, удмурты и др.), поселившиеся в разное время на башкирских землях на основании записей о припуске, а также поступных данных и оброчных записей.

Разделение башкирского народа по волостям или родам, по Рычкову,
и башкирские дачи, по данным межевых комиссий

Настоящие роды или волости	По Рычкову	По данным межевых комиссий	№ на карте
	происшедшие от оных тюбы и аймаки	башкирские дачи	
		Ногайской дороги	
1. Минская (вол.),	Чубинской	Слы-Минская	1
в ней 477 дворов	Кыркулинской	Илькульмино-Кульильминская	2
	Яиксубянской	Бигиняш-Минская	3
	Кули-Минской	Миркитлинская	4
	Слы-Минской	Яик-Субиль-Минская	5
	Нагай-Лар-Минской	Уршакмино-Куркульминская	6
	Миркитской	Минская (дер. Мусина)	7
	Уршек-Минской	Субиль-Минская	8
	Илькей-Минской	Кубовская	9
	Саралинской	Юр-Минская	10
	Кубовской	Минская	11
	Ик-Минской	Кубовская (дер. Тауфтемирова)	12
		Минская	13
		– " –	14
2. Табынская,	Биш-Аулинской	Бишь-Аул-Табынская	15
в ней 387 дворов	Кси-Табынской	Тюкун-Кси-Табынская и Дуван-Табынская	16
	Юрман-Табынской	Юмуран-Табынская	17
	Калчир-Табынской	Курпеч-Табынская	18
	Кумрутской	Князьлар-Курпеч-Табынская и Сартовская	19
	Дуван-Табынской	Кумрук-Табынская	20
	Мялля-Табынской	Курпеч-Табынская	21
		Калчир-Табынская	22
		Кси-Табынская	23
		Юмуран-Табынская	24
3. Юрматынская,	Мешер-Юрматын-	Юрматынская, Янзегитовой тюбы	25
в ней 521 двор	ской		
	Тяльтинской	Юрматынская, Карамышской тюбы (дер. Макарова)	26
	Бакаевской	Юрматынская, Ильчектимировой тюбы	27
	Арларской	Юрматынская, Азнаевой и Тятигачевой тюб	28
	Биш-Казанской	Тельтим-Юрматынская, Ильчектимировой тюбы	29
	Макаровской	Тельтим-Юрматынская, Акчулпаевой тюбы	30
		Мишар-Юрматынская	31
4. Кипчатская,	Бушмаской	Гирей-Кипчакская	32
в ней 1332 двора	Суи-Кипчатской	Карагай-Кипчакская	33
	Чанкимской	Сянкин-Бушман-Кипчакская	34
	Сарыш-Кипчатской	Бушман-Суун-Кара-Кипчакская	35
	Герясь-Кипчатской	Кипчакская (Ак)	36
	Карагай-Кипчатской	Кара-Кипчакская	37
		Кипчакская	38
5. Бурзенская,	Жанса-Бурзенской	Бурзянская	39
в ней 448 дворов	Байулинской	– " –	40
	Мушашевской	– " –	41
	Емашевской	– " –	42
	Карагай-Бурзенской		
	Дир-Бурзенской		
	Нагайларской		

Продолжение

Настоящие роды или волости	По Рычкову	По данным межевых комиссий	№ на карте
	происшедшие от оных тюбы и аймаки	башкирские дачи	
6. Усергенская, в ней 381 двор	Ай-Усергенской	Усерганская	43
	Жаутюбя-Усергенской	– " –	44
	Шишайлярской	– " –	45
	Бишайлярской	– " –	46
	Сурянской		
	Чурашевской		
7. Тингаурская, в ней 80 дворов	Урман-Тингаурской	Тангаурская	47
	Ялан-Тингаурской	Тамьян-Тангаурская	48
8. Тямьянская, в ней 196 дворов	Коянеицкой	Тямьянская	49
	Мылтыцкой		
	Мясауцкой		
	Ик-Тамьянской		
9. Табынская, в ней 472 двора	Кубелянцкой	Кубелякская	50
	Телевской	Телевская	51
	Карагай		
	Кси		
	Емурантаянской		
10. Катайская, в ней 300 дворов	Идиль-Катайской	Катайская (на р. Инзере)	52
	Кошек-Катайской	Катайская	53
	Инзер-Катайской		
	Кузгун-Катайской		

Сибирской дороги

1. Кудейская, в ней 475 дворов	Урман-Кудейской	Урман-Кудейская	54
	Билекей-Кудейской	Булекей-Кудейская	55
	Кир-Кудейской	Шайтан-Кудейская	56
	Шетан-Кудейской	Кыр-Кудейская	57
	Нагайларской		
	Зюббердинской		
	Усрак-Кудейской		
	Урусба-Кудейской		
	Куллар-Кудейской		
	Дуван-Кудейской		
	Трухменской		
	Лямес-Трухменской		
2. Танынская, в ней 335 дворов	Кыр-Танынской	Большая и Мало-Кущинская	58
	Балахчинской	Балакчинская	59
	Су-Танынской	Уфа-Танынская, Сул-Танынской тюбы	60
	Унларской	Суунлярская, Байкинской и Инсеитовой тюб	61
	Кыр-Унларской	Танынская, Кара-Танынской тюбы	62
	Су-Унларской	Танынская, Кыр-Унларской тюбы	63
	Байкинской	Кара-Танынская, Кайпанской тюбы	64
	Кайпанской	Кара-Танынская, Казанчиной тюбы	65
	Укунщинской		

Продолжение

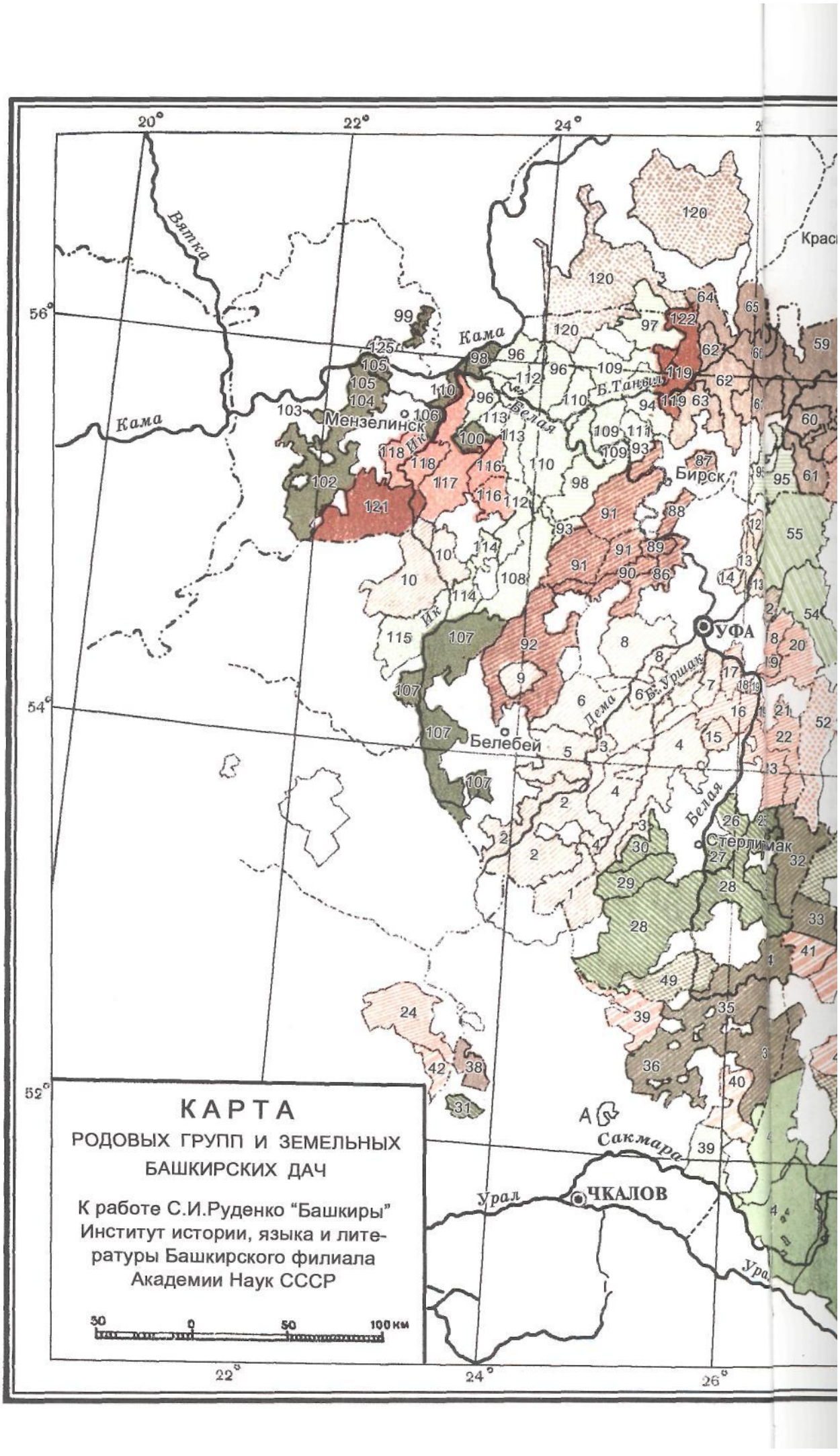
Настоящие роды или волости	По Рычкову	По данным межевых комиссий	№ на карте
	происшедшие от оных тюбы и аймаки	башкирские дачи	
3. Айлинская, в ней 113 дворов	Аршинской Елан-Айлинской Упейской Дуванской Таз-Дуванской Сызенской Еирлинской Мурзаларской Тарнаклинской Каратаулинской Сартовской Тюбелясской Чублисызгинской	Мурзаларская Каратавлинская Тюбелякская Тарнаклинская Айлинская Сартовская Дуван-Мечетлинская Упейская Сызгинская	66 67 68 69 70 71 72 73 74
4. Куваканская, вед. Исетской провинции	Елан-Куваканской Тау-Куваканской Сатка-Куваканской Сагит-Куваканской Киркули-Куваканской	Куваканская	75
5. Барын-Табынская, в Исетской провинции		Барын-Табынская	76
6. Кара-Табынская, в Исетской провинции	Аила-Табынской Кукзюрряк-Табынской Кипчак-Табынской Мусюл-Табынской Акшураз-Табынской	Кара-Табынская	77
7. Катайская, за Уралом	Бала-Катайской Бучкурской Сипрянской Сызгинской Баллы-Катайской Чирлинской Терсатской Бекатинской Чалжаутской Сартларской	Сызгинская Катайская Сарт-Калмакская Салзаутская Бала-Катайская Мякотинская Сирлинская Белокатайская Белянковская	78 79 80 81 82 83 84 85 124
Казанской дороги			
1. Каршинская, в ней 77 дворов	Акбашевской Карганарской Кадряевой	Каршинская	86
2. Кайлинская, в ней 123 двора	Идил-Кайлинской Кир-Кайлинской Юрактау-Кайлинской Актау-Кайлинской	Канлинская, Куюковой тюбы Канлинская Канлинская, Якшеевой тюбы Канлинская, Токтыбаевой тюбы Канлинская, Турсугалинской, Шамшединской и Дуванейской тюб Канлинская, Актаусской, Урменеевской и Балгазинской тюб	87 88 89 90 91 92

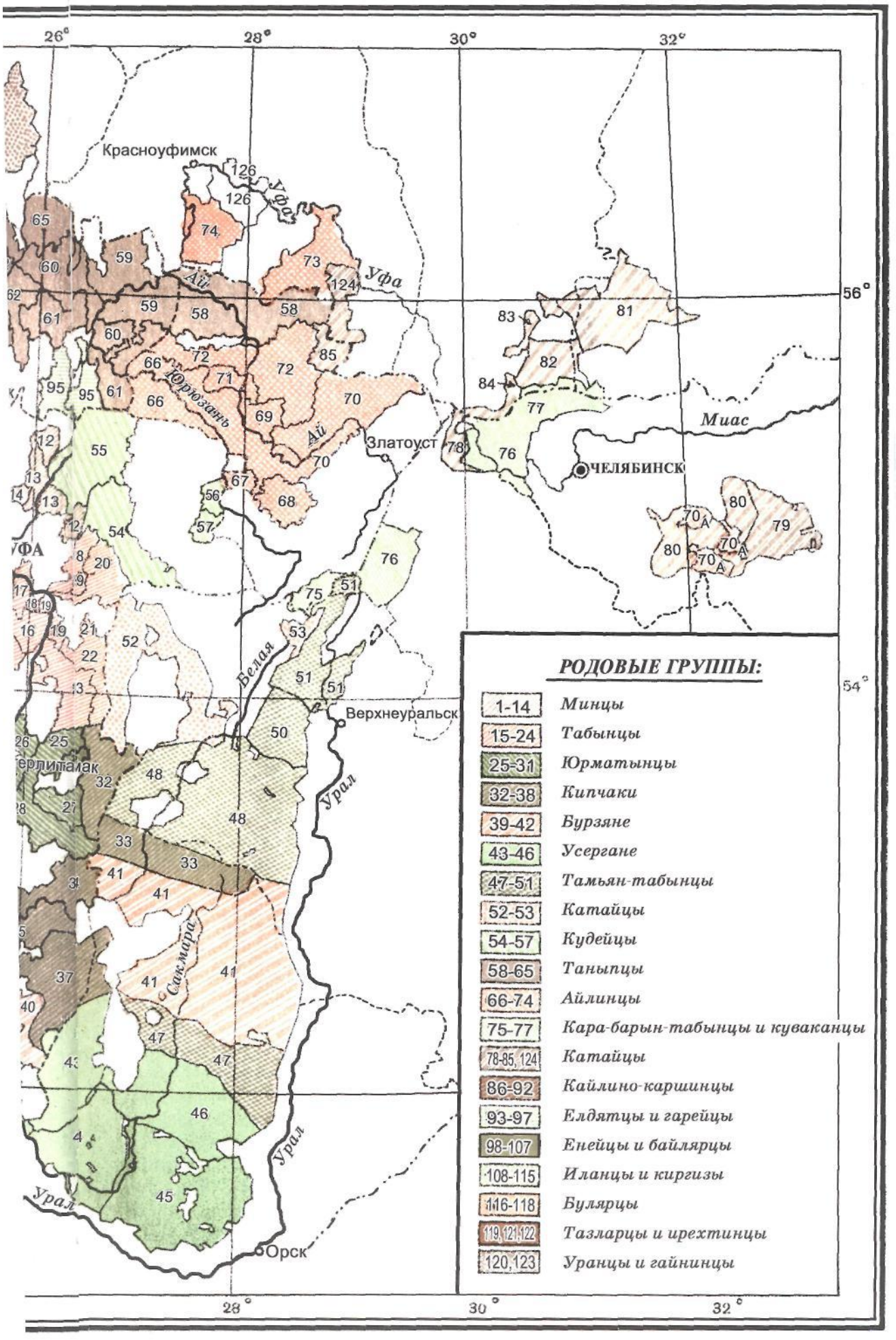
Продолжение

Настоящие роды или волости	По Рычкову	По данным межевых комиссий	№ на карте
	происшедшие от оных тюбы и аймаки	башкирские дачи	
3. Елдятская, в ней 201 двор	Уфа-Елдятской	Елдятская, Сатлыгановой тюбы	93
	Кир-Елдятской	Елдятская, Бураевой тюбы	94
	Бура-Елдятской	Елдятская	95
4. Гирейская, в ней 273 двора	Урман-Гирейской	Гарейская, Такталагукской, Янзигитовой и других тюб	96
	Идиль-Гирейской	Урман-Гарейская	97
5. Тугузларская			
6. Енейская, в ней 400 дворов		Енейская, Камбарской и Енейской тюб	98
		Енейская, Тугузской тюбы	99
		_ " _	100
		Енейская, Багадинской тюбы	101
7. Байлярская, в ней 561 двор		Сарайлимино-Байлярская	102
		Байлярская, Базикеевой тюбы	103
		Байлярская, Салаушевой тюбы	104
		Байлярская, Тураевой тюбы	105
		Байлярская, Калмашской тюбы	106
		Кыр-Илано-Байлярская	107
8. Дуванская, в ней 82 двора	Дуванейшев Аджеево-Дуваней Рысмекеевой Бакаевской Талбазинской		
9. Иланская, в ней 382 двора	Кыр-Иланской Идил-Иланской Бадрацкой	Кыр-Иланская	108
		Ичкиеланская, Челкановой и Калмыковой тюб	109
		Еланская	110
		Ичкиеланская	111
10. Зирян юрты			
11. Киргисская, в ней 113 дворов		Киргизская	112
		Киргизская, Кадыкеевой тюбы	113
		Киргизская	114
		_ " _	115
12. Бюлярская, в ней 231 двор		Булярская, Кадыровой тюбы	116
		Булярская, Чураевой тюбы	117
		Булярская, Мушигинской тюбы	118

Осинской дороги

1. Тазларская		Тазларская	119
2. Уванышская			
3. Уранская, в ней 218 дворов		Уранская	120
4. Ирехтинская, в ней 148 дворов		Ирехтинская, Абдалбинской тюбы	121
		Ирехтинская	122
5. Гайнинская, в ней 562 двора	Муль-Гайнинской Туль-Гайнинской	Гайнинская	123
		Салаушская	125
		Рахмангуло-Азигуловская	126
		Кыр-Ивлинская	127


20°
22°
24°
56°
54°
52°
Вятка
Кама
Мензелинск
Ик
Белая
Б.Танып
Бирск
Дема
Б.Уршак
УФА
Белебей
Стерлитамак
Сакмара
Урал
ЧКАЛОВ
КАРТА
РОДОВЫХ ГРУПП И ЗЕМЕЛЬНЫХ
БАШКИРСКИХ ДАЧ
К работе С.И.Руденко "Башкиры"
Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала
Академии Наук СССР
50 0 50 100 км


26°
28°
30°
32°
56°
54°
Красноуфимск
Уфа
Ай
Юрюзань
Златоуст
Миас
ЧЕЛЯБИНСК
Белая
Верхнеуральск
Урал
Сакмара
Орск
РОДОВЫЕ ГРУППЫ:
1-14 Минцы
15-24 Табынцы
25-31 Юрматынцы
32-38 Кипчаки
39-42 Бурзяне
43-46 Усергане
47-51 Тамьян-табынцы
52-53 Катайцы
54-57 Кудейцы
58-65 Таныпцы
66-74 Айлинцы
75-77 Кара-барын-табынцы и куваканцы
78-85, 124 Катайцы
86-92 Кайлино-каршинцы
93-97 Елдятцы и гарейцы
98-107 Енейцы и байлярцы
108-115 Иланцы и киргизы
116-118 Булярцы
119, 121, 122 Тазларцы и ирехтинцы
120, 123 Уранцы и гайнинцы

Наличие приведенного в работе П. И. Рычкова списка «настоящих родов и происшедших от оных тюб и аймаков» позволило мне объединить башкирские дачи в родовые группы и дать карту распределения башкирских родов к началу XX в.

В помещенном выше списке П. И. Рычкова рядом с названием родов приведены названия башкирских дач. Причисляя башкирские дачи к тому или иному роду, я руководствовался главным образом совпадением их названий с названиями рода, а отчасти — тюб и аймаков данного рода по списку П. И. Рычкова. При этом мной принимались во внимание географические указания данного списка, а иногда и «ситуация» отдельных волостей, указанная в реестре 1730 г. (табл. 1).

В названиях родов, тюб и аймаков по списку П. И. Рычкова мной сохранен текст подлинника, в названиях же башкирских дач, за редкими исключениями, принято официальное название.

При сопоставлении названий башкирских дач с названиями родов, тюб и аймаков списка П. И. Рычкова оказалось, что они все могут быть распределены по сообщенным им родам или волостям. Выяснилось вместе с тем, что некоторые дачи минцев, табынцев и других родов расположены смежно и представляют собой тесно сплоченные территориальные группы. Только в редких случаях часть той или иной родовой группы проживала обособленно, вдали от общей массы своих сородичей.

В результате 124 башкирские дачи были объединены мной в 20 групп более или менее отвечающих родам или волостям П. И. Рычкова. Последнее было необходимо сделать, чтобы при рассмотрении тех или иных этнографических особенностей башкир было ясно, о каких конкретно башкирах идет речь.

На прилагаемой карте родовых групп и земельных башкирских дач показано территориальное распределение нижеследующих родовых групп башкир с обозначением входящих в их состав дач: минцы (1—14), табынцы (15—24), юрматынцы (25—31), кипчаки (32—38), бурзяне (39—42), усергане (43—46), тамьян-табынцы (47—51), катайцы (52—53), кудейцы (54—57), таныпцы (58—65), айлинцы (66—74), карабарын-табынцы и куваканцы (75—77), катайцы (78—85, 124), кайлино-каршинцы (86—92), елдятцы и гарейцы (93—97), енейцы и байлярцы (98—107), иланцы и киргизы (108—115), буляpцы (116—118), тазларцы и ирехтинцы (119, 121, 122), уранцы и гайнинцы (120, 123).

Глава IV

ЗАНЯТИЯ И ОБРАЗ ЖИЗНИ

В современной исторической науке неоднократно отмечалось, что на заре своей истории башкиры были кочевниками-скотоводами, постепенно переходившими к полукочевому скотоводческо-земледельческому быту и, наконец, к постоянной оседлости. При этом обычно основываются на сообщении Мас'уди (943 г.), который не отмечает у башкир других жилищ, кроме шатров-кибиток. Позднейший автор В. Рубрук (1253 г.) также сообщает о паскатирах (башкирах), что «они все пастухи, не имеют ни городов, ни селений»[69]. В наиболее раннем русском источнике XVII в., «Книге Большому Чертежу», сообщается: «А от устья р. Белыя Воложки, вверх по реке Уфе, по обеим сторонам и до Аральтовы горы и далее, все живут башкиры, а кормля их мед, зверь и рыба, а пашни не имеют»[70].

В 1635 г. уфимский воевода Н. Д. Вельяминов отмечал, что «хлеба де они, башкирцы, не пашут»[71].

Принимая во внимание историческое прошлое Башкирии, никак нельзя согласиться с мнением, будто бы кочевое скотоводство издревле было основным занятием всех башкир. Природные условия страны благоприятствовали занятию звероловством, птицеловством, бортничеством и рыболовством — занятиями, связанными с оседлым образом жизни. По археологическим данным известно, что оседлым скотоводством в сочетании с земледелием население Башкирии занималось еще в I тысячелетии до н. э.

Весьма вероятно, что те кочевые племена, которые появились в степных районах Приуралья в гуннское время и которые затем вошли в состав башкирского народа, занимались исключительно скотоводством и охотой. Сообщения Мас'уди и позднее Рубрука, надо полагать, относятся к этим именно племенам; для основной же массы башкир, судя по природным условиям занятой ими территории, кочевое скотоводство не было главным занятием. Весьма характерно, что ясак, который платили башкиры до присоединения их к Московскому государству и позднее, состоял из меха пушных зверей и меда. Характерно также и замеча-

[69] *Рубрук В.* Путешествие в восточные страны / В переводе с примеч. А. И. Малеина. СПб., 1911. С. 95.

[70] Книга Большому Чертежу, или древняя карта Российского государства, поновленная в разряде и списанная в книгу 1627 г. СПб., 1838. С. 152.

[71] *Устюгов Н. В.* Башкирское восстание 1662—1664 гг. // Исторические записки. 1947. № 24. С. 43.

ние в «Книге Большому Чертежу», что «кормля их (башкир. — *С. Р.*) мед, зверь и рыба».

Весьма показательно, что в многочисленных документах второй половины XVII и первой половины XVIII в. о припуске башкирами в свою вотчинную землю соплеменников или чужеродцев в первую очередь оговаривается владение зверовыми, птичьими и рыбными угодьями, бортными ухожьями и бобровыми ловами. Вместе с тем начиная со второй половины XVII в. в ряде документов встречаются указания на занятие башкир земледелием. Полковник Дмитрий Полуехтов, подавлявший башкирское восстание в зауральских слободах, доносил в декабре 1662 г., что он сжег у восставших башкир сено, заготовленное на зиму. В 1663 г. башкиры, договариваясь с калмыцким тайшой Дайчиным о переезде в его улусы, только «упрошали срока до лета, покамест хлеб снимут»[72].

В сказке служилых иноземцев, ездивших в 1675 г. в башкирские волости с торговыми целями, читаем: «А той де Ногайской дороги все башкирцы (речь идет о башкирах Минской и Бурзянской волостей. — *С. Р.*) пашню пашут и хлеб сеют по старым своим зимовьям и хоромы строят»[73].

Издавна земледелием занимались башкиры Казанской дороги. Так, в одной из челобитных башкиры Шемшадинской волости Измаил Сеитов с товарищами при разборе тяжбы о спорных землях указывали, что спорной землей исстари их прадеды, деды и отцы владели, пашни пахали и сено косили.

В 80-х годах XVII в. башкиры Осинской дороги даже торговали своим хлебом на Соликамском рынке[74].

О распространении в Башкирии земледелия во второй половине XVII и первой половине XVIII в. мы имеем многочисленные документы в записях башкир всех дорог о припуске башкир и чужеродцев в свои вотчины с правом свободно пашню пахать, хлеб сеять и сено косить.

Записи о допуске чужеродцев (татар, мишарей, мари, чувашей) пашню пахать и сено косить имеются по следующим волостям: Казанской дороги — Бюлярская, Дуванейская, Елдятская, Енейская, Иланская, Кыр-Иланская, Калпинская, Кыр-Калпинская, Каршинская, Киргизская, Шамшединская; Сибирской дороги — Айлинская, Дуванейская, Елдятская, Кайпанская, Кара-Табынская, Кыр-Унларская, Кудейская, Кущинская, Мекетинская, Сызгинская, Танышская, Унларская; Ногайской дороги — Бешеульская, Кумрук-Табынская, Минская, Яик-Минская, Миркитская; Осинской дороги — Гайнинская.

За редким исключением в тех же волостях право пашни пахать и сено косить оговаривалось и при припуске башкир той же волости или других волостей на свои повытья. Отсюда следует, что во всех перечисленных волостях хлебопашеством и сенокошением занимались и сами башкиры. В некоторых случаях особо оговаривалось право пользования «распашными полосами и заложной землей».

Большой интерес в рассматриваемом нами вопросе представляют сведения о башкирах, собранные в упоминавшемся уже сообщении Юхнева и относящиеся к 1726 г. О башкирах Сибирской дороги он доносил, что у них «сенных покосов множество и пашенная земля, на которую они навозу никогда не кладут, однако силен родитца ечмень да крупа, которые в тех местах сеют, а рожь не сеют». Он же сообщал: «А дворы у них худы и малинькие, в которых они живут только зимой, а летом кочюют в степи в разных местах». О башкирах Ногайской дороги он же писал: «При оной дороге не пашут, хотя и довольно пахотной земли есть, сенных угодий много ж... Житье свое имеют... как и те, которые живут при Сибирской дороге».

---

[72] *Устюгов Н. В.* Башкирское восстание 1662—1664 гг. // Исторические записки. 1947. № 24. С. 43.

[73] Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. Башкирские восстания в XVII и в первой половине XVIII века / Сост. *А. П. Чулошников.* М.; Л., 1936. С. 5.

[74] Там же. С. 75.

О башкирах Осинской дороги Юхнев сообщал: «При оной живут башкиры все в домах... Хлеба имеют много и пашни и летом не кочюют в степи, но по домам живут, как русские»[75].

Судя по экстракту, составленному в Табынске, в канцелярии начальника Комиссии башкирских дел, Л. Я. Соймоновым о ходе башкирского восстания 1740 г., башкиры, живущие по р. Белой, сеяли ярицу, рожь, ячмень, овес, полбу и коноплю[76].

Несколько позднее П. И. Рычков писал, что башкиры, «имея у себя множество скота, особливо хороших и крепких лошадей, способных к пашне, привыкли уже косить траву и довольно заготовляют ныне сена, чего у них прежде было весьма мало; есть между ними и такие, которые сами собой к пашне охотятся и для собственной своей потребности небольшой сев хлеба заводят, а особливо те, которые живут ближе к Уфе и к тем жительствам, где издавна было и есть земледелие»[77].

Весьма интересны, хотя и кратки, сообщения путешественников последней трети XVIII в. об образе жизни и занятиях башкир. О башкирском хлебопашестве И. И. Лепехин писал: «Хотя башкирцы еще по сие время очень худые и ленивые хлебопашцы, однако по соседству с русскими и с ясашных татар селениями начинают вникать в хлебопашество; и всякой старается по крайней мере столько посеять хлеба, сколько для домашняго обихода потребно»[78]. Башкиры, жившие по реке Лю, — по словам того же путешественника — совершенно переродились в этом отношении. «Они столь же хорошие хлебопашцы, как их соседи»[79].

П. С. Паллас о башкирах, осевших по р. Уфе, сообщал, что они имели постоянные деревни, в которых жили как зимой, так и летом[80].

И. Г. Георги о башкирском земледелии писал: «Хотя башкирцы с давних уже времен упражнялись несколько в землепашестве, однако они при всем том, почитая промысел сей слишком для себя тягостным, а хлеб не необходимою надобностию, мало в земледелии успевают»[81].

В другом месте у него же читаем, что башкиры «соединили странственную пастушью жизнь с сопряженным со всегдашними жилищами землепашеством. Ныне все имеют одноместныя зимния хижины и подвижныя летния юрты»[82].

В конце XIX — начале XX в. при оседлом образе жизни значительная часть башкир летом еще выезжала на кочевки. Это были преимущественно зауральские башкиры: катайцы и айлинцы, кара-барын-табынцы и кувакацы, тамьян-табынцы, бурзяне; в горной части Башкирии: горные катайцы и кипчаки; в бассейне р. Белой: табынцы и юрматынцы; в бассейнах рек Демы и Б. Уршака: южные минцы; на юге: кипчаки, тамьян-табынцы и северные усергане.

Заготовкой сена для скота и земледелием в конце XIX — начале XX в. занимались все башкиры. О степных, откочевывавших в горы башкирах М. Баишев[83] писал, что и они приезжали со своих кочевок к деревням и сеяли в незначительном количестве хлеб у своих зимовок.

---

[75] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. / Сост. *Н. Ф. Демидова*; Под ред. *Н. В. Устюгова*. М.; Л., 1949. С. 485–487.

[76] Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. Башкирские восстания в XVII и в первой половине XVIII века / Сост. *А. П. Чулошников*. М.; Л., 1936. С. 473–474.

[77] *Рычков П. И.* Топография оренбургская, то-есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. Ч. 1–2. СПб., 1762. Ч. 2. С. 134.

[78] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 24.

[79] Там же. С. 243.

[80] *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1786. Ч. II. Кн. 1.

[81] *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. 1. С. 99.

[82] Там же. С. 96.

[83] *Баишев М.* Деревня Зианчурина Орского уезда Оренбургской губернии // Изв. Оренбургского отд. Русского Географического о-ва. 1895. Вып. 7. С. 7.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что исконными занятиями башкир были звероловство, птицеловство, рыболовство, бортничество, скотоводство и земледелие, описание которых дано в последующих главах. В зависимости от природных условий в одних районах занимаемой ими территории преобладали одни занятия, в других — другие. С течением времени, с проникновением на территорию Башкирии ряда поволжских народностей (татар, мишарей, мари и других) и особенно русских, с высокой по тому времени земледельческой культурой, с уменьшением находящихся во владении башкир земель и развитием их собственного земледелия занятие звероловством, птицеловством, рыболовством и бортничеством постепенно теряло свой удельный вес. Пастушеское скотоводство, процветавшее в степных районах, временами падало, затем снова восстанавливалось, являясь основным занятием башкир этих районов. Земледелие вместе с разведением домашних животных, исконные и основные отрасли хозяйства северо-западных башкир, получают все большее распространение и значение в хозяйственной жизни башкир. С обезземелением башкир и как следствие обезземеления с падением пастушеского скотоводства земледелие постепенно развивается и в степных районах, а в начале XX в. становится основным занятием всех башкир.

Представление о кочевом быте башкир значительно преувеличено. Как мы видели, даже в начале XVIII в. полукочевыми были только башкиры Сибирской и Ногайской дорог; на Казанской дороге только половина башкир выезжала на кочевки, башкиры же Осинской дороги все были оседлы. В середине XIX в. из тринадцати кантонов пять — первый и второй (б. уезды: Осинский, Пермский, Екатеринбургский[84] и Красноуфимский), пятый (б. Троицкий уезд), двенадцатый (б. Мензелинский уезд в Вятской губ.) и отчасти тринадцатый (б. Бугульминский уезд в Самарской губ.) — были оседлы, остальные считались полукочевыми.

К началу нынешнего столетия с уменьшением земельных владений, с постепенным расширением земледельческого хозяйства скотоводство у башкир, как уже отмечалось выше, сильно пало, и число башкир, выезжавших летом на кочевку, значительно сократилось. Целыми деревнями летом на кочевку со скотом выезжали башкиры только центральной части Южного Урала, а именно: инзер-катайцы, гирей-кипчаки, кубелякцы, горные тамьян-тангаурцы, карагай-кипчаки и бурзяне, а также приуральские сянкин-бушман-кипчаки. В этой области богатые скотом башкиры выезжали на кочевки для его прокорма, а бедные — для лесного промысла в окрестностях кочевок. Значительно обширнее была территория, на которой на кочевку выезжала только часть населения деревни, лица, богатые скотом. Это была вся зауральская часть Башкирии, за исключением самой северной (серлинцы и мякотинцы) и самой южной (усерганe). На западном склоне Урала и в юго-западной степи на кочевку выезжали только калчир- и кси-табынцы, юрматынцы-ильчек — Тимировой и Карамышской тюб, редкие из яик-субыль-минцев, сянкин-бушман и суун-кара-кипчаков, бурзян.

На кочевку башкиры выезжали обычно в конце апреля, в начале мая и, в зависимости от местности, кочевали до конца сентября или октября. В течение лета каждое семейство меняло место кочевки раза три-четыре. Кочевали по возможности вдали от деревни, чтобы сохранить на зиму траву вблизи зимовок[85].

[84] По сведениям Н. С. Попова (*Попов Н. С.* Хозяйственное описание Пермской губернии. Пермь, 1813. Ч. 3. С. 168), относящимся к началу прошлого столетия, все екатеринбургские башкиры, имеющие достаточное количество скота, летом выезжали на кочевки в Уральские горы.

[85] Местами, например бурзяне, весной, перед откочевкой в горы, вблизи своих деревень выжигали прошлогоднюю сухую траву, чтобы молодая трава лучше росла.

Расстояния между деревнями и местами летних кочевок постепенно уменьшались. Если в конце XVIII в. башкиры откочевывали со своим скотом километров за 100 от зимовок, то в конце XIX — начале XX в. вследствие уменьшения размеров вотчинных земель башкиры только немногих, наиболее обеспеченных землей, родов имели возможность откочевывать за 30—50 км. С развитием земледелия явилась необходимость ограждения полей от пастбищ, что повело к образованию так называемых поскотин (*баҫыу*). Обязательства городьбу или прясла городить оговаривались уже в начале XVIII в. в записях на припуск в свои вотчинные владения башкирами главным образом Казанской дороги. Сооружение поскотин (огороженных выгонов) постепенно получило повсеместное распространение в Башкирии.

Поскотины первоначально были настолько велики, что скот, пригоняемый в деревню днем для доения, за ночь не успевал доходить до участков, отдаленных нередко километров за 6—8 от деревни. Таким образом, трава на окраинах поскотин хорошо сохранялась, а вблизи деревни выедалась скотом. Поэтому там, где кочевые земли были уже распаханы, башкиры во вторую половину лета откочевывали со скотом на отдаленные участки внутри деревенской поскотины и только по уборке хлебов кочевали за пределами поскотины. Во время моего пребывания в Башкирии в первом десятилетии XX в. большинство башкир, выезжавших на кочевки, откочевывали за 15—25 км от деревни. Около деревни, в поскотине и на полях до уборки хлеба, кочевали только с у б ы л ь - м и н ц ы, некоторые из зауральских к а т а й ц е в и т а м ь я н - т а н г а у р ц ы.

Глава V

ЗВЕРОЛОВСТВО, ПТИЦЕЛОВСТВО И РЫБОЛОВСТВО

Ясак, который платили башкиры сначала булгарам и татаро-монголам, а затем и Московскому государству, состоял в основном из мехов. Последнее могло иметь место только в том случае, если зверовой промысел в стране был достаточно развит. Куньи меха со времени господства булгар заменяли звонкую монету, а в московский период и позднее, в XVIII в., куницами (при стоимости куницы 4 гривны) исчислялся ясак.

В связи с той ролью, какую меха пушных зверей играли в экономике башкир с XVI по XVIII в., вполне естественно то значение, которое они придавали местам звериных промыслов. Все без исключения записи XVII и XVIII вв. о припуске башкирами в свои вотчины новоприбылых людей в том или ином виде оговаривали право пользования бобровыми, реже выдряными гонами с разрешением или отказом ловить или побивать бобров, пользоваться звериными ловлями и в них всякого и в том числе «текучего зверя» побивать.

Особенно ценились «бобровые гоны», которые специально оговаривались в припускных записях или при сдаче земельных угодий в оброк. Бобры, которые к XIX в. были полностью истреблены, в первой половине XVIII в. еще в достаточном количестве водились в Башкирии. По имеющимся документам можно установить, что в то время бобры водились в следующих волостях: Казанской дороги — Бюлярская, Гирейская, Дуванейская, Елдятская, Енейская, Иланская, Кыр-Иланская, Калнинская, Кыр-Калнинская, Каршинская и Шамшединская; Сибирской дороги — Айлинская, Кипчакская, Кудейская, Кущинская, Кыр-Укларская, Салзаутская, Унларская; Ногайской дороги — Бешеульская, Илькей-Минская, Минская, Кумрук-Табанская; Осинской дороги — Гайнинская и Ирехтинская.

Район распространения бобров, по всей вероятности, был еще больше и выходил за пределы указанных волостей.

Промысловыми зверями были следующие: бобер, выдра, куница, лисица, волк, рысь, соболь, горностай, норка, ласка, белка, летяга, заяц, суслик. Охотились также на медведей, лосей и диких коз.

О древних приемах охоты мы знаем очень мало. Самые ранние сообщения относятся к XVIII в., главным образом второй его половине. Последние сведения со-

браны мной при моих исследованиях быта башкир, относящихся ко времени, когда охота в Башкирии пришла уже в упадок.

Одним из примитивных приемов охоты была гоньба диких коз по насту, распространенная в башкирском Урале, преимущественно на восточном его склоне. Весной, после первых оттепелей и наступавших вслед за ними морозов, образовавшаяся на снегу ледяная корка не давала возможности козам бежать. В это время башкиры (к а т а й ц ы) выслеживали диких коз, а иногда и лосей и преследовали их на лыжах. Животные, поминутно проваливавшиеся сквозь наст и ранившие ноги, быстро бежать не могли; охотники нагоняли их и массами убивали.

Подобные же способы охоты гоном наблюдались и в северо-западной лесной Башкирии (Гайнинская и Уранская башкирские дачи) и кое-где по западному склону Урала (у к и п ч а к о в, т а б ы н ц е в и ю р м а т ы н ц е в). Там башкиры гоняли на лыжах (подбитых шкурой — *саңғы*) по глубокому снегу лисиц, волков и даже рысей. Напав на след зверя, два охотника бежали за ним непрерывно в течение многих часов, пока выбившийся из сил зверь не заляжет; подоспевший охотник убивал его дубиной или обухом топора. При таком преследовании зверя охотников обязательно было два, чаще три; бежали они один за другим по одной лыжне: передние два гнались за зверем, сменяя один другого, а задний нес верхнюю одежду, скинутую бегущими впереди, и съестные припасы.

Гораздо многочисленнее и разнообразнее были приемы ловли зверей при помощи различных ловушек. Наиболее простыми были ямы, которые рылись для поимки волков. Рылись они с осени и использовались для ловли зимой. Ямы эти были круглые, в диаметре около 2 м и до 3 м глубиной. Посредине такой ямы вбивался шест, верхний конец которого слегка возвышался над краями ямы. Сверху яма закрывалась хворостом, засыпалась снегом или соломой и снегом[86]. Впрочем, ямы в качестве ловушек употреблялись башкирами редко, несравненно распространеннее были всевозможные петли (*тозақ*).

Петли на зайцев (*куян тозағы*), как и на лисиц (*төлкө тозағы*), вились из конского волоса, позже их начали делать из тонкой проволоки. Эти цевки, или попручки, как их называет русское население Приуралья, ставились в количестве нескольких десятков на заячьих и лисьих тропах. Над тропой нагибалось небольшое дерево, к вершине которого привязывался конец петли. Дерево удерживалось в наклонном положении при помощи особой прицепки. Петли прилаживались над тропкой в таком положении, чтобы проходящий по тропе зверь попал в нее головой. Как только заяц или лисица попадались в петлю, прицепка срывалась, и дерево, разгибаясь, приподнимало зверя кверху. Иногда петля привязывалась к концу тонкой жерди, прикрепленной в свою очередь к растущему возле тропы дереву, а груз, привязанный к ее нижнему концу, подбирался с таким расчетом, чтобы попавший в петлю зверь подымался кверху так же, как и на согнутом дереве. На лисьи петли надевалась еще деревянная колодка, которая, нажимая на шею пойманной лисицы, не давала ей возможности перегрызть петлю (рис. 26). Таких петель на урочищах, изобилующих тропами, ставились сотни. Охотники каждое утро осматривали свои снаряды, брали добычу и снова их настораживали. Этот способ ловли зайцев и лисиц применялся главным образом в осеннее время. Наблюдал я его почти во всей Башкирии, особенно распространенным он был у б у р з я н, у к и п ч а к о в и их соседей. Изредка башкиры ловили петлями хорьков и сусликов на норах.

Среди ловушек более сложного устройства башкиры пользовались такими, которые прижимали зверя своей тяжестью (*тәпе*), и ударными кашканами (*тәпе, атма, һауыт*).

[86] *Черемшанский В. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом и промышленном отношении. Уфа, 1859.

Рис. 26. Колодка к петле для ловли лисиц – *толкө тозағы*. Бурзяне

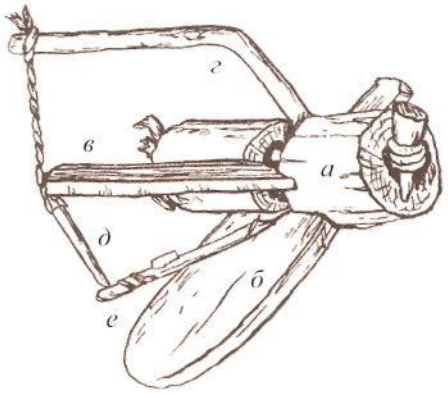


Рис. 27. Ловушка *тәпе*: *а – науыт, б, в – калак, г – ян, д – сирткес, е – тел*. Гайнинцы

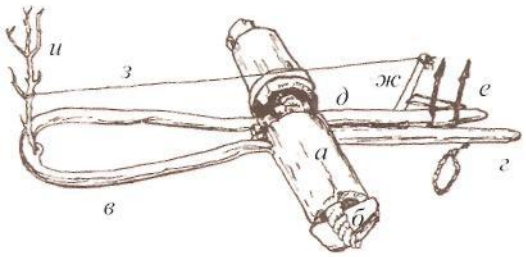


Рис. 28. Ловушка *науыт*: *а – науыт көпсәк, б – калак, в – бөгөл ян, г – аткыс ағас, д – ук, е – теш, ж – тәпе, з* – конский волос, *и* – прутик. Гайнинцы

Тәпе, или плашкой, называлась ловушка, состоящая из двух помещенных одна над другой колод, верхняя из которых приподнималась и настораживалась; колода эта придавливала попавшего под нее зверя своей тяжестью. При одном и том же принципе устройства *тәпе* бывали и очень маленькие, когда ими ловили мышей, и очень большие, когда они настораживались на медведя. В первом случае *тәпе* состояло из двух плашек, в качестве приманки клалось сало, во втором случае ловушка делалась из бревен и приманкой служила павшая или задранная медведем скотина.

При установке ловушки на медведя делался бревенчатый помост, над которым при помощи особых насторожек, сообщающихся с приманкой, закреплялась бревенчатая же западня треугольной формы. На помост клалась приманка, и западня падала на медведя, как только он притрагивался к приманке.

Тәпе в качестве мышеловки получила широкое распространение в Башкирии, и в прежние времена ею, по всей вероятности, пользовались для ловли не только мышей, но и других мелких зверьков. *Тәпе*-ловушку на медведя я видел только у башкир гирей-кинчаков и у калчир-табынцев, на западных склонах Урала.

Тем же словом *тәпе* башкиры называли и ударную ловушку, настораживаемую на горностаев, мышей и других мелких зверьков. Она состояла из деревянного, полого внутри обрубка *науыт* с укрепленной в нем широкой деревянной лопаткой *калак*. На середине обрубка делался вырез, в котором свободно ходила другая лопатка таких же размеров, как и нижняя (рис. 27). Двойная веревка (*токан ип*) внутри обрубка, скрученная и натянутая наружными клиньями, служила для верхней лопатки пружиной. Настороженная верхняя лопатка задерживалась при помощи особой палочки-лучка (*ян*) и привязанного к ней колышка (*сирткес*) с язычком (*тел*). Ловушки описанного выше типа я видел только у горных башкир.

Широко распространенной среди башкир была ударная ловушка, так называемая *науыт*. *Науыт* бывали боль-

шие (рис. 28), для ловли зайцев и лисиц, и маленькие (рис. 29), употребляемые для ловли мелкого зверя — горностая, норки, ласки. Устройство этой ловушки было довольно сложное. Она состояла из полого деревянного цилиндра (*науыт көпсәк*), внутри которого помещалась двойная витая веревка, конопляная в малой ловушке и из сухожилий — в большой. Эта витая, натянутая на клиньях (*калак*) веревка служила пружиной для ударного рычага (*ук*). К средине цилиндра прикреплялась спереди узкая дуга из прута (*боғол ян*), а сзади деревянная ручка (*аткыс ағас*). В ловушках на мелкого зверя дужка обматывалась мочалом, чтобы при ударе рычага зверек не проскочил в ее отверстие. Другое отличие малой *науыт* от большой заключалось в том, что в ударном рычаге первой укреплялись простые железные гвозди, в рычаге же второй — железные острия (*теш*) с бородкой и зазубриной. Настораживались *науыт* при помощи деревянного курка и чекушки (*тәте, төйәк*), от которой к прутку, закрепленному в вершине дуги, натягивался белый конский волос.

Расставлялись *науыт* на звериных тропах так, что на самой тропе лежала дуга. Ловушка, равно как и ее дуга, засыпались снегом, следы тщательно заравнивались, для чего служила специальная лопатка (*науыт корәк*), узкая и длинная, слегка изогнутая на переднем конце, которую ставившие капканы башкиры всегда имели при себе. *Науыт*, некогда широко распространенная среди башкир, в начале XX в. была в употреблении только в горах Южного Урала и в лесах северо-западной Башкирии.

По р. Белой и ее притокам встречался кое-где, а у табынцев даже в большом количестве, еще один тип деревянной ловушки — так называемая *атма*, хорошо известный у русских и коренного населения Сибири черкан. По типу *атма* является разновидностью самострела, состоит из ложа (*буҫаға*) и лучка (*йәйә*); внутри ложа подвижно укреплен ударник (*тел*), насаженный на дощечку, заменявший стрелу (*ук*) самострела. Настораживалась *атма* подобно сибирским черканам главным образом

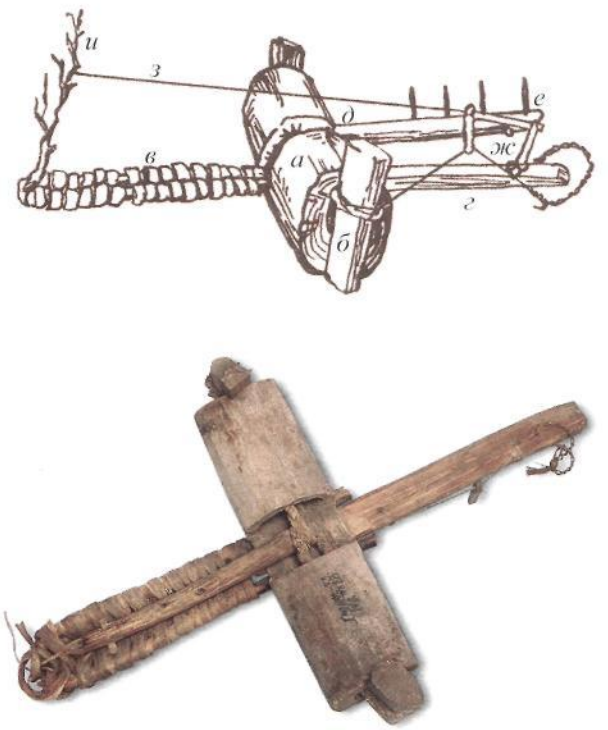


Рис. 29. Ловушка *науыт*: *а – науыт көпсәк, б – калак, в – боғол ян, г – аткыс ағас, д – ук, е – теш, ж – тәте, з – конский волос, и – прутик.*
Гайнинцы

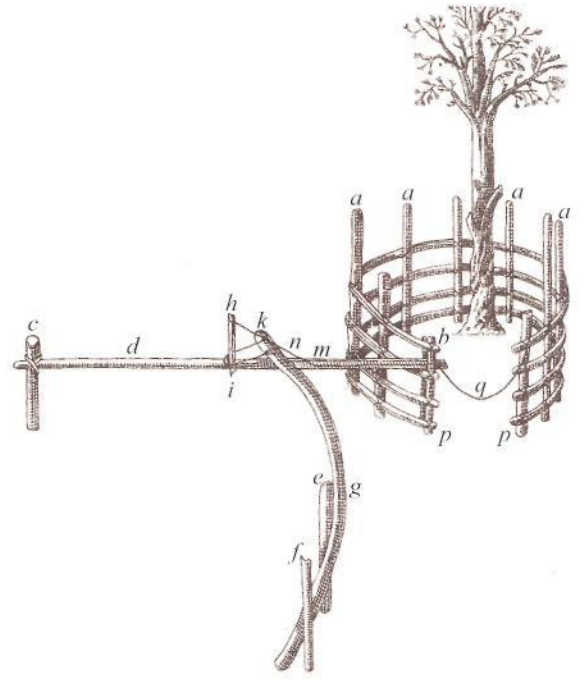


Рис. 30. Ловушка на медведя
(Лепехин, 1802)

Рис. 31. Ловушка на медведя (Паллас, 1786)

для ловли горностаев на тропках, чаще при дуплах деревьев, куда клалась приманка.

Насколько мне известно, со второй половины XIX в. башкиры не настораживали самострелов ни на каких зверей. Тем больший интерес представляет прекрасное описание этого снаряда, настораживаемого башкирами на медведя, данное И. И. Лепехиным и снабженное рисунком. Привожу дословное описание этого снаряда: «Когда они приметят, что медведь несмотря ни на какия другия предосторожности посещает их борти, то делают они простую ловушку, *казы* называемую (рис. 30. — *С. Р.*). Бортевое дерево огораживают кольями (*a*) и оплетают оныя плетнем, оставляя отверстие шириною орешина на два в том месте, откуда медведь приходит к бортю. С одной стороны отверстия вбивают кол (*b*) вышиною великорослому человеку в колено, от котораго в прямой линии разстоянием на сажень вбивают другой кол (*c*) и оба сии кола скрепляют перекладиною (*d*) — *ситказ* (*сит казы*. — *С. Р.*). Противу перекладины, разстоянием саженях в двух вколачивают еще два кола (*e* и *f*), между которыми кладется сырой вязовой шест (*g*), лучок *я* (*яп*. — *С. Р.*) называемой, к концу оного (*k*) привязывается путо — *штау* (*i* — *тышау*. — *С. Р.*). К путу прикрепляется сторожок (*h*) *кандак* (*кенде*. — *С. Р.*), который по натянутии лука (*g*) настораживается в зарубине (*l*), сделанной на перекладе (*d*). С другой стороны лучка в прямой линии с перекладиною (*d*) и равной с нею длины укрепляется или толстая стрела или обломок копья (*m*). К концу сторожка привязывается тонкая веревочка (*n*), которая прикрепляется так же к колу, на другой стороне отверстия стоящему (*o*), так чтобы она не была натянута, но висела. Отверстие (*pp*) слегка покрывается хворостом, чтобы веревочка (*q*) не так была видна. И так, когда медведь по обыкновенной своей дороге сквозь отверстие (*pp*) пробирается к бортю и тащит перед собою хворост и с оным зацепляет веревочку (*q*), от чего сторожок (*h*) срывается, то лук (*g*) своею упругостию устремляет стрелу (*m*), которая медведю или в бок, или грудь пронзает, от чего он иногда на месте, иногда отошед, издыхает»[87].

Нечто подобное видел у башкир и П. С. Паллас: «С большим успехом, — пишет этот исследователь, — употребляют иные на деревах натянутые некоторыя снасти, которыя имеют некое сходство со старинными стрелометательными орудиями, кои так настораживают, что если медведь полезет на дерево, то он заденет за веревочку, и заощренное бревно, спустившись ударит его в грудь»[88].

Помимо только что приведенных, у башкир было еще несколько приемов охоты на медведя. Некоторые из них были рассчитаны скорее на защиту ульев от медведей, чем на добычу этого зверя. У башкир отмечен общеизвестный способ защиты борти от медведя подвешиванием перед входом в дупло на длинной веревке толстого деревянного обрубка,

[87] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 68–69.

[88] *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1786. Ч. 2. Кн. 1. С. 24.

чурбана или камня[89]. В землю около бортевого дерева с чурбаном вбивали заостренные дубовые колья[90]. По словам П. С. Палласа, самое обыкновенное средство башкир для защиты борти от медведя состояло в том, что «вколачивают в ствол вострые с верьху загнутые ножи или железныя спицы, либо вокруг всего дерева, ежели оно прямо, либо повыше изгибу, когда оно кривое. Когда медведь лезет на дерево, то обходит он сии вострыя спицы; а напротив того, спускаясь в низ, упадает на них и ранен бывает в брюхо так, что обыкновенно от того умирает»[91]. У башкир наблюдался еще один любопытный способ охоты на медведя, подробно описанный исследователями конца XVIII и XIX в.[92] Приводим его описание со слов П. С. Палласа: «Иные привязывают толстыми канатами к длинному дерева суку в равновесном положении доску, которая к нпю притянута и мочалом крепко привязана быть может. Медведю весьма способно покажется сидя на оной выдирать мед, по чему и первый его труд состоит в том, чтоб разорвать мочало, коим сук с доскою привязан; но едва он сие сделать успеет, сук с доскою от дерева удалится и по воздуху на привязанном к суку канате качаться начнет. Если медведь тотчас не упадет, то должно ему отважиться к двум опасностям: либо с высоты низринуться, либо там терпеливо сидеть до времени. На оба первые случая вколочены под деревом заостренные колья деревянные, а в последнем убивают его от части стрелами, а от части из ружьев» (рис. 31).

Со второй половины XIX в. среди башкир повсюду широкое распространение получили железные тарелочные капканы, различной величины и силы, в зависимости от рода зверя, для ловли которого они были предназначены.

В степной, южной Башкирии на базарах вместе с железными тарелочными

Рис. 32. Лук сложный – *әдернә* (*а*), простой – *ян* (*б*). Гайнинцы

[89] *Казанцев И.* Описание башкирцев. СПб., 1867. С. 49–50.

[90] *Черемшанский В. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. С. 461.

[91] *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1786. Ч. 2. Кн. 1. С. 23.

[92] Там же. С. 24; *Черемшанский В. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. С. 462; *Казанцев И.* Описание башкирцев. СПб., 1867. С. 49–50.

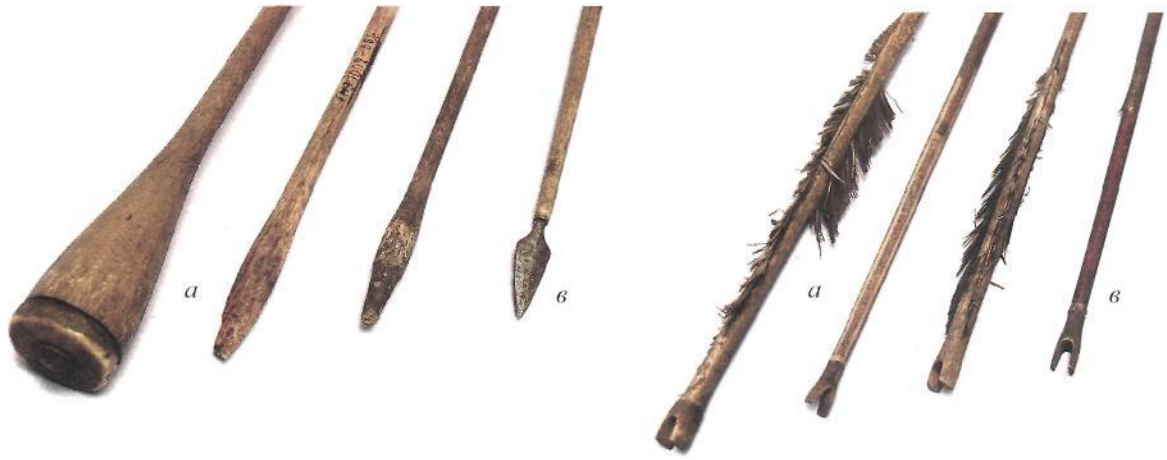
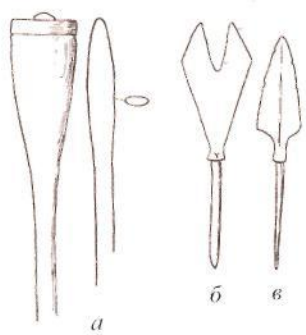


Рис. 33. Наконечники стрел – *ук башак: а* – гайнинцы, *б* – кара-табынцы, *в* – слы-минцы



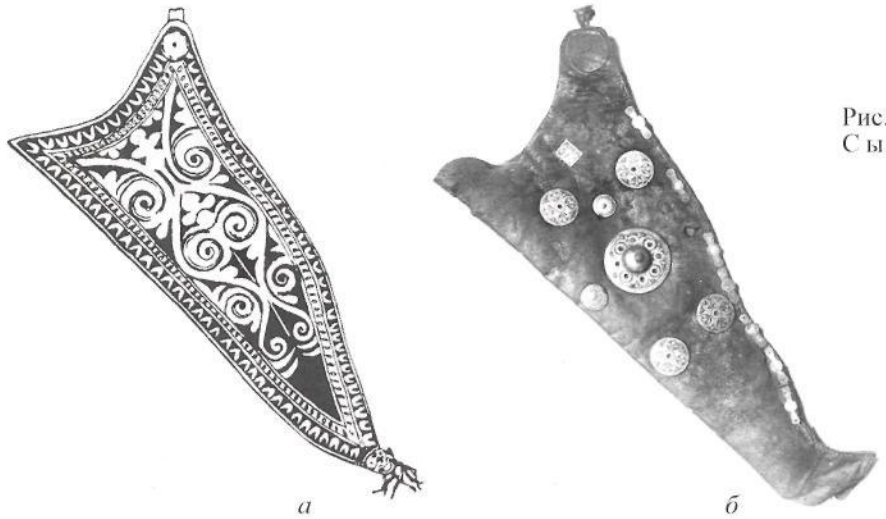
капканами продавались особые ловушки на сусликов. Они представляли собой трубу из листового железа диаметром 7–8 см, внутри которой было укреплено шесть острых крючков из толстой проволоки (по три у концов трубы), обращенных остриями внутрь. Ловушки эти вставлялись во входные отверстия норы суслика; зашедший в трубу суслик из-за заостренных крючков уже не мог из нее выбраться.

Сетями (*ау*) загоном ловили только зайцев. Хотя этот способ охоты известен в различных районах, но прибегали редко.

Стреляли зверей башкиры из лука и из ружья. До XIX в. лук со стрелами был наиболее распространенным охотничьим оружием башкир. Башкиры «к звероловству, – писал И. И. Лепехин, – весьма склонны. Они на такой предмет никаких хитростей не употребляют, но единственно полагаются на свое проворство и искусство в пускании стрел»[93]. В другом месте тот же автор, описывая башкирские приемы охоты на белок, замечает между прочим, что утомившаяся и загнанная белка ложится на толстые сучья, но и это средство не спасает ее от башкирских стрел, так как башкиры срубают деревья[94].

Луки (*йәйә*), употреблявшиеся башкирами для охоты, были двух типов: простые (*ян*, рис. 32, *б*) и сложные (*әдерә*, рис. 32, *а*). Простой лук изготовлялся из березового или вязового дерева, сложный склеивался из двух половин – березовой и еловой – и обклеивался снаружи берестой. Тети-

[93] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 4.
[94] Там же. С. 62.



а *б*

Рис. 34. Налучья – *йәйә һаҙак*. Сызгинцы

а *б* *в* *г* *д* *е* *а* *б* *д*

Рис. 35. Наконечники стрел – *ук башак: а* – гайнинцы, *б–д* – катайцы; *ук*: *е* – кара-табынцы

а *б*

Рис. 36. Колчан – *ук һазак*: *а* – катайцы, *б* – бала-катайцы

Рис. 37. Наконечник пики. Кайлино-каршинцы

Рис. 38. Кистень – *киҫтән*. Айлинцы

ва (*кереш*) делалась из крепкой конопляной бечевки или из сухожилий. Башкирские луки были небольшие (до 1,5 м длины) и несильно выгнутые. Охотничьи стрелы (*ук*) были различных типов. Среди них имелись простые деревянные со слегка расширенным и уплощенным острием и стрелы с утолщенными наконечниками (*ук башак*), так называемые *тупакай*, на которые иногда насаживались костяные обоймы (рис. 33). Тамары (*тупакай*) употреблялись для охоты на пушного зверя, преимущественно на белку. Для охоты на крупного зверя пользовались стрелами с железными наконечниками лавролистной и ромбической формы. Имелись стрелы и с острыми костяными наконечниками. Башкирский боевой лук (*әдернә*) несколько отличался от охотничьего (*йәйә*). Он всегда склеивался из двух пластин разнородного дерева, с внутренней стороны для прочности и упругости в нем бывали подклеены по всей длине роговые пластины, а снаружи для предохранения от сырости он оклеивался берестой. Лук этот был небольшой, метр длиной, довольно сильно изогнутый, с отогнутыми концами, очень эластичный (рис. 32, *а*). Тетива (*кереш*) боевого лука чаще всего была шелковая. Хранился лук и возился в поход в кожаном налучнике – *һаҙак*, всегда украшенном тисненым орнаментом (рис. 34, *а*) или железными бляхами (*каш*), покрытыми серебряным чеканным узором (рис. 34, *б*).

Боевые башкирские стрелы (*ук*) от охотничьих отличались главным образом формой своих наконечников. Железные наконечники боевых стрел были широколопастные, ромбической формы, с череном, укрепленным в переднем конце древка сухожильной обмоткой (рис. 35, *а–д*). Задний конец древка стрелы с четырехперым оперением иногда бывал роговым с арочной выемкой для тетивы лука (рис. 35, *е*). Помещались стрелы в колчанах (*ук һаҙак*), по 16–25 штук в каждом (рис. 36).

По форме башкирские колчаны были общеазиатского типа, с деревянным остовом, обшитым кожей; кожаными перегородками или переплетом из обшитых сукном веревок они разделялись на несколько отделений. Стрелы вкладывались в колчаны всегда острием вниз. В колчанах иногда, чтобы предохранить оперение от повреждений, устраивался специальный каркас из тонких прутьев. Подобно налучьям, колчаны часто украшались железными пластинками и бляхами, покрытыми серебряной чеканкой.

Поскольку речь зашла о башкирском вооружении, следует упомянуть еще о пиках и кистенях, а также о кольчугах.

Железные копья, или пики, башкир имели ромбическую в сечении форму, с глубокой втулкой, насаживающейся на длинное древко (рис. 37).

В качестве боевого оружия, возможно, употреблялись и особого рода кистени (*киҫтән*) – железный шар, укрепленный при помощи короткой цепи на конце довольно длинного древка (рис. 38). Подобные кистени мне неоднократно случалось видеть у башкир, которые «на всякий случай» возили их в ночную дорогу, «на случай» держали и дома.

Оборонительным башкирским оружием были железные кольчуги (*тимер күлдәк*) и *куяк* — латы из кованых железных пластинок, накрепленных на сукно.

Ружья в старину у башкир были кремневые, со второй же половины XIX в. их вытеснили пистонные ружья, появились и берданки. Некоторым своеобразием отличались только ружейные принадлежности (рис. 39, 40). На ремне, одевавшемся через плечо, у ружейного охотника всегда была привязана пороховница (*котокса*) из козьего или коровьего рога, кожаный мешочек или роговой сосудец для дроби (*токсай, дроб һалғыс*), роговой или кожаный футлярчик для пистонов (*фистон һауыт*), костяная мерка (*үлсәү*) для пороха и дроби, особый кожаный мешочек для пуль (*йәзрә һалғыс*) или матерчатый для пыжей. Там же иногда были привязаны проволочки для прочистки пистонника и железный стерженек в деревянной рукоятке для забивания пуль в дуло.

Из ружей башкиры стреляли выслеженных зимой пушных зверей и лосей, но имелись и специальные ружейные охоты; из них наиболее интересны охоты на медведя с лабаза (*тазғак*) и у берлоги с рогатиной. По словам П. С. Палласа, башкиры «стараются при начале ночи стеречь медведей на деревьях, либо возле стад, где они на скот нападают, либо при падалине»[95]. И действительно, в горах Южного Урала, повсеместно там, где водились медведи и нападали на скот, башкиры устраивали лабазы (*тазғак*) возле задранных медведем животных. Для этого вырубали несколько жердей и привязывали их по две или по три в наклонном положении к двум, рядом со стервятиной растущим деревьям (рис. 41). По этим-то наклонно поставленным жердям с длинными сучками и взбирались на лабаз. На деревянных подпорках (*баҫкыс*) между обоими деревьями клались две довольно толстые жерди (*жирҙә*). На жердях у обоих деревьев настилался ряд расколотых палок (*һайғау*), на которые садился охотник.

Рис. 39. Ружейные принадлежности:
а – котокса, б – үлсәү, в – фистон һауыт, г–д – токсай, дроб һалғыс.
Гирей-кипчаки

Рис. 40. Ружейные принадлежности:
а – котокса, б – фистон һауыт, в – дроб һалғыс, г – үлсәү.
Гирей-кипчаки

[95] *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1786. Ч. 2. Кн. 1. С. 24.

Рис. 41. Лабаз для охоты на медведя – *тазгак*. Бурзяне

Медведя стреляли ночью на стервятине, а на случай, если бы медведь, раненый, полез на лабаз, каждый из охотников имел при себе топор. Чтобы не вытоптать траву и не отпугнуть от стервятины чуткого зверя, охотники как днем при устройстве лабаза, так и вечером приезжали на место охоты верхом на лошадях.

Другим, весьма распространенным у башкир способом охоты на медведя была охота на берлоге (*өй*). Выследив залегшего на зиму медведя или случайно наткнувшись на берлогу, которая хорошо заметна по инею, покрывающему деревья над ней, башкиры отправлялись добывать зверя. Зверовые собаки бывали у башкир весьма редко, поэтому они поднимали медведя заостренным шестом и, когда зверь выходил из берлоги, принимали его на рогатину (*айыу һөңгөһө*) или стреляли в него. Рогатины башкиры делали сами; их наконечники бывали весьма солидны (до 50 см длиной), втулка всегда имела отверстие для гвоздя, которым наконечник прикреплялся к древку. Наконечник рогатины имел форму ивового листа (рис. 42).

При некоторых видах охоты башкиры пользовались животными и в первую очередь лошадьми.

Особенно широко была распространена у башкир гоньба на лошадях зверей по первой пороше. Преследование зверей на лошадях возможно было только в безлесной или лесостепной местности, поэтому этот вид охоты практиковался главным образом в зауральских степях, на юге и юго-западе страны, населенной башкирами. По словам И. И. Лепехина[96], для такой охоты башкиры выезжали даже в казахские степи. На лошадях без собак башкиры преследовали главным образом волков, с собаками же — зайцев и лисиц. Выехав в степь по первой пороше артелью, охотники нападали на следы и по ним определяли, где скрывался зверь. Отыскав или случайно наткнувшись на зверя, его преследовали. Загнанного волка они или брали живым, или убивали ударами нагайки по ёрке (по носу).

Весьма интересно нижеследующее замечание И. К. Кирилова в его донесении в Кабинет (1735 г.) о своей деятельности во время пребывания в г. Уфе: «Башкирцы... говорят, что де дикого зверя — волков всех перевели, и лошадей и скот свой без пастухов в степях и в лесах содержим (что подлинная правда, — ежели где волка завидят, того никогда не отпустят, собрався, от деревни до деревни гонят и всемерно убьют»)[97].

На зайцев и лисиц башкиры охотились с собаками особой породы (*тазы*) — на тонких и длинных ногах с длин-

[96] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 5.

[97] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. / Сост. *Н. Ф. Демидова*; Под ред. *Н. В. Устюгова*. М.; Л., 1949. С. 490.

ной и острой мордой, легким туловищем; более всего такие собаки похожи на густопсовых борзых. Бывали, по-видимому, у башкир зверовые собаки и других пород, с которыми они охотились в лесах. По словам П. С. Палласа[98], в его время вся Башкирия изобиловала куницами, в ловле которых башкиры «одним только поступают образом: по первой пороше изыскивают прилежно следы сих зверей и следуют за ними на лыжах, и либо на дереве застреливают, либо дерево срубают, чтоб приученыя к тому собаки их поймали». По свидетельству того же автора, у башкир имелись также собаки, с которыми они ходили на медведей: «Зимой, собравшись обществами, ходят башкиры по их следам, травят собаками и убивают копьями». Мне, как указывалось выше, уже не приходилось встречать у башкир собак, с которыми они ходили бы на охоту за медведями.

С собаками типа лаек охотились на норку (гирей-кипчаки), на барсуков (тамьян-тангаурцы), на куницу (бушман-кипчаки).

В прежние времена, по крайней мере степные башкиры, охотились за волками, лисицами и куницами с помощью ловчих птиц — беркутов. В одной из башкирских хроник сообщается, что башкиры, как только приняли русское подданство и, освободившись от владычества ногайских ханов и мурз, вернули свои земли, «все люди сказали: Имеем места для зимовья, имеем места для кочевки. Есть беркуты и соколы с гнездами, есть лисы и куницы, поделим же по жеребию всю нашу землю»[99].

Имеются сведения об охоте башкир за зверями с ловчими птицами и во второй половине XVIII в. И. И. Лепехин писал, что башкиры, отправляясь летом на кочевку, кур и гусей оставляли в своих зимовках «по видимому, для приманы хищных птиц, как то ястребов, орлов и соколов, к которым они великую имеют склонность... Орлы им потребны для стрел, на которыя они употребляют крыльныя и хвостовыя перья, выключая беркутов, которых башкирцы для ловления зверей, как то лисиц, зайцов и волков употребляют»[100].

Чтобы закончить обзор башкирского звероловства, остается сказать несколько слов о снаряжении башкира-охотника (*нупарсы*), об артельной охоте и об охотничьей территории. Специального охотничьего костюма у башкир не было, если не считать особую обувь (*бышымлы кыйырак* и *бышымлы сабата*), которую носили охотники в северной части Башкирии и которая будет описана в главе об одежде. Эта обувь особенно удобна была при ходьбе на лыжах. Помимо ружья с описанными выше принадлежностями, северо-западные башкиры-охотники носили за плечами особое приспособление (*алап*) для носки провизии и убитой дичи. *Алап* состоял из дугообразно изогнутого прута, стянутого переплетом из лыка и с внутренней стороны подшитого берестой

Рис. 42. Рогатина для охоты на медведя — *айыу һөнгөһө*. Гирей-кипчаки

[98] *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1786. Ч. 2. Кн. 1. С. 25.

[99] *Усманов А. Н.* Присоединение Башкирии к Московскому государству. Уфа, 1949. С. 13.

[100] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 39–40.

Рис. 43. Приспособление для поски провизии – *алап*. Гайнинцы

(рис. 43). К пруту по бокам приделывался ряд веревочных петель, стягивающихся одной веревкой. За плечами *алап* носился при помощи особых лямок, а система петель, стянутых веревкой, удерживала на нем кладь. Каждый охотник у пояса обязательно имел нож в ножнах.

Никаких данных о наличии у башкир больших облавных охот типа хорошо известных у древних монголов мы не имеем. В исторических документах сообщается о выездах на охоту башкир сравнительно небольшими группами. Групповые охоты имели место при промысле зверя в степи по пороше, при гоньбе волков на лошадях, как увидим ниже, при соколиных охотах. «Как скоро наступит зима или, просто говоря, выпадет первая пороша, – писал И. И. Лепехин, – то молодые башкирцы оставляют свои домы и отъезжают в леса далеко в своих дачах. Они разделяются на разныя артели, и семейством ходят за мелкими зверьками, как то белками и летягами»[101]. За крупным зверем, за оленями или лосями башкиры охотились многолюдными артелями, преследуя их иногда целую неделю. Убитое большое животное делилось на равные части между всеми участниками охоты.

Территория, заселенная башкирами, еще в глубокой древности была распределена между отдельными племенами. С переходом башкир в русское подданство это право владения землей было закреплено за отдельными родами (волостями). Внутри данного рода урочища были распределены между входящими в него аймаками, каждый аймак имел свою *түбә*. Дробление земельных угодий шло еще дальше, и каждая семья или группа семей имела свой жребий, повытье. Промысловые угодья: звериные, птичьи и рыбные ловли, бобровые гоны, бортные ухожья в пределах данного повытья – являлись частной собственностью данной семьи, точнее ее главы – плательщика ясака, или группы родственных семейств. В дальнейшем эти права распространились на более значительную группу лиц, после того как по особым записям в данную вотчину на правах общего владения припускались родственники или посторонние люди. Просматривая многочисленные записи на припуск в данную вотчину тех или иных лиц, можно убедиться в том, что каждый раз весьма тщательно оговаривалось, какими зверовыми ловлями и на каких условиях мог владеть в данной вотчине припущенник или арендатор, если зверовые ловли сдавались в оброк. В одних случаях давалось разрешение всякого зверя побивать, в других – «всякого текучего зверя, окромя бобров и выдер», в третьих – «на степях и на лугах и в полях какого зверя увидит и того зверя им ловить позвольно самим, но только до лесной звериной гоньбы им дела нет и никакими снастями ее бить и не ловить», или, например, «в лесу и аремах... до звериных ловель дела нет, опричь горностаей и рыси ловить», наконец – или «до звериных ловель дела нет», или «никакого зверя не ловить». В тех случаях, когда башкиры, не удовлетворяясь собственными землями, в XVII и XVIII вв. отправлялись груп-

[101] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 4.

пами для промысла пушного зверя на территории соседних казахов и калмыков, такие вылазки часто заканчивались военными столкновениями. Позднее, уже в середине прошлого века, по словам В. М. Черемшанского[102], башкиры-охотники нередко, за недостатком своих промысловых угодий, нанимали чужие, т. е. приобретали право охоты в чужих дачах с уплатой известной доли добычи или денег.

Меньший по сравнению со звериной ловлей, но все же значительный удельный вес в хозяйстве башкир имело и птицеловство. Право на птичьи ловли также особо оговаривалось в документах XVII и XVIII вв. на припуск или в оброк на вотчинных землях башкир. Следует, однако, отметить, что если зверовой промысел имел товарное значение, то птичий — почти исключительно потребительское.

Охотились башкиры на глухарей, тетеревов, рябчиков, куропаток, гусей и лебедей.

Сбор яиц диких гусей и уток и различных видов чаек в широких размерах мне довелось наблюдать только на зауральских озерах. В других районах Башкирии их совсем не собирали или сбором занимались только дети. Дети же выбирали яйца из случайно найденных гнезд боровой птицы.

Особой примитивностью отличалась охота на глухарей в лесных районах, населенных юрматынцами, кипчаками и отчасти бурзянами. Осенью, когда опадают желуди, в дубняках Южного Урала собиралось много глухарей, питавшихся желудями. С первым снегом башкиры ночью отправлялись в дубняки добывать спящих глухарей. Один из охотников вооружался длинной дубиной, а другой нес на себе запас факелов (*сырак*) из бересты или смолистых лучин. При свете факела глухари далеко видны на белом фоне снега, спят они крепко и позволяют охотнику подойти настолько близко, что их можно убить просто дубиной. Местами их ловили саками, укрепленными на длинных жердях. Этот вид охоты на глухарей хотя и продолжался короткое время, до первого значительного снега, бывал добычлив: два охотника за ночь набивали до десятка и более глухарей. Таким же способом (гирей-кипчаки) добывали и тетеревов.

Несравненно распространеннее была ловля птиц петлями (*тозак*). Петли для ловли птиц устраивались следующим образом: на мочальную веревку 2—3 м длиной на равном расстоянии прикреплялось от 9 до 16 петель, свитых из конского волоса. Такими петлями повсеместно ловили преимущественно тетеревов во время их весенних токов. Веревки с петлями натягивались в различных местах токовища между деревьями и вбитыми в землю колышками, на высоте около 20 см от поверхности земли. Во время тока в петли попадало много птиц.

Кроме тетеревов, такими же петлями башкиры ловили и уток в камышах, на тропах, по которым птицы ходили на хлеба, и глухарей в дубняках, где последние кормились упавшими на землю желудями. Если пойманная птица предназначалась для продажи, то петли были простые и попавшая в них головой птица удушалась; если же ее ловили для собственного потребления, то принимались меры к тому, чтобы она оставалась живой до прихода ловца, так как не зарезанных, удавившихся животных башкирам, как мусульманам, воспрещалось употреблять в пищу. В целях предохранения птиц от удушья в петлях завязывались особые узелки с таким расчетом, чтобы они затягивались только до известного предела, не позволяющего птице освободить свою голову.

Для ловли серых куропаток и тетеревов пользовались ловушкой-западней (*япма* или *әүен*). На полях, возле скирд и суслонов хлеба, вбивали в землю колья в виде конуса, основанием кверху. *Япма* от *әүен* отличалась только тем, что в последней посредине вбивался кол. Над ловушкой прилаживалась жердочка, к ко-

[102] *Черемшанский В. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. С. 456.

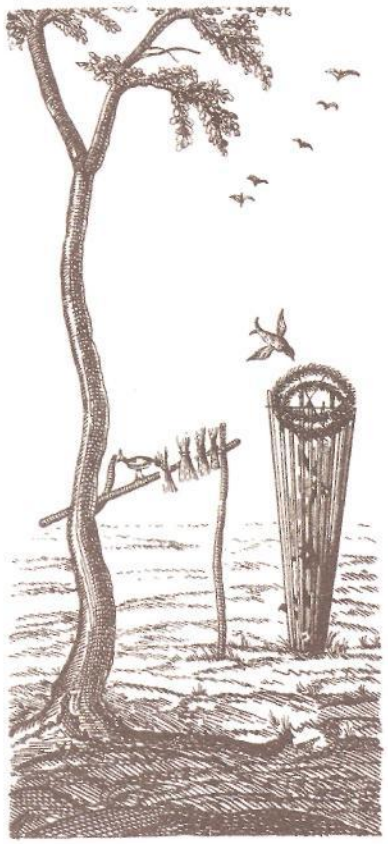


Рис. 44. Ловушка для птиц – *япма* (Паллас, 1786)

торой привязывались хлебные колосья или веточки с ягодами калины; приманку иногда привязывали к вершине кола в центре *әүен*. Куропатка или тетерев садились на жердочку, пытаясь схватить ягоды калины или зерна из колосьев, привязанных к колу; жердочка опрокидывалась, и птица падала в открытый конус-ловушку, откуда уже не могла выбраться (рис. 44). Более сложную западню для ловли тетеревов и рябчиков устраивали б у р з я н е. Колья они забивали в землю по кругу (диаметром 30 см), образуя тем самым цилиндрической формы ловушку, а по близости от него устраивался балаганчик из палок и ветвей, сообщающийся с цилиндром. Над кольями свободно подвешивалось колесо, а над ним калина или другие красные ягоды (костяника). Как только птица садилась на колесо, оно переворачивалось, и птица, упавшая вниз, пряталась в балаганчике до прихода охотника. О подобной же ловушке писал и И. Казанцев: «Иногда устраивают в лесу большую корзину с закрышкою на вертеле, на которую кладут прикорм. Прельщенная этою приманкою птица лишь только спустится, тотчас проваливается в корзину»[103].

У б у р з я н мне довелось познакомиться с ловушкой (*япма*), которой ловили тетерок на гнездах. Над гнездом, в котором уже имелись яйца, устанавливался небольшой конусообразный шалаш из жердочек с дверцей. Дверца оставлялась открытой, и подкарауливающий наседку охотник при помощи особого шнура закрывал дверцу после того, как наседка заходила в шалаш.

Ловля птиц сетями, которая в XIX в. совсем исчезла, в прежние времена имела существенное экономическое значение.

Птичьи угодья, о которых систематически упоминается в записях башкир XVII и XVIII вв. на припуск в их вотчинах, права на птичьи ловли, которые оговаривались при сдаче в оброк этих угодий (иногда с указанием, кого ловить – уток или рябчиков), свидетельствуют о том, что птицеловству придавалось немалое значение. Особенно важно отмеченное в документах наличие перевесищ, т. е. специальных мест для ловли уток и гусей перевесом. Так, 18 декабря 1706 г. в записи башкир Сибирской дороги Кыр-Кудейской волости ясашным татарам той же дороги об отдаче им в оброчное владение своей вотчинной земли указано, в каких местах им «перевесом уток, гусей ловить»[104]. В записи 8 февраля 1735 г. башкир Ногайской дороги Минской волости крестьянам о припуске их в свою вотчину указано, в каких местах и урочищах им «с перевесом сидеть»[105]. При обозначении границ урочищ в тех же документах в качестве опорных пунктов упоминаются и перевесища. Отсюда можно заключить, что в XVII и XVIII вв. ловля уток и гусей с перевесами была хорошо известна башкирам, и когда шла речь о птичьих

[103] *Казанцев И.* Описание башкирцев. СПб., 1867. С. 56.
[104] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. / Сост. *Н. Ф. Демидова*; Под ред. *Н. В. Устюгова*. М.; Л., 1949. С. 30.
[105] Там же. С. 332.

ловлях, то, по всей вероятности, прежде всего имелись в виду перевесища.

Ловля водоплавающей птицы с перевесом была широко распространена в древней Руси. Первое известное мне упоминание о перевесе (перевесище) имеется под 946 годом в «Повести временных лет» по Радзивиловскому списку, где говорится, что двор княжий был в городе (Киеве), а перевесища вне города. В «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку сказано, что «ловища ее (Вольги. — *С. Р.*) суть по всей земли и по Днепру перевесища и по Десне...». Начиная с XIII в. имеется ряд указаний на распространение перевесов в Новгородской земле, в XIV—XV вв. — в Рязанской, с XIV в. — в Белоруссии, с XV в. — в Московской земле, в XVII—XVIII вв., как мы теперь знаем, — и в Башкирии. Во второй половине XVIII в. ловля диких уток перевесом в среднем Поволжье была описана И. И. Лепехиным, а П. С. Палласом — на зауральских озерах. Я лично имел возможность подробно ознакомиться с ловлей уток перевесом в 1909 г. в Березовском крае и дать описание этой ловли[106].

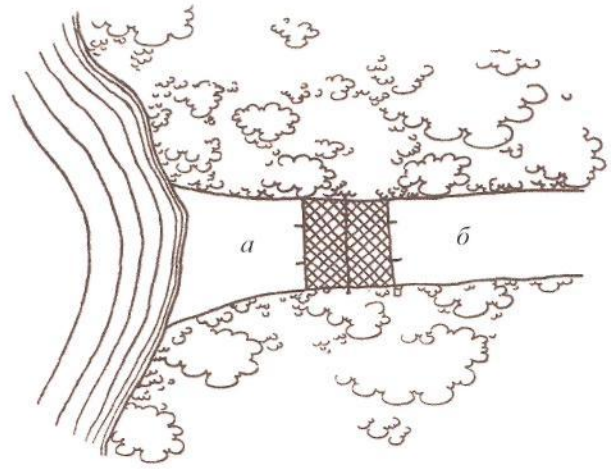


Рис. 45. План перевесища:
а – передняя труба,
б – задняя труба

Ловля уток и гусей перевесами — промысел преимущественно весенний и начинается с прилетом уток.

Ловля перевесом требует устройства специальной просеки, перевесья. Перевесье прорубалось между двумя лесными озерками, облюбованными птицами, чаще между рекой, ее курьей и озерком. Прежде чем рубить перевесье, охотник тщательно просматривал путь перелета птиц с одного водоема на другой, который обычно совпадал с кратчайшим расстоянием между названными водоемами. В перевесье различалась короткая «передняя труба», ближайшая к одному из водоемов, и длинная «задняя труба», направляющаяся вглубь леса (рис. 45). Ширина перевесья определялась размерами сети-перевеса и колебалась от 16 до 20 м, длина же перевесья зависела от топографических условий и иногда бывала довольно значительной.

После вырубки леса на перевесье место это очищалось от валежника, кустарника, мелкой поросли и служило для ловли птиц в течение многих десятков лет, переходя из поколения в поколение. После вырубки леса на перевесье птица при своих перелетах с водоема на водоем не поднималась над лесом, летела низко просекой, которая становилась привычным для пролетных и жирующих на месте птиц перелетным путем. В перевесе птица налетала обычно с «передней трубы», с ближайшего водоема, чем и определялось место «станка», где сидел охотник.

Перевес представлял собой мелкоячеистую (с ячеями 4—5 см в поперечнике) сеть размером в среднем 14х19 м, которая, перегораживая просеку, подтягивалась кверху «жу-

[106] *Руденко С. И.* Перевес // Материалы по этнографии. 1929. Т. 4. Вып. 2.

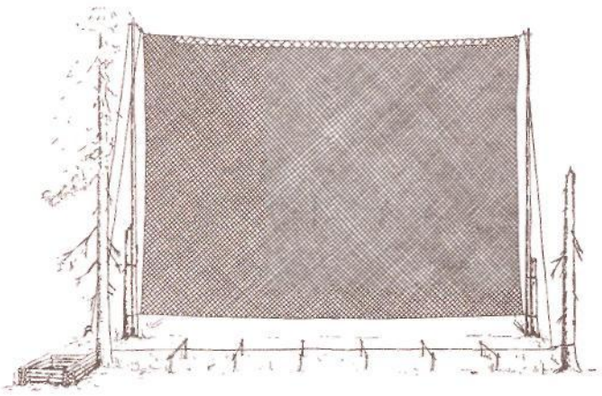


Рис. 46. Схематический рисунок установки перевеса

равцом», т. е. длинными жердями, установленными по краям просеки (рис. 46). Охотник, «сидящий перевесом», помещался в «станке» — в небольшом срубе из четырех-пяти бревен, скрытом под деревьями. В «станок» охотник садился к сумеркам, когда начинался перелет уток, и натягивал перевес поперек просеки. Опускался перевес в тот момент, когда утки подлетали к самой сети. Вместе с сетью они падали на землю и подбирались охотниками. Чтобы сеть не зацеплялась за кусты и сучья на перевесье, над ними натягивалась крупноячеистая (с ячеями около 70 см в поперечнике) сеть-поддон. Размер поддона был около 18х18 м и натягивался на высоте 60—80 см от поверхности земли. При ловле перевесом с поддоном сеть с птицей падала в большие ячеи поддона, образовывая несколько мешков или карманов, из которых птице невозможно было выбраться, к тому же сеть не путалась и не пачкалась.

Как правило, перевесом ловили уток, иногда в них попадали гуси, изредка журавли. Этот промысел был прибыльным. По моим наблюдениям, в бассейне р. Оби, каждым перевесом за весну ловили от 100 до 200 уток.

Местами, преимущественно в Зауралье, башкиры мелкоячеистыми сетками, шатрами (*сатыр*), крыли зимой серых куропаток (*йылан сел*) и тетеревов, изредка осенью на хлебах ловили гусей и уток.

Из лука, насколько мне известно, стреляли только водоплавающую птицу и притом стрелами с вильчатыми железными наконечниками.

При охоте на тетеревов башкиры использовали лошадь с подъезда и на чучела. Охота на чучела (*һүрәт*) производилась поздней осенью, когда тетерева собирались в стаи, главным образом в лесостепных районах. На особенно приметном месте на большом дереве помещалось два-три чучела тетерева, а под деревом устраивался шалаш, в который садился охотник с ружьем. Два или три других охотника верхом на лошадях выслеживали сидящих на деревьях тетеревов и гнали их по направлению к дереву с чучелами, куда они и садились.

Рис. 47. Сани для охоты на тетеревов – *кор санаһы* (модель). Бурзяне

Охота на тетеревов с подъезда производилась зимой по большому снегу, для чего лошадь запрягалась в особые легкие на высоких копылах санки (*кор санаһы*, рис. 47). Проезжающего в санках охотника сидящие на деревьях тетерева подпускали близко. Охотник клал ружье на специальную сошку (*кор ағасы*), укрепленную на санях, и стрелял птицу.

Как уже упоминалось выше, о башкирских охотах с ловчими птицами мы знаем по преданиям и сообщениям путешественников второй половины XVIII в. Большое мастерство башкир в обучении ловчих птиц отмечал И. И. Лепехин, сообщая, что башкиры «как в разборе, так и в содержании

сих (ловчих. — *С. Р.*) птиц никакому обученному помытчику не уступят»[107].

Башкиры-охотники с ловчими птицами добывали чаще всего гнездарей, хотя ловили и слетков. Прекрасное описание добычи гнездарей находим мы у И. И. Лепехина: «Башкирцы, будучи с природы великие охотники до хищных птиц, стараются всегда доставать молодых соколов из гнезда и дома их рачительно воспитывают; а великий крик подымали для того, чтобы узнать ту печурку, где сокол свое гнездо имеет; ибо такой крик наносит им страх и принуждает их оставлять свои гнезда. Наши птицеловы утром обыскали три гнезда, и с великою радостию приуготовлялися получить из них свою добычу. Добыча сия не без труда им достается, ибо соколы выбирают себе печурки по среди утесов, куда сажен тридцать, а иногда и более с верху спускаться должно. Наши сокольные промышленники, собрав все свои арканы и связав их, опускали с горы до тех пор, пока конец оных, на котором навязана палка, стал противу сокольяго гнезда, по которому башкирец, спустяся, выбирал из гнезд молодых соколят, с которыми должно было его спускать до самой подошвы горы, что около семидесяти сажен составляло»[108]. О ловле слетков с тенетами упоминал и П. С. Паллас: «Кречетов или ловчих соколов... ловят для двора по большей части тенетами, коих спускные веревки, обвешанные птичьими крыльями и перьями, расставливают промеж дерев, а на земле сажают на движущихся перекладках, с тем чтобы порхал, для приманы живого голубя»[109].

Рис. 48. Выезд с соколами на охоту. Бала-катайцы

В первом десятилетии XX в. башкиры охотились только с соколами и ястребами и притом исключительно на уток и гусей (рис. 48). Беркутов они хотя и ловили, но сами с ними не охотились и продавали казахам. Обученье ловчих птиц, будь то сокол или ястреб, заключалось в том, чтобы приучить их по первому зову садиться на руку охотника. Для этого птицу в течение нескольких суток морили голодом, не давая ей ни пищи, ни воды. Отощавшую птицу охотник сажал себе на левую руку, правой же давал ей понемногу мяса, издавая при этом особый призывный звук (*ку-уух*). Это кормление на руке производилось до тех пор, пока птица вполне не осваивалась со своим положением. Затем охотник заставлял птицу прилетать к нему на руку, сначала на близком расстоянии, потом на довольно значительном, причем в качестве приманки он держал кусок мяса, заменявшийся впоследствии вабилом. В первые дни обучения сокола башкиры не спускали его с руки целыми сутками, стараясь утомить, не давали ему ни минуты покоя. Когда птица была приучена настоль-

[107] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 39.

[108] Там же. С. 60–61.

[109] *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1786. Ч. 2. Кн. 1. С. 94.

Рис. 49. Сокол-сапсан на добыче. Бала-катайцы

ко, что по первому призыву прилетала на руку охотника, с ней начинали охотиться.

На ноги ловчей птице надевались коротенькие ремешки — ногавки (*кайыш*, *тышау*), в прорезы которых продевался длинный ремень (*аркан*). Насколько мне известно, клубуков на головы ловчих птиц башкиры не надевали. Процесс охоты с ловчими птицами был несложен. Рано утром или под вечер, перед заходом солнца, группа верховых с соколами на руках выезжала в степь к озеркам и болотцам. Заметив на каком-либо озерке стаю уток или гусей, спускали двух-трех соколов, и все всадники с криками и хлопаньем нагаек мчались к озеру. Нередко охотников сопровождали собаки, которые бросались в озерко и спугивали птицу. Вдогонку поднявшимся уткам пускался еще один сокол, который, стелясь над землей, подбивал стайку все выше и выше. Тем временем ранее выпущенные соколы, зорко следившие за стайкой, нагоняли ее, взвивались кверху, затем камнем падали на уток и били их когтями задних пальцев лап. Убив одну-две утки, сокол спускался на свою жертву и проклевывал ей череп, добывая мозг (рис. 49). Подъехавший охотник снимал сокола и брал добычу.

Соколы-сапсаны, с которыми охотились башкиры, как и кречеты, бьют птицу, падая на нее сверху, ястреба-утятники ловят уток в угон. Нередко башкирам удавалось добывать с соколами и гусей, особенно во время вечерних охот, когда водоплавающая птица летела с рек и озер на хлеба.

Еще не так давно распространенная во всей степной Башкирии соколиная охота к началу XX в. почти полностью исчезала. Охотников-соколятников мне довелось встречать только кое-где у кара-барын-табынцев, у тамьян-тангаурцев и у бурзян в Зауралье и у юрматынцев в уфимских степях.

Во всех записях башкир XVII—XVIII вв. на припуск в свои вотчинные земли или повытья наряду с звериными и птичьими ловлями упоминаются и рыбные ловли. Особенно часто в XVIII в. встречаются записи на сдачу башкирами, обычно крестьянам, рыбных ловель в своих вотчинных реках или озерах в оброчное владение на определенный срок. В этих документах нередко особенно подробно описываются промысловые урочища и оговариваются допустимые приемы рыбной ловли. Ниже приводятся выписки из нескольких подобных записей, относящихся к первой половине XVIII в.

Башкиры Казанской дороги Гирейской волости отдали крестьянину в оброк «свои воды — Белую реку стреж, рыбные в ней ловли и с имеющимися курьями и затоны и с вешними заливы, и с летними песками... рыба ловить всякими ловецкими снастьми, неводами и самоловы и бабатки и сетьми, и в пристойных местах езы летние и зимние городить, сколько во оных наших водах мест отыщется»[110].

[110] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. / Сост. *Н. Ф. Демидова*; Под ред. *Н. В. Устюгова*. М.; Л., 1949. С. 437.

В другой записи башкиры той же волости сдали крестьянам «вотчинные свои воды... рыбные и озерки во оных местах ловли с ыстоки и суходолы и с вешними заливы и с сетевыми метищи, в Белой реке летнею порою ловить шашковою, оханною и чаштушною ловлею и езы на Белой реке, как летней, так и зимной делать»[111].

Башкиры Казанской дороги Енейской волости при сдаче дворцовым крестьянам в оброчное владение озер Большой Сагадак «да озеро Кривое с ыстоки и с суходолы и с вешними заливы и с сетевыми метищами и с мелкими озерки... а вешную рыбу до запора на кашу нам... в том озере ловить, и как озеро запрется, то им... дела нет, только ловить блесною» разрешалась, кроме того, «рыба ловить всякими ловецкими снастьми и неводами, как зимную, так и летную тянуть, и в пристойных местах езы и переимы городить»[112].

По записи от 18 декабря 1706 г. башкиры Сибирской дороги Кыр-Кудейской волости при сдаче ясачным татарам в оброчное владение своей вотчинной земли разрешили в своих озерах «рыбу ловить сетьми и ветелями, и на Уфе реке с острогою ездить, и с крыгою сидеть»[113].

Башкиры Казанской дороги Киргизской волости при сдаче крестьянам в оброчное владение своих рыбных ловель на р. Белой разрешали «рыба ловить... всякими ловецкими снастьми и неводами, как летную, так, где надлежит, и зимную неводить и в пристойных местах езы как летние, так и зимние городить, и с самоловами и з бабатками ловить, точию (только) в езах в наи пущать нас, башкирцов»[114].

Очень интересны те оговорки, которые делались в записях относительно «духовой» рыбы, т. е. той, которая в суровые зимы из-за недостатка кислорода в воде задыхалась и массами подходила к полыньям у ключей. При отдаче в оброк дворцовым крестьянам своих вотчинных озер башкиры Казанской дороги Бюлярской волости разрешали «рыба ловить всякими ловецкими снастьми, и неводами, как зимную, так и летную тянуть, и в пристойных местах езы и переимы городить, и духовую рыбу ловить»[115]. В другой записи башкир той же волости прибавление: «в озерах духовую рыбу, чем пристойно, ловить»[116].

В одной из оброчных записей башкир Казанской дороги Гирейской волости сказано: «духовую рыбу в том нашем озере ловить им, Якову и Кузьме, у Шигаева ключа одним, а у других ключей ловить вместе с нами»[117]. В другой оброчной записи башкир той же волости говорится: «Отдали... вотчинное свое озеро Лопуды... с ыстоки и с суходолы, и с вешними заливы, и с сетевыми метищами, и с мелкими озерки рыбные ловли... И во оном озере... рыба ловить всякими ловецкими снастьми и неводами летним временем, а ежели за большими летними водами неводить будет невозможно, то зимою неводить один раз, и в пристойных местах езы и переимы городить, и в ыстоке до Кармалыку вовсе ловить, и духовую рыбу ловить нам... самим»[118].

Из приведенных выше выписок видно, что в XVII–XVIII вв. башкирам были известны все основные приемы рыбной ловли и притом уже совершенными рыболовными снастями. Вряд ли можно сомневаться в том, что этими снастями пользовались не только арендаторы, но и сами башкиры. Они били рыбу острогой, ловили блесной, делали езы и переимы (перегораживая реки и отдельные участки озер), ловили рыбу крючковыми снастями, самоловами с бабатками (по-

[111] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. / Сост. *И. Ф. Демидова*; Под ред. *И. В. Устюгова*. М.; Л., 1949. С. 475.
[112] Там же. С. 435, 438.
[113] Там же. С. 30.
[114] Там же. С. 452.
[115] Там же. С. 442.
[116] Там же. С. 461.
[117] Там же. С. 393.
[118] Там же. С. 450.

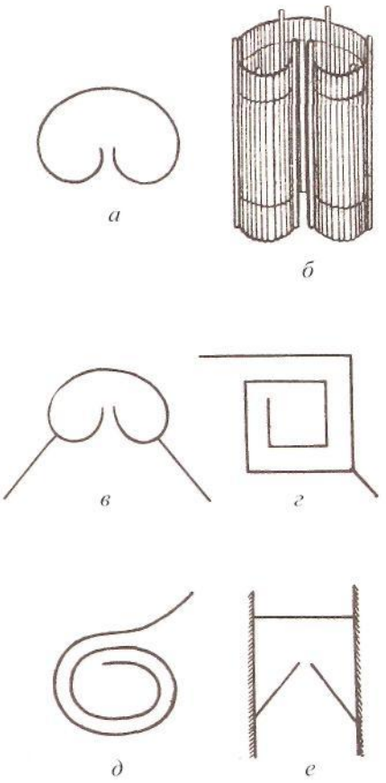


Рис. 50. Котцы (*а–д*) и *нәрәтә* (*е*)

Рис. 51. Морда – *мурҙа*

плавками), шашковыми крючковыми снастями без наживы; для ловли красной рыбы (стерляди) ставили ветили, ставные сети-аханы и чаптушечные, ловили крыгами и неводами.

Уже одного перечисления рыболовных орудий и снастей достаточно, чтобы судить об уровне рыбного промысла в Башкирии в указанное время. Тем не менее далеко не везде башкиры занимались рыболовством. Более или менее существенную роль в жизни башкир рыболовство играло в озерной области за Уралом, в нижнем течении р. Белой, незначительным оно было на других речках, изрезавших во всех направлениях страну, населенную башкирами. Башкиры не проявляли особой склонности к этому промыслу. Не случайно, что огромное большинство известных нам оброчных записей относится к рыбным ловлям, и арендаторами за редким исключением были русские крестьяне.

Рыболовство, которое мне чаще всего приходилось наблюдать у башкир, было запорное. С наиболее примитивным устройством запора, с так называемым *һеүәп*, пришлось встретиться у бушман-кипчаков. Он представлял собой узкую и длинную, в виде клина загородку, перегораживающую речку и обращенную вершиной вверх по течению. Рыба, подымаясь вверх по течению и заходя в этот клин, застаивалась в его вершине и вылавливалась рыбаками (*балыксы*) саком. Другое устройство запора, так называемая *нәрәтә*, наблюдалось на многих горных речках. При сооружении *нәрәтә* (рис. 50, *е*) река перегораживалась густым частоколом или плетнем, укрепленным камнями, чтобы быстрое течение горной реки не снесло его, а несколько ниже по течению от обоих берегов вверх к стрежню устанавливались крылья забоя, также из плетня. Между верхними концами крыльев забоя оставлялось довольно узкое пространство, в которое проходила поднимающаяся вверх по течению рыба, но расположенная выше сплошная перегородка не позволяла ей пройти дальше. Скопившаяся в *нәрәтә* рыба вылавливалась из нее бреднем или саком.

В стоячих водах, в озерах и прудах, вместо *нәрәтә* башкиры устраивали котцы (*ыйсүк*, *йиды*). Устройство последних было разнообразным.

Районом преимущественного распространения котцов была центральная Башкирия, населенная тангаурцами, кипчаками, отчасти юрматынцами. Форма *ыйсүк* показана на рис. 50, *а–д*. Изготовлялся он из тоненьких палочек или из драничек, связанных между собой мочалом или бечевкой. Высота такой решетки бывала от 0,75 до 2 м, в зависимости от глубины водоема; над водой решетка выступала сантиметров на 25. Иногда у входа в котец устраивалось одно или два крыла (рис. 50, *а*, *д*).

Йиды устанавливались главным образом на зауральских озерах катайцами, кара-барын-табынцами, айлинцами. В плане котцы бывали или спиральные, или изгибающиеся наподобие меандра (рис. 50, *в*, *г*). Попавшая в котец рыба вылавливалась саком или деревянным ковшом.

Верши у башкир были различных типов: плетеные из лозы морды (*мурҙа*), нитяные крыленки (*нәрәтә*) и витили (*йоп битәл*).

Морды плелись из лозы и имели длину около метра и ширину около 50—60 см. Сначала связывалась четырехугольная или подковообразная рама, а к ней приплетались переплетенные лозой прутья. В отверстие морды вплеталось конусообразное горло (рис. 51). Морды бывали большие и малые; большие ставились всегда на дно реки близ стрежня отверстием вниз по течению, небольшие — ближе к берегу. На дно реки морды ставились с помощью привязанного к ним кола и сверху прижимались камнем. В тех случаях, когда морда ставилась в озере, кола к ней не привязывали, но внутрь ее клали камень и опускали на дно. В реках морды ставились самостоятельно или у отверстий запоров, перегораживающих всю или часть реки. Иногда в небольших речках устраивались два косых забоя, сходящихся на середине речки, как в вышеописанных *нәрәтә*, и у отверстия между забоями ставилась морда. Морды были распространены среди башкир повсюду, где занимались рыболовством.

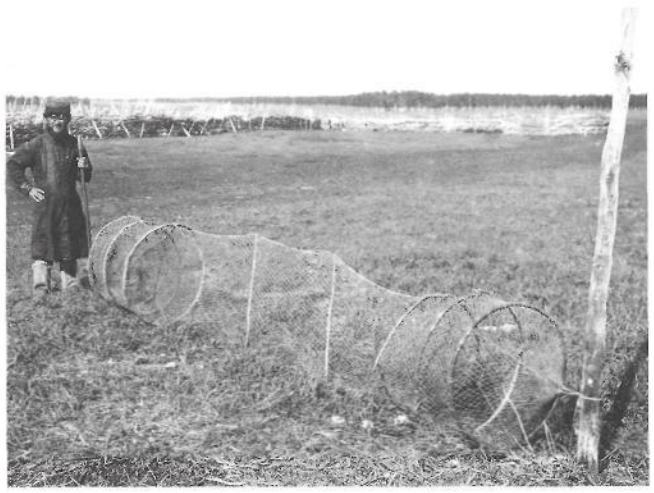


Рис. 52. Рыболовная снасть — *битәл*.
К а т а й ц ы

Сеть-крыленка, или вентерь, накатывалась у башкир на три деревянных кольца (обруча — *коршау*) диаметром около 80 см. Внутреннее малое кольцо — усынок (*тел*) — четырьмя веревочками привязывалось ко второму от входа в вентерь кольцу. Кутец был глухой. По бокам вентеря, у входного в него отверстия, прикреплялось два крыла (*канат*), растянутых на двух-трех палочках каждое. Ставились вентери при помощи пяти кольев: одного вбитого у вершины кутца, двух — у свободных концов крыльев и двух — по бокам у входа в снасть. Сеть для крыленки всегда изготовлялась густая, с ячеями не более 2 см. Ставились вентери как в речках, так и в стоячих водоемах. Вентерь более всего был распространен в бассейне р. Белой, по выходе ее из гор, хотя встречался он и на зауральских озерах. Гораздо чаще на зауральских озерах ставили *битәл*.

Рис. 53. Ставная сеть, челн и морда.
К а т а й ц ы

Битәл, как и вентерь, делался из густой сетки, накатанной на три обруча (*коршау*) с таким же усынком (*тел*), но в отличие от вентеря он состоял из двух одинаковых снастей (*йоп битәл*), соединенных между собой посредине одним крылом (*канат*). Как и в вентере, крыло было распялено на двух колочках (*белдеш*). Ставился *битәл* при помощи двух кольев, к которым привязывались кутцы обоих концов этой снасти (рис. 52).

Из рыболовных сетей (рис. 53) башкиры чаще всего пользовались плавными или ставными сетями (*ау*), которые бывали

Рис. 54. Петля для ловли щук – *мәҫкәү*.
Инзер-катайцы

в одно полотнище, в два и три. Чаще других употреблялись тройные сети (мережи) из мелкоячеистой сетки между двумя крупноячеистыми (режовками). Ставились плавные сети чаще всего в стоячих водоемах, на ночь, возле камышей; реже ими ловили рыбу в реках с медленным течением, в заводях. Как и все мережи, башкирская *ау* насаживалась на веревку, обычно мочальную, с поплавками (деревянными, из осокоря или из бересты) и грузилами (обожженными глиняными). Длина ее доходила до 25 м, высота до 2 м. Башкирские названия поплавков (*ау туҙы*) и грузил (*ау ташы*) позволяют думать, что в старину поплавки рыболовных сетей у башкир были исключительно берестяные, а грузила — каменные. За исключением горных районов, плавные сети башкирами ставились почти везде, где они занимались рыболовством.

Весьма широко среди башкир было распространено и окружающее рыболовство. Бреднем (*һөҙгөс, һөҙгө*) башкиры ловили рыбу в тех же районах, где и плавными сетями. Сеть для бредней плелась густая, длина бредней доходила до 30 м. Бывали бредни с неглубокой мотней и без мотни.

Самой распространенной рыболовной сетью был невод (*йылым*). Им ловили повсюду и больше всего в зауральских озерах. Башкирский невод ничем не отличался от общераспространенного в Приуралье русского невода. Сами башкиры, насколько мне приходилось наблюдать, невода не плели, а покупали у русских. Невода были различных размеров, от 100 до 250 м длиной и до 3 м высотой, всегда с мотней.

Загон рыбы в сети практиковался редко. На севере Башкирии и на зауральских озерах башкиры рыбу ботали, т. е. загоняли на лодках в расставленные мережи. На горных речках (Юрюзань и др.) загон рыбы производился небольшими артелями. Человек 6—10 заходили вверх по реке метров на 250 и гнали рыбу вниз по течению. Не доходя метров 70 до перегораживающей реку сети, башкиры протягивали через речку вторую сеть (бредень или невод), затем у одного из берегов их концы соединялись, а за свободные концы сети эти вытягивались на другой берег.

Из подымающих рыболовных снарядов, по моим наблюдениям, у башкир были только петли (*мәҫкәү*) и саки (*һөҙгөс*). Устройство *мәҫкәү* было весьма простым. Бралась тонкая жердь около метра длиной, с развилкой на конце. Под развилкой прочно привязывался один конец петли, свитой из конского волоса, а другой, свободный, закреплялся на конце развилки так, как это показано на рис. 54. Рыболов высматривал спокойно стоящую рыбу, подводил под нее петлю, подсекал и выбрасывал на берег. Для ловли рыбы *мәҫкәү* вода должна была быть прозрачной. Поэтому *мәҫкәү* чаще всего можно было встретить у горных башкир, которые в горных ручьях и речонках ловили ею пеструшку и форель. В озерах петлями ловили щурят.

Щук в озерах (тамьян-тангаурцы) ловили несколько иным способом. В расщелину на конце длинной жерди в качестве приманки зажималась щука. На конце другой, точно такой же длины жерди привязывалась петля,

свитая из конского волоса. В прорубь весной, во время нереста щук, опускались обе эти жерди. Двигая взад и вперед жердь с приманкой, подманивали к ней щуку и захватывали последнюю петлей, укрепленной на конце второй жерди.

Большой сак (*һөзгөс*), насколько мне известно, употреблялся башкирами для рыбной ловли только в нижнем течении р. Белой. Ловили им главным образом прибрежную рыбу во время ледохода, когда вода в реке бывала особенно мутной. Изготовлялся он из частой сетки и бывал или круглой, или полукруглой формы; при круглой форме он прикреплялся к жерди срединой обруча, а при полукруглой форме — к прямой стороне.

Активное рыболовство, при котором рыбак отыскивал рыбу и бил ее, у башкир практиковалось в двух видах: глушение и лучение. Глушили рыбу башкиры только осенью подо льдом до снегопада. Заметив стоящую под тонким льдом рыбу, непосредственно над ней с силой ударяли по льду кийком (палкой с шаром из корня на конце). Оглушенная этим ударом рыба переворачивалась вверх брюшком, лед прорубался, и рыба вынималась из воды. Таким способом ловили рыбу на зауральских озерах и притом преимущественно мальчики-подростки.

Лучением рыбы в Башкирии занимались повсеместно, хотя приемы этого вида рыболовства, равно как употреблявшиеся орудия, не везде были одними и теми же.

В наиболее примитивном виде лучение наблюдалось в горной Башкирии. Там, в горных ручьях и речках, отличающихся удивительной прозрачностью воды, рыбу били простой палкой с затесанным наподобие долота концом. Чаще, впрочем, для этой цели пользовались узенькой, но длинной деревянной лопаточкой (*калак*). Лучили ночью, группами в несколько человек. Часть рыболовов с лопаточками шла в воде, а остальные с мешками за плечами, наполненными берестяными или смолистыми факелами (*сырак*), шли у берегов несколько выше первых, освещая реку. Факелы несли в руках и некоторые из рыболовов. Как только рыболовы замечали рыбу, освещающие реку факелы отводились в сторону, чтобы они своим светом не пробудили спящую рыбу и не испугали ее. Лопаткой, как и острогой, били рыбу у головы, перебивая позвоночник, иногда отсекая переднюю часть туловища. Удачно лопаткой били только ту рыбу, которая лежала на дне или стояла близко от дна. Иногда при этом виде рыболовства пользовались и настоящими острогами (*налдау*, *сәнске*). Остроги чаще всего бывали с четырьмя или пятью зубцами. Лучение рыбы на лодке, с освещением при помощи так называемой козы, среди башкир практиковалось редко.

Башкиры, жившие у озер (особенно в северо-западном Зауралье), били острогами рыбу ранней весной, когда она метала икру. Как только у берегов озера образовывались забереги и лед оттаивал в камышах, рыба массами шла к берегам в камыши метать икру. Там рыболовы ее высматривали и били острогой. Ловили преимущественно щук и крупных окуней. Любопытное описание битья рыбы острогой у башкир катайцев на р. Инзере приводит Бергхольц: «Собирается днем башкир пять верхами с острогами, едут вверх по течению реки в таком порядке: один посреди реки, два около берегов и два по самому берегу и бьют рыбу, благодаря прозрачности воды и ее небольшой глубине»[119]. В среднем течении р. Белой башкиры били рыбу острогой при больших морозах во время замора рыбы. В это время «духовая» рыба скапливалась в полыньях при ключах и в глубоких местах, в омутах. Над омутами прорубались проруби, к которым устремлялась рыба, где ее и били острогами.

[119] *Бергхольц Л.* Горные башкиры катайцы // Этнографическое обозрение. 1893. № 3. С. 80.

Иногда башкиры стреляли рыбу из ружей, в частности при метании ею икры в камышах у берегов озер. По словам П. С. Назарова[120], они стреляли рыбу также из луков, для чего вместо обычных стрел пользовались стрелами с деревянными лопаточками на конце.

Из крючковых снастей, как приходилось наблюдать, башкиры употребляли обыкновенные удочки (*кармак*), блесны, или жерлицы (*суртанлык*), а также перетяги (шашковые снасти). Удочками ловили повсеместно. Удилища (*han, кармак ағасы*) бывали и длинные и короткие (до 40 см длины), если рыбу ловили с лодки или зимой в проруби. Леса (*кыл*) свивалась из белого конского волоса. Грузила были свинцовые. Крючки чаще всего покупались, но бывали и самодельные.

На зауральских озерах башкиры зимой в прорубях ловили рыбу удочкой на мормышей (*мормош*). Мормыш, или бокоплав, — рачок из рода Gammarus. Ловили их башкиры в зарастающих озерах следующим способом. На конце палки привязывался пук мочалы. Влажную мочалу обильно посыпали мукой и опускали в прорубь. На муку собиралась масса мормышей, которые облепляли мочалу. Пойманных рачков укладывали в деревянный ящичек (*калта*), вырезанный из цельного дерева, с задвижной крышкой. Чтобы мормыши не замерзли, ящичек этот во время ловли рыбы держали за пазухой шубы. Пока крючок с такой приманкой находился в воде, рыбак пару рачков держал во рту, с тем чтобы быстрее после клева рыбы насадить живую приманку на крючок.

Блеснами башкиры ловили редко и притом только щук и крупных окуней. В качестве насадки брали обычно мелких окуньков. Также редко башкиры и притом только те же, что жили при р. Белой, ловили рыбу самоловами (перетягами, шашковыми снастями).

На приемах охоты и рыболовства не могли не отразиться как чрезвычайно разнообразные природные условия страны, так и соприкосновение с различными по культуре племенами и народами. Приемы и орудия охоты и рыболовства башкир в большинстве своем были мало оригинальны. Возможно, что ко времени собирания сведений об этих занятиях башкир многое оригинальное было уже утрачено. Известные нам приемы и орудия охоты могут быть подразделены на три группы.

Наиболее многочисленную, таежную, группу составляют приемы и орудия охоты, широко распространенные в лесной полосе далеко за пределами Башкирии и характерные для ее северной и лесной горной части. Здесь я имею в виду преследование на лыжах по глубокому снегу или по насту крупных зверей, ловлю зверей ударными капканами или ловушками типа *атма*, *науыт* и *тәпе*, стрельбу зверя и птицы из лука, ловлю птиц перевесами. Сюда же следует отнести и охоту на медведя у берлоги с рогатиной. Все перечисленные виды охоты были издревле известны русским, народам волжско-камского бассейна (татарам, чувашам, удмуртам, мари и коми-пермякам), а также средней Оби (манси и ханты).

Вторая, степная, группа охотничьих приемов, типичная не только для башкир, но и для азиатских кочевников-скотоводов, заключалась в преследовании зверей верхом на лошадях, с собаками или без собак, в охоте с ловчими птицами, преимущественно с соколами. Преследование зверей на лошадях было широко распространено и в лесостепной Башкирии; оно не применялось только в северной и горной лесной области. Охота с ловчими птицами, насколько мне известно, была распространена только в степных районах Башкирии.

Третья группа приемов и орудий охоты спорадически, но повсеместно, была распространена среди всех башкир. Сюда относятся ловля зверей и птиц петлями, зверей — железными тарелочными капканами, которые редки в северо-запад-

[120] *Назаров П. С.* К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. 1890. № 1. С. 3.

ной Сибири, но хорошо известны в Европейской России, ловля птиц западнями на хлебах, покрытие их шатрами, охота на тетеревов с подъезда и на чучела и другие виды ружейной охоты.

Приемы и орудия башкирского рыболовства непосредственно связаны с рыболовством, характерным для волжско-камского бассейна. Огромное большинство рыболовных снастей (морды, вентери-крыленки, плавные сети, мережи, бредни, неводы и саки) хорошо известны как у русского, так и у нерусского населения Волго-Камского края. То же самое следует сказать и о крючковых снастях (перемет, шашковая снасть). Только немногие приемы рыболовства были характерны преимущественно для башкир. Сюда относятся езы и переимы (*нәрәтә*), котцы, битье рыбы острогой, в частности «духовой» рыбы.

Рыболовство и особенно охота играли крупную роль в хозяйстве башкир в древности и даже после присоединения их к русскому государству вплоть до конца XVIII в.; позднее, особенно при более тесных взаимоотношениях с русской земледельческой культурой и одновременно с истреблением промысловых животных, значение их постепенно падало, уступая место более производительным видам хозяйства — скотоводству и особенно земледелию.

Глава VI

БОРТНИЧЕСТВО И ПЧЕЛОВОДСТВО, СКОТОВОДСТВО И ПТИЦЕВОДСТВО, ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Башкирия — классическая страна пчеловодства, и бортничество процветало там со времен глубокой древности. О крупной роли бортничества в экономике страны можно заключить из факта включения в ясак башкир меда как во время булгарского господства, так и позднее, с переходом их в русское подданство. Напомню, что в упоминавшейся уже «Книге Большому Чертежу», написанной в 1627 г., было отмечено «кормля их (башкир. — *С. Р.*) мед, зверь и рыба». Во всех известных нам документах XVII и XVIII вв., в которых шла речь о припуске башкирами во владение вотчинными землями или при сдаче их в оброк в той или иной форме оговаривались права пользования «бортными ухожьями».

В своих бортных ухожьях башкиры различали дупленицы (с середины XVIII в. иногда именуются самосадками), т. е. естественные в деревьях дупла, в которых поселились дикие пчелы, и борти — деревья с искусственными дуплами. Поэтому и те и другие оговаривались особо. Дупленицы, как и борти, являлись личной собственностью, и на каждой из них обязательно ставилась тамга, знак собственности владельца.

Бортничеством занимались на всей территории Башкирии, где только был подходящий лес. О масштабах бортничества можно судить по тому, что некоторые из башкир владели сотнями бортей. Так, в одной из наемных записей 1716 г. указано, что татарин Казанской дороги за взятые им деньги у башкира Иланской волости той же дороги обязался сделать в лесу в его вотчине 600 бортей[121]. В «Географическом лексиконе Оренбургской губ.» П. И. Рычков писал: «В Башкирии немало таких хозяев, что у одного башкирца тысячи по две и больше бортей, отчего они получают знатные себе доходы. Можно сказать, что конские и пчелиные заводы в Башкирии суть самые лучшие и прибыточные продукты»[122]. В первой половине XVIII в. установилась и вполне определенная цена борти — 10 коп., а борти с пчелами — 1 рубль.

[121] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. / Сост. *Н. Ф. Демидова*; Под ред. *Н. В. Устюгова*. М.; Л., 1949. С. 137.

[122] Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. Башкирские восстания в XVII и в первой половине XVIII века / Сост. *А. П. Чулошников*. М.; Л., 1936. С. 14.

Так как башкиры платили ясак медом, вполне естественна была их заинтересованность в бортных ухожьях. Поэтому в одних документах разрешается припущеннику или арендатору «старые борти крыть и владеть», «мед лазить и выдирать», в других разрешается «новые борти делать, а до старых бортей (оговаривается. — *С. Р.*) ему дела нет» или «дельными моими деревьями, в которых зделаны борти по тамгам моим, до тех бортей ему дела нет»[123]; в третьих указывается «мед не выдирать. А буде... найдут дупленицы с медом, и тот мед выдирать им с нами... вопче»[124]; или «хто в той вотчине в вышеписанных межах сыщут дупляну со пчелами и про тою дупляну нам... сказывать»; наконец, часто указывается: «отдал повытья свои, а до бортного ухожья ему дела нет».

Из тех же документов XVIII в. видно, что в некоторых случаях «дупленицы по сыску» рубили для того, чтобы достать из них мед, обычно же «в дупленицы лазили» и «мед из дупленицъ выдирали».

Во время моих работ по изучению быта башкир их пчеловодство было бортевым, пасечным и огородным. В то время бортничество в связи с вырубкой лесов и отчуждением от башкир больших лесных массивов сократилось по сравнению с XVIII в., но все же было достаточно широко распространено среди бурзян, кипчаков, тамьян-табынцев, юрматынцев, катайцев, айлинцев, кудейцев, большекушинцев. В Южном Урале у большинства пчеловодов бортей бывало по 50—80, богатые же насчитывали их сотнями. Борти настолько ценились башкирами и в XIX в., что нередко, продавая свои лесные дачи, они оставляли за собой право пользоваться в этих дачах бортями, и новые владельцы по условиям купчих крепостей не имели права срубать их борти.

Бортью во всем Приуралье и в частности у башкир (*солок*) называлось всякое старое дерево, в дупле которого жили дикие пчелы. В таком смысле это слово употреблялось и в древней Руси. Только впоследствии в Белоруссии и на Украине бортями стали называть ульи-колоды, повешенные на деревья в лесу. Башкиры, как было отмечено выше, добывали мед из дуплистых деревьев (дупленицъ), в которых жили пчелы, и специально разыскивали их в лесах. Однако уже давно они начали делать и искусственные борти, выдалбливая в деревьях дупла, в которых затем и селились дикие пчелы. С этого времени у них и началось собственно пчеловодство.

На найденных в лесу дуплистых деревьях с живущими в них пчелами ставился знак собственности (*тамга*) нашедшего это дерево. Для добычи меда расширялось отверстие, ведущее в дупленицу, вставлялись в него колодки и каждый год вырезалось известное количество меда.

Для устройства искусственной борти в лесу выбирались старые, не менее 60 см в диаметре, деревья, преимущественно сосны, лиственницы, дубы или вязы. Выбранное дерево затамговывалось, и башкир приступал к устройству в нем дупла. Так как дупло всегда устраивалось высоко от земли (на высоте 6—8 м и более), то на дерево нужно было прежде всего взобраться. Способ влезания на борти у башкир был достаточно примитивным. На высоте около метра от земли на дереве топором делались две зарубки таких размеров, чтобы на них можно было опереться носком ноги. Взяв затем плоский около 5 см шириной и метров 5 длиной ремень (*кирəм*), сплетенный из полос сыромятной конской кожи, на концах которого сделаны петли, башкир становился на первые две зарубки и обхватывал этим ремнем дерево и себя в пояснице. Завязав *кирəм* на этой высоте и упершись на него спиной, он зарубал новое углубление в дереве, несколько выше первых двух зарубок, опирался в него ногой, выше делал еще зарубку

[123] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. / Сост. *И. Ф. Демидова*; Под ред. *И. В. Устюгова*. М.; Л., 1949. С. 274.

[124] Там же. С. 73.

Рис. 55. Взлезание на борть при помощи *кирəм*. Бурзяне

Рис. 56. Долото – *бөрөз*. Бурзяне

и переносил на нее другую ногу. Делая зарубки и перебрасывая вверх по дереву *кирəм*, пчеловод подымался все выше, обрубая попадавшиеся ему ветви, и, достигнув нужной высоты, привязывал к дереву специальную подставку для ног (*агас аяк*). Став на эту подставку, он на уровне поясницы привязывал себя ремнем к дереву и принимался за работу (рис. 55).

Так как кожаный *кирəм* стоил довольно дорого, то бедные башкиры плели его из лыка. Деревянная подставка, которая привязывалась под дуплом борти, всегда делалась вогнутой формы, соответствующей форме дерева в разрезе, с площадкой на верхней ее поверхности, чтобы на ней удобно было стоять, и с зарубками на концах, при помощи которых она привязывалась к дереву (рис. 63, *в*).

Для выдалбливания в борти дупла для пчел употреблялись специальные инструменты: небольшой топор (*балта*) с длинным топорищем; специальное железное долото (*бөрөз*) с роговым футляром на ремне для лезвия (рис. 56); тесло с вогнутым лезвием (*багау*) с такой же длинной рукояткой, как и топор, с роговым футляром на лезвии (рис. 57); род рашпиля (*терпе*), отогнутого под прямым углом над втулкой (рис. 58), и, наконец, особый скобель (*йышкы*, рис. 59). На маленький топор пчеловода, как и на всякий топор, который башкир брал с собой в лес, надевался берестяной чехол (*балта кын*), закрывавший либо весь топор, либо передние его две трети (рис. 60).

Долото при работе надевалось на деревянную рукоятку; им долбили дерево, или нанося удары непосредственно, или ударяя по рукоятке обухом топора. После того как в де-

Рис. 57. Тесло – *баҫау*. Бурзяне

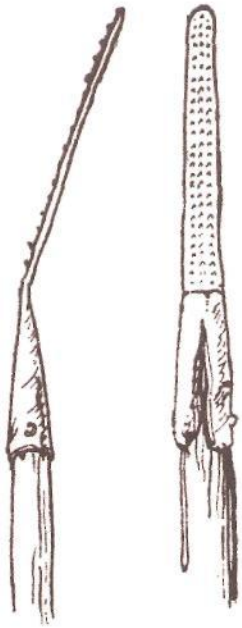


Рис. 58. Рашпиль – *терпе* – для чистки бортей

Рис. 59. Скобель – *йышкы*. Гайнинцы

реве было выдолблено углубление уже значительных размеров, начиналась работа теслом с остро отточенным лезвием; работали им так же, как и при изготовлении корыт или при долблении лодок. Окончательная отделка внутренности борти производилась скобелем, а вверху дупла, где скобелем работать было затруднительно, его очистка производилась рашпилем.

Когда получено дупло надлежащих размеров (обычно около 34 см в диаметре и до 2 м высоты), в нем укреплялись две-три поперечные лучинки (*таҫарау*) и входное отверстие закрывалось деревянными брусками (*капкас*) сантиметров 8 шириной.

В брусках и между ними, а иногда и в стволе дерева просверливалось несколько отверстий (*кейә*) — вход в борть для пчел. Пчела, залетевшая в такую искусственную борть, становилась ее работницей.

Примерно с половины июля башкиры начинали осматривать свои борти и подрезать мед. Каждый из них брал с собой нож (*бысак*), который они всегда носили в ножнах (*кын*), топорик, о котором упоминалось выше, посудину для меда (*батман*), гнилушку (*сырак*) для подкуривания пчел, некоторые — сетку (*күҙлек*) и, разумеется, *кирәм* и *аҫас аяк*. Взобравшись при помощи *кирәм* на борть и подвязав деревянную подставку, башкир становился на нее, зажигал гнилушку и, отняв колодки, смотрел, много ли меда. Если меда было достаточно, он вырезал деревянной лопаткой (*бал калак*) или ножом несколько сотов и клал их в *батман*, который поднимался с земли при помощи волосяной веревки (*аркатау*), привязанной одним концом к *батману* и другим

а

б

Рис. 60. Чехол для топора – *балта кын*: *а* – бурзяне, *б* – инзер-катайцы

Рис. 61. Деревянный блок для подымания ульев. Кайлино-каршинцы

к его поясу. Если меда было мало, то пчеле давали еще «заправиться» и «подлазку» делали позже. Осмотр бортей заканчивался к середине августа, когда взяток пчел уже прекращался. На зиму, чтобы пчелы не погибли от холода, колодки бортей закрывались (откуда выражение «борти крыть») особыми матами (*сырпы*) из веток или луба, под которые подкладывался слой сухой травы.

Помимо защиты от морозов, башкирами принимались меры к предохранению бортей от посещения медведей, которых водилось много, особенно в горах Южного Урала. Для предохранения от посещения медведя ствол борти внизу обертывался на значительную высоту лубом. От этого ствол делался скользким, что не позволяло медведю взбираться на дерево. Другой способ защиты бортей от медведей заключался в том, что на некоторой, довольно значительной высоте ствол обвязывался кругом небольшими деревцами, вершинами вниз с заостренными стволами и ветвями. Влезая на такую борть, медведь встречал на своем пути связку заостренных стволов и ветвей, которые не позволяли ему взбираться выше. Наконец, иногда на середине дерева, под «летком» борти, устраивался досчатый помост (*таҙгак*).

Разбросанность бортей в лесах, нередко на много километров друг от друга, лишала башкир возможности стеречь их. Вследствие этого бывали случаи кражи меда. Это обстоятельство местами (Южный Урал) породило в Башкирии обычай: при сборе меда из бортей брать с собой одного-двух человек из соседей или родственников в качестве свидетелей, что пчеловод собирал мед из собственных бортей.

С вырубкой лесов бортей у башкир становилось все меньше и меньше и им пришлось начать устраивать ульи-колоды (*умарта*). Хотя, судя по имеющимся документам, башкиры начали «пчел заводить» еще в первой четверти XVIII в., к пасечному хозяйству они перешли не сразу. Долгое время ульи-колоды, укрепленные на деревьях, заменяли борти. Еще в начале XX в. в Прикамье и по р. Белой башкиры ставили в лесах навощенные ульи, привязанные к де-

Рис. 62. Пасека – *утар*. Гайнинцы

ревьям. Для поднятия ульев на деревья пользовались особыми блоками (рис. 61). Весной, когда в лесу начинался взяток меда, пчелы из безлесных мест летели в леса, садились в навощенные улья, делали занос меда и отпускали рои. В середине прошлого столетия, по словам В. М. Черемшанского[125], таким образом прикамские башкиры заманивали пчелу от закамских вятичей и некоторые приобретали такой «вольной» пчелы по несколько сот ульев. Осенью, после «подлаза», башкиры снимали ульи с деревьев и увозили домой, а весной их или продавали, или увеличивали за их счет свои пасеки.

Развешивание ульев в лесу на деревьях первоначально имело такой же характер, что и бортничество. Ни наблюдения за размещенными в лесу ульями, ни ухода за пчелами, ни огребания роев еще не было. Между тем, возможность сконцентрировать большое количество ульев на деревьях на сравнительно небольшом участке позволяла оберегать их от хищения меда и это было переходной формой к устройству настоящих пасек (*утар, умарталык*), где ульи стояли уже на земле.

Для устройства пасек обычно выбиралась в лесу поляна, защищенная со стороны господствующих ветров, или займище, или, наконец, небольшой перелесок. Пчелы помещались в ульях-колодах, расставленных на выбранном месте на особых подставках (камнях — *умарта аҫты ташы* — или обрубках дерева) и привязанных или к дереву, или к забитому в землю колу (рис. 62). Ульи делались из вязового, липового, осинового, ветлового, дубового или соснового дерева. Высота ульев была от 1,5 до 2 м, диаметр от 70 см до 1 м. Длинная щель посредине улья закрывалась двумя брусками (*капкак*), расположенными один над другим и закрепленными в улье особыми деревянными колышками (*сөй*). Вверху у улья проделывалось ушко (*колак*), за которое он привязывался к дереву или колу. Внутри улья накрест укреплялись две или три палочки (*рәтә* или *таҕарау*) для поддержания сотов (*балауыҙ*). В верхнем отделении помещались еще особые грабельки (*тырма*), также для поддержания сотов. Улей покрывался сверху берестой, на которую клался какой-либо груз, чаще камень. Сбоку, вблизи квадратного отверстия (*кейә*) для входа в улей пчел, куда вставлялся длинный клин (*кейә калаҕы*), настолько длинный, что один конец его касался внутренней стенки, а другой выступал наружу, привязывалась щеточка из хвороста.

На пасеке и на открытых местах близ пасеки ставились приемники (*корт караскыһы* или *корт һарыҕыс*). Это небольшие пластины луба, установленные в наклонном положении на четырех колышках, или просто листы бересты, укрепленные на небольших деревьях, для посадки вышедших из ульев роев. Так как пчелы начинают роиться с конца июня, то к этому времени заготовляли ульи, роевни (*әрйә* или *корт тубал*), приводили в порядок сетки (*кҙелдерек*) и прочие принадлежности пчеловодства.

а *б* *в*

Рис. 63. Роевни – *моҙға* (*а*), таныпцы; *корт тубал* (*б*), урман-кудейцы; подставка – *аҕас аяк* (*в*), таныпцы

[125] *Черемшанский В. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. С. 373.

Рис. 64. Роевня – *корт тубал*. Гайнинцы

При изготовлении ульев употреблялись те же инструменты, что и для изготовления бортей. Старые ульи вычищались скобелем (*йышкы*) и наващивались сотами. Сетки плелись из черного конского волоса, натягивались на широкий лубковой обруч, к которому пришивалось холщевое покрывало. Роевни (*корт тубал*, или *мозга*) бывали довольно разнообразной формы и устройства. Это был или лубковой, довольно глубокий короб (рис. 63, *б*), или плоская, элипсоидной формы коробка целиком из луба или с решетчатым дном (рис. 64), или, наконец, полуцилиндрической формы с решетчатой сеткой (рис. 63, *а*).

Выпедший рой сгребали с привала (приемника) в роевни берестяными ковшичками (*кашык*) с длинной ручкой (рис. 65, *б*), предварительно спрыснув рой водой. После того как рой был огребен, роевню завязывали холщевой материей (*корт сепрәге*) и оставляли в ней рой до вечера или до утра следующего дня. Матка (*ана корт*) отыскивалась в особо устроенной небольшой холщевой палатке (*корт сымылдыгы*) или под холщевым пологом. Пойманная матка садилась в маточник (*ана корт ситлек*), по форме ничем не отличавшийся от общераспространенного среди русских пчеловодов (рис. 65, *а*). Маточник ставился в улей, и в нем матку держали с неделю и более, пока рой не обживался в улье и не начинал работать.

На зиму пчел убирали в омшаные подполья (*баз*) или в специально построенную полуземлянку, толстые же и крепкие ульи нередко оставляли на пасеке на всю зиму. Вследствие плохого устройства омшаников и отсутствия присмотра за пчелами они нередко гибли зимой массами. Ульи осматривались только весной, когда их выставляли на пасеки. Если запасы меда в них истощались, а взятка еще не было, пчел подкармливали. Им ставили или старый мед, или медовую сыту, а иногда и сахарный сироп. Чтобы пчелы не утонули в поставленной жидкости, на нее клали немного соломы.

На пасеках башкиры редко строили шалаши и балаганы, чаще избушки, в которых жили сторожа и хранились все необходимые для пчеловодства принадлежности. Пасеки всегда огораживались изгородями, на которых были насажены конские черепа (*ат башы*) от сглаза (*күз тейеү*), черепа клались также на отдельные ульи, развешивались на деревьях.

Устройство и содержание особых пасек всегда сопряжено с известными расходами. Поэтому башкиры, у которых ульев было немного, держали их в огородах, в садиках возле дома или просто во дворе (рис. 66). Последнее наблюдалось во всей Башкирии, преимущественно в деревнях, расположенных вблизи чистых ручьев.

Скотоводство было основным занятием населения Башкирии по крайней мере со второй половины II тысячелетия до н. э. На селищах (Баламбаш и др.), о чем уже упоминалось во второй главе, найдены кости домашней лошади, коровы, свиньи, овцы и козы. Скотоводство это было оседлым (избяным или пастушеским). То же самое следует сказать и о более позднем скотоводстве конца II тысячелетия и первых столетий I тысячелетия до н. э.; в скифское время, как

мы знаем, в евразийских степях население перешло к кочевому скотоводству с массовым разведением скота. В это время население Башкирии, за исключением ее южных и восточных зауральских степных районов (время ананьинской культуры), продолжало заниматься оседлым пастушеским скотоводством. В сарматскую, гуннскую и последующие эпохи, как и в скифское время, кочевое скотоводство продолжало бытовать только в степной Башкирии, распространившись на лесостепные районы в виде полукочевого пастушеского скотоводства.

Из сказанного следует, что представление об исконном кочевом скотоводческом образе жизни всех башкир ошибочно. Кочевое скотоводство с пребыванием скота на подножном корму в течение круглого года появилось сравнительно поздно, не ранее первой трети I тысячелетия до н. э., и притом распространялось далеко не на всю территорию Башкирии. Мало того, есть все основания предполагать, что башкиры нигде не были чистыми кочевниками и даже в степных районах вели полукочевую жизнь.

Обширные пространства земли с роскошными лугами и тучными пастбищами в Башкирии благоприятствовали скотоводству. Башкиры всегда держали много скота, являвшегося если не основой, то одним из основных элементов их хозяйства, а в степных районах и основным.

Несмотря на то, что начиная с середины XVII в. при каждом восстании башкиры теряли десятки тысяч голов скота, к концу XVIII в., по словам И. Г. Георги, «редко и у простого человека бывает меньше 30 и 50 лошадей; многие имеют оных до 500, богатые до 1000, а иные до 2000 и свыше... Число овец почти соответствует у богатых числу лошадей или и превозходит оное, однако малым чем. Рогатого же скота держат богатые в половину противу лошадей. Почти увсех есть небольшие козьи стада»[126]. Неудивительно поэтому, что

а *б*

Рис. 65. Маточник – *ана корт ситлеге* (*а*) и ковшик – *кашык* (*б*). Гайнинцы

Рис. 66. Пасека – *утар* – в усадьбе. Гирей-кипчаки

[126] *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. 1. С. 98.

П. И. Рычков в своем «Рассуждении о башкирском состоянии», относящемся ко второй половине XVIII в.[127], писал: «Башкиры сами для себя не имеют большой нужды в земледелии, имея довольно скота, питаются они по большей части мясом, молоком и крутом». Даже много позднее, когда у башкир уже начало развиваться земледелие, в середине XIX в., во время кантонного управления, по весьма приблизительным подсчетам у башкир насчитывалось свыше полумиллиона лошадей, такое же количество овец и около 300 тысяч голов крупного рогатого скота. Еще в конце XIX в. многие башкиры в Зауралье исчисляли свои стада и табуны сотнями голов.

О происхождении домашних животных и о древних формах скотоводческого хозяйства башкир мы знаем очень мало. Нам известно, что древнейшие (конца II тысячелетия до н. э.) домашние лошади были низкорослы. Несомненно также, что степные башкиры охотились на диких лошадей и приручали их. В 1738 г. обер-егермейстер Волынский, докладывая императрице Анне Иоанновне о местах, где водились дикие лошади (тарпаны), упоминал и о Башкирии по ту сторону Урала. Есть указания на то, что еще в конце XVIII в. дикая лошадь жила в Зауралье[128].

Если дикая зауральская лошадь и не была прямой родоначальницей современной башкирской лошади, то она могла скрещиваться с домашними лошадьми, издревле известными в Башкирии. Среди башкирских лошадей можно было выделить три, несколько отличавшиеся одна от другой породы: горную вьючно-верхового склада; степную верхового склада — в южных районах; равнинную укрупненную, упряжного склада — в северных районах Башкирии. Породы башкирских лошадей отличались от приуральской русской и от казахской пород лошадей. Башкирские лошади были вообще низкорослы, имели большую голову с характерным закруглением морды (тупорылые); общие покровы их были толсты, шерсть грубая, зимой длинная. Корпус башкирских лошадей был умеренно длинный, даже короткий; мускулатура туловища, как и конечностей, хорошо развита. Умеренно длинная спина переходила в прямой или мало наклонный крестец. Вообще, башкирская лошадь отличалась крепостью и значительной быстротой бега. Среди башкирских лошадей нередко встречались иноходцы (*юрга*), которые ценились довольно дорого.

В прежние времена, по словам Т. Г. Баишева, в хозяйствах богачей[129] для разведения лошадей выделялось фондовое поголовье (*кур мал*), состоявшее из отборных кобылиц и жеребцов. Это поголовье не использовалось в работе и не продавалось. Постепенно обновляясь таким же отборным молодняком, поголовье находилось в фонде много лет подряд до определенного возраста (15—17 лет) или до выбытия по увечью, болезни и т. п. Кобылица этого поголовья не доилась. Фондовое поголовье могло состоять из одного или из нескольких косяков по 20—40 кобылиц с одним жеребцом в каждом.

Из ежегодного приплода, полученного от фондовых косяков, составлялись расходно-хозяйственные косяки (*өйөрҙәр*). Приплод, полученный от последних косяков, употреблялся в хозяйстве, а кобылиц доили для получения кумыса.

Весной каждый косяк, как фондовый, так и расходно-хозяйственный, отделялся от других косяков во избежание раздора между жеребцами. К этим косякам не допускался молодняк, за исключением сосунков. Молодняк в возрасте до 4 лет и всякого рода взрослые рабочие лошади, в том числе пущенные на от-

---

[127] *Рычков П. И.* О способах к умножению земледельства в Оренбургской губернии // Памятная книжка Уфимской губернии на 1873 г. Уфа, 1873. Ч. 2. С. 137.

[128] *Левшин А.* Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832. Ч. 1—3. С. 83; *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 5.

[129] Данные со ссылкой на Т. Г. Баишева заимствованы мной из его труда «Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку» (1949 г.), хранящегося в архиве Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР в г. Уфе.

корм, в этот период группировались в особое, так называемое неплодоносящее стадо (*кыҫырак өйорҙәр*).

В осеннее и зимнее время, с исчезновением полового инстинкта, для удобства пастьбы косяки соединялись в один табун (*табын*), по несколько косяков в каждом. В табуне (рис. 67) находился различного возраста молодняк и другие лошади. Теплых помещений для этих лошадей не строилось, корма не заготовлялись, и в случае больших снегопадов, продолжительных буранов и гололедиц масса лошадей погибала.

Рис. 67. Табун лошадей. Катайцы

У башкир, подобно казахам и другим скотоводческим народам, в деталях была разработана номенклатура лошадей и других хозяйственных животных по возрастным и половым признакам.

Ниже приводятся (по Т. Г. Баишеву) башкирские названия конского поголовья по возрастным и половым признакам.

Кличками служили масти лошадей, среди которых наиболее распространенными были: гнедой (*тҙры*), рыжий (*ерән*), саврасый (*саптар*), вороной (*кара*), серый, голубой (*күк*), буланый (*һары*), белый, сивый (*акбуҙ ат*), пегий (*ала ат*), в яблоках (*бүртә*).

Возраст лошади	Самец	Молодняк обоего пола	Самка
Жеребенок	*Айғыр колон*	*Колон*	*Бейә колон*
Молодняк с весны до годовалого возраста, когда весной обрезают его гриву и хвост	*Айғыр кырҡмыш* (*ябаҡ*)	*Кырҡмыш* (*ябаҡ*)	*Бейә кырҡмыш* (*ябаҡ*)
Молодняк обоего пола в возрасте от 1 до 2 лет		*Тай*	
Молодняк в возрасте от 2 до 3 лет	*Ҡонан*		*Ҡонажын*
Молодняк в возрасте от 3 до 4 лет	*Дүнән*		*Дүнәжен*
Жеребец старше 4 лет (допускается как производитель)	*Айғыр*		
Кобылица со времени половой зрелости до первого плодоношения			*Байтал*
Жеребец-производитель в косяке	*Өйөр айғыры*		
Кобылица после первого плодоношения (старше 4 лет до смерти)			*Бейә*
Жеребец любого возраста, но не допущенный к косяку	*Һәүерек*		
Бесплодная кобылица			*Тыу бейә*
Испытанный жеребец-производитель, много лет находящийся в косяке	*Аҙау айғыр*		
Яловая в данном году кобылица			*Кыҫыр*
Мерин любого возраста	*Алаша*		

Специального ухода за башкирскими лошадьми не было. С первых же дней появления на свет они оставались на открытом воздухе без всякого призора. В степной и лесостепной части они почти круглый год находились на подножном корму и зимой, во время тебеневки, нередко добывали себе корм из-под глубокого снега. В это время главную пищу лошадей составляли стебли высоких растений, особенно ковыля. Бродя целый день по степи, на ночь табуны лошадей, пасущихся без пастуха (*көтөүсе*), собирались в защищенные от ветров места, сбивались в круг и в случае нападения волков защищались общими силами.

Много лошадей башкиры разводили потому, что лошади служили не только средством передвижения, их мясо и молоко были главными продуктами питания, из шкур изготовляли одежду и посуду, из конского волоса изготовлялись веревки, им же и шили.

Крупного рогатого скота башкиры держали значительно меньше, чем лошадей; выезжавшие на кочевки имели его в два-три раза меньше, чем лошадей, а большинство — одну-две дойных коровы на семью.

Не менее подробно, чем у лошадей, была разработана также номенклатура крупного рогатого скота в зависимости от возраста и пола. Т. Г. Баишев, кроме того, обратил внимание на варьирование названий в зависимости от времени появления на свет приплода. Телята, родившиеся весной, назывались *быҙау* (♂ — *үгеҙ быҙау*; ♀ — *оргасы быҙау*); летом — *сәңгәр* (♂ — *үгеҙ сәңгәр*; ♀ — *оргасы сәңгәр*); осенью — *нараяк* (♂ — *үгеҙ нараяк*; ♀ — *оргасы нараяк*). С осени до годовалого возраста теленок, родившийся весной, назывался *башмак*; летом — *сәңгәр башмак* и осенью — *нараяк башмак* (*үгеҙ* или *оргасы*). Молодняк крупного рогатого скота в возрасте от 1 до 2 лет назывался: ♂ — *үгеҙ тана* или ♀ — *оргасы тана*.

Бычок в возрасте от 2 до 3 лет назывался *конан үгеҙ*, от 3 до 4 лет — *дүнән үгеҙ*, производитель старше 4 лет — *үгеҙ*, кастрат — *беселгән үгеҙ*.

Корова от двухгодовалого возраста до второго отела называлась *тана ныйыр*, а после второго отела до смерти — *ныйыр*. Корова, не давшая первого приплода, — *тыуса*, бесплодная — *тыу ныйыр*. Яловая при очередном отеле корова называлась — *кыҫыр*.

Порода башкирских коров была смешанной, ничем не отличавшейся как от разномастной азиатской, в частности казахской, так и от местной русской породы коров. Последнее вполне понятно, так как уже в древности (II тысячелетие до н. э.) в Башкирии имелись коровы крупной и мелкой породы, а в исторические времена происходил достаточно интенсивный обмен крупным рогатым скотом и с востоком, и с западом. Башкирская корова была среднего роста и даже малого, угловатой формы, с опущенной головой, с всклокоченной грубой шерстью, не особенно молочная и не мясистая, без запаса жира. В степных районах в XVII—XVIII вв. крупный рогатый скот в начале зимы тебеневал вместе с лошадьми, следуя за ними на пастбищах, со второй же половины XIX в., насколько нам известно, он повсюду содержался зимой в деревнях.

Мясо крупного рогатого скота, как и конина, употреблялось в пищу, из молока делался творог, заготовлялись запасы сыра (*корот*) и масло, кожа шла на изготовление обуви и других предметов.

Из мелкого рогатого скота башкиры держали много овец. Овцы, некогда игравшие в жизни башкир-полукочевников не менее важную роль, чем лошадь, еще в конце XIX в. в большом количестве разводились в восточной, зауральской Башкирии. Наиболее распространенной породой овец была разношерстная, большей частью белая, слабожирнохвостая, с коротким хвостом овца, с довольно грубой, слегка курчавой шерстью. В юго-восточной части Башкирии встречалась казахская или калмыцкая курдючная овца, отличавшаяся большим ростом, большой головой с повислыми ушами и жирным хвостом. Шерсть овец была длинная, толстая и кудрявая. Эти овцы, приспособившиеся к тебеневке в степной части страны, населен-

ной башкирами, где особенно много разводили овец, в хорошие зимы (не очень снежные и без гололедицы) тебеневали с лошадьми в продолжение всей зимы.

Названия мелкого рогатого скота, подобно крупному, также варьировали в зависимости от пола, возраста и времени появления на свет.

Ягненок, родившийся в нормальный срок, — *бәрән* (♂ — *тәкә бәрән*; ♀ — *оргасы бәрән*); родившийся в ненормальный срок, летом, — *йәйҙәүес* (♂ — *тәкә йәйҙәүес*; ♀ — *оргасы йәйҙәүес*) *бүлтерек*; родившийся осенью — *әтәмбәй* (♂ — *тәкә әтәмбәй*; ♀ — *оргасы әтәмбәй*).

Во избежание появления на свет ягнят и козлят в ненормальный срок, при гуртовой пастьбе мелкого рогатого скота вместе с производителями, башкиры последним на весенне-летнее время подвязывали особые берестяные фартуки (*көйәк*), не позволяющие покрывать маток.

Ягнята-самцы в период от прекращения сосания до 2 лет назывались *тәкә бәрән*, самки от прекращения сосания до второго окота — *нарык бәрән*. Бараны старше 2 лет назывались *тәкә*, *нарык тәкәһе*, а овцы от второго до третьего окота *шешәк нарык*, баран-производитель — *кушкар*, овца после третьего отела и до смерти — *нарык*, баран-кастрат — *беселгән тәкә*, овца, не давшая приплода при нормальных условиях развития, — *тыуса*, бесплодная овца — *тыу нарык*, яловая в данном году овца — *кыҫыр*.

Помимо прекрасного мяса, овцы давали шерсть, которая была необходима для катания кошм, для покрытия войлочных кибиток и для других хозяйственных надобностей; для изготовления обуви (валеных чулок и сапог), выделки сукон; овечьи шкуры были самым необходимым материалом для изготовления зимней одежды.

Коз башкиры держали мало. Беднякам коза заменяла корову. Овец башкиры, по крайней мере в начале XX в., нигде не доили. Порода башкирских коз была та же, что и у русского населения — мелкая, черной, белой или серой масти. Шерсть коз шла главным образом на изготовление половиков-ковров и сукна; из пуха вязали и ткали шарфы и шали. Мясо коз употреблялось в пищу, шкуры коз шли главным образом на изготовление кож, реже мехов.

Половые, возрастные и в зависимости от времени появления на свет башкирские названия коз почти не отличались от названий овец. Козленок, родившийся в нормальный срок (весной), назывался *ылак* (♂ — *тәкә ылак*; ♀ — *оргасы ылак*); родившийся летом — *йәйҙәүес ылак* (♂ — *тәкә йәйҙәүес ылак*; ♀ — *оргасы йәйҙәүес ылак*); родившийся осенью — *әтәмбәй ылак* (♂ — *тәкә әтәмбәй ылак*; ♀ — *оргасы әтәмбәй ылак*). Козленок в период времени от прекращения сосания до второго окота назывался *бәрән тәкә*, а козочка в этот же период времени — *бәрән кәҙә*. Козел старше 2 лет назывался *тәкә*, *кәҙә тәкәһе*, а коза в период от второго до третьего окота называлась *шешәк кәҙә*; козел-кастрат — *беселгән тәкә*, а коза после третьего окота до смерти называлась просто *кәҙә*; коза, не давшая первого окота, — *тыуса*, бесплодная — *тыу кәҙә*, а яловая в данном году, хотя в предыдущие приносила козлят, — *кыҫыр*.

Свиньи как домашние животные исчезли в Башкирии, по всей вероятности, с принятием башкирами ислама, и о разведении башкирами свиней мы не имеем никаких исторических данных. Напротив, имеются указания на то, что башкиры даже арендаторам своих земель запрещали держать свиней. Так, в одной из записей башкир Казанской дороги Киргизской волости (1745 г.) об отдаче каракульским крестьянам в оброчное владение своей вотчинной земли разрешалось «скота всякого водить, кроме свиней»[130].

В старину башкиры держали верблюдов той же породы, что и у казахов, т. е. двугорбых. По сообщению П. С. Палласа[131], во второй половине XVIII в. их было

[130] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. / Сост. *И. Ф. Демидова*; Под ред. *И. В. Устюгова*. М.; Л., 1949. С. 428.

[131] *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1773. Ч. 1. С. 351.

Рис. 68. Горбуша. Гайнинцы

особенно много у башкир Исетской провинции за Уралом, где они бывали хороши и при дурном содержании. По словам В. М. Черемшанского[132], еще в середине прошлого столетия верблюды имелись у башкир по рекам Белой, Деме, Сакмаре и Исети; там они использовались вместо лошадей для перевозки тяжестей; их не навьючивали, но впрягали в телеги и сани. Насколько значительным было башкирское верблюдоводство, можно судить по тому, что по требованию правительства во время турецкой кампании (1828—1829 гг.) башкиры для перевозки грузов доставили в Оренбург свыше тысячи верблюдов[133]. По официальным данным, к 1850 г. в Оренбургской губ. насчитывалось около 800 верблюдов. К концу прошлого века редкие из башкир держали верблюдов.

Верблюды приобретались башкирами у соседних казахов и калмыков, впрочем пытались они и сами их разводить. Хотя верблюд животное и неприхотливое, морозы Приуралья были для него слишком суровы. Поэтому башкиры строили для верблюдов теплые шалаши, в качестве подстилки клали солому или хворост. Молодых верблюдов они, подобно казахам, обшивали на зиму кошмами и вместе с матками помещали в шалаши[134].

Мясо и молоко верблюдов башкиры употребляли в пищу, шерсть и шкуры использовали для различных нужд.

Рис. 69. Косцы. Елдятцы

При значительном количестве скота, нередко в несколько сот голов, одному семейству, даже при нескольких работниках в семье, не было возможности заготовить столько корма, чтобы зимой содержать скот в деревне. Большое количество скота можно было иметь только при условии перекочевок с места на место не только летом, но и зимой, с тем, чтобы держать скот на подножном корму. Однако такая возможность имелась далеко не на всей территории Башкирии. Только в Зауралье, где зимних осадков много меньше, чем в западном Предуралье, в степях, где зимой снег сдувается с более высоких мест в места пониженные, скот зимой мог добывать себе пищу из-под снега. Скот, точнее лошади, круглый год находился на подножном корму только у зауральских катайцев, у степных кубеляк-телевцев, тамьян-тангаурцев, бурзян и усерган. Местами лошади тебеневали только до половины зимы (у минцев, юрматынцев, у восточных инзер-катайцев, у лесостепных кубеляк-телевцев, тамьян-тангаурцев, карагай-кипчаков, бурзян и у усерган), овцы редко тебеневали до середины зимы и только как исключение в продолжение всего зимнего периода в малоснежные зимы — у тамьян-тангаурцев и у кубеляк-телевцев.

Во время тебеневки впереди всегда шли лошади, разгребая копытами снег и съедая вершины стеблей травы; за ними шли овцы, наконец козы, подъедавшие траву до самого корня.

[132] *Черемшанский В. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. С. 367.

[133] *Казанцев И.* Описание башкирцев // Оренбургские губернские ведомости. 1850. № 20. С. 95—101.

[134] *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. 1. С. 99.

Главной бедой скотоводов был падеж скота от бескормицы, особенно для тех, у которых скотоводство было основным занятием. Поэтому башкирам всегда и везде приходилось заготовлять известное количество сена для прокорма скота зимой.

Даже в тех случаях, когда снега зимой выпадало мало и не было гололедицы, в степных районах лошадей приходилось подкармливать около месяца, а жеребят и рогатый скот и дольше. В лесостепных и лесных районах весь скот в течение значительной части зимы кормился сеном и соломой.

Рис. 70. Стога сена. Гайнинцы

Во всех без исключения записях башкир на припуск в их вотчины в XVII и XVIII вв. оговаривалось право «сена косить». В начале XVII в., по сведениям Юхнева, башкиры Сибирской и Ногайской дорог сено летом заготовляли только «для мелкой скотины и для лошадей», которых берегли зимой «к войне малое число». Башкиры Казанской дороги, по его же сведениям, кормили скот лучше, так как у них было много хлеба и соломы, а башкиры Осинской дороги косили много сена[135].

Во второй половине XVIII в., по сообщению И. И. Лепехина[136], траву башкиры косили исключительно горбушей (рис. 68), серповидной косой с очень короткой ручкой, широко известной во всей лесной России. Горбушей можно было косить только высокую, преимущественно лесную траву, скашивая ее на две стороны и сильно наклоняясь при этом. Во время моего пребывания среди башкир горбушей уже нигде не косили, за исключением самого северо-западного угла Башкирии (г а й н и н ц ы). Повсюду траву косили уже русской косой — литовкой (*салғы*), сено гребли граблями (*бесән тырмаһы*) общераспространенного среди русского населения типа — с деревянными зубцами, стога метали деревянными вилами (рис. 69).

Рис. 71. Блок – *шалтырак*. Гирей-кипчаки

Косили башкиры семьями, не исключая женщин, с начала июня. Скошенное и просушенное сено собирали в копны, а затем в стога (рис. 70). В деревню сено перевозилось осенью по санному пути или зимой. Особенно много сена приходилось заготовлять северо-западным и горным башкирам-скотоводам, хотя стада их никогда не были многочисленными. В горах Южного Урала, особенно на западных его склонах, снег выпадал рано и был особенно глубок, тебеневка там была невозможна, и при длительной зиме башкирам ча-

[135] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. / Сост. *И. Ф. Демидова*; Под ред. *И. В. Устюгова*. М.; Л., 1949. С. 486–487.

[136] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 245.

Рис. 72. Доение кобыл.
Бурзяне

Рис. 73. Намордник – *борғак*.
Катайцы

Рис. 74. Намордник – *моронса*.
Гайнинцы

сто не хватало запасов сена. В таких случаях они подкармливали весной скот ветками вяза, ильма, липы и других лиственных деревьев, для чего рубили молодые деревья, побегами и корой которых и питались лошади.

Ухода за скотом в прямом смысле этого слова у башкир не было. Лошади в степях и лесах бродили косяками (*өйөр*) и табунами (*мал*) без пастухов, равно как коровы и овцы. Табуны составлялись из нескольких косяков, состоящих из маток (*бейә*) с жеребятами, которых пас жеребец (*өйөр айғыры*) косяка. Он внимательно следил за кобылами своего косяка, не позволял им разбредаться и не допускал к ним других жеребцов. Крупный рогатый скот и овцы паслись стадами.

Для поимки лошадей, в частности дойных кобыл, употребляли не аркан, а так называемый *корок* — тонкую и длинную (3—4 м длины) жердь, к которой за средину и передний конец была привязана волосяная веревочная петля. Петля эта накидывалась на шею лошади.

Каждое утро башкиры верхом отправлялись за скотом и подгоняли его к месту кочевки. Чтобы жеребята не сосали маток, на них надевали недоуздки (*ыуктa*) с особыми блоками (*шалтырак*) (рис. 71) и подвязывали к натянутым над землей волосяным веревкам (*еле*, рис. 72). Телятам с той же целью на морду надевали особые берестяные намордники (*борғак, моронса*, рис. 73, 74). Маток с жеребятами и телятами отпускали пастись только под вечер.

В лесных местностях, где мухи и оводы сильно беспокоили скот, башкиры для защиты его от насекомых раскладывали курево, а для защиты от солнца устраивали особые навесы (*тупалык*, рис. 75).

Пастушеских собак, насколько мне известно, башкиры ни в степях, ни в лесах не держали. Свой скот башкиры не метили, за исключением лошадей, на которых клалось тавро (*тамға*, рис. 76). Раскаленное железное тавро накладывалось на однолеток или двухлеток.

Холостильщик лошадей (*ат бесеүсе*) для своей операции пользовался только острым ножом (*бәке*) и расщепленной лучиной (*кыҫа*). Жеребцов холостили в трех-четырехлетнем

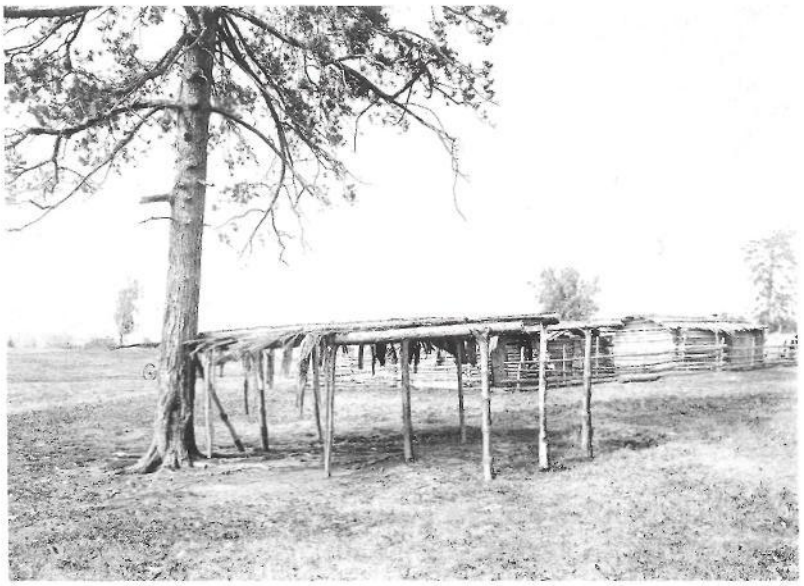


Рис. 75. Навес для скота – *тупалык*. Бурзяне

возрасте. Для этой операции их валили на землю и связывали, разрезали мошонку и, отрезав testiculi, мошонку зажимали расщепленной лучинкой, которая затем туго перевязывалась. Через два-три дня *кыҫа* снималась. У годовалых бычков testiculi просто вырезывалась и рана присыпалась солью.

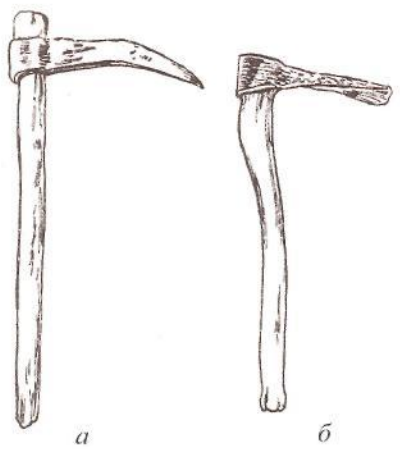
Птицеводство нигде у башкир не достигало сколько-нибудь значительных размеров, да и разводили они только гусей и кур. Как давно башкиры начали заниматься птицеводством, мы не знаем, несомненно только, что во второй половине XVIII в. они уже держали и гусей, и кур. О северо-западных башкирах И. И. Лепехин писал, что при откочевке из деревни некоторые из них, имеющие кур и гусей, всегда покидали их в своих зимовках на собственное пропитание, а осенью довольствовались тем, что находили по возвращении на зимовках. Достаточно беспечно относились башкиры к разводимой ими птице и впоследствии, в конце XIX – начале XX в. Больше они разводили гусей, хотя и не везде, главным образом живущие около озер и рек. На зиму они оставляли обычно всего две-три гусыни и одного гусака на семью. В апреле, когда гусыни клали яйца, для них устраивались особые гнезда – плетенки (*каҙ ояһы*), невысокие, около 80 см в диаметре. На дно этих плетенок клалась солома или грубая трава (осока). После того как вывелись гусята, всякая забота о гусынях прекращалась, летом в редких случаях гуси приходили на ночь в деревню или во двор. Обычно они ночевали у реки или озера и только с наступлением холодов возвращались к своим хозяевам. Иногда башкиры подкладывали под гусынь яйца диких гусей, которые они находили на озерах.

Башкирские гуси были той же породы, что и у русского населения Приуралья. Под осень они хорошо летали и нередко перелетали на значительные расстояния; вместе с дикими гусями они осенью летали и на хлеба. Гусей употребляли в пищу, их перо и пух использовали для подушек и перин.

Кур башкиры держали повсеместно и в большем количестве, чем гусей. Их не было только у редких хозяев, отко-

Рис. 76. Тавро – *тамға*. Гирей-кипчаки

а



а *б*

Рис. 77. Кайло – *кәйлә* (*а*), гирей-кипчаки; мотыга – *кәтмән* (*б*), гайнинцы

чевывавших на значительные от зимовки расстояния. Если по отношению к гусям башкиры еще и проявляли некоторую заботливость, то куры содержались уже совершенно без всякого присмотра и ухода. Для них не устраивали гнезд, постоянных или временных помещений, не задавали им корма и вообще не обращали на них никакого внимания. Вследствие этого у башкир развелась особая порода полудикой курицы. Они были малы и легковесны, легко перелетали на значительные расстояния и очень быстро бегали, а главное размножались «самосадкой». Одичавшая и уединяющаяся от людей башкирская курица сама делала себе гнездо где-нибудь поблизости от жилья. Когда выводились цыплята, она не менее других диких кур заботилась об охране от хищников своих птенцов, которые при первой опасности исчезали под ее перовым покровом. Башкиры узнавали о выводках только тогда, когда они попадались им на глаза. Башкирская курица была чрезвычайно выносliва и неприхотлива. Наиболее часто встречавшаяся окраска ее оперенья — темно-серая, темно-желтая или черная.

Местами башкиры брали кур с собой на кочевки, возле которых мне нередко доводилось видеть их в зарослях по горным ручьям сидящими на деревьях и перелетающими с одного дерева на другое с клохтаньем, столь характерным для диких кур (тетерок).

При обычных условиях содержания курицы переставали класть яйца в мае и многие делались способными к кладке только следующей весной. Это было особенно характерно для молодых кур, старые же неслись дольше и обильнее, т. е. с меньшими промежутками от кладки до кладки.

Разводили башкиры и уток, но очень редко и в небольшом количестве. Чаще они подкладывали яйца диких уток под кур, а утятам к осени подрезали крылья. Дикие утята среди башкирских домашних птиц были явлением нередким.

Об истории земледелия у башкир достаточно подробно сказано в главе IV. В данной главе особое внимание обращается только на технику системы земледелия. Долгое время у степных башкир господствовала переложная система земледелия, а у лесных — огневая или подзольная. Об обеих этих системах имеются упоминания в исторических документах XVII и XVIII вв. (заложенные и гаревые земли), существовали они и в конце XIX в. Первую из них, переложную систему, можно было встретить кое-где у многоземельных, особенно зауральских, башкир, подзольную же я наблюдал в северо-западном углу Башкирии (Гайнинская и Уранская башкирские дачи).

При переложной системе землю, однажды обработанную, после трех-четырех урожаев пшеницы или проса оставляли на несколько лет. Выбирался другой, еще не разработанный участок или снова поднималась залежь, не паханная в течение десяти-пятнадцати лет, и обрабатывалась те же три-четыре года, а залежь — два-три года. Эта примитивная система, без применения удобрения, при редком населении и при многоземелье удовлетворяла потребности земледельца; у него не было нужды ухаживать за одним каким-либо участком земли, когда обширные ее площади были к его услугам.

Подзольная система была еще более хищнической, чем переложная. При ней выжигались участки леса, иногда площадью в несколько тысяч гектар. Из-за массы валежника, свалившихся и обгорелых деревьев, пней и корней выжженный участок вспахать, конечно, было нельзя, да и не было в этом надобности, так как вся площадь была покрыта рыхлым слоем золы. Только местами, между кореньями, земля слегка перекапывалась кайлом или мотыгой (*кәтмән*, рис. 77, *б*). Слегка перебороненный зольный слой засевался хлебом (обычно рожью), но уже после второго, а иногда и после первого посева на этой плодородной почве начинала расти такая могучая травянистая растительность, что весь выжженный участок забрасывался и выжигался новый.

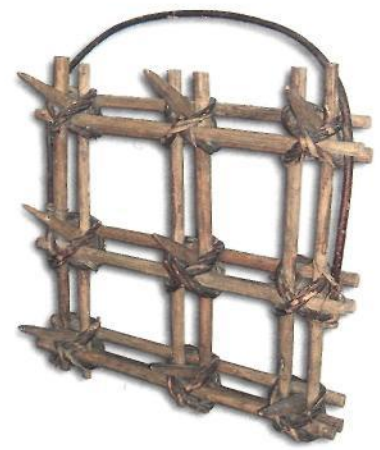
Эти две системы земледельческого хозяйства в указанное выше время имели очень ограниченный, местный характер, трехпольная же система хозяйства была распространена повсеместно. При ней все обработанные земли разделялись на три поля, из которых два ежегодно засевались хлебными злаками, а одно из них по очереди находилось под паром. Этот способ землепользования был обычным не только для башкир, но и для всего русского и нерусского населения Башкирии.

Во второй половине XVIII в. башкиры, по словам И. И. Лепехина, больше сеяли «ячмень и овес, а озимовой хлеб для них за ненужной почитается»[137]. В конце XIX — начале XX в. башкиры сеяли яровую пшеницу, озимую рожь, полбу, ячмень, овес, просо и, редко, коноплю. Озимой ржи башкиры сеяли мало, и посев ее производился с середины августа по сентябрь. Сеяли обычно свежие семена (сыробитные) урожая данного года, в количестве двух центнеров на гектар. Поспевала озимая рожь в начале или в середине августа. Пшеница (белотурка, кубанка, благодатка и обыкновенная местная) сеялась в количестве гораздо большем, чем рожь, за исключением северо-западной Башкирии и некоторых приуральских возвышенностей, где пшеница совсем не сеялась. Ее посев, в зависимости от местности, производился в течение мая, поспевала она в августе. Ячмень (двустрочный и многострочный — остистый) возделывался повсюду, но в небольшом количестве. Сеяли его раньше пшеницы и убирали раньше других хлебов. Овса сеяли немного, и вследствие плохой обработки земли урожаи его были плохие. Стручковые и гречиху башкиры, за редкими исключениями, не сеяли. Коноплю в небольшом количестве сеяли повсюду, преимущественно там, где занимались огородничеством. На приусадебных участках нередко произрастало немало дикой конопли.

Под посев всех вообще яровых хлебов поля приготовлялись совершенно одинаково. Весной земля в большинстве случаев вспахивалась один раз, независимо от того, была ли эта земля новая или старая, непрерывно обрабатываемая. Боронили также один раз. Земля вспахивалась мелко, плохо разрыхлялась и не очищалась от сорных трав. Плодородные почвы давали обильные урожаи, но часто, в тех же случаях, когда сорные травы заглушали посеянное, урожайность сильно снижалась.

В местах степных, главным образом в зауральской Башкирии, земля под посев яровых хлебов нередко подготовлялась с осени, а весной распахивалась вторично или обсеменялась без повторной вспашки непосредственно под борону. На подготовленной таким образом земле сеяли пшеницу; на следующий год жниво (подпарок) перепахивалось один раз и на нем сеяли овес; третий год земля находилась под паром. Под посев озимых хлебов пахали два раза: первый раз в июне или в начале июля (под пар), а второй раз за неделю или за две до сева; посев производился под борону, чем и заканчивались все работы на паровом поле. Обработка полей под яровые посевы в разных местах Башкирии произво-

[137] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 24.



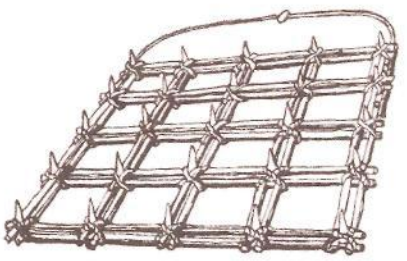


Рис. 78. Борона с деревянными зубьями – *агас тырма*. М и н ц ы

дилась в различное время, на севере она по сравнению с югом запаздывала недели на три, на месяц.

Наиболее примитивным орудием, употреблявшимся очень редко, да и то только для распашки не вполне очищенных от леса участков, была соха-косуля. Сошник косули надевался на рассоху с естественным изгибом внизу, образовывавшим как бы полоз. Деревянный отвал косули, прикрепленный к рассохе гвоздями, упирался в перо сошника. Верхний конец рассохи был укреплен в валек, к которому прикреплялись оглобли. Запряжка была в дугу или без дуги на гужах.

Изредка в различных местах башкиры пахали обыкновенной сохой (*һуқа*) с двумя сошниками. Она употреблялась главным образом для вспашки пашни в первый раз под пар для озимого посева, а также при посадках в огородах.

Особенно широко был распространен во всем крае деревянный татарский сабан (*һабан*). К концу XIX в. *һабан* почти вышел из употребления. В начале XX в. два-три экземпляра этого орудия можно было еще встретить в каждой башкирской деревне. Этим орудием пахали с колесным передком на четырех-шести лошадях при двух работниках, из которых один держал *һабан*, а другой правил лошадьми. Состоял он из двух основных деревянных частей: рассохи (*һабан баш*) и горбыля (криулина, лиса, *ykmay*), один конец которого прикреплялся к передку при помощи петли и деревянного гвоздя — чекушки (*сөй*), а другой был укреплен в пятке рассохи. Впереди на рассоху надевался железный лемех, а на верхнем конце укреплялся рогаль (*тотқос*), держась за который пахарь управлял сабаном. Горбыль с рассохой соединялся железным винтом, который пропускался посредине горбыля и укреплялся в передней части рассохи. При помощи этого винта (*ук*) регулировалась глубина погружения лемеха. Отвалом (*кәҫ такта*) обычно служила деревянная доска, косо прибитая с правой стороны.

В начале XX в. *һабан* был вытеснен плугом, получившим широкое распространение во всей Башкирии. Плуги у башкир были разных марок и размеров, и ими пахали на паре, тройке и даже на четырех лошадях. В последнем случае бедные башкиры устраивали «супряжки» (на юге) для совместной обработки своих полей.

Там, где существовала огневая система земледелия, участки, подготовленные для посева, боронились примитивной деревянной бороной (*агас тырма*). Борона эта состояла из перерубленных пополам стволов ели и укрепленных при помощи двух перекладин между оглоблями так, чтобы длинные (около 50 см длиной) сучья были направлены в одну сторону, вперед.

Другой редко встречавшийся у башкир тип бороны с деревянными зубьями мне доводилось видеть в северо-западной и центральной Башкирии. Борона этого типа состояла из перекладин, а клинообразные ее зубья были закреплены ивовыми прутьями в узловых точках перекрещивающихся перекладин (рис. 78). Такая борона обычно имела квадратную форму и 25 зубьев. К передней ее стороне прикреплялся лу-

чок из толстого гнутого прута, чтобы при распашке новых пашен борона не зацеплялась за пни и обходила их.

Самой распространенной у башкир была деревянная борона с 20 или 25 железными зубьями (рис. 79). Такая борона состояла из четырех или пяти четырехгранных брусков, скрепленных между собой двумя поперечными брусками. В просверленные в этих брусках отверстия вставлялись в наклонном положении железные четырехгранные, заостренные на конце зубья. Размеры бороны были 1,4–2 м длины и 1–1,2 м ширины.

Для запряжки лошади в эту борону у передней стороны в концах продольных ее брусьев укреплялось прочное древко, на которое надевалось железное или сплетенное из вязовых, дубовых или черемуховых прутьев кольцо. К этому кольцу привязывался валек, а к нему оглобли или постромки.

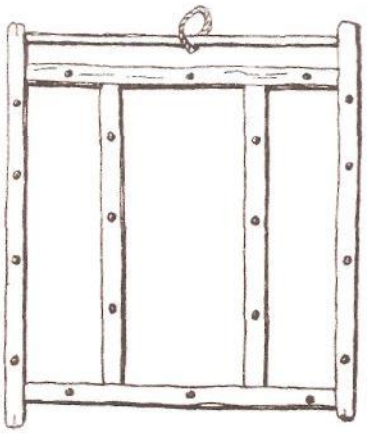


Рис. 79. Борона с железными зубьями – *тырма*. Катайцы

Уборка хлеба у башкир производилась серпом (*урак*), овес косили косой (*салғы*), да и то не везде и не все. Косили хлеб только в неурожайные годы, когда он бывал редок и травянист, когда жать его считалось невыгодным. Башкирский серп ничем не отличался от русского, косы употреблялись те же, что и для косьбы травы, только с деревянными грабельками из трех-пяти длинных зубцов, которые прикреплялись к пятке косы (рис. 80). От каждого зубца этих грабель к косовищу натягивались бечевки для того, чтобы падающий на них хлеб не переваливался через косу и солома ложилась ровнее. У зажиточных башкир, живших по соседству с русскими крестьянами, местами появлялись уже сенокосилки, конные грабли и жнейки.

Сжатый хлеб связывали в снопы и складывали в суслоны, а затем в большие клади на гумнах.

Овинов для сушки хлеба у башкир не было, и только очень редко встречались так называемые «шиши» или татарские овины (*әүен*). Это была круглая яма, выложенная по стенкам камнями, обмазанная глиной и затем обожженная. По окружности ямы устанавливались колья в форме конуса, высотой до 3 м, связанного в вершине. В яме разводился огонь, а конусообразный над ямой остов шалаша обкладывался снопами.

Молотьба хлеба у башкир производилась различными способами: лошадьми, телегами и камнями с лошадиной тягой, цепами. В конце XVIII в., по словам И. Г. Георги[138], башкиры очищали семена от соломы топтанием крупной скотиной, на которой разъезжали верхом по сжатому хлебу. В. М. Черемшанский[139] сообщал, что в середине прошлого века такой способ молотьбы хлеба был в большом употреблении не только среди нерусского населения Башкирии, но и у русских. «Пшеница кубанка, – писал он, – возделываемая в Оренбургском и Бузулукском уездах, иначе и не молотится, как только лошадьми». В начале XX в. лошадьми молотили в центральной Башкирии и за Уралом; гречиху

Рис. 80. Косцы. Елдятцы

[138] *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. 1. С. 100.

[139] *Черемшанский В. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. С. 357.

Рис. 81. Цеп – *сыбағас*. Гайнинцы

и горох во многих местах только таким способом и обмолачивали. При молотьбе неподкованными лошадьми (*баҫым баҫтырыу*) развязанные снопы ставились по току в круг стоймя, плотно один возле другого, колосьями кверху. Лошадей, которыми молотили, бывало различное количество, от трех до десяти и более. Все они привязывались одна к другой за шею и за хвост. Управлялись лошади одним погонщиком, который с кнутом стоял в центре круга. С боков стояло несколько человек с вилами и граблями, перетрясая солому и подбрасывая ее в круг под копыта лошадей. Время от времени лошадей сводили с тока, снимали граблями перемятую и отмолоченную солому, переворачивали нижние слои соломы и снова гоняли по току лошадей. Эта операция повторялась несколько раз. По словам В. М. Черемшанского[140], хорошей пшеницы пять лошадей обмолачивали пудов по сто в день.

В начале XX в. среди южных башкир распространилось еще два способа молотьбы: катком и телегой, нагруженной камнями. Молотильные катки были заимствованы от переселенцев-украинцев. При молотьбе телегой ее возили по разложенным на току снопам. Молотьба цепом (*сыбағас һуғыу*) была характерной только для западной и отчасти северной и центральной части Башкирии. За Уралом и на юге цепов у башкир или совсем не было, или ими изредка пользовались для молотьбы только проса и овса. Цеп (*сыбағас*), который употреблялся башкирами для молотьбы (рис. 81), состоял из двух частей: легкого шестика (*көбәк*) до 1,2 м длины и била (*тәпәс*). Передний конец шестика делался толще и в нем высверливалась сквозная втулка диаметром 1,5–2 см. В эту втулку продевался ремень (*кайыш*), один конец которого привязывался к шестику у основания его утолщения, а другой к билу, за его шейку. Било длиной около 35 см изготовлялось из тяжеловесного – дубового, березового или вязового – дерева. Ремень как во втулке шестика, так и около шейки била вращался свободно, не закручиваясь, что было важно при работе цепом. Иногда вместо втулки на конце шестика для привязывания ремня, как и на конце била, вырезывался круговой желобок; вместо ремня часто употреблялась конопляная веревка.

Веяли хлеб лопатой или лукошком. Зажиточные башкиры от соседних русских крестьян местами переняли конные молотилки и веялки.

Для хранения зерна, помимо амбаров и клетей, о которых будет речь в главе о жилищах и постройках, никаких специальных помещений не устраивалось.

Перед употреблением в пищу башкиры очищали хлебные зерна от кожуры, превращая их в крупу, размалывали. От кожуры просо, ячмень и полбу очищали толчением в больших деревянных ступах (*киле*, рис. 82) или пропускали один раз через деревянные с набитым чугуном ручные жернова (*кул тирмәне*, рис. 83). *Кул* (или *ағас*) *тирмәне*

[140] *Черемшанский В. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. С. 318.

некогда были широко распространены среди башкир. В начале XX в. их было уже меньше, хотя они встречались повсеместно. Жернова эти состояли из двух плоских отрезков березового бревна высотой 25 см и 60—70 см в диаметре каждое. В центре нижнего жернова укреплялся деревянный или железный стержень, которому в верхнем жернове соответствовало довольно широкое отверстие. Соприкасающиеся поверхности жерновов были покрыты поставленными на ребро и вбитыми в них осколками чугунного котла. Поверхность нижнего жернова к центру была несколько выпуклой, а верхнего, напротив, слегка вогнутой. У края верхнего жернова имелась ручка-колышек, составлявшая одно целое с верхним жерновом или в него вставленная, при помощи которой жернов вращали. При размоле зерна под жернова подкладывалась жеребячья или телячья шкура, мездрой кверху, или холщевая подстилка. После первого пропуска зерен через жернова, как уже было отмечено выше, получалась крупа, но после их пропуска от трех до пяти раз, в зависимости от размеров и тяжести верхнего жернова, зерна перемалывались в муку.

Рис. 82. Толчение зерна в деревянной ступе (*киле*). Катайцы

Помимо деревянных, у башкир, хотя и редко, встречались и каменные ручные жернова (*таш тирмән*, рис. 84). Каменные жернова изготовлялись из песчаника, обычно из двух плоских плит того же диаметра, как деревянные жернова. Каменные ручные жернова мне доводилось видеть только у горных башкир, хотя в прежние времена они имели широкое распространение. Такие жернова, разбитые и целые, башкиры часто находили при распашке полей на местах бывших кочевок и старых поселков.

Зерно засыпалось в отверстие верхнего жернова, его же вращением производился и размол зерна. Мололи на ручных жерновах исключительно женщины.

Помимо ручных, в Башкирии исстари имелись и водяные мельницы, как весьма примитивного устройства, так называемые мутовки, так и более совершенные — «колесчатые». В документах первой половины XVIII в., в записях на припуск в свои вотчинные земли главным образом татар, башкиры оговаривали их право мельницы-«мутовки про себя строить», а также «колесчатые об одном и двух поставах».

Рис. 83. Размол зерна ручными жерновами (*кул тирмәне*). Катайцы

Мельницы-мутовки, по существу, были теми же ручными *кул тирмәне*, но только с применением в качестве двигателя водной энергии. Прекрасное описание такой мельницы дает П. С. Паллас[141], который в последней четверти XVIII в. видел ее у горных башкир. Свое описание автор иллюстрирует хорошим рисунком (рис. 85). Вот его описание. «При плотине срубают оне на сваях стоящую небольшую избушку, по средине коей стоит сруб вместо стола; на нем лежат мельничные камни, кои никогда не бывают из камня, но только из крепкаго какого корня или дерева сделанные круги, в которые вбиты многие маленькие железные лезвия без всякаго порядка, но однакож так, что все они длиною от средо-

[141] *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1786. Ч. 2. Кн. 1. С. 58—59.

Рис. 84. Ручные каменные жернова – *таш тирмән*. Катайцы

точия к округу простираются. Исподний деревянный мельничный круг лежит на доске неподвижно, а верхний снимается; в движение приводятся осью мельничнаго колеса, которая сквозь средину исподняго круга проходит и железным крючком зацепляет за ямку на верхнем камне, в середке выдолбленном. Ось делается обыкновенно из дерева: то есть самую нижнюю часть корня обрубают наподобие булавы кругло и толсто, так что по оной многие пологие, с одной стороны жолобоватые крылья или лопатки, как будто спицы у тележных колес, вделаны, что составляет у их водяное колесо. Под булавою вбит железной шкворень, посредством коего ось стоит в ручье на свае прямо и на оном вертится. Вода течет по деревянному жолобу из небольшаго на плотине прореза к одной стороне горизонтально лежащаго сего колеса и, низпадая на выдолбленную лопаток сторону, поворачивает колесо, ось и наверьху в мельнице находящийся верхний жорнов. Для остановления мельницы кладут долгий шест между лопаток, а другие делают жолоб подвижной, по чему, отворотя его на сторону, то же самое производят. Зерна, из которых хотят делать крупу или крупную муку, ссыпают так, как и на обыкновенных мельницах в досчатый кузов, при котором в низу приделан маленький жолобок, соответствующий прямо средней дыре верхняго жорнова. Короб, в коем зерна содержатся, висит на поперечинах мельницы подвижно и при оном рычаг, достигающий одним концом до верхняго жорнова, от котораго производимое в нем трясение сообщается коробу и тем семяна из его вытрясаются; когда башкирцу вздумается мельницу на несколько времени остановить, или возпрепятствовать, чтоб зерен из короба более не сыпалось, то он отнимает только объявленный рычаг». Совершенно такие же, как только что описанная, мельницы встречались в конце XIX в. кое-где в оренбургской Башкирии. Так, на р. Сакмаре описана подобная мельница-моталка (в отличие от большой – *куласа*), где в небольшом шалаше помещался жернов, сидящий на вертикальной оси вместе с водяным колесом. Это колесо состояло из восьми вертикально же поставленных лопаток в пол-аршина длиной каждая, так что колесо было размером с обыкновенное колесо телеги. Непосредственно из запруды в лопатки била вода и приводила таким образом в движение жернов[142]. Мне лично такие мельницы-мутовки довелось встречать между реками Белой и Сакмарой у бурзян и тамьян-тангаурцев.

Большие водяные мельницы, которых много повсюду в Башкирии, ничем не отличаются от общеизвестных русских.

Рассматривая хозяйственную деятельность башкир в историческом плане, нетрудно заметить, что занятия охотой и рыболовством с течением веков теряют свое экономическое значение вследствие хищнических приемов как охоты, так и рыболовства, уменьшения лесных массивов, а глав-

[142] Отчет экспедиции Оренбургского отдела Географического общества для производства барометрической нивелировки Южной части Уфимского хребта в 1898 г. // Изв. Оренбургского отд. Русского Географического о-ва. 1899. Вып. 13. С. 221.

ное — увеличения пахотных угодий и густоты населения. Напротив, пчеловодство, скотоводство и земледелие прогрессивно развиваются.

Оставляя в стороне птицеводство, игравшее неперовостепенную роль в хозяйстве башкир, следует отметить, что основные их занятия по своим формам существенно варьировали во времени и в зависимости от территории. Характерно, что до конца XIX в. во всех основных занятиях башкир можно было одновременно наблюдать и весьма примитивные, и более совершенные формы в одной и той же отрасли хозяйства.

В конце XIX — начале XX в. бортническим пчеловодством занимались в горах Южного Урала и в лесистых западных отрогах Среднего Урала. В бассейне низовьев р. Белой и в соседнем Прикамье существовало пчеловодство с подвешиванием колод-ульев на деревья, хотя повсюду уже было распространено пасечное пчеловодство.

Присматриваясь в деталях к приемам, различным принадлежностям и инструментам башкирских пчеловодов, как бортников, так и пасечников, мы увидим, что башкирское пчеловодство ничем существенным не отличалось от пчеловодства, издревле бытовавшего среди народностей всего среднего и нижнего Прикамья (удмуртов, мари, чувашей, татар и др.). Единственное, что можно отметить в башкирском пчеловодстве, это более ярко выраженные пережитки ранних форм пчеловодства, бортничество с приспособлениями для лазанья на борти.

Если мы сопоставим территории географического распространения пчеловодства и примитивного тебеневочного скотоводства, в том виде, как они наблюдались к началу XX в., то заметим, что там, где было развито пчеловодство, там не было тебеневочного скотоводства, и наоборот. Последнее было следствием географического распространения башкирских лесов и лесостепей, с одной стороны, и ковыльных степей, с другой.

К началу XX в., как мы видели, за исключением узкой полосы зауральских степей, где местами еще бытовало пастушеское скотоводство с тебеневкой, в Башкирии повсюду было общераспространенным стойловое содержание скота с заготовкой на зиму большего или меньшего количества сена. По своему характеру башкирское скотоводство в восточной, зауральской, части Башкирии, а ранее и в степной, юго-западной, ничем не отличалось от скотоводства соседящих с ними степных кочевников казахов и калмыков. У них была та же система выпаса скота, те же приемы и орудия скотоводства (способ поимки лошадей, снаряды для привязывания жеребят, приемы доения кобыл и проч.), такое же использование материалов, получаемых от скотоводства. С другой стороны, способы стойлового содержания скота и ухода за ним, заготовка корма на всей остальной территории Башкирии были общими с нерусским, исстари земледельческим населением Прикамья, с мари, удмуртами, чувашами, татарами и проч. Один и тот же был и хозяйственный инвентарь.

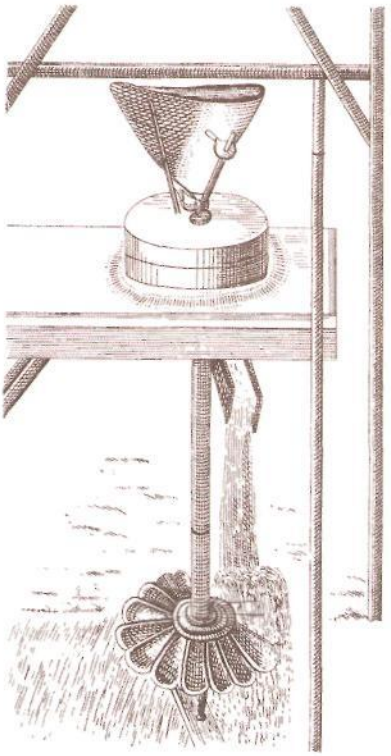


Рис. 85. Мельница-мутовка (Паллас, 1786)

В Башкирии местами можно было наблюдать пережитки примитивных форм земледелия — полумотыжного подсечного или огневого хозяйства и переложного. В основном же к концу XIX в. население Башкирии перешло к трехпольной системе хозяйства, которая применялась как русским, так и нерусским населением края. И в этом отношении башкиры ничем не отличались от народностей Прикамья, которые, начиная с середины XVI в., постепенно проникая на территорию Башкирии, приносили с собой и сельскохозяйственные навыки, и хозяйственный инвентарь.

Под влиянием более передового хозяйства русских крестьян у башкир начали появляться и усовершенствованные сельскохозяйственные орудия и машины.

Примитивные приемы и орудия для изготовления круп и размола зерна (ступы и зернотерки) к началу XX в. у башкир сохранились только в качестве пережитка и употреблялись главным образом уже для толчения и размола соли. Орудия эти некогда имели крайне широкий ареал распространения, начиная с глубокой древности, во всяком случае с неолита. Поэтому бесполезен вопрос о происхождении и о времени появления этих орудий у башкир. Ручные деревянные жернова появились, разумеется, много позднее, но и они давно получили широкое распространение среди населения всей лесной полосы восточной Европы, а затем, с приходом русского населения, и в Сибири.

Мельницы-мутовки были характерны для башкирского хозяйства, поскольку они строились самими же башкирами; что же касается настоящих мельниц («колесчатых»), то, как мы знаем, их в Башкирии начали строить татары и позднее русские крестьяне.

Глава VII

ПИЩА

Первые сведения о пище башкир весьма скудны и относятся они только к последним двум с половиной столетиям. Как нами уже дважды отмечалось, в «Книге Большому Чертежу» (первая половина XVII в.) сообщалось, что «кормля их мед, зверь и рыба». Этот источник не упоминает о молочных продуктах, между тем последние у башкир, как у народа в значительной своей части скотоводческого, должны были иметь большое значение. По сведениям, собранным в 1725–1726 гг. Юхневым[143], башкиры Сибирской дороги «хлеба не едят, но только лошадиное мясо, а пьют кумис, которое питье зделано из лошадинова молока»; равным образом башкиры и Ногайской дороги, писал Юхнев, «едят лошадиное мясо и пьют из молока зделанное питье, також де у них есть мед», а башкиры Казанской дороги «едят хлеб и лошадиное мясо». У северных башкир Осинской дороги хлеб в эти времена был одним из основных продуктов питания.

Довольно обстоятельные сведения о питании башкир сообщают путешественники второй половины XVIII в. По словам И. И. Лепехина[144], летом башкиры питались исключительно молоком. «Вся их (башкир. – *С. Р.*) провизия в дороге состояла в небольших кусках сыру и турсуках кумызу, которых каждый имел по одному. С сего они были, по просту сказать, сыти и пьяни». П. С. Паллас[145] также отмечал, что главное питание башкир состояло из молочных продуктов и мяса и что хлеб у них употреблялся в пищу не повседневно. Про пермских башкир автор начала прошлого столетия Н. С. Попов[146] писал, что они «кроме мяса, едят частию и хлеб; летом пьют кумыс, а зимою из того молока делают брагу и ирень» (вероятно, *айран*).

---

[143] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. / Сост. *Н. Ф. Демидова*; Под ред. *Н. В. Устюгова*. М.; Л., 1949. С. 486–487.

[144] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 55–56.

[145] *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1773. Ч. 1. С. 650–651.

[146] *Попов Н. С.* Хозяйственное описание Пермской губернии. Пермь, 1813. Ч. 3. С. 188.

С изменением хозяйственного быта башкир изменился в значительной степени и характер потребляемой ими пищи, уменьшение потребления мясной пищи компенсировалось увеличением потребления хлеба.

Растительная пища всегда занимала второстепенное место в питании башкир, хотя число дикорастущих растений, употреблявшихся башкирами в пищу, было довольно значительным: *балтырган* (Heracleum) ели как в сыром виде (стебли), так и мелко нарубленным и сваренным вместе с лапшой (все растение); *куҙгалак* (щавель) и *кымыҙлык* (стебли кислицы) ели как в сыром виде, так и вареными; употребляли в пищу стебли *кымыҙ* (молочая), *ыркөпшә*, *куян колак*, *сабыркан* и других трав. Как приправу ко многим кушаньям употребляли полевой лук (*йыуа*) и полевой чеснок (*нуган*); горные башкиры в значительном количестве ели черемшу (*урман йыуаһы*). Особенно много собиралось и употреблялось в пищу луковиц сараны (*яптрак* или *һарына*). В грамоте от 1633 г. об ограждении верхотурских башкир от излишних сборов при взимании с них ясака, между прочим, говорится: «...а пашен де у них нет, кормятца летом сараною, а зимою рыбою»[147]. В распросных речах об общих условиях жизни и настроениях башкир от 20 июня 1665 г. сообщается: «...а жить де им, башкирцом, голодно, едят де они сарану и к зиме пасут»[148]. Из «допросных речей» 1736 г. о продовольствии айских башкир выясняется: «По Аю башкирцы пропитание имеют малаком и копают сарану, в чем нужды никакой ныне нет, а еровой хлеб хотя местами был посеян, только ничего не уродилось. Лошедьми и скотом довольны, однако ж многие из башкирцов говорят, что при нынешнем спокойстве оне и хлеб будут покупать, где могут достать»[149]. Во время восстания 1737 г. башкиры Сибирской дороги, готовясь к зиме, выбирали для зимовки такие места, «где кто сена для корму скота заготовил, и для пищи себе заготовляют в зиму сарану»[150].

Из приведенных выше цитат видно, что при нормальных условиях жизни сарана была побочным продуктом питания, в случае же голода и в тревожное военное время она являлась существенным подспорьем в питании населения.

До начала XX в. огородничеством башкиры занимались мало, а там, где им и занимались, садили почти исключительно картофель (*бәрәңге*) и из овощей только его и употребляли в пищу. В западной и северо-западной Башкирии с конца прошлого века башкиры начали сажать и другие овощи, но впрок, как и картофель, они не запасались и в питании башкир занимали последнее место.

Грибов башкиры не ели никаких, ягоды же собирали всевозможные: полевую клубнику (*ер еләге*), землянику (*кайын еләге*), малину (*курай еләге*), красную и черную смородину (*кыҙыл* и *кара карағат*), ежевику (*тал бөрҙөгәне*), костянику (*бөрҙөгән*), полевые вишни (*сейә*) и в особенно большом количестве черемуху (*муйыл*). Ягоды потреблялись как свежие, так и в виде особого рода пастилы (*как*); сушеную черемуху и вишню, подобно русским, мололи и употребляли как начинку для пирогов.

Основным питательным продуктом башкир к концу XIX в. были уже злаки (полба, ячмень, рожь, пшеница), из которых изготовляли крупу для каши, муку, из которой пекли лепешки и хлебы, заправляли ею похлебки. В ограниченном количестве и неповсеместно в пищу употреблялось и пшено (*тары ярмаһы*), в редких случаях на северо-западе Башкирии в пищу употребляли и гречневую крупу. Сахара башкиры употребляли вообще мало. Там, где занимались пчеловодством, мед заменял сахар.

---

[147] Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. Башкирские восстания в XVII и в первой половине XVIII века / Сост. *А. П. Чулошников.* М.; Л., 1936. С. 69.

[148] Там же. С. 197.

[149] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. / Сост. *Н. Ф. Демидова*; Под ред. *Н. В. Устюгова.* М.; Л., 1949. С. 498–499.

[150] *Устюгов Н. В.* Башкирское восстание 1737–1739 гг. М.; Л., 1950. С. 82.

Растительная пища употреблялась у башкир преимущественно в печеном или вареном виде. В золе башкиры пекли сарану, иногда картофель, обычно хлебные лепешки. Способ печения хлебных лепешек (*өшә*) в золе (*көлсә бешереү*) был совершенно таким же, каким его описывал во второй половине XVIII в. П. С. Паллас. По его словам[151], башкиры «еще и ныне пекут оной (хлеб. – *С. Р.*) таким же образом, как пекли первые люди. Башкирская женщина месит несмытыми руками лепешку на воде с солью, сажает ее на поду камина в горячую золу и загребает. Потом втыкают на палочку и держат несколько у огня, чтобы корка поджарилась». В начале XX в. подобными лепешками башкиры питались уже далеко не везде и пекли их главным образом зауральские и горные башкиры. Повсюду пекли уже квашеный хлеб (*кумәс*) в особых, весьма примитивно устроенных печах (*мейес*). Печи эти (рис. 86, 87) имелись повсюду на местах башкирских кочевок (*йәйләү*), во дворах деревень (в северо-западной Башкирии) и вместе с каминами (*сыуал*) внутри постоянных зимних жилищ. Эти небольшой величины печи были сложены из камней снаружи и изнутри были обмазаны глиной. После того как печь была вытоплена, в нее на лопате (*көрәк*) сажали хлебы, чело и выходное для дыма отверстие закрывались заслонкой и камнем. Плохо вымешанное тесто в этих примитивных башкирских печах плохо и выпекалось. Лучше приготовлялся хлеб там, где его выпекали в русских печах, особенно в северо-западной и западной частях башкирского края.

Рис. 86. Печь для выпечки хлеба – *мейес*. Бурзяне

Огромное большинство башкирских кушаний варилось в больших чугунных котлах (*казан*); жарили на сковородках только очень немногие богатые башкиры и притом далеко не везде.

Из хлебных зерен (крупы и муки) обычно в смеси с молочными продуктами башкиры приготовляли следующие кушанья.

Өйрә – похлебка из ячменных или полбенных круп, заправленная сыром (*корот*).

Бутка – каша на молоке или на воде, сваренная из ячменных или полбенных круп.

Һалма – лапша из ржаного или какого-либо другого круто замешанного на воде теста, ее резали ножом и бросали в котел с кипящей водой (*тукмас һалма*); иногда приготовленное для лапши тесто не резали ножом, а просто рвали руками на кусочки и бросали в кипящую воду; получалось нечто вроде вареных клецек (*сумар һалма*). *Һалма* была одним из самых распространенных кушаний. *Һалма* обычно заправлялась размельченным сыром, а иногда сараной.

Талкан – мелко истолченная и поджаренная ячменная или полбенная крупа, смешивалась с маслом или сметаной и затем разводилась в горячей воде.

Рис. 87. Печь для выпечки хлеба – *мейес*, над ней помост – *ылаш* – для просушки *корот*. Тамьян-тангаурцы

[151] *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1773. Ч. 1. С. 651.

Курмас — ячмень, смешанный с коноплянными семенами, поджаренный, употреблялся в пищу северо-западными башкирами; на востоке *курмас* — род толокна, приготовленного из пшеницы.

Әүмәлә (*сүкәмәс*) — кушанье чаще всего для угощения гостей, приготовлялось следующим способом: в кипящую сметану понемногу, непрерывно помешивая, подсыпалась ячменная или ржаная мука. В результате получалась слегка подсоленая вкусная и питательная кашица в масле.

Йыуаса, *бауырһак* — мелко нарезанные кусочки раскатанного пресного, обычно пшеничного теста, проваренные в кипящем масле, бараньем или конском жиру (*туң май*). *Йыуаса* заготовлялась впрок и хранилась в мешках; она всегда подавалась гостям к чаю.

Сәк-сәк — праздничное кушанье, свадебное, по-видимому, заимствованное башкирами от татар и получившее широкое распространение среди богатых людей в приуральской части Башкирии. Из крупчатой муки замешивалось на яйцах пресное тесто; раскатанное на тонкие валики, оно резалось на кусочки величиной с лесной (волошский) орех и варилось в масле. В остывшем виде эти вареные шарики заливались медом, который их цементировал.

Коймак — обыкновенные блины, которые жарились в масле на сковороде, пища не повседневная, а приготовлявшаяся при приеме гостей.

Шәңгә — вид сибирской ватрушки (шаньги).

Молочные продукты, занимавшие некогда столь исключительное положение в питании башкир, не утратили своего значения и к началу XX в. Кроме молока (*һот*), башкиры употребляли в пищу сметану (*каймак*), кислое молоко (*катык*), творог (*эремсек*), масло (*май*) и сыр (*корот*). Из кобыльего молока на значительной территории Башкирии приготовлялся кумыс, а из коровьего молока — *айран*.

Һот — обыкновенное сырое коровье или козье молоко — башкиры редко употребляли в пищу, кипяченое обязательно подавали к чаю.

Каймак, который также чаще подавался к чаю, как приправа, представлял собой топленое молоко со сметаной или густые и плотные пенки, снятые с кипяченого молока. Холодный плотный *каймак* из пенок был лакомством.

Эремсек — обыкновенный творог — сравнительно редко употреблялся в пищу непосредственно. Обычно он перерабатывался в *корот*.

Катык — род варенца — приготовлялся из кипяченого молока, которое после охлаждения до нормальной температуры воздуха заквашивалось или старым, уже перекисшим *катык*, или *айран*. Это кушанье было распространено преимущественно в северо-западной Башкирии.

Әжекәй приготовлялся следующим способом. К готовому *катык* прибавлялось молоко, и смесь эта кипятилась в котле на медленном огне досуха; получалась желтая масса, которая перед употреблением в пищу приправлялась свежим (не топленым) молоком и подавалась к чаю. Заготовлялся впрок, на зиму.

Һөзмә — лакомство, которое также подавалось к чаю. Это был свежий хорошо отжатый творог (*эремсек*), смешанный с медом.

Корот был одним из самых распространенных и самых важных молочных питательных продуктов башкир. При приготовлении *корот* в котлах кипятили свежее молоко, затем сливали его в большие деревянные чашки (*табак*) и давали остыть. С остывшего кипяченого молока снимали пенки, и снятое молоко сливали в деревянные кадки. Там его заквашивали, как *катык*, а если в кадке оставалась своя закваска, то брожение слитого в кадку молока происходило само собой. По мере того, как в закисшем молоке творожистая масса садилась, а сыворотка отчерпывалась, кадка почти полностью заполнялась творожистой массой. Содержимое кадки выливалось в котел, пока творог окончательно не отделялся от сыворотки. После этого подвешенный в мешке творог отжимался и или непосредственно употреблялся в пищу (*йәш корот*), или слегка подсаливался и из не-

го катались сырчики-колобки от 7 до 10 см в диаметре, которые затем высушивались на солнце на особых сушильнях (ылаш). *Ылаш* (рис. 88) устраивался следующим образом. К четырем вбитым в землю колам привязывали или клали на их развилины или сучки две продольные жердочки, на которые помещали маты из тонких лучинок, связанных между собой двумя бечевками. На эти маты и раскладывали колобки сыра. Иногда *ылаш* устанавливали над очагом, особенно горные башкиры, чтобы сыр скорее просыхал. В таких случаях он бывал закопченным сверху, что давало повод некоторым авторам утверждать, будто бы башкиры коптили свои сыры.

Для хранения *корот* или плелись из ивовых прутьев специальные плетенки (*сыт*), нередко внушительных размеров, грушевидной формы (рис. 88), или изготовлялись лубковые коробы (*тубал*).

Область, в которой башкиры изготовляли *корот*, была до начала XX в. достаточно обширной. *Корот* приготовляли башкиры во всем Зауралье, по всему югу Башкирии, а также в западной ее части, примерно до широты г. Уфы. Так, наиболее северные башкирские дачи, в которых приготовлялся *корот*, принадлежали минцам и кудейцам. Изредка *корот* встречался у айлинцев, восточных танышцев и у соседних с минцами кайлинцев и киргизов.

Рис. 88. Помост для просушки *корот – ылаш*.
Бурзяне

Масло башкирами изготовлялось сметанное (*ак май*) и топленое (*нары май*), последнее шло главным образом на продажу. Для себя башкиры сбивали обыкновенное сметанное масло; сбивали его в высокой, малого диаметра липовой маслобойке (*силэк*) при помощи особой мешалки (*бешкэк*).

В пищу употреблялось и кислое молоко, смешанное со сметаной и подобно маслу сбитое в кадочке (*кубек май*).

Наиболее распространенным напитком, приготовленным из коровьего молока, был *айран*. Его имели все башкиры, за исключением разве только самого крайнего северо-запада Башкирии, где уже начинали варить русский квас. Приготовляли *айран* совершенно так же, как и кумыс, но только не из кобыльего, а из коровьего молока. В отличие от кумыса *айран* иногда разбавляли водой. Местами, в западной Башкирии пили сколотину из-под масла, которую также называли *айран*.

Из кобыльего молока приготовлялся только кумыс (*кымыз*). Способ приготовления кумыса общеизвестен, и по этому вопросу существует специальная и притом достаточно обширная литература. Башкирский способ приготовления кумыса ничем не отличался от общераспространенного среди кочевников-скотоводов. В большой кожаный, впоследствии замененный деревянной кадкой сосуд (*наба*) вливалось только что подоенное кобылье молоко, иногда немного разбавленное водой. На внутренних стенках и дне старых сосудов всегда имелись бродильные грибки (*кур* или *эсетке*), которые размножались в свежем молоке, и начиналось спиртное, молочно-кислое брожение. Если сосуд был новым, то в свежее молоко вливалось немного кумыса, взятого из другого

а *б*

Рис. 89. Мешалка – *бешкәк*. Гирей-кипчаки

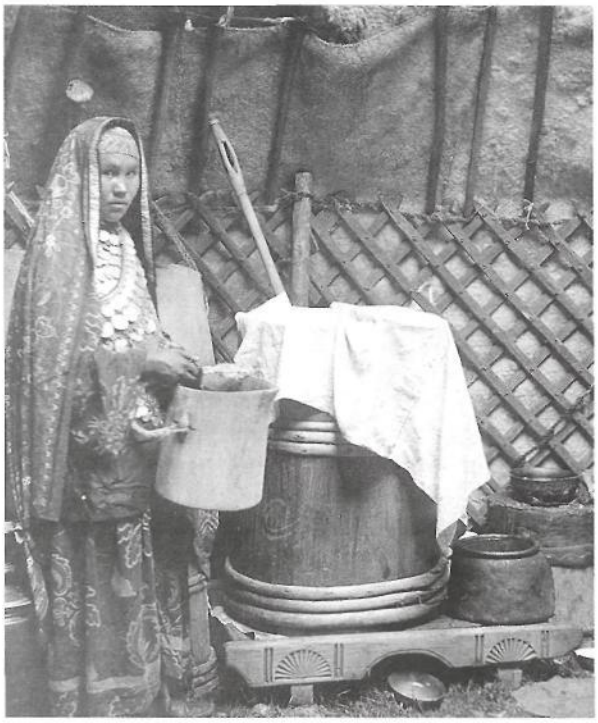
сосуда с кумысом, или старого, сохранившегося с прошлого года. В сосуд этот молоко вливалось после каждой дойки кобыл, а последних доили от двух до четырех и даже до пяти раз в день. После каждого пополнения кумыса свежим молоком и в промежутках между ними кумыс взбалтывался особыми мешалками (*бешкәк*), и через три-четыре дня он был уже годен для питья.

Бешкәк – палка около 1 м длиной, с кругом (15–25 см в диаметре) на конце, в котором проделано несколько отверстий.

Такой *бешкәк* обычно выделывался из цельного дерева: древко – из его ствола, круг – из корня. Иногда круг заменялся крестовиной (рис. 89). Кожаные сосуды для изготовления кумыса к концу XIX в. постепенно начали исчезать, заменяясь деревянной посудой, и в начале XX в. их можно было видеть только у башкир восточного склона Южного Урала и в прилегающей степи, да и то редко. Однако еще в конце XIX в. кожаная *наба* (рис. 90) была распространена во всем Зауралье и по западному склону Уральского хребта южнее г. Уфы.

Мясо домашних животных, особенно лошади и овцы, занимало первое место в пище башкир. Убивать животных у башкир, как и у казанских татар[152], по требованию ислама нужно было по определенным правилам. Животным перерезали горло и кровь выпускали в вырытую в земле под горлом ямку. Перерезали горло и убитой на охоте дичи, хотя бы она уже и была мертвой. Пойманную рыбу не резали и кровь из нее не выпускали.

Рис. 90. Сосуды для кумыса. Катайцы



Рыба в бассейне р. Белой и в Зауралье являлась существенным продуктом питания главным образом бедноты, а в голодные годы – и всех башкир. В теплую половину года, когда доились коровы и лошади, особой нужды в рыбе не ощущалось, зимой же, когда молочных продуктов было мало, рыба местами (при озерах и больших реках) занимала едва ли не первое место в питании основной массы населения. Не случайно башкиры повсеместно, сдавая в аренду свои рыбные ловли, оговаривали свои права ловить рыбу во время зимних ее заморов («а духовую рыбу ловить нам»). В пищу башкиры употребляли всевозможную рыбу почти исключительно в вареном виде, очень редко жареную.

Не последнее место в питательном рационе башкир занимали птицы. Там, где не было домашней птицы, гусей и кур, башкиры добывали и употребляли в пищу куропаток и рябчиков (*бөжөр, сел*), тетеревов (*өзән, көртлөк, кор*), глухарей (*һуйыр*), диких уток (*өйрәк*), гусей (*каз*).

Запретными, не употребляющимися в пищу птицами были: журавль (*торна*), лебедь

[152] *Воробьев Н. И.* Казанские татары. Казань, 1953. С. 323.

(*аккош*), хищники — беркут (*бөркөт*), сокол (*ыласын*), коршун (*коҙғон*), ястреб (*карсыға*), ворона (*ала карға*), сова (*ябалак*) и филин (*око*).

Почему этих птиц башкиры не употребляли в пищу, в результате ли пережитка тотемных представлений или по каким-либо другим причинам, установить мне не удалось. Напомню только указание Ибн-Фадлана[153] на журавля как на птицу, священную для башкир, и на особые свойства, которые приписываются беркуту в башкирском фольклоре.

Птица, как и рыба, употреблялась в пищу в вареном виде. Во время охотничьего промысла убитую птицу в поле жарили на вертеле, остроконечной палочке, наклонно воткнутой в землю над костром. Чаще распластанную птицу, насаженную на деревянную развилку, обжаривали целиком.

Яйца перед употреблением в пищу либо варили, либо пекли в золе.

Из диких животных чаще других употреблялись в пищу зайцы и дикие козы. Домашние животные все употреблялись в пищу, наиболее же излюбленным было конское мясо (особенно жеребят) и баранье. Количество мясных блюд у башкир было весьма ограниченным.

Самым распространенным мясным кушаньем основной массы башкир был *боламык* — жидкий, заправленный мукой отвар мяса с накрошенным в него сыром (*корот*); самое же прославленное из башкирских кушаний — *бишбармак*.

Бишбармак (*куллама*) неоднократно описывался не только путешественниками XVIII в., но позднейшими бытописателями башкир. Такое внимание уделялось этому кушанью не только оттого, что оно было одним из древнейших кушаний, но и потому, что оно являлось традиционным при приеме гостей и с ним была связана особая церемония их угощения. Название «*бишбармак*» («пять пальцев») произошло оттого, что это кушанье, как и большинство других, башкиры ели без вилок и ложек, просто руками. Приготовлялось оно всегда из свежей баранины или конины, мясо варилось в котле в продолжение нескольких часов и затем резалось на мелкие кусочки. После того как мясо сварится, в котел клалась лапша (*халма*).

Перед едой на нарах в избе или на земле, если угощение происходило в кибитке, поверх кошмы расстилалась скатерть (*ашъяулык*). Хозяин или взрослый его сын обходил с кувшином (*комған*), а в избе и с тазом, всех присутствующих; они мыли руки и садились вокруг скатерти, на которой в больших деревянных чашках (*ашлау*) был подан *бишбармак*. В каждой чашке с *бишбармак*, если их было несколько, помимо кусочков баранины, жира и лапши, лежало несколько больших кусков мяса, а иногда и колбасы. Один из гостей, вооружившись ножом, крошил мясо на куски, а другой эти куски мяса и колбасы раздавал присутствующим. Во время еды пирующие в знак внимания лучшие, жирные куски клали в рот своим соседям или тем, кого желали почтить. Время от времени к кругу подзывался кто-либо из зрителей или детей, желающий угостить произносил *ноған* (буквально — «ешь», «глотай»), тот открывал рот, куда ему вкладывалась горсть или целая пригоршня мяса. Сам хозяин обычно не сидел в кругу, а хлопотал об угощении гостей. Наконец, *бишбармак* съеден и чашки убраны. Хозяин, отпив немного из чашки (*туҫтак*) супа (*һурпа*), заправленного сыром (*корот*), подавал ее одному, обычно почетному, из гостей. Последний, отпив немного, передавал чашку с *һурпа* соседу, и она обходила весь круг. После произнесения с поклоном благодарственной молитвы все вставали, вторично мыли руки и, расположившись поудобнее, приступали к питью кумыса, а если его не было — чая.

Қазы — конские колбасы, о которых упоминалось выше, — были одним из наиболее лакомых и почетных блюд. Колбасы клались в *бишбармак* и употреблялись в пищу независимо от него. При их приготовлении лошадиные кишки на-

[153] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Под ред. И. Ю. Крачковского. М.; Л., 1939. С. 67.

чинялись мясом с жиром и провяливались на солнце. Перед употреблением в пищу колбасы варились.

Сравнительно поздно у башкир появились *суспәрә* и *бәлеш* — кушанья, которые вряд ли можно считать национальными башкирскими. *Суспәрә* — это род сваренных в воде мясных пельменей, а *бәлеш* — пироги с начинкой из жареной баранины с перцем и чесноком, кушанье преимущественно зажиточных башкир.

Из хмельных напитков у башкир был *асы бал*, род браги, и *буҙа*. *Асы бал* — кислушка, напиток опьяняющий и крепкий. При его приготовлении 2—3 кг сотового меда разводилось в горячей воде и заквашивалось ячменем, вымоченным в течение суток и подправленным дрожжами или кислым тестом. Для приготовления дрожжей в прежние времена башкиры пользовались хмелем (*комалак*). Почти во всех записях XVII—XVIII вв. на припуск посторонних лиц в свои вотчинные земли и повытья указывалось право припущенников «хмель щипать». Хмель, очевидно, был одной из доходных статей и шел на продажу. Однако в некоторых записях, даже в тех случаях, когда припускались башкиры другой волости, оговаривалось: хмель щипать только «по свой обиход». Местами медовую сыту заквашивали слегка проросшим ячменем или просом. Заквашенный мед ставили на два-три дня в теплое место. Для питья кислушка годилась уже на следующий после закваски день, но надлежащую крепость она приобретала дня через три.

Асы бал не был напитком повседневным, приготовлялся он зимой и главным образом во время свадьбы. Напиток этот приготовлялся башкирами повсеместно, где занимались пчеловодством. В зауральской степной Башкирии, где пчеловодством не занимались, *асы бал* заменял другой спиртной напиток — *буҙа*.

Буҙа башкирами приготовлялась из зерен ржи, ячменя или пшеницы. Проросшие зерна этих злаков сушили и затем мололи на ручных жерновах (*кул тирмәне*). Полученный таким путем солод с добавлением овсяной муки заваривали горячей водой, заквашивали, как и кислушку, и оставляли бродить дня на два-три. *Буҙа* еще в начале XX в. зимой приготовлялась зауральскими катайцами, кара-барын-табынцами, у степных кубеляк-телевцев, тамьян-тангаурцев и у бурзян. В последней четверти XIX в. и этот напиток был распространен во всей степной Башкирии.

Самым распространенным, повседневным напитком башкир XIX в. был «фамильный» (байховый) чай, реже кирпичный. Чай пили слегка заправленным молоком, богатые — иногда с лимоном. Сахара употребляли мало, чаще пили с медом. Примечательно то обстоятельство, что, насколько мне известно, башкиры никогда не пили так называемого калмыцкого чая — густо сваренного кирпичного чая, заправленного молоком, солью и бараньим жиром. Местами, за отсутствием настоящего чая, бедные башкиры пользовались его суррогатами из листьев и цветков кипрея (*болан уты*) и так называемой богородской травы (душицы. — *Отв. ред.*) (*мәтрушкә*); настой последней пился, впрочем, чаще как лекарственное средство.

Достаточно распространенным десертом, о котором уже упоминалось, когда речь шла о ягодах, был *как*. *Как* приготовлялся из полевой клубники и других ягод, которые протирались сквозь решето или отжимались сквозь редкую материю. Кашеобразный сок выливался на гладкую доску, смазанную предварительно маслом или сметаной, чтобы пастила не прилипала к доске, и высушивался на солнце. Через два-три дня тонкие листы уже готовой пастилы снимались с доски, скручивались в рулон и в таком виде подавались к чаю.

Десертом можно считать и пироги (*бәлеш*, *бөккән*) из теста с начинкой из различных ягод, цельных или в молотом виде (вишня, черемуха). Это кушанье было известно повсеместно в Башкирии.

Перечисленные выше национальные башкирские кушанья не все были повседневными и доступными каждой семье.

Кушаньями, повседневно употребляющимися башкирами независимо от их зажиточности, были: *өйрә*, *бутка*, *һалма*, *боламык*, вареная рыба, там, где она добывалась. Весьма важными продуктами питания были хлеб и *корот*, *айран* и *катык*, как напиток — чай. Для угощения гостей предназначались *коймак*, *әүмәлә*, из напитков — *асы бал* и *буза*. Зажиточные с этой целью всегда имели запасы *йыуаса*.

Стол богатых был много разнообразнее. Любимыми кушаньями были *бишбармак*, *казы*, лакомства, такие как *каймак*, *һөзмә*, *бәлеш* и *шәкәрә* или *как*, наконец, *сәк-сәк*, из напитков — *кымыз* или *асы бал*.

Заготовление пищи впрок производилось башкирами только двумя способами: путем вяления на солнце или засушивания. На солнце вялилось мясо, преимущественно конское, сушились колбасы, о чем была речь выше. На солнце или над костром сушились колобки сыра, сарана, различные ягоды, чаще в виде упомянутой пастилы (*как*).

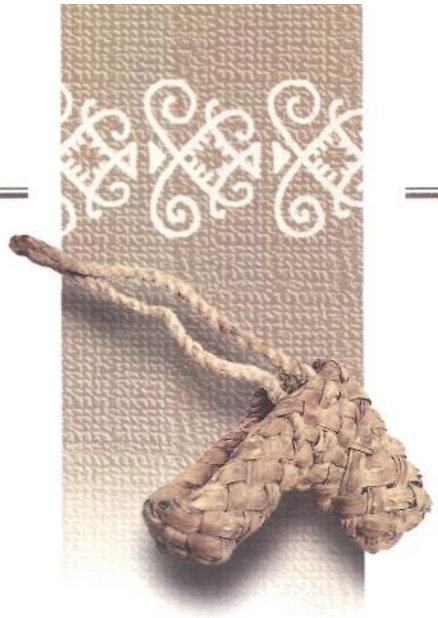
Ели башкиры обычно три раза в день: утром часов в шесть-семь — *иртәнге аш*, в полдень — *төшкө аш* и вечером — *киске аш*. Утром пили чай без сахара, иногда с медом, коровьим маслом; подавались к чаю лепешки или хлеб и *каймак*. Чай пили долго и много. Обед у большинства простых башкир был повторением меню завтрака; если нет чая, то приготовляли лапшу без мяса (*тукмас һалма*), кашу (*бутка*) или похлебку на мясном отваре (*боламык*). Вечером пили чай с теми же продуктами, что и утром. Таким было питание огромного большинства башкир, значительная же часть перечисленных выше кушаний доступна была только богатым людям или являлась праздничной или сезонной пищей (*кымыз*).

Пища башкир была достаточно разнообразна. У них одновременно, но в различных районах, бытовали продукты питания, кушанья и напитки, характерные как для оседлого земледельческого населения лесной области, так и для степных скотоводов. Вследствие взаимного проникновения кушаний и напитков из одной области в другую нет возможности выделить в Башкирии районы, резко отличавшиеся по режиму питания населения, по особенностям приготовления пищи. Все же некоторые местные особенности выступали достаточно отчетливо.

В восточной и отчасти в южной степной полосе Башкирии, как и у соседних степных народов, в изобилии имелся *корот*, *кымыз*, *буза*. К этому же району можно было причислить и горных уральских башкир, у которых, впрочем, редко приготовлялась *буза* и повсеместно имелся *асы бал*. Вместо хлеба пекли в золе лепешки. Никаких овощей в пищу там не употребляли.

Вторым районом была юго-западная и центральная Башкирия, к западу от Уральского хребта и к югу от параллели г. Уфы. Хлеб пекли здесь повсеместно, *буза* отсутствовала, приготовляли *корот*, *кымыз* и *асы бал*. В умеренном количестве потреблялся и картофель.

Северный район, к северу от Уфы, отличался значительной ролью в питании башкир хлебных продуктов. Там не было ни *корот*, ни *кымыз*, повсеместно приготовляли *асы бал*, имелись овощи и в пищу уже в значительном количестве потреблялся картофель. *Айран*, как и чай, были напитками, повсеместно распространенными среди башкир.



Глава VIII

ДОМАШНИЕ ПРОИЗВОДСТВА

Способ добывания огня посредством трения еще в начале XX в. применялся башкирами, хотя далеко не повсеместно. С вытиранием огня мне пришлось познакомиться летом 1906 г. у прибельских башкир рода бурзян (на кочевке Масим), где его добывали в целях «предохранения» скота от сибирской язвы, свирепствовавшей в тот год на восточном склоне Урала. К ритуалу, которым сопровождалось добывание огня, мы вернемся при описании пережитков верований, здесь же ознакомимся только с самой техникой добывания огня.

К бревенчатому срубу (*бурама*) была прибита сухая сосновая доска, около 8 см толщиной, а на расстоянии 50—60 см от нее вкопан в земле столб из сухого лиственничного дерева. Между столбом и доской в незначительных углублениях, проделанных в них, была укреплена сухая дубовая палка (*ургалык*), около 6 см в диаметре, хорошо заостренная на концах (рис. 91, 92). Когда вершину столба туго притянули веревкой к срубу и *ургалык* зажали таким образом между доской и столбом, ее дважды обернули веревкой, и восемь человек, по четыре с каждой стороны, начали ее вращать. Сверление дерева этим дубовым веретеном продолжалось непрерывно, дым показался скоро, но огня долго не могли добыть. Только после часа работы, когда в третий раз принялись за его добывание, показался огонь (*сыгыр уты*), который и приняли на трут.

С железом население Башкирии познакомилось по крайней мере 2500 лет тому назад. Не менее 1000 лет ему известен и способ высекания огня. Поэтому способ добывания огня трением сохранился только как пережиток, связанный с рядом религиозных представлений. Степные кочевники-скотоводы уже давно оставили древний способ добывания огня трением, в то время как в лесной зоне, в частности в Прикамье, в качестве пережитка он бытовал до начала XX в. повсеместно. О ритуальном, во время эпидемии, добывании огня трением помнят кара- и бушман-кипчаки. По их словам, снаряд для добывания огня трением был сложнее описанного выше и основывался на принципе вращения колеса на оси.

Высекание огня при помощи кресала (*сакма*) с кремнем (*сакматаш*) и трутом (*кыу*) до появления спичек было распространено у башкир повсеместно, а затем, в конце XIX в., встречалось только кое-где у кочевых башкир и у охотни-

ков в горах. Форма башкирского кресала (огнива) была весьма проста: чаще всего это была небольшая прямоугольная пластина 3—4 мм толщиной, а иногда пластина с загнутым назад концом. В качестве трута употреблялись преимущественно вываренные древесные наросты.

Обращаясь к технике обработки различных материалов, следует прежде всего отметить, что башкиры мало занимались обработкой минеральных веществ. Ни степные кочевники, живущие к юго-востоку от башкир, ни бродячие полуоседлые племена бассейна соседней Оби, живущие от них к северо-востоку, уже давно не пользуются глиняной посудой. Тяжелая и ломкая, она была чрезвычайно неудобна для них в их постоянных передвижениях. У кочевников ее заменила кожаная или металлическая, у бродячих полуоседлых охотников и рыболовов — берестяная и металлическая посуда. У коренного населения Прикамья глиняная посуда, несмотря на появление металлической, сохранилась в быту, башкиры же обходились посудой деревянной. Отсутствие керамики у башкир — одно из весьма существенных отличий от проживавших вместе с ними русских и финноязычных народностей, у которых она занимала второе после деревянной посуды место.

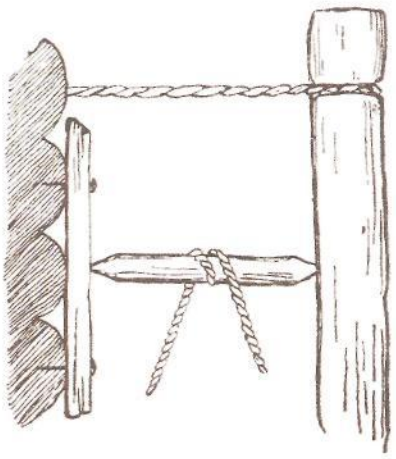


Рис. 91. Приспособление для добывания огня трением

Глиняная посуда с появлением металлической уже давно вышла из хозяйственного обихода, обработкой же металлов башкиры занимались повсеместно. Задолго до подчинения русским башкиры сами выделывали себе железные наконечники стрел и копий, ножи и проч., а впоследствии и ружья. Имеются данные и о том, что башкиры занимались рудным делом. И. Г. Георги в конце XVIII в. писал, что хотя башкиры «к произвождению рудокопного дела не имеют ни сведения, ни рачения: однакож некоторые умеют разпознавать простыя руды и упражняются в отыскивании хороших слоев»[154]. В Пермском районе тот же автор отмечает существование башкирских «рудокопок», из которых «башкиры и ставят медные руды на ближайшие заводы по расположенным, смотря по тому, сколь выгодна руда, ценам». Из доклада Сената Екатерине II известно также, что в Башкирии были башкиры-рудопромышленники, в частности Измаил Тасимов с товарищами, занимавшийся поставкой со своих рудников руды на юговские медеплавильные заводы и добивавшийся отдачи ему для тех же целей казенных рудников[155].

Рис. 92. Часть лиственничного столба с углублениями, высверленными для добывания огня

В первой половине XVIII в. число кузниц в башкирских аулах было уже настолько значительным, что во время восстания 1735—1736 гг. специальным указом от 11 февраля 1736 г. башкирам было запрещено иметь свои кузницы. Впоследствии башкирское кузнечное ремесло в такой степени пало, что в конце XIX в. крайне редко можно было встретить башкирскую кузницу.

Между тем, насколько высоко стояла у башкир обработка железа, можно судить по тем остаткам изделий, которые уцелели до наших дней. Помимо простых изделий башкир,

[154] *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. 1. С. 100.

[155] *Ишериков Н. Ф.* Башкир Измаил Тасимов — зачинатель горного дела в России // Башкирский краеведческий сборник. 1927. № 2.

Рис. 93. Чеканка серебром по железу. Бала-катайцы

можно было встретить немало предметов, покрытых серебряной чеканкой для украшения наиболее ценных для них предметов оружия и конской сбруи. Бляхи (*каш*), покрытые сложными, искусно сделанными узорами, мы находим на большинстве старинных кожаных колчанов (*ук һаҙак*) и налучий (*йәйә һаҙак*), на ременных частях старинной конской сбруи, иногда и деревянные седельные луки сплошь покрывались чеканным железом (рис. 93, 94). К началу XX в. мастеров, занимавшихся чеканкой, уже не было, и мне не удалось познакомиться с ее техникой.

Рис. 94. Чеканные украшения конской сбруи. Катайцы

Приступая к рассмотрению двух других обширных категорий домашних производств — обработки растительных и животных веществ, следует остановиться прежде всего на обработке животных материалов.

По словам И. Г. Георги, «мягкую рухлядь вымачивают они (башкиры. — *С. Р.*) в кислом молоке, намазывают мозгами от скотин и натирают мелом»[156]. И действительно, это был самый употребительный у башкир способ выделки мехов, так как дубление им, по-видимому, было неизвестно. Мелкие шкуры (ягнят и телят) они просто сушили и разминали руками. Большие шкуры (овчины) они очищали от излишнего жира и мездры тупым ножом и высушивали. Высохшую шкуру натирали сырым творогом (*корот*), сворачивали с ним и квасили один-два дня. Иногда (на северо-востоке) шкуру предварительно вымачивали в сыворотке из-под *корот*, затем им же натирали. Просушенную после квашения шкуру выделывали (размягчали) особым инструментом (*кирге*), таким же, как ключ русских скорняков. Это был деревянный крюк, в котором укреплялась тупая железина, обломок косы, старый нож или что-либо подобное (рис. 95). Размятую шкуру иногда белили куском мела (*акбур*). Такой способ выделки мехов практиковался во всей южной половине Башкирии и в Зауралье. На северо-западе башкиры отдавали шкуры дубить скорнякам (русским или татарам). Выделанные меха шли почти исключительно на одежду. В конце XVIII в., по словам П. С. Палласа[157], башкиры прокап-

[156] *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. 1. С. 101.

[157] *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1786. Ч. 2. Кн. 1. С. 158.

чивали в дыму овчины, предназначенные для шитья шуб, чтобы сделать их «к дождю и всякой мокроте терпеливы». Это копчение производилось в особых коптильнях, описание которых дается ниже.

Кроме одежды, из шкур, преимущественно из телячьих и стриженых овечьих или козьих, башкиры шили мешки (*сарма*) шерстью наружу (рис. 96). Мешки эти употреблялись для хранения и главным образом для перевозки всевозможной провизии. Они бывали довольно значительных размеров и наполненные имели грушевидную форму. Одним ремешком, продетым в петли у края мешка, последний затягивался и завязывался, а при помощи другого, более толстого, пришитого к мешку на некотором расстоянии от края, прикреплялся к седлу. *Сарма* встречалась почти исключительно у башкир, выезжающих на кочевку, главным образом на Южном Урале и на восточном его склоне.

Рис. 95. Ключ для выделки кож — *кирге*. Бурзяне

Способ выделки кожи был гораздо сложнее. Некоторые сведения об этом дает И. Г. Георги, а у И. И. Лепехина[158] мы находим уже весьма обстоятельное описание выделки кожи. «Снятую сырую кожу разослав на солнце, — пишет этот путешественник, — натягивают сколько можно со всех сторон, и прикрепляют небольшими колышками; натянув, соскабливают шерсть обломком горбуши, вделанным в дерево наподобие скобели, и держут кожу до тех пор, пока она высохнет, и берегут по большей части до весны. Весною кладут их в коптелки, которыя так делаются. Вырывают погреб, от котораго под землею проводится ров, длиною аршина на два с отдушиною к поверьхности. Отверстие погреба покрывают лубяным бездонным коробом, котораго основание отвсюду осыпают землею. В короб и в отверстие погреба протягивают веревки, или кладут жердочки, на которыя вешают высушенныя кожи. В отдушину сыплют гнилушки дерева, которыя зажегши, отдушину затыкают, дабы дым через канал проходил в погреб, и кожи всегда в дыму находилися. Такое безпрерывное курение продолжают они недели три, а иногда и менее, смотря по толстоте кожи... Из так приуготовленной кожи делают они себе не только обувь, но и всю домашнюю утварь, как то ведра, кадушки и бутыли». По словам И. Г. Георги[159], кожу коптили до тех пор, пока она «сделается рогу подобна». Не менее обстоятельное описание этих коптилок дает и современник И. И. Лепехина П. С. Паллас[160], иллюстрируя его даже рисунком. По словам этого путешественника, такие коптилки для кож у башкир по р. Миасу были почти в каждом дворе. Башкирский способ выделки кожи и к началу XX в. оставался тем же, как его описывал И. И. Лепехин. Практиковавшийся некогда повсеместно, к началу XX в. он сохранился в немногих местах, преимущественно за Уралом. Растянутая, насколько возможно, сырая кожа лошади или коровы, очищенная от шерсти и высушенная, про-

Рис. 96. Меховой мешок — *башмак сарма*. Усергане

[158] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 38–39.

[159] *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. 1. С. 101.

[160] *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1786. Ч. 2. Кн. 1. С. 157–158.

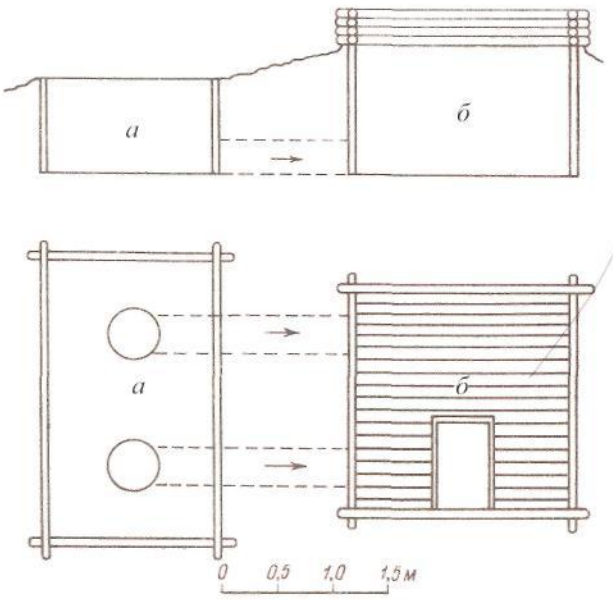


Рис. 97. Коптильня – *ыçтык* (в разрезе и в плане): *а* – *сокор*, *б* – *ыçтык*. К а т а й ц ы

капчивалась в особых ямах, называемых *ыçтык*. *Ыçтык* всегда состоял из двух частей: собственно коптильни (*ыçтык*) и помещения, в котором разводился огонь (*сокор*). Обе эти части соединялись между собой дымоходной трубой (*улак*). На рис. 97, 98 изображены два таких *ыçтык* из северо-восточного Зауралья. Первый из них состоял из двух срубов, находящихся на расстоянии 1,2 м один от другого. Один сруб (коптильня) высотой 1,2 м был сделан так, что только четыре верхних его венца выходили наружу, остальная же часть находилась под землей; вверху он был закрыт бревенчатым настилом, в котором была проделана дверца; на высоте 0,5 м от дна внутри коптильни были укреплены жердочки, на которых раскладывались кожаные сосуды и кожи. Соседний сруб (*сокор*) был ниже коптильни (0,8 м), весь заключен в земле и обмазан глиной. Сверху он закрывался примазанными глиной и засыпанными землей жердочками, между которыми были проделаны две отдушины; через эти отдушины в *сокор* клали топливо — гнилое дерево — и затем закрывали их каменными плитами. Дым через два дымохода (*улак*) поступал в *ыçтык*, который покрывался сверху старым войлоком. Второй *ыçтык* (рис. 98), по существу, не отличался от первого. В нем был такой же сруб, около 2 м высотой, наполовину находившийся в земле и промазанный снаружи глиной; сверху он наполовину был заложен бревнами, а наполовину досками (*makma*), которые при копчении покрывались кошмой (*кейеҙ*); внутри, как и в первом, были укреплены жердочки. *Сокор* здесь был очень небольшой (0,8 м в диаметре), горшкообразный, внутри глинобитный и расположенный несколько ниже *ыçтык*. С последним он был соединен трубой около 4 м длиной и 40 см диаметром. Сверху труба была засыпана землей и прикрыта желобообразным бревном. Кожа прокапчивалась в продолжение двух недель, после чего она делалась непроницаемой для воды и не размокала. *Ыçтык* устраивались главным образом для приготовления кожаных сосудов (рис. 99). Последние сшивались из сырой кожи одним швом, набивались золой для придания им желаемой формы и высушивались. Когда сосуды достаточно обсыхали, золу из них вытряхивали и еще раз как следует просушивали на ветру. После этого их ставили в коптильни и только после копчения окончательно сшивали конским волосом.

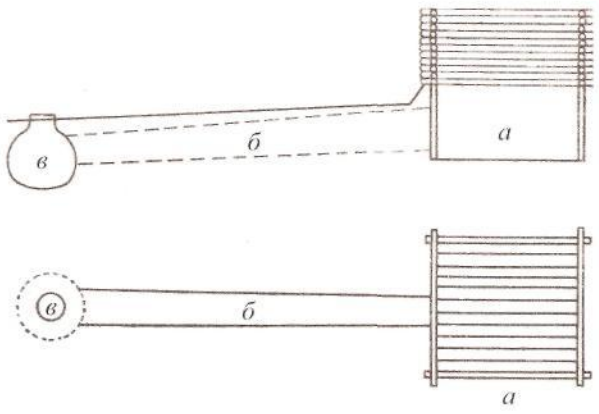


Рис. 98. Коптильня – *ыçтык* (в разрезе и в плане): *а* – *ыçтык*, *б* – *улак*, *в* – *сокор*. Т а б ы н ц ы

При изготовлении сосудов утилизировалась вся кожа лошади. Из кожи туловища делался большой сосуд *наба* для приготовления кумыса, вместимостью до 8 и более ведер; из этой же кожи делались большие сосуды *көрәғә*, в которых

подавали кумыс (рис. 100). Из кожи головы лошади шился сосуд *башкүнәк*, в котором также подавался кумыс для питья. Остальные сосуды употреблялись для перевозки кумыса. Из кожи с передних ног делались *куллык*, *кулас*, *муртай*, из кожи задних ног *ботлок*, *дөмбәй* (рис. 101). В середине XIX в. делались сосуды и из целых шкур небольших животных — *турһык*, например из шкуры теленка. *Көрәгә* и *башкүнәк* имели, по существу, одинаковую форму, только первый был несравненно больше по размерам. Остальные кожаные сосуды имели форму фляг с довольно широким горлом, по бокам которого делались ушки, за которые они переносились и вешались. Горлышки этих сосудов при переездах затыкались пучком травы. Только что приготовленные сосуды не сразу употреблялись в дело, а наливались предварительно на некоторое время кислым молоком, чтобы изгнать запах дыма; последний скоро исчезал при употреблении посуды. Район, в котором в начале XX в. встречалась кожаная посуда, а она употреблялась исключительно для кумыса, был довольно ограничен. Это прежде всего все Зауралье, территория зауральских катайцев, кара-барын-табынцев, кубеляк-телевцев, тамьян-тангаурцев, бурзян, тамьянцев и усерган на юге. В неменьшем количестве она встречалась в горах у инзер-катайцев, карагай- и кара-кипчаков; до конца XIX в. она бытовала и у других кипчаков и западных бурзян. По западную сторону Урала в начале XX в. она была еще кое-где у табынцев и у минцев.

Кроме сосудов, башкиры выделывали из кожи переметные сумы (*артмак*), конскую сбрую, обувь, пояса с дорожными сумками (*калта*, *калтырга*) и проч.

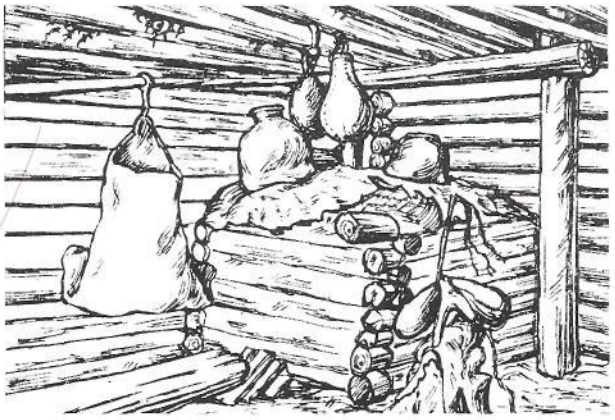
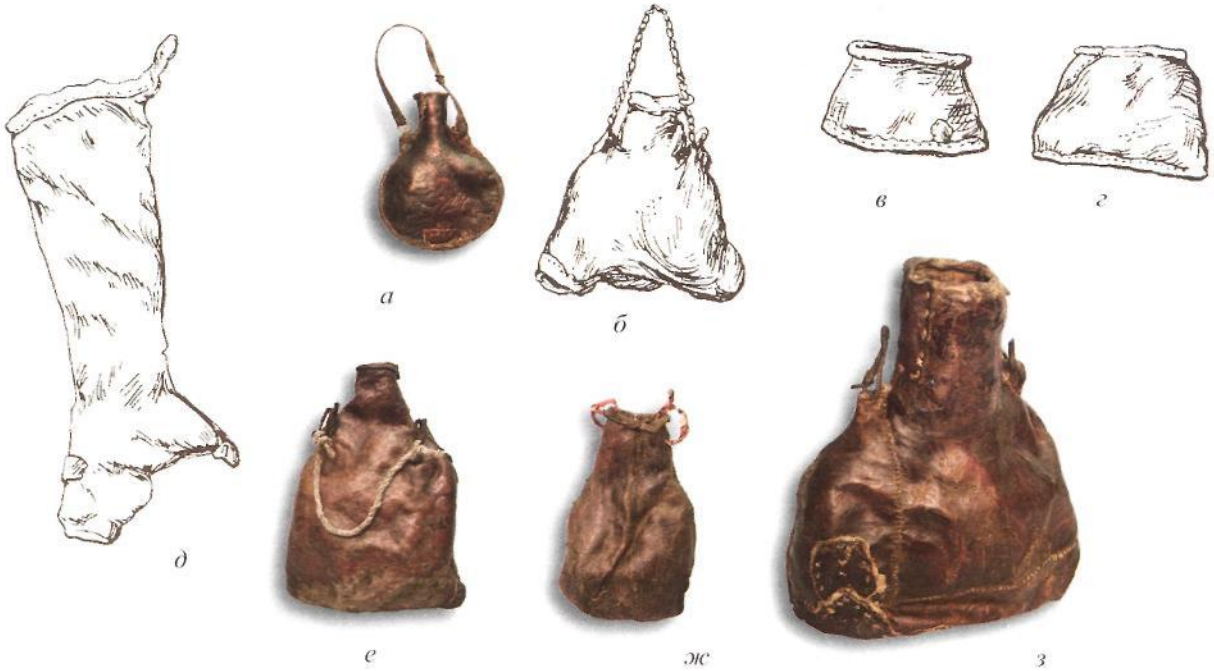


Рис. 99. Кожаные сосуды в *ыҫтык*. Табынцы

Рис. 100. Кожаный сосуд — *көрәгә*. Минцы

Рис. 101. Кожаные сосуды: *а*, *б*, *е* — *куллык* и *муртай*, *в*, *г* — *башкүнәк*, *д* — *турһык*, *ж*, *з* — *ботлок* и *дөмбәй*



Уже упоминалось о том, что кожаные сосуды шились конским волосом. Последний утилизировался также для приготовления всякого рода веревок (*аркан*).

Из овечьей шерсти (*йөн*) башкиры валяли войлок (*кейеҙ*), а отчасти она шла на изготовление ковров (*балаҫ*) и сукна. И. Г. Георги так описывал способ приготовления войлока башкирами: «Разложив толщиною в большой палец перещипанную шерсть на простыне или рогоже, вспрыскивают горячею водою, потом катают вместе с рогожею или простынею и опять вспрыскивают, катают и топчут из всей силы до тех пор, пока шерсть очень крепко сляжется»[161]. Такой ручной способ валяния войлока практиковался и в начале XX в., только к этому времени уже почти везде завелись шерстобои, перебирающие шерсть. Кроме ручного способа, башкиры раньше валяли войлок и при помощи лошади, по способу, хорошо известному степным кочевникам-скотоводам; местами этот способ практиковался еще в начале XX в. При этом способе сбитая уже шерсть раскладывалась на большой камышовой циновке, которая вместе с шерстью накручивалась на специальный вал с веревочными петлями на концах. В вал впрягалась лошадь, которая и возила его по степи, благодаря чему войлок очень хорошо сваливался.

Войлок изготовлялся в большом количестве, особенно скотоводами, так как он шел на покрышки кибиток, пола в кибитках, нар в зимних юртах; из него же изготовлялись потники, некоторые одежды (шляпы, чулки, обувь) и проч.

Из овечьей же шерсти (*йөн*) башкиры повсюду пряли нитки и ткали сукно для одежды и особого рода ковры. Шерсть для пряжи привязывалась либо к длинной палке, либо к прялке (*колға*) общераспространенного типа, иногда украшенной резьбой. Общераспространенного типа были и веретена (*орсок*). Ковры чаще всего ткались из овечьих и козьих ниток вместе, причем в одном направлении шла козья, а в другом овечья нитка. Из козьего пуха (*дебет*) юго-восточные башкирки ткали (а не вязали, как уральские казачки) пуховые шали и шарфы. Любопытно, что башкиры кое-где в горах Южного Урала (г и р е й - к и п ч а к и) сучили нитки также из заячьей шерсти (*куян йөнө*) и ткали из них шали вместе с нитками из козьего пуха.

Из животных материалов нам остается еще упомянуть об использовании сухожилий и рога.

Об употреблении сухожилий для шитья обуви впервые упоминает И. И. Лепехин[162], а после него — И. Г. Георги[163], который пишет, что они шьют шубы «изщепанными жилами, которыя вытаскивают они из ног всякой крупной дворовой скотины; отрезывают же их длиною в пядень и, высуша на вольном воздухе, колотят до тех пор, пока изщеплются; после чего разбирают и ссучивают так чисто, что нигде не приметно узолков». Насколько мне известно, в начале XX в. башкиры уже не употребляли сухожильных ниток.

Что касается рога, то последний использовался только для устройства луков (*әдерә*). Коровий рог распаривался в горячей воде и из него выделывались довольно длинные пластины сантиметра два, два с половиной шириной и в несколько миллиметров толщиной. Пластины эти приклеивались с внутренней стороны луков, придавая им крепость и упругость.

У скотоводов безлесных местностей потребность в дереве была доведена до минимума. На устройство жилища им нужны были лишь небольшие и нетолстые древки; почти вся хозяйственная посуда выделывалась из других материалов, а для топлива они довольствовались жалким кустарником и пометом скота. Для того чтобы выполнить все работы по обработке дерева, кочевнику нужен был только хороший нож, в крайнем случае топор. Естественно, что обработкой

[161] *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. 1. С. 102.

[162] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 39.

[163] *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. 1. С. 102.

дерева занимались главным образом башкиры Приуралья, особенно в его горной и западной лесистой части.

Деревья башкиры срубали обыкновенными железными топорами (*балта*), только в горах Урала употребляли топоры несколько больших размеров, пригодные для лесных работ (*hapnak* — у б у р з я н); они были похожи на наши плотничьи топоры. Дерево подрубалось до половины, сначала с той стороны, на которую его хотели свалить, а потом его рубили со стороны противоположной сантиметров на 20—30 (смотря по толщине дерева) выше первого заруба. Очищенное от ветвей и сучьев дерево перевозили, обычно зимой, целиком или перерубленное на две-три части, на место постройки жилища. Если бревно предназначалось для топлива, то его расщепляли при помощи клиньев на четыре части, а затем уже рубили. Сухую лиственницу или сосну расщепляли по слоям, и полученную таким образом дранницу употребляли при постройке временных жилищ для крыш и прочих надобностей. Дерево, идущее на постройку и для различных поделок, обтесывалось топором, а в случае надобности очищалось особыми стругами. Из наиболее примитивных стругов у башкир встречались два. Один из них, *кубага*, служил главным образом для строгания жердей и палок, другой — для строгания бревен. *Кубага* — это деревянная пластинка, желобовидная, с двумя вырезами на нижней поверхности — одним мелким, другим более глубоким, в которые вставлялся клинок ножа при строгании (рис. 102). *Кубага* употреблялся исключительно для строгания палок и жердей небольшого диаметра. Другой струг, употреблявшийся для очистки бревен, состоял из железной пластины (примерно 6х15 см), заостренной на одной стороне, с загнутыми вверх концами, укрепленными в деревянных рукоятках.

Рис. 102. Струг – *кубага*. К и п ч а к и

С частью инструментов, употреблявшихся при обработке дерева, мы познакомились раньше, при описании пчеловодства. Это разного рода долота и скобели. Особенно распространены были у башкир орудия, употреблявшиеся для долбления дерева при устройстве корыт, лодок, различных больших деревянных сосудов. Все они имели вогнутые лезвия, слегка отогнутые от рукоятки или насаженные к ней под углом, близким к прямому. К первому типу относятся *аталгы*, которым выдалбливали дерево посредством более или менее сильных нажимов, ко второму — *сапкы* и *йышкы*, которыми работали, как теслом (рис. 103).

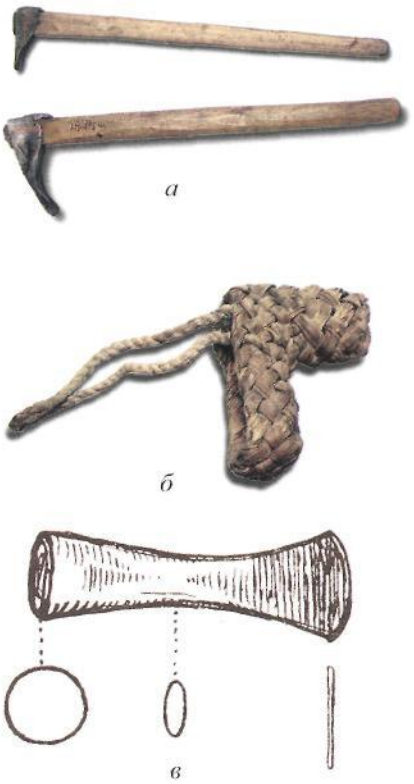


Рис. 103. Инструменты для обработки дерева: *а – сапкы, б – йышкы, в – аталгы*. К а й л и н о - к а р ш и н ц ы и г и р е й - к и п ч а к и

Для тщательной выделки более тонких изделий из дерева, ложек, ковшей и проч., употреблялись особые изогнутые ножички-резцы (*юнгыс*) различной величины и различной изогнутости лезвий (рис. 104).

Рис. 104. Резцы – *юнгыс*. Г и р е й - к и п ч а к и

Башкирская деревянная посуда разделялась на две группы — цельная долбленая посуда и со вставными донцами.

Самыми большими и наиболее грубо сделанными долбленными сосудами были *сара* и *табак*. *Сара* (рис. 105, *а*) — род короткого и широкого корытца, встречался исключительно в северо-восточном углу Башкирии. *Табак* (рис. 105, *б*) представлял собой огромную деревянную чашу до 50 и бо-

а

б

Рис. 105. Деревянные сосуды – *сара* (*а*) и *табак* (*б*). Катайцы

а

б

Рис. 106. Деревянные сосуды – *бал һауыты* (*а*), гирей-кипчаки; *алдыр* (*б*), минцы

лее сантиметров в диаметре, с ушком у края, в котором было проделано отверстие для подвешивания. Местами большие *табак* назывались *ашлау*. Особенно многочисленны у башкир были плоские деревянные чашки, известные под названием *туҫтак* или *тәгәс*, или маленькие *сүгәтә*. Особенно ценили башкиры большие и глубокие чаши – *алдыр*, с небольшой ручкой. Делались они обычно из хорошего дерева, березового или лиственичного нароста (*оро*), реже из соснового или из березового корня, по форме приближались к ковшам. *Сара*, разнообразной формы *табак* чаще всего выделывались из различных древесных наростов и употреблялись главным образом для пищи; в них она подавалась для еды или хранилась. Деревянные чаши (*туҫтак*, *тәгәс*) нередко были сделаны из карельской березы и ценились довольно дорого; употреблялись они преимущественно для питья кумыса или кислушки (*асы бал*). *Алдыр* (рис. 106, *б*), как и ковш *ижау*, служил для черпания и разливания по чашкам кумыса и кислушки. Башкирский ковш *ижау*, хотя и не выделывался с таким искусством и не так украшался резьбой, как ковш соседних финноязычных народностей, все же в своих наиболее совершенных формах отличался изяществом и красотой, являясь гордостью его владельца. Башкирские ковши имели довольно плоскую, продолговатую форму, с слегка загнутым кверху носком. Ручке ковша всегда придавалась особенная форма, нередко причудливо вырезанная, очень часто с крючком сзади, направленным книзу, который давал возможность вешать его, зацепив за край сосуда (рис. 107 и 108). Хотя резные ручки были обычны для башкирских *ижау*, но узором, да и то весьма несложным, они украшались очень редко. Как и чашки, ковши чаще всего делались из наростов, преимущественно из березовых (*кайын ороһо*), или из березового корня.

Для черпания пищи, каши, мяса и проч. башкиры употребляли большие уполовники (*сүмес*) обычно круглой или слегка вытянутой формы, с длинными ручками (рис. 109, *г*, *д*). Ложек для еды башкиры сами не делали, покупали их на базаре, а местами и совсем ими не пользовались. Ложки же (*калак*), которые они изготовляли сами, служили для черпания пищи и всегда были очень мелки (рис. 109, *в*). Для чер-

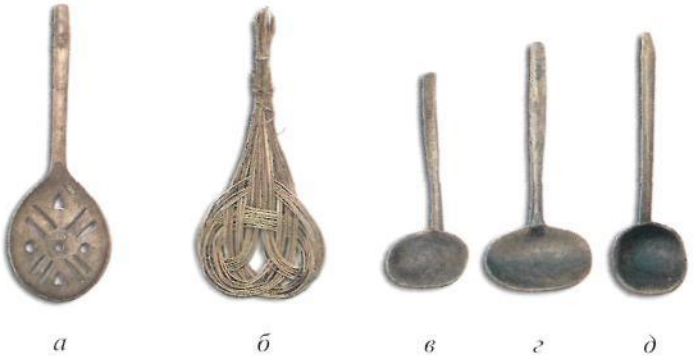
Рис. 107. Ковши – *ижау*. Минцы, катайцы, карагай- и гирей-кипчаки

Рис. 108. Ковши – *ижау*. Минцы, катайцы, гирей-кипчаки и бурзяне

пания лапши (*налма*) употреблялись особые продырявленные черпаки (*налма налгыс*, рис. 109, *а*) или плетеные, местами называвшиеся *нурпа*. Плелись они из черемуховых или из калиновых прутьев (рис. 109, *б*).

Чашки, ковши и прочие изделия из дерева изготовлялись рядовыми башкирами, но иногда встречались и специалисты, которые делали их на продажу. Из долбленой деревянной посуды остается еще упомянуть о *нелкеүес* — род корытообразного лотка для переноски муки, употреблявшейся при изготовлении хлеба; *нелкеүес* особенно часто встречался по западному склону Южного Урала (рис. 110).

Долбленые сосуды со вставным дном бывали различной величины. *Силәк* — это выдолбленный из ствола липы (редко березы) высокий сосуд со вставленным в его широкой части дном. *Силәк* бывали от 20—30 см до 1 м и более высотой, от 10 до 30 и 40 см в диаметре. На их середине, ближе к верхнему краю, обычно имелись ушки (у малых *силәк*) с продернутой в них веревкой для переноски. *Силәк* средних размеров с крышкой, служивший для перевозки и хранения меда, назывался *батман*. Раньше *батман* служил определенной мерой емкости или веса, в начале же XX в. этим именем называли сосуд вместимостью около пуда меда. *Силәк* использовался для приготовления кумыса и *айран*, для хранения зерна, муки и проч. *Силәк* высокий (около 1 м) и очень малого диаметра (15—18 см) служил для сбивания масла и назывался *гобө*. Для доения кобылиц выдалбливался род деревянных подойников (*күнәк*) со вставным дном, ушком сзади и незначительной выемкой-носочком спереди. Таким же способом, как и *силәк*, башкиры делали невысокие ведерки или кадочки *тәпән*. В них держали воду, подавали для питья кумыс, кислушку и проч. Для последней цели чаще употреблялись сосуды с крышкой (*көрәгә*), от одного до двух ведер емкостью, обычно весьма тщательно сделанные и украшенные резьбой (рис. 111). Де-



а *б* *в* *г* *д*

Рис. 109. Дуплак и уполовники – *налма налгыс* (*а*, *б*), катайцы; *калак* (*в*), бурзяне; *сүмес* (*г*, *д*), карагай-кипчаки

Рис. 110. Лоток – *нелкеүес*. Кудейцы

а *б*

Рис. 111. Деревянные сосуды – *көрәгә* (*тәпән*): *а* – карагай-кипчаки, *б* – бурзяне

а *б*

Рис. 112. Берестяные сосуды: *а* – *көйөҙ*, *б* – *төйөҙ*. Катайцы

Рис. 113. Кошель. Кудейцы

Рис. 114. Заплечная сума – *биштәр*. Табынцы

ревянный *көрәгә* употреблялся также для квашения кислушки (*асы бал*) и приготовления *буҙа*.

Вместе с деревянной у башкир встречалась и берестяная посуда. Однако в то время как деревянная посуда играла исключительно важную роль среди башкирской хозяйственной утвари и была распространена повсеместно, берестяные сосуды встречались редко. Берестяные *көйөҙ* и *төйөҙ* сшивались конским волосом, имели форму кузовков или круглых туесков с припивным донышком и употреблялись для сбора ягод, хранения принадлежностей рукоделия и прочей мелочи (рис. 112, *а*, *б*).

Особого внимания заслуживает берестяной кувшин (*туҙ комған*), который мне пришлось встретить у северо-западных башкир. Это был общеизвестный берестяной туес с деревянным дном и деревянной крышкой, в которой были устроены два носка и над ними ручка. Кувшин этот употреблялся для омовения вместо общераспространенных среднеазиатского типа медных и железных кувшинов (*комған*).

Для сдирания бересты, которая употреблялась не столько для изготовления сосудов, сколько для покрытия временных жилищ и главным образом для гонки дегтя, служил особый инструмент *кыйғак* – род долота.

Помимо березовой коры, башкиры пользовались для различных поделок также ивовой и липовой корой. Из лыка они плели лапти (*сабата*) и выделывали различные коробы и сумки. Наиболее часто можно было встретить лубковую *ситуха* – род короба с квадратным дном и ушками с боков, употреблявшуюся для зерна при посеве; русский кошель, закрывающийся крышкой, – для хранения провизии (рис. 113); *биштәр* – заплечную суму для переноски припасов (рис. 114).

Липовый луб (*күгәмә кабығы*), очищенный от коры, помимо покрова временных жилищ, шел на устройство различных коробов (*тубал*) для сгребания роев пчел, для хранения сыра и другой провизии. Иногда эти короба бывали небольшие, глубокие, различных форм, а иногда плоские и очень большие; в таких коробах держали муку, сливали в них творог, подготовленный для сыра и проч.

Для получения мочала липовую кору мочили месяца полтора в старице, озерке или болотце, затем снимали с нее мочало (*йүкә*), а оставшуюся полубину (*күгәмә кабығы*) использовали на покрытие крыши и устройство заборов (рис. 115). Из мочала башкиры, особенно на западном склоне Южного Урала, плели шлеи и узды на лошадей, делали кули и рогожи (*кап*), а также попоны на лошадей (*септә*).

Насколько крупную роль в хозяйстве башкир играла липовая кора и ее производные, можно заключить из записей башкир на припуск сторонних лиц во владение их вотчинами и повытьями, где особо оговаривалось право «лубья сымать» или «лубья драть».

Попоны из мочала башкиры плели совершенно тем же способом, как и циновки (*урын септә*), из рогоза (*кыуғы*) и из тростника (*камыш септә*). Приспособление для плетения циновок и попон было весьма примитивно. Это была палка или узкая доска с зарубками, на которых висели деревянные чурки, обмотанные мочалом (рогозом или осокой); по краю прикладывались полоски материала, из которого делались циновки, и чурки (или заменяющие их камни) перекидывались с одной стороны на другую, чем и связывалась циновка (рис. 116). Станок для изготовления рогож (*септә станы*) был также весьма простого устройства и ничем не отличался от общеизвестного русского станка. Это были пяльцы, укрепленные на подставке (бревне), на которых вокруг поперечин были натянуты ссученные нити мочала, продетые сквозь берда; последние служили для раздвигания четных и нечетных нитей основы и для прибивания уточных полос мочала, которые продевались особой линейкой (рис. 117).

Из ивовых прутьев башкиры плели различные корзины.

Обработка волокнистых веществ (крапивы, конопли, льна) у башкир везде производилась одним и тем же способом. Стебли вымачивались известное время в воде, затем просушивались и для отделения волокон от стержней толклись в больших деревянных ступах

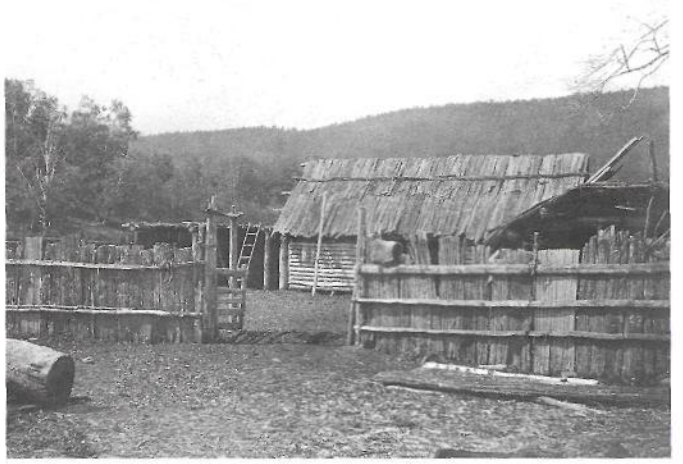


Рис. 115. Забор и крыша из полубины.
Гирей-кипчаки

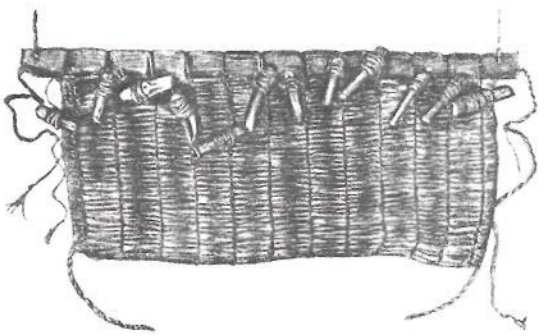


Рис. 116. Станок для изготовления циновок – *септә станы*.
Гирей-кипчаки

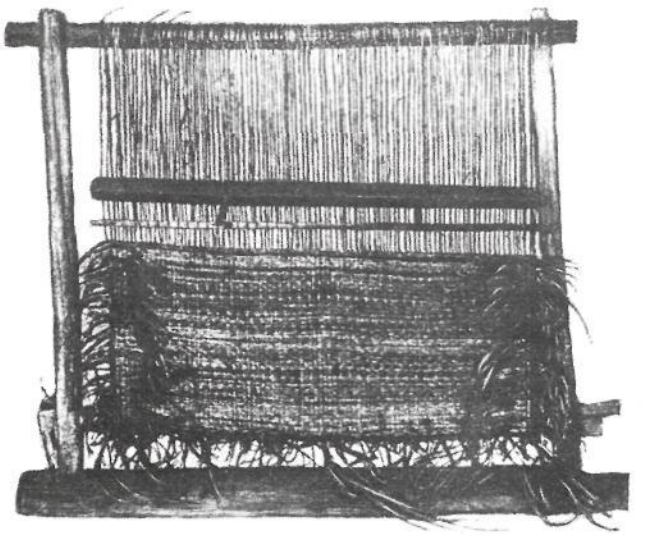


Рис. 117. Станок для изготовления рогож – *септә станы*.
Гайнинцы

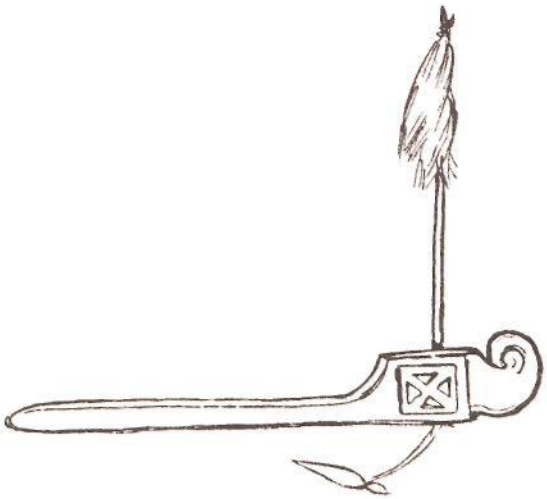


Рис. 118. Прялка – *кабатобо*. Кайлино-каршинцы

Рис. 119. Гребень для чесания шерсти – *тарак*. Тангаурцы

(*киле*) деревянными же пестами (*төйгөс*). Только кое-где в западной Башкирии для этой же цели употреблялись мялки (*талкы*). Материи из крапивы (*кесерткән*) были очень распространены еще в XVIII в., о чем упоминают И. И. Лепехин[164], П. С. Паллас[165] и И. Г. Георги[166]. Однако уже в конце XVIII в. И. И. Лепехин[167] писал, что башкиры очень прилежны к посеву конопли, «ибо искуство их научило, что конопляный холст добротою своею много превозходит крапивной, какой их предки употребляли». Холст из конопли (*киндер*) в конце XIX в. был самым распространенным, льняной же (*етен*) встречался очень редко, да и то главным образом в северо-западном углу Башкирии. В конце XVIII в., как сообщает И. Г. Георги[168], башкиры ткали холст «претолстой и узкой»; ни крапиву, ни коноплю в воде они не вымачивали, а развешивали осенью и зимой на заборах или расстилали на крышах; высушенные волокна отделяли от стержней толчением в ступах. Даже и в начале XX в. в некоторых местах башкиры не вымачивали коноплю.

Нитки (*еп*) башкиры пряли руками при помощи обыкновенных веретен (*орсок*). Прялки (рис. 118) у них встречались редко, и куделя или шерсть привязывалась просто к длинной палке (*колға*). Самопрялок не было. Для чесания шерсти употреблялись особые деревянные гребешки (*тарак*, рис. 119).

Шерстяные нитки, предназначенные для половиков-ковров (*балаҫ*), башкиры красили или своими (растительными) красками, или покупными.

Из своих красок они употребляли красную — марену (*кызыл тамыр* или *кызыл буяу*), желтую — сернуху (*ныйыр теле* или *нары буяу*) и зеленую из плауна (*серетмә*).

Для покраски мареной высушенные и толченые ее коренья кипятили в воде

[164] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 24.

[165] *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1786. Ч. 2. Кн. 1. С. 651.

[166] *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. 1. С. 101.

[167] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 24.

[168] *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. 1. С. 101.

и смешивали со щелоком, для получения которого кипятилась зола. При смешении настоя марены со щелоком получалась ярко-красная жидкость; в нее опускалась шерсть, предварительно квашенная со стеблями плауна (*серетмә*). Чтобы шерсть скорее укисла в воде с *серетмә*, к ней иногда подбавляли немного квасцов. Местами шерсть не только мочили, но и кипятили в настое марены. Иногда для приготовления зеленой краски *серетмә* заменялась ветками вереска (можжевельника. — *Отв. ред.*) (*артыш*).

При окраске шерсти в желтый цвет стебли серпухи кипятились в котле, затем в него клали на четверть часа шерсть, вымоченную (проквашенную) предварительно с плауном; после окраски она вынималась и просушивалась.

Рис. 120. Ткацкий станок. Бала-катайцы

Башкирский ткацкий станок (*урын* или *көрөҫ тарак*) не представлял собой ничего оригинального (рис. 120) и ничем не отличался от станка татар Башкирии. Остов его состоял из четырех столбиков, скрепленных между собой перекладинами. Между задними, более высокими столбиками укреплялся вал (*айыубаш*), на который навертывалась основа. Гребенка (*тарак*) вместе с ничинками (*көрөҫ*) подвешивалась на особых блоках (*калтырса сығыр*) к перекладине над станком. Делалась гребенка из тонких деревянных лучинок, ничинки же бывали питяные или волосяные, если ткали сукно или половик. Передний вал (*борғоса*), на который навертывалась ткань, укреплялся не зубчатым колесом, а особым рычагом (*тыйғысы*). Челнок (*һоҫа*) был общераспространенного типа, всегда деревянный.

Ткачеством у башкир занимались исключительно женщины. В конце XVIII в., по словам И. Г. Георги, их холст был грубый и узкий. Ткали они холст (*киндер*) из конопли и очень редко из льна, полотенца и рушники (*һөлгө, таҫтамал*), последние часто из покупных бумажных ниток ярких цветов, различные скатерки (*ашъяулык*), занавески (*шаршау*) и проч. На том же станке, только заменив ничинки и гребенку, ткали и сукна, которые потом еще валяли, половики или ковры (*балаҫ*). Половики из шерсти (преимущественно из козьей или из козьей пополам с овечьей) изготовлялись башкирами повсеместно, но в то время как за Уралом их делали в большом количестве и имелись они у каждого башкира, на западе, напротив, они встречались редко. В конце XIX в. местами башкиры начали ткать и тряпичные половики (*сепрәк балаҫ*), столь характерные для русских. Они были особенно распространены на северо-западе, на востоке встречались редко, а во многих башкирских дачах как восточной, так и центральной Башкирии их совсем не было.

Башкирские промыслы имели целью удовлетворение потребностей только своего народа. Предметы, изготовляемые башкирами, не шли в продажу, почему ни один из домашних их промыслов не был ремеслом, за исключением, впрочем, выделки кулей в очень ограниченном районе, по западному склону Урала. Только заготовка бревен или теса да гонка дегтя и сидка смолы являлись ремеслом и едва ли не основным средством существования башкир центральной части Южного Урала. Заготовкой бревен из своих, еще кое-где в начале XX в. уцелевших лесов и сплавом леса занимались главным образом башкиры в верховьях рек Белой и Инзера. Заготовка бревен производилась зимой, когда они не только вырубались, но и подвозились к сплавной реке. Так как сплав плотов производился по большой воде, в половодье, когда течение очень быстро, то плоты делались небольшие, узкие и длинные, легко подвижные. Плавание на плотах до выхода реки из гор, где башкиры продавали свои плоты, совершалось от двух до пяти дней, в зависимости от расстояния. Шли плоты целый день с 4 час. утра и до 9 час. вечера, на ночь же причаливались к берегу. Некоторые из башкир, не имеющие своего леса, нанимались сплавщиками к богатым башкирам и русским лесопромышленникам.

Гонка смолы и сидка дегтя производились в особых земляных печах, ямах (*баҙ*), устроенных в лесу где-нибудь на пригорке или на берегу оврага. Выкопанная в земле яма, имеющая грушевидную форму или форму лимона, обмазывалась изнутри толстым слоем глины или обкладывалась кирпичом. Вверху над ямой складывался сруб в 2 бревна, 3х3 м, верхнее же отверстие ямы имело сантиметров 70 в диаметре. Глубина ямы была около 2 м, ширина же ее достигала посредине 1,5—1,7 м. Со дна ямы наружу выходила деревянная, выделанная из цельного бревна труба, по которой вытекал деготь или смола. В месте выхода трубы наружу стенка закладывалась кирпичом или бревнами, а самая труба запиралась особой заслонкой (так называемое окошко — *тәҙрә*). Иногда над устьем ямы устраивался деревянный навес. Для приготовления смолы (*ыҫмала*) в ямах сжигалось сосновое смолье (*сайыр*), пни и коренья, для дегтя — береста. На дне ямы, по радиусам, раскладывались сосновые поленья и дранье, а когда яма заполнялась, смолье это поджигалось сверху. Горение происходило медленно, и, когда дерево прогорало, угли глушились, т. е. закрывалось верхнее отверстие ямы. На следующий день, после того как угли потухали, их выгребали, смола вытекала по трубе. Иногда гонка смолы производилась в открытых ямах. В таком случае смолье складывалось в виде небольшого конуса, сверху которого накладывались большие сосновые колья, на них — солома или навоз, а на солому — дерн, оставляя часть соломы непокрытой. Зажженная солома распространяла огонь по всей поверхности конуса. Вследствие дернового прикрытия происходило медленное горение, и тлеющая лучина выделяла смолу, сбегающую в устье печи, а через трубу в особый резервуар. Сидка дегтя из бересты производилась тем же способом, что и гонка смолы. Иногда башкиры наполняли нижнюю половину ямы смольем, а верхнюю берестой. Тогда получали смесь смолы с дегтем, идущую для подмазки колес.

Из приведенного обзора башкирских промыслов видно, что у них была весьма мало развита обработка минеральных веществ. Керамика у башкир отсутствовала; обработка же металла производилась в малых размерах и была слабо распространена. Только обработка животных и растительных веществ достигала у башкир заметного развития и имела для них важное экономическое значение.

Вместе с тем обработка животных и растительных продуктов была, повидимому, различна как по своему происхождению, так и по преимущественному распространению ее изделий не только среди башкир, но и за пределами их страны. В то время как приемы обработки животных веществ, выделка мехов при помощи молочных продуктов, способ выработки кож и кожаной посуды, приемы валяния войлока и т. д. были совершенно такие же, как и у степных кочевников,

в частности у казахов, обработка дерева с набором соответствующих инструментов, техника плетения изделий из лыка, изготовление мочальных рогож, циновок и различных предметов из луба, наконец, гонка смолы и сидка дегтя были в такой же мере характерны для башкир, как и для населения Прикамья и живущих среди башкир удмуртов, марийцев, чувашей, татар и проч. Некоторые из башкирских изделий, как, например, примитивные циновки из трав и камыша, известны были повсеместно не только в Европейской России, но и в Сибири. То же следует сказать и о ткацком станке башкир, который в основных своих частях был сходен со станком их соседей на северо-западе, мало отличался от русского и повторял в ряде деталей ткацкий станок проживающих совместно с ними татар и мишарей.

С точки зрения былого географического распространения наиболее характерных предметов башкирских домашних промыслов следует различать несколько районов: в восточной, зауральской, Башкирии, а также в горах Южного Урала повсеместно встречалась кожаная посуда, а местами, особенно в степи, выделывались меха с помощью молочных продуктов и широко распространены были меховые мешки (*сарма*). Ковры или половики изготовлялись там почти исключительно из шерсти, не выделывалось никаких изделий из лыка и мочала. В горах Южного Урала занимались лесным промыслом. Единство домашнего производства в этом районе, особенно в восточной его части, с домашним производством степных кочевников-скотоводов вряд ли подлежит сомнению.

Второй район охватывает юго-западную Башкирию к западу от Урала и к югу от параллели примерно г. Уфы или немного южнее. Кожаная посуда встречалась там только в небольшом количестве и сравнительно редко, выделывались меха с помощью молочных продуктов, половики встречались как шерстяные, так и тряпичные, деревянная посуда преобладала над посудой из иных материалов, имелись различные изделия из лыка и мочала. Общий характер хозяйственного инвентаря этой области более всего был схож с татарским и отчасти с инвентарем мишарей.

В последнем, северном, районе, к западу от Урала, характерно было отсутствие кожаной посуды и выделки мехов при помощи молочных продуктов, преобладание тряпичных половиков над шерстяными, решительное преобладание всевозможной деревянной посуды и обилие изделий из лыка и мочала. Хозяйственный инвентарь этой области в общих чертах был тот же, что и у татар, мишарей, удмуртов, марийцев и чувашей, живущих или совместно с башкирами, или к северу и западу от них.

Глава IX

ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ

Просматривая описания башкирской одежды у различных авторов XIX и даже конца XVIII в., мы, за весьма редкими исключениями, находим описания тех же костюмов, которые и в начале XX в. носили башкиры или повсеместно, или хотя бы в некоторых, часто весьма ограниченных районах. Однако это еще не значит, что башкирский костюм оставался неизменным в течение полутора столетий. Напротив, одни костюмы уже давно вышли из употребления, и мы знакомимся с ними только по описаниям или музейным объектам, другие появлялись, можно сказать, на наших глазах. Весьма распространенные некогда одежды и головные уборы стали редкостью, а встречавшиеся раньше на ограниченной территории можно видеть повсюду. Особенно сильным видоизменениям подверглись, по-видимому, женские украшения.

Мужская одежда башкир состояла из рубахи, штанов, шерстяных чулок и сапог; на голову надевалась тюбетейка (*түбәтәй*). Поверх рубахи надевался *камзул* или *кәзәки*. Верхней одеждой был суконный чекмень и меховая шуба. Чекмень и шуба обязательно подпоясывались. Поверх тюбетейки надевалась меховая шапка. Сколько-нибудь существенных возрастных отличий в одежде мужчин не наблюдалось.

Женская одежда состояла из нагрудной повязки, рубахи, штанов, шерстяных чулок и сапог; голова повязывалась платком. Поверх рубахи надевался *камзул* или *кәзәки*. Верхней одеждой был суконный чекмень или матерчатый халат; в холодное время года надевалась шуба, голова повязывалась шалью или надевалась шапка. Весьма разнообразны были нагрудные и другие украшения. В деталях имелись различия в одежде девочек, девушек, молодых женщин, женщин среднего возраста и старух.

При одноименных названиях одежды мужчин и женщин различались как по покрою, так и по материалу. Существенны были и местные особенности различных типов одежды.

Влияние времени особенно сильно сказалось на материале одежды, тогда как покрой в общих чертах оставался тем же, каким был и раньше. Уже в конце XVIII в., помимо меха и валеной шерсти, башкиры употребляли для своей одежды и ткани. Посевом растений, дающих волокно для тканей, башкиры занима-

лись мало и пользовались главным образом дикорастущей крапивой и коноплей. О крапивных тканях упоминали И. И. Лепехин и И. Г. Георги[169]. На рубеже XIX в. мы видим, что башкиры «для посеву конопле́й они так же нарочито прилежны, ибо искуство их научило, что конопляный холст добротою своею много превозходит крапивной, какой их предки употребляли»[170]. В начале прошлого столетия из своего грубого самодельного холста они шили не только сорочки, но и кафтаны, ткали и валяли самодельное сукно, так как фабричное хотя у них и имелось, но ценилось весьма дорого. Холщевые одежды и кафтаны были обычны для башкир еще до половины прошлого столетия[171], а усергане, например, местами еще и в 90-х годах, по словам М. Баишева, носили почти исключительно холщевые сорочки. Но фабричные ткани давно уже начали проникать к башкирам и вытеснять самодельные. Башкирскую холщевую сорочку, не говоря уже о ряде других одежд, в начале XX в. можно было видеть только в музеях. Несколько дольше держалось, а местами преобладало над покупным, башкирское сукно, но и оно с упадком овцеводства постепенно заменилось фабричным. Лучше сохранился покрой башкирской одежды в костюмах, общих обоим полам.

Рис. 121. Башкиры в *тире тун* и *колаксын* (слева), в *ак сәкмән* и *толко бүрек* (справа). Минцы

До конца XIX в. как мужчины, так и женщины носили в Зауралье нагольные тулупы *тире тун* (рис. 121). Недаром И. И. Лепехин писал, что зимой только по головному убору можно отличить мужчину от женщины. *Тире тун* шился из белой овчины. Это была очень просторная и длинная (до пят), скроенная с прямой спиной, без пришивного ворота и ничем не покрытая сверху шуба. Овчины для этих шуб выделывались самими башкирами. Запахивался *тире тун* обычно на правую сторону, имел одну-две пуговицы (вверху и выше пояса) или был совсем без пуговиц; у мужчин всегда повязывался поясом. Эти-то тулупы, носившиеся прежде и мужчинами, и женщинами, являлись если не единственной, то во всяком случае наиболее распространенной меховой одеждой. В рассматриваемое время, за исключением старух, да и то в весьма немногих местностях, женщины *тире тун* не носили. В юго-восточной и зауральской Башкирии этот род зимней одежды являлся преобладающим, его совсем не было только на севере в области между реками Уфой и Белой, а также на восток от р. Уфы у группы башкирских дач айлинского рода.

[169] *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. 1. С. 102.

[170] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 24.

[171] *Черемшанский В. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. С. 154.

Другая плечевая одежда, общая мужчинам и женщинам, — *сәкмән*, род чекменя или кафтана, сшитого из домотканого валеного сукна (рис. 121). *Сәкмән* (восточнорусский чапан) по покрою мало отличался от тулупа: он был также длинен и широк, с совершенно прямой спиной, с длинными и широкими рукавами; запахивался по желанию на правую и на левую, чаще на правую, сторону и совсем не имел ни пуговиц, ни застежек. Мужчины, отправляясь в дорогу, повязывали его поясом. Отличие женского *сәкмән* от мужского заключалось только в том, что первый шился исключительно из белого сукна (*ак сәкмән*), тогда как мужской бывал и из коричневого (*кара сәкмән*); кроме того, женский нередко расшивался разноцветным сукном и узорами (у молодых женщин), тогда как мужской не имел никаких украшений и только по краю его борта бывала нашита полоса фабричного сукна или материи. Суконные чекмени башкиры носили повсюду, причем, чем дальше на восток и на юг, тем больше их было из домотканого сукна и меньше из покупного; напротив, на северо-западе *сәкмән* из домотканого сукна был большой редкостью. У женщин эта одежда почти везде вышла из употребления, и я видел ее только в горах Южного Урала да у некоторых из кипчаков, бурзян, усерган и тамьян-тангаурцев в прилегающих к Уралу южной и восточной степях.

На западе и северо-западе был распространен другой тип кафтана, так называемый *сыба*. Он напоминает хорошо известный шабур поволжских финноязычных народностей (только без сбор сзади), который встречался и у башкир западной и северо-западной части края, живущих совместно с мари и удмуртами. Это был короткий, до колен, и узкий, сшитый в талию кафтан из холщевой материи, у мужчин белый с узенькими темными полосками, у женщин синий с белыми полосками. В б. Бирском уезде он был чаще красный с черными полосками, как у мужчин, так и у женщин. Надевался он поверх бешмета или шубы, в дорогу или на работы. Ворот был очень низкий (до 1,5—2 см), запахивался *сыба* на левую сторону и застегивался на одну или две пуговицы.

Башкирский халат (*елән*) по покрою у мужчин и у женщин был одинаков, типа, общего со среднеазиатскими халатами. Как и *сәкмән*, халат был длинен и широк, с прямой спиной, широким отложным воротом, запахивался на любую сторону, никогда не подпоясывался и не имел застежек. По материалу между мужским и женским халатом разница также была несущественна. Женские халаты у богатых чаще бывали бархатные или суконные, мужские — из китайки или полушелковой среднеазиатской материи (*әзрәс бишмәт*). Самое существенное отличие женских халатов от мужских заключалось в том, что первые всегда, как мы это увидим ниже, были более или менее украшены, тогда как мужские никогда не украшались. За исключением северо-запада, *елән* носился почти везде, мужчинами сравнительно редко, женщинами гораздо чаще.

Имелось у башкир еще два костюма сравнительно позднего, по-видимому, происхождения — *камзул* и *бишмәт*, которые носили как мужчины, так и женщины. Оба они шились из фабричных бумажных материй, на подкладке. В талии они были узки и застегивались на пуговицы. *Камзул* был короткий, выше колен, без рукавов; *бишмәт*, надевавшийся поверх *камзул*, имел рукава и спускался ниже колен. С покроем этих одежд, равно как и с областью их распространения, познакомимся ниже.

Нательной плечевой одежды, общей для мужчин и женщин, у башкир не было.

Что касается головных уборов, то только шапку (*камсат* или *кама бүрек*) с бобровым или из меха выдры околышем и бархатным верхом носили и мужчины, и женщины. Этот головной убор раньше, по-видимому, был гораздо более распространенным, в начале же XX в. мужчины носили его только в зауральской Башкирии и то довольно редко. Старухи носили *кама бүрек* (рис. 122) поверх головной повязки (*тәҫтар*) сравнительно часто. Как женский головной убор эта шапка встречалась у зауральских катайцев и кара-барын-

табынцев, у кубеляк-телевцев и тамьян-тангаурцев, у ипзер-катайцев, айлинцев, у кое-кого из минцев и бурзян. В прошлом веке район ее распространения был еще значительнее.

Верхней поясной одежды, общей для обоих полов, у башкир не было; нижняя же поясная одежда — штаны — по покрою и по материалу была одинакова как у мужчин, так и у женщин (рис. 123). Покрой этой одежды в основе своей был один и тот же, несколько варьируя только в зависимости от местности или, вернее, от материала. Очень широкие и длинные шаровары (*салбар*) кроились так, что средняя часть всегда состояла из одного цельного куска материи, никогда не имела прорех, а по бокам к этой средней части пришивались штанины с одной или двумя парами клиньев. В поясе штаны стягивались всегда особым шнурком (*салбар бауы*) и носились заправленными в сапоги. Раньше штаны шились из домотканого холста или сукна; из этого материала еще в начале XX в. шили штаны горные и некоторые из зауральских башкир, большинство же носило почти исключительно ситцевые или чаще из красного кумача.

Рис. 122. Женские головные уборы – *калпак* (на девочке), *кама бүрек* (на женщине). Катайцы

Из общей для мужчин и женщин обуви рассмотрим сначала чулки. У башкир чулки бывали трех родов: вязаные шерстяные (*бәйләм ойок*), суконные (*тула ойок*) и войлочные (*кейеҙ ойок*).

За исключением войлочных, которые носили только мужчины, первые два вида чулок носили оба пола. Вязаные чулки носили повсеместно и мужчины, и женщины, хотя женщины чаще мужчин. Суконные же чулки носили главным образом мужчины, хотя их можно было видеть и на женщинах, особенно за Уралом. Прежде суконные чулки носились повсеместно, в начале же XX в. во многих башкирских дачах, в особенности на севере, они были совсем вытеснены вязаными. Покрой суконных чулок был весьма прост; шились они из цельного сукна, сложенного вдвое с пришитым в передней части носком и подшитой пяткой (рис. 124).

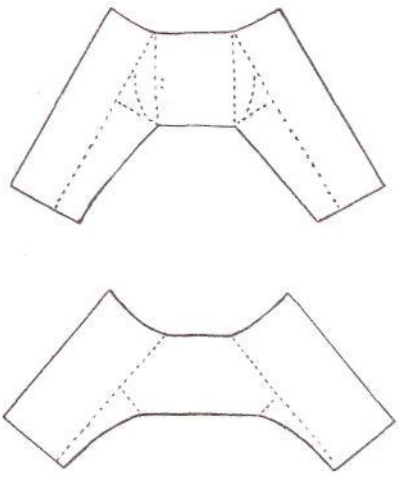


Рис. 123. Покрой мужских шаровар – *салбар* (сверху), бурзяне; покрой женских *салбар* (снизу), катайцы

Общей для обоих полов обувью были *сарык*, кожаные мягкие саножки *ситек* и лапти *сабата*. *Сарык* — древняя и примитивно скроенная башкирская обувь. Она состояла из простой кожаной подошвы с пришитым к ней впереди кожаным носком и суконным голенищем, высотой до колена. Ни подметок, ни каблуков у *сарык* не было. Мужские *сарык* от женских отличались только тем, что задники последних обычно были расшиты цветным (чаще красным) сукном (рис. 125). *Сарык* (*ката* у инзер-катайцев) больше всего носили за Уралом, особенно степные башкиры, хотя они встречались еще кое-где у минцев, кудейцев, у восточных айлинцев и проч. Обыкновенные сапоги (*итек*) мужские несколько отличались по форме от

Рис. 124. Суконный чулок – *тула ойок*. Катайцы

женских, мягкие же сафьяновые (*ситек*), столь характерные для татар, были одинаковы у обоих полов, за исключением разве только той особенности, что у женщин они бывали иногда узорчатые. Впрочем, этот род обуви для башкир был не столь характерен, сами они ее не изготовляли и распространилась она среди них сравнительно поздно.

Беднейшая часть населения местами носила лапти (*сабата*). Эта обувь также была одинакова у мужчин и у женщин, только женщины носили ее сравнительно реже.

Башкирские лапти, подобно мишарским, были аккуратнее русских, легче и отличались от последних тем, что могли надеваться на любую ногу. Лапти не были национальной обувью башкир, и, по словам И. И. Лепехина[172], в конце XVIII в. они их совсем не носили. В начале XX в. область распространения лаптей у башкир ограничивалась западной половиной занимаемой ими территории. Ни в горах Южного Урала, ни, тем более, в Зауралье лаптей никто не носил. В северо-западной и отчасти в западной Башкирии беднейшая часть населения пользовалась лаптями постоянно, а в бассейне р. Уфы и по среднему течению р. Белой их носили только во время полевых работ.

Остановимся на описании собственно мужской и женской одежды.

Рис. 125. Женская обувь – *сарык*. Катайцы

Верхней плечевой одеждой башкир, помимо описанных выше бараньих тулупов, были шубы (*тун*), полушубки (*билле тун*) и так называемые *йылкы тун*, или *колон тун*, сшитые из конских шкур. Последний костюм был несомненно очень древним. Шился он из конских шкур, мехом наружу, и надевался как самостоятельно, так и поверх нагольного тулупа. Назначением *колон тун*, помимо тепла, было предохранение тулупа от влаги. И. Г. Георги[173] следующим образом описывает эту одежду: башкиры шили шубы «больше из конских кож так, чтобы грива ложилась в доль спины, что, – добавляет автор, – в ветреную погоду весьма странно кажется». Еще в половине прошлого столетия, по словам В. М. Черемшанского[174], некоторые башкиры зимой носили яргаки из лошадиной – молодых жеребят – или оленьей шкуры. Яргаки шились вроде кафтанов шерстью или мехом вверх.

Мне удалось приобрести для музея одну *йылкы тун* у восточных башкир (б у р з я н). *Йылкы тун* шилась из нескольких (5–7) одномастных шкурок жеребенка так, что гривы шли во всю длину шубы по спине и по плечам, до конца рукавов. Покрой этой одежды был подобен покрою суконных кафтанов (*сәкмән*) с прямой спиной и широкими полами. Носились они, как сказано, чаще всего поверх *тире тун*, в очень холодную или сырую погоду, застегивались на одну-две пуговицы и подпоясывались. Область, в которой башкиры еще помнили *йылкы тун* или где сохранились

[172] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 151.

[173] *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. 1. С. 102.

[174] *Черемшанский В. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. С. 154.

ее остатки, обнимала почти всю страну, за исключением ее северной и северо-западной части.

Башкирская шуба от полушубка отличалась, во-первых, тем, что она шилась ниже колен, во-вторых, шуба имела всегда прямую спину, тогда как полушубок был узким в талии. Шубы, равно как и полушубки, покрывались сукном или материей, запахивались на левую сторону и повязывались поясом (рис. 126). Шились они главным образом из бараньего меха; богатые шили также из волчьего, лисьего и других мехов с опушкой из меха выдры. Чаще всего шубы не имели застежек, некоторые застегивались на одну-две пуговицы. Шубы на пуговицах и с выпушкой по краю ничем не отличались от общераспространенных татарских шуб. О мужских чекменях (кафтанах — *сәкмән*) уже говорилось выше; прибавлю только, что белые чекмени часто обшивались по краям полосками черной или красной материи, а внизу с обоих боков делались небольшие прорезы (сантиметров 15 длины), обшитые также тесьмой. Что касается халатов (*елән*), о которых также уже была речь, то они не являлись необходимой принадлежностью башкирского костюма; носились они главным образом дома, в деревне и встречались только у богатых или зажиточных. У юго-восточных башкир можно было встретить, помимо обыкновенных матерчатых или суконных, еще и покупные среднеазиатские халаты, стеганные на вате.

Рис. 126. Башкиры в *тун*, покрытых материей.
Айлинцы

Все только что рассмотренные костюмы (кроме полушубка) шились длинными и широкими, с прямой спиной, в большинстве случаев без подкладки и без пуговиц, запахивались на ту или иную сторону и повязывались поясом. Плечевая мужская одежда другой группы, куда относились *бишмәт*, *кәзәки* и *камзул*, была сравнительно коротка, шилась всегда в талию, непременно на подкладке и застегивалась на пуговицы. *Бишмәт* (бешмет), род полукафтана, был самой обычной и повсеместно распространенной башкирской одеждой (рис. 127). Одежда эта была длинная, всегда ниже колен, с длинными рукавами, довольно плотно облегала талию, запахивалась на левую сторону и застегивалась на четыре-шесть пуговиц. Сборок, как на русской поддевке, на бешмете никогда не было, и нижняя часть его расширялась ниже талии раструбом.

Рис. 127. Башкиры в *бишмәт* (слева) и *камалы тун* (справа).
Гайнинцы

Материалом для бешмета всегда служила какая-нибудь фабричная материя (люстрин, нанка, китайка и проч.). *Кәзәки* (казакин) был много короче, всегда выше колен и уже бешмета; шился он также в талию и на подкладке; рукава его были короткие, едва доходили до локтя (рис. 128).

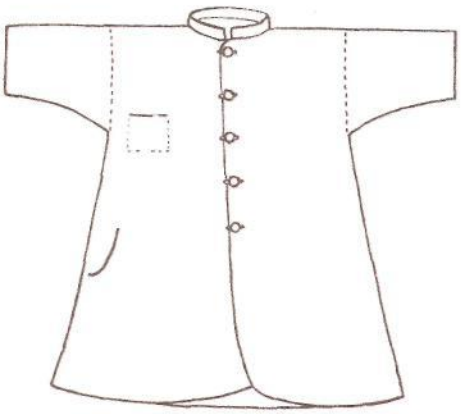


Рис. 128. Покрой *кәзәки*

Запахивался *кәзәки* на левую сторону и застегивался на четыре-пять пуговиц. Как и у бешмета, его воротник был низенький (до 3 см), стоячий, с правого бока обычно имелся косой карман, а иногда и второй маленький на груди. Помимо застежек, *кәзәки*, равно как и *бишмәт*, имел еще внутренние завязки у пояса. Надевался *кәзәки* под *бишмәт*, поверх рубахи, и шился из тех же материй, что и *бишмәт*.

Камзул — безрукавка, короткая и узкая, плотно облегающая туловище. По покрою она была похожа на *кәзәки*, только короче его и без рукавов. Запахивалась на левую сторону и застегивалась на пуговицы; всегда была на подкладке и, подобно другим одеждам этого рода, шилась из фабричных тканей темного, главным образом черного цвета. Карманов в *камзул* обычно не было, а низенький стоячий воротник едва превышал 1 см и застегивался на крючок. Надевался *камзул*, как и *кәзәки*, под *бишмәт*, поверх рубахи. Распространен он был по всей Башкирии, тогда как *кәзәки* встречался значительно реже, а в некоторых башкирских дачах (особенно на севере) его совсем не носили.

Мужская сорочка (*күлдәк*) была однотипной для всех башкир, хотя в деталях и особенно по материалу она существенно варьировала. Сорочка эта шилась всегда очень широкой и длинной, до колен и даже ниже (от 85 до 95 см длиной), с широким отложным воротом (рис. 129) и длинными широкими рукавами. Ворот завязывался шнурком неплотно, так, что грудь обычно бывала открытой на несколько сантиметров. Покрой сорочки был туникообразный, и кроилась она из цельного куска материи, без швов на плечах, с подоплечниками. По бокам вставлены были двойные клинья (реже из четырех полосок материи). Рукава всегда были прямые и под ними большие ластовки (*сопа*) из красной материи в белых сорочках и желтые или какого-либо иного цвета в красных. Воротник (*яға*) башкирской сорочки, как сказано, всегда был отложной, нередко очень широкий, сантиметров до 20. По словам П. С. Назарова[175], еще не так давно у башкирских рубах ворота совсем не было, а был просто прорез для шеи, мне же таких сорочек видеть не приходилось. На фотографиях башкир, сохранившихся со времени известной Антропологической выставки в Москве 1879 г., также можно видеть широкий отложной воротник мужской сорочки. За весьма редкими исключениями, в начале XX в. воротник башкирской сорочки не вышивался, тогда как в середине XIX в. цветная вышивка воротника холщевой башкирской рубахи была явлением обычным[176]. На одной из упомянутых фотографий Антропологической выставки можно видеть сорочки челябинских башкир с воротом и грудью не только вышитыми, но и зашитыми бисером. В том же б. Челябинском уезде и в начале XX в. встречались так называемые *селтәрле күлдәк* с вышивкой шелками на отложном воротнике, на концах рукавов и по краю подола. Подобные сорочки, сшитые из красной мате-

Рис. 129. Башкир в рубахе с отложным воротом. Гайнинцы

[175] *Назаров П. С.* К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. 1890. № 1. С. 181.

[176] *Черемшанский В. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом и промышленном отношении. Уфа. 1859. С. 155.

рии, шились там как свадебные подарки новобрачных своим мужьям. Вышивки на отложных воротниках можно было встретить еще на нестрядинных сорочках башкир севера б. Бирского уезда, но там вышивки были исполнены уже шерстью или гарусом и носили совсем иной характер, напоминая сорочки марийцев. Свадебным подарком служила также старинная холщевая сорочка, украшенная прошивкой (*селтәрле кулдәк*). Это была широкая и длинная холщевая рубаха с красными ластовками и широким отложным воротом; ворот, концы рукавов и подол были украшены прошивкой – *селтәр* (рис. 130).

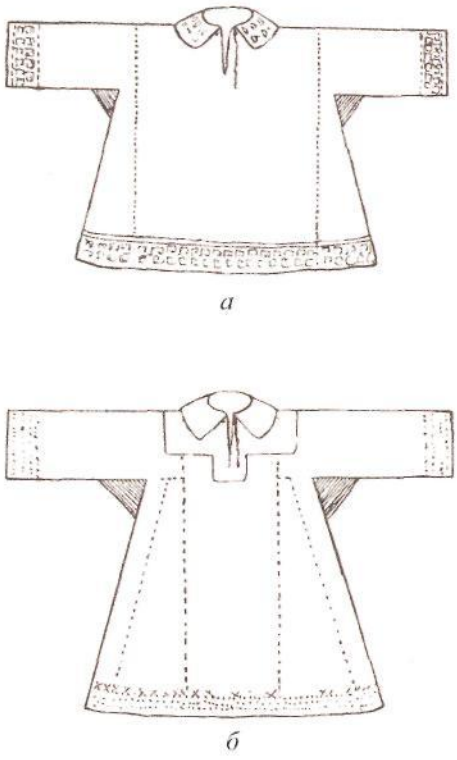
Характерной особенностью башкирской сорочки было отсутствие застежки у прореза на груди. Шнурки, которыми завязывался ворот рубахи (*изеүбау, ыцырбау, ялғау, элдек*), продевались в особые петельки у ворота или пришивались наглухо. Эти плетеные шнурки оканчивались обычно кистями и иногда отличались особой роскошью: шнурки обматывались золотой или серебряной ниткой, заплетались в розетки и украшались разноцветными кистями (рис. 131).

Сорочка, только что описанная как типичная для башкир, встречалась не везде. В зауральской, южной и центральной Башкирии в начале XX в. ее носили еще все. В северной, северо-западной, а отчасти и в южной части этой страны ее можно было встретить только у стариков, молодые же носили уже русскую косоворотку на пуговицах. Были дачи, особенно среди северо-западных башкир, в которых сорочек с отложным воротом совсем не носили.

Резко отличаясь от русской косоворотки по покрою, башкирская сорочка никогда не подпоясывалась и носилась на выпуск.

Волосы на голове башкиры брили, на лице же они, подобно татарам, подбривали или выщипывали бороду только возле рта и подстригали усы. Для выщипывания бороды они употребляли особые щипчики, специально изготовляемые для этой цели татарами. И. И. Лепехин[177] описывает другой весьма своеобразный способ выщипывания волос, применявшийся будто бы башкирами. Он пишет, что башкиры «натирают себе бороду каленою золою и, ссучив круто нитку, с отменным проворством и искуством вкручивают волоса по два и вырывают. Зола, по их примечанию, слабит кожу и утоляет ту боль, какая от щипания волосов произойти должна».

Обращаясь теперь к головным уборам мужчин, нужно отметить прежде всего, что все башкиры покрывали свои бритые головы полушаровидными шапочками, тюбетейками (*түбәтәй, колаксын, такыя*), совершенно такими же, как у казанских татар, да и делать их башкиры сами не умели, а покупали у торговцев, казанских татар. Тюбетейки чаще всего бывали бархатные, черные или красные и нередко были украшены нашитыми мишурными звездочками и блестками, а иногда богато украшены серебряным шитьем.



а

б

Рис. 130. Рубахи с прошивкой – *селтәрле кулдәк*:
а – катайцы,
б – гайнинцы

Рис. 131. Завязка рубахи – *элдек*. Гайнинцы

[177] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 267.

Другой общераспространенный головной убор, как и прочие, о которых будет речь далее, *бүрек*, надевался поверх тюбетейки. *Бүрек* была круглая меховая шапка, покрытая черным сукном (рис. 126), шилась она всегда на бараньем меху с выпушкой из меха бобра или лисицы, а то и без выпушки. Носили эту шапку постоянно, зимой и летом. Довольно часто встречался и другой вид шапки, исключительно зимней, так называемая лисья шапка (*төлкө бүрек*). Форма ее была плоскоцилиндрическая, несколько расширяющаяся кверху; меховой околыш ее был из лисьих лапок, дно — суконное или из другой черной материи; внутри она была на бараньем меху. Такую шапку можно было встретить у башкир повсеместно. Весьма похожей на только что описанную *төлкө бүрек* (рис. 121, справа) была шапка богатых башкир, о которой упоминалось раньше, *кама* или *камсат бүрек*, только околыш ее делался из меха выдры или бобра.

У юго-восточных башкир (тангаурцы, бурзяне, усергане) встречался еще один вид полусферической шапки из меха ягненка (*тире кәпәс*), покрытой черной материей с выпушкой из того же меха. При носке края ее немного отгибались и она принимала форму, столь типичную для плоских казахских шапок.

Мерлушковые шапки, низкие плоские шапочки из черного каракуля, которые, по словам М. Баишева[178], носили усергане, встречались у башкир и других родов, но они вообще были мало характерны для башкир. Интересно наблюдение М. Баишева, что молодые носили эти шапки из черных, а старики из белых мерлушек.

В конце XIX в. распространились среди башкир войлочные шляпы, которые они заимствовали, по-видимому, от своих западных соседей (татар и мишарей), почему, вероятно, и типы их были неодинаковы в различных местах. Неоднократно цитированные путешественники второй половины XVIII в. не упоминают об этих головных уборах башкир, да башкиры сами и не умели делать шляпы, а покупали их на базарах. Формы бытовавших у башкир войлочных шляп сводились к двум основным: полушаровидной, очень плотно скатанной, с полями умеренной величины, загнутыми кверху (рис. 80), и конусообразной, с усеченным верхом и небольшими полями, слабо приподнятыми или, чаще, совершенно опущенными. Первые встречались чаще среди северо-восточных башкир (и мишарей), вторые — мягкие и довольно плохо скатанные шляпы распространены были главным образом в западной и северо-западной Башкирии (а также у соседних мишарей и татар, особенно мензелинских). Как на местную разновидность войлочных шляп можно указать на плоские, дугообразной в разрезе формы, шляпы, с большими опущенными полями, подрезанными спереди и сзади. Такие шляпы встречались главным образом у стариков и у духовенства в центральной и, отчасти, в западной Башкирии. Совсем не носили шляп восточные катайцы (б. Челябинского уезда), кубеляк-телевцы, инзер-катайцы, горные тамьян-тангаурцы, бурзяне, усергане и некоторые другие.

Наиболее интересен тип башкирского мужского головного убора, называемый *колаксын* (рис. 121, слева; 132), известный у русских под названием малахая. И. Г. Георги так описывал этот убор: «Верхняя она (шапка. — *С. Р.*) подобна кеглю, но не очень востро к верьху сведена, вышиною в пядень, а шьется из сукна с узким околышем, оттопырившимся и загнутым наподобие голландских корабельных шляп»[179]. Об этих же малахаях писал и В. М. Черемшанский, замечая, что они самой странной формы, с крыльями и хвостом, который прикрывает затылок. Как видно из рис. 121 и 132, *колаксын* представлял собой островерхую шапку с небольшим козырьком впереди, прикрывающим лоб, очень длинными ушами, прикрывающими боковые части лица, подвязывающимися под

[178] *Баишев М.* Деревня Зианчурина Орского уезда Оренбургской губернии // Изв. Оренбургского отд. Русского Географического о-ва. 1895. Вып. 7. С. 9.

[179] *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. 1. С. 102.

подбородком, и, наконец, задней части, прикрывающей затылок и шею. Шился *колаксын* из бараньего или лисьего меха (*толкө колаксын*) и покрывался какой-нибудь материей. Непокрытый материей *колаксын* встречался редко. Иногда *колаксын*, особенно лисий, в верхней своей части шился из войлока, благодаря чему сохранял свою высокую, почти пирамидальную форму, подшивался мехом, покрывался черным или красным сукном; богатые, кроме того, обшивали его снаружи позументом. Этот головной убор носили исключительно зимой. Он был очень теплым и весьма практичным, в особенности при степных буранах. Интересен этот убор еще и потому, что он известен со времен глубокой древности у степных кочевников-скотоводов.

В начале XX в. *колаксын* встречался, хотя и редко, в горах Южного Урала, повсюду за Уралом, особенно на юге и изредка на юго-западе (у м и н ц е в). До половины прошлого столетия он был распространен значительно шире, не было его, по-видимому, только у башкир в бассейне р. Уфы и нижнего течения р. Белой.

Такой же самый головной убор, но уже летний, так называемый *көләпәрә*, шился из домотканого белого сукна, без подкладки и вместо позумента обшивался полосками красного сукна или другой материи. Район распространения *көләпәрә* был уже значительно меньше, чем *колаксын*, и встречался он только в юго-восточном углу Башкирии (у у с е р г а н, б у р з я н, т а н г а у р ц е в). Этот убор П. С. Назаров[180] назвал почему-то кошменным колпаком, отмечая при этом, что он частью заимствован у казахов, именно тот его тип, рисунок которого мы здесь приводим (рис. 133) и который, по словам П. С. Назарова, в конце XIX в. будто бы уже не носился. Вместе с тем, по словам того же автора[181], у башкир существовал еще и другой вид *көләпәрә*, заимствованный от татар и отличавшийся от казахского своими цельными опущенными вниз полями, меньшей высотой и закругленностью верхушки.

Башкиры повсюду носили рукавицы (*иләсә*) и перчатки, чаще всего вязанные из белой овечьей шерсти. Сравнительно редко встречались меховые рукавицы, покрытые сукном, собственного изделия; бывали также и меховые перчатки. Меховые рукавицы иногда вышивались поверх сукна и опушивались по краю мехом, нередко дорогим (бобром).

Пояса мужчин были довольно разнообразны и сводились к трем основным типам: *билбау*, *каптырга* и *кәмәр*. Обыкновенные пояса (*билбау*), которыми башкиры подпоясывали свою верхнюю одежду, были двух видов. Самый распространенный, но не столь типичный для башкир пояс представлял собой простой кусок фабричной материи (кумача, ситца, коленкора, бумазеи) метра три длиной. Материю складывали в три-четыре раза, дважды обертывались ею и концы заправляли. Значительно реже встречался другой вид пояса — тканый из шерсти. Этот пояс изготовлялся самими башкира-

Рис. 132. Башкир в *камалы тун* и *колаксын*.
М и н ц ы

Рис. 133. Мужской головной убор – *көләпәрә*.
Т а н г а у р ц ы

[180] *Назаров П. С.* К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. 1890. № 1. С. 181.
[181] Там же.

Рис. 134. Кожаная сума *каптырга*. Бурзяне

а *б*

Рис. 135. Нож и ножны – *бысак кыны*: *а* – гайнинцы, *б* – катайцы

а *б*

Рис. 136. Нож и ножны – *бысак* (*а*), гайнинцы; *бысак кыны* (*б*), бурзяне

ми и еще в XIX в. был широко распространен среди них. В начале XX в. он встречался почти исключительно в горах и в зауральской степи, в других же местах был очень редок. Пояс этот также был очень длинен (до 3,5 м), но не особенно широк (до 15 см шириной); ткался он из ниток темных цветов и оканчивался бахромой.

Каптырга – узкий (всего 2–3 см шириной) ременный пояс, сравнительно короткий (1,2–1,3 м), с вытисненным на его наружной поверхности узором, с крючкообразной пряжкой на одном конце и дырочками на другом. У правого бока на этом ремне всегда была привешена большая прямоугольная кожаная сума (*каптырга* или *калта*)[182] (рис. 134), а с левого бока – нож в деревянных, обшитых кожей ножнах и ременный футляр для оселка. Иногда на ремне с наружной стороны бывали еще набиты металлические бляхи с серебряным чеканным узором. Сумка всегда была с крышкой из тисненой кожи, с очень красивым орнаментом, в пониженных частях орнамента травленная медным купоросом. В сумке носили кресало, кремень, трут и другие мелкие вещи. В начале XX в. район распространения *каптырга* был очень ограничен. Пояс этот встречался кое-где за Уралом, преимущественно на юге, но очень редко. Между тем, в конце XIX в. его можно было найти во всей полукочевой, южной, горной и центральной Башкирии до широты г. Уфы и даже немного севернее.

Отсутствие *каптырга* в северной и северо-западной половине башкирского края, ее бесспорное тождество с подобным же поясом казахов и целый ряд других соображений склоняет меня к заключению о восточном ее происхождении.

Не только на *каптырга*, но и вообще на всяком поясе башкиры почти всегда, особенно в дороге, носили ножи (*бысак*) в ножнах (*бысак кыны*). Башкирские ножи не представляли собой ничего оригинального – это были обыкновенные ножи типа наших кухонных или небольшие русские косари, которые покупались на базарах. Гораздо интереснее и разнообразнее были ножны. Самым распространенным был тот тип, который мы видим на рис. 135, *б*, – ножны, состоящие из двух деревянных половинок, обтянутых снаружи черной кожей. Иногда, как это видно на рисунке, они бывали окованы полосками листовой меди и украшены металлическими подвесками (*сук*) на конце.

Прочие типы ножен более редки и имели скорее местный характер. Они бывали или деревянные, обшитые лошадиной шкурой (рис. 135, *а*), – в северной Башкирии, или плетенные из лыка, прикрытого берестяными полосками (рис. 136, *а*), тип, распространенный среди восточных марийцев и удмуртов; плетеные ножны встречались в северо-западной Башкирии. Наконец, ножны были и просто берестяные, спорадически встречающиеся в горах (рис. 136, *б*).

В большой моде у богатых башкир когда-то были ковровые щегольские кушаки, которые они называли *кәмәр* или *кәмәр билбау*, с сравнительно дорогими медными гравиро-

[182] Слово «*калта*» было распространено среди юго-западных башкир, и восточные считали его татарским.

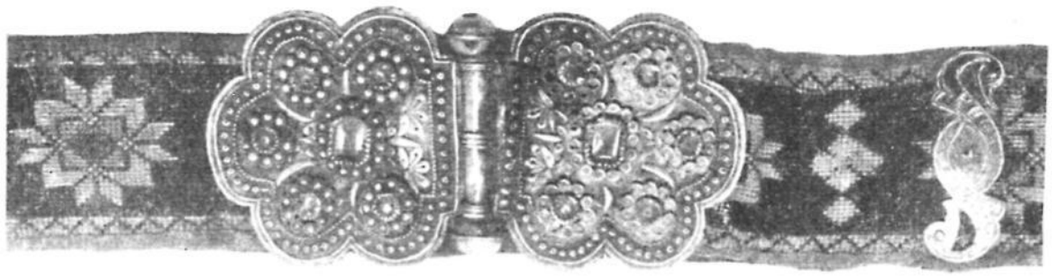


Рис. 137. Пояс – *кәмәр*. Катайцы

Рис. 138. Пояс – *кәмәр*. Юрматынцы

ванными или даже серебряными пряжками (*каптырма*), богато украшенные бляхами (*каш*) с полудрагоценными камнями – агатом, сердоликом, бирюзой и проч. (рис. 137). Нередко такие кушаки состояли из сплошного ряда серебряных пластинок, покрытых чеканным узором со вставками агатов (*акык*) и бирюзовой осыпью (рис. 138). В старину такие кушаки ценились очень дорого: за один такой *кәмәр* богачи давали хорошего аргамака или пару быков. *Кәмәр* раньше носили повсеместно, по крайней мере во всей кочевой Башкирии, к началу же XX в. он сохранился как вещь старинная кое-где за Уралом и в степи (катайцы, кубеляк-телевцы, тамьян-тапгаурцы, бурзяне, усергане и кипчаки), а отчасти и в центральной Башкирии (минцы и табынцы).

Трудно сказать, шли ли эти пояса к башкирам из Средней Азии через посредство казахов, за что может говорить характер ковровой ткани, или от казанских татар, и теперь еще искусно изготовляющих металлический прибор для подобных поясов. Несомненно только одно, что сами башкиры их не делали. Ковровая ткань этих кушаков такой тонкой работы, металлические бляхи с их вставками, штампованными и чеканными узорами – дело рук такого опытного мастера, каких у башкир не было.

О нижней поясной одежде мужчин, штанах, говорилось достаточно подробно в начале настоящей главы. Помимо описанных выше нижних штанов, мужчины носили еще и верхние штаны (*салбар*). По покрою они ничем не отличались от нижних, только в них с правого бока бывал обычно карман, тогда как в нижних штанах карманов не было. Шились эти *салбар* из грубого конопляного холста или из самодельного сукна. Носились они исключительно во время работ, холщовые – в теплое время года, из сукна – зимой. Эти *салбар* были настолько широки, что в них заправляли всю верхнюю одежду. Встречались они главным образом в горах Южного Урала.

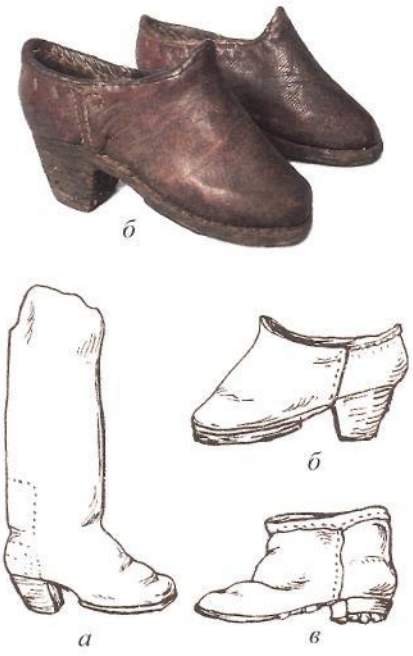


Рис. 139. Кожаная обувь – *итек* (*а*), катайцы; *ката* (*б*), гирей-кипчаки; галоши (*в*), бурзяне

Рис. 140. Путевая обувь – *бышымлы сабата* (*а*) и *бышымлы кынйырак* (*б*). Гайнинцы

У северных (айлинских и кудейских) башкир мне пришлось встретить еще один тип мужских штанов – свадебный подарок молодой своему мужу. Штаны эти шились из цветной (чаще красной) домотканой бумажной материи с узором, выткашным разноцветным гарусом или шерстью.

Известно со слов И. И. Лепехина[183], что в конце XVIII в. башкиры лаптей не носили, а носили «в Уфимском уезде упоки собственнаго кожевничества, а в Исетской провинции бахилы, у которых только кайма у голов коженая, а прочее все суконное». Под названием «бахилы» в б. Пермской, а отчасти и в б. Оренбургской губ. был известен род бродней из дубленой кожи без подметок и каблуков. И. И. Лепехин под бахилами, надо полагать, разумел не что иное, как *сарык*. Раньше для их пошивки кожа употреблялась исключительно сыромятная, своей выделки, сшивались они конскими сухожильями или волосом. В начале XX в. кожа башкирской выделки употреблялась редко, кроме того, *сарык* шились уже главным образом дратвой. Что касается особенностей мужских *сарык*, то внизу на их голенище нашивались невысокие кожаные задники и несколько треугольников кожи, как украшение. Вверху они, как и женские, подвязывались над икрами плетеными из цветной шерсти шнурками (*кыçмау*, *куңысбау*). Внутрь под подошву ноги в *сарык* непременно клали подстилку из жесткой травы (осоки) или соломы. Под употками И. И. Лепехин, вероятно, разумел обыкновенные сапоги (*итек*), которые башкиры носили повсюду (рис. 139, *а*). Шились они из сыромятной конской кожи своей выделки или чаще русской. К ним подшивались довольно толстые подметки и невысокий каблук; носок был прямой и широкий, голенище короткое, до колен. За Уралом, на юге и кое-где в центральной Башкирии сапоги носили главным образом в рабочее время. Мягкие сафьяновые сапоги, *ситек*, зажиточные башкиры носили только дома, выходя же из избы они надевали поверх них кожаные туфли (*ката*, 139, *б*), обыкновенные или без задников (*кибес*), а то и просто резиновые галоши. Кроме того, у башкир распространены были и глубокие кожаные галоши (рис. 139, *в*) собственного изделия на толстой подошве, с каблуком, обычно подбитым подковкой или гвоздями. Нередко такие галоши надевались прямо на чулок.

Была еще специальная обувь, сравнительно мало распространенная, так называемые *бышымлы сабата*, *бышымлы кынйырак* и *ката*. *Бышымлы сабата* – это те же лапти, но только плотнее сплетенные из толстых полос лыка, прикрытых берестяными лентами, вверху же по краю к ним было пришито сукно, затягивающееся шнурком вокруг ноги (рис. 140, *а*). Встречались они почти исключительно на крайнем северо-западе и употреблялись, подобно *бышымлы кынйырак*, на охоте зимой, особенно при ходьбе на лыжах, а отчасти на работах. *Бышымлы кынйырак* состояли из ме-

[183] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 151.

ховых (из конских кисов) головок и суконной обшивки (рис. 140, *б*). Носились так же, как и *сабата*, с соломенной или травяной подстилкой. Встречались они преимущественно у северных башкир (у айлинцев, таныпцев, у гайнинцев с уранцами и в низовье р. Белой). В центральной Башкирии, главным образом у табынцев, бытовал еще особый вид *ката*, состоящий из кожаных головок на подметках с пришитыми к ним коротенькими (всего сантиметров 10—12) двойными холщевыми голенищами (*киндер куҙыс*), затягивающимися вокруг ноги шнурком; вместо холщевых голенищ бывали и суконные (*бысым*), также затягивающиеся шнурком.

Кроме упомянутой обуви, зимой башкиры носили еще валенки и валеные галоши, которые они покупали на базарах. Этот род обуви среди башкир был распространен мало.

Помимо вязаных (*бәйләм ойоҡ*) и суконных чулок (*тула ойоҡ*), мужчины носили еще и копемные чулки (*кейеҙ ойоҡ*). Валялись эти чулки из белой овечьей шерсти и носились только зимой. Спорадически встречались они повсюду, за исключением северо-востока, где их не было совсем. Относительно суконных же мужских чулок следует заметить еще, что иногда (у молодоженов) они украшались вверху узором. По краю накладывалась полоса черной или зеленой материи, на которую нашивался узор, вырезанный из красного сукна. Такие расшитые чулки носили главным образом на северо-востоке.

Вместе с чулками, а чаще без них, носили башкиры и онучи (*сылғау*). Хотя с начала XX в. онучи настолько широко распространились среди башкир, что местами вытеснили уже чулки, они вряд ли были особенно характерны для их одежды, ибо были районы, где их совсем не носили. Онучи делались из холста, носились летом и нередко под чулками; бывали и суконные онучи, которые надевались преимущественно зимой. В западной и северо-западной Башкирии различали два рода онучей в зависимости от размеров и обуви, с которой их носили. С сапогами одевали небольшие и короткие *сылғау*, с лаптями же длинные — *ыштыр*. Наконец, следует упомянуть еще о вышитых онучах (*селтәрле сылғау*). Встречались они главным образом у северо-восточных башкир, делались из красной материи и вышивались на концах разноцветными шелками. Такие онучи носили только молодожены.

Переходя к описанию женской одежды, следует отметить, что нагольные тулупы, о которых речь была в начале главы, женщины носили весьма редко. Объясняется это тем, что беднота зимой обходилась без таких тулупов, а состоятельные старались завести шубы и покрыть их, если не хорошим сукном, то среднеазиатской полушелковой материей.

Обыкновенная женская *бәрән тун*, хотя была и просторна, но шилась всегда в талию, с небольшим стоячим воротом и непременно покрывалась сверху материей. Запахивалась она на левую сторону, завязывалась в поясе на шнурки, пришитые внутри и у края, застегивалась на одну пуговицу. Никаких других завязок или пуговиц не было. В отличие от мужской женская шуба никогда не подпоясывалась. Кроме шуб на бараньем меху, особо ценимой женской башкирской шубой, доступной только зажиточным, была так называемая *басә тун* — шуба на меху из лапок лисицы, покрытая среднеазиатской полушелковой материей (*әҙрәс* или *батинай*), отделанная мехом выдры (*камалы тун*, от слова *кама* — выдра).

Такой же длинной, как и шуба, много ниже колен, была и другая верхняя одежда *ак сәкмән* или *бисәләр сәкмәне* (рис. 141). О покрое чекменя говорилось выше, отмечалось также и то, что он шился исключительно из белого сукна. Остается упомянуть только о некоторых деталях, касающихся его украшений. Об этих кафтанах И. И. Лепехин[184] писал, что сшиты они наподобие халата и по

[184] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 150.

Рис. 141. Женский чекмень – *ак сәкмән*. Карагай-кипчаки

краям в два ряда унизаны бывают бисером, а впереди бисером обшиты и петлицы.

Как и мужской, этот *сәкмән* не имел никаких застежек или завязок, запахивался на любую сторону, но в отличие от мужского никогда не подпоясывался. На концах рукавов, кругом по краю ворота, по бортам и по подолу он обшивался широкой полосой красного сукна и узкой полоской желтой или зеленой материи. По бортам же и в особенности на спине ниже ворота нашивались еще вырезанные из цветного сукна треугольники и квадратики, а также спирально изогнутые полоски цветного сукна. Кроме того, на плечах, на концах рукавов, на спине, вдоль борта и по подолу вышивались цветной шерстью звездочки, треугольники; нашивались и фигурки, вырезанные из цветного сукна с бахромой. Подобного рода *сәкмән* носили взрослые девушки и молодые женщины; пожилые женщины свои кафтаны не украшали.

Другой женский костюм, по покрою близкий к *сәкмән*, — *елән* — отличался от мужских халатов тем, что шился несколько в талию и был не так широк. В зависимости от материала и количества украшений женские халаты бывали весьма разнообразны, начиная от совершенно простых общедоступных матерчатых, почти без украшений (рис. 142, справа) до щегольских бархатных, богато украшенных халатов состоятельных горных башкир. Материалом для халатов чаще всего служили черные бумажные материи (ластик, памбук и проч.), редко они бывали из яркой полушелковой материи и иногда, как сказано, из черного плиса или бархата. Шились они в отличие от *сәкмән* всегда на подкладке и нередко имели на груди металлическую застежку (*каптырма*) с подвесками; если застежки не было, полы свободно опускались вниз, оставляя открытой грудь.

Рис. 142. Башкирки в рубахе и халате. Минцы

Костюм этот украшался более других: по краям на груди нашивались полоски красного или зеленого сукна; красная полоса была нашита кругом по краям бортов, по подолу и на концах рукавов; кроме того, они обшивались в несколько рядов полосами мишуры или позумента, широкими вокруг шеи и на груди и сравнительно узкими по подолу; по краю позумента нашивались мелкие серебряные монеты, металлические штампованные бляхи и нити кораллов. В наиболее разукрашенном виде халат этот встречался в богатых семьях бурзян, кипчаков и других. Там, помимо прочих украшений, нашивались особые наплечники (*яуырынса*) из позумента вроде эполет и сзади, на спине, у пояса, — ложные позументные карманы (*бөйөрлөк*). Вверху на спине была

нашита иногда еще золотая или серебряная бахрома (*елән елкәлеге*). Если прибавить к этому особые подвески *сулпы* и ряды коралловых (*мәрйен*) треугольников с монетами, то станет ясно, что к украшению этого костюма башкирки прилагали особое старание. В зависимости от характера украшений различали: халат, украшенный мишурой (*укалы елән*, рис. 143), серебряными монетами (*тәңкәле елән*), жестяными узорчатыми бляхами (*кумбаҙлы елән*) и канточным сукном (*соғалы елән*).

Вместо *елән* башкирки иногда носили и другой верхний костюм — *бишмәт*. Покрой его был такой же, как и мужского. Он был длинен, плотно облегал талию и застегивался на пуговицы. Носили *бишмәт* повсюду, только местами, например в горах и за Уралом, преобладали *елән*, в остальных же местах гораздо больше носили *бишмәт*. Иногда *бишмәт* шился не только на подкладке, но и простегивался ватой.

Рис. 143. Башкирка в халате, украшенном мишурой — *укалы елән*. Сылы-минцы

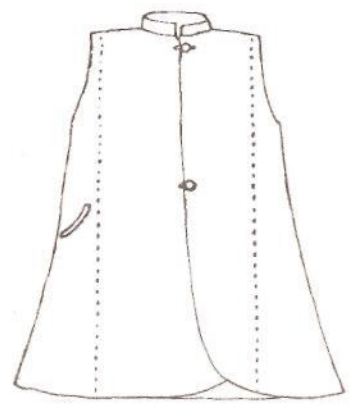
Изредка женщины, но только молодые, носили и *кәзәки* с длинными рукавами. Покрой его был совершенно такой же, как и *бишмәт*, только немного уже и короче. Что касается района распространения *кәзәки*, то последний сравнительно редко встречался совместно с *бишмәт*, там же, где *бишмәт* носили сравнительно мало, например в горах Южного Урала, *кәзәки* встречался чаще совместно с *елән*.

О холщевом кафтане северо-западных башкирок *сыба* упоминалось раньше. От мужского он отличался только цветом (красный с черными полосками или синий с белыми); как и мужской, носился поверх *бишмәт* или сорочки при различных работах.

Вопреки утверждениям некоторых авторов[185], будто бы башкирки нигде, даже по окраинам, не носили безрукавок, костюм этот встречался во многих районах. Правда, в горах Южного Урала и особенно на восточном его склоне, а также в прилегающей к нему лесостепи *камзул* женщины носили редко, а в некоторых деревнях его совсем не было (инзер-катайцы, тамьян-тангаурцы, бурзяне и проч.). Местами (карагай-кипчаки) *камзул* носили только старухи.

По покрою женская безрукавка существенно не отличалась от мужской, только внизу она была шире. Плотно облегая бюст, от талии она сразу расширялась. Хотя женский *камзул* мог быть и длиннее мужского, он никогда не достигал колен. Застегивался он на две пуговицы — у короткого стоячего ворота и у пояса; запахивался чаще на левую сторону; у правого бока обычно бывал небольшой косой карман (рис. 144). Шился *камзул* чаще всего из черной материи (ластика, манчестера и проч.), из полушелковой среднеазиатской материи (*әҙрәс*), богатыми — из бархата и всегда на

Рис. 144. Покрой женского *камзул*. Гайнинцы



[185] *Назаров И. С.* К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. 1890. № 1. С. 182.

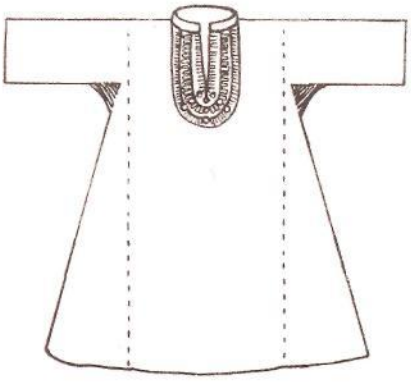


Рис. 145. Покрой женской рубахи *күлдәк*. Бурзяне

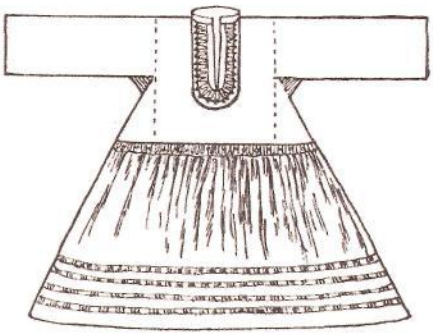


Рис. 146. Покрой женской рубахи *күлдәк*. Гайнинцы

Рис. 147. Покрой женской рубахи *күлдәк*. Гирей-кипчаки

ситцевой подкладке. У ворота, по бортам и по подолу нередко обшивался позументом и украшался мелкими серебряными монетами и кораллами. *Камзул* башкирок северо-западной половины Башкирии несколько отличался по покрою от общераспространенного. Его полы не заходили одна за другую и не закрывали грудь, а спускались вниз прямо от плеч, подобно полам халата.

Из нательной плечевой одежды башкирки носили сорочки (*күлдәк*) и нагрудные повязки (*түшелдерек, күкрәксә*).

Подобно мужчинам, женщины-башкирки в XVIII столетии носили рубахи из грубого холста. В середине прошлого столетия, по словам В. М. Черемшанского[186], наиболее распространенными были женские рубахи из синей или красной холщевой пестряди, хотя и тогда уже начали появляться сорочки из фабричных тканей (бязевые и ситцевые). В начале XX в. холщевых рубах башкирки уже не носили.

По покрою и украшениям можно различить несколько типов женских рубах. Наиболее простым и древним покроем отличались рубахи старух у зауральских башкир. Эти рубахи туникообразного покроя шились из целой полосы материи без швов на плечах; по бокам, ниже прямых и широких рукавов, вшивалось по одному цельному клину, а под рукавами по ластовке. На груди имелся довольно длинный прорез, вокруг которого дугообразно было нашито несколько полос разноцветных полушелковых лент, а иногда и несколько серебряных монеток внизу (рис. 145). Низенький и мягкий стоячий ворот застегивался крючком (*элмә*), пришитым к правой стороне, или завязывался тесемкой (*ыңырбау, изеүбау*). Никаких других застежек на груди, как и вообще на рубахах башкирок, на рубахе старух не было. Рубахи пожилых женщин отличались и по цвету ситца, из которого они были сшиты: они всегда бывали или белые, или реже из какой-нибудь темной однотонной материи, тогда как молодые женщины предпочитали пестрые материи ярких цветов.

Рубахи молодых башкирок в горах, в Зауралье и на юге имели несколько иной покрой. Эти сорочки состояли из двух частей: верхней, такого же покроя, как и у старух, и нижней, как бы юбки, не имеющей клиньев и собранной в сборы у пояса. Между этими обоими частями обычно вставлялась узкая полоска (*итәк*) какой-либо материи яркого цвета, отличного от цвета самой сорочки. Внизу по подолу нашивалась узкая разноцветная тесьма несколькими параллельными полосами или в виде узора, иногда подол вышивался тамбурным швом. Такими же тесемками или тамбурным швом обшивались и концы рукавов, вокруг разреза на груди была та же обшивка из лент (*изеү*). Невысокий, чаще стоячий, ворот застегивался на две пуговицы (*һәҙәп*) или на два крючка (рис. 146); реже ворот бывал отложной и завязывался шнурком.

Третий тип женской рубахи, характерный для центральной, уфимской, Башкирии и северо-западной ее части, в ос-

[186] *Черемшанский В. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. С. 155.

новных чертах был похож на только что описанный, но усложнен различными вставками и украшениями. В этой сорочке верхняя часть шилась также из цельного куска материи, без швов на плечах; по бокам были вставлены клинья и вшиты ластовки из яркой материи, отличной по цвету от материи рубахи. Нижняя часть, собранная в сборки, и здесь кроилась отдельно и пришивалась к верхней, но поверх шва была пришита (рис. 147) широкая (около 20 см) полоса оборки (*коршау*). Внизу оборка обшивалась одной или двумя полосками цветной ленты, а выше ее нашивались две более широкие полосы (*аҫкы итәк*) ярких лент. Подобными же лентами обшивался и нижний край подола. Вокруг разреза на груди пришивались мелкие серебряные монеты; высокий стоячий ворот застегивался на крючки.

То обстоятельство, что башкирская женская сорочка состояла из двух частей, широкой верхней, которую можно сравнивать с кофтой, и нижней, пришитой к ней, юбкой, а также то соображение, что она никогда не носилась в штаны, дает повод некоторым авторам называть ее платьем, сарафаном.

Украшением цветных женских сорочек в начале XX в. был упомянутый выше тамбурный шов и разводы из нашитых тесемок. Между тем, П. С. Паллас[187] писал, что в его время полотняный сарафан башкирок вышивался на воротнике и на рукавах. После него, в середине прошлого столетия, В. М. Черемшанский[188] отмечал, что *күлдәк* башкирки украшали всевозможными шелковыми и бумажными вышивками. П. С. Назаров[189] высказывал предположение, что эти вышивки шелком исполнялись наподобие *нарауыс* (см. гл. XII). Во всяком случае женская башкирская сорочка за последние полтора столетия претерпела, по-видимому, сильные изменения. Первоначально цельная, впоследствии она начала шиться из двух отдельно скроенных частей, верхней и нижней; небольшой отложной воротник, завязывавшийся шнурком и встречавшийся еще в конце XIX в. на рубахах старух, почти повсеместно в начале XX в. заменился сравнительно высоким стоячим, на пуговицах или на крючках. Постепенно начали исчезать *изеү* и другие украшения и оборки.

Другой нательной женской одеждой была нагрудная повязка *тушелдерек* или *күкрәксә*. Это кусок ситца (примерно 30х40 см) с двумя загнутыми вверху углами и нашитым прямоугольным куском цветной материи (кумача или коленкора), с вышитым на нем цветными бумажными нитками узором, тамбуром или узелками (рис. 148, 149). К углам этого лоскута пришиты завязки, верхние завязывались сзади на шее, а нижние — в поясе на спине. Цель этой одежды — прикрыть грудь, так как прорез рубахи, ничем не застегнутый, оставлял грудь открытой. Путешественники конца

Рис. 148. Нагрудная повязка – *тушелдерек*.
Инзер-катайцы

Рис. 149. Нагрудная повязка – *тушелдерек*.
Гирей-кипчаки

[187] *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1786. Ч. 2. Кн. 1. С. 98.

[188] *Черемшанский В. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. С. 155.

[189] *Назаров П. С.* К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. 1890. № 1. С. 181.

XVIII столетия о нем не упоминают; впервые о *күкрәксә* писал В. М. Черемшанский.

Маленькие девочки и старухи нательной повязки на груди нигде не носили. Были деревни в некоторых башкирских дачах (зауральские катайцы, карабарын-табынцы, степные тамьян-тангаурцы и проч.), где нагрудных повязок не носил никто. В других дачах, преимущественно за Уралом (салзаутцы [*яльютцы*], бала-катайцы, барын-табынцы, зауральские катайцы, карагай-кипчаки, бушман-кипчаки, тамьян-тангаурцы и отчасти минцы), девушки не носили этих повязок до наступления половой зрелости или до выхода замуж, однако встречались и замужние женщины, которые их не носили. Местами, например, смежные с барын-табынцами катайцы восточного склона Урала перестали носить *тушелдерек* в конце XIX в. Говоря вообще, эту повязку, известную в северо-западной половине Башкирии под именем *күкрәксә* и *тушелдерек*, в юго-восточной и отчасти в северо-восточной, зауральской, ее половине хотя местами и надевали на девочек, начиная лет с шести-восьми, но, как правило, она носилась постоянно лет с двенадцати-пятнадцати, т. е. приблизительно с возраста наступления у башкирок половой зрелости. Ношение нагрудной повязки под сорочкой могло возникнуть только из соображений стыдливости, непроизвольной или внушенной, и, как следствие ее, желания прикрыть грудь. Отсутствие повязки там, где мы ее не находим, легко объясняется, помимо других соображений, употреблением костюмов, застегивающихся и наглухо прикрывающих грудь, таких, как *камзул*, *бишмәт* или *кәзәки*, а также нагрудных украшений, носимых поверх сорочки. Украшения этого рода у башкирок были весьма разнообразны.

Прежде, однако, чем приступить к обзору башкирских нагрудных украшений, следует сказать несколько слов об украшениях шейных, так как нагрудные, по крайней мере часть из них, развились из шейных. Интересно, что шейные украшения встречались главным образом у западных башкир и отчасти у центральных; к востоку от Урала их совсем не носили. При этом подобного рода украшения у башкирок были весьма малочисленны. Сюда относятся прежде всего бусы (*төймә*), чаще коралловые (*мәрйен төймә*), реже стеклянные или из янтаря (*гәрәбә төймә*). Говоря вообще, башкирки, как замужние женщины, так и девушки, бусы носили весьма редко. Гораздо чаще они надевали на шею ожерелье или, вернее, ошейник из полосы бархата, застегивающейся спереди серебряной пряжкой (*сылбырлы каптырма*) с подвесками (*сүк*). Ошейник этот под названием *каптырма* или *муйынса* встречался у северо-западных башкир, у центральных и горных он известен был под именем *сылбырлы каптырма* или *ягалык*.

Переходными от шейных к нагрудным украшениям являлись, во-первых, настоящее ожерелье *һырга*, или *муйынса*, *муйынтаңкәһе*, а затем *теркәмә* или *теркәмә һырга*. Последнее состояло из отдельных крупных серебряных монет, скрепленных между собой гравированными металлическими бляшками (нередко со вставками стекла или агатов) и металлическими колечками, и надевалось на шею при помощи дужки, гнутой из толстой проволоки, с петлей на одном и крючком на другом конце. Украшение это встречалось только в западной половине Башкирии, а именно у минцев, табынцев, и далее по левую сторону р. Белой, по правой же оно известно было у западных кудейцев и у канлинцев Куюковой тюбы. Другое нашейное украшение *теркәмә* мне пришлось видеть только в центральной Башкирии (а именно у табынцев). Оно состояло из довольно узкой полулунной формы полоски материи, обшитой с наружной стороны вверху позументом (*ука*), ниже которого на материю были нашиты в два-три ряда мелкие серебряные монеты. В том случае, когда *теркәмә* несколько увеличивалась в размерах и принимала форму квадрата или продолговатого прямоугольника, получалось уже нагрудное украшение.

Такие именно нагрудники из куска материи с нашитыми на них монетами, их имитацией, узорчатыми бляхами, пуговицами и проч. встречались довольно часто под различными наименованиями в центральной части Башкирии и в северной (упейские и больше-кущинские башкиры). Впрочем, гораздо чаще бытовал несколько иной вид этого украшения: на куске материи лопатообразной формы нашивались два-три дугообразных ряда полос материи или ленты, совершенно так же, как делалась обшивка (*изеү*) нагрудного разреза женской сорочки. На эти цветные полосы или ленты нашивались как крупные, так и мелкие серебряные монеты, а за неимением последних просто круглые металлические штампованные бляхи. Нередко такого рода нагрудник бывал обшит позументом (*ука*). Чаще всего он назывался так же, как и обшивка разреза сорочки, *изеү*, нередко с прибавлением приставки *ука* (*ука изеү*), или *түшелдерек*. Чаще всего этого рода украшение встречалось в южной, к югу от р. Белой, Башкирии, хотя оно известно было и в низовьях р. Белой. У северо-западных башкир (например, гайнинцев) это нагрудное украшение превратилось уже в так называемый *утырма уңер*, роскошный нагрудник богатых женщин из бархата с нашитым на нем позументом и крупными серебряными монетами.

Все только что перечисленные нагрудные украшения встречались у башкир спорадически, и неясно, в какой мере они характерны для них. Несомненно, типичнее и оригинальнее другая группа нагрудных украшений башкирских женщин, состоящая из кораллов и монет: *һакал*, *селтәр* и *яға*.

Һакал (рис. 150) существенно отличался от других видов нагрудника тем, что он всегда имел лопатообразную форму и закрывал всю грудь, доходя до пояса и даже ниже. Это был кусок двойной материи, обшитой кругом несколькими рядами коралловых нитей (*мәрйен*), а на середине сплошь зашитый или старинными серебряными копеечками на более старых *һакал*, или мелкими серебряными монетками на более новых. Кругом по краю *һакал* обшивался сплошным рядом шаровидных агатовых пуговиц и серебряными украшениями, имеющими вид бубенчиков, ажурных шариков и проч. Как и другие нагрудники, *һакал* надевался на шею при помощи завязок, пришитых к его верхним углам, или особой полосы, пришитой к верхнему краю нагрудника. Район распространения этого типа нагрудника в начале XX в. был довольно ограничен; такой нагрудник был характерен только для центральной Башкирии и встречался у минцев, табынцев, инзер-катайцев и карагай-кипчаков по левую сторону р. Белой. В последней четверти XIX в. он встречался и южнее — у западных бурзян, кипчаков и усерган.

Другой коралловый нагрудник *селтәр* (рис. 151) существенно отличался от *һакал* тем, что имел прямоугольную, книзу немного расширенную форму и состоял из двух частей: верхней матерчатой, сплошь зашитой кораллами, и нижней, коралловой сетки, свободно лежащей на подстилающей ее материи. Раньше *селтәр* шился из холста, выкрашенного

Рис. 150. Башкирка в головном уборе *кашмау* и нагруднике *һакал*. Минцы

Рис. 151. Башкирка в головном уборе *кашмау* и нагруднике *селтәр*. Тамьян-тангаурцы

Рис. 152. Башкирки с нагрудными украшениями *яга* и девочки с нагрудным украшением *әмәйзек*. Катайцы

в красный цвет, а в конце XIX в. — из красной материи фабричного производства. Между верхней его частью и нижней сеткой вшивался обычно один или несколько рядов мелких серебряных монет, а сетка всегда кончалась бахромой (*төйөк*) из коротких нитей кораллов с серебряными монетками на конце. По верхнему и боковым краям *селтәр* часто обшивался цепочкой, а несколько отступя от края, между кораллами вшивалась полоса серебряных монеток. Кроме того, в верхней части между кораллами были вшиты еще старинные серебряные рубли, а иногда и агаты в металлической оправе. Район распространения *селтәр* ограничивался только югом, примерно до широты г. Стерлитамака. По западную сторону Урала он встречался у южных минцев, табынцев и юрматынцев; за Уралом — у степных кубелякцев, тамьян-тангаурцев и бурзян; на юге — у тамьянцев, кипчаков с бурзянами, местами он бывал и у усерган. Имелся еще сравнительно небольшой район, где в конце XIX в. *hakал* и *селтәр* носились вместе. В данном случае *hakал* делался меньших размеров и носился на животе, ниже нагрудника *селтәр*. Такое совместное ношение этих двух украшений можно было считать характерным для башкирок юрматынского рода.

Третьим видом кораллового нагрудного украшения, как сказано, была *яга*. Подобно *селтәр*, она имела четырехугольную, расширяющуюся книзу форму, с вырезом вверху для шеи. Основой ее являлась та же двойная, обычно простеганная, красная материя, на которой уже по всей ее поверхности была нашита коралловая сетка, оканчивающаяся коралловой бахромой (*төйөк*) с серебряными монетками на конце. По бокам у края *яга* после двух-трех нитей кораллов нашивалось два или три ряда мелких серебряных монет, а у верхнего закругленного края пришивалось несколько рядов мелких и крупных монет, от которых на сетку нависали

четыре-пять матерчатых полосок с нашитыми на них крупными, преимущественно старинными монетами (рис. 152).

В отличие от *селтэр*, который обычно повязывался на шее при помощи матерчатых тесемок, пришитых к его верхним углам, к шейному вырезу *яға* пришивалась полоса материи сантиметра два шириной (род ошейника или воротника), зашитая спереди кораллами и монетами, застегивающаяся сзади на крючках или завязывающаяся тесемками. Иногда и к нижним углам *яға* бывали пришиты тесемки, завязывающиеся сзади вокруг талии. Район распространения *яға* ограничивался северо-восточной частью башкирского края. *Яға* бытовала у зауральских катайцев, у кара-барын-табынцев, отчасти у кубеляк-телевцев и у горных бурзян, у инзер-катайцев, у некоторых из айлинцев и у восточных кудейцев.

Все вышеописанные три вида нагрудных украшений, равно как и ранее упомянутые, надевались поверх сорочки или *камзул*, но отнюдь не поверх *елән*. Поверх этих нагрудников башкирки надевали еще и иные украшения, но прежде чем перейти к описанию их, остановимся на одном старинном украшении, которое мне назвали *киндер такыя*, хотя я сомневаюсь в правильности такого названия и думаю, что это был род *шҙлек*, о котором речь будет ниже.

На северо-восточном склоне Южного Урала у барын-табынцев мне удалось найти остов этой принадлежности женского костюма. Скроен он из цельного двойного куска холста и состоит из большого и малого кусков ткани, с продолговатым, овальным вырезом посредине для шеи. Передняя половина этого убора, надетого на плечи, имеющая вид передника, прикрывала все туловище; задняя же, более короткая и узкая, закрывала только часть спины выше пояса (рис. 153).

Края снаружи обшиты довольно широкими полосами красной материи, а судя по остаткам кораллов и ниток можно думать, что эти полосы были сплошь зашиты кораллами, что подтверждали и барын-табынцы. Вся поверхность была зашита старинными серебряными копейками, остатки которых местами еще уцелели, а между копейками были вшиты в несколько рядов старинные рубли и полтинники. Внизу по краю этот убор был, по-видимому, обрамлен коралловой сетчатой бахромой с монетками на концах ее нитей.

Является, впрочем, сомнение относительно способа ношения этой одежды или, точнее, украшения. Если ее носили так, как сказано выше, а барын-табынцы не могли дать мне более точные сведения, то шейный вырез на груди слишком велик, и вместе с этим убором должен был носиться еще и нагрудник, прикрывающий этот вырез. Вероятнее другое предположение, что украшение это носилось короткой полосой на груди и более широкой сзади, причем вырез на спине прикрывался лопастью, спускавшейся от головного убора, с которым мы подробнее познакомимся ниже и который назывался у северо-восточных башкир *башкейем*. В таком случае вышеописанное украшение могло носиться вмес-

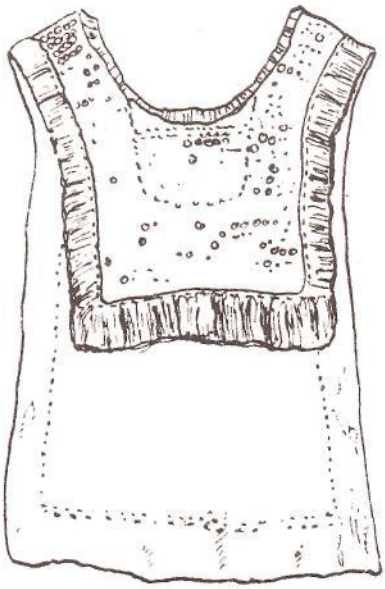


Рис. 153. Холщевая основа женского украшения – *киндер такыя*. Барын-табынцы

Рис. 154. Распорядительница праздника *каргатуй*. Барын-табынцы

те со старинным *башкейем*. В пользу последнего предположения говорит и еще одно весьма интересное обстоятельство. На весеннем празднестве тех же барын-табынцев в дер. Тунгатаровой мне пришлось видеть распорядительницу этого празднества в костюме, имитирующем, по словам барын-табынцев, старинный *башкейем*. На голове ее был надет невысокий цилиндрический колпак из картона, обшитый красной материей; спереди по краю, вверху и внизу, были нашиты жестяные кружки, заменяющие мелкие серебряные монеты, а посредине — большой, как старинный серебряный рубль, кружок (рис. 154). По бокам этого головного убора свешивались две жестяные подвески, хорошо имитирующие так называемые *сулпы*. На спине и груди распорядительницы свешивались два красных ситцевых платка, связанных концами на плечах. Оба эти платка снаружи были покрыты пришитыми к ним все теми же жестяными кружками, а на спине были даже две продолговатых пластинки с подвесками на концах (*сулпы*, или *сук*). Впереди, по нижнему краю, ниже узенькой тесемочки, нашит ряд мелких квадратных жестянок, а под ними бахрома, столь характерная для нагрудников, в данном случае вместо монет заканчивающаяся жестяными кружками на концах нитей. Для нас интересен, конечно, не материал этого костюма, ценна его форма, поскольку она может дать нам понятие о старинном башкирском *башкейем*.

У северо-восточных башкир (у сарт-калмаков и катайцев) было еще одно украшение, которое носилось на спине и плечах, но составляло одно целое с нагрудником *яға*, рассмотренным нами выше. Это украшение — *шҙәлек* — по своему происхождению может быть связано и с упомянутым выше так называемым *такыя*. Подобно *яға*, *шҙәлек* был продолговатым, книзу несколько расширяющимся прямоугольником, сшитым из двойного холста с каймой из красной материи, зашитой кораллами; остальная его поверхность была покрыта крупными и мелкими серебряными монетами, а внизу спускалась коралловая сетчатая бахрома с мелкими серебряными монетами. Ниже сетки пришиты три небольшие лопасти в ладонь величиной, одна посредине и две по углам, зашитые кораллами и серебряными монетами (рис. 155). Носилось это украшение на спине поверх кос и при помощи коротеньких наплечников, обшитых монетами и кораллами, соединялось с нагрудником (*яға*), составляя с ним одно целое.

Описанные выше женские украшения из кораллов и серебряных монет носились всеми башкирками независимо от материальной их обеспеченности. Разница заключалась в том, что у богатых украшения состояли из большего количества серебряных монет и кораллов, а у бедных из меньшего количества. У последних, кроме того, настоящие кораллы заменялись фабричной их имитацией, а вместо серебряных монет нашивались штампованные из низкопробного серебра или жести бляхи и подвески.

В северной половине Башкирии поверх нагрудника или просто поверх сорочки башкирки носили еще особые повяз-

ки, так называемые *әмәйҙек*, *дәүәт*, *хәситә*. В свое время на них было обращено внимание еще П. С. Палласом. В Исетской провинции он видел у женщин на груди «под бородою» нагрудник (*hakал*), точно такой, как и у прочих башкирок. «Однакож широкое и с переди через плечо как будто орден висящее украшение от части из мелких денег, а от части из кораль ков состоящее, и разными бездельными мелочами увешанное у других башкирок, коих я до сель видел, необыкновенно»[190]. *Әмәйҙек* надевался через левое плечо под правую руку во всю грудь; состоял он из довольно широкой (15—20 см шириной) полосы материи, зашитой рядами кораллов и мелких серебряных монет, с коралловой бахромой по нижнему краю, оканчивающейся монетками. Такой характер имело это украшение на северо-востоке, в бывшей Исетской провинции. На севере, к востоку от Урала, *әмәйҙек*, сохраняя свою форму, отличался как по материалу, так и в некоторых деталях. При этом только у айлинских, а отчасти у танып ских и кудейских башкир украшение это было известно под названием *әмәйҙек*, в северо-западном же крае Башкирии оно называлось *дәүәт*. Здесь кораллов уже не было и на полосу материи нашивались монеты, крупные агаты, вделанные в ажурные пластинки (*каш*); иногда *дәүәт* обшивался по краю полоской мишуры (*ука*), или, например у северо-западных башкир гайнинцев, он (*муйынса*) делался из широкой (сантиметров 5—6) полосы мишуры или позумента, на которую нашивались крупные серебряные монеты и их имитация.

В том же районе, где был в употреблении *дәүәт*, башкирки вместе с этим украшением или отдельно носили другую такую же повязку через плечо и грудь — *хәситә*, но она имела значение не только как украшение. На *хәситә* непременно бывали нашиты всевозможные *бетеү* (молитвы, изречения из корана, заклинания), различные талисманы и амулеты. Если *хәситә* носилась отдельно, она по форме и материалу почти не отличалась от *әмәйҙек*. Если же ее пришивали внизу к *дәүәт*, что бывало чаще, она представляла собой продолговатый, в большинстве случаев прямоугольный кусочек материи с нашитыми на него талисманами и украшениями.

До известного возраста девочки ходили с непокрытой головой, особенно летом. Девушки заплетали волосы в одну косу, замужние женщины — в две косы и непременно вплетали в них длинные шнуры (*сәсбау*)[191], оканчивающиеся крупными монетами, которые на северо-востоке назывались *сәс тәңкәһе*. Пожилые женщины и девушки вплетали в косы *каралык* — шнур, оканчивающийся четырьмя или пятью плетеными шнурками с кистями на конце, у старух — черными, у девушек — из разноцветной шерсти. Очень часто молодые женщины и особенно девушки носили в косах так называемые *сулпы*, ажурные или узорчатые металлические подвески с монетами и вставками из цветных стекол и кам-

Рис. 155. Башкирки с нагрудниками (*яға*) и наспинниками (*шңәлек*). Катайцы

[190] *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1786. Ч. 2. Кн. 1. С. 98.

[191] *Назаров П. С.* К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. 1890. № 1. С. 182.

Рис. 156. Подвески – *сулпы*. Тангаурцы

Рис. 157. Украшение для косы – *елкәлек*. Гайнинцы

ней (рис. 156). Нередко вместо этих подвесок к косам или вместе с ними у замужних башкирок-хозяек висели ключи от ящиков.

Специально девичьими украшениями волос были *сәсмәү*, *елкәлек* и *аркалык*, известные местами под названием *сәс тәңкәһе*.

Сәсмәу состоял из нескольких (от 4 до 16) нитей разноцветных бус, стеклянных или коралловых; нити были скреплены между собой в нескольких местах продырявленными ремешками или оловянными пластинками, в отверстия которых они были продеты. Вверху нити сходились в один недлинный шнурок, прикрепляющийся к косе, а внизу оканчивались разноцветными шелковыми или шерстяными кистями. Длина *сәсмәү* была довольно значительна — от 40 до 65 см. Район распространения *сәсмәү* обнимал все восточное Зауралье, горы Южного Урала, южную и центральную часть башкирского края не севернее параллели г. Уфы.

Другое украшение — *елкәлек* — имело несколько меньший район распространения. Вместе с *сәсмәү* оно встречалось в южной половине Башкирии к югу от параллели г. Уфы и в горах, а также в южном Зауралье, в северо-восточной же его половине этого украшения не носили. *Елкәлек* носился девушками на затылке поверх косы. Это был продолговатый, вверху закрученный лоскут материи (нередко бархат) на толстой подкладке, величиной в ладонь или немного больше, сплошь зашитый кораллами или разноцветным бисером, обыкновенно с крупным агатом (*акык*) посредине или вверху. По нижнему краю его нашивалась бахрома из цветных шерстяных ниток (рис. 157).

Насколько *елкәлек* был характерен для башкир юга и востока, хотя он уже и выходил из употребления, настолько для северных и западных был типичен *аркалык* или *сәс тәңкәһе* центральной Башкирии. Состояло это украшение из узкой и длинной полосы цветной (желтой, зеленой, красной) материи, в два ряда зашитой мелкими серебряными монетами, с крупным агатом в ажурной оправе или металлической бляхой наверху. Внизу *аркалык* пришивались обычно известные уже нам подвески *сулпы*. Это украшение девушки повязывали так, что оно спускалось поверх косы от затылка до пояса и ниже (рис. 158).

Только что перечисленные украшения, как сказано, носили девушки; у замужних женщин, пожалуй, только один *кашмау* может быть сопоставлен с этими украшениями, да и этот последний в начале XX в. выходил уже из употребления. Ознакомиться с *кашмау* удобнее будет совместно с другими, давно вышедшими из употребления старинными головными уборами, так как он с ними несомненно связан, если не общностью происхождения, то во всяком случае совместным ношением.

Благодаря счастливой случайности, некоторые из этих старинных головных уборов были доставлены на упоминавшуюся Антропологическую выставку в Москве. Эти уборы описаны мной ниже. Кроме того, имеются весьма ценные сведения об этих головных уборах в описаниях путешествен-

ников конца XVIII столетия, к которым прежде всего и обратимся. «Головный их (башкирок. — *С. Р.*) убор, — читаем мы у И. И. Лепехина[192], — так же как и у татарок, называется *кашпау* (*кашмау*. — *С. Р.*), и вся разность состоит в том, что кроме сего *кашпау* надевается еще вершок, фигуру конуса имеющий, которой по произволению складывать и накладывать можно. От *кашпау* с зади попускается лопасть, унизанная серебряными копейками, которая так же со всем сходна с татарскою у живущих башкирок по Нагайской дороге, а по Сибирской дороге кочующия несколько разнятся. Оне кроме задней от *кашпау* лопасти (*кашпау кайрюк*) попускают во всю спину широкую лопасть, унизанную так же серебряными копейками и бисером с многими подвязками и называют *амьян*». Тот же *кашмау* П. С. Паллас[193] называет *чашбау* — мелкими серебряными деньгами усаженную шапку, которую они надевают поверх покрывала (*маҫтар*), а под бородой подвязывают ремешком. И. Г. Георги[194] различает уже шапку, которую носят девушки «с завостренным длиною в пядень затыльником (вероятно, *елкәлек* или что-либо подобное. — *С. Р.*), который так же, как и самая шапка, покрывается монетами или корольками. Замужния бабы носят сверьх такой шапки покрытой подобным образом начельник» (вероятно, разумеется *кашмау*). Позднее В. М. Черемшанский[195] дает более обстоятельные сведения об этих головных уборах. Он говорит, что башкирки носят шапочки, унизанные красным бисером, кораллами и увешанные мелкими серебряными или оловянными монетами. Убор этот у кочевых башкирок назывался *кашбау*, а у оседлых (Мензелинский и Бирский уезды) — *такыя*. Более щегольской убор, по его словам, назывался *кәләпуш*; он состоял из шлемообразной чешуйчатой шапки с длинным широким хвостом (*олон*) и сплошь был унизан серебряными монетами, а хвост — раковинами, разноцветным бисером и разного рода монетами. В описаниях коллекций Румянцевского музея[196] о *кәләпуш* говорится всего несколько слов.

Этими сведениями и исчерпывается все то, что мы знаем о старинных головных уборах башкирок.

Обратимся теперь к тем материалам и сведениям, которые удалось собрать мне лично. Начну с *кашмау* (*чашбау* — П. С. Палласа, *кашпау* — И. И. Лепехина, *кашбау* — В. М. Черемшанского), который еще в начале XX в. носили во многих местах башкирского края.

Кашмау был головным убором замужних женщин. Состоял он из собственно *кашмау* (рис. 150 и 151), рода чепца, зашитого кораллами, и длинной лопасти (*кашмау койрок*, или *олон*), пришитой сзади к *кашмау* и спускающейся поч-

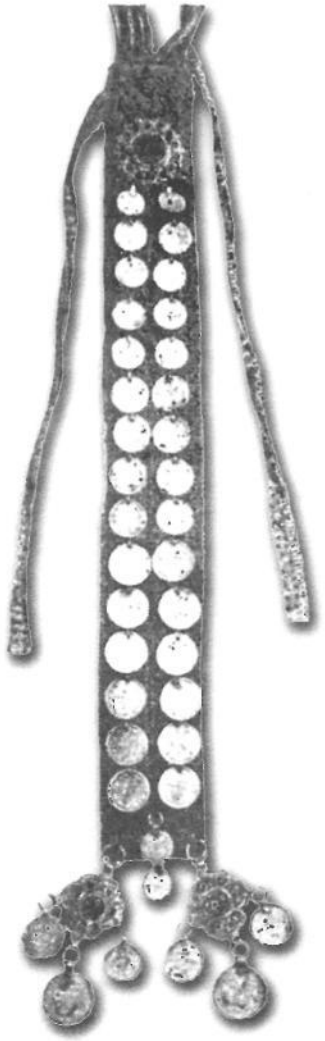


Рис. 158. Украшение для косы — *аркалык*. Гайнинцы

[192] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 150–152.

[193] *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1786. Ч. 2. Кн. 1. С. 98.

[194] *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. 1. С. 103.

[195] *Черемшанский В. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. С. 156.

[196] *Миллер В. Ф.* Систематическое описание коллекций Дашковского Этнографического музея. М., 1887. Вып. 1–4.

Рис. 159. Налобная повязка – *нарауыс*. Куль-минцы

ти до пола. Самый чепец шился из холста и покрывался красной материей, причем он закрывал только часть головы и затылок, темя же все оставалось открытым. На макушке вокруг отверстия на материю нашивались кораллы и ряд-два мелких серебряных монет (раньше серебряные копеечки), от которых спускалась бахрома из нитей кораллов с рядом серебряных монеток на конце; кораллы закрывали всю матерчатую часть *кашмау*, оставляя открытым лицо. К нижним концам бахромы прикреплялись обычно *сулпы*, с которыми мы познакомились раньше, а посередине и по бокам на нее нависали три или пять серебряных подвесок (*сук*) из листовидных пластинок, соединенных между собой колечками. Сзади *кашмау*, на затылке, кораллов не было, а на материю нашивались крупные серебряные монеты или металлические узорчатые бляхи (*каш*). Спускающийся от *кашмау* по спине *койрок* чаще всего делался из шерстяной ткани домашней работы или из сукна, окрашенных в красный цвет мареной (*кызыл буяу*), всегда на подкладке, чаще всего холщевой. Иногда он шился из холста, выкрашенного в красный цвет, а то и просто из красной базарной материи. Ширина *койрок* была небольшая (около 15 см); по краям сверху донизу на него были нашиты два непрерывных ряда ракушек (Cyrtaea moneta, *кортбаш*), а вся средняя часть запивалась разноцветным бисером, расположенным в виде определенных геометрических фигур (квадратов, ромбов, треугольников) с раковинками между ними или внутри их. Заканчивался *койрок* бахромой из разноцветных шерстяных ниток. Надевался *кашмау* непосредственно поверх волос и застегивался под подбородком при помощи особой пряжки (*каптырма*). В былые времена лоб под бахромой повязывался особой, вышитой шелками повязкой, так называемой *нарауыс* (рис. 159). В начале XX в. *кашмау* носили в южной половине башкирского края, в частности минцы, табынцы, юрматынцы, инзер-катайцы, тамьян-тангаурцы, бурзяне и кипчаки. В конце XIX в. его носили усерганe, тамьянцы, кубеляк-телевцы, а несколько раньше кара-барын-табынцы, айлинцы, кудейцы и каплинцы.

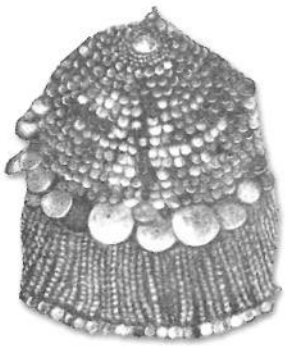
В середине прошлого столетия, по словам В. М. Черемшанского[197], *кашмау* носили и северо-западные башкиры, в уездах Бирском и Мензелинском, но называли его *такыя*. В данном случае В. М. Черемшанский, вероятно, ошибается. По единодушному утверждению башкир, с которыми мне приходилось беседовать, как зауральских, так и центральной части башкирского края, *такыя* назывался девичий головной убор, мало похожий на *кашмау*. Несомненно, что в старину *кашмау* носился вместе с другим головным убором, прикры-

[197] *Черемшанский В. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. С. 156.

вающим теменное отверстие *кашмау*. И. И. Лепехин называл его «вершок, фигуру конуса имеющий», а В. М. Черемшанский, как мы видели, описывает его, как шлемообразную чешуйчатую шапку с длинным широким хвостом, сплошь унизанным монетами, и называет его *кәләпуш*. Единственный образец этого головного убора, сохранившийся после Антропологической выставки, описан в каталоге Румянцевского музея под названием *тубә*, с предположением, что хвост его называется *кәләпуш*. Убор этот хорошо виден на рис. 160. Он действительно состоит из двух частей: колпакообразной шапочки, сантиметров около 15 высотой, и широкой, во всю ширину спины, полосы, наглухо пришитой к шапочке. На макушке шапки нашиты три концентрических кружка кораллов, внутри которых, по аналогии с *такыя*, была, по-видимому, металлическая шишечка с подвеской, ныне утерянная. Остальная поверхность шапочки сплошь зашита старинными серебряными копеечками. Спереди и с боков шапочки между копеечками вшиты от верхушки до нижнего края три ряда агатовых шаровидных пуговиц и серебряных шаровидных фигурок или в виде бубенчиков, иногда другой формы, подобной тем фигуркам, которые нашивались по краю нагрудного украшения *hакал*. Часть убора, спускающаяся от шапочки и закрывающая шею и спину, состоит как бы из двух частей. Верхняя часть из красной материи на холщевой подкладке по краю обшита такими же, как и шапочка, пуговицами и серебряными украшениями вместе с двумя нитями кораллов, нашитых параллельно краю; вся же остальная поверхность сплошь зашита серебряными копеечками, а посредине прикреплены металлические сплошные и ажурные бляхи со штампованным узором, стеклянными вставками, осыпанными мелкими камешками (несколько из этих блях утеряно). Нижняя часть этого убора сшита из того же материала, что и верхняя, и составляет ее продолжение, но копеечками зашита только по бокам, остальное же пространство ее расшито кораллами и круглыми металлическими бляхами, заменившими, по всей вероятности, нашивавшиеся раньше серебряные рубли. Внизу, под коралловой сеткой, подшита двойная шелковая бахрома. По словам башкир центральной Башкирии (т а б ы н ц ы), которым я показывал фотографию этого головного убора, весь этот убор у них назывался *кәләпуш*, а собственно шапочка — *тубә*. Северо-восточные же башкиры, которым принадлежал описанный экземпляр, называли мне его *башкейем*, прибавляя, что это только часть былого убора, а самую шапочку называли *картма*. Весьма вероятно, что это та «во всю спину широкая лопасть, унизанная также серебряными копейками и бисером с многими подвязками», которую, по словам И. И. Лепехина, башкирки Сибирской дороги носили на спине, кроме «*кашпау койрок*», которую он называл *амьян*, и которая есть не что иное, как только что описанная часть *кәләпуш*. В описании коллекции Румянцевского музея, составленном Миллером[198], головной убор из

Рис. 160. Женский головной убор – *кәләпуш*

[198] *Миллер В. Ф.* Систематическое описание коллекций Дашковского Этнографического музея. М., 1887. Вып. 1–4. С. 87.



а

б

Рис. 161. Девичий головной убор – *такыя*

Рис. 162. Булавка с украшением – *шәлек*. Гайнинцы

кораллов (рис. 160) описывается как род чепца (*кашбау*) с убором поверх него вроде шлема (*түбә*), обшитым мелкими монетами и кораллами, с длинным наспинником красного сукна, также обшитым монетами (*кәләпуш*).

Другой старинный башкирский головной убор, с той же выставки, приведен мной на рис. 161, *а*. Здесь мы имеем дело, несомненно, с девичьей *такыя*, о которой упоминалось уже несколько раз. *Такыя* эта состоит из полушаровидной холщевой шапочки, обшитой по краю и в центре красной материей. Вся ее поверхность защита серебряными копеечками, а внизу кругом свисает бахрома из нитей кораллов с копеечками по краю. На макушке, в центре шапочки, укреплена металлическая шишечка в виде столбика с двумя листовидными подвесками; вокруг шишечки нашиты три ряда кораллов, а по краю над бахромой ряд металлических с штампованным узором круглых блях. На поверхности *такыя*, от вершины до края между копеечками, вшиты четыре ряда шаровидных пуговиц и серебряных шариков, подобно тому, как это сделано на шапочке *кәләпуш*.

У зауральских башкир, соседних барын-табын-цам куваканцев, мне удалось приобрести холщовый остов *такыя*, имеющий совершенно такую же форму, как и экземпляр, изображенный на рис. 153. Полоса, пришитая к *такыя*, спускающаяся на спину (рис. 161, *б*), совершенно такая же, как полоса описанного выше *кәләпуш*, почему я ее и не описываю. Вся разница заключается только в том, что в верхней части наспинник *такыя* имеет глубокий вырез и только краями пришит к шапочке.

При описании женских головных уборов В. М. Черемшанский[199] упоминает еще о белых калпаках, имея в виду, вероятно, те чулкообразно вязанные колпаки с кисточкой на конце, которые изредка встречались (хотя уже выходили из употребления) у северных башкир (у айлинцев, танып цев, гайнинцев и проч.). Связаны были эти *ак калпак* из белых бумажных ниток наподобие сахарных голов. Надеваясь на голову, они складывались раза в три или четыре и повязывались сверху на лбу особыми украшениями *ука сасак* и *битлек* (гайнинцы).

Ука сасак – так называлась бахрома на шелковой подкладке, какая часто встречалась у башкир крайнего северо-запада занятой ими территории, в частности у гайнинцев.

Битлек – кусок широкого серебряного позумента (8х30 см), на красной шелковой подкладке, пришитый к толстому шнуру, обмотанному серебряной ниткой. Последним почтенные башкирки повязывали голову не только сверх колпака, но и просто поверх платка. Посредине *битлек* нередко вкладывалось ажурное украшение (*шәлек*) с подвесками из серебряных монет (рис. 162). По словам гайнинских башкир, *битлек* носили только пожилые женщины, получавшие его в почетный подарок от своих односельчанок по до-

[199] *Черемшанский В. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. С. 156.

стижении определенного возраста. *Ука сасак*, напротив, носили главным образом девушки и молодые женщины.

От нагрудных украшений мы перешли к украшениям головным, щегольским головным уборам богатых башкирок, оставив в стороне наиболее распространенные повседневные головные уборы, к которым теперь и обратимся.

Как уже упоминалось, башкирские девочки обычно, особенно летом, ходили с непокрытой головой, женщины же и взрослые девушки всегда покрывались большими ситцевыми платками. Только западные и северо-западные башкирские девушки и женщины носили два платка: маленький (*һыңар яулык, баш бәйләмес*), которым они повязывали голову, прикрывая волосы на лбу и завязывая концы на затылке, и большой двойной платок (*куш яулык*), которым покрывали голову сверху. *Куш яулык* по краю, непосредственно покрывающему голову, подшивался изнутри цветной шелковой материей и позументом (*ука*) с нашитыми на нем серебряными монетками. Чтобы удержать его на голове, он подвязывался под подбородком особыми пришитыми к нему завязками (*бау*) с кистями на конце. Обычно башкирские женщины носили один платок (*яулык*) сравнительно небольших размеров; покрыв им голову, они завязывали углы под подбородком. Сверх этого платка редко накладывался другой — большой, чаще же кашемировая базарная шаль или вязаная пуховая, самодельная или базарная. Самодельные тканые из козьего пуха шали употреблялись главным образом в южной части Урала и на юге Башкирии. В горах Южного Урала и по его склонам роль шали с успехом выполняли халаты (*елән*), накинутые на голову.

Одно из назначений большого головного платка (*куш* или *зур яулык*), шали или халата было прикрытие лица, которое башкирские женщины и взрослые девушки по мусульманскому обычаю не должны были показывать мужчинам. Впрочем, этот обычай не везде и в отношении не всех мужчин соблюдался строго. Старухи своего лица совсем не закрывали и повязывали голову обыкновенными платками, но только белыми, тогда как платки женщин и девушек всегда были красные или другого яркого цвета с узором; старухи повязывали голову также так называемыми *маҫтар* или *кыйыкса* (в северо-западном углу Башкирии).

Следует различать два вида *маҫтар*. Первый хотя редко, но встречался еще в начале XX в. в северо-восточной Башкирии. Он состоял из узкой полосы кисеи или миткаля в виде полотенца с пришитыми на концах прошивками (*селтәр*) или шелковыми вышивками, исполненными по тонкому холсту. Этим полотенцем старухи обматывали себе голову и повязывали его так, что лицо оставалось открытым, один вышитый конец лежал на груди, а другой на спине. Судя по тому, где встречались *маҫтар баш* (вышивки к концам *маҫтар*), можно заключить, что *маҫтар* носили главным образом на северо-востоке Башкирии и в горах Южного Урала.

На юго-востоке *маҫтар*[200] делался из полосы светлого ситца, метра в два длиной. В центральной, или уфимской, и западной Башкирии имелся другой вид *маҫтар* (*кыйыкса*) — простые белые ситцевые платки больших размеров, которыми повязывались старухи.

Поверх *маҫтар* старухи еще в начале XX в. носили шапки с выпушкой бобровой или из меха выдры (*камсат, кама бүрек*), реже из лисьего меха. Особенно распространен этот головной убор был за Уралом, по западную же сторону его носили редко. *Кама* или *камсат бурек* носили и богатые молодые женщины, преимущественно на северо-востоке, но их шапки надевались под платок (*куш яулык*) и имели несколько иную форму. У них был более широкий околыш, слегка расширяющийся кверху; донце всегда было из бархата темно-красного цвета и украшено позументом, внутри подкладка была стеганая. В отличие от

[200] *Баишев М.* Деревня Зианчурина Орского уезда Оренбургской губернии // Изв. Оренбургского отд. Русского Географического о-ва. 1895. Вып. 7. С. 9.

Рис. 163. Браслет – *беләзек*. Гайнинцы

прочих головных уборов башкиры эти шапки сами не делали, они были кустарного производства.

С начала XX в. с северо-запада все далее и далее вглубь страны башкир начал проникать татарский колпак, хотя женщины носили его сравнительно редко; гораздо чаще его можно было видеть у девочек. Особое распространение колпаки получили на севере и северо-западе; в центральной Башкирии они были весьма редки, а в юго-восточной и в горах Южного Урала их совсем не носили.

Остается сказать теперь несколько слов только о серьгах и украшениях, носимых на руках, — перстнях, кольцах и браслетах.

Серьги (*алка*) в ушах носили немногие башкирки, особенно в юго-восточной половине страны. Серьги были покупные, работы казанских татар, в большинстве случаев серебряные ажурной работы, передко с вставленными стеклами или камнями. Кольца башкирки носили исключительно серебряные, подобные обручальным, не более двух-трех на руке, считая вместе с перстнями. Перстни (*йөзөк*), так же как и кольца, покупались на базарах. Особенно ценили башкирки перстни с крупными агатами. Перстни собственного изделия чаще всего представляли собой обыкновенное серебряное кольцо с припаянным к нему старинным серебряным пятачком или с подвешенными на колечке пятачками.

Носили башкирки на обеих руках выше запястья и браслеты (*беләзек*) татарского производства, покупаемые на базарах. Значительно реже встречались браслеты собственной работы, простые пластинчатые или тонкие витые серебряные с серебряными же листовидными подвесками (*сук*) или с мелкими серебряными монетками (рис. 163). Можно сказать, что браслеты, как правило, были не замкнуты, не имели никаких застежек и надевались на руку простым разгибанием. Очень распространены были у башкирок также татарские браслеты из более или менее широкой металлической полоски со штампованным узором и вставками из разноцветных стекол с осыпью. Много браслетов башкирки не носили — один или по одному на обеих руках.

Женская одежда нижней половины тела была немногочисленна. Состояла она из штанов, фартуков, чулок и обуви. Женские шаровары ни по покрою, ни по материалу не отличались от мужских и были описаны в начале настоящей главы. Шились женские штаны, подобно мужским, из ситца и красного кумача. Фартук (*алъяпкыс*) в обычное время башкирки не носили, а надевали только во время домашних работ, северо-западные же — и при полевых работах. Подобно русскому, башкирский фартук состоял из двух частей, нижнего — запона (собственно *алъяпкыс*) и верхнего — нагрудника. В отличие от татарского и русского фартука, который надевался на шею, башкирский нагрудник, прикрывая грудь, повязывался сзади на спине, пропустив шнурки под руками. Нижняя широкая его часть завязывалась сзади у пояса. Материалом для фартука чаще всего служила домотканая бумажная материя, передко затканная гарусным узором. Реже фартуки шились из покупных материй.

Вязаные шерстяные чулки (*бәйләм ойоқ*), как мы знаем, женщины носили везде, суконные же чулки (*тула ойоқ*) хотя и встречались повсюду, но в незначительном количестве и не во всех деревнях. На востоке их носили относительно чаще, чем на западе, больше с лаптями (*сабата*), *сарық* и простыми сапогами (*итек*), редко с сафьяновыми (*ситек*). Повсюду башкирки носили онучи (*сылғау*), но встречались местности, где женщинами они совсем не употреблялись (некоторые из зауральских катайцев, кубелякцы, инзер-катайцы), в других же районах их носила беднота и притом редко (особенно за Уралом). Женские *сарық* шились так же, как и мужские, того же покроя и из того же материала, только задники на суконных голенищах (*кускар*) женских *сарық* были расшиты узором, вырезанным из красного сукна. Район распространения женских *сарық* был приблизительно тот же, что и мужских — почти исключительно восточный склон Южного Урала и Зауралье. Особенно многочисленны они были в степи.

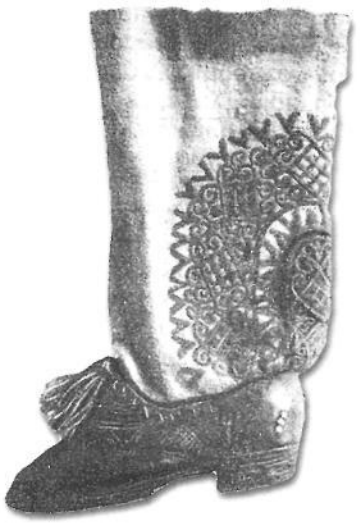


Рис. 164. Женская обувь – *ката*. Инзер-катайцы

Довольно разнообразна была обувь, известная под именем *ката*. Весьма интересны были *ката* горных башкирок (рис. 164). Они состояли из кожаных головок на толстой подметке с небольшим каблуком; голенища их были такие же, как и у *сарық*, с богато расшитым задником. Над подъемом у головки была пришита кисть из красной или другого яркого цвета шерсти; на заднике головки (*үксә*) часто набивались для украшения металлические бляшки. Голенища подвязывались над икрами при помощи плетеных шнурков (*касмау* или *куңысбау*). Другой вид женских *ката* был совершенно такой же, как и описанные выше мужские, состоявшие из кожаного башмака с коротеньким суконным или матерчатым голенищем. Женские *ката* от мужских отличались тем, что у первых эта надставка всегда была черного цвета (из базарной бязи), тогда как у мужских она была белая. Как и мужские, этого рода *ката* были особенно распространены в центральной Башкирии. Наконец, третий тип *ката* — это простые высокие туфли из черной кожи, на толстой подметке и на очень высоких каблуках (до 7—8 см). *Ката* последнего типа часто встречались по западному склону Южного Урала.

Подобно мужчинам, женщины носили также и сапоги (*итек*), которые были или точно такие же, как и у мужчин, или несколько отличались от них. Особенно отличались от мужских сапоги горных башкирок. Они были с прямым и широким носком и всегда на очень высоком каблуке. Сапоги башкирки носили везде, но местами их носили постоянно, местами, напротив, только во время полевых работ. В некоторых башкирских дачах их носили только молодые женщины и девушки (некоторые из кудейцев и бурзян), а в иных местах женщины их не носили совсем (например, субыль-минцы).

У кара-табынцев была в употреблении еще обувь, которая называлась *башай*. По-видимому, это было то же самое, что *ката* горных башкирок, на высоких каблу-

ках с суконным голенищем. Обувь эта была щегольской и употреблялась при плясках.

Подобно мужчинам, башкирки носили и лапти. Лапти женщин ничем не отличались от мужских и были распространены в том же районе, где и мужские, т. е. на северо-западе, хотя они начинали уже проникать и в южную степную Башкирию, как обувь для полевых работ. Постоянно лапти носили башкирки только в северо-западном углу башкирского края, в остальной же Башкирии их носили редко, гораздо реже, чем мужчины, лишь во время полевых работ.

Повсеместно встречавшейся с конца XIX в. женской обувью, как и мужской, были мягкие сафьяновые сапоги (*ситек*) без подметки. Женские в отличие от мужских были сшиты из разноцветных лоскутков сафьяна, расположенных в виде красивых узоров. Помимо резиновых галош, это была единственная фабричная обувь, распространенная среди башкирок. Носили *ситек* всегда с мелкими туфлями (*кибес*) без задников.

Вся в совокупности башкирская одежда в связи с костюмами соседних народностей и в зависимости от области распространения отдельных ее типов может быть разделена на четыре группы. К первой относятся башкирские костюмы, которые характерны главным образом для всех вообще степных кочевников-скотоводов. Это прежде всего длинные верхние одежды, просторно скроенные, — нагольный бараний тулуп, суконный чекмень из домотканого сукна и отчасти халат. Особенно характерны для этой группы шубы из жеребячьих шкур, мехом наружу, меховые и суконные малахаи (*колаксын* и *көлөпәрә*), ременные пояса с кожаными узорчатыми сумками (*каптырга*), бархатные пояса с дорогими металлическими пряжками у богатых башкир. За исключением тулупов, чекменей и халатов, которые были сравнительно широко распространены среди всех башкир, остальные встречались только у восточных и южных.

Вторая группа состояла из частей одежды, имеющей много общего с одеждой как степных кочевников, так татар и мишарей. Сюда относятся одежды, сшитые в талию: *камзул*, *кәзәки*, *бишмәт* и шубы, мужская и женская сорочки, штаны, сафьяновые сапоги с кожаными галошами, суконные чулки, тюбетейки мужчин, шапки (*кама бүрек*), головные платки и повязки женщин; из украшений — серьги, кольца, браслеты, подвески (*сулпы*) и монеты в косах. Сюда же следует отнести одежды, не встречающиеся у степных кочевников, а именно женский татарский колпак, татарскую мужскую шапку на меху (*бүрек*) и женскую нательную повязку на груди. Одежда этой группы встречалась среди башкир повсеместно.

К третьей группе относятся одежды, общие с татарами и мишарями, а также отчасти с одеждами соседних с ними удмуртов, марийцев и чувашей. В эту группу входят холщевый кафтан, сшитый в талию (*сыба*), войлочные шляпы, лапти, онучи, вязаные чулки, русские сапоги и *бышымлы сабата* (*кыйырак*); значительное количество нагрудных украшений из монет — *теркәмә*, *яға* (*муйынса*), *ныргa*, *әмәйзек* (*дәүәт*), *хәситә* и некоторые из женских украшений головы и волос — *ука сасак* и *сәскап*. Одежды и украшения этой группы носились почти исключительно в северной (вернее, северо-западной) и отчасти западной Башкирии.

Наконец, четвертая группа, особенно характерная для башкир, состояла главным образом из коралловых с монетами женских украшений. К ним относятся прежде всего нагрудные украшения — *яға*, *селтәр* и *һакал*, подобное же спинное украшение *щһәлек*, головное украшение *кашмау* и такие старинные украшения, как *кәләпүш*, *башкейем* и *такыя*. Употребление кораллов для украшений более обычно для степных кочевников, например казахов, чем для соседних башкирам татар или чувашей, которые для этой цели пользовались исключительно стеклянным бисером и бусами. Следовательно, в этом отношении башкирские одежды данной группы имеют гораздо более общего с одеждами восточных народностей, чем с костюмами своих северо-западных соседей. Вместе с тем *башкейем* и *кашмау* и по своей форме более сходны с соответствующими азиатски-

ми уборами. С другой стороны, башкирская девичья *такыя* и женский *кәләпүш* имеют несомненное сходство с *такыя* и *хушпу* чувашей, а отчасти с подобными же уборами марийцев. Кроме того, судя по рисункам и описанию П. С. Палласа, мишарки и татарки конца XVIII столетия носили нагрудные украшения и *кашмау* из кораллов. Надо полагать, что уборы и украшения этого рода, из кораллов и серебряных монет, в старину имели более широкую область распространения и притом были более характерны для башкир с чувашами и степных кочевников, чем для северо-западных соседей башкир (удмуртов, бесермян, отчасти марийцев и др.). К этой группе относятся также девичьи украшения *елкәлек* и *сәсмәү*, подобные которым мы знаем только у степных кочевников. Сюда же следует отнести и кожаную без подметок обувь с суконными голенищами (*сарык*), которая не встречалась нигде, кроме башкир и обашкирившихся восточных мишарей. Все костюмы этой группы характерны исключительно для восточной, центральной (горной) и южной Башкирии. На севере и северо-западе этого края в начале XX в. их уже не было. Общность этих частей костюма с подобными же степных кочевников вряд ли подлежит сомнению.

Бесспорно, при рассмотрении особенностей башкирской одежды и украшений необходимо помнить, что количество и качество украшений определялось степенью зажиточности владельца. Богатые старинные костюмы сохранялись главным образом в богатых семьях и отнюдь не являлись свидетельством экономического состояния всего народа.

Глава X

ЖИЛИЩА И ПОСТРОЙКИ

В постройках башкир наблюдалось значительное разнообразие. С одной стороны, на северо-западе, у земледельческого населения лесной полосы был вполне выработанный тип домов и надворных построек, тип весьма близкий к типу построек русско-татарского населения Прикамья. С другой стороны, на крайнем востоке обитаемой башкирами области степные полукочевники почти половину года проводили под покровом решетчатых кибиток, столь характерных для степных кочевников-скотоводов.

В то время как горные скотоводы, в изобилии располагающие строевым лесом, имели возможность строить не только бревенчатые избы для постоянного жилья, но даже срубные постройки на местах своих многочисленных временных кочевок, обитатели южных и восточных степей строили плетневые мазанки, полуземлянки или жилища из сырцового кирпича. У башкир имелся и примитивный заслон из ветвей или травы и конусообразный шалаш, покрытый древесной корой — временное жилище многих семей в горных лесах на кочевках или при полевых работах. Вместе с тем у богатых башкир имелись дома, построенные по всем правилам строительной техники, дома, ничем не отличавшиеся от городских построек Приуралья.

Жилища башкир можно подразделить на две обширные категории: временные и постоянные.

К временным постройкам относится конусообразный шалаш (*кыуыш*) весьма простого устройства. Остовом шалаша являлся конус из десяти-двенадцати трехчетырехметровых жердей, воткнутых в землю и связанных вверху. Шалаши устраивались повсеместно на сенокосных местах, на жнивьях или на дальних пашнях. В таких случаях они служили жильем в течение всего нескольких дней, делались наскоро и небрежно. Материал, которым покрывались шалаши, был очень разнообразен. На покосах шалаши покрывались травой или сеном (*бесән кыуыш*), на жнивьях соломой или снопами, в редких случаях для этой цели пользовались холщевыми пологами (*киндер кыуыш*). Несколько основательнее устройство шалашей было там, где в них приходилось жить более продолжительное время. Так, на западном склоне Южного Урала башкиры, занимавшиеся заготовкой луба и лыка, мочкой мочала, тщательно покрывали свои шалаши еловы-

ми или пихтовыми ветками, сверху которых накладывали ветви лиственных деревьев и, наконец, все сооружение обкладывалось жердями. Так же солидно устраивались шалаши и на удаленных от деревни пашнях кое-где в северном Зауралье и на юго-востоке. Там остов шалаша покрывался соломой, а поверх нее обкладывался дерном.

Особенно интересны и разнообразны по строительному материалу были шалаши, служившие наряду с другими постройками летним жилищем башкир на местах их летних кочевок. Район распространения таких шалашей очень ограничен, в изобилии они имелись только в бассейне верхней части р. Белой до выхода ее из гор. Конусообразный шалаш был особенно характерен для кочевьев тамьян-тангаурцев, по хребту Кыркты и по собственно Уральскому хребту, для горных кочевок кубеляк-телевцев, прибельских бурзян, карагай-кипчаков и до известной степени для горных бушман-суун-кара-кипчаков. Такой шалаш (рис. 165) покрывался большими кусками лиственничной (*карағас кабығы*) или сосновой (*карағай кабығы*) коры или берестой (*туҙ*). Нередко весь шалаш состоял исключительно из лиственничных или сосновых драниц. Иногда на устройство одного и того же шалаша шел весьма разнообразный материал: кора, дранница, доски, жерди и проч. (рис. 166). Для прочности снаружи шалаши обкладывались несколькими стволами деревьев, берестяные обтягивались веревками из лыка или мочалы, а на шалаши из драниц накладывался один или два обруча из толстых прутьев. Вход в такой шалаш всегда закрывался дверью из куска коры, бересты, укрепленной на раме, или лубом. Внутри шалаша, кругом у стен, земля покрывалась корой или лубом, поверх которого, а то и просто на земле, расстилались половики (*балаҫ*), кошмы (*кейеҙ*) и всевозможное тряпье, на котором спала семья. Справа от входа в шалаш помещалась хозяйственная утварь и запасы провизии, а в центре в холодную погоду разводился небольшой огонь, просто на земле, без специального очага.

Рис. 165. Шалаш, покрытый корой. Кубеляк-телевцы

У зауральских, степных башкир на их летних кочевках наряду с решетчатыми кибитками, жилищами богатых, встречались так называемые *уҡбаш*. Это были те же конусообразные шалаши, только покрытые снаружи кошмами или кошмами вместе с шерстяными половиками. Основанием таких шалашей служили тонкие жердочки (*уҡ*), те самые, которые образовывали верхнюю часть решетчатой кибитки и которые поддерживали ее купол. При коротких остановках в пути, в ненастную погоду, когда башкирам, имеющим кибитку, не хотелось ее расставлять, они делали из ее *уҡ* небольшой шалашик и прикрывали его одной из кошм кибитки. Иногда подобные шалаши на кочевках служили жилищем и на более продолжительное время небогатым семьям, причем, при откочевках, в отличие от прочих конусообразных шалашей, остов которых всегда оставался на месте, жерди (*уҡ*) этих шалашей перевозились. На кочевках тех же степных башкир встречались, впрочем, шалаши, остов которых был такой же, как и у всех прочих шалашей, из обык-

Рис. 166. Шалаш, покрытый дранницей. Кубеляк-телевцы

Рис. 167. Шалаш, покрытый войлоком. Бурзяне

новенных жердей, но и такие шалаши в степи назывались *укбаш* (рис. 167).

Шалаши строились местами, помимо кочевьев, и в деревнях, но назначение таких шалашей не везде было одним и тем же. Так, например, башкиры западного склона Южного Урала, в частности табынцы и кое-кто из кипчаков, ставили конусообразные шалаши во дворах и спали в них в жаркое время года. Башкиры восточного склона, зауральские, например тамьян-тангаурцы, осенью, по возвращении в деревню, жили до первого снега в шалашах, построенных во дворе, и только с наступлением морозов переходили в избы.

Совсем иным было назначение шалашей, которые в изобилии строились у северо-западных башкир, особенно в б. Белебеевском уезде. Там эти шалаши (*аласык*) всегда покрывались соломой и хотя иногда служили летним жильем, главная их цель была предохранить от летнего жара погреба, над которыми они и сооружались.

Совершенно особое положение занимал один из типов летнего жилища, который мне пришлось встретить у башкир инзер-катайцев в верховьях р. Белой. Жилище это представляло собой род берестяного шалаша, состоящего из нижней, цилиндрической, части, около 1,5 м высоты и около 6 м в диаметре, и конусообразного верха, покоющегося на цилиндре и отстоящего от земли в центральной своей части на 5—6 м. Подобные шалаши катайцы называли *аласык*; насколько мне известно, они встречались исключительно на летних кочевках и в деревнях только у истоков р. Белой.

Такой *аласык* устраивался следующим образом. В земле по кругу вбивались от 20 до 30 жердей (*аласык агасы*); на высоте около 1 м жерди эти надрубались снаружи и надламывались; их вершины соединялись вместе у центра и связывались. Снаружи *аласык* покрывался большими полотнищами бересты, поверх которых над каждой жердью накладывались легкие и длинные жердочки; последние, сквозь отверстия, проделанные в бересте, привязывались лыком к жердям остова, благодаря чему получалось прочное сооружение. Между двумя из жердей цилиндрической части *аласык* оставалось отверстие, закрывающееся дверью, сделанной также из куска бересты, укрепленной на легкой раме. При перекочевках береста перевозилась, а остов оставался на месте. Такой *аласык* был несравненно просторнее и удобнее конического шалаша. В центре обычно устраивался очаг, а если такой *аласык* был поставлен во дворе и служил летней кухней, то в очаг вмазывался котел; по стенам располагались постели и утварь, у дверей — хозяйственная посуда.

Трудно сказать, когда появился у башкир *аласык* подобной формы, но развитие его из конусообразного шалаша в целях расширения внутреннего помещения несомненно.

Так же редко, как и берестяной *аласык* инзер-катайцев, среди башкирских жилищ встречалась так называемая *агас тирмә* (деревянная кибитка), которая только в начале XX в. получила довольно широкое распростране-

ние у башкир сызгинцев. Это переносное жилище в собранном виде имело форму шестигранной призмы с крышей в виде шестигранной же пирамиды. Все грани стен и крыши состояли из отдельных деревянных рам с нашитыми на них тщательно выстроганными досками (рис. 168). При сборке стены и отдельные грани крыши скреплялись между собой железными крючками. В одной из стен проделывалась дверь, в другой окно. Жилище это легко разбиралось и перевозилось. Отличалось оно тщательностью отделки, у богатых башкир даже красилось снаружи масляной краской. Размеры его были небольшие, около 4 м в диаметре, и служило оно летним жилищем. По словам башкир сызгинцев, *ағас тирмә* появилась у них в конце XIX в. взамен исчезавшей решетчатой кибитки. Изготовлялась она по большей части русскими плотниками, которыми, по-видимому, и изобретена. Для башкир этот тип жилища не характерен, хотя интересен самый факт появления его у них.

Рис. 168. Деревянная кибитка – *ағас тирмә*. Сызгинцы

Переносным временным жилищем, некогда широко распространенным среди башкир, была решетчатая кибитка (*тирмә*), столь характерная для степных кочевников-скотоводов, но доступная только богатым, державшим много скота, особенно овец. Этот тип жилища, встречавшийся у башкир почти повсеместно, к началу XX в. сохранился только в зауральской степи и лесостепи и местами по западную сторону Уральского хребта. По форме у башкир различалось два вида решетчатой кибитки: один, известный в литературе под названием монгольской кибитки, и второй под названием тюркской[201]. Кибитка первого типа (северного), бытовавшая только на северо-востоке Башкирии, состояла из четырехшести складных решеток (*канат*), которые вместе с дверью (*ишек*) образовывали цилиндрический остов нижней ее части; верхняя, коническая, часть остова кибитки состояла из 60–80 тонких, круглых в разрезе и на верхнем конце заостренных жердочек (*ук*), на которых держался род купола (*сағырак* или *саңырак*). Сверху кибитка покрывалась пятью-семью кошмами. Когда нужно было поставить кибитку, сперва устанавливалась решетчатая ее часть. Отдельные решетки, состоящие из плоских, слегка выгнутых снаружи реек, скрепленных между собой ремешками, крепко связывались друг с другом и с рамой двери; расставленная решетка по верхнему краю опутывалась особой широкой шерстяной тесьмой (*баш кор*) или крепкой волосяной веревкой. *Баш кор* не давал решетчатому остову раздаваться в стороны под давлением верхней части кибитки. Кроме того, решетка привязывалась к вбитым в землю внутри ее четырем-пяти колам, одинаковой высоты с решеткой, из которых два находились у коробки двери. Верхний конус, состоящий из *ук*,

[201] *Харузин Н.* История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России // Этнографическое обозрение. 1896. № 1–3. С. 37.

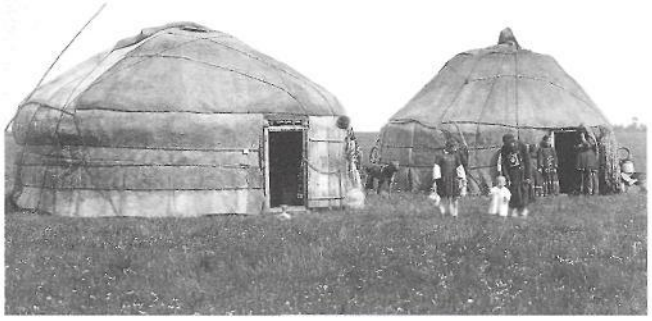


Рис. 169. Кибитки тюркского (слева) и монгольского (справа) типов. Катайцы

укреплялся на перекрестьях реек верхнего края решетки при помощи волосяных петель, прикрепленных к нижним концам *ук*. Купол (*сағырақ*) и насаживался на *ук*, верхние концы которых вставлялись в отверстия основного обруча *сағырақ*. Кошмы, которыми покрывалась кибитка, привязывались к остову особыми веревочками, пришитыми к ним по углам и на середине края, а для большей прочности вся кибитка опутывалась снаружи длинными волосяными веревками (*аркан*) и привязывалась к двум-трем небольшим колышкам, вбитым в землю снаружи ее. Только верхняя кошма (*төндөк*), имеющая четырехугольную форму и прикрывающая *сағырақ*, веревками не опутывалась; ночью и в ненастную погоду *төндөк* привязывался к кибитке веревками, пришитыми к его углам, днем же он или свертывался, или приподнимался при помощи особого шеста *ырғауыл* (рис. 169, справа; 170).

Рис. 170. Кибитки монгольского типа. Катайцы

Кибитка тюркского типа (южная) отличалась от монгольской главным образом тем, что ее *ук* были гнутые; поэтому верхняя часть тюркской кибитки имела не коническую, а полусферическую форму (рис. 169, слева); кроме того, дверь в ней чаще бывала двустворчатая, тогда как в северобашкирской кибитке она всегда была одностворчатой. Наконец, остов южнобашкирской кибитки всегда был выкрашен красной краской, что для кибитки монгольского типа составляло весьма редкое исключение. Кибитка южных башкир мало отличалась от типичной казахской. В казахской кибитке, как известно, решетчатая часть остова (*кирәгә*) с наружной стороны всегда обкладывалась матами из стеблей чия (Lasioglostis splendens), а весь остов опутывался широкими полосами узорчатого шнура; у башкир же кибитка только в редких случаях обкладывалась камышовыми матами. Кроме того, дверь тюркской кибитки бывала обычно не сплошная, а колончатая или решетчатая, прикрытая снаружи узорчатой полосой кошмы или просто кошемная, у башкир же она чаще была сплошная деревянная. Нужно заметить, впрочем, что иногда богатые башкиры покупали кибитки у казахов; у такой кибитки, разумеется, имелась и кошемная дверь. Как на одну из особенностей, отличавших башкирскую кибитку тюркского типа от северной, следует указать еще на ее большие размеры. Она была значительно просторнее северной благодаря большему ее диаметру (8 и даже 9 м, тогда как северная обычно не превышала 6 м в диаметре), так и вследствие выгнутой формы ее *ук*.

Район распространения кибитки северного типа в начале XX в. был гораздо меньше, чем южного (тюркского). Пер-

Рис. 171. Семья богатого башкира внутри кибитки. Катайцы

вая не встречалась за пределами кара-барын-табынского и катайского родов башкир за Уралом. Точнее говоря, этот тип был характерен для башкир следующих дач: Салзаутской, Бала-Катайской, Кара-Барын-Табынской с Куваканской, Сарт-Калмацкой, Катайской, а также для зауральских айды (айлинцев). Район распространения тюркского типа кибитки был значительно шире. Изредка она встречалась у усерган, в большем количестве у восточных табынцев и у бурзян, в некоторых дачах башкир, принадлежащих к роду кипчак, у тамьян-тангаурцев, кубеляк-телевцев; совместно с северным типом она встречалась у барын-табынцев, катайцев, сарт-калмаков и айды; отдельные ее экземпляры можно было встретить у тельтим-юрматынцев, минцев и канлинцев. Прежде этот тип кибитки был распространен повсеместно по всему югу Башкирии.

Переходя к описанию внутреннего устройства башкирской кибитки, нужно прежде всего отметить, что она всегда была разделена занавеской (*шаршау*) на две части. Правая от двери часть, за занавеской, обычно предназначалась для женщин, большая, дверная, половина кибитки — для мужчин; она служила и для приема гостей. Стены (*канат*) нижней части кибитки завешивались разноцветными, весьма пестрыми, ситцевыми и бумажными покупными материями или домотканными занавесками, а иногда и шерстяными половиками (*балаҫ*), чтобы не видно было решетки кибитки; поверх занавесок развешивались полотенца (*таҫтамал*), женские нагрудные украшения из кораллов, а налево от двери — седла, седелки и другая сбруя. Земля в кибитке устилалась кошмами, изредка поверх камышовых циновок шерстяными половиками и коврами (рис. 171). Против двери у стены стояли сундуки на особых деревянных подставках (*һандык аяғы*), там же у богатых башкир была сложена целая гора перин и подушек, обычно подвязанная широкой лентой (*урын таҫмаһы*). На сундуках, в которых хранилось все женское имущество, аккуратно были разложены войлоки, половики, ковры, потники от женских седел и проч. Изредка в кибитке можно было встретить и кровать на очень низеньких ножках. Конечно, наличие всего этого зависело от имущественного положения хозяина. У двери справа, за занавеской, на особой подставке (*наба аяғы*) обычно стоял большой кожаный сосуд для приго-

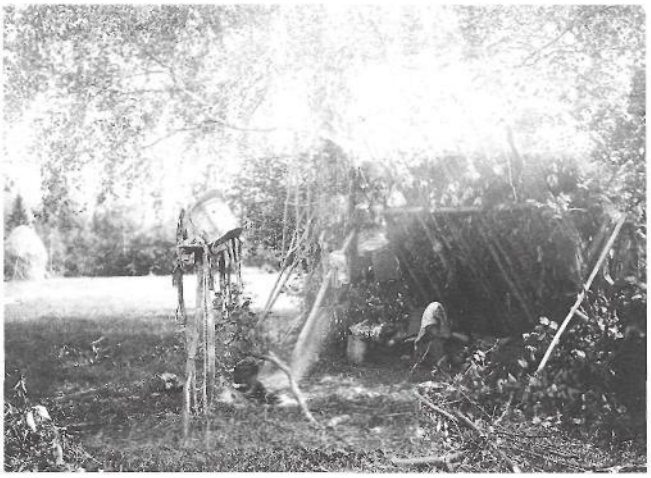


Рис. 172. Шалаш, покрытый сеном. Инзер-катайцы

товления кумыса (*наба*) или вместо него одна или две липовых кадочки (*силәк*) для той же цели; тут же стояла кадушка с квашеным для сыра (*корот*) молоком, всевозможная деревянная и кожаная посуда, чайный прибор с самоваром и другие хозяйственные вещи. В тех случаях, когда у одного хозяина были две кибитки или кибитка и шалаш (*укбаш*), в одной из них, более новой, жил сам глава семьи, она же служила и для приема гостей; принадлежности же для приготовления кумыса, как и вся вообще хозяйственная посуда, находились в другой кибитке, в которой жили домочадцы.

В 50-х годах прошлого столетия В. М. Черемпанский[202] писал, что посреди каждой башкирской кибитки вырезывается в земле углубление, в котором разводится огонь для приготовления пищи и освещения ночью. Однако в начале XX в. очаг внутри кибитки (*ут урыны*) мне приходилось встречать только поздней осенью, с наступлением холодов; это было небольшое глинобитное кострище с валиком по краю, расположенное в центре кибитки, служившее исключительно для ее обогревания. Очень редко можно было встретить, да и то только в горах, очаг для приготовления пищи внутри кибитки, с построенным над ним помостом (*ылаш*) для просушки сыра. Повсюду очаг для приготовления пищи был вынесен из кибитки наружу, а для освещения кибиток употреблялись обыкновенные керосиновые лампы.

Что касается расположения кибиток на кочевках, то они всегда выстраивались в ряд и огораживались по несколько штук или все вместе изгородью из жердей (*кәртә*), чтобы скот не подходил к самым кибиткам; впрочем, в степи загородки устраивались редко.

Выше были рассмотрены типы временных жилищ круглой формы, начиная с примитивного конусообразного шалаша и кончая сложной решетчатой кибиткой. Переходим теперь к временным жилищам прямоугольной формы, наиболее совершенные типы которых почти не отличались от простейших построек постоянного жилища.

Самыми распространенными и наиболее простыми из временных жилищ этой категории были балаганы (*аласык*), которые, подобно конусообразным шалашам, делались из разнообразного материала. Несмотря, впрочем, на всю простоту устройства *аласык*, на покосах и полях они никогда не ставились, там их заменяли примитивные заслоны (*бесән кыуыш*), покрытые чаще всего сеном, лубом или ветками (рис. 172). Иногда два таких односторонних заслона соединялись вместе и получался род двускатного балаганчика. Подобные заслоны устраивались, по-видимому, гораздо реже шалашей; их мне приходилось встречать только у инзер-катайцев, тамьян-тангаурцев да кое-где по западному склону Южного Урала.

[202] *Черемпанский В. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. С. 146.

Среди *аласык* следует различать переносные и непереносные. Первые к началу XX в. вышли из употребления; в первой же половине прошлого столетия они были распространены среди башкир в большом количестве, особенно среди степных, и подробно описаны В. М. Черемшанским[203]. Переносный *аласык* состоял из четырех лубковых полотнищ, нашитых лыком на деревянные каркасы. Каждая отдельная семья, прибыв на место кочевки, расставляла эти лубяные стенки и делала из них четырехугольный балаганчик; верхние концы лубковых полотнищ загибались к общему центру и образовывали закругленную крышу, не требовавшую никакой особой покрышки. С одной стороны этого балаганчика устраивалась узкая дверь, также из луба.

Остов постоянного *аласык* состоял из вбитых в землю четырех угловых кольев (*багана*), двух или трех промежуточных по продольным стенкам и двух по поперечным. Колья поперечных стенок заканчивались наверху развилками, на которые клались продольные жердочки (*урҙа*), поддерживающие крышу (*ябыу*). Обычные размеры *аласык* 3,5х4 м, высота кольев стенок около 2 м, только колья, поддерживающие крышу, несколько выше. Снаружи *аласык* обшивался большими полосами луба, ими же покрывалась и крыша. Нередко также *аласык* бывал покрыт берестой, лиственничной и даже сосновой корой. На одной из поперечных сторон *аласык* (*арт эргә*), между кольями, поддерживающими крышу, устраивалась укрепленная на деревянной раме дверь из луба или коры, иногда вместо рамы прилаживался тонкий ствол дерева с двумя-тремя отходящими в одну сторону ветками, к которым и прикреплялся кусок луба, служивший дверью. Окон в *аласык* никогда не было.

Лубяной *аласык* был особенно характерен для башкир западного склона Южного Урала, столь богатого липовыми лесами. В конце XIX в. лубяной *аласык* встречался повсеместно в юго-западном крае Башкирии, преимущественно у минцев, юрматынцев, табынцев, отчасти у кипчаков, бурзян и канлинцев, а на север заходил в пределы дач кудейцев и даже айлинцев. В начале XX в. лубяной *аласык* можно было встретить на кочевках калчир- и кси-табынцев, у юрматынцев, Ильчек-тимировой и Карамышевой тюб, у сяпкин-бушман-кипчаков и очень редко в кое-каких из дач бурзян, у инзер-катайцев и тамьян-тангаурцев, для которых он был мало характерен. Несколько обширнее был район распространения лубяных *аласык*, построенных во дворах деревень, где они служили летним жильем. В деревнях, помимо перечисленных дач, принадлежащих к родам юрматынцев, табынцев и кипчаков, можно было встретить лубяные *аласык* и в ряде других башкирских районов, начиная от урман-кудейцев на севере и кончая бушман-суун-кара-кипчаками на юге, до илькуль- и субыль-минцев на западе. Для устройства *аласык* в деревнях не всегда употреблялся настоящий луб (*әрсемә кабык*), основной материал для *аласык* на кочевках, они нередко покрывались полубиной (*күгәмә* или *һалабаш кабык*), т. е. липовой корой, оставшейся после снятия с нее мочала.

В противоположность лубяному берестяной *аласык* (*туҙ аласык*), по форме и устройству ничем не отличавшийся от лубяного, встречался весьма редко. Мне приходилось его видеть только на кочевках башкир по Уральскому хребту и по хребту Кыркты, да и то местами. Между тем, область распространения берестяных балаганов некогда была, по-видимому, гораздо значительнее, чем в начале XX в. Так, И. И. Лепехин[204], проезжавший через земли башкир тамьянского и кудейского родов, писал, что летом они «живут в войлошных юртах, как калмыки, а бедные от перемен воздуха берестяными шалашами защи-

[203] *Черемшанский В. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. С. 146.

[204] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 37.

Рис. 173. Досчатый балаган и кибитка. Барын-табынцы

Рис. 174. Шалаш и деревянный сруб – *бурама*. Тамьян-табынцы

Рис. 175. Деревянный сруб – *бурама* – на летовке. Инзер-катайцы

щаются». К сожалению, он не дал описания этих шалашей и мы не знаем, были ли это прямоугольные берестяные балаганы или круглые *аласык* типа, описанного у горных башкир катайцев.

Что касается района распространения *аласык*, покрытых лиственичной и отчасти сосновой корой, то и он также был весьма ограничен и не выходил за пределы кочевок в верховьях р. Белой. Подобные *аласык* встречались у кубеляк-телевцев, тамьян-тангаурцев, карагай-кипчаков и у бельских бурзян.

Внутри *аласык* не бывало ни очага, ни нар. Для хозяйственной утвари и посуды отводилась часть, прилегающая к входу, и углы; на земле расстилались половики и кошмы. Иногда поверх луба или циновок лежали перины и подушки, на которых спало все семейство. Нередко эти строения бывали двойные, с перегородкой между двумя отделениями или, точнее, между двумя поставленными рядом *аласык*. В таких случаях первое от входа отделение играло роль чулана или кладовой, в нем по стенам устраивались полочки, хранилась провизия и вся посуда, второе отделение служило жильем. В редких случаях (прибельские бурзяне и карагай-кипчаки) в этом первом от входа отделении *аласык* устраивался очаг.

В конце XIX в. у башкир начали появляться своеобразные балаганчики из досок (*makta аласык*). Несколько типов подобных *аласык* можно было видеть в разных местах башкирского края, в частности на кочевках барын-табынцев и телевцев рядом с решетчатыми кибитками (рис. 173). Досчатые стенки этих маленьких домиков укреплялись на врытых в землю угловых столбах, окон не было, но имелась солидная дверь; двускатная крыша бывала тоже досчатая, но нередко ее заменяла холщевая покрышка; иногда внутри устанавливалась железная печь. Досчатые *аласык* – летние жилища кипчаков (бушман-, суун-, сянкин-, кара-) и некоторых из минцев – строились в деревнях, у богатых башкир они имели некоторую претензию на комфорт. На венце из четырех бревен настилался пол, затем возводились досчатые стены, закрепленные в угловых столбах;

крыша была двускатная, тесовая, имелись стеклянные окна; внутри иногда бывали нары, стоял стол, стулья; на окнах висели занавески и проч.

У северо-восточных башкир (дачи Сарт-Калмацкая, Катайская, сызгинцы, восточные айды) мне пришлось видеть перевозные четырехугольные досчатые домики с двускатной крышей, полом, дверцей и одним или двумя окошечками. Домики эти стояли на земле, но перевозились с места на место на специальных колесных дрогах. По виду домики были похожи на арбы украинских чабанов и отличались от них только несколько большей величиной и тем, что стояли чаще на земле, на дрогах же только перевозились. Башкиры возили их на отдаленные пашни, изредка их можно было увидеть и на кочевке. Тип такого *аласык* несомненно заимствован у соседних оренбургских казаков.

Последний тип временного жилища, который нам осталось рассмотреть, это не менее распространенный, чем вышеописанные строения, *кабык аласык*, *бура аласык* (срубчатый балаган), или иначе *бурама*. *Бурама* — примитивный сруб, служивший летним жилищем у горных и лесных башкир. Эти четырехугольные срубы строились из тонких бревен (*бурәнә*) кругляшей (рис. 174, 175). Пола и потолка в *бурама* не было. Крыша, всегда двускатная, сильно выступающая вперед и по бокам сруба, лежала на продольных балках, покоившихся на поперечных бревнышках передней и задней стен сруба. Хотя в *бурама* не было окон, в ней все же было светло, так как между бревнами оставались большие щели. Дверь, приделанная без коробок, всегда была одностворчатая, досчатая или из куска луба или коры. Нижние бревна, одно или два, образовывали порог. На постройку *бурама* шли разные породы деревьев, но предпочиталась сосна. Крыша чаще всего делалась из драниц, хотя нередко бывала из полубины, лиственничной коры или луба. Чтобы крышу не разметало ветром, сверху на нее накладывались продольные жерди или бревна, прижимающие ее к стропилам. Внутри *бурама* у противоположной входу стенки, а иногда и у боковой, устраивались невысокие нары (*урындык*), направо или налево у двери нередко устраивался очаг или род камина (*сыуал*). По словам И. Г. Георги[205], башкиры конца XVIII в., жившие в высоких Уральских горах, в своих летних четырехугольных, продолговатых юртах посредине сооружали очаг с таганом, над которым подвешивали на цепи котлы. В начале XX в. башкиры не устраивали очага посредине *бурама*, а тем более посредине летних жилищ. Весьма вероятно, что Георги ошибся, так как ни один из путешественников XVIII в., посетивших башкир, не говорит об очаге посредине бревенчатой юрты.

Подобно *аласык*, *бурама* у более зажиточных башкир состояла из двух половин, первой от входа, в которой хранились вся хозяйственная посуда, провизия и всевозможная утварь, и второй — жилья. Гораздо реже встречались две *бурама* рядом под одной крышей, но каждая с самостоятельным входом, причем одна играла роль кухни и кладовой, другая служила жильем. Хотя *бурама* нередко встречалась и в деревнях как летнее жилище, особенно характерна она была для кочевок, где часто являлась единственным типом жилья. Так как это жилище не было переносным, то каждая башкирская семья строила их столько, сколько было мест кочевок, а последних у башкир каждой горной деревеньки бывало от двух до четырех.

Бурама как летнее жилище башкир на кочевках была характерна для всего Южного Урала и его склонов. Кроме урман-кудейцев, ипзер-катайцев и гирей-кипчаков, у которых она была единственным на кочевках типом летнего жилья, *бурама* встречалась на горных кочевках кубеляк-телевцев и тамьян-тангаурцев, у прибельских карагай-кипчаков, бурзян и пограничных с ними кипчаков б. Стерлитамакского уезда, у юрматынцев Ильчек-Тимировой и Карамышевой

[205] *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. 1. С. 97.

тюб, у кси- и калчир-табынцев. Как летнее жилище в деревнях *бурама* можно было видеть и вне только что отмеченных районов, на западе на р. Белой, у юмран-, тюкун- и кси-табынцев, тельтим-юрматынцев, а на севере она распространялась до р. Уфы и Среднего Урала, у булякай-, кыр- и шайтан-кудейцев.

При описании различных типов временных жилищ башкир я почти не касался устройства очага, потому что он мало изменялся в зависимости от типа жилья и сводился к двум-трем общим формам.

Разведение огня внутри жилья или возле него преследует две цели: или обогревание жилья, или приготовление пищи, или и то и другое вместе. Очаг, в простейшем своем виде — костер, одновременно и обогревает, и служит для приготовления пищи, поджаривающейся на его пламени, испеченной в его золе или сваренной в подвешенном над ним сосуде. Такой костер разводился и у примитивного заслона (*бесән кыуыш*), и внутри конусообразного шалаша, а иногда и внутри круглого берестяного *аласык* и решетчатой кибитки. В круглых жилищах огонь разводился только в центре, обычно просто на земле, а иногда, как мы уже знаем, на плоском глинобитном очаге (*ут урыны*) с небольшим валиком кругом по краю. Из группы четырехугольных временных жилищ огонь разводился только в *бурама*, да и то не во всякой (повсюду на кочевках встречались *бурама* отапливаемые и неотапливаемые), но не в центре, как в круглых жилищах, а всегда в одном из двух углов ее, у входной стены. В углу выкладывался ряд камней, обмазывался сверху глиной, и на таком очаге разводился огонь. В крыше над очагом имелось отверстие для выхода дыма. Чтобы предохранить от огня стены, они обмазывались у очага глиной. Иногда глиной обмазывались не просто стены, а две широкие доски или ряд кольев, прикрывавшие стены над очагом, в углу. Доски эти или колья выступали сантиметров на 30 выше крыши, чтобы улучшить тягу воздуха и чтобы ветер не задувал в отверстие крыши над костром. Такое устройство очага позволяло уже ставить топливо стоймя, благодаря чему оно и лучше горело, и давало больше тепла. Наконец, в тех же *бурама* встречались очаги, над которыми был устроен цилиндр из кольев, обмазанных глиной в верхней части, и полуцилиндр в нижней; иначе говоря, получался род примитивного камина (*сыуал*), с устройством которого подробно ознакомимся при описании постоянного жилища. Дальше этого камина развитие очага внутри *бурама* не шло, да и понятно почему. Вследствие весьма примитивной постройки такого сруба наружный воздух легко в него проникал через широкие щели между бревнами, и *бурама* согревалась только лучистой теплотой. Пока огонь горел, в ней было тепло, но как только пламя убавлялось или гасло, делалось так же холодно, как и снаружи. Здесь не помогла бы и самая лучшая печь, так как сильный ветер в *бурама* тушил свечу.

Независимо от камина, в летних жилищах бывали и очаги для приготовления пищи. Костер внутри конусообразного шалаша огораживался несколькими камнями, на которых ставился котел для варки пищи. Иногда камни эти обмазывались глиной, а с одной стороны под котлом оставлялось отверстие для топлива, с противоположной же стороны между котлом и камнями устраивался короткий дымоход. Получался постоянный очаг для приготовления пищи внутри временного жилья. Такие очаги (*усак*) мне приходилось видеть (рис. 176) в круглых *аласык* горных катайцев в верховьях р. Белой.

Обычно очага для приготовления пищи в круглых постройках ни в шалашах, ни в решетчатых кибитках не было. Очаги со вмазанными в них котлами для приготовления пищи на кочевках устраивались вне жилья и огораживались плетнем или загородкой. На кочевках нередко можно было видеть ряд кибиток, а против каждой из них плетень, внутри которого помещался очаг с котлом и печь для приготовления хлеба. В бревенчатых срубах (*бурама*) котел или временно ставился на камнях очага в углу сруба, или вмазывался глиной на эти кам-

ни рядом с кострищем для разведения огня, обогревающего жилище. В тех срубах, где имелся камин, очаг с котлом находился сбоку камина на общем с ним цоколе и дым из-под котла выходил в трубу камина.

Рассматривая временные жилища в их совокупности, в зависимости от места, где они устанавливались, мы видим, что с этой точки зрения они могут быть разделены на три группы. Первую группу образуют жилища, устанавливавшиеся на лугах, полях, в лесу, одним словом там, где башкиру приходилось под открытым небом проводить несколько дней, редко недель; сюда относились заслон, конусообразный шалаш, а иногда и балаган. Другую группу составляли летние постройки на местах кочевок и третью — летние жилища в деревнях; последние две группы обнимали все типы временного жилища, за исключением заслона.

Рис. 176. Очаг в летнем жилище. Тамьян-табынцы

Географическое распределение различных типов временного жилища не было случайным. Намечалось три-четыре вполне определенных района. Центральную часть Южного Урала можно было назвать районом исключительного распространения *бурама*. Определяя этот район точнее, назову бассейн р. Инзера, правые притоки р. Белой от верховья до выхода ее из гор и верховья системы р. Зигальги, иначе говоря, вся территория, занятая инзер-катайцами, гирей-кипчаками и правобережная часть бассейна р. Белой, населенная тамьян-тангаурцами, карагай-кипчаками и бурзянами. Район, в котором летним жилищем на кочевках была исключительно решетчатая кибитка, лежал в полосе степи и лесостепи. Он начинался далеко на севере от юго-восточных отрогов Среднего Урала, тянулся на юг узкой полосой вдоль восточного склона Южного Урала, расширяясь на юге, огибал Урал и заходил на западе в присамарские степи б. Белебеевского уезда. Между этими двумя резко противоположными друг другу, горным и степным, районами лежал третий — переходный. В нем можно различить два отдельных подрайона — восточный и западный. Этот переходный район характеризовался одновременным присутствием и горной *бурама*, и степной кибитки, а также и другими типами летнего жилья. Восточный подрайон обнимал весь собственно Уральский хребет с параллельным ему хребтом Кыркты. Там, на кочевках, вместе с *бурама* и кибиткой можно было встретить и *кыуыш*, покрытый разнообразным материалом, и прямоугольный *аласык*, покрытый преимущественно корой и иногда берестой. Как пример подобной кочевки приводится фотография кочевки дер. Ниазгуловой в хребте Кыркты (рис. 177). На этой фотографии имеется всего восемь построек, а между тем среди них три *бурама*, две решетчатые кибитки, один *аласык*, покрытый лиственичной корой, и два конусообразных шалаша, из которых один покрыт корой, а другой сделан из драниц и досок.

Рис. 177. Летовка дер. Ниазгуловой. Тамьян-табынцы

Рис. 178. Летовка. Горные катайцы

Западный подрайон кочевок с разнообразными типами построек был расположен по западному склону Южного Урала, там, где находятся дачи башкир табынского и юрматынского, а отчасти и кипчакского родов. Там встречался главным образом лубяной *аласык*, редкий в восточном подрайоне, *бурама*, а иногда и войлочная кибитка.

Местом кочевки в горах всегда выбирались открытые площадки или террасы при каком-нибудь роднике или ручье (рис. 178). Кочевки всегда были расположены на сухом, чаще восточном или южном, склоне горы, защищенном от господствующего ветра, откуда обыкновенно открывалась широкая панорама. Живописность местоположений кочевок в горах объясняется не столько эстетическими, сколько чисто практическими соображениями. Высоко расположенная, с обширным видом кочевка имеет то преимущество, что облегчает наблюдение за пасущимися вокруг стадами. В степи требования, предъявляемые к месту кочевок, были много проще; там искали только питьевой воды и избегали солонцов. В степи кочевки всегда бывали при небольших речонках, ручьях, родниках, озерах и даже при болотах, не пересыхающих летом.

Выше было уже отмечено, что решетчатые кибитки в степи обычно располагались в один ряд. Местами все кибитки данной деревни стояли вместе, чаще же они вытягивались вдоль какого-нибудь ручья с небольшими промежутками, по две-четыре кибитки вместе, принадлежавшими одной семье. В расположении жилищ на кочевке горных башкир уже не наблюдалось такой правильности и при первом впечатлении казалось, что они разбросаны в полном беспорядке. В расположении временных жилищ на кочевках вообще играли существенную роль два основных принципа — родовой и экономический. Еще П. С. Паллас и И. И. Лепехин[206] обратили внимание на то обстоятельство, что при летних кочевках башкиры по большей части разделяются на семьи так, что каждую кочевку составляют родственники. Этот родовой принцип сохранился у башкир и до начала XX в.; они кочевали если не семьями, то родовыми группами (*ара*, *ырыу*, *аймак*), но не везде. Весьма существенную роль в данном случае играли соображения экономические, т. е. зависимость от земельного простора и количества стад. У инзер-катайцев, например, территория каждой деревни была поделена на несколько участков, предназначенных для кочевок. Таких участков, а следовательно, и мест кочевок у них бывало три-четыре, куда они переселялись всей деревней со всем скотом и скарбом и меняли эти кочевки по мере истощения корма кругом них. На таких ко-

[206] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 53.

чевках, хотя вся деревня и селилась вместе, но группами от трех до двенадцати и более домиков в каждой, на известном расстоянии одна от другой, поэтому и получалось впечатление той беспорядочности в расположении жилищ, о которой говорилось выше. Каждая группа таких построек принадлежала одной большой семье или следующей более крупной семейной единице (*ара*). Подобное явление можно было наблюдать почти везде в горах там, где целые деревни выезжали на летнее кочевье.

Иногда при большом просторе в выборе пастбищ (например, Уральский хребет) деревня селилась не на одной площадке или склоне горы, а расселялась по более обширной территории так, что кочевки отдельных семей или групп семей одной деревни бывали раскинуты на несколько километров. С уменьшением земельных территорий и с падением скотоводства на кочевку отправлялись уже только несколько богатых скотом семей, которые кочевали совместно, без соблюдения родовых разграничений. Подобное явление наблюдалось и на крайнем северо-востоке, и на юге, и по западному склону Урала. Случалось, что несколько богатых семей даже из различных деревень выезжали в горы совместно. Таким образом, мы видим, как экономические потребности разрушали родовой принцип организации, заменяя его новыми, более удобными формами.

Остается сказать еще несколько слов об ориентировке отдельных жилищ на кочевках.

При всем желании подметить какую-нибудь закономерность в расположении временных жилищ относительно стран света мне не удалось подметить общего правила. В ориентировке, по-видимому, гораздо меньшее значение придавалось странам света, чем местным условиям. Двери во всех типах временного жилища устраивались с подветренной стороны, принимая в соображение господствующие в данной местности ветры. На склонах гор и их террасах двери жилища всегда бывали обращены в сторону открытой местности, а не гор. Вообще говоря, чаще всего двери бывали на восточной стороне жилища, редко на северной, а на южной только в исключительных случаях. Последнее явление объясняется соображениями чисто религиозными. Намаз (повседневное моление) религиозные башкиры как мусульмане совершали, обратившись лицом в сторону Мекки, в данном случае на юг. Поэтому молиться в жилище, будь то кибитка, шалаш или сруб, дверь которого обращена на юг, представлялось весьма неудобным, почему и избегали ставить временные жилища дверями на южную сторону. Такое, по крайней мере, объяснение давали сами башкиры на вопрос, почему они не ставят свои жилища на кочевках дверями на юг.

В XIII столетии Вильгельм Рубрук, описывая свое путешествие, говорит, между прочим, что все они (паскатирцы, т. е. башкиры) — пастухи, не имеющие никакого города. Впрочем, Рубрук сам у башкир не был, а писал о них со слов монахов, бывших в стране башкир до прихода туда татар. Через пять веков, во второй половине XVIII столетия, И. И. Лепехин[207] называл башкир уже «межеумками между дикими и градолюбивыми народами», имея в виду их обычай выезжать летом на кочевки. Во всяком случае в XVII и XVIII вв. башкиры, как мы знаем, повсеместно имели постоянные поселки, а столетие назад все без исключения были оседлы.

Среди постоянных башкирских жилищ наиболее примитивной была так называемая пластовая, точнее дерновая, изба (*кәç өй*). При ее устройстве в земле вырывался прямоугольник около 4—5 м в поперечнике и около 20—40 см глубины, над которым выводились стены из пластов дерна. Когда стены достигали метров двух высоты, сверху на них накладывался ряд жердей (от пяти до девяти), на которых укреплялись перекладины, поддерживающие настил потолка. Последний

[207] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 36.

Рис. 179. Пластовая изба. Катайцы

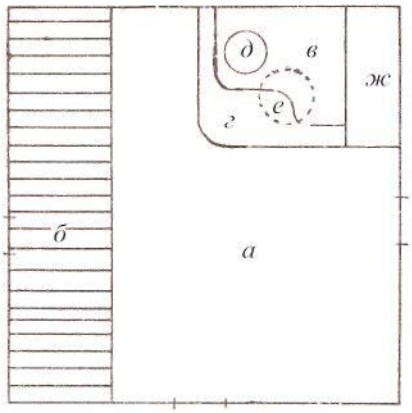
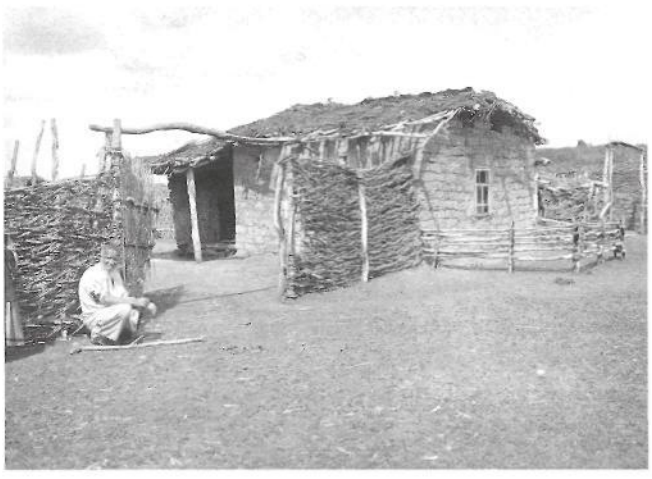


Рис. 180. План пластовой избы (*а*): *б* – *урындык*, *в* – *мейес*, *г* – *колдөксә*, *д* – *усак*, *е* – *сыуал*, *ж* – *сыуал алды*

делался из хвороста, камыша или реже из бересты; сверху он прикрывался пластами дерна. Собственно крыши над такими избами не было, но дерн иногда накладывался так, что образовывалось два ската. В тех случаях, когда дерновый настил над потолком бывал очень тяжел, срединная жердь подпиралась столбом, установленным в центре жилья. Внутри *кәҫ өй* обмазывалась глиной. В одной из стен укреплялись косяки с невысокой одностворчатой дверью (*ишек*). В противоположной двери стене и в одной из боковых стен устраивались окна (рис. 179). Ближайшая к двери половина этого жилища была занята камином (*сыуал*) с очагом (*усак*) в одном углу, в другом же помещалась различная хозяйственная утварь, а иногда ягнята и телята. Противоположная двери половина почти вся бывала занята широкими нарами (*урындык*), отстоящими от пола, чаще глинобитного, всего на каких-нибудь 35–40 см (рис. 180). Район распространения пластовых изб был весьма ограничен, они встречались только в местах, очень бедных лесом, в степях, и служили жильем беднейшему населению деревни. Они строились главным образом на северо-востоке у зауральских катайцев, у степных кубеляк-телевцев и у некоторых из минцев.

Саманные избы башкир (*саман өй*, *кирбес өй*, *балсык өй*) из так называемых воздушных (сырцовых) кирпичей по существу мало отличались от пластовых; в них пласты дерна были заменены большими кирпичами (саманами) из глины с примесью мелкой соломы или мякины, высушенными на солнце и необожженными. При изготовлении этих кирпичей глину или суглинок, перемешанный с соломой, топтали лошадьми, затем она отжималась в деревянных формах и сушилась на солнце. Стены саманной избы выводились так же, как и пластовой, только кирпичная кладка промазывалась глиной; стены такой избы бывали тоньше, чем у пластовой, и общий вид ее был аккуратнее (рис. 181 и 182). Существенное отличие саманной избы от пластовой было в том, что в ней, кроме потолка, почти всегда была крыша и настилался пол. Для устройства потолка на выведенных стенах клался ряд продольных жердей или тонких брусьев, на которые настилались березки, затем солома, а сверху насыпался слой земли. Для поддержания крыши над торцовыми стенами имелась кирпичная кладка (не промазанная глиной), на которой лежали продольные жерди, стропила. Так как крыши саманных изб чаще всего покрывались дерном, то оба ската крыши застилались рядом тонких березок, связанных между собой вершинами над верхней балкой (коньком). Чтобы дерн не сползал,

Рис. 181. Саманная изба. Катайцы



для упора вдоль нижнего края крыши на колышках укреплялось по продольной жерди. Иногда в саманных избах пол совсем не настилался; нередко он бывал досчатый, причем доски стлались прямо на земле, чаще же он делался из жердей или тонких бревен, отесанных или распиленных надвое. Окна вставлялись обыкновенно без коробок, двери, как и в пластовой избе, бывали одностворчатые и в коробках. Внутри в одном из углов возле двери устраивался камин с очагом или печь; иногда, впрочем, она бывала и в противоположном углу. Под окном во всю стену устраивались низкие нары.

Рис. 182. Саманный амбар (бывшая изба). Катайцы

К началу XX в. район распространения саманных изб был хотя и больше, чем пластовых, но значительно сократился. Саманные избы встречались у беднейшей части населения, не имевшей возможности построить бревенчатый дом за недостатком леса. Район этот ограничивался местностями, сравнительно бедными лесом, а именно — степями на северо-западе (у кара-барын-табынцев и у южных, зауральских катайцев), полосой лесостепи и степи на юге (у усерган, юго-западных бурзян и кипчаков), а также на западе (кое-где у юрматынцев, минцев, канлинцев, бурзян и ирехтинцев).

В местах, богатых плитняком, но бедных лесом, вместе с саманными избами или вместо них башкиры строили каменные избушки (*таш өй*). По общему характеру и способу постройки они мало отличались от саманных. Стены складывались из камней более или менее правильной формы и скреплялись между собой глиной. Потолок бывал такой же, как в пластовых и саманных избах; вместо крыши сверху он покрывался землей. Каменные избушки, всегда маленькие, имели одно оконце и небольшую дверь; внутри имелись нары и очаг, пол был земляной или деревянный, непосредственно лежащий на земле. *Таш өй* чаще других построек служили кухней (*ашхана, аш өйө*). Каменные избы изредка встречались у кара-барын-табынцев и кубеляк-телевцев за Уралом, известны они были у усерган и юго-западных бурзян, встречались кое-где у минцев, юрматынцев, табынцев, а также спорадически на крайнем западе Башкирии.

Рис. 183. Изба из двойного плетня. Катайцы

В безлесной полосе чаще других делались избы из плетня (*ситән өй*), одинарного или двойного (рис. 183). Глиной (*туйын*) их обмазывали внутри и снаружи или только внутри. Способ постройки плетневых изб был весьма прост: по квадрату вбивали в землю ряд кольев, переплетали лозой или чаще ветвями березы, для дверей и окон вставляли ко-

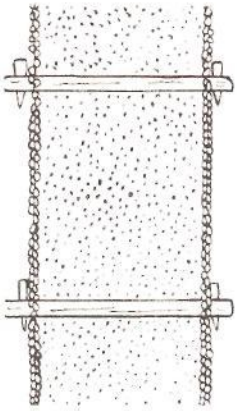


Рис. 184. Разрез стены плетневой избы

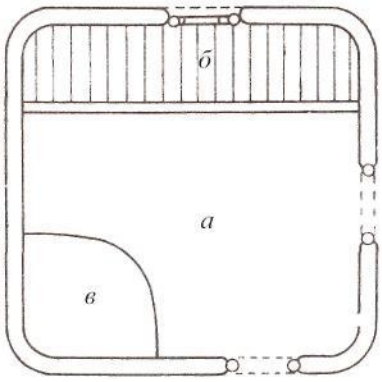


Рис. 185. План плетневой избы (*а*): *б – урындык, в – сыуал*

робки; впрочем, очень часто оконные рамы вставлялись без коробки. Внутри, а иногда и снаружи, плетень промазывался толстым слоем глины. Если изба делалась из двойного плетня, то пространство между плетнями заполнялось землей; чтобы плетни не расходились, они скреплялись между собой особыми брусками (*аркыры агас*), в которые были вставлены клинья с наружных сторон плетня (рис. 184). Потолок плетневых изб у восточных башкир был такой же, как и в пластовых избах, т. е. на плетневые стены накладывались продольные жерди, сверху они покрывались ветвями деревьев или камышом, и все это засыпалось землей. Иногда потолок поддерживался посредине толстой балкой, лежащей на двух столбах, врытых в землю снаружи избы. В избах из одинарного плетня западные башкиры потолок делали из досок; поддерживался он четырьмя или шестью вкопанными в землю столбами; чаще, однако, встречались крыши, покрытые соломой внатруску. Местами (минцы, усерганс, зауральские катайцы) плетневые избы не только обмазывались снаружи глиной, но и белились мелом или покрывались слоем яркожелтой глины. Внутреннее устройство (рис. 185) плетневого жилья (*а*) было такое же, как и вышеописанных жилищ. В одном из углов, у двери, имелся камин с очагом, в другом углу помещался хозяйственный скарб, во всю противоположную дверям стену — низкие нары (*б*). Окна были стекляшные, дверь всегда одностворчатая, открывавшаяся наружу.

Рис. 186. Избы: бревенчатая; из двойного плетня; плетневая, обмазанная глиной. Катайцы

Район, в котором встречались плетневые избы, одна-две, иногда до 20—25 % и более всех жилых строений в деревне, совпадал с областью башкирской степи и заходил в лесостепь. Плетневые избы имелись в северо-восточной части, у зауральских катайцев и у кара-барын-табынцев; на востоке они встречались у тамьян-тангаурцев, кара-гай-кипчаков и у бурзян по рекам Сакмаре и Казылу, на юге они известны были у усерган; на западе встречались почти повсеместно по левую сторону р. Белой, к западу от меридиана г. Уфы, особенно часто у башкир минского рода. Избы из одинарного плетня занимали более обширный район, чем из двойного, они были особенно характерны для южной и западной Башкирии. Избы из двойного плетня строились чаще в северо-восточной Башкирии.

Все только что рассмотренные типы построек (рис. 186) сохранились только у беднейшей части населения и имели, как мы видели, относительно ограниченную территорию распространения. Типичным жилищем для башкир того време-

ни, распространенным повсеместно, были уже бревенчатые избы.

Избы, принадлежащие беднейшей части каждой башкирской деревни, мало чем отличались от того примитивного сруба (*бурама*), который мы видели на кочевках. Это был такой же грубо сколоченный и неотесанный сруб, но уже, хотя и плохо, проконопаченный (конопляными оческами или мхом). Низкие стены, как и в *бурама*, выводились прямо с земли, без фундамента. В таком срубе оставлялись отверстия для окон и двери; для последней по необходимости ставились уже коробки, оконные же рамы вставлялись без коробок. Затем стлался пол, прямо над землей, и потолок; в углу складывался камин с очагом или печь. Крыша была не обязательна.

Рис. 187. Бревенчатые избы. Катайцы

Таким образом, существенное отличие постоянного жилища-сруба от временного сводилось к следующим существенным усовершенствованиям: конопатка сруба, устройство окон, пола и потолка. Общая отличительная черта изб подобного типа — небрежность стройки (рис. 186). Стены зачастую выводились неровными, в неровном, из грубо отесанных плах полу, равно как и в потолке, оставались большие щели. Потолок покрывался сверху берестой, камышом, ветками деревьев или соломой, поверх которой насыпался тонкий слой земли. В тех случаях, когда крыши не было, слой земли бывал толстый и иногда покрытый дерном. Трубы часто не было, а вместо нее в потолке проделывалось только отверстие. Размер такой избы был невелик, редко больше 3—4 м^2. Двери бывали настолько малы, что приходилось сильно сгибаться, чтобы войти внутрь, так же как и окна, которые имели или форму квадрата со сторонами до 50 см, или прямоугольника высотой не более 80 см. Нередко в одном и том же домике окна были различной формы и величины. Внутри, против входной двери устраивались низкие нары. Это, пожалуй, и все, что можно сказать о наиболее распространенном типе башкирской избы (рис. 188).

Рис. 188. Улица дер. Тунгатаровой. Барын-табынцы

Наряду с вышеописанной избой у башкир повсюду встречались дома и более основательной постройки. Стены таких домов клались уже на фундамент. Последний состоял из четырех больших угловых камней или вкопанных в землю столбов, пространство между которыми закладывалось камнями. Нередко такой фундамент снаружи обмазывался глиной или засыпался землей так, что получался род завалинки. Самые бревна сруба слегка обтесывались и плотно пригонялись друг к другу (рис. 189, 190). На первом венце клались переводы (*иҙәи орлөгө*), на которые впоследствии

Рис. 189. Пятистенная изба с двумя входами. Катайцы

настилался пол (*изән*) из одного ряда досок. Между двумя последними венцами или на одном верхнем венце сруба укреплялось продольное бревно — матка (*өрлөк*), которое поддерживало потолок (*түбә такта*). В последнем случае потолок был не горизонтальным, а двускатным с незначительным наклоном. В оставленных в срубе отверстиях для окон и дверей вставлялись коробки (*як*). Над срубом укреплялись стропила (*кыйык* или *ныулык*) для крыши (*ябыу*). Внутри по обыкновению устраивались нары (*урындык*) и складывалась печь, полуголландка с очагом. Наконец, под влиянием русской культуры у наиболее зажиточных башкир встречались дома, по типу ничем не отличавшиеся от русских домов данной местности. Стояли они на высоком и основательно сложенном фундаменте, покрыты были двускатной, реже четырехскатной тесовой или даже железной крышей, на окнах были наличники, у входа — крытое крыльцо.

Рис. 190. Двойная изба с сенями посредине. Кыр-кудейцы

Во дворе каждого состоятельного или среднего достатка башкира имелось по две избы (рис. 191); одна из них служила для приема гостей (*кунак өйө*, рис. 191, *а*), в ней жил глава семьи; другая предназначалась для приготовления пищи (*аш өйө*, рис. 191, *в*), в ней жили домочадцы. Эти две избы стояли или отдельно одна от другой, или вместе под одной крышей, с сенями (рис. 191, *б*) между ними. В таком случае вход в обе избы был из сеней. Нередко два отдельных сруба заменялись так называемой пятистенной избой, но пятистенная изба башкир существенно отличалась от пятистенной русской. Между отделениями башкирской пятистенной избы или совсем не было сообщения, или если они и соединялись дверью, то в обе комнаты вел самостоятельный вход снаружи. Одна из комнат пятистенной избы всегда была *кунак өйө*, другая — *аш өйө*. В первой из них чаще устраивалась только печь для отопления, во второй всегда был очаг со вмазанным в него котлом для приготовления пищи. Собственно башкирское жилище в своем развитии далее пятистенной избы указанного типа не шло. Если в их деревнях и встречались большие крестовые дома богачей или же двухэтажные постройки на городской манер, то последние никогда не строились самими башкирами, а специальными плотниками (русскими, мишарями или татарами).

Таким образом, типичная башкирская бревенчатая изба представляла собой квадратный сруб или два сруба, поставленные под одной крышей, с сенями между ними, или, наконец, пятистенную избу. Было уже отмечено выше, что квадратные срубные избы встречались у башкир и в весьма при-

митивной, и в архитектурно высокоразвитой форме. То же самое можно сказать и о пятистенной избе. Достаточно сравнить рис. 189 и 190, чтобы убедиться, насколько существенно различались они между собой, не столько в способе постройки самого сруба, сколько в устройстве и отделке различных частей этого жилища. К рассмотрению этих отдельных частей и деталей башкирской избы мы теперь и перейдем.

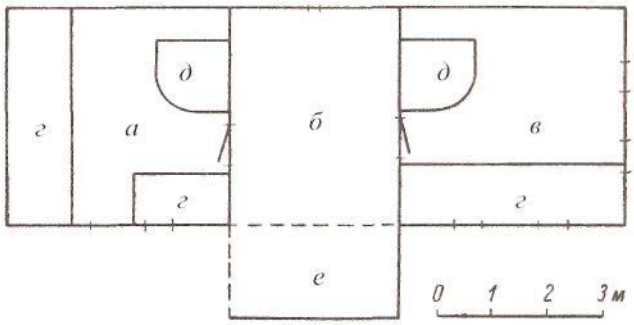


Рис. 191. План двойной избы:
а – кунак өйө, б – солан, в – аш өйө, г – урындык, д – сыуал, е – кутәрмә.
Т а б ы н ц ы

Одной из характерных особенностей в устройстве жилища является высота расположения пола над землей. Последняя зависит прежде всего от типа постройки, а также от местности и географической широты. В избах, сложенных из дерна, воздушного кирпича, или в избах плетневых деревянного пола обычно не было; отсутствовал он иногда и в более примитивных бревенчатых избах. В тех случаях, когда стены выводились прямо с земли, пол или настилался прямо над землей, на первом венце сруба, или высоко от земли, на третьем или даже пятом, шестом венце.

В избах, поставленных на фундаменте, высота пола в значительной степени зависела уже от высоты фундамента. Изменяясь в зависимости от типа построек, как общее правило, на севере и северо-западе Башкирии пол настилался высоко от земли, на юге и востоке, напротив, преимущественно низко.

Границу между районами, для которых характерны были постройки с полом, расположенным высоко от земли или непосредственно над землей, провести довольно трудно. Первый был расположен по западную сторону Урала, к северу от г. Уфы, и отчасти в горах (и н з е р - к а т а й ц ы), строения же с низким полом (до трех ступенек) преобладали к югу от широты г. Уфы и во всем Зауралье.

Подпольная часть башкирских изб, насколько мне известно, почти нигде не использовалась ни для подполья, ни для погреба. Только в местностях наиболее развитого пасечного пчеловодства в нижней части дома, под полом, иногда устраивался омшаник (*баз*), зимнее помещение для колод с пчелами. Вход в эти омшаники всегда был снаружи. Делались они как в нижней бревенчатой части избы, так и внутри каменного фундамента (рис. 190), в котором иногда проделывалось окно. Использование для этой цели подпольной части жилых изб спорадически наблюдалось повсюду по западную сторону Урала с севера до широты южного течения р. Белой (прибельские б у р з я н е).

Упоминалось уже, что над постройками некоторых типов (особенно над плетневыми) часто не имелось крыши. Правда, в деревнях бывало обычно всего несколько домов, не покрытых крышей, принадлежавших особенно бедным жителям, но такие дома встречались повсеместно. Как общее правило, непокрытые крышей жилища реже всего наблюдались в деревнях на северо-западе территории, сравнительно богатой лесами, и особенно редко в лесной полосе и в горах, чаще

в стени. За Уралом местами (например, в Кубеляк-Телевской, Катайской и других дачах) встречались деревни, в которых до 30 % домов было не покрыто крышей.

Наиболее простым и сравнительно редким типом крыши была крыша на один скат. Односкатная крыша всегда была низка, состояла из одного щита, приподнятого над одной из продольных стенок сруба и подпертого двумя столбиками.

Более других распространены были двускатные и четырехскатные крыши. По своему устройству двускатные крыши довольно разнообразны. Выше мы уже ознакомились с устройством крыши над срубом летнего балагана (*бурама*). Там, за отсутствием потолка, фронтоны закрывались бревенчатой кладкой, непосредственным продолжением стен сруба. На этих бревенчатых фронтонах укреплялись продольные балки и жерди, на которых лежала крыша. Нередко и в деревнях встречались избы с точно такими же крышами, как и над летними *бурама*.

Когда в жилище имелся потолок, бревенчатая кладка фронтонов была уже не так обязательна и очень часто заменялась более простыми приспособлениями для поддержки крыши. На верхние бревна торцовой стены посредине ставились невысокие столбики, на которые клалось по одному поперечному бревну, несколько короче ширины торцовой стены; на последних укреплялось еще по столбику с поперечными бревнышками, еще более короткими, чем нижние; сверху, посредине, накладывалось продольное бревно. Продольные бревна или жерди укреплялись также и на концах поперечных бревнышек, подпертых столбиками. На этом-то остове из жердей и настилалась крыша. Наконец, бывали крыши, устроенные еще проще. Посередине фронтонов, над срубом, укреплялось по столбу, и на них клалась продольная балка, поддерживающая двускатную крышу. Иногда для устойчивости столбов, поддерживающих крышу, к ним прикреплялись жерди, идущие от вершины столбов к углам сруба (так называемая бабка — *кыйык*), на которых укреплялись продольные жерди. Если эти бабки зарубались и прикреплялись к срубу, а также зарубались в замок наверху, то поддерживающие их столбы уже были излишни.

На саманных, плетневых и даже на бревенчатых избах остов крыши нередко состоял из едва очищенных от сучьев неотесанных жердей, связанных между собой лыком и мочалом. Иногда этот остов был более основательным и состоял из стропил, скрепленных деревянными гвоздями (*сөй*), или, наконец, устраивался весьма прочный остов крыши из стропил и перекладин, хорошо пригнанных одна к другой и скрепленных железными гвоздями.

Двускатная крыша всегда спускалась к длинным сторонам постройки, которые она и покрывала, фронтоны же чаще всего оставлялись совершенно открытыми или закрывались досчатой перегородкой, сплошной, редко с окном, ведущим в помещение под крышей. Если дом был обращен фронтоном на улицу, то нередко досчатая переборка устраивалась под крышей только со стороны улицы. В некоторых случаях, особенно при тесовых двускатных крышах, под фронтонами нависали небольшие зачаточные вальмы, соответствующие таковым у четырехскатных крыш. Четырехскатные крыши встречались у башкир значительно реже двускатных, всегда имели форму шатра с ребром, коньком наверху, причем четырехугольные части, спускавшиеся к длинным сторонам постройки, были значительно больше треугольных (вальм). Пирамидальных четырехскатных крыш над срубами квадратного основания встречать у башкир мне не приходилось.

Помимо формы крыш, особый интерес имеет материал, из которого они делались, во-первых, потому, что он обусловливал способ устройства самой крыши, во-вторых, он являлся характерным для определения видов построек и, наконец, служил до известной степени показателем материального и культурного уровня населения и связи с местными географическими условиями.

Насколько разнообразен был материал, используемый башкирами для устройства крыш вообще, можно видеть из анкеты, приведенной в конце XIX в.

Д. П. Никольским[208] для двух башкирских волостей б. Екатеринбургского уезда Пермской губ. Там постройки башкир были покрыты драницей, тесом, соломой, дерном, берестой и комбинациями из этих материалов, например дерном с соломой, тесом с драницей и проч. Трудно было найти башкирскую волость или даже деревню, где бы все дома были покрыты одним и тем же материалом, хотя повсюду какой-нибудь один преобладал над остальными. С другой стороны, только тесовые крыши были распространены повсеместно и, за редкими исключениями, в каждой деревне можно было встретить хотя бы две-три тесовые крыши. Тесовые крыши широко распространились только к концу XIX в., заменив дранчатые. Район распространения крыш из дранки к этому времени стал значительно меньше, чем был еще в середине прошлого века. Только на Южном Урале в начале XX в. можно было видеть деревни, дома которых были покрыты почти исключительно дранкой, а именно у инзер-катайцев, у восточных табынцев, юрматынцев, прибельских тамьян-тангаурцев. Значительное количество домов, покрытых дранкой, было в деревнях кудейцев, айлинцев и кубеляк-телевцев, в некоторых деревнях у кара-барын-табынцев и катайцев на востоке за Уралом, кое-где у бурзян, усерган и кипчаков на юге, спорадически они наблюдались у каплинцев, елдятцев, большекущинцев и в других дачах на западе и севере. Таким образом, дранчатые крыши были особенно характерны для построек башкир в горах и по отрогам Южного Урала.

В противоположность дранчатым соломенные крыши в горах совсем не встречались, редко их можно было видеть в лесной полосе, и особенно характерны они были для западной Башкирии, где составляли иногда значительное большинство по сравнению с крышами из других материалов (иланцы, байлярцы, ирехтинцы). Соломенные крыши встречались повсюду к западу от р. Белой, кое-где у тазларцев, елдятцев и кудейцев на р. Уфе, изредка у южных степных бурзян, кипчаков и усерган. У зауральских катайцев, кара-барын-табынцев, у восточных юрматынцев и табынцев солома шла почти исключительно на устройство крыш только надворных построек. Районом распространения соломенных крыш были исключительно земледельческая полоса и преимущественно степная.

Из прочих материалов, употреблявшихся для устройства крыши, больше других была распространена липовая кора, вернее полубина (*күгәмә кабығы*), реже вязовая кора (*карама кабығы*), береста (*туҙ*) и проч. Полубина как материал для покрытия крыш была обычна для юго-западных башкир, особенно для кипчаков, юрматынцев, минцев и отчасти бурзян, кроме того, она встречалась у усерган и тамьян-тангаурцев на юге, у табынцев в центральной Башкирии, у буляpцев на западе, а изредка кое-где и у айлинцев на севере (упейцы и рахмангуловцы); у инзер-катайцев она употреблялась местами только для покрытия надворных построек. Береста, правда очень редко, употреблялась у юрматынцев, кубеляк-телевцев, зауральских катайцев для устройства крыши вместе с другим каким-нибудь материалом, реже самостоятельно. Крыши из вязовой коры мне приходилось видеть у кси-табынцев, а из лиственничной — у кубеляк-телевцев.

Камыш и дерн гораздо реже других материалов шли на устройство крыши. Покрытые камышом крыши встречались у минцев, у кое-кого из табынцев (курпеч- и калчир-табынцев), у степных бурзян и усерган. Дерном более других крыли дома юрматынцы, степные тамьян-тангаурцы и кубеляк-телевцы, зауральские катайцы

[208] *Никольский Д. П.* Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование: Дис. СПб., 1899. С. 37.

и кара-барын-табынцы; спорадически дерновые крыши встречались у степных башкир. Наконец, с начала XX в. богатые башкиры повсеместно начали покрывать дома кровельным железом, но для собственно башкирских построек оно не характерно.

Выше было отмечено существование связи между типами построек и материалом, которым они покрыты. Мы видели также, что земляные (пластовые) избы крылись исключительно дерном; то же можно сказать и про саманные избы. Плетневые мазанки чаще крылись соломой, реже дерном или стояли совсем без крыш, материал же, которым крылись бревенчатые избы, был весьма разнообразен. Более примитивно устроенные срубы крылись дерном, драницей, полубиной или соломой (внатруску); более основательно и тщательно построенные избы стояли под тесовой или реже даже под железной крышей.

Дерном, драницей, полубиной, а также соломой покрывала крыши своих жилищ беднейшая часть населения, тесовые встречались, напротив, у зажиточных. Кроме того, были районы (Урал и его отроги, западная часть башкирского края), где тесовые крыши были очень редки, и почти все население пользовалось для покрытия крыш драницей или полубиной, соломой и проч.

Что касается связи между устройством крыши и материалом, которым она покрыта, то связь эта была несомненна. Если крыша покрывалась дерном, на продольные стропила накладывался густой ряд очищенных от ветвей березок, причем березки обоих скатов крыши связывались между собой вершинами над верхней балкой. Непосредственно на этот настил из березок клались пласты дерна, в тех же жилищах, в которых не было потолка, между березками и дерном устраивалась прокладка из камыша, сена или ветвей. Чтобы дерн не сползал, у нижних краев крыши сверху накладывались продольные жерди, поддерживающие дерн. Полубина настилалась по скатам плотным рядом длинных и широких полос, спускавшихся сверху вниз, по гребню же крыши накладывался третий ряд полубины, прикрывающий боковые скаты. Этот верхний настил прижимался к крыше на обоих скатах продольными жердями, прикрепленными к стропилам остова крыши. Вследствие легкости полубины деревянный остов крыши делался обыкновенно из тонких жердей, часто едва очищенных от коры; поперечных перекладин, прикрепленных к стропилам остова, в таких крышах обычно не было. В тех случаях, когда крыши покрывались камышом или соломой (внатруску), продольных жердей стропил было больше, и сверху они покрывались ветвями деревьев, связанных между собой у верхней балки (конька), подобно тому как на крышах, покрытых дерном. Чтобы солома не разметывалась ветром, сверху на нее накладывали или продольные толстые жерди, или тонкие деревца, очищенные от веток и связанные между собой вершинами у гребня крыши. При покрывании крыши драницей не требовалось ни сложного, ни особенно тщательно сделанного остова крыши. Драницы накладывались по обоим скатам плотным рядом, налегая одна на другую, к стропилам ничем не прикреплялись, а упирались только в желоб, прилаженный вдоль нижнего края крыши. Сверху они прижимались наложенными на них тонкими бревнышками или жердями, по одной на каждом скате. Жерди эти на концах связывались с подстилающими их продольными стропилами остова крыши. Иногда при таких крышах не было даже и желобов, а драницы удерживались на месте только жердями, наложенными на них сверху.

Все крыши, о которых только что шла речь, относятся к разряду двускатных, тесовые же были, как сказано, и двускатные, и четырехскатные. Дерн, солома, полубина и дранка настилались на крышу, но не прибивались к стропилам. Доски же тесовых крыш всегда были прибиты гвоздями, почему остов крыши делался гораздо тщательнее и отдельные его части аккуратно пригонялись одна к другой.

Наиболее распространенным типом окна в жилище башкир была небольшая рама с частым переплетом для шести стекол. Рама вставлялась в сруб без коро-

бок, не было ни наличников, ни ставень. Такие окна (*тәзрә*) из шести стекол были в земляных мазанках, примитивных срубах и в солидно построенных бревенчатых избах. Так как башкиры сами, за редкими исключениями, оконных рам не делали, а покупали их у своих иноплеменных соседей, чаще всего у русских крестьян, то у них, помимо простых шестистекольных рам, встречались и другие разнообразные рамы, иногда с весьма сложным переплетом, и не только в бревенчатых избах, но даже в земляных (пластовых) или саманных жилищах. В пластовых, саманных и плетневых избах коробки для окон вообще были редки, часто не было их и в плохо построенных срубах, особенно у горных башкир, в огромном же большинстве бревенчатых изб оконные рамы вставлялись в коробки. Коробки в домах башкир всегда были мелкие, так как двойных рам обычно не было; не было и выступающих подоконников. За очень редкими исключениями, рамы были цельные, не створчатые. Там, где оконные рамы вставлялись в коробки, обычно были и наличники, весьма простые, без каких бы то ни было украшений. Что касается ставней, заимствованных от русских, то последние были как одностворчатые, так и двустворчатые; оба типа ставень нередко встречались вместе в одной и той же деревне; местных различий в данном отношении проследить мне не удалось.

В конце XVIII столетия башкиры вместо стекол обтягивали окна пузырями, рыбьими кожами или пропитанными маслом тряпицами. В конце XIX в. у башкир везде были уже стекла, и бычачьи пузыри (*карындык*) вместо стекол мне приходилось встречать очень редко (у катайцев за Уралом, у инзер-катайцев, кипчаков, усерган и некоторых других).

В числе и расположении окон в башкирских жилищах трудно было установить какую-либо закономерность. Все зависело от типа жилища, его величины и местных условий. Окна устраивались как с короткой, так и с длинной стороны жилища. Обычно одно или два из них выходило на улицу и столько же во двор. Если пятистенный дом выходил длинным фасадом на улицу, то на нее выходило три или четыре окна. Чаще всего окна бывали только в двух стенках — в одной из поперечных и в одной из продольных стен. Единственный случай своеобразного расположения окон, обративший на себя мое внимание, имел место у горных башкир инзер-катайцев. Там окна всех домов по одной стороне выходили на улицу, по другой же стороне улицы не было ни одного окна. Только в домах, состоящих из двух самостоятельных срубов под одной крышей с сенями посредине, на улицу выходило одно оконце из сеней, часто волоковое, без стекла, все же остальные окна выходили во двор. В данном случае такое своеобразное расположение окон объясняется исключительно местными условиями. Дело в том, что большинство деревень инзер-катайцев в горах располагались вдоль реки или ручья на более или менее крутом склоне долины. Поэтому с одной стороны дома стена была выше, чем с другой; окна в стене, обращенной к горе, должны были прорубаться очень низко от земли, в противоположной же, напротив, высоко (рис. 187). Зимой стена, обращенная к горе, заносилась снегом до половины своей высоты, а иногда даже до самой крыши, почему в ней и не проделывалось окон.

Для двери (*ишек*) в постоянном жилище всегда устраивалась коробка, в которой она подвешивалась на петлях. Дверь обычно была низкой, одностворчатой и открывалась наружу. Никогда дверь не помещали в уровень с землей, а всегда имелся более или менее высокий порог. Относительно положения двери следует отметить, что проделывалась она в одной из стенок, выходящих во двор, входа с улицы в башкирские жилища никогда не делалось[209].

Повсеместно встречались башкирские избы, состоящие только из одного сруба, без лестницы, крыльца и каких-бы то ни было пристроек (рис. 192). Ниче-

[209] Как исключение, вход с улицы бывал в башкирских домах татарского, вернее, городского типа; там входная дверь с улицы вела в закрытый коридор, а из него в дом.

Рис. 192. Улица в дер. Аисовой. Инзер-катайцы

го этого не было и в примитивных саманных и земляных избах. Однако если дом строился на фундаменте или пол настилался высоко от земли, крыльцо или по крайней мере лестница были необходимы. Наиболее просто устроенная и часто встречавшаяся лестница (*күтәрмә*) состояла из площадки в несколько досок, на которую было набито несколько поперечных планок так, что получалось нечто вроде пароходного трапа. Такую лестницу можно было встретить и в горах, и по обе стороны Уральского хребта. Другой тип лестницы, также весьма примитивной, которую скорее можно было назвать крыльцом, представлен тонкими бревнышками и брусьями, сложенными в виде поленницы у входа в дом. Наверху, возле самой двери, настилался небольшой помост из досок (рис. 189). Нередко у такого крыльца бывали перила из вбитого в землю кола и жердочки, наклонно укрепленной на вершине кола и у косяка двери. Устройство крыльца было необходимо, разумеется, только там, где пол в избе настлан высоко от земли. Поэтому его пристраивали почти исключительно при бревенчатых срубах повсеместно на севере Башкирии.

Развитие крыльца в башкирском доме представляется мне в следующем виде. Примитивное крылечко из тонких бревнышек, сложенное в виде поленницы, которое мы видим на рис. 189, увеличивалось в размерах, делалось из бревен более толстых, которые для прочности слегка врубались одно в другое. Наверху настилался досчатый помост, а на выступах продольных бревен этой кладки укреплялись доски, служившие ступеньками. Таково устройство крыльца, характерного для всей северо-западной Башкирии. В своей наиболее совершенной форме бревенчатая кладка такого крыльца представляла низкий сруб, прилаженный у входной двери; делался он небольшим или во всю длину стены избы. В дальнейшем своем развитии, в избах более совершенного типа, крыльцо составляло одно целое с избой. При постройке избы несколько нижних венцов сруба делались больших размеров, чем это было нужно для избы. Наружная часть этих венцов, отгороженная передней (входной) стенкой сруба, служила крыльцом, застилалась досками на одном уровне с полом избы, и к ней приделывалась более или менее сложная лестница. На таком крыльце летом башкиры пили чай и спали. Чаще крыльцо было некрытое, но иногда оно прикрывалось сверху крышей и закрывалось с боков, превращаясь в сени.

Развитие сеней могло идти двумя путями: или перед входом устраивался особый навес, обнесенный с двух или трех сторон стенкой, и таким образом получалась пристройка, или крыша дома выдвигалась вперед, нависала или прикрывала помост крыльца, затем крыльцо это огораживалось тонкими стенками, доходящими до крыши, и крыльцо превращалось в закрытые сени. У северных башкир (а й л и н ц е в

б. Красноуфимского уезда и у других) крыльцо обычно было во всю длину сруба, а крыша избы всегда выдавалась вперед над крыльцом и прикрывала его. По углам крыльца ставились столбы, подпирающие крышу, и пространство между ними, крышей и полом крыльца закрывалось лубом, полубиной, дранкой или тесом. Такие сени были известны и в северной, и в центральной горной, и в западной, и в зауральской Башкирии. Наконец, иногда сени устраивались под одной крышей с домом и к ним пристраивалось особое крылечко, чаще всего крытое навесом или маленькой крышей независимо от крыши дома. Очень часто, как мы уже имели случай отметить, сени были под одной крышей между двумя самостоятельными срубами — избами. В таких случаях двумя стенами сеней служили стены изб, третья стена между срубами была также бревенчатая и в ней иногда проделывалось волоковое оконце, четвертой стены у входа обычно не было или ее заменяла досчатая перегородка. Перед сенями таких изб устраивалось крыльцо, чаще крытое, с самостоятельным навесом или навесом, являющимся продолжением общей крыши. Материал и способ устройства сеней, холодной пристройки у входа в избу, был весьма разнообразен. При дерновых и саманных избах сени чаще всего были плетневые, реже срубчатые. Плетневые сени для тепла снаружи нередко обкладывались камышом (рис. 193), их крыши обычно были такие же, как и крыши самой избы, к которой они пристраивались. Редко сени были сложены из камня или из воздушных кирпичей (саманов). При бревенчатых избах, в зависимости от местности, сени бывали лубяные или из полубины (рис. 194), плетневые, а чаще всего бревенчатые (рис. 195). Лубяные сени были характерны для западного склона Урала и отчасти для горных деревень; плетневые чуланы встречались повсюду в Башкирии, за исключением горной и северной ее полосы, бревенчатые можно было видеть повсюду. Нередко сени при избах, особенно плетневые, крылись отличным от избы материалом. В то время как изба была покрыта драницей или тесом, крыша сеней была соломенная, из полубины или коры. В закрытых сенях значительная их часть отделялась обычно перегородкой и служила чуланом (*солан*) для хранения всевозможной хозяйственной посуды, провизии и проч. Нередко почти вся пристройка избы бывала занята чуланом и от сеней оставался только узкий проход к дверям избы. В таких случаях вся пристройка носила название *солан*, а не *өй алды* (сени).

Рис. 193. Пластовая изба с камышовыми сенями. Катайцы

Рис. 194. Изба, покрытая драницей, с сенями из полубины. Инзер-катайцы

Необходимой принадлежностью во внутреннем устройстве башкирской избы были деревянные нары (*урындык*). Это

Рис. 195. Саманная изба с бревенчатыми сенями. Катайцы

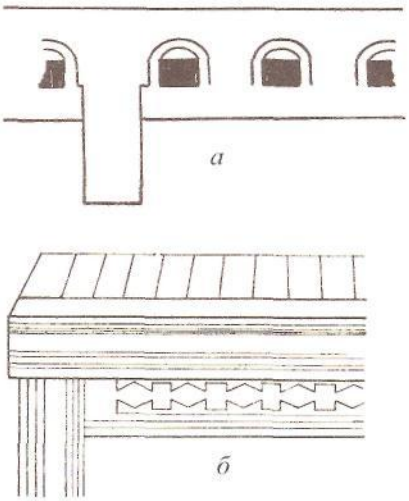
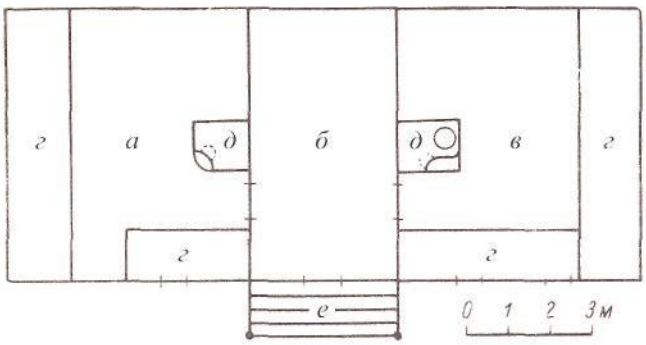


Рис. 196. Нары: *а* – бурзяне, *б* – минцы

Рис. 197. План двойной избы с сенями посредине: *а* – *кунак өйө*, *б* – *өй алды*, *в* – *аш өйө*, *г* – *урындык*, *д* – *сыуал*, *е* – *күтәрмә*



досчатый помост во всю стену, на высоте 40–50 см от пола, шириной около 1,5 м (рис. 196, 197). При устройстве нар на известном расстоянии от передней стены, между боковыми, врубалось квадратное в разрезе бревно, а другое укреплялось параллельно ему у продольной стены; на них настилались поперечные доски, которые иногда прибивались гвоздями. В некоторых случаях продольное бревно или балка нар укреплялись на ножках, а иногда устраивалась бревенчатая или досчатая перегородка (вроде закрома), на которую настилались доски. В последнем случае под нарами хранились различные домашние вещи. Сверху нары застилались кошмами (*кейеҙ*), под которыми иногда лежали циновки, камышовые (*камыш септә*) или из рогоза (*екән септә*). Поверх войлока расстилались шерстяные половики (*балаҫ*) или ковры. У боковых стен на нарах стоял сундук со всевозможной рухлядью и складывалась целая гора из войлока, ковров, перин (*түшәк*) и подушек (*мендәр*), обычно перетянутая и прикрепленная к стене широкой лентой (*түшәк таҫмаһы*). Кроме главных нар против двери, в больших избах были еще и боковые. Так как другой мебели в башкирских избах обычно не было, то нары служили и для сна, и для еды. Иногда вдоль нар вверху была протянута проволока или толстый шнур и на ночь они задергивались особой занавеской (*шаршау*). Кроме того, над нарами, на расстоянии нескольких десятков сантиметров от потолка, укреплялась жердь (*урҙа*), на которой развешивали шубы и другие одежды. Таких жердей (*урҙа*) могло быть и две, причем они укреплялись не вдоль нар, а в поперечном к ним направлении.

В переднем углу над нарами у мулл и богачей бывали приклеены к стене литографии с изображениями мусульманских святынь (вид Мекки, Медины, Константинопольской мечети Софии). Тут же, нередко, висел *намаҙлык* – коврик для молитвы, на полочке были разложены священные книги, а на гвозде рядом с ними висела чалма. Стены не оклеивались обоями и не белились. Никаких украшений, кроме вышитых полотенец, на стенах не было. У зажиточных башкир около одной из стенок красовался застекленный в верхней своей части шкапик с посудой; в нем же хранились и дорогие головные уборы – шапки (*кама* и *камсат бүрк*). Столы и стулья у башкир встречались редко. Если в чистой половине избы (*кунак өйө*) почему-либо не было нар, то кошмы и ковры расстилались на полу, на них и сидели и спали. Иногда в избе была тонкая перегородка или чаще занавеска (*шаршау*), разделяющая ее на две половины – мужскую и женскую, с печью и хозяйственной утварью. Если изба большая, что бывало сравнительно

редко, то в ней из сеней проделывались две двери, из которых одна вела в мужскую, а другая в женскую половину, за занавеской.

В одном из углов избы, у входной двери, реже посредине стенки, между двух входных дверей, устраивалась печь. Наиболее типичной и примитивной печью для отопления жилища башкир был род камина — *сыуал*. Эволюцию этого камина можно было видеть при описании временных жилищ, в частности *бурама*. Иногда он был такой же, как и во временном жилище, т. е. примитивный камин, рядом с которым помещался очаг с вмазанным в него котлом. Чаще же устраивали вместе камин, очаг и печь (рис. 198). Обычное устройство камина с печью и очагом было следующее. В углу избы рядом вбитых в землю кольев отгораживалось пространство, примерно 1,2х1,5 м, колья заплетались прутьями, и все пространство между стенами и плетнем заполнялось глиной; получалась глинобитная площадка (*көлдөксә* или *көлдөк*) сантиметров около тридцати высотой, на которой и помещался *сыуал* с печью (*мейес*) или очаг (*усак*) с котлом (*казан*). Для устройства *көлдөксә* вместо плетневой загородки чаще стлали под углом два больших бревна или укрепляли две толстые доски. В углу на *көлдөксә* делалась небольшая, подобная той, какую мы видели на башкирских кочевках, глинобитная или сложенная из камней печь (*мейес*). У устья печи вбивался полукругом ряд кольев, образовывавших остов *сыуал* так, что устье печи выходило в *сыуал* (рис. 199). Верхняя часть *сыуал*, также образованная из кольев, вместе с основанием переплеталась лозой или связывалась лыком и обмазывалась глиной. Рядом с камином устраивалась небольшая печурка (*усак*) с вмазанным котлом, дымоход которой сообщался с верхней частью камина — трубой (*морйә*, рис. 200). Только что описанная печь — наиболее примитивная; чаще встречалась ее разновидность — печь, отчасти сложенная из каменных плит, отчасти глинобитная. Мало отличаясь в плане и по типу от только что описанной, она была сложена тщательнее, имела ряд выступов и карнизов; сбоку к ней прилаживалась полочка, снаружи она белилась мелом (рис. 201). У более зажиточных башкир чувал складывался из кирпичей и нередко принимал весьма причудливую форму с массой карнизов, печурок, зубцов и других украшений (рис. 202).

Между чувалом с печью и стенкой избы часто оставлялось свободное пространство (*сыуал алды*), куда складывалось топливо, а иногда оно отгораживалось и туда помещали новорожденных ягнят и телят. *Сыуал* имел то преимущество перед печью, что очень быстро обогревал внутренность избы; перед ним, как перед разложенным костром, быстро просушивалась мокрая одежда, и притом он прекрасно вентилировал помещение. Для топки каминов употреблялись очень длинные поленья, ставились они стоймя и быстро сгорали, отапливая помещение исключительно лучистой теплотой. Ни вьюшек, ни заслонок в трубе камина не было, поэтому он грел только пока горели дрова. *Сыуал* служил как для отопления, так и для освещения жилища. Огонь в очаге под

Рис. 198. Камин — *сыуал* – в избе. Катайцы

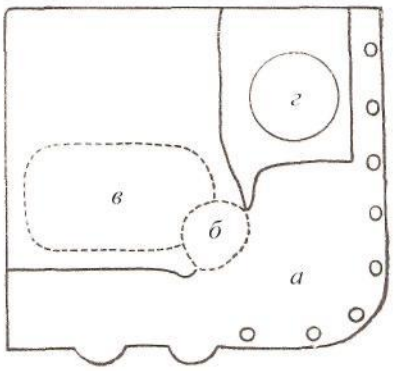


Рис. 199. План к рис. 198: *а* – *көлдөксә*, *б* – *сыуал*, *в* – *мейес*, *г* – *усак*. Катайцы

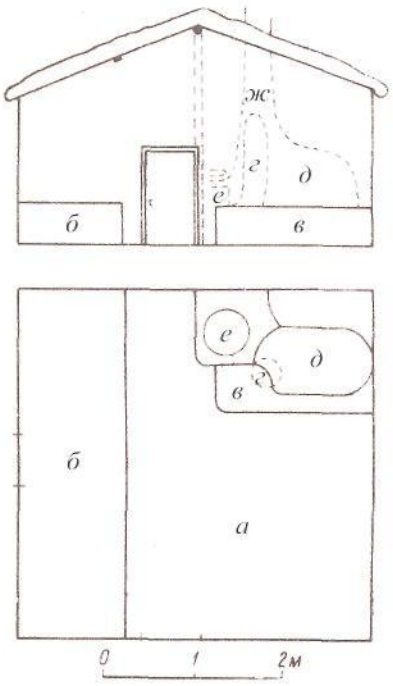


Рис. 200. Разрез и план избы: *а – ой, б – урындык, в – көлдөксә, г – сыуал, д – мейес, е – усак, ж – мөрйә.* Катайцы

Рис. 201. Камин – *сыуал* – в избе. Катайцы

котлом разводился только тогда, когда нужно было согреть в нем воду, а печь, расположенная за камином, топилась только для приготовления хлеба. Можно полагать, что хронологически очаг с котлом появился в башкирском жилище позже чувала, а печь для приготовления хлеба еще позже.

Сыуал, весьма типичный для башкирского жилища, некогда был распространен повсеместно и был единственным средством отопления зимнего жилья. С начала XX в. он в значительной части Башкирии заменен так называемой полуголландкой. Насколько быстро исчезали камины у башкир, видно хотя бы из того, что по сведениям, собранным в конце XIX в. Д. П. Никольским[210], в двух башкирских деревнях б. Екатеринбургского уезда Пермской губ. (зауральские катайцы) у 871 домохозяина было 880 каминов; 48 % домохозяев отапливали свои жилища исключительно ими. В первом десятилетии XX в. в той же самой местности на деревню приходилось не более 2–3 каминов, а во многих деревнях их и совсем не было. В те времена *сыуал* в большом еще количестве встречался только в горах Южного Урала и отчасти в Зауралье. У инзер-катайцев все жилища отапливал *сыуал*, то же можно сказать и о горных тамьян-тангаурцах, тогда как в степных деревнях тамьян-тангаурцев вместо каминов появилась уже печь. Каминов было много в некоторых деревнях у кубеляк-телевцев, южных урман-кудейцев, калчир-табынцев, гирей- и карагай-кипчаков, а у восточных бурзян только ими одними и отапливали. У тангаурцев и отчасти у усерган, бушман-суук-кара-кипчаков, кара-кипчаков, кси-табынцев, у кое-кого из юрматынцев, у минцев, северных урман-кудейцев, кара-барын-табынцев с сызгинцами и зауральских катайцев *сыуал* встречался, но сравнительно редко. Только у южной группы зауральских катайцев их было много еще в первом десятилетии XX в. (катайцы, сарт-калмаки, айды). Для этого времени *сыуал* можно было встретить у айлинцев (восточных) и у шайтан-кудейцев. В центральной и северо-западной половине Башкирии имелись только русские печи, правда слегка видоизмененные, почти всегда с очагом и вмазанным над ним котлом, и полуголландки. На описании этих типов печи я не останавливаюсь главным образом потому, что они довольно неопределенны. Сами башкиры в большинстве случаев делать их не умели. В каждой деревне встречалось несколько различных форм этих печей в зависимости от того, какие печники их делали, а последними бывали и мишари, и татары, и русские крестьяне или городские жители.

Для отопления башкиры повсюду пользовались дровами. В каминах (*сыуал*) сжигались, как сказано выше, очень длинные, чуть ли не в метр длиной, поленья, что возможно было только в богатых лесом местностях. На топку печей шли уже дрова сантиметров в 50–60 длиной. Самый рас-

[210] *Никольский Д. П.* Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование: Дис. СПб., 1899. С. 39–40.

пространенный способ хранения дров — поленницы; соседящие с уральскими казаками башкиры заимствовали от них способ укладки дров в виде огромных куч, похожих на стог сена. У юго-восточных степных башкир (усерг а н е, т а н г а у р ц ы, отчасти б у р з я н е) для отопления жилищ заготовлялся в большом количестве кизяк. Способ приготовления последнего ничем не отличался от общеизвестного.

Об освещении башкирских жилищ нам известно очень мало. Светец (*тимер аса*, рис. 203) для освещения лучиной встречался крайне редко, а жирников и жировых лампочек у них я совсем не видел. Костер, разложенный в центре или в углу временного жилища, или *сыуал* в постоянном зимнем жилье не только обогревали, но и освещали помещение. Этим светом башкиры, надо думать, раньше и удовлетворялись, а от него перешли непосредственно к керосиновым лампам. Из надворных построек необходимо прежде всего выделить кухню как постройку, менее других отличающуюся от жилых домов. Кухню — *ашхана* — не следует смешивать с *аш өйө*, в которой также приготовляли пищу. В то время как первая служила исключительно для приготовления пищи, да и то не круглый год (зимой в ней часто совсем не готовили), последняя являлась также постоянным жилищем. *Ашхана* представляла собой небольшое помещение, саманное, сложенное из камня или чаще плетневое. В ней непременно устраивался камин с печью или очаг с котлом. У одной из стенок кухни, против камина, обычно имелись небольшие нары. Кухни всегда делались из одинарного плетня и иногда обмазывались внутри глиной. Потолок, который служил вместе с тем и крышей, чаще всего был земляной (на частый ряд жердей, прикрытых ветвями с соломой или камышом, настилался дерн). Подобные кухни (рис. 204), местами известные под именем *аласык*, типичны были главным образом для южной и восточной Башкирии. Они встречались у усерган, бурзян и отчасти у кипчаков, изредка у степных тамьян-тангаурцев и кубеляк-телевцев, а также у зауральских катайцев.

Весьма близка была к *ашхана* по своему устройству заимствованная от русских клеть (*келәт*) для хранения провизии и хозяйственной утвари. Местами, например у зауральских катайцев, в клети устраивался даже *сыуал* с печью или очаг с котлом, одна ее половина служила кухней, тогда как в другой хранился хлеб и прочие продукты. В зависимости от местности клети делались из камня (*таш келәт*) или самана (*саман келәт*), плетневые (*ситән келәт*) или, наконец, бревенчатые. В способе постройки клети не было ничего оригинального. Если она была каменная или саманная, то стены ее складывались так же, как и в каменных и саманных избах, только не так тщательно промазывались глиной. Пола и потолка в них не было; крыши чаще всего делались земляные, соломенные или из больших

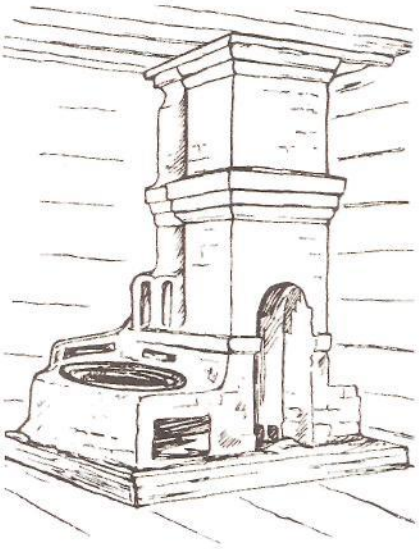


Рис. 202. Кирпичный камин – *сыуал* – с очагом. Катайцы

Рис. 203. Светец – *тимер аса*. Гайнинцы

Рис. 204. Плетневая кухня. Катайцы

плит плитняка. Окон не было, дверь всегда одностворчатая, открывающаяся внутрь клети. *Ситән келәт* делалась всегда из одинарного плетня (рис. 205, 206), промазанного иногда изнутри глиной, крыша была соломенная или из пластов дерна. Бревенчатая клеть, так же как и плетневая, часто превращалась в амбар.

Рис. 205. Плетневая клеть – *келәт* (*аласык*). Минцы

Амбар строился, как и бревенчатая изба, только без фундамента и плохо проконопачивался; пол в нем настилался досчатый; часто бывал потолок, крылся амбар тесом или соломой. В амбарах обычно устраивались закрома для зернового хлеба или муки.

Саманные клети встречались редко, главным образом на юге, зато плетневые охватывали довольно большой район. Они были распространены повсеместно по левую сторону р. Белой, начиная от буляpцев на западе и юрматынцев, по направлению к югу они встречались у кипчаков, бурзян и усерган, живущих в полосе лесостепи и степи, на востоке они известны были за р. Казылом и Сакмарой у бурзян, тамьянтангаурцев и у степных кубеляктелевцев, а также у зауральских катайцев на северо-востоке Башкирии. Бревенчатые клети и амбары, хотя имелись не у каждого хозяина, но распространены были повсеместно. Особенно характерны они были для северной и центральной части Башкирии. Кроме того, они встречались повсюду в горах Южного Урала.

Рис. 206. Плетневая клеть – *келәт*. Катайцы

Кроме клети и амбара, башкиры устраивали еще особые навесы (*тупалык*), под которыми помещались телеги и повозки, загоны, хлевы для скота и проч. С последними мы ознакомимся при рассмотрении двора. Над ледниками, которые местами встречались у западных башкир, делались иногда конусообразные шалаши, крытые соломой (рис. 207).

Рис. 207. Шалаш над ледником. Минцы

Установившейся формы двора у башкир не было. Его размеры, способ огораживания, расположение жилых и надворных построек были весьма разнообразны. Это создает трудности при его описании. Можно дать до десятка и более планов башкирских дворов, каждый из них будет более или менее характерен для известной местности, но они в своей совокупности не будут исчерпывать всего того разнообразия дворов, которое наблюдалось в действительности. Поэтому мне остается только наметить в общих чертах отличительные особенности дворов башкир различных местностей.

Общей характерной чертой каждого башкирского двора (*урам*) были большие его размеры. Как бы ни был беден башкир, как бы мала и незатейлива ни была его избенка, а из надворных построек был только плохонький амбарчик или клеть, двор у него всегда был просторный, огороженный плетнем или заборчиком, летом часто весь поросший травой. За первым двором непременно бывал второй, а иногда еще и третий. На приложенном плане (рис. 208)

показан двор башкира средней зажиточности с северо-востока (зауральские к а т а й ц ы), который можно признать характерным для всей восточной Башкирии. В данном случае мы имеем три двора (*урам*), огороженные высоким плетнем. В первом от улицы (*А*) помещались жилые постройки, во втором (*Б*) — загоны для скота, собственно скотный двор, третий (*В*) был предназначен или для скота, или же служил током для молотьбы хлеба, на нем же обычно отводилось место для стогов сена или скирд (кладей) хлеба и запасов дров, если последние не были сложены во втором дворе. Вместо плетневых в восточной степной, особенно в озерной, Башкирии часто бывали изгороди (*кәртә*) из камыша, способ устройства последних ясно виден из рис. 209. Направо от входа в ворота (камышовые или тесовые) первого двора, в углу, прилегающем к улице, находилась, смотря по местности, саманная, плетневая или бревенчатая изба с сенями, чуланом и крыльцом. В другом прилегающем к улице углу находилась клеть или кухня, рядом с которой устраивался небольшой навес (*тупалык*). Устройство навеса было весьма просто: в землю вкапывалось четыре столба, причем два передних были всегда несколько выше задних, и на них лежала крыша, материал которой варьировал в зависимости от местности (дерн, полубина, солома, тес). Задней стороной навеса всегда служил плетень или забор, доходящий до его крыши, чаще же (как это видно на нашем плане) навес с одной стороны прилегал к забору, а с другой — к клети, амбару или кухне. Иногда он устраивался между двумя постройками (кухней и амбаром и т. п.) и тогда был открыт только с одной стороны.

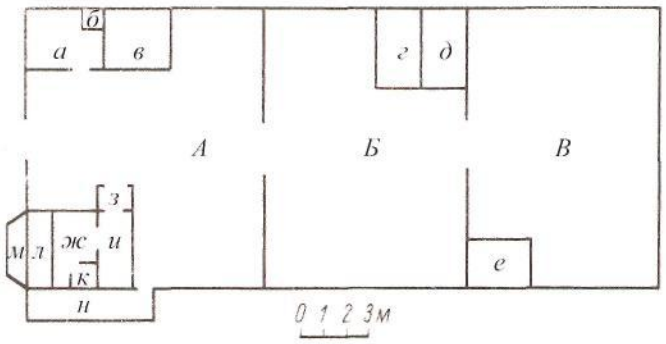


Рис. 208. План двора: *А, Б и В* — первый, второй и третий дворы; *а – ситән келәт, б, к – сыуал, в – ситән тупалык, г – ныйыр араны, д – ат араны, е – бесән кәртәһе, ж – саман өй, з – крылса, и – ситән солан, л – урындык, м – бакса, н – тәрәтхана.* К а т а й ц ы

Во дворах богатых башкир той же местности бывало и больше построек. Прежде всего там ставились две избы (*кунак өйө* и *аш өйө*), из которых одна была бревенчатая, а другая нередко саманная или из другого какого-нибудь материала. Кроме них, во дворе были одни или две клети или амбар и навес. При пятистенных избах или при двух срубах под одной крышей, соединенных сенями, нередко были и особые кухни или клеть с очагом и печью.

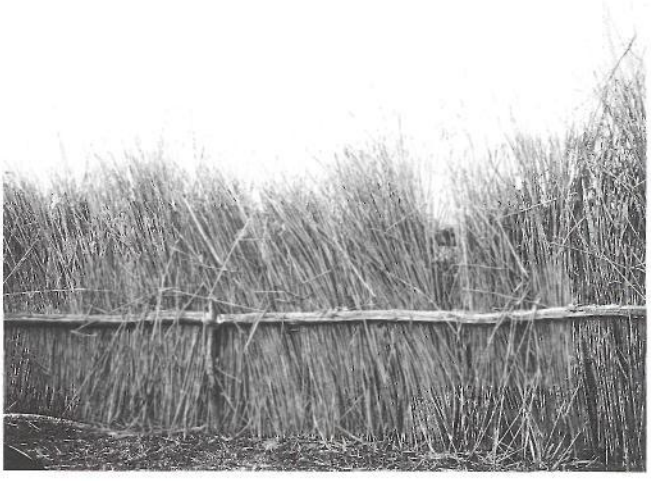


Рис. 209. Камышовый забор. К а т а й ц ы

Второй двор отделялся от первого плетнем с воротами (*kanka*). Он служил конским загоном, в нем были навесы и закрытые помещения для лошадей (*ат араны*), овец и коров (*ныйыр араны*). Там, где башкиры были богаты скотом и мало занимались хлебопашеством, третий двор также отводился для скота, в противном же случае он служил только гумном (*әүен*). На третьем дворе за особой загородкой (*бесән кәртәһе*) складывалось сено. Иногда там же находился род сарая, под крышей которого хранилось сено.

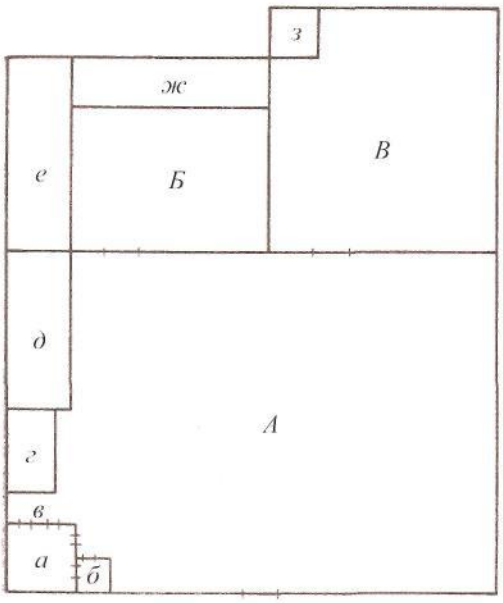
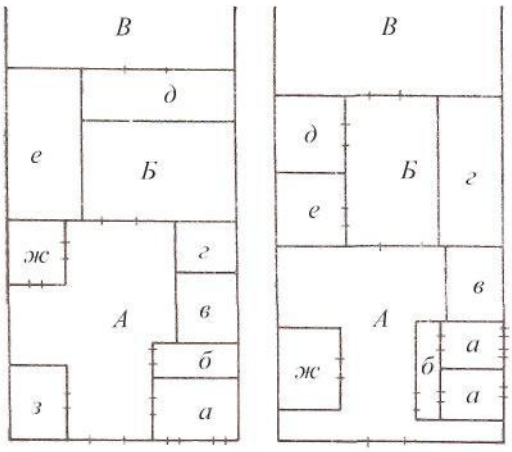


Рис. 210. План двора:
А – урам, Б – азбар, В – бакса, а – өй, б – солан, в, ж – тупалык, г, е – лапаç, д – кура, з – мунса.
Т а б ы н ц ы

Другой план (рис. 210) двора взят из центральной Башкирии, с р. Зилаира (т а б ы н ц ы). Большой двор (*урам*) был огорожен забором (*койма*) из досок или тонких бревнышек, укрепленных между вкопанными в землю столбами (*тояк*). В левом углу, обращенном к улице, стояла изба (*өй*) с сенями. Вблизи избы, в левой стороне двора, поставлен был бревенчатый, покрытый тесовой крышей амбар (*келәт*), а рядом с ним бревенчатый же сарай с воротами, покрытый соломенной крышей, предназначенный для коров (*кура*). Из первого большого двора двое ворот вело в задние дворы, огороженные забором из жердей или полубины, из которых один служил для загона скота (*азбар*), а другой превращен был в огород (*бакса*). На скотном дворе имелся *тупалык* (навес) и *лапаç*, часть которого служила амбаром, а другая часть была превращена в хлев. В углу второго заднего двора-огорода была поставлена баня (*мунса*).

Таков был простейший вид двора центральной Башкирии. Кроме отмеченных построек, на первом дворе часто бывал еще лубяной *аласык* — летнее жилище, бревенчатый балаган (*бура аласык*), служивший также летним жильем или кухней, навес для повозок, а иногда и вторая изба. Определенных мест в ограде для перечисленных построек не было, некоторые из них, как, например, *аласык* и амбар, помещались и посредине двора. В тех случаях, когда усадебное место, выходящее на улицу, было нешироко, первый двор был уже, чем на приложенном плане (рис. 210), тогда один из задних дворов — огород с баней — помещался позади скотного двора (*азбар*); таким образом, оставались те же три двора, но расположенные иначе, как это показано на рис. 208 и 211.

Рис. 211. План дворов (*А – В*) северо-западной области (слева): *а – өй, б – сыуал, в, д – тупалык, г – ат араны, е* – загоны для скота, *ж – мунса, з* – амбар; юго-западной области (справа): *а – өй, б – солан, в* и *г – тупалык, д* и *е* – загоны для скота, *ж – келәт*



Нигде башкирский двор не был вполне замкнутым, как это было характерно для живших по соседству с ними финноязычных народов и русских, хотя в западной и северо-западной Башкирии и наблюдалась наклонность к созданию такого двора. Там размеры дворов были меньше, дома и надворные постройки занимали значительную их часть, заборы, окружающие первый и второй дворы, делались высокие, нередко бревенчатые. Второй двор застраивался загонами, хлевами и навесами, на нем же отводилось место для скота, третий тоже служил для скота или использовался под гумно или огород.

Несколько иное устройство и местный характер имели дворы на юго-западе Башкирии. В некоторых деревнях, например у юрматынцев, сени с чуланом и клетью, завозня для экипажей и стойло для лошадей помещались под одной крышей. На рис. 212 мы видим избу — плетневую мазанку, рядом с ней сени с чуланом, сообщающиеся с улицей дверью; плетень сеней с чуланом являлся продолжением плетня избы, но глиной обмазан он только снаружи, да и то не очень тщательно. Плетень, не обмазанный глиной,

Рис. 212.
Изба из одинарного плетня под одной крышей с хозяйственными постройками.
Юрматынцы

продолжается и далее, образуя помещение для телег и лошадей. Эта часть постройки сообщается с улицей при помощи ворот и калитки. Все эти помещения составляют одно целое и находятся под одной крышей. В данной местности двор и все хозяйственные постройки часто ограничивались только что описанным сооружением, иногда же с противоположной стороны улицы располагались загоны для скота и огороды.

Чтобы закончить описание башкирских построек остается упомянуть еще о банях (*мунса*). Бани, по всей вероятности, заимствованы башкирами от своих западных соседей — русских или финноязычных народов. От них, вероятно, заимствован и обычай мыться перед праздником, для мусульман перед пятницей. Бани у башкир бывали и черные (*кара мунса*) и белые (*ак мунса* или *әүнә*), последних всегда было меньше, чем черных, да и те принадлежали только богачам. Количество бань в деревне было далеко не одинаково в различных местностях. Были районы, где почти в каждом дворе имелась баня, с другой стороны, были целые башкирские дачи (роды), где бань совсем не было. Так, например, бань совсем не было в некоторых дачах юрматынцев, не было ни одной бани в некоторых деревнях усерган на юге Башкирии, не было их во многих деревнях и восточных башкир, например кара-барын-табынцев, тамьян-тангаурцев и др. Я не имею в своем распоряжении точных цифровых данных о количестве бань в различных районах Башкирии. Между тем, по имеющимся сведениям, границу между родами, в деревнях которых встречались бани в большем или меньшем количестве, следует провести примерно от г. Белебея, несколько южнее г. Уфы, по направлению к г. Златоусту и оттуда на север. К югу от этой границы бань было вообще мало, не более одной на пять дворов. К югу и востоку количество их еще более уменьшалось: у зауральских, например, катайцев были деревни, где одна баня приходилась на сотню дворов; то же можно сказать и про некоторые деревни бурзян и тангаур-

ц е в. К северу от этой пограничной линии количество бань, напротив, увеличивалось, и на крайнем северо-западе почти в каждом дворе имелась баня. Все вышесказанное относится только к черным баням. Белых вообще было гораздо меньше; в южной половине башкирского края во многих деревнях их совсем не было, там же, где они имелись, их было не больше двух-трех во всей деревне. В северной половине их было больше, но и там они составляли только 10—20 % всех бань в деревне.

Устройство башкирских бань было весьма примитивно. Местами (например, у у с е р г а н) даже не было постоянных бань, на лето строили балаган, внутри которого складывалась печурка из голышей (каменка). После топки балаган покрывался кошмами и в нем мылись по одному человеку. Бани были иногда саманные и плетневые, но чаще всего бревенчатые. Обычно они представляли собой небольшой (4 м^2), плохо прокопопаченный сруб с земляным полом и щелеватым потолком, засыпанным землей. Окон не было, а дверца была настолько мала, что в нее едва можно было пролезть сильно согнувшись. В самой бане не всегда можно было стоять выпрямившись. Против входа были низенькие нары, а в углу возле дверей просто груда камней с топкой под ними или примитивная печурка, кое-как сложенная из плит песчаника. Перед входом часто делалась загородка из плетня или из камыша, где и раздевались летом, так как предбанника не было. Такой была наиболее типичная черная башкирская баня, которая встречалась повсюду. Разумеется, были бани и лучше устроенные, с деревянным полом, потолком и предбанником, иногда даже с окнами, особенно белые бани, но последние копировали соседние русские или татарские бани. Ходили в бани со своими тазами и кувшинами (*комган*), которые употреблялись для ежедневного омовения. Париться башкиры не любили и в банях только мылись. Мужчины и женщины мылись отдельно, с последними мылись и дети. Строились бани где-нибудь на заднем дворе или на берегу озера или речки. В последнем случае, если берег озера или реки был крутой, бани часто строились в виде полуземлянок со срубиком всего в четыре-пять венцов.

До сих пор мы занимались башкирскими жилыми, надворными постройками и их расположением во дворах. Остается только рассмотреть, как группировались дворы в деревне, иначе говоря, ознакомиться с общим характером башкирской деревни.

В обширной литературе о башкирах имеется много описаний их деревень, но описания эти настолько разноречивы, что по ним трудно составить представление как о характере самой деревни, так и о тех принципах, которыми руководились башкиры при расположении дворов, образующих деревню. В действительности вряд ли даже существовал единый тип деревни, общий всем башкирам. Расселение башкир на обширной территории, разнообразие географических условий и посторонних влияний, скотоводческое хозяйство при почти полном отсутствии земледелия в одних местах и при преобладании земледелия в других, многократные передвижения внутри занимаемой ими страны и, конечно, влияние соседей с более высокой культурой — все это отразилось на характере башкирских деревень. Деревни крайнего северо-запада были совсем не похожи на деревни зауральских к а т а й ц е в. Степные деревни, хотя бы б у р з я н, имели мало общего с горными деревнями и н з е р - к а т а й ц е в. Нельзя отождествлять деревни северных а й л и н ц е в и степных ю р м а т ы н ц е в.

При первом же взгляде на карту Башкирии мы убеждаемся в том, что если и не все, то огромное большинство башкирских деревень расположено при реках, местами (крайний северо-восток) при озерах. Поэтому ни во дворах, ни в деревнях почти нигде не встречалось колодцев. Колодцы я редко видел даже в старинных деревнях юго-восточной Башкирии, расположенных при болотах. Положение деревень при болотах, вдали от рек и озер, требует пояснения. Эти деревни были раньше зимовками кочевавших здесь башкир. Последние, выбирая

место для зимовки, руководились не столько обилием воды, так как зимой они пользовались снегом, сколько тучностью пастбищ, на которых возле их зимовки кормились стада в течение четырех-пяти зимних месяцев.

Помимо близости воды, при выборе места для деревни обращалось внимание на то, чтобы оно было безусловно сухое. В горах избегали крутых склонов и выбирали площадки у реки или ручья. В области увалов, западных отрогов Южного и Среднего Урала, для постройки деревни предпочитали закрытые долины рек.

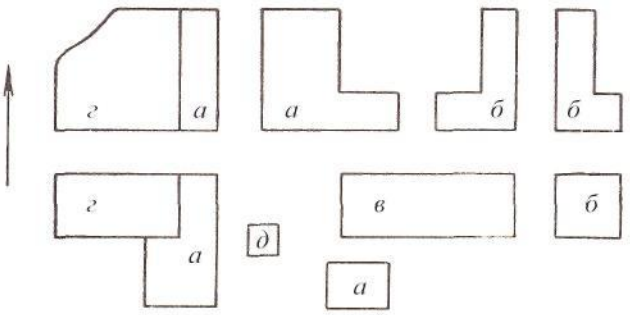


Рис. 213. Расселение родовых групп в деревне: *а* – *ыласын*, *б* – *урускул*, *в* – *эткина*, *г* – *накандар*, *д* – место мечети

В общем плане башкирской деревни обращала на себя внимание ее разбросанность. Большие и открытые дворы, разнообразие в расположении построек во дворах, пространные задние дворы, к которым нередко примыкали загоны для молодого скота (телят) или огороды, — все это придавало деревне разбросанный вид. Между тем, повсюду в башкирских деревнях имелись правильные, очень широкие улицы. Иногда в больших деревнях различимы были одна-две главные и несколько побочных улиц или проулков. Никогда башкирские деревни не были особенно велики, как это можно было видеть у живущих среди них русских, у которых деревни иногда растягивались вдоль по реке на 10 и более километров. С увеличением населения в деревне, из нее выделялась часть домохозяев и переселялась на дальний конец территории общины, образуя выселок. Выселки эти носили название старой деревни (метрополии) с прибавлением: Малая, Верхняя, Нижняя, Новая, Второй, Третий и т. д.

Родовой принцип, по которому, в частности, башкиры-родственники кочевали вместе, сказался и на расположении дворов в деревне. Во многих, особенно в зауральских и в юго-восточных, башкирских деревнях родственники селились вместе, отчего деревня удлинялась не в одну улицу, вдоль реки, а разрасталась вширь. Как пример приводится схематический план (рис. 213) дер. Байрамгуловой (рода б а р ы н - т а б ы н), население которой состояло из четырех родственных групп (*ара*). Огромное большинство башкирских деревень называлось по имени стариков (эпонимов), основателей этих деревень. В случае образования выселка последний, как я уже говорил, часто носил два названия: производное от основной деревни с прибавлением «Малая», «Верхняя» и проч., а также по имени своего основателя (например, Малая Баишева или Салихова и т. п.).

Соседство с марийцами и удмуртами, а главным образом с русским населением, сказалось на облике деревень северо-западной, а отчасти и центральной Башкирии с ее преимущественно земледельческим хозяйством. Их небольшие, примыкающие друг к другу дворы с хорошо построенными бревенчатыми избами или хозяйственными постройками имели большие тесовые ворота и плотные заборы. В степях за Уралом, где население занималось преимущественно скотоводством, постройки в башкирских деревнях не были так скучены, улицы в них были очень широкие, часто заросшие травой, по которым бродил скот и домашняя птица. Совершенно особый вид имели летом деревни юго-восточного склона Урала, когда все население отправлялось на кочевки в горы. В это время во всей деревне не было ни души. Рамы окон на это время выставлялись или забивались. Вся улица, все дворы и задворки, даже все крыши избушек зарастали коноплей или крапивой. Мертвая тишина царила в такой деревне, не было слышно ни человеческого голоса, ни лая собак; разве только случайно забредет в нее отбившаяся от стада лошадь или заглянет какой-нибудь старик-пчеловод, чтобы

осмотреть расставленные на задворках колоды.

Горные деревни были еще меньше степных и лесных. О некоторых их особенностях уже говорилось выше. В башкирских деревнях вообще ни во дворе, ни около дома не встречалось ни деревца, ни кустарника, а тем более сада. Загородки из жердей, сделанные перед саманными избами с улицы (у зауральских башкир), имели целью только предохранить дом от скота, бродящего по улицам. Исключение в этом отношении составляла только западная Башкирия да отчасти северная, где встречались палисадники перед домами с улицы, обнесенные забором или плетнем. Эти палисадники придавали особый вид деревне, так как они отделяли дома от улицы, на которую выходили только ворота дворов, плетни и заборы.

Рис. 214. Дер. Иткуль. Катайцы

В центре почти каждой деревни находилась мечеть, а в больших деревнях их было две и даже три. Это здание архитектурно было более законченным, чем обыкновенные башкирские дома. По внешнему виду и по плану огромное большинство мечетей представляло собой почти точную копию одна другой. Это был высокий сруб величиной в большую пятистенную избу, с крыльцом (*күтәрмә*) в северной стороне и небольшой бревенчатой пристройкой-выступом (*михраб*) в южной стороне. Рядом с крыльцом или сбоку бывал балкончик (*ахшамлык*)[211]. Над крышей почти всегда возвышался минарет (*манара*), назначение которого было такое же, как *ашхамлык*. Внутри мечеть разделялась на две части: в первой от входа (*башмак бүлмәһе*) молящиеся снимали обувь, часто это бывали просто сени; вторая (*сөннәт бүлмәһе*) была предназначена для молящихся. Была и третья, передняя часть (*фарыз бүлмәһе*), расположенная перед михраб. В последнем отделе мечети, направо от михраб, делалось возвышение (*менбәр*), куда по ступенькам всходил мулла для произнесения проповеди. Внутреннее убранство мечети отличалось простотой. Стены ничем не были прикрыты, только местами были наклеены изречения из корана; полы были застланы войлоком и половиками.

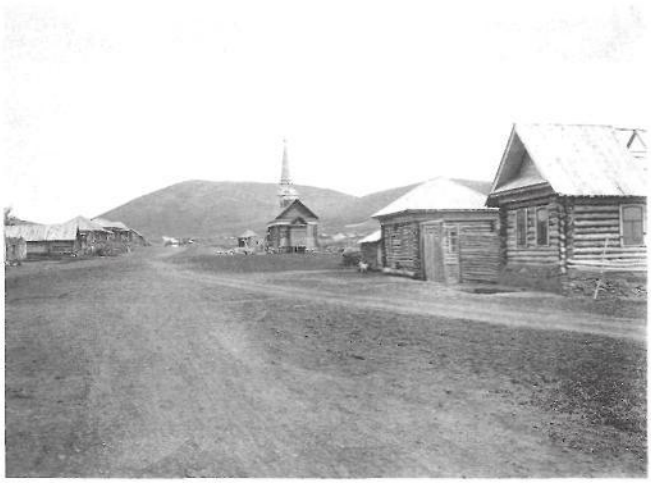


Рис. 215. Дер. Усть-Бугалыш. Айлинцы

Несмотря на чрезвычайное разнообразие башкирских жилых построек в зависимости от района их распространения и, до известной степени, происхождения, они могут быть разделены на несколько групп. При группировке типов жилищ можно оставить в стороне такие примитивные типы временных жилищ, как заслоны из ветвей или конусообразные шалаши, известные повсюду и за пределами

[211] С этого балкончика азанчей призывал молящихся к вечерней молитве после захода солнца — *ахшам*, откуда и самое название балкончика; перед остальными молениями азанчей призывал с минарета.

Башкирии. Я не принимаю во внимание также и такие специальные и узкоместные формы, как берестяной *аласык* катайцев, *агас тирмә* или *такта аласык*, неподвижный или перевозимый на колесах.

К первой группе я отношу столь типичные для степных кочевников-скотоводов жилища, как решетчатые кибитки, характерные для башкир определенной области.

Ко второй группе жилищ относятся постройки из дерна, саманные и плетневые мазанки. Эта группа, характерная для безлесных местностей вообще, кроме башкир, встречалась у полуоседлых скотоводческих соседей на востоке (казахов), а также у татар и мишарей; она характерна для безлесных местностей вообще. Для отопления этих жилищ устраивались камины (*сыуал*).

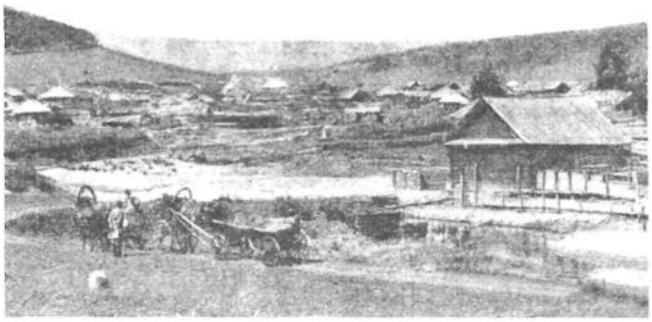


Рис. 216. Дер. Тунгатарова. Барын-табынцы

Третью группу составляли жилища, общие башкирам и их северным и северо-западным соседям: удмуртам, мари, чувашам и русским. Это прежде всего лубяные и берестяные балаганы (*аласык*), особенно распространенные и характерные для северо-восточных соседей башкир (бассейн р. Оби), и примитивный сруб (башкирская *бурама*). Последний совершенно в том же виде, что и у башкир, можно было видеть у удмуртов, мари и у чувашей в качестве кухни или постройки для ритуальных целей (куала). Как полевая избушка на сенокосах сруб встречался у русских Среднего Урала, как постоянное (зимнее) жилище — у манси и хантов в бассейне средней Оби. Наконец, к этой же категории следует отнести и бревенчатую избу во всех ее вариантах, причем надо отметить, что у башкир, татар, мещеряков она редко принимала форму пятистенной избы, чаще мы видим два сруба под одной крышей с сенями посредине. По внутреннему устройству башкирская изба, отличаясь во многом от изб удмуртов, мари и чувашей, равно как и в некоторых архитектурных деталях, совершенно сходна с внутренним устройством изб татар и мишарей, живущих совместно с башкирами.

С точки зрения географического распространения различных типов башкирских жилищ можно различить четыре района.

Первый, восточный, занимал довольно узкую полосу степи и лесостепи по восточную сторону Урала и на юге Башкирии. Там большинство изб было построено сравнительно более примитивно, с полом низко от земли; везде встречались плетневые избы, главным образом из двойного плетня, а также земляные и саманные, особенно на севере; материал для крыш был весьма разнообразен. Для отопления служили камины, в качестве топлива местами пользовались кизяком. Летними жилищами были почти исключительно решетчатые кибитки, монгольского типа на севере и тюркского — на юге, с промежуточной смешанной зоной.

Второй, или горный, район занимал весь Южный Урал с его отрогами. В нем постоянными (зимними) жилищами

были исключительно бревенчатые избы с полом над землей и драничатой, реже тесовой крышей. Характерным летним жилищем была *бурама*, а также лубяные балаганы на западном склоне и конусообразные шалаши на восточных предгорьях и хребтах.

Третий, юго-западный, район, к западу от Урала и к югу от г. Уфы, имел преимущественно избы с полом, настланным невысоко от земли; встречались и плетневые избы по большей части из одинарного плетня, а на юге имелись пластовые (земляные) и саманные избы; материалом для крыши во всем районе чаще всего служила солома, а на юге — тес. Чувалов совсем не было, летними жилищами были решетчатые кибитки тюркского типа и лубяные *аласык*.

Наконец, четвертый, или северо-западный, район по типу изб более всего приближался к жилищам народностей Прикамья, особенно удмуртам и мари. Избы там были все бревенчатые с полом, настланным высоко от земли, покрытые на юго-западе главным образом соломой, а на севере и северо-востоке — тесом. Каминов и летних жилищ, за исключением общераспространенных конусообразных шалашей, там не было и в помине.

Глава XI

СПОСОБЫ И СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Способы и средства передвижения башкир определялись как физико-географическими условиями занимаемой ими страны, так и образом их жизни. По крайней мере две трети Башкирии в прежние времена представляли собой горную страну и покрытые лесами пространства. Только около трети лесостепной и степной Башкирии было пригодно для колесного транспорта. Из приведенного во второй главе реестра и описания башкирских волостей 1730 г., в котором, помимо общей их ситуации, имеются сведения о путях сообщения, сравнительно редко говорится «тележной путь свободной». Чаще сообщается: «тележной путь нужной», «тележной путь самый нужной», «тележной путь с великою нуждою» или «тележнаго пути нет, разве только с нуждою», а особенно часто — «за горами и лесами, за топями тележнаго пути нет».

Пути сообщения в России и особенно на ее востоке в XVI и XVII вв. были настолько мало удовлетворительными, что, по преданию, башкирские посольства XVI и XVII вв. ходили в Казань, а затем и в Москву зимой на лыжах. Естественно поэтому, что верховой конь летом, зимой — лыжи были основными средствами сообщения башкир.

Башкирские лыжи были двух разновидностей: простые деревянные лыжи (*калтаған*) и особые охотничьи лыжи (*саңғы*), подбитые шкурой. Последние подшивались обычно шкурой, снятой с ног лошади, реже лося, были длиной около 2 м и в средней части, там где нога ремнем привязывалась к лыже, сверху оклеивались берестой, чтобы под обувью не накоплялся снег. При изготовлении лыж предпочиталось черемуховое дерево как наиболее легкое, гибкое и прочное, реже они делались из соснового дерева. По материалу и технике работы башкирские лыжи принадлежали к типу лыж, широко распространенному как в лесной полосе восточной Европы, так и в Сибири.

При передвижении на лыжах в северо-западной Башкирии пользовались специальной путевой обувью *бышымлы кынйырак* и *бышымлы сабата*, которые описаны в главе об одежде.

Для переноски тяжестей при пешем передвижении башкирам служили специальные приспособления *алап* (рис. 43), описанные в главе о звероловстве. Местами, преимущественно в лесной полосе, к западу от Уральского хребта, для пе-

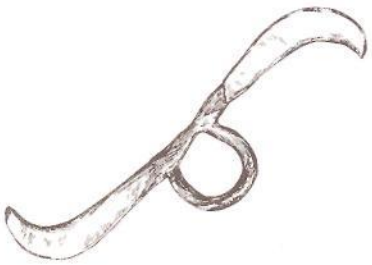


Рис. 217. Трензель. Бурзяне

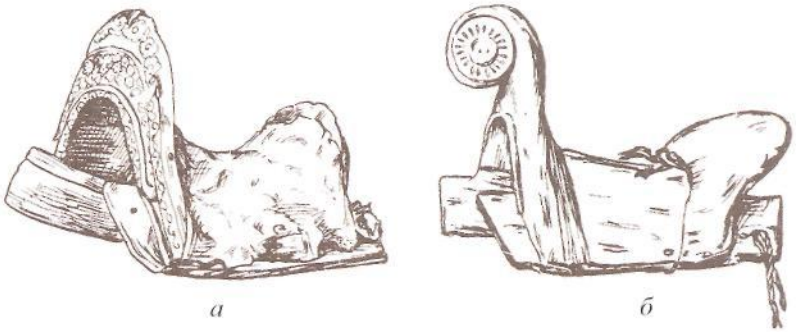
реноски тяжестей башкиры пользовались плетенными из лыка кошелями (*биштәр*) с лямками, сплетенными из того же материала (рис. 114).

При том бездорожье в Башкирии, о котором говорилось выше, вполне естественно, что верховой конь имел огромное значение.

Башкирская узда (*йүгән*) ничем особенным не отличалась от общераспространенного в течение уже двух тысячелетий типа узды. Она обычно была ременной, состоящей из ремней оголовья, ремней переносья и налобного, а также ремней подбородочных. Удила были железные, двусоставные, с большими кольцами, вдетыми в наружные ушки удил. Повод, концы которого привязывались к кольцам удил, был ременный или витой из конского волоса. К левому кольцу удил привязывался длинный, метров пяти, также витой из конского волоса чумбур (*сылбыр*).

В древности башкирские узды имели железные трензеля, украшенные серебряной чеканкой, по форме напоминающие S-образные древние псалии, но с кольцами для повода (рис. 217).

Оригинальнее были башкирские седла. Седло, состоящее из деревянной основы с мягкой подушкой, стременами, подхвостным и нагрудным ремнями, появилось у азиатских скотоводов давно, не позднее V в. н. э. В VI—VII вв. имелся уже вполне выработанный, устойчивый тип такого седла. Седло без деревянной основы и стремян известно у коневодческих племен восточной Европы и Азии по крайней мере на тысячу лет раньше. За исключением некоторых деталей, башкирское седло не отличалось как от самых древних седел с деревянной основой, так и от современных ему седел степных кочевников-скотоводов, в частности казахов. В Башки-



а *б*

Рис. 218. Седло – *эйәр* – мужское (*а*), кара-табынцы, и женское (*б*), инзер-катайцы

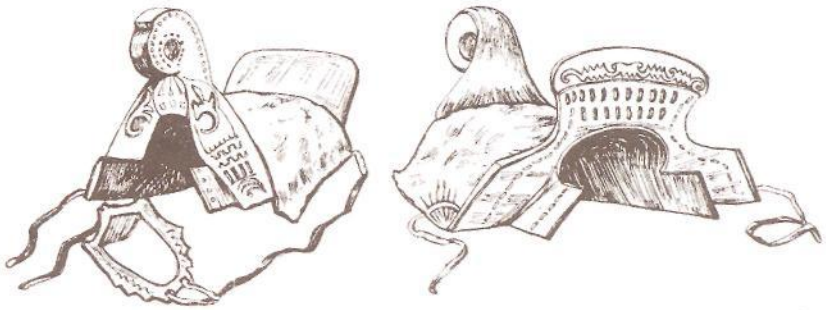


Рис. 219. Седло женское, украшенное резьбой, – *эйәр*

Рис. 220. Потник – *сергетыш*. Бурзяне

рии такое седло могло появиться с одной из первых гуннских волн, примерно в VI–VII вв. н. э.

Башкирские седла (*эйәр*) были и мужские, и женские, резко отличающиеся по форме. Мужское седло имело широкую переднюю луку и небольшую, относительно крутую заднюю луку (рис. 218, *а*). Женское седло было вообще значительно уже, особенно узкое в передней своей части, с высокой передней лукой и очень большой, плоской задней лукой (рис. 218, *б*; 219). Остов башкирского седла был весь деревянный, причем ленчик (*каптал*) женского седла вырезывался из цельного дерева, тогда как ленчик мужского седла состоял из двух отдельных половин (плоских брусьев), с промежутком между ними, соединенных между собой луками. Посредине мужского седла, между брусками ленчика, была закреплена широкая ременная полоса. У краев брусьев ленчика, близ передней луки, были проделаны продольные прорезы для подпруги (*тарткы*) и ремней стремян (*кайыш өзәңге*). За задней лукой прикреплялись специальные ремешки, торока (*каңъяға*). Передняя лука женского седла часто покрывалась резьбой, а обе луки мужского седла с наружной поверхности нередко обивались железными пластинками, покрытыми серебряной узорной чеканкой. Ленчик мужского седла покрывался лоскутом войлока, сверху на него всегда накладывалась подушка, а под седло подкладывался толстый войлочный потник (*сергетыш*), часто обшитый снаружи кожей. Потник к женскому седлу отличался своими большими размерами, а также тем, что снаружи бывал расшит различными фигурами, выполненными нитками красного и желтого шелка или шерсти, и обшит цветным сукном с вышитыми по нему различными узорами. По углам к потнику пришивались кисточки из цветных шерстяных ниток (рис. 220).

Подпруги были ременные или плетенные из конского волоса. У каждого башкирского седла был подхвостник (*койошкан*), а иногда и нагрудник (*күмелдерек*). Нагрудники и подхвостники были или веревочные (витые из конского во-

а

б

Рис. 221. Стремена – *өзәңге*: *а* – тангаурцы, *б* – бурзяне

Рис. 222. Переметная сума – *артмак*. Катайцы

лоса), или ременные. Последние украшались железными серебряной чеканки бляхами (*койошкан* и *кумелдерек каш*). Стремена (*өзәңге*) были или простые деревянные (рис. 221, *а*), совершенно такие же, какие мне приходилось видеть у западных казахов, или обычные для русских седел кованые железные. У зауральских юго-восточных башкир встречались тяжелые железные стремена типа, представленного на рис. 221, б, посеребренные, а иногда покрытые чеканным узором. Подобные стремена часто можно было встретить и у казахов.

Вьюки, в которых башкиры, преимущественно горные, перевозили различные вещи, были весьма разнообразны, в зависимости от их назначения. Самые простые мешки шились из телячьего меха (*башмак сарма*), шерстью наружу. В ушки, пришитые к верхнему краю такого мешка, продевалась витая из конского волоса веревка, при помощи которой *сарма* и прикреплялась к седлу. В них чаще всего возили провизию. Размеры *сарма* были от 30 до 50 см длины и от 20 до 40 см ширины.

У горных зауральских башкир часто встречались переметные кожаные сумы (*артмак*), а у юго-восточных башкир — ковровые среднеазиатской работы (*куржын*). Кожаный *артмак* (рис. 222) состоял из двух сум, соединенных между собой широкой кожаной полосой; отверстия обеих сум прикрывались кожаными клапанами. При переездах *артмак* перекидывался через седло или привязывался в торока за задней лукой седла. Ковровая сума (*куржын*) имела прямоугольную форму, состояла из двух карманов, закрывавшихся при помощи системы волосяных петель и такого же шнура. *Куржын*, как и кожаная сума, употреблялся для перевозки провизии.

Рис. 223. Перевозка груза на волокуше – *һөйрәтке*. Инзер-катайцы

На западном и северо-западном склонах Южного Урала, а также у горных инзер-катайцев для перевозки провизии вместо *артмак* употреблялись лыковые переметные сумы. Они состояли из двух кошелей-корзин, сплетенных из вязового лыка, закрытых крышками и соединенных между собой плетеными лыковыми веревками.

Былые способы передвижения башкир, особенно горных, будут совершенно ясны, если посмотрим, как они совершали перекочевку.

Уложив все свое имущество, все, без различия пола и возраста, садились верхом на лошадей. Женщины, у которых были грудные дети, клали их за пазуху своего халата, к груди, и подпоясывались кушаком. Кроме того, позади себя они нередко на особой узкой и длинной подушке (*яҫтык*) сажали на круп лошади еще одного или двух детей в возрасте от одного до трех лет. Так как последние не в состоянии были самостоятельно сидеть на лошади, то их привязывали кушаком, который пропускался под руками матери и завязывался у нее

на груди. Задний ребенок при этом держался руками за переднего, а передний в свою очередь за кушак матери. Если детей в семье было много, то в их перевозке, кроме матери, принимал участие и отец или кто-либо из взрослых детей. По словам В. М. Черемшанского[212], иногда матери усаживали детей и впереди себя, где делали для них род сиденья, которое прикреплялось к передней луке седла. К седлу привязывались особые жердочки или веревки, за которые дети придерживались во время пути.

Посуда и другой домашний скарб подвешивались к седлам, а особенно громоздкие вещи, если позволяла местность, перевозились на волокушах (*һөйрәткә*).

Во время перекочевки впереди гнали лошадей, за ними овец и крупный рогатый скот, наконец, ехали люди со всем домашним скарбом.

Вследствие плохих путей сообщения, отсутствия наезженных дорог в быту башкир сохранились весьма примитивные приспособления для перевозки тяжестей, в частности волокуши, упомянутые выше.

Устройство волокуши было крайне простое: две жерди, метра четыре длиной каждая, толстыми концами привязывались к седлу верхового коня у стремян. Посредине жерди связывались лыком или волосяной веревкой, ниже которой прикреплялось большое полотнище луба. На луб клались вещи и увязывались. Там, где лесные тропы были достаточно торными, для перевозки имущества башкиры пользовались тележными передками. Вещи складывались или только на ось передка, или на ось передка и на задние концы оглобель, опутанные веревкой, или на особые жерди, привязанные к передку (рис. 223). На жерди эти, как и на простую волокушу, клался луб, на котором укладывались вещи. На передках вещи перевозились преимущественно там, где приходилось переезжать глубокие броды.

Колесные экипажи — телеги, ходки, тарантасы и проч. — в начале XX в. у башкир были совершенно такие же, как и у их соседей русских (рис. 224). Единственное, что должно быть отмечено, это чрезмерная

Рис 224. Перекочевка на телегах.
Сызгинцы

Рис. 225. Телега на длинных дрожинах.
Инзер-катайцы

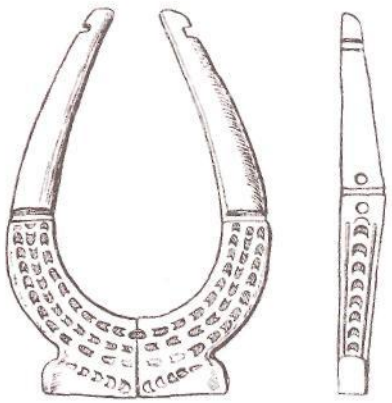


Рис. 226. Головка хомута.
Юрматынцы

[212] *Черемшанский В. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. С. 145.

длина дрог в телегах башкир восточного склона Урала, но и она появилась как следствие занятия лесным промыслом и связанной с ним необходимостью перевозить на лошадях бревна и тес (рис. 225). Зимой башкиры ездили на обычных для севера России санях-дровнях, розвальнях, кошевах, которые не представляли собой ничего оригинального.

Как особенность конской упряжки следует отметить, что в центре Башкирии и на ее северо-западе башкиры при изготовлении сбруи широко пользовались лыком и мочалой. Из лыка плели седелки (*ыңғырсак*), мочальными были шлеи, узды, недоуздки. Местами головки хомутов украшались резьбой (рис. 226).

Для передвижения по воде у башкир не было самобытных, сколько-нибудь усовершенствованных плавучих средств. Примитивный выдолбленный из бревна челн-колода (*кәмә*), по-видимому, был единственным более или менее широко распространенным и характерным для башкир средством передвижения по воде. Досчатые или долбленые с нашивными бортами лодки, которые изредка у башкир встречались, приобретались у соседних народностей, а у себя не выделывались.

Достаточно беглого взгляда на средства и способы передвижения башкир, чтобы заметить у них ряд элементов, различных по происхождению и территориальному распространению. Лыжи у башкир были повсюду одного и того же типа. Охотничья обувь, отмеченная у северо-западных башкир, имеет много общего с такой же обувью соседних финноязычных народностей. Заплечные принадлежности для переноски тяжести, встречавшиеся у северных и северо-западных башкир, помимо них, были широко распространены у населения лесной полосы восточной Европы. Напротив, седла, особенно женские, и весь конский прибор, равно как и переметные сумы, кожаные и ковровые, столь широко распространенные у горных восточных и юго-восточных башкир, были характерны для башкир. Отделка седел, расшивка потников и украшения конской сбруи были специфически башкирскими, хотя подобные предметы бытовали и у соседних им степных кочевников-скотоводов, в том числе у казахов. Сани, колесные экипажи, имевшиеся у башкир, как было отмечено, не представляли ничего оригинального, и даже волокуши во всех своих разновидностях не отличались никаким своеобразием. Весьма примитивными, широко распространенными за пределами Башкирии и не характерными для башкир были их долбленые, корытообразные лодки.

Глава XII

СЕМЕЙНЫЙ БЫТ И НАРОДНЫЕ ПРАЗДНЕСТВА

В семейном быту и в народных празднествах башкир до конца XIX в. ярко проявлялись пережитки патриархально-родового строя с некоторым отпечатком правил шариата, усердно внедряемых в жизнь башкир их мусульманским духовенством. Старых обычаев с особым старанием придерживалась байская верхушка башкирского общества, для которой многие институты (*науын, өмә, аш*) патриархально-родовых отношений являлись средством для эксплуатации своих материально необеспеченных родовичей и общинников. Поэтому семейно-родовой быт в наиболее ярких своих формах проявлялся среди зажиточного слоя башкирского общества.

Древний обычай сговаривать своих детей еще в колыбели до конца XIX в. сохранялся еще кое-где у богатых зауральских башкир. В знак заключения брачного договора родители жениха и невесты пили *бата*[213], разведенный мед или кумыс из одной чашки. С этого момента девочка становилась невестой, и отец уже не имел права выдать ее за другого, хотя бы жених и оказался потом неподходящей партией, вследствие ли своих качеств или по расстроившемуся материальному состоянию. Если отец впоследствии не пожелает отдать за нареченного свою дочь, он обязан откупить ее, т. е. отдать жениху или его родителям скот, деньги и прочее, в размере обусловленного раньше калыма. Впрочем, сговор в младенчестве в начале XX в. бывал уже очень редко. Женились башкиры рано. По достижении юношей 15—16 лет его женили на девушке 13—14 лет. Отец, желая женить сына, советовался с женой, спрашивал согласия на брак и сына. Выбор невесты, хотя и по согласию с женой, всегда принадлежал отцу. Заручившись согласием сына и жены, отец отправлял к будущему тестю сватов (*коза*) или сам отправлялся к нему для переговоров. При согласии отца невесты начинались переговоры о калыме. Величина калыма зависела от благосостояния родителей обоих брачующихся. У зауральских башкир калым состоял из лошадей, крупного рогатого и мелкого скота, из двух-трех рубах, занавеси (*шаршау*), пары сапог, платка (у богатых — из женского кораллового

[213] Собственно *бата* (или *фатиха*) означает «первая глава корана», у башкир же вообще — «благословение» и всякая «молитва».

головного убора *кашмау*), халата (*елән*) из черной китайки, обшитого красным сукном и галупом, или просто суконного или кармазинного. Все это шло в пользу невесты, кроме лошадей, из которых одну получал отец девушки, а другая закалывалась на свадьбе. Матери невесты жених дарил лисью шубу (*инә тулы*). У северо-восточных башкир средней зажиточности калым состоял из 50—150 руб. денег, одной лошади, кобылы с жеребенком, двух коров с теленком, двух-трех овец и разных материй рублей на 15—20. При сильно колеблющейся величине калыма размер его не падал ниже известной нормы, обусловливавшейся обязательными со стороны жениха подарками: лошадь (*баш аты*) тестю, лисью шубу (*инә тулы*) теще, 10—15 руб. на расходы (*тартыу аксаһы*), лошадь, реже корову или барана на зарез в день свадьбы (*туйлык*), материал на платье невесте и деньги на обеспечение (*мәһәр*) ее. Теще не всегда дарилась лисья шуба, иногда это могла быть овечья шуба или даже простой халат. Местами этот подарок носил особое название *һот хакы*, т. е. «за молоко». За исключением обязательных подарков, весь калым отдавался отцу невесты, который взамен его давал в приданое скот, деньги и прочее, нередко в большем размере, чем составлял калым. Кроме этого приданого, собственницей которого считалась молодая, она получала от жениха так называемый «малый калым» — шаль, платок, халат, рубаху, сапоги и сундук.

В XIX в. башкиры не могли брать себе жен из своего рода или волости. Жен нередко брали за 100 км и более. Обычай этот был в силе и в начале XX в. кое-где у приуральских и особенно у зауральских башкир. В то же время часть башкир, за исключением западной и северо-западной Башкирии, хотя уже и брали жен в пределах своего рода, но из других деревень, а если и из своей деревни, то непременно из другого аймака (*ара, ырыу*).

Во всяком случае брак не разрешался между родственниками в первых четырех поколениях. В брак между собой могли вступать только родственники в пятом (*тыуа ят*) и шестом (*ете ят*) поколении, считавшиеся уже чужими, посторонними.

У башкир, следовательно, еще не так давно существовала строгая экзогамия, в этом сходятся все исследователи. Экзогамия, судя по собранным мной сведениям, даже в конце XIX в. бытовала среди башкир повсеместно, а местами сохранилась и до начала XX в. Мне известно только одно указание в статье Бергхольца[214], как бы противоречащее общераспространенности этого обычая. Он писал, что башкиры рода к а т а й пренебрежительно относятся к другим башкирским родам, считают их ниже себя, почему и не берут от них невест и не отдают им своих девушек. В действительности это вряд ли было так. Каждый башкирский род вообще считал себя выше других, настоящим, коренным башкирским родом, и это нисколько не мешало ему родниться с другими родами. То обстоятельство, что к а т а й ц ы (имеются в виду и н з е р - к а т а й ц ы) действительно менее других смешивались с соседними башкирами, могло зависеть от того, что они жили замкнуто в долинах горной реки Инзера. С другой стороны, сам Бергхольц упоминает о трех известных ему случаях, когда к а т а й ц ы брали себе жен из других родов. Мне же довольно часто приходилось встречать башкирок к а т а е к с р. Инзера у у р м а н - к у д е й ц е в, г и р е й - к и п ч а к о в и у т а м ь я н - т а н г а у р ц е в, а женщин из перечисленных и других башкирских родов среди и н з е р - к а т а й ц е в.

Существовала ли у башкир при экзогамии в отношении рода и эндогамия, т. е. обязательно ли башкир должен был жениться на башкирке? Разумеется, башкиры брали в жены главным образом башкирок, но эндогамии как правила, в указанном смысле, по-видимому, никогда не было. Известны факты, когда башкиры неоднократно во время былых набегов на казахов уводили к себе их

[214] *Бергхольц Л.* Горные башкиры катайцы // Этнографическое обозрение. 1893. № 3. С. 83.

жен[215]. С падением Казанского царства и усилением миграции татар в страну башкир последние охотно роднились с ними. Насколько значительно было смешение башкир с татарами, можно видеть хотя бы по тому, что из опасения влияния татар на башкир последним было запрещено указом от 11 февраля 1736 г. сватовство с казанскими татарами без челобития и без разрешения Казанского губернатора[216]. За разрешение такого брака взыскивалось в казну по драгунской лошади с каждой свадьбы, с женившегося без разрешения бралось три лошади, а за повторную вину нарушитель указа ссылался. В начале XX в. башкиры вступали в перекрестные браки, особенно на окраинах Башкирии, со своими соседями, исповедовавшими ислам: татарами, мишарями, тептярями.

Заключение условия о размерах калыма, о котором говорилось выше, отмечалось скромным угощением. Через несколько дней жених вместе со своими родителями отправлялся в дом невесты и привозил подарки. У юго-восточных башкир подарки для невесты собирались у родственников жениха по его поручению одним из мальчиков: мальчик объезжал их верхом на лошади, собирая деньги, нитки, платки, все это навязывал на палку и передавал жениху. Мать жениха в свою очередь созывала родственниц и знакомых женщин на чай; последние приносили ей *hарауыс* (см. стр. 164), нитки, лоскуты материи и проч. Дня за два до назначенного срока малой свадьбы (*ижап-кабул*), первого посещения женихом невесты, когда мулла формально заключал брачный договор, отец невесты приглашал к себе человек десять-двадцать родственников, объявлял им о приезде гостей и просил приготовиться к их приему. Заручившись согласием, он через посланца приглашал жениха, его отца, мать и указанных родственников к себе в гости. Посланный возвращался от отца жениха с заранее выговоренной лошадью (*туйлык*). Местами (к а т а й ц ы) отец жениха сам приводил *туйлык* (лошадь или барана) при первом посещении совместно с сыном дома невесты. Со стороны жениха, кроме его родной матери или близкой родственницы (заменяющей умершую мать), никто из женщин на свадьбу не ездил; поэтому родители ехали обычно в телеге или в санях, а все остальные верхами. У юго-восточных башкир[217] навстречу свадебному поезду из деревни выезжали юноши и после обычных приветствий старались сорвать с приглашенных шапки и, если им это удавалось, скакали с шапками по направлению к деревне. Все прибывшие останавливались в доме отца невесты. Подавалось угощение — *бишбармак*, и начиналась раздача привезенных женихом и его родителями подарков: халатов, рубах, полотенец, лоскутов материи и проч. На ночь гости расходились по заранее назначенным домам сватов, родственников со стороны невесты. На другой день резали лошадь и, ободрав ее, несколько женщин приглашали желающих посмотреть, жирна ли она. Гости хорошо знали, что их ждет, но все же собирались, сбрасывали с себя хорошие одежды, одевались во что попало и шли, а свахи, вооруженные грязными кишками лошади, поджидали их. Как только гости приближались, свахи с криком набрасывались на них, били их кишками с криками и шумом, завязывалась всеобщая потасовка.

Погостив два-три дня, гости возвращались домой. Через некоторое время к отцу жениха приезжали в гости будущие тесть с тещей, причем для их приема отводились особые помещения на мужской и женской половинах. К их приезду обе комнаты наполнялись гостями. Мать невесты привозила с собой сундучок, в котором сверху лежал платок, затем несколько *hарауыс*, под ними лоскутки ситца, нитки, а на дне рубаха. После угощения мужчины проходили в женское отделение. Тогда мать невесты предлагала какой-нибудь из женщин открыть сун-

[215] *Левшин А.* Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832. Ч. 2. С. 216.

[216] *Игнатьев Р.* Историко-административные сведения о башкирском народе, составленные по циркулярам графа Панина в 1775 г. // Памятная книжка Уфимской губ. Уфа, 1873.

[217] *Баишев М.* Деревня Зианчурина Орского уезда Оренбургской губернии // Изв. Оренбургского отд. Русского Географического о-ва. 1895. Вып. 7.

дучок, за что та и получала в награду платок. *Һарауыс* теща собственноручно дарила женщинам, а лоскутки материи (*йыртыш*) мужчинам, которые отдаривали ее деньгами, кто сколько мог. Нитки дарились старухам, которые принимали их с молитвой, но взамен не давали ничего. Наконец, рубаха дарилась отцу жениха, за которую он давал корову, кобылу или овцу. Этой раздачей подарков посещение и заканчивалось[218].

Обряд бракосочетания, как и похороны, у мусульман не считался религиозным таинством, а являлся скорее гражданским обычаем. Совершался он не в мечети, а на дому. В дом тестя собирались старики, присутствовавшие раньше при сватовстве. Приходил мулла с метрической книгой. Последний спрашивал отца жениха, берет ли он в жены своему сыну такую-то, дочь такого-то. Затем спрашивал отца невесты, отдает ли он свою дочь за такого-то. При удовлетворительных ответах мулла читал изречение из корана и записывал брачный договор в книгу. Мулле за сделку обычно платили один процент стоимости калыма.

После *ижап-кабул* жених уже имел право посещать молодую на правах мужа в доме ее отца. Это посещение начиналось или после уплаты половины калыма и вручения теще *инә тулы*, или после обмена подарками родителей брачующихся.

Весьма интересными обрядами сопровождался первый приезд жениха. Он приезжал к своей невесте или, вернее, уже жене в сумерках, верхом на лошади. Подруги прятали ее где-нибудь на стороне, и муж должен был во что бы то ни стало отыскать ее. Это было нелегко, а так как долго не находить жену считалось для него большим позором, то он обычно делал подарки женщинам ее деревни, которые и помогали ему. Найденная молодая убегала от мужа насколько могла быстро по улице, он же должен был догнать ее, схватить и некоторое расстояние пронести. Если он сам этого проделать не мог, то должен был поручить это сделать одной из женщин. Пойманная молодая уже не сопротивлялась более, покорно шла с молодым в свой родительский дом, где у дверей встречала их группа женщин; две из них держали перед дверью полоску ситца метра в полтора; молодой, входя в избу, должен был вступить ногой на этот лоскут и разорвать его (для чего предварительно делались надрезы). Для молодых отводилось особое помещение, летом амбар, а зимой дом кого-нибудь из соседей или пустая изба[219]. В собственном доме тесть не принимал молодого, так как последний в течение года, а то и более, до окончательной выплаты калыма, не должен был показываться на глаза ни тестю, ни теще. Оставшись наедине с молодой, муж приказывал ей снять с него сапоги, что и исполнялось беспрекословно; затем он пытался обнять ее, но она отстраняла его руки; тогда муж давал ей серебряную монету, и молодая уже сама обнимала его.

Многие авторы утверждают, что будто бы до полной выплаты калыма и переселения молодой в дом мужа, она ни коим образом не должна была показывать ему своего лица, что считалось для нее позорным, и за ней будто бы зорко следила мать или какая-нибудь пожилая родственница. Как правило, такой обычай существовал еще в начале XX в., но практически он не соблюдался, и молодой после первого же посещения знакомился со своей женой, если он и не видел ее лица раньше. Посещения молодой в доме ее отца продолжались нередко довольно долго, до выплаты всего калыма; в этот период у нее мог уже родиться ребенок, что нисколько не скрывалось, и ребенок до переезда ее в дом мужа находился на попечении бабушки.

По выплате всего калыма молодой со своей родней отправлялся за женой к тестю. К его приезду тесть, если он был достаточно богат, устраивал празднество *туй*. В противном случае прием молодого с его родней в доме тестя ограничивался скромным угощением в присутствии родни со стороны молодой.

---

[218] *Назаров П. С.* К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. 1890. № 1. С. 187.

[219] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 151.

Туй продолжался два-три дня, праздновался с утра до позднего вечера: пили кумыс, чай, ели *бишбармак*, плясали и проч. При богатой свадьбе устраивались скачки (*бәйге*) и борьба (*көрәш*). В день скачек и борьбы собиралось много приглашенных и неприглашенных гостей, все они принимали участие в торжестве и в общей трапезе, предложенной хозяином. В этот же день свахи собирали *наба*[220], т. е. ходили по деревне и собирали чай, сахар, мясо, кумыс и проч. Собрав все это, они шли в одну из свободных изб и там угощали собравшихся гостей. Время проходило весело, при плясках и пении и игре *курайсы*.

Наконец, наступало время отъезда молодых. Подруги молодой и другие женщины-родственницы, не желая расставаться с ней, устраивали всевозможные препятствия отъезду. Постель молодой они выносили в лес, заматывали и завязывали ее похитрее веревкой, концы которой прятали под корни дерева. Молодую сажали на постель, из-за нее начиналась борьба между ее подругами, родственницами и приглашенными со стороны жениха женщинами. По словам И. Г. Георги[221], спор из-за молодой происходил между женщинами и девушками, причем первые всегда одерживали верх. Борьба за молодую бывала иногда так азартна, что причиняла обеим сторонам немалые убытки в виде разорванных одежд, за которые потерпевших вознаграждал молодой. Когда, наконец, женщинам удавалось распутать и развязать веревку, молодая считалась принадлежащей уже женщинам, а веревку у них покупал молодой. Перед самым отъездом молодая прощалась со своими сородичами. Ходила она, окруженная своими подругами: четыре девушки держали над молодой платок за четыре угла, остальные окружающие ее родственницы поднимали плач. Молодая обходила всех родственниц и каждой из них дарила полотенце, скатерть, лоскутки материи, нитки и проч., которые несла или старшая сестра, или одна из ее подруг. Родственницы отдаривали молодую, кто чем мог: скотом, деньгами (рубли и полтинники шли на нагрудные украшения), лоскутками материй. Лоскутки эти (*йыртыш*) прикалывались к головному убору молодой и к рубахе, ими она бывала увешана с ног до головы. После этого подруги одевали молодую в лучшие одежды и вели к телеге, на которой она должна была ехать, причем молодая оказывала всяческое сопротивление, не выходила из родного дома, пока отец или братья не подарят ей что-нибудь. Подруги с плачем и воплями провожали ее далеко от деревни. Муж ехал впереди верхом на лошади.

В старину, по словам И. И. Лепехина[222], молодую снаряжали и отвозили к жениху верхом. Подруги, проводив молодую, возвращались домой. При молодой оставалась близкая родственница и сваха, которая при приближении к дому жениха вела лошадь молодой под узцы и, приблизившись, кричала, с каким товаром она приехала и чего он стоит. Отец молодого или замещающий его близкий родственник, поторговавшись, выкупал молодую. Высланным от свекра женщинам она в поле передавала повод лошади.

При вступлении в дом мужа молодая трижды становилась на колени перед свекром и свекровью и трижды ее поднимали. Затем она раздавала мужниной родне подарки (нагрудные повязки, нитки, кольца и проч.), родня в свою очередь отдаривала ее. На следующий день молодую вели на реку за водой с коромыслом (*көйәнтә*) и ведрами (*бизрә*). При этом она несла с собой маленькую серебряную монетку, привязанную к нитке, и бросала ее в воду, как бы в жертву водяному духу. Следящие за ней дети с дракой и шумом старались добыть эту монетку из воды. После этой церемонии жена, уже не стесняясь, открывала лицо мужу.

---

[220] В старину они собирали, по-видимому, только кумыс, которым и угощали своих гостей, почему и сбор носил название большого сосуда для кумыса — *наба*.

[221] *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. 1. С. 106.

[222] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 152–153.

Свадебные обряды и обычаи башкир дают нам весьма ценный материал для уяснения истории башкирского брака. Не может быть никакого сомнения в том, что при строгой когда-то экзогамии у башкир брак совершался похищением невесты. По мере разрастания родов похищение, надо полагать, становилось все более трудным и даже, наконец, невозможным. Похищение заменила купля, и в башкирской свадьбе акт сватовства принял все черты торгового договора. Мы видели, что у зауральских башкир, при первом посещении женихом со своими родственниками дома будущего тестя, родственники невесты, встречая верхом на лошадях гостей перед деревней, старались сорвать с них шапки. По-видимому, этот обычай не что иное, как пережиток гораздо менее гостеприимного приема чужеродцев, приезжавших для добычи невесты. А весь обряд первого посещения женихом своей невесты, не есть ли это буквальное повторение всех тех актов, которыми некогда сопровождалось похищение ее? Приезжает жених в сумерках, отыскивает спрятанную невесту, затем преследует ее убегающую; догнав, он должен схватить и унести ее на себе. После этого он ею овладевает, и брак считается уже совершившимся фактом. Когда похищение было реальной действительностью, негодование родных было вполне реальным; когда же похищение стало не более, как символом, родительский гнев обратился в пустую формальность. Между тем, как пережиток сохранился обычай, по которому башкир с момента первого посещения своей невесты в продолжение года и даже двух, до выплаты полного калыма, не показывает ни теще, ни тестю своего лица.

Браки уволоком (похищением) имели место еще и в начале XX в.

В некоторых, правда, очень редких случаях они совершались (на северо-западе) даже против воли девушки. Молодой человек с двумя-тремя товарищами подкарауливал любимую девушку, увозил ее на лошадях в заранее приготовленное место, после чего она делалась его женой. Гораздо чаще похищение невесты происходило по предварительному уговору. Она собирала все свое имущество и убегала с женихом. Через некоторое время молодой являлся к своему тестю, ставил его в известность о совершившемся факте и предлагал помириться. После неизбежных подарков дело улаживалось. Бывали даже случаи, когда невеста похищалась с ведома родителей, чтобы избежать всех расходов, связанных с приемом гостей, раздачей подарков и устройством празднества.

Мы уже подробно ознакомились с древним делением башкир на роды. Мы знаем, что с увеличением народонаселения более мелкие единицы, составляющие части древнего рода, подроды (*түбә*), к середине прошлого столетия превратились в самостоятельные дачи, с населением, связанным между собой узами родства, в территориально обособленные группы, которые могут считаться равнозначными роду. Следующей, более мелкой единицей, на которые распались подроды, следует считать группу семей (*ара, ырыу, аймак*), родственных между собой, и, наконец, последней родовой единицей является семья (*йәмәғәт*).

Разделение на группы семей (*ырыу*) в начале XX в. сохранялось еще среди башкир повсеместно, за исключением северо-запада, к западу от р. Уфы и севернее параллели г. Уфы. Хотя строгий некогда обычай экзогамии в значительной степени утратил уже и тогда свое значение, женитьба на женщине, принадлежащей к той же *ырыу*, что и мужчина, была недопустима. *Ырыу* помогала своему сородичу выплачивать при свадьбе калым (в северо-восточной Башкирии), вся *ырыу* участвовала в расходах по устройству свадебного *туй*, в крайнем случае при приеме гостей. Равным образом при выходе девушки замуж ее *ырыу* принимала жениховых родичей, гостей, участвовала в проводах ее и проч. Каждая *ырыу* кочевых башкир кочевала (в горах Кыркты и по Уральскому хребту кочевали еще в начале XX в.) или селилась на кочевках отдельно от других *ырыу* своей деревни или рода. И поныне кое-где на северо-востоке и на юге Башкирии деревни делятся на несколько отдельных участков по числу *ырыу*, которые

территориально живут отдельно одна от другой (сравни план дер. Байрамгуловой, рис. 213).

Ырыу, состоявшая в последнее время из нескольких индивидуальных семей, прежде была несомненно одной большой семьей, объединенной под властью ее главы, родоначальника.

Весьма ценный материал к выяснению отношений, некогда существовавших между отдельными членами семьи, дает нам номенклатура родства.

Нижеприведенная номенклатура родства записана мной в четырех различных пунктах (у зауральских катайцев и кара-барын-табынцев, у гайнинцев и у бушман-кипчаков), почему она и может считаться общей для всех башкир.

Отец . . . . . *атай*	Мать . . . . . *әсәй, инәй*
Дед . . . . . *олатай*	Бабушка . . . . . *оләсәй*
Прадед . . . . . *зуратай*	Прабабка . . . . . *зуринәй, картәсәй*
Предок . . . . . *картатай*	
Дядя, старший брат отца или матери . . . . . *бабай, апа, олатай*	Тетка, старшая сестра отца или матери . . . . . *әбей, инәй*
Дядя, младший брат отца или матери Старший брат (родной или двоюродный) — *ағай (абзый)*	Тетка, младшая сестра отца или матери Старшая сестра, родная или двоюродная — *апай (тутай)*
Младший брат (родной или двоюродный) Племянник (сын старшего брата) — *мырҙам, энем, кустым*	Младшая сестра (родная или двоюродная) Племянница (дочь старшего брата) — *һеңле, һылыуым, кәрендәш*
Сын, племянник (сын младшего брата, внук, мальчик). . . . . *ул, улым*	Дочь, племянница (дочь младшего брата, внучка, девушка). . . . . *кыҙ, кыҙым*
Муж, мужчина . . . . . *ир*	Жена, женщина . . . . . *бисә, кәләш*
Тесть, свекор . . . . . *кайнатай, кайным*	Теща, свекровь . . *кәйнә, кайын инәй, биям*
Старший брат мужа (жены) . . . . . *кайнаға, абзый*	Старшая сестра мужа (жены) . . . . . *кәйенбикә, бикәс*
Младший брат мужа (жены) . . . . . *кәйнеш, кайын энем*	Младшая сестра мужа (жены) . . . . . *кәйен һеңле*
Внук . . . . . *ейән*	Внучка . . . . . *ейәнсәр*
Правнук . . . . . *бүлә*	Правнучка . . . . . *бүләсәр*
Праправнук . . . . . *тыуа*	Праправнучка . . . . . *тыуасар*
Муж старшей сестры (тетки) . . . . *езнәй*	Жена старшего брата (дяди) . . . . . *еңгә*
Муж младшей сестры (тетки) . . . . *кейәү*	Жена младшего брата . . . . . *килен*
Сват . . . . . *коҙа*	Сваха (женщина) . . . . . *коҙағый*
Свояк . . . . . *бажа*	Сваха (девушка) . . . . . *коҙаса*

При обзоре башкирских названий родства прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что отдельные члены семьи различаются между собой не столько по степени кровной близости к данному лицу, сколько в возрастном отношении. За исключением отца и матери, все родственники разделялись по отношению к данному лицу на старших и младших. Дед и бабка у башкир назывались старшим отцом и старшей матерью (*олатай, оләсәй*), прадед и прабабка — большим отцом и большой матерью (*зуратай, зуринәй*), предки — ста-

рым отцом и старой матерью. Особые названия имелись у них для дяди, старшего брата отца или матери, а также для тетки, старшей сестры отца или матери. Различные названия для старшего дяди употреблялись иногда даже в пределах одного рода. Так, горные зауральские б у р з я н е дядю называли *бабай*, а степные — *апа*. Слово *ағай* означало старшего брата, родного и двоюродного, дядю, младшего брата отца или матери, родного или двоюродного, и племянника, сына старшего дяди, если он по возрасту был старше данного лица. Подобным же образом слово апай означало старшую сестру, родную или двоюродную, младшую сестру отца или матери, а также племянницу, дочь старшего брата или сестры, если она по возрасту старше данного лица. Слово *энем* означало младшего брата, родного или двоюродного, и племянника (сына старшего брата, родного или двоюродного); *кәрендәш* — младшая сестра, родная или двоюродная, и племянница (дочь старшего брата или сестры, родной или двоюродной). Слово *ул* означало сына, племянника (сына младшего брата или сестры, родной или двоюродной), а также внука; равным образом и слово *кыҙ* означало дочь, племянницу (дочь младшего брата или сестры, родных или двоюродных) и внучку.

Номенклатура свойства в своей основе совершенно подобна названиям родства. Так, жена родственника, который именуется *ағай*, называется *еңгә*; муж родственницы, называемой *апай*, – *езнәй*; жена *энем* — *килен*, а муж родственницы, называемой *кәрендәш*, — *кейәү*. Те же названия, что и в номенклатуре родства, сохранились и в свойстве с приставкой *кайын* в названиях тестя, свекра, тещи, свекрови, старших и младших братьев и сестер мужа и жены.

Эта номенклатура, в основе своей сходная с номенклатурой азиатских кочевников, несомненно весьма древнего происхождения и сложилась, по-видимому, еще до патриархата. Желая определить свое отношение к сородичам, каждый член семьи всех старших себя по возрасту мужчин называл старшими братьями, а старших женщин — старшими сестрами, меньших по возрасту — меньшими братьями и меньшими сестрами. При экзогамии, когда родство по женской линии не препятствовало заключению брачного союза, естественно, необходимы были некоторые предупредительные меры, укрепляющие индивидуальную семью, в особенности от вмешательства главы большой семьи. К числу последних относился обычай, по которому сноха никогда не должна была показывать своего лица свекру и избегать старших братьев мужа. Чрезвычайно интересно то понятие, которое вкладывалось в термин *коҙа* — «сват»; сватами башкир называл не только мужей родных сестер своей жены, но и всякого мужчину, взявшего жену из того же рода, из которого была взята его жена. Последнее можно рассматривать как пережиток былой дуальной организации родов.

Как следствие родового строя и участия, какое *ырыу* имела в расходах при заключении брака одним из своих сочленов, у башкир сохранился обычай, по которому вдова должна была выйти замуж за меньшего брата или за племянника своего покойного мужа. Последнее в условиях патриархальной семьи обусловливалось в значительной мере соображениями экономическими. Родовая группа уплачивала другому роду или родовой группе калым и приобретала этим путем в свою среду работницу. Отпуская на свободу вдову, в случае смерти ее мужа, она несла двойной ущерб: во-первых, теряла работницу, а во-вторых, часть имущества, так как вдова уносила с собой свое приданое. Выход замуж по смерти мужа за одного из его ближайших родственников раньше был несомненно обязателен, в начале же XX в. он практиковался у зауральских башкир при обоюдном согласии брачующихся.

По словам Д. К. Зеленина[223], у башкир к а т а й ц е в за Уралом вдова могла отказаться от выхода замуж за родственника ее умершего мужа, но последний

[223] *Зеленин Д. К.* О левирате и некоторых других обычаях башкир Екатеринбургского уезда // Этнографическое обозрение. 1908. № 3.

имел право взыскать с ее родственников полный калым, за нее заплаченный, если она выйдет замуж за чужого. Первым кандидатом на вдову являлся младший брат покойного мужа, вторым — племянник, сын брата покойного мужа. В случае спора дяди с племянником, вопрос о браке решался самой вдовой. Третьим кандидатом являлся двоюродный брат покойного или другой дальний родственник.

По собранным мной сведениям, хотя браки между младшим братом умершего и его невесткой происходили в Зауралье довольно часто, всегда требовалось на то согласие самой вдовы. При желании она оставалась жить в семье, воспитывая своих детей и не выходя замуж. Бывали даже случаи, что младший брат покойного при вступлении в брак с вдовой уплачивал ей калым, хотя и не полный. Насколько в данном вопросе играли роль расходы на выплату калыма, видно еще из того, что в случае смерти жениха, старший и младший его братья могли иметь право на руку невесты. Если они оба хотели взять ее за себя, то предпочтение отдавалось не тому, кто старше, а тому, кого выберет сама невеста, но в таких случаях отец требовал обычно прибавки калыма. Если же умирала невеста, то жених имел право взять вместо нее ее сестру[224]. Ясно, что право семьи или родовой группы на женщину, за которую уплачен калым, в случае смерти жениха, или на ближайшую ее родственницу, в случае ее собственной смерти, обусловливалось теми затратами, которые понесла семья или родовая группа на приобретение работницы. Для родовых отношений у башкир была весьма характерна также безусловная недопустимость брака дяди на племяннице.

Каково же было положение башкирской женщины в семье? Смотрели ли на нее, как на купленную за деньги рабу, как думают одни исследователи[225], или положение ее было довольно сносным и не хуже, чем положение русской женщины, как это думают другие?[226]

Прежде всего надо иметь в виду, что жена всегда вносила в хозяйство какое-то имущество (тем более значительное, чем значительнее *калым*), и собственником этого имущества оставалась жена. Ей принадлежал, кроме всевозможной одежды и украшений, также скот, который она с собой привела в семью мужа, со всем приплодом. Не только доходы от ее имущества шли в ее пользу, но муж без ее согласия не имел права ни продать, ни зарезать ни одно из принадлежащих ей животных. Возможность развода, в случае побоев со стороны мужа или даже при грубом с ней обращении, после которого она могла уйти из семьи со своим имуществом, делала ее положение в известной мере независимым, а пожилые женщины нередко пользовались в башкирских семьях даже большим влиянием.

С другой стороны, женщина признавалась существом, стоящим гораздо ниже мужчины, который считался ее господином. Среди свадебных обрядов мы видели обычай, по которому молодая жена при первой встрече со своим мужем должна была в знак покорности снять с него сапоги. Если в кругу своей семьи женщина ела вместе со всеми чадами и домочадцами, то при постороннем мужчине, если только он не близкий родственник, она подавала на стол, но сама за стол не садилась.

Вся домашняя работа лежала на башкирской женщине: она приготовляла пищу и ухаживала за детьми, доила коров и кобыл, заготовляла на зиму запасы провизии, шила одежду и обувь, ткала холст и сукно, валяла войлок и проч. В страдную пору она жала хлеб, а местами и косила, молола муку на ручных жерновах, работала на огороде и т. п. Только во время менструаций (*курем*) она

---

[224] *Назаров П. С.* К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. 1890. № 1. С. 188.

[225] *Бергхольц Л.* Горные башкиры катайцы // Этнографическое обозрение. 1893. № 3. С. 80.

[226] *Назаров П. С.* К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. 1890. № 1. С. 190; *Никольский Д. П.* Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование: Дис. СПб., 1899. С. 93; *Небольсин П.* Заметки о башкирцах // Отеч. зап. 1850. Т. 73. № 8. Отд. III. С. 1–9.

устранялась от приготовления пищи, для чего мужем приглашалась какая-нибудь родственница.

На обязанности мужчины лежало наблюдение за табунами, их пригон на кочевку, лесной промысел, охота и пчеловодство. Там, где занимались хлебопашеством, башкир сам пахал и боронил, жал же хлеб и молотил вместе с женой.

Башкирские женщины пользовались относительно большей свободой, чем у многих других мусульманских народов. Восточная зауральская башкирка, за исключением свекра, почти ни от кого не закрывала своего лица. То же можно сказать и о горных башкирках, тогда как западные башкирки мало в этом отношении отличались от соседних татарок. Пожилые женщины и девочки лет до 11—12 совсем не закрывали лица. Башкирские женщины принимали участие наравне с мужчинами в некоторых народных празднествах, а местами (на северо-западе) в начале XX в. бытовали общие игры и гулянья парней с девушками.

Развод у башкир как мусульман совершался довольно легко, вследствие чего и бывал он довольно часто. Поводом к разводу (*талак*) у них могли быть непослушание жены мужу, неспособность к хозяйству, нарушение супружеской верности и т. д. Жена бросала мужа в том случае, если он обходился с ней грубо, бил или открыто изменял ей. Желая удалить жену, муж заявлял ей в присутствии муллы и стариков *талак*, старики и мулла старались помирить супругов, если же им это не удавалось, жена должна была уйти от мужа, но не имела права выходить замуж за другого. Через некоторое время, помирившись, они снова могли сойтись. Если же муж в присутствии муллы и свидетелей в различное время до трех раз объявлял жене *талак*, то это был уже полный разрыв; о разводе мулла записывал в книги, и муж выдавал жене разводную бумагу (*холог*). С этой бумагой она свободно могла выйти замуж за кого пожелает, но ее бывший муж уже не мог снова сойтись с ней, если бы супруги и примирились. Только в том случае разведенная жена могла сойтись со своим прежним мужем, если она вышла замуж за другого и тот умер или она разошлась со вторым мужем.

В тех случаях, когда жена заявляла, что она не желает или не может жить с мужем, и муж был согласен отпустить ее, родители или ближайшие родственники жены обязаны были возвратить мужу калым, в свое время уплаченный им за жену. Если муж не соглашался отпустить жену и старики в доводах жены к разводу не находили причин, достаточно уважительных, развод все же мог совершиться, но родственники жены обязаны были вернуть ее мужу калым в двойном размере. В том случае, когда муж не желал принять и двойного калыма, разведенная жена оставалась свободной, но ни за кого уже не имела права выйти замуж.

Дети при разводах всегда оставались при отце и только с его согласия разведенная жена могла взять себе кого-либо из детей. Все эти правила строго соблюдались всеми башкирами.

Родины происходили у башкир обычно в кухне (*аш ойо*), если же в семье была всего одна изба, то на это время все удалялись оттуда, и роженица оставалась только с бабкой, приглашенной помогать ей. Если роды затягивались, то это объяснялось тем, что злой дух (*шайтан*) держит в утробе младенца. Чтобы отпугнуть *шайтана*, над самым ухом роженицы стреляют из ружья. Этот обычай был весьма распространен среди башкир, особенно уральских и зауральских. Более редкий обычай, продевание роженицы сквозь волчью губу для облегчения родов, мне пришлось встретить у бурзян и гирей-кипчаков. Для этой цели у волка срезывалась кожица, окаймляющая рот, сильно вытягивалась и просушивалась; сквозь полученное кольцо и продевали роженицу.

Г. В. Юсуповым у гирей-кипчаков записано следующее причитание бабки-знахарки при обряде:

Нас сыном надели,
Царя рабом надели,
Вражья рать подходит,
Скорее, скорее!

С той же целью (г и р е й - к и п ч а к и) вдоль спины роженицы сверху вниз многократно проводили когтем норки.

По словам Д. П. Никольского[227], при затягивающихся родах роженицу заставляли ходить или бабка начинала мять ей живот; туго обвязывали живот и поворачивали роженицу с боку на бок. Есть указания, что бабки прибегали и к ручному способу оказания помощи роженице. Послед уносился бабкой куда-нибудь на задворки и закапывался, непременно пуповиной вверх, поглубже в землю, чтобы собаки не отыскали его и не тронули. Если послед задерживался, бабка усиленно мяла живот и роженице давали слабительное.

Роженица обычно дней пять после родов лежала в постели, после чего ее вели в баню, мыли и одевали в чистые одежды. К исполнению супружеских обязанностей она приступала только через сорок дней после родов, так как все это время, равно как и во время менструаций, она считалась нечистой.

Во время менструаций женщина носила специально на этот случай имевшиеся штаны и рубаху. В этот период она не готовила пищи и не молилась богу, так как ее молитвы, по представлению башкир, не доходили до него. По окончании этого периода она мылась и надевала чистые одежды.

Как только младенец появлялся на свет, бабка обмывала его, правила ему головку (местами голова на сутки повязывалась тряпкой) и, если родился мальчик, тотчас сообщала отцу эту радостную новость. Пока роженица лежала в постели, родственницы и соседки приходили к ней с поздравлениями и каждая из них приносила с собой что-нибудь съедобное для нее: масло, хлеб, чай, сахар и проч. Кроме того, если родился мальчик, они дарили ей кисеты (*янсык*) или лоскуты материи, если же девочка, то матерчатые нагрудные повязки (*түшелдерек*).

На третий день отец созывал к себе гостей, муллу и муэззина. Если родился сын, отец обращался к старикам и мулле, прося их благословения сыну, дабы новорожденный был счастлив, богат и уважаем. Присутствующие говорили «аминь», после чего выносили ребенка, которому мулла давал имя, выбранное родителями. Мулла совершал *азан* и *камат*, шептал трижды на ухо ребенку — «пусть имя твое будет так-то». По совершении этого обряда пили кумыс и чай. У богатых зауральских башкир был обычай одаривать гостей после чая холщовыми рубашками, платками и тому подобными вещами. Гости в свою очередь соответственно ценности подарков отдаривали в пользу новорожденного жеребятами, телятами и деньгами.

Дополнением к обряду наречения имени служил обряд обрезания, который совершался в возрасте до трех лет. По словам М. Баишева[228], были люди, для которых обрезание являлось специальным занятием; этим занимались большей частью мишари. Они ходили из одной деревни в другую и в продолжение года обходили определенный район. Подобные специалисты, которых называли попросту «старик» (*бабай, сөннәтсе*), были, по-видимому, повсеместно, мне по крайней мере приходилось слышать о них в различных районах. В литературе есть указание[229] на то, что эта профессия и звание передавались по наследству, и операторы получали особое удостоверение от Мусульманского духовного собрания на пра-

[227] *Никольский Д. П.* Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование: Дис. СПб., 1899. С. 122.

[228] *Баишев М.* Деревня Зианчурина Орского уезда Оренбургской губернии // Изв. Оренбургского отд. Русского Географического о-ва. 1895. Вып. 7. С. 22.

[229] *Никольский Д. П.* Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование: Дис. СПб., 1899. С. 110.

Рис. 227. Колыбель – *бишек*. Катайцы

Рис. 228. Колыбель – *сәңгелдәк*. Гайнинцы

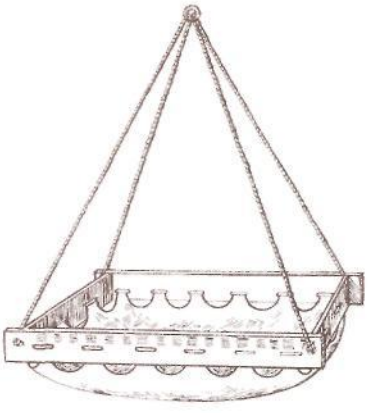


Рис. 229. Колыбель – *сәңгелдәк*. Кайлино-каршинцы

во обрезания. При совершении этого обряда, после краткой молитвы, у мальчика оттягивался немного preputium, заключался в деревянный зажим из двух палочек, связанных на одном конце, и часть, выступающая из зажима, быстро срезывалась. Рану обычно присыпали золой и никакой перевязки не делали.

Новорожденный ребенок до тех пор, пока не начнет свободно ходить, содержался в колыбели, тип которой у башкир был довольно разнообразен. Наиболее интересный из них с приложением рисунка описан И. И. Лепехиным[230]. Сделана эта колыбель «из березовой коры, которую улаживают на подобие челна или лотки, укрепляя оную по краям таловым прутьем. С наружи и внутри в головашках, где младенцовой груди быть надлежит, с обеих сторон продеваются в нутри по две петли. В ногах подобныя же две петли продевают. Сими петлями прикрепляют грудь и ноги младенца, чтобы из люльки не мог выпасть. За таловину, прикрепленную к боку, утверждают ремень или покром, которую надевают через плечо. Таким образом башкирка едучи верьхом спокойно может вести и кормить грудью своею младенца; да и младенец, будучи привязан, из люльки вывалиться не может, хотя бы лошадь споткнулася, или другой бы какой случился толчок». Подобный тип колыбели встречался еще в начале XX в. не только за Уралом, где его видел И. И. Лепехин, но и по западному склону Южного Урала у башкир гирей-кипчаков и других. Делалась берестяная колыбель (*бишек*) из толстой и гладкой бересты. Она состояла из двух половин, одна из которых с загнутыми краями составляла основание, дно, другая волосяными шнурками пришивалась к основанию под прямым углом и представляла собой спинку колыбели. Посредине к бортам прикреплялся дугообразный пруток, на который клался платок или лоскут материи вместо полога. Дно колыбели посыпали растертыми гнилушками, впитывающими выделения ребенка (рис. 227).

Более других был распространен тип колыбели в виде лубковой корзины с приделанным к ней (от головы к ногам) обручем в виде дуги, при помощи которого колыбель одевалась через плечо при переноске или подвешивалась к дереву, когда мать работала в поле.

Встречался и иной вид колыбели (*сәңгелдәк*), особенно часто у западных башкир, состоявший из рамы, заплетенной лыком или затянутой холстом. Рама чаще была прямоугольной, но встречалась и из обруча эллипсоидной формы. Такая колыбель (рис. 228, 229) подвешивалась на четырех веревках, прикрепленных к ее углам.

Пеленание ребенка продолжалось довольно долго, иногда до полутора лет. До этого же времени кормили детей грудью. В период кормления мать не расставалась с ребенком, брала его с собой в поле, на работу, в гости. Только с девяти-десяти месяцев начиналось подкармливание ребенка ко-

[230] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 154.

ровьим молоком, и то, если молока не хватало у матери. Лет около полутора ребенок начинал ходить, иногда с особым приспособлением *аяк арбаһы* (рис. 230). Лет с четырех-пяти мальчик находился больше около отца, с шести-семи лет уже хорошо ездил верхом, а с восьми начинал помогать отцу в различных работах. С этого же возраста девочка начинала помогать матери по хозяйству.

Рис. 230. Приспособление для ходьбы – *аяк арбаһы*. Урман-кудейцы

Погребальные обряды башкир в начале XX в. мало отличались от общемусульманских. Как только начиналась предсмертная агония, один из родственников или муэззин читал стихи из корана, а мулла шептал умирающему молитвы и поминутно лил ему в рот воду для утоления жажды (по понятиям мусульман, умирающий испытывает такую жажду, что за чашку воды может продать дьяволу свою веру в бога и его пророка Мухаммеда). Скончавшемуся мулла закрывал глаза и рот, поправлял руки и ноги и клал тело так, чтобы правая сторона была обращена к Мекке. Затем мулла уходил домой, а муэззин с другими мужчинами омывали обнаженное тело теплой водой и завертывали его в саван (*кәфен*). Обмывающий получал за свой труд какое-нибудь вознаграждение, чаще всего одежду, в которой умер покойный. Горные и зауральские башкиры предпочитали завертывать покойника в крапивную материю, а если ее не было, то в холст или миткаль, но зашивали все же крапивными нитками. Мужчину обвертывали в три ряда, а женщину в пять рядов материи. Так как по шариату от смерти до погребения самое мучительное время для покойника, то его торопились похоронить. Если он умер утром, его хоронили не позже полудня, а умершего на закате солнца — уже на следующий день; на ночь покойник оставался в том помещении, где он умер. Тело выносили из дома и клали на особые носилки (*тим аҫасы*), покрытые лубом, и несли на кладбище. Носилки состояли из двух длинных жердей с четырьмя-пятью поперечными перекладинами; после погребения носилки оставляли на кладбище.

Интересное описание похоронной процессии башкир-кочевников дал И. И. Лепехин: «Напереди ехали трое башкирцов с топорами и лопатами, по видимому для копания могилы. Разстоянием сажен ста на два ехал верьхом мулла, а за ним везли покойника. Он лежал на лубке и обшит был холстом. Лубок висел на двух веревошных петлях, соединенных поперешною веревкою, сквозь которую продет был шест, и концы оного лежали на передних седельных луках двух верьховых рядом едущих башкирцов, между коими покойник как в зыбке качался. За покойником ехали провожающие сродники и ближние, все верьхами. Таким образом отправляются у башкирцов похороны, когда они от своих деревень откочевывают»[231].

Женщины провожали умершего только до ворот и принимать участие в погребальной процессии не могли, так как присутствие их на кладбище, по понятиям мусульман, было

[231] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 35–36.

бы нарушением святости могил. Мужчины, провожавшие умершего, не плакали, молча и сосредоточенно шли за носилками.

Могила (*кәбер*) рылась в длину в рост человека, в направлении с востока на запад; сбоку у южной стенки могилы вырывалась особая ниша, не более 70 см вышиной и такой же ширины; в эту нишу вдвигали труп и клали его на спину, лицом на юг, т. е. к Мекке. Нишу прикрывали наискось поставленными досками, лубами, дранцей или камышом (*ләхет maktaһы*), чтобы насыпанная земля не касалась трупа. Рылась могила специальными орудиями: деревянной грубо сделанной лопатой (*ағас көрәк*), пешнею (*мандра*), а земля выбрасывалась старым ковшом. Все эти орудия оставлялись на кладбище. Во время погребения мулла читал молитву и первый бросал в могилу горсть земли; то же делали все присутствующие. После того как могила была засыпана, все садились вокруг могильной насыпи, и мулла читал какую-нибудь главу из корана, а один из родных умершего раздавал всем присутствующим монеты, после чего все расходились по домам[232].

Могильный холм обкладывался сверху камнями, а в изголовье ставилась нередко большая каменная плита. Иногда на этой плите было высечено имя умершего, дата рождения и смерти, изречения из корана и проч. Камнями могилы обкладывались преимущественно в степи, в местностях же, богатых лесом, над могилами чаще делались бревенчатые срубчики из семи-восьми бревен. Кладбища (*зыярат*) устраивались обычно вблизи деревень, в месте, почти всегда поросшем лесом, тщательно оберегаемом от порубки и содержащемся в чистоте. Башкиры вступали на них не иначе, как сняв галоши. Особенно почитали башкиры старые могилы, где, по преданиям, были погребены святые (*әулейә*). Нередко такими могилами являлись древние курганы, поросшие лесом. Башкиры г а й н и н ц ы рассказывали мне[233], что, когда азанчей начинал призывать молящихся на молитву, они слышали, как такой же призыв несся и с древней могилы. Проходя мимо этих могил, башкиры вели себя всегда скромно и читали про себя молитву. Деревья, растущие у таких могил, считались неприкосновенными, и нередко можно было услышать, какие кары обрушивались на отважившихся рубить там деревья или проявивших свое неуважение к могиле: одного разбил паралич, другой потерял рассудок, у третьего вымер весь род и т. п. Таким же почитанием, особенно в северо-западной Башкирии, пользовались могилы, в которых, по преданию, погребены великаны, 40- и 60-аршинные люди[234].

В доме, откуда вынесли покойника, в продолжение двух суток не варили, не готовили пищи. На третий день делали поминки по покойнику, подавали собравшимся *бишбармак* и раздавали обильную милостыню. Часть имущества покойного отдавали мулле за то, что он обязывался молиться в течение довольно продолжительного времени за умершего. По сообщению П. С. Назарова[235], у башкир было два специально поминальных кушанья: *йәймә* — тонкие лепешки из пшеничной муки на сале и *бутка* — пшеничная каша на молоке. Кроме третьего дня, поминки справлялись также на седьмой и сороковой день.

В связи с патриархальным строем семьи следует сказать несколько слов о правах наследования. Все дети в семье считались равными, но наследником всего имущества отца являлся обычно младший сын, так как старшие выделялись при жизни отца. Дочери наследовали имущество матери, а о приданом девушке при выходе замуж, если отец умер, заботился брат или дядя, у которого она жила и который получал за нее калым. Бывали случаи, что башкиры брали в семью зятя, если не было сыновей. Такой зять, если у него были дети, становился обыч-

[232] *Баишев М.* Деревня Зиангурина Орского уезда Оренбургской губернии // Изв. Оренбургского отд. Русского Географического о-ва. 1895. Вып. 7.

[233] *Roudenko S.* Traditions et contes Bachkirs // Rev. de Traditions pop. Paris, 1908. XXIII. № 2–3. С. 53.

[234] Там же. С. 52.

[235] *Назаров П. С.* К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. 1890. № 1. С. 192.

но и наследником всего имущества. В случае смерти жены он брал себе в дом тестя другую жену. Если же его первая жена умирала бездетной, зять, женившись на другой, должен был оставить дом тестя.

В связи с вопросом о правах наследования стоит отчасти вопрос о тамгах. Тамга (*тамға*) вообще — знак собственности, который башкир ставил на принадлежащих ему вещах. Так, башкир, отыскав в общинном или родовом лесу дерево с пчелами (*борть*) или выбрав для борти особое дерево, ставил на нем свою тамгу, после чего оно считалось его собственностью. Башкиры таврили также животных, заклеймив их своей тамгою, ставили тамги на орудиях охоты, рыболовства и пчеловодства, на предметах домашней утвари и проч. Со временем тамга начала применяться вместо подписи на различных официальных договорах и документах.

По определению Д. Н. Соколова[236], которому мы обязаны тщательным исследованием башкирских тамг, башкирская тамга есть знак семейной собственности или собственности домохозяина. И действительно, в южной и центральной Башкирии каждый глава семьи, домохозяин, имел свою особую тамгу, которую он клал на принадлежащие ему и, следовательно, семье предметы. Такое определение тамги не применимо ко всем башкирам, и Д. Н. Соколов несколько переоценивал значение тамг при изучении происхождения башкир. Он считал, что разбор тамги и сличение ее с тамгами других башкир той же деревни или волости — единственный способ проверить происхождение башкира, т. е. определить, к какому племени (роду) он принадлежит. Дело в том, что не везде у башкир тамга имела то значение, какое отмечено Д. Н. Соколовым у южных башкир, а в северо-западной Башкирии во второй половине XIX в. тамги совсем вышли из употребления. В северо-восточной, зауральской Башкирии индивидуальных тамг не было, не было тамг и семейных. У всех б а л а - к а т а й ц е в, например, имелась одна общая тамга в виде буквы «Н», которую все они и ставили на различных общественных документах. Кроме этой общей, были еще и другие, но их всего было несколько, по одной на две-три родственные деревни. Хотя у них и имелись тавра, но они были малоупотребительны и не видоизменялись. У т а м ь я н - т а н г а у р ц е в и у к у б е л я к - т е л е в ц е в имелись тамги в каждой родовой группе — *ара* (*ырыу*), и каждый из членов данной *ара* имел одну и ту же тамгу. Наконец, у центральных и южных башкир имелись семейные тамги. В этой области тамги беспрерывно изменялись, вследствие выделов отдельных членов из семьи. Выделившийся из семьи какой-либо ее член получал часть имущества, на котором стояли семейные тамги (на лошадях и проч.). Чтобы отличить свое имущество от отцовского, сын видоизменял его тамгу. Эти изменения, по наблюдениям Д. Н. Соколова, сводились к следующим способам:

1) прибавлялись к наследственной тамге добавочные черточки;

2) тамга опрокидывалась;

3) тамга искажалась, сохраняя основные четры (способ наименее употребительный);

4) тамгу удваивали через: а) слияние отдельных частей, линий складываемых тамг; б) слияние в одной или двух точках, причем оси симметрии совпадали, или ставились параллельно, или располагались симметрично около новой оси; в) прибавление тамги на оси симметрии первоначальной в уменьшенном размере;

5) смешивались тамги различных типов[237].

Только единственный сын или не выделившийся из семьи сын (чаще всего младший) наследовал тамгу отца без изменений. Разумеется, изменяясь при переходе из поколений в поколение, тамги могли принять весьма сложную и труд-

---

[236] *Соколов Д. Н.* О башкирских тамгах // Тр. / Оренбургская ученая архивная комиссия. 1904. Вып. 13. С. 17.

[237] Там же. С. 21–23.

но определимую форму. Основные же тамги, или тамги отдельных *ара*, всегда были довольно просты и в большинстве случаев имели названия, как, например: вилы (*һәнәк*), ребра (*кабырға*), посох (*таяк*), молоток (*сүкеш*), лук (*йәйә*), коромысло (*көйәнтә*), подкова (*даға*), месяц (*ай*) и проч. Иногда одна и та же по форме тамга в разных родах или частях его имела различное название. Отличительной особенностью основных башкирских тамг было то, что они по внешней форме представляли собой геометрические рисунки, симметричные относительно одной или нескольких линий. Весьма вероятно, что эволюция башкирских тамг обусловливалась главным образом развитием собственности. Там, где скот, например, являлся общим достоянием большой семьи, тамга являлась общим тавром. С дроблением семьи тамга постепенно видоизменялась, как было отмечено выше.

Помимо орудий производства, скота, одежды и жилища частная собственность у башкир в известной мере распространялась и на земельные участки. При общинном вообще пользовании землей право частной собственности признавалось за теми участками, к которым был приложен личный труд. К числу последних относились перевесья для ловли уток и гусей, расчищенные рыболовные пески, акланные участки для посевов. Акланами назывались обработанные участки, островки среди неподнятой целины или специально расчищенные под пашню или покос участки леса. Такие участки превращались в наследственную собственность.

Общественная жизнь башкир ярче всего проявлялась в народных празднествах и, в известной мере, в детских играх.

Детских игр у башкир было так много (*ашык*, *һәре*, *туп*, *өсәт*, *түбәтәй көтөүсе*, *үле*, *билге*, *кәзә һөҙөш*, *өс куҙыс*, *өс бүкән* и проч.) и они так варьировались в зависимости от местности, что здесь нет возможности дать подробное их описание. Поэтому я ограничиваюсь описанием только некоторых из них, чтобы дать представление о детских развлечениях.

Игра в кости, или бабки (*ашык*), отчасти была похожа на общераспространенную русскую игру в бабки, но существенно и отличалась от нее. Бабки башкир были не фаланги, а астрагалы. Та же кость служила и битком (*һаға*). Бабки выставлялись в ряд, и играющие метали свои битки для установления порядка, кому бить раньше, а кому позже. Первым бил тот, чей биток ляжет прямо (так называемый *төй*), вторым бьет тот, у которого биток ляжет на спину (*әлсе*), третьим — у которого биток ляжет на правый бок (*бәюк*), и последним — с битком на левом боку (*сәюк*). Если битки двоих из играющих ложились в одном и том же положении, то они или переметывались, или раньше бил тот, чья бабка лежала дальше от кона. В башкирской игре в бабки была еще и та особенность, что все сбитые бабки брал только тот, чей биток ложился после удара в положение *төй*, если же биток ложился в положение, называемое *әлсе*, *бәюк* или *сәюк*, то игрок брал только те из выбитых бабок, которые лежали в одном положении с его битком.

Употреблявшийся в башкирских играх мяч (*туп*) скатывался из шерсти, как войлок. Его, как и в русских играх, закатывали в лунки (*сокор*), гоняли клюками (*сәкән*) и деревянными булавами (*сукмар*). При всех групповых играх играющие конались (*сыбағас*), делились на две партии. Все играющие разбивались на пары приблизительно одинаково сильных игроков и по уговору назывались «чай и сахар», «земля и вода», «хлеб и соль» и т. д. Подойдя к коноводам обоих партий, они спрашивали, кто из них желает чай, а кто сахар и т. д.

При игре в лапоть в землю вбивался кол, к которому привязана была веревка метра два с половиной длиной. Один из играющих брал в одну руку лапоть, а в другую конец веревки, привязанной к колу. Все остальные старались притронуться к колу, игрок же с лаптем не допускал их и бил лаптем; ударенный обязан был отскочить. Лапоть переходил к тому, кто возьмется за кол и успеет отскочить, избежав удара лаптем.

Была у башкир, как и у русских, игра в чижик (*өсәт*), при которой из круга выбивали заостренную на обоих концах палочку.

Катали с горки большой тряпичный шар, стараясь сбить расставленные в редкий ряд яйца, и проч.

Из девичьих игр, помимо упоминаемых ниже, при описании *карғатуй*, наиболее распространенными были игры в горелки (*өскуңыс*) и в три дня (*өсбүкән*). В последней три девушки становились треугольником с четвертой в центре; трое менялись местами, а четвертая должна была успеть занять одно из их мест; кругом в это время водили хоровод.

Мальчики, кроме того, развлекались стрельбой из лука (*йәйә*). Состязание в стрельбе из лука раньше, по словам И. И. Лепехина, было одним из любимых развлечений взрослых: «Они метили стрелами как в поставленную цель, так и в башкирцов, которые столько имели проворности, что в известном разстоянии могли увертываться от пущенной стрелы. Иные пускали стрелы, стоя на земле, а удалые разскакавшись во всю конскую прыть, метили стрелою в подставленной предмет»[238].

Помимо свадебного празднества (*туй*) и празднеств религиозных, как-то: *мәүлет байрамы*, *ураза байрамы*, *корбан байрамы*, *ашура байрамы* и *рәҗәп байрамы*, у башкир имелись еще народные празднества: *карғатуй* и *набантуй*.

Карғатуй, весенний праздник (*карға* — «грач», *туй* — «праздник»), праздновался в начале весны, как только стает снег, появится свежая трава и прилетят грачи. Обычное время для этого праздника — с конца апреля до начала июня. Участие в нем принимали только женщины, девушки и мальчики не старше тринадцати лет. Местом для него выбирался один из ближайших к деревне холмов, не далее 2 км. Несли туда самовары, чай, сахар, хлеб и крупу; варили кашу и пили чай (рис. 231). Пожилые женщины варили кашу, а молодые водили хороводы (*туңәрәк уйнайык*), играли в мяч, прыгали через препятствия, а местами бегали взапуски,

Рис. 231. Табор на празднике *карғатуй*. Барын-табынцы

Рис. 232. Игра в горелки на празднике *карғатуй*. Барын-табынцы

[238] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 114.

заправив рубахи в штаны (рис. 232). В беге принимали участие девушки и молодые женщины, не рожавшие еще детей. Самая старшая из женщин, являвшаяся распорядительницей на этом празднике, облачена была в бутафорский старинный костюм (*башкейем*). Так праздновался *карғатуй* на восточном склоне Урала и в прилегающих степях.

В западной и юго-западной Башкирии этот праздник известен был под именем *карға бутканы* и праздновался за день до следующего праздника *набантуй*. На юге, как и на востоке, в этом празднике деятельное участие принимали девушки и женщины, у западных же башкир это был исключительно детский праздник. Толпа мальчишек ходила там по домам и собирала крупу, яйца и масло; ходили и кричали — *ярма, ярма, ярма* (крупа). Набрав всего вдоволь, они направлялись к реке, где и варили кашу. На следующий день устраивался уже *набантуй*, для которого мальчики собирали яйца. Под тем или иным названием весенний праздник праздновался еще в начале XX в. почти повсеместно, за исключением башкир б. Бирского и Осинского уездов. В центральной и восточной Башкирии он, как сказано, был известен под названием *карғатуй*, на юге и на западе — как *карға бутканы*.

Башкирский праздник *набантуй* праздновался ежегодно перед началом пашни, непосредственно после *карғатуй* или (на востоке) в промежуток времени между пашней и покосами. Празднование *набантуй* и свадебного *туй*, о котором мы упоминали выше, в общих чертах было одинаково, за исключением некоторых малосущественных деталей. Празднество это, которое мне неоднократно приходилось наблюдать в северо-восточной Башкирии, проходило следующим образом. Одна из деревень, устраивая *набантуй*, приглашала к себе соседнюю, часто из другого рода, деревню. Приглашенные ехали в гости с женами и детьми, а впоследствии устраивали ответное празднество. Угощение производилось за счет всей деревни, для чего заранее собирались яйца, деньги (копеек по сорок со двора). На собранные деньги покупали три-четыре лошади, в зависимости от размеров деревни. Для почетных гостей покупался чай, сахар, лимоны. И. И. Лепехин оставил нам весьма интересное описание приготовлений к этому празднеству: «По вечеру собираются из всей деревни молодые ребята на отборных верьховых лошадях, и проехав всю деревню из конца в конец, из околицы возвращаются, и пред каждым домом делают великой крик и стук до тех пор, пока хозяин дому такую отборную артель чем ни будь не наградит. По большой части наделяют их куриными яйцами. Собрав подворную пошлину, молодюжь разъезжается по своим дворам»[239]. У западных башкир (б а й л я р ц ы) еще в начале XX в. мальчики, а за ними и взрослые, собирали по домам яйца. Затем один из уполномоченных собирал от молодых женщин полотенца, платки, от торговцев — ситцы и нес все это на *майзан*, где должно было происходить празднество.

Гости, у которых в деревне имелись приятели или родственники, на *набантуй* приезжали с вечера, прочие же приезжали утром в день праздника, останавливались у знакомых или просто на *майзан*. *Майзан* устраивался где-нибудь на возвышенности вблизи деревни; с южной его стороны располагались полукругом холщевые палатки, открытые к центру, или устраивался полукруг из небольших березок. Там же стояла высокая жердь с привязанными к ее вершине полотенцами и платками, указывающими издали на место сборища. В тени берез или навеса сидели почетные лица, гости и хозяева; здесь они пили чай, наблюдали за борьбой и другими состязаниями.

Весь народ собирался на *майзан* после полудня, по выходе стариков из мечети после молитвы. Собравшись на *майзан*, народ занимал места или в тени навесов, или, располагаясь полукругом, с противоположной стороны так, что *майзан* замыкался полным кругом (рис. 233). В центре круга начиналась борьба

[239] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 25.

(*көрәш*). Она состояла в том, что борцы, выступая на средину *майзан*, сбросив с себя верхнее платье (оставались только в штанах и сорочке) и засучив рукава рубашки, сходились и схватывались, перекинув друг другу через спину кушак (*билбау*), концы которого держали в руках, обмотав вокруг кисти. Расставив ноги и испытывая друг друга в ловкости и силе, они пытались положить противника на лопатки. Медленно и тяжело переступая с места на место, поворачивая друг друга то в одну, то в другую сторону или припадая на одно колено, они старались перекинуть противника через голову или прижимали его к груди, стараясь сломить его сопротивление, наваливались на него всей тяжестью тела или поднимали на воздух и, наконец, обернув раза три вокруг себя, бросали на землю.

Постепенно на арене вместо двух-трех собирались десятки пар борющихся. Только когда схватятся два одинаково ловких и сильных противника, долго и упорно борющихся, на этой паре сосредоточивалось все внимание зрителей. Как только одному из них удавалось побороть противника, вся толпа одобрительным гулом приветствовала победителя. Случалось при этом, что раздавались и шумные протесты родственников или друзей побежденного, усмотревших что-нибудь незаконное в приемах борьбы победителя. Поборовший подходил к одному из стариков, раздающих награды, и получал от него пару яиц, платок или просто лоскуток материи (рис. 234). Полученный приз победитель сейчас же дарил кому-нибудь из лиц почетных, отцу, дяде или старику, которые обыкновенно отдаривали его деньгами (монетой в 50 коп. или рублем). У зауральских башкир строго соблюдалось правило, по которому раз побежденный уже больше не боролся. Из борцов, победивших десятки противников, подбиралась группа силачей (*бәһлеүән*), которые начинали состязаться между собой, и в результате оставался один-два непобедимых богатыря (*батыр*). Местами эти состязания в борьбе славились настолько, что батыри приезжали на *набантуй* за много километров померяться силами и ловкостью с другими силачами и батырями.

Вторым по порядку состязанием на *набантуй* был бег взапуски (*йүгереү*). В бе-

Рис. 233. Борьба на *майзан*. Катайцы

Рис. 234. Борцы, получившие призы. Катайцы

Рис. 235. Участники состязания в беге; нижний ряд – получившие призы. Катайцы

Рис. 236. Праздник *набантуй*, беговые лошади. Катайцы

ге принимало участие человек до десяти, причем бегущие (*йүгереүсе*) были только в рубашках, заправленных в засученные до колен штаны. Бежали обыкновенно на небольшое расстояние, до 2 км. Впереди бегущих скакал всадник и указывал им путь, по которому следует бежать. Троим, прибежавшим первыми, дарили: первому — большой кусок мяса, второму — ребра, третьему — небольшой кусок мяса (рис. 235). Местами вместо мяса бегущим раздавались полотенца. И эти призы победители обычно дарили почетным гостям, которые отдаривали их деньгами.

За бегом взапуски следовали скачки на лошадях (*бәйге*). Седоками были мальчики лет от шести до двенадцати (рис. 236). Если день был не очень жаркий, то лошадей пускали часа в два пополудни, если же было жарко, то часа в четыре вечера. Обычная дистанция скачек была километров шесть-семь. Мчались все время во весь карьер с криком, визгом и ударами нагаек. Как только издали покажутся скачущие, борьба прекращалась и все с *майҙан* спешили к дороге, становились по обе ее стороны в две шеренги и с большим интересом и волнением следили за приближающимися. Как только первая лошадь поравняется с толпой, раздавался взрыв криков и возгласов приветствующей толпы. И. И. Лепехин[240], описывая *набантуй*, сообщал, что на дороге, на некотором расстоянии от зрителей, или молодой парень, или девушка держали на шесте привязанный белый платок, вышитый по углам разноцветным шелком, который и доставался в награду тому, кто всех на своей лошади перегонит и первым платок сорвет с древка. Если же случится двоим прискакать вместе к назначенному месту и схватиться за платок, «то должны они совершенное плата присвоение заслужить борьбою... Хотя плат и не дорогой, однако не всяк охотно пожелает и дешевую вещь подарить другому: то у них узаконено, чтобы на сабанном рыцарстве награждение сделано было руками той женщины, которая в деревне моложе всех за мужем». В. М. Черемшанский[241] и И. Казанцев[242] также пи-

[240] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 25–26.

[241] *Черемшанский В. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. С. 157.

[242] *Казанцев И.* Описание башкирцев. СПб., 1867. С. 35–36.

шут, что шест с платком держала в руке женщина или девушка, славящаяся красотой, щегольством и искусством в рукоделии. Оба они отмечают, что соперники, вместе прискакавшие, вопрос о праве владения платком решали борьбой или состязанием в стрельбе из лука. Призы, которые в начале XX в. выдавались победителям на скачках, были довольно значительны. Первая лошадь получала жеребенка, чаще всего годовалого, вторая — рублей пять денег и третья — полотенце.

Среди других состязаний на *набантуй* наиболее распространено было добывание ртом монет из котлов, наполненных водой с отрубями или кумысом, а также перетягивание друг друга веревкой. При последнем состязании два человека надевали себе на шею веревку и пропускали ее промеж ног; становились друг к другу спиной и тянули вперед; между состязающимися была проведена черта; кто перетянет за эту черту другого, тот и получал известный приз.

Во время борьбы на некотором расстоянии от *майзан* приготовлялось угощение. В довольно длинной, неглубоко вырытой канаве раскладывался огонь, над которым поставлено было в ряд несколько котлов с водой и мясом (рис. 237). Несколько человек с заостренными палочками следили за варкой. Тут же рядом другая группа занята была приготовлением конских колбас (рис. 238), которые, как и сварившееся мясо, складывались в специально для этого приготовленное корыто (чаще челн). Сваренное мясо резалось на мелкие кусочки для *бишбармак*. В некотором отдалении для того же *бишбармак* несколько женщин приготовляли лапшу (*халма*). Когда *бишбармак* был готов, весь народ принимался за угощение, после которого уже под вечер расходились и разъезжались по домам.

Угощение в поле, борьба и скачки устраивались также во время мусульманского праздника *корбан байрамы*, праздновавшегося башкирами, если последний был летом. Во время этого праздника бывали весьма любопытные состязания.

По словам М. Баишева[243], у юго-восточных башкир был обычай, по которому юноши устраивали во время *корбан байрамы* угощение для молодых людей соседней

Рис. 237. Праздник *набантуй*, варка мяса. Катайцы

Рис. 238. Праздник *набантуй*, приготовление колбас. Катайцы

[243] *Баишев М.* Деревня Зианчурина Орского уезда Оренбургской губернии // Изв. Оренбургского отд. Русского Географического о-ва. 1895. Вып. 7. С. 19.

деревни. Когда угощение (баранина, кумыс, чай) было приготовлено, один из юношей посылался с приглашением. Как только посланный возвращался с известием, что гости едут, все устраивавшие угощение юноши выезжали верхами навстречу гостям, которые также все до одного ехали верхами. После взаимных приветствий один из гостей, обычно тот, у которого была лучшая лошадь, предлагал встретившим отнять находящийся в его руке большой кашемировый платок, а сам пускался вскачь по полю. Прибывшая группа защищала этот платок, а другая старалась отнять его. Победившей считалась та сторона, которой удавалось отбить платок. Состязание это называлось у башкир *кот алыу*. Гости после этого отправлялись в приготовленный для их приема дом, где и устраивалось пиршество с пляской и пением.

Подобное состязание (драть козла, собственно «серый волк» — *һоро бүре*) описывает у южных башкир и П. С. Назаров[244]. Башкиры собирались верхами в известное место, и один из них вез зарезанного козла. По данному знаку башкир с козлом на седле пускался вскачь, а остальные старались догнать его и отнять козла. Если кому-нибудь удавалось схватить козла, скажем, за ногу, то он, стараясь перетащить козла к себе на седло, отрывал ему ногу и продолжал скакать. Тогда башкиры разделялись на две партии: одна гонялась за козлом, другая за ногой; так продолжалось до тех пор, пока козел не был растерзан на клочки[245].

Местами народные празднества башкир назывались *йыйын* («собрание»). Раньше, в XVI—XVIII вв., *йыйын* назывался съезд народных представителей, на котором решались наиболее важные политические вопросы. У южных башкир *йыйын* называли свадебные торжества, прием и угощение гостей перед отъездом молодой. В иных местах (на востоке) это название употреблялось вместо *һабантуй*. *Йыйын* сопровождался всеми присущими ему состязаниями. Кое-где у северных башкир *йыйын* превратился в ярмарку. На западе, кроме *һабантуй*, конские скачки и народная борьба — *көрәш* проводились и на *йыйын* с пирушками и приемом гостей.

Һабантуй, как это следует из его названия, был праздником земледельческим, характерным для коренного населения Прикамья. У башкир же под его названием сохранились все те же увеселения и угощения, которые ранее сопровождали свадебный *туй*, который совершенно в тех же основных чертах, как и у башкир, праздновался азиатскими тюрками-кочевниками. *Һабантуй*, или «сабанное» празднество, этимологически связанный с земледельческим орудием (*һабан*) и приуроченный к определенному моменту возделывания пашни, должен был возникнуть у башкир сравнительно поздно, с появлением железного сабана.

Там, где обработкой земли в значительных размерах башкиры начали заниматься недавно (на юге), нет праздника под названием *һабантуй*. При этом надо иметь в виду, что как весенний праздник, связанный с другим, описанным выше праздником *карғатуй*, *туй* имел место и ранее, но только, по-видимому, с переходом башкир к земледелию ему было дано название *һабантуй*, связанное с земледельческим орудием.

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что к концу XIX в. и к началу XX в. былой родовой строй и патриархальная семья башкир подверглись уже весьма значительному разложению. Сохранившийся пережиточно ряд обычаев и номенклатура родства позволяют все же проследить ряд этапов в сложении башкирской семьи и рода.

В продолжительном пребывании молодой женщины после заключения брака в своей родной семье до появления детей можно видеть пережиток матрилокальности. Ряд свадебных обычаев указывает на некогда широкую практику добычи жены путем умыкания, замененную впоследствии выплатой выкупа за женщину.

[244] *Назаров П. С.* Предварительный отчет о поездке в Башкирию // Дневник антропологического отд. 1890. Вып. 1—2. С. 35.

[245] Подобное же состязание было широко распространено среди казахов.

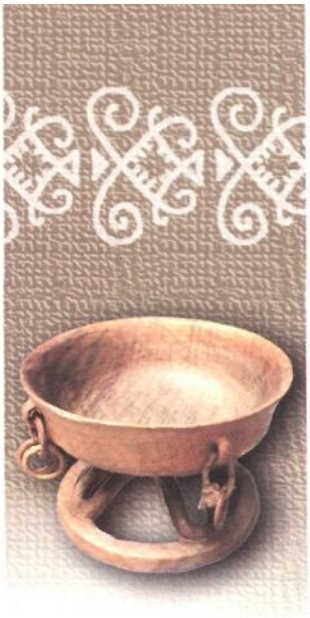
Особые отношения между мужчинами, взявшими жен из одного рода, указывают на существовавшую ранее дуальную систему взаимоотношений между родами в заключении браков. В конечном результате башкирская семья превратилась в типичную агнатическую патриархальную экзогамную семью.

Группа родственных семей представляла собой первичную родовую группу *ара* (*ырыу*), которая со временем превращалась в род. Разросшийся род дробился на более мелкие единицы *тубэ* или *аймак* уже по территориальному принципу.

Со времени присоединения к России башкирские роды или волости, по-видимому, представляли собой уже довольно смешанные группы, не всегда связанные между собой узами кровного родства. В дальнейшем этот процесс пополнения родов инородными элементами шел довольно интенсивно и притом двумя путями — переселением на территорию, занятую данным родом, башкир другого рода, с одной стороны, и припуском на территорию данного рода иноплеменников (татар, мишарей и др.), с другой стороны, которые приобретали вотчинные права на башкирскую землю и тем самым смешивались с башкирами.

Влияние ислама на общественную жизнь башкир сказалось в положении женщины в семье, в заключении и расторжении брака, в погребальном обряде, отчасти в правах наследования.

Мы не располагаем достаточным материалом, чтобы в деталях установить местные различия в общественном быте и обычаях башкир, хотя ряд частностей и был указан. В общем можно только отметить, что южные и зауральские башкиры в своих обычаях имели больше общего со степными кочевниками, чем башкиры центральной и северо-западной Башкирии.



Глава XIII

ИСКУССТВО И ФОЛЬКЛОР

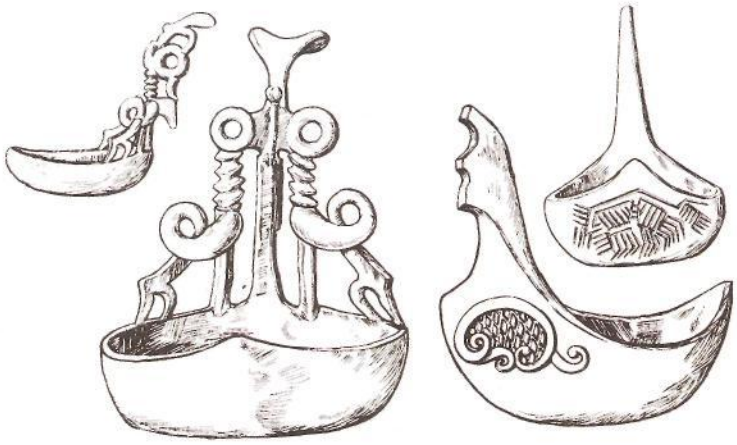
Изобразительное искусство башкир было весьма разнообразно как по технике выполнения, так и по мотивам. Не ставя задачей учесть все многообразие башкирского искусства, остановлюсь на наиболее распространенных видах изобразительного искусства и народного устного творчества.

Резной по дереву орнамент не получил у башкир особо широкого распространения. Его можно было видеть главным образом на ковшах для разливания кумыса и кислушки, на больших деревянных сосудах для кумыса, на подставках под сундуки, на полочках для ложек в избах, изредка на шкапчиках и на оконных наличниках. Последние, впрочем, часто изготовлялись под влиянием татарских и особенно русских мастеров. Поэтому далеко не все узоры, вырезанные на наличниках, характерны для башкирского искусства.

Башкирские ковши мало варьируют по форме, но сильно отличаются один от другого в оформлении их ручек, как это можно видеть по их изображениям на рис. 107, 108, 239. Ручки эти либо украшены вырезанными на них концентрическими кругами и полумесяцем, либо подвесными колечками (рис. 107), либо представляют собой комбинации из спирально завитых и винтообразных фигур (рис. 239, *а*). Редкое исключение представляет ковш, изображенный на рис. 239, *б*, как по форме плоской ручки, так и по резному орнаменту, украшающему его переднюю и заднюю стороны.

Параллельными рядами врезного орнамента покрывались вырезанные из цельного дерева сосуды для кумыса (*тәпән*, рис. 111, *а* и *б*) и принадлежности конской упряжи, женские седла (рис. 219), головки хомутов (рис. 226). Изредка встречались прялки (*еп иләүес*, *кабатөбө*, рис. 240), блоки (рис. 241) и челноки от ткацкого станка (рис. 242) с врезным, преимущественно геометрическим орнаментом.

В избах нередко можно было видеть украшения нар, с их лицевой стороны, простыми узорами из геометрических фигур (рис. 196). Сложнее и разнообразнее были резные украшения деревянных подставок под сундуки (*һандык аяғы*, рис. 243, 244).



а *б*

Рис. 239. Резные ковши – *ижау*. Бурзяне

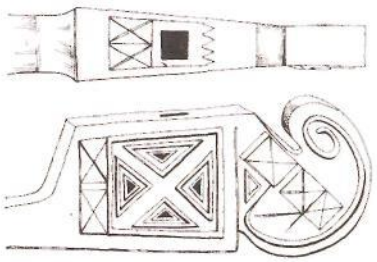


Рис. 240. Деталь прялки – *еп илдуес*. Кайлино-каршинцы

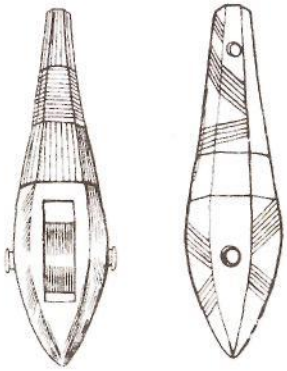


Рис. 241. Блок от ткацкого станка. Катайцы

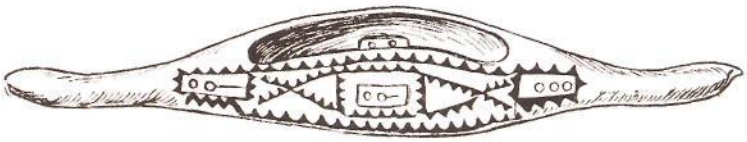


Рис. 242. Челнок от ткацкого станка. Катайцы

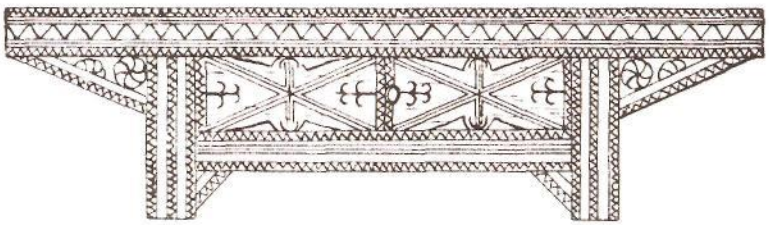


Рис. 243. Деревянная подставка под сундук – *һандык аягы*. Бурзяне

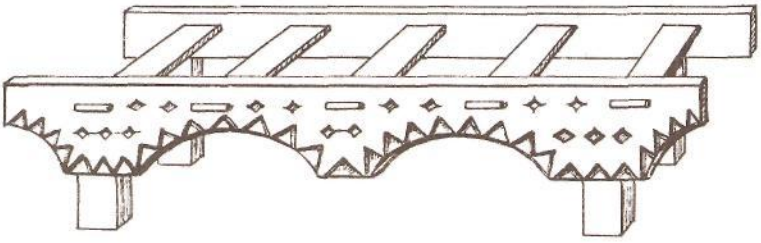
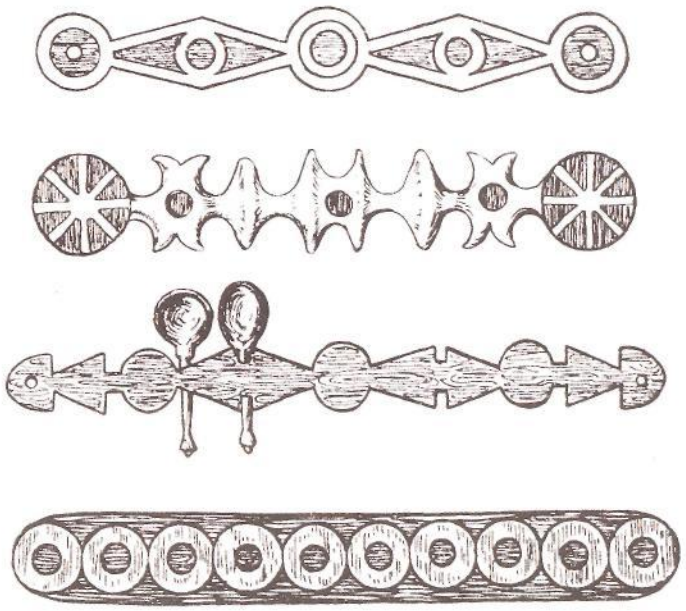


Рис. 244. Деревянная подставка под сундук – *һандык аягы*. Катайцы

Рис. 245. Полочки для ложек



Геометрические фигуры использовались также в оформлении вырезанных из дерева полочек для ложек (рис. 245), которые по примеру русских иногда прибивались к стене избы и башкирами.

Столы, особенно со шкапчиком, не были характерной и тем более обязательной мебелью башкирского жилища, поэтому там, где они встречались у башкир, они носили явные

Рис. 246. Резные украшения столов. Бурзяне

Рис. 247. Резные оконные наличники

следы заимствования от соседних народностей. Два таких столика на резных ножках из юго-восточной Башкирии (рис. 246) интересны по украшающим их мотивам тем, что подобные же мотивы часто встречаются на каменных намогильных памятниках западных казахов.

Оконные наличники, представленные на рис. 247, наиболее, как мне кажется, характерные для башкирской резьбы по дереву, интересны по мотивам, с которыми мы встретимся как на апликациях из сукна, так и в вышивках. Среди них особенно интересны фигуры в виде знака интеграла, в виде запятой, сердцевидные фигуры, более или менее стилизованные, геральдически сопоставленные изображениям птиц. Эти элементы изобразительного искусства восходят к глубокой древности, как показали раскопки в Горном Алтае, по крайней мере к середине I тысячелетия до н. э.

Нанесение узора чеканом, серебром по железу, было широко распространено в Башкирии повсеместно. Чеканные узоры можно было видеть в различных украшениях конской упряжи — на трензелях, железных пластинках, украшавших ремни узды, седельного нагрудника и подхвостника, на накладках на седельные луки, на стременах (рис. 93, 94), на железных пластинках, украшавших колчаны и налучья (рис. 36).

Рис. 248. Кожаная сума – *каптырга*, лицевая ее сторона. Бурзяне

Пластины эти имели самые разнообразные формы: квадрата, прямоугольника, восьмиугольника, круга, полулуний, розетки, сердцевидные. Узоры были и геометрические, но решительно преобладали растительные мотивы. Генетически эти мотивы связываются с древней орнаментацией кочевых племен (в частности, аланской), которая получила за пределами Башкирии широкое распространение у казахов.

Чеканные серебром по железу украшения в конце XIX в. встречались в Уральских горах и повсеместно в степной Башкирии. Там же была распространена техника тиснения орнамента по коже, главным образом на колчанах (*yk haҙak*), налучьях (*йәйә haҙak*), на подвесных к поясам сумках (*каптырга*).

Тисненые на коже орнаменты мне известны в двух вариантах: первый на одном из налучий и второй на налучье, двух колчанах и кожаной суме. На всех предметах орнамент явно растительный. В первом варианте (рис. 34) он довольно сложен и сильно стилизован. В точности такой же орнамент известен на могильных камнях западных казахов. Во втором варианте (рис. 248–250) воспроизводится один и тот же основной мотив — трехлепесткового цветка с чашелистиком. Особый интерес представляют те комбинации, в которых один и тот же элемент используется для покрытия самых разнообразных по форме площадей. При этом подчеркиваются формы украшаемых предметов и получаются оригинальные композиции.

Рис. 249. Налучье – *yk haҙak*. Коллекция Уфимского музея (ныне – Национальный музей Республики Башкортостан. – *Отв. ред.*)

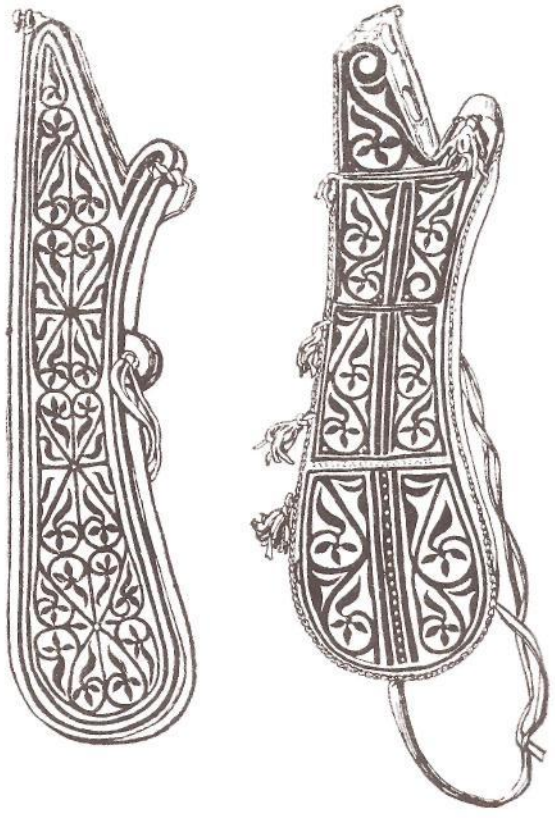
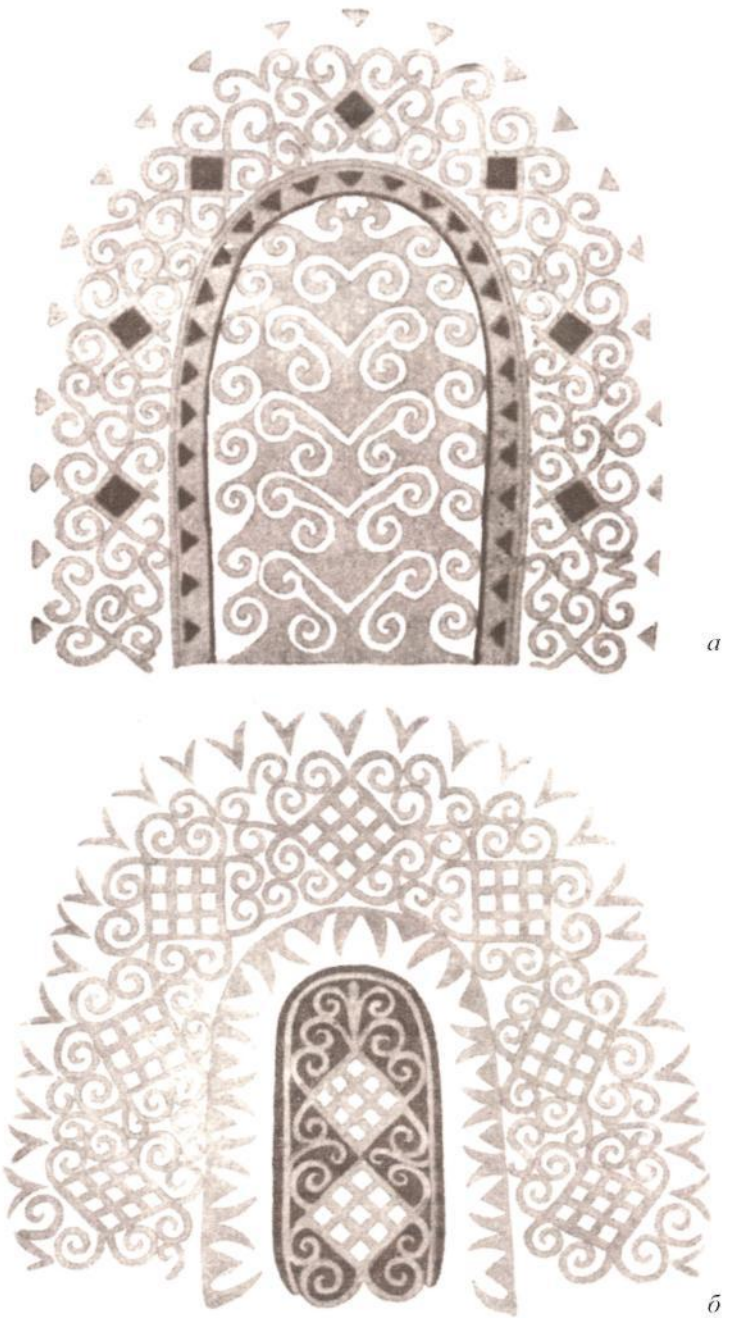


Рис. 250. Колчаны – *йәйә haҙak*. Коллекция Уфимского музея

Рис. 251. Апликация на *сарык*



а

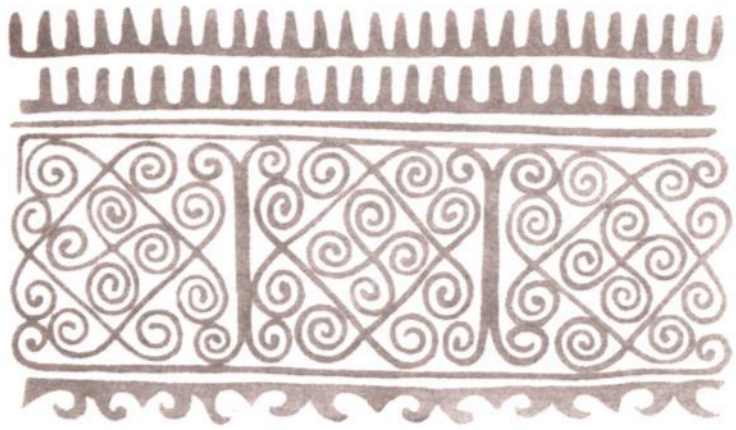
б

Этого типа орнаментика и ее мотивы также достаточно древни и были весьма типичны не только для башкирского, но и для казахского изобразительного искусства.

Для башкирского изобразительного искусства одной из самых характерных была техника апликации и связанные с ней мотивы.

Технику эту мы видим прежде всего на вырезанных из цветного сукна, преимущественно красного, реже желтого или зеленого цвета, узорах, нашитых на задниках женской обуви *сарык*, *ката* или по верхнему краю мужских чулок. Иногда вырезанные из сукна узоры нашивались на белые суконные девичьи халаты или на чепраки женских седел.

Рис. 252. Апликация на чулке (*а*) и на *сарык* (*б*)

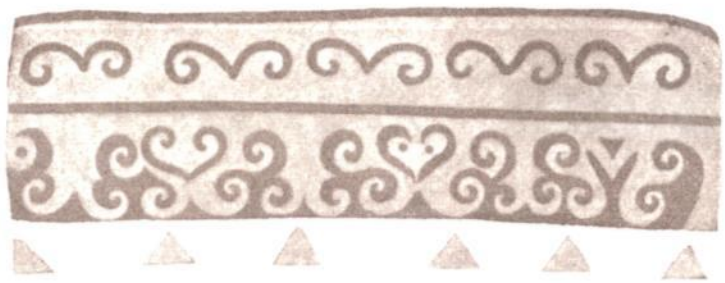


а

б

Узоры, выполненные в технике апликации, чаще всего встречались у горных и степных, главным образом зауральских, башкир.

Те яркие и сложные композиции, которые в технике апликации выполнены на задниках женских *сарык* и *ката*, состоят из серий легко расчленяемых простых элементов. Среди них мы видим зубчатые, пилообразные линии, ряды стреловидных фигур, ряды чередующихся треугольников и лепестков в трех вариантах — упрощение древнего средне- и переднеазиатского лотосного орнамента, орнамент в виде



а

б

Рис. 253. Апликация на чулке (*а*) и на *сарык* (*б*)

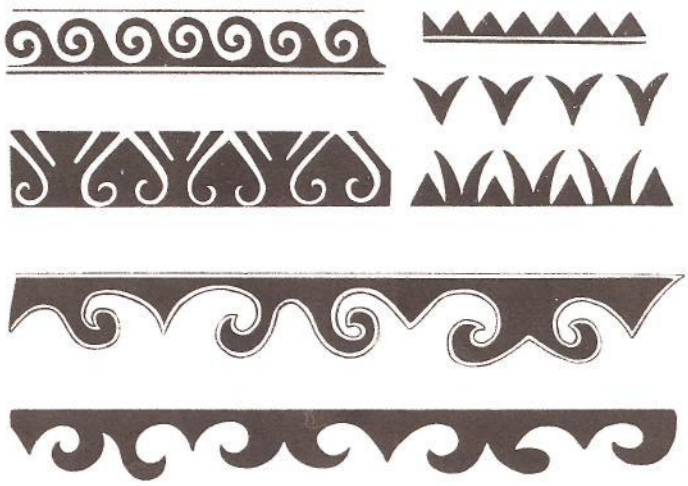
«бегущих волн», ряда сердцевидных фигур (рис. 251–256), своеобразное сочетание пальметки и сердцевидной фигуры с «бегущими волнами», иногда с опрокинутым гребнем.

Вторая группа орнаментальных мотивов теснейшим образом связана с S-образной фигурой, фигурой в виде знака интеграла, которая была отмечена при описании резного орнамента, в частности при описании украшений столов

Рис. 254. Элементы орнамента апликаций

Рис. 255. Элементы орнамента апликаций

Рис. 256. Элементы орнамента апликаций



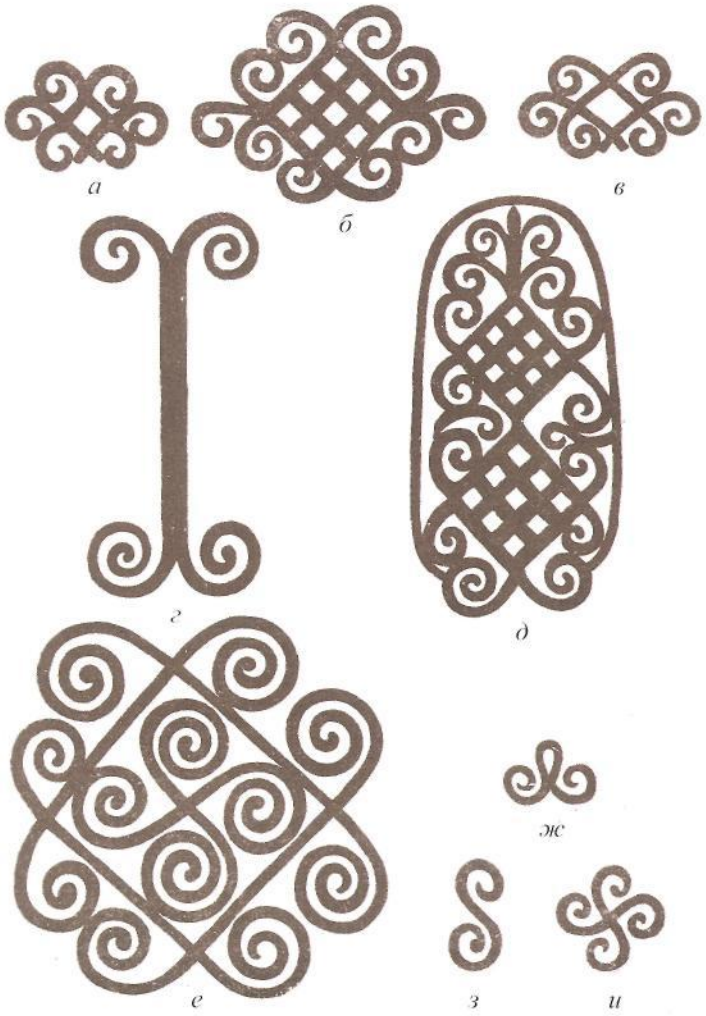


Рис. 257. Элементы орнамента апликаций

и оконных ставней. Фигура эта часто встречается в чистом виде и в сдвоенном, где она принимает форму вытянутой буквы «х» (рис. 257, *г*). Производным от этой фигуры является квадрат с противоположными завитками у его углов (рис. 257, *а–в, д, е*). В одних случаях этот квадрат ничем не заполнен (рис. 257, *а, в*), в других — в нем помещен завиток в виде запятой, в третьем — «свастика», наконец, группа из девяти квадратов (рис. 257, *б*). В дальнейшем развитии последнего мотива получилась осложненная композиция, представленная на рис. 257, *д*.

Этих элементов было совершенно достаточно, чтобы получить те своеобразные, гармонически построенные сложные и красочные композиции, которые мы видим на рис. 251 и других.

Орнаментика эта, на мой взгляд, наиболее оригинальна и характерна для башкирского изобразительного искусства, и ее корни уходят глубоко в древность. Это искусство питалось теми же источниками, что и искусство древнего населения Горного Алтая середины I тысячелетия до н. э., так как там имеются поразительные аналогии с перечисленными вы-

Рис. 258. Кисет – *янсык*

ше элементами башкирского и казахского национального орнамента, выполненного в технике апликации.

Шитый нитками орнамент был трех типов: тамбурный, гладевый, с косой наклонной стежкой, реже петельчатый.

Как можно было видеть при ознакомлении с одеждой башкир, она редко украшалась вышивками. Это объясняется тем, что в древности башкиры носили одежды преимущественно меховые, валяные из шерсти или из домотканого сукна, от которых затем перешли к ярким цветным фабричным материям. Впрочем, в тот переходной период, когда они носили одежды из белых домотканых материй (из крапивного или конопляного холста), последние украшались вышивкой, но она не занимала такого выдающегося места, как на одеждах мари, удмуртов, чувашей или южных хантов, женские, например, сорочки которых богато расшивались многоцветными узорами. Относительная бедность шитого башкирского орнамента была не столько качественная, сколько количественная и зависела не от отсутствия эстетического чувства или вкуса, которые у башкир были развиты настолько, что могли удовлетворить самым изысканным требованиям; одна из причин относительной бедности башкирского шитого орнамента заключалась, по-видимому, в том, что башкирки, при большом удельном весе в их хозяйстве скотоводства, даже зимой не имели столько досуга, как женщины исконных земледельцев или рыболовов, которые многие месяцы в году затрачивали на сучение ниток, тканье и вышивание. Тем не менее башкирки, главным образом девушки, занимались вышиванием и образцы их работ сохранились на *сергетыш*, *янсык*, *нарауыс*, *таҫтар баш*, *түшелдерек*, *намазлык* и т. п.

Тамбурный шов известен по крайней мере с середины I тысячелетия до н. э. Им вышиты замечательные китайские ткани и местные изделия, найденные при раскопках курганов в Горном Алтае[246]. Им же были вышиты узоры на тканях, найденных в курганах гуннского времени в Монголии[247]. У башкир этим швом выполнялись вышивки на чепраках к женским седлам (*сергетыш*), на кисетах (*янсык*), на полосах материи (*түшәк таҫмаһы*), перекинутых через перины и подушки на нарах, на женских чекменях и халатах.

Контуры узоров на этих предметах вышивались настоящим тамбурным швом, поле же внутри этого контура зашивалось «косой сеткой». Все эти вышивки выполнялись разноцветными шерстяными нитками (рис. 258).

Мотивы узоров, выполненных на перечисленных выше предметах в указанной технике, только отчасти сходны с теми, которые выполнялись на *сарык* в технике апликации. Прежде всего следует отметить фигуру в виде буквы S (рис. 259, *а*), иногда с добавленными к ней треугольниками (рис. 259, *б*, *в*). Фигуры эти, изображенные на концах двух перекрещивающихся линий, дают своеобразный орнамент (рис. 259, *г*). Они же являются существенным элементом

[246] *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.
[247] *Trever C.* Excavations in Northern Mongolia. L., 1932. Табл. 12, 13, 16, 18.

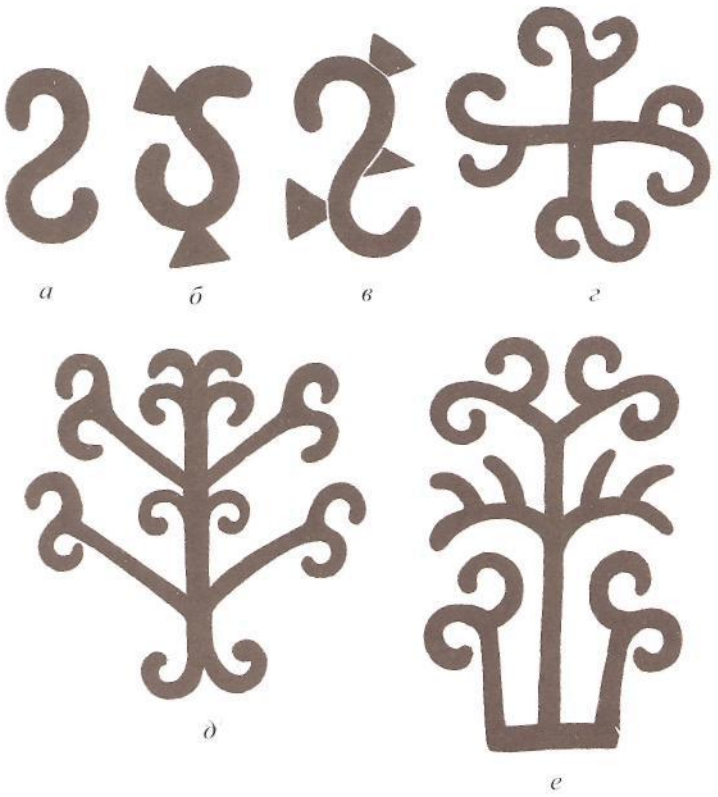


Рис. 259. S-образные фигуры шитого орнамента

в более сложных композициях, которые можно рассматривать как орнаменты растительные (рис. 259, *д*, *е*). Вторая элементарная фигура — в виде буквы «х» (рис. 260, *б*, *д*), иногда изображалась только верхняя ее половина (рис. 260, *г*). Фигура эта встречалась и в сравнительно простой трактовке (рис. 260, *б*), и в более сложной (рис. 260, *а*, *в*). В дальнейшем развитии из этого элемента получался условный рисунок «дерева» (рис. 260, *е*, *ж*), иногда с использованием S-образной фигуры (260, *е*) или цветка (рис. 260, *ж*).

С простейшим элементом, который я назвал верхней половиной х-образной фигуры (фиг. 260, *г*), генетически связаны как беспредметные орнаменты (рис. 261, *г*), так и такие, которые можно рассматривать как условные изображения растительных мотивов (рис. 261, кроме *г*).

Все перечисленные выше узоры не связываются между собой, как это мы видели на узорах *сарык*, в общую композицию и украшают различные предметы поодиночке. В тех случаях, как, например, на *сергетыш*, когда они встречаются в большом количестве, при украшении одного предмета следят только за симметрией в их расположении. Особый интерес представляют старинные вышивки на *нарауыс* — лоскутках холщевой материи (8—12 см ширины и 25—30 см длины) с вышитыми на них узорами в форме трапеции. Там, где в начале XX в. *нарауыс* еще сохранились (вся зауральская Башкирия, юг и западные склоны Южного Урала в пределах б. Стерлитамакского уезда до р. Белой), они (о чем была речь выше) играли известную роль в свадебных обрядах. От имени новобрачной свахи дарили *нарауыс* род-

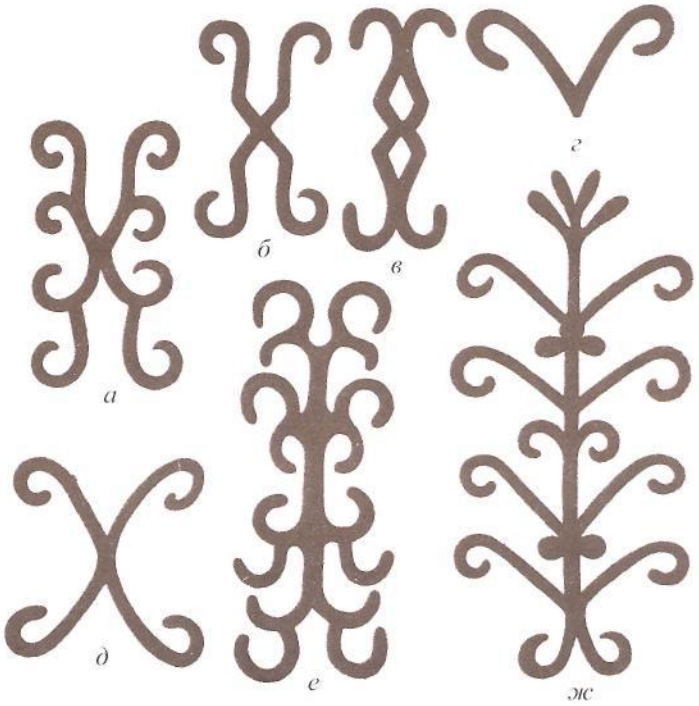


Рис. 260. Х-образные фигуры шитого орнамента

ственникам и почетным гостям, последние же отдаривали их деньгами, которые шли в пользу молодой. В старину они играли роль и при сватовстве, когда свахи показывали их родне жениха в доказательство искусства невесты. *Һарауыс* служил роженице для отдаривания своих приятельниц, когда последние с поздравлением приносили ей различные купанья. Не допуская мысли, чтобы *һарауыс* не имели никакого практического применения и изготовлялись исключительно для свадебного ритуала, я долго искал объяснения их непосредственного назначения. В обширной литературе о башкирах мне встретилось только одно указание[248], что «*һарауыс* — повязка под кистью *кашбау*, вышитая шелками».

Наконец, в 1912 г. мне удалось приобрести у башкир гирей-кипчаков экземпляр *һарауыс* (рис. 159), к углам которого были прикреплены нитяные шнурки. По словам гирей-кипчаков, *һарауыс* повязывался на верхнюю часть лба широкой стороной узора вниз, под нависающей на лоб коралловой бахромой *кашмау*. Впоследствии, при расспросах, мне неоднократно приходилось слышать подтверждение только что указанного назначения *һарауыс*.

При сборе этнографических коллекций для музея я всюду, где только было возможно, старался приобрести *һарауыс*, которых с каждым годом становилось все меньше и меньше. В результате мне удалось составить коллекцию их в количестве около 200 экземпляров; 124 *һарауыс* имеется в музеях г. Уфы, в краевом и главным образом в художественном.

[248] Справочная книжка Оренбургской губернии. Оренбург, 1884. С. 83.

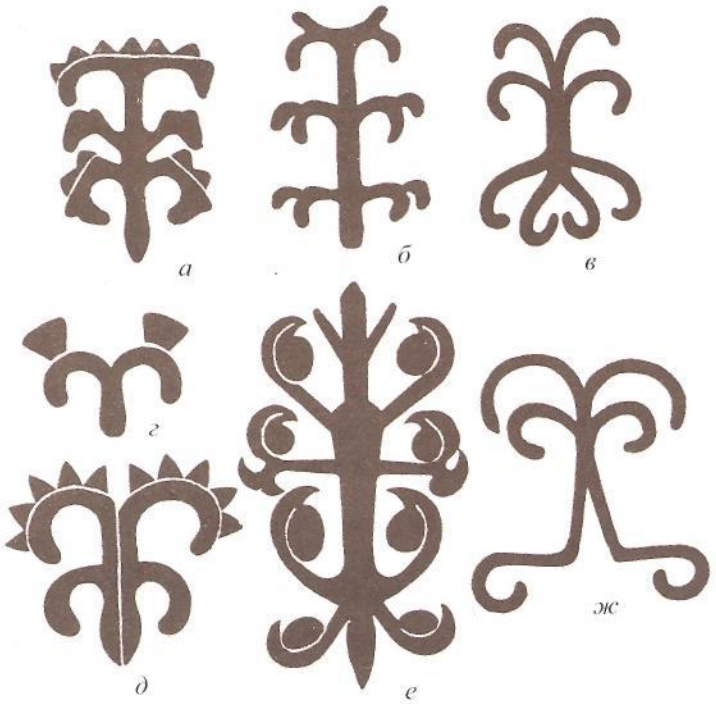


Рис. 261. Древовидные фигуры шитого орнамента

Гладевые вышивки на *hарауыс* выполнялись по счету ниток холста. Первоначально вышивался черной ниткой контур рисунка, и затем цветными нитками заполнялось все поле рисунка. Нитки, которыми выполнялись эти вышивки, бывали и шерстяные крученые, но главным образом шелковые. Уже в XVIII в., а возможно и раньше, крашеный шелк-сырец покупался башкирами пучками, а из него они сами сучили нитки.

Кроме *hарауыс* башкирки вышивали также концы полотенец, которыми в старину повязывали себе головы (*таҫтарбаш*). Хотя и на этих полотенцах узор наносился черной ниткой контуром по счету ниток ткани, но зашивался внутри двусторонним шитьем, реже гладью. Концы таких полотенец часто вместо покрытия их вышивкой превращались в прошивку (*селтәр*). В таких случаях, помимо богатой, расшитой разноцветными шелками прошивки, к ним пришивалась еще и бахрома.

Только что описанная техника узорного шитья встречалась исключительно на вещах старинных и имела к началу XX в. ограниченную область распространения. Такие вышивки встречались только на северо-востоке Башкирии, в частности у зауральских катайцев, у кара-барын-табынцев, у урман-кудейцев, у инзер-катайцев, реже у бурзян.

При первом взгляде на узоры *hарауыс* кажется, что здесь бесконечное разнообразие мотивов и что дублетов совсем не существует. При ближайшем же внимательном изучении оказывается, что можно выделить основные элементы, довольно часто повторяющиеся, и их варианты, а также как бы переходные мотивы между принятыми за основные. Не вдаваясь

Рис. 262. Налобная повязка – *нарауыс*:
а – кара-табыницы,
б – барын-табыницы,
в – катайцы,
г – карагай-кипчаки

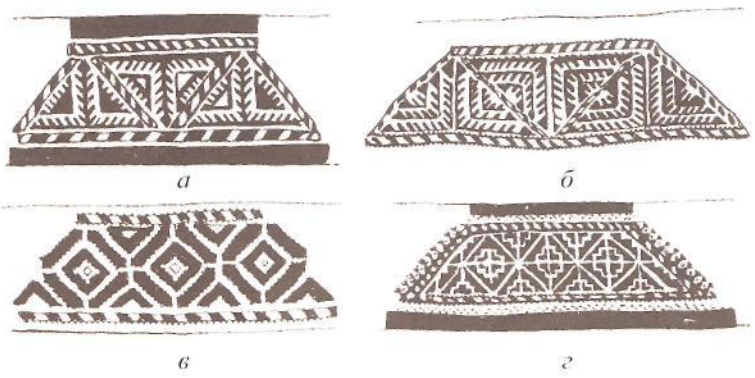


Рис. 263. Налобная повязка – *нарауыс*:
а – катайцы,
б, *г* – айлинцы,
в – гирей-кипчаки

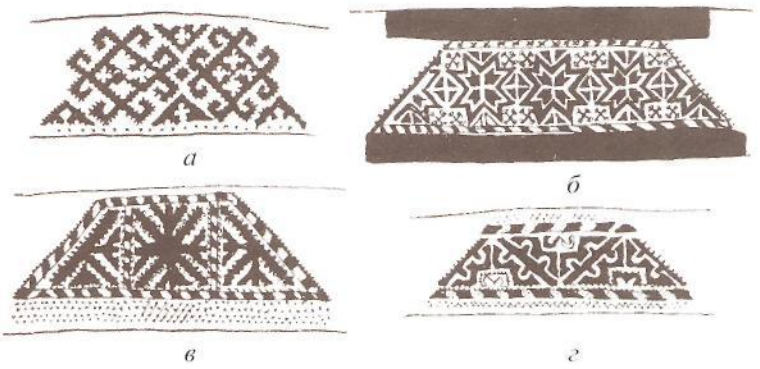


Рис. 264. Налобная повязка – *нарауыс*:
а, *б* – гирей-кипчаки,
в, *г* – карагай-кипчаки

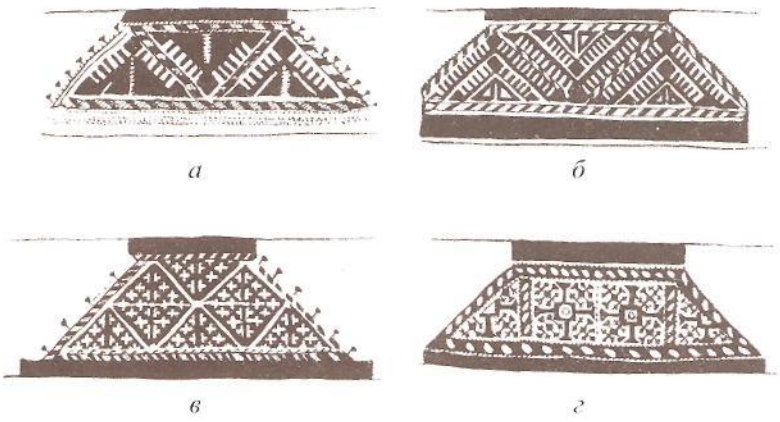
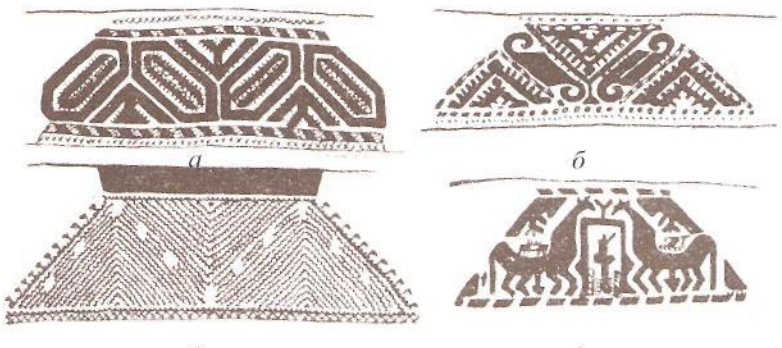


Рис. 265. Налобная повязка – *нарауыс*:
а, *в* – карагай-кипчаки,
б – айлинцы,
г – катайцы



в детальное изучение мотивов башкирского, шитого на *нарауыс* орнамента, все же можно наметить основные из них.

Наиболее распространенный (24 % нашей коллекции) мотив узора мы имеем на *нарауыс* на рис. 262, *а*. Он состоит из трех одинаковых треугольников, разделенных между собой полосками. Рисунок достаточно примитивен, это так называемая елочка, столбик с отходящими от него коротенькими ответвлениями, параллельными друг другу; на верху елочки квадратик, посаженный на один из углов, по бокам треугольники с зубчиками, а внизу та же елочка, но половинчатая.

Второй мотив: три одинаковых треугольника, разделенные вертикальными колонками (рис. 262, *б*), также довольно многочисленный (10 %), произошел, очевидно, из первого путем раздвоения основной елочки; треугольники с зубчиками также несколько видоизменились. Этот мотив, как и первый, состоит из комбинаций трех одинаковых рисунков. Варианты этого мотива, несколько упрощенного, мы имеем на рис. 268, *а*. Здесь мы узнаем ту же раздвоенную елочку, но превращенную уже в столбик с зазубринами, а боковые треугольнички получили квадратные придатки на вершинах.

Третий мотив уже резко отличается от предыдущих и не так многочислен (4 %). Его (рис. 262, *г*) можно рассматривать как комбинацию трех одинаковых треугольников, но здесь эти треугольники не разделены, а, напротив, заключены в одну общую рамку. Тут особого внимания заслуживает боковая зубчатая кайма, столь характерная для марийских и чувашских вышивок.

Четвертый мотив, в наиболее простом виде представленный на рис. 262, *в*, также не особенно многочислен (7 %), его следует рассматривать как комбинацию двойного квадрата.

В пятом мотиве (рис. 263, *а*), представленном всего несколькими экземплярами (3 %), можно видеть варианты или, быть может, развитие четвертого мотива. Стороны основных квадратов в этом мотиве перекрещены и загнуты друг к другу концами; внутри квадрата четырьмя столбиками, отходящими от середины каждой из его сторон, образованы на фоне белые кресты.

Шестой мотив представлен рядом звездочек (рис. 263, *б*) с крестиками по углам и треугольниками у краев; он уже не разбивается на три одинаковых элемента.

Седьмой, часто встречающийся (14 %) орнамент, основной мотив которого (рис. 263, *в*) — крест, известен в нескольких вариантах (рис. 264, *г*; 267, *б*, *г*, *д*).

Восьмой мотив (рис. 264, *а*), также довольно многочисленный, в основе своей совершенно тождественен мотиву девятому, который получился несомненно путем усложнения мотива восьмого. Это две полоски, сходящиеся под прямым углом с квадратиком, насаженным на вершине, и треугольниками на концах; между треугольниками и квадратиком ряд зубцов; внутри угла два треугольника с белой полоской между ними.

Мотив девятый (рис. 264, *б*) происходит из восьмого удвоением зубчатых угольников. Узор этот естественно разлагается на три равные части, в чем он подобен мотиву первому и второму, с которыми он имеет много общего.

Десятый мотив (рис. 264, *в*) немногочислен (4 %), как и мотив одиннадцатый (4 %), и состоит из прямых и косых крестов и крестиков.

Мотив одиннадцатый (рис. 264, *г*) представлен сложными крестами и полукрестами, подобными тем, которые встречались на парчевых тканях для риз (этот крест почти точная копия креста — риза терри, встречающегося на вышивках женских сорочек у уфимских чувашей).

Мотив двенадцатый (рис. 265, *а*), состоящий из вытянутых шестиугольников с зубчатыми колонками внутри, также довольно распространен (7 %). По общему характеру, а в особенности по фигуркам, расположенным между шестиугольниками, сильно напоминает чувашские и марийские узоры.

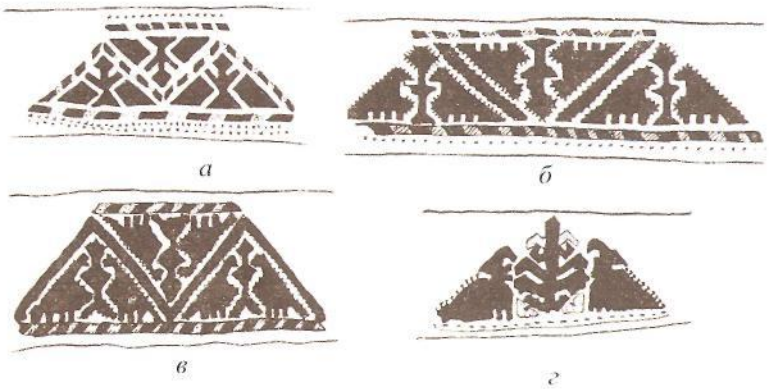


Рис. 266. Налобная повязка – *нарауыс*: *а, в* – катайцы, *б, г* – айлинцы

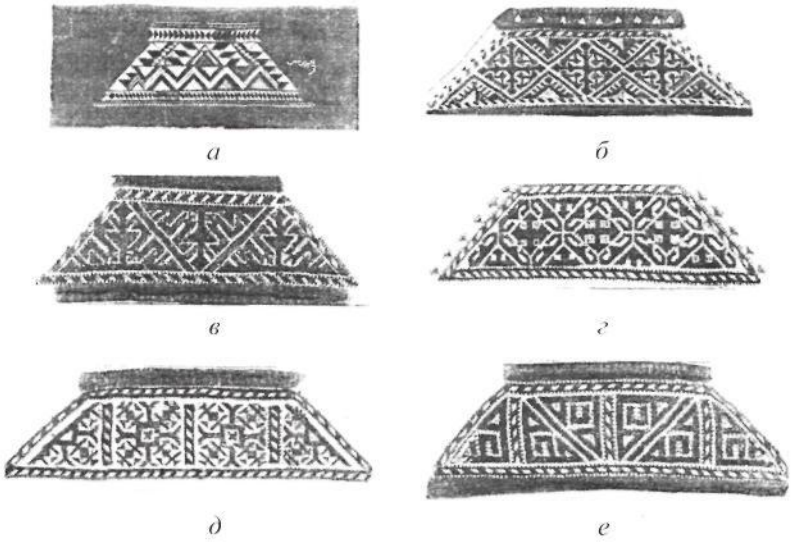


Рис. 267. Налобная повязка – *нарауыс*. Собрание Уфимского художественного музея (ныне – Башкирский государственный художественный музей им. М. В. Нестерова. – *Отв. ред.*)

Тринадцатый мотив приближается к мотиву восьмому или, вернее, девятому, от которого он, вероятно, и произошел путем развития полосок, разделяющих три одинаковых части *нарауыс* в самостоятельный элемент (рис. 265, *б*). Этот мотив немногочислен (3 %), так же как и мотив, представленный на рис. 265, *в*. Последний состоит из сплошного ряда линий, сходящихся под углом, линий, исполненных нитками одного цвета.

Все только что рассмотренные мотивы узоров на *нарауыс* имеют характер геометрический, и в них вряд ли можно видеть какие-либо даже грубо стилизованные животные или растительные мотивы. Таково огромное большинство башкирских *нарауыс*.

Тем не менее есть небольшая группа *нарауыс* с узорами явно зооморфного характера, изображения которых мы здесь и приводим.

Изображение «дерева» с двумя птицами по сторонам встречается чаще других. На рис. 266, *а*, мы видим очень схематичное изображение дерева и по бокам его геометрические фигуры, которые на рис. 266, *б*, можно рассматривать уже как схематическое изображение птиц. На следующем рисунке, 266, *в*, уже нет никаких сомнений в том, что по бо-

кам «дерева» действительно изображены птицы. Центральная фигура между птицами на рис. 266, *г*, — явное изображение дерева.

Очень интересно единственное в своем роде изображение на *нарауыс* (рис. 265, *г*) каких-то четвероногих животных, по-видимому лошадей. К сожалению, центральная фигура этого узора сохранилась плохо, и нет возможности точно определить, что она изображала.

Варианты всех перечисленных выше мотивов, выделенных при изучении собранных мной *нарауыс* и хранящихся в Этнографическом музее в Ленинграде (ныне — Российский этнографический музей. — *Отв. ред.*), имеются и в богатом собрании таких вышивок в Уфимском художественном музее (рис. 267). Редким исключением в этом собрании является *нарауыс* из красного кумача с орнаментом, вышитым гладью и состоящим из треугольников (рис. 267, *а*). На этом же *нарауыс* арабскими буквами вышито имя.

Намереваясь установить, какие мотивы являются характерными для отдельных родов башкир или районов, и желая тем самым получить некоторые наводящие данные для суждения о вероятном месте происхождения и центре распространения того или иного орнаментального мотива, я нанес на карту все вышеперечисленные типы. Оказалось, что все они распределяются довольно равномерно по территории Башкирии.

Выяснилось, что один и тот же многочисленный мотив можно было встретить во всех тех родах, где имелись *нарауыс*, а мотивы, насчитывающиеся всего в числе семи-восьми экземпляров, были встречены в четырех-шести башкирских дачах, нередко отстоящих одна от другой на весьма значительном расстоянии. Естественное объяснение подобного явления заключается в том, что *нарауыс*, как мы знаем, служил свадебным подарком, а жен башкиры брали в былые времена исключительно из других родов; понятно, что *нарауыс* кочевали с ними из одного рода в другой, где мотивы их узоров копировались и видоизменялись.

Способ исполнения и мотивы узоров, которые мы только что видели на *нарауыс*, были присущи только им одним, и на других предметах я их не встречал. Единственное известное мне исключение — это вышивка на подушке (*яҫтык*), которую мне удалось приобрести у карагай-кипчаков. Подушка эта весьма древняя, и назначение ее несколько специальное. Она подвязывалась в тороках за женским седлом для ребенка, который сидел на ней при перекочевках, держась за свою мать. Верхняя поверхность этой подушки сплошь зашита узором, показанным на рис. 268, *а*, таким же как и на *нарауыс* рис. 262, *а*.

Те же самые техника и мотивы, которые мы видели в только что рассмотренных *нарауыс*, являются типичными для вышивок хантов, марийцев и чувашей. Сопоставляя марийские вышивки, опубликованные Т. А. Крюковой[249], с вышивками на наших *нарауыс*, легко убедиться, что мотивы башкирских *нарауыс* (рис. 263) совпадают с марийскими Т. А. Крюковой, табл. III, 1; XXVI, 3; XXIX, 3; нашему рис. 264, *б*, соответствует табл. XXXII, 5; рис. 265, *а*, — табл. XXI, 7; рис. 266, *б*, — табл. XXI, 3, и рис. 34 в тексте.

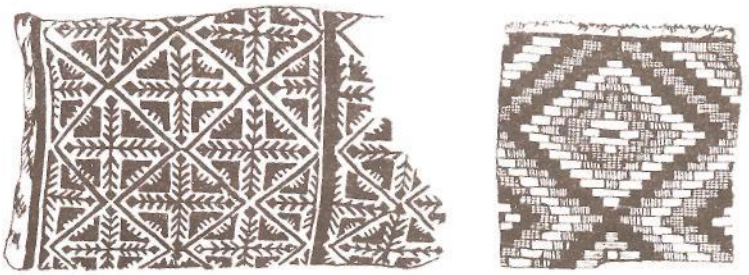
Аналогичные мотивы встречаются и в чувашских вышивках, опубликованных Т. М. Акимовой[250], в частности на ее рис. 10, 17 и 18.

Чрезвычайно интересно, что, по сообщению Т. М. Акимовой[251], шов, которым выполнены узоры на башкирских *нарауыс*, чуваши называют «хантыс». Не указывает ли это на то, что данная техника шитья вместе с соответствующими ей мотивами распространилась среди народностей Приуралья и Прикамья от

[249] *Крюкова Т. А.* Марийская вышивка. Л., 1951.

[250] *Акимова Т. М.* Вышивки саратовских чуваш / Саратовский нижневолжский институт краеведения им. М. Горького. Саратов, 1936.

[251] *Там же.* С. 44.



а *б*

Рис. 268. Подушка – *яҫтык* (*а*), карагай-кипчаки; ковер – *балаҫ* (*б*), минцы

хантов (остяков). Старинные (XVIII – начало XIX в.) одежды хантов[252], как мы знаем, особенно женские рубахи, были зашиты орнаментами, выполненными в этой именно технике, с теми же самыми мотивами. К этому следует прибавить, что древний переднеазиатский мотив священного дерева и стоящих по обе его стороны животных через кочевническую среду мог рано проникнуть в бассейн Оби. Характерно также, что ряд мотивов, встречающихся на башкирских *һарауыс*, в частности птицы и лошади, изображенные на *һарауыс* (рис. 265, *г*), трактован совершенно так же, как в современной орнаментике хантов.

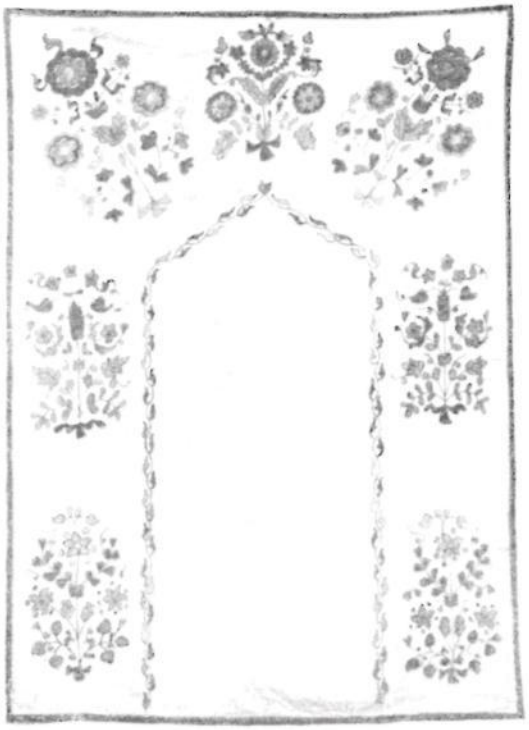


Рис. 269. Молитвенный коврик – *намаҙлык*. Юрматынцы

Особую группу составляли вышивки тамбуром и узелками на женских нагрудных повязках (*күкрәксә* или *түшелдерек*), на молитвенных ковриках (*намаҙлык*) для совершения намаза (которые у западных башкир были традиционным подарком невесты свекру), на рушниках и полотенцах (*таҫтамал, һөлгө*), покрывалах на сосуды с кумысом (*һаба* или *сылək ябыуы*) и проч.

При вышивке узоров на этих предметах тамбуром шился контур, им же заполнялось и поле узора по спирали или рядами. При вышивке шерстяными нитками или гарусом узелками или петлями контур узора наносился тамбурным швом, а петли, покрывающие поле рисунка, располагаясь близко одна от другой, выступали по вертикали так, что узор получался рельефным. Техника указанного шитья распространилась среди башкир вместе с татарскими вещами (*күкрәксә*, *намаҙлык*) и соответствующими мотивами. Как и у казанских татар[253], характернейшие мотивы башкирских вышивок на указанных предметах, выполненных тамбурным швом, состоят из цветов и листьев, сгруппированных в отдельные ветки, букеты, гирлянды, более или менее стилизованные. Рисунок этих узоров всегда свободный, не счетный, отличающийся округлостью и гибкостью форм (рис. 148, 149, 269). Букеты обычно вышиваются отдельно, без связи с другими мотивами. Обе половины вышивок на *намаҙлык* представляют зеркальные отражения одна другой.

[252] *Patkanov S.* Irtysch-ostiaken. SPb., 1897. Табл. 2, 1a, 2a, 2b.

[253] *Адольф Е.* Вышивка казанских татар // Материалы Центрального музея Татарской АССР. 1927. № 1.

Расцветка этих узоров крайне разнообразная, яркая и пестрая.

Геометрические орнаменты, встречавшиеся на концах полотенец и на коврах (*балаҫ*), определяются техникой изготовления тканьем. Тканые на станках, они по рисунку представляют собой или чередующиеся разноцветные полосы, или сочетание различных геометрических фигур: квадратов, прямоугольников, ромбов (268, *б*).

Исходя из техники и мотивов в изобразительном искусстве башкир, можно, следовательно, наметить три независимых одна от другой группы. Первая группа, и притом наиболее древняя и самая характерная для башкирского изобразительного искусства, — орнаментика, выполненная в технике апликации, тиснения на коже, серебряной чеканке, отчасти в тамбурном шве, связанная с древним кочевническим миром; вторая группа — шитый гладевый орнамент, связанный с угорским культурным миром, и, наконец, третья группа — узоры, выполненные тамбурным или петельчатым швом, появившиеся у башкир под влиянием искусства казанских татар.

Башкирское устное творчество было разнообразно и богато. Оно представлено различными жанрами, среди которых имеются героический эпос, сказки и песни. По башкирскому фольклору уже собран значительный материал, но предстоит еще большая работа по изучению устно-поэтического творчества башкирского народа.

Башкирский героический эпос сохранился в форме героических поэм различного содержания. Как образец былин с мифологическим содержанием можно указать былину об Урал-батыре, в которой выражена идея победы жизни над смертью. Поэма *«Кусяк-би»* (или Кусяк-батыр) повествует о борьбе между родами бурзян и кипсак (кипчак), сопровождавшейся кровной местью (*карымта*). Поэмы *«Кузый-Курпяс»* и *«Иркбай»* отражают борьбу башкирского народа за свое освобождение от монгольского ига, хотя в первой значительное место занимает элемент бытовой, лирический.

Еще более разнообразны башкирские сказки, в которых различаются циклы богатырских сказок, сказок волшебных и бытовых, имеются сказки с содержанием нравоучительным, о животных и сказки-легенды.

Эпические поэмы «богатырского» содержания во многих случаях утратили у башкир свой стиль и стихотворную форму. Героический сюжет в них облечен уже в прозаическую форму, присущую сказке. Их герои действуют уже вне исторических рамок и в качестве противников имеют, как и герои волшебных сказок, мифические существа.

В волшебных сказках рассказывается о борьбе человека с силами природы и их преодолении. Мифические существа, фигурирующие в волшебных сказках, в большинстве случаев враждебны человеку: *аждаһа*, *юха*, *пәрей*, *дейеү*, *мәскәй* и др., но имеются и дружественные, такие как летучий конь *толпар*, верный слуга сказочного героя конь-беркут, беркут, говорящий человеческим языком, или громадная птица *сәмрегош*, спасающая героя за то, что он спас ее птенцов от *аждаһа*.

Героям в их борьбе помогают волшебные предметы: шапка-невидимка, меч-самосек, оживляющая вода, *курай*, из которого течет кровь, когда герой в беде, или молоко — при удаче героя. Как правило, сказки эти кончаются победой героя.

Бытовые и нравоучительные сказки обычно обличают несправедливость и насилие. Любимый герой бытовых сказок *Таҙ* («плешивый»), неприглядный, неопытный и неумный в начале сказки, в конце оказывается умнее и сильнее всех. Герои бытовых сказок, борясь за свое личное счастье, обличают неправду социальной жизни.

Герои сказок отличаются высокими моральными качествами: беззаветной преданностью родине, смелостью и отвагой.

Башкирские народные песни (*йырҙар*) обычно кратки, в одну строфу (в 4 строчки), причем первая полустрофа часто не имеет внутренней связи с последующей, второй, соблюдается лишь внешняя связь — рифма во второй и четвертой строчках. В первой половине строфы очень часто заключается какой-нибудь поэтический образ или картина природы.

Вот один из образцов таких песен:

Заяц гуляет по кустам
И скачет по горам.
А если друг с дружкой сойдется,
Тогда нужда-бедность разойдется.

Обычны были и такие песни, части которых связаны между собой по смыслу.

Вставши рано, я посмотрел;
Жаворонок весело поет;
Я также попел бы, посмеялся,
Но бедность режет мою шею.

Имелись песни в две, три и более строф, представляющие собой довольно большое стихотворение. С. Г. Рыбаков[254] приводит следующий пример:

Я держал в руках домбру
И проходил по улице;
Бросил я домбру,
Ввел девушек в избенку,
Стал я их целовать,
Но меня поймали;
Из беды я вырвался.

Песни, состоящие из многих строф, текст которых представлял единое целое, чаще всего бывали повествовательного характера и распевались почти по всей Башкирии. Как на образцы укажу: *«Урал»*, *«Буранбай»*, *«Бишш»*, *«Зюльхизя»*, *«Караван-сарай»*, *«Эскадрон»*, *«Уйыл»*, *«Кара юрга»* и др. В песне про вороного иноходца (*«Кара юрга»*), например, воспевался иноходец, которого украл башкир где-то очень далеко и на котором он проехал сотни верст не останавливаясь, так как за ним гнались два брата, хозяева иноходца, с несколькими родственниками. Иноходец был так хорош, что не знал устали, и так покоен, что на полном ходу не расплещет воды из чашки, поставленной у него на спине. Добравшись до кочевки вора, преследователи не нашли ни его, ни иноходца, на котором тот уехал в горы. Они перерезали его семью, а красавицу жену увезли с собой. Сильно сокрушался похититель иноходца, но не расстался с ним, последний и был ему утехой.

Среди обрядовых песен особо выделялись *сеңләү*, предсвадебные прощальные песни невесты, когда она расставалась с родителями и родным домом. В связи с обычаем уплаты калыма за невесту родители часто выдавали свою дочь за богатого старика, имеющего уже несколько жен. В таких случаях девушка в песне горько оплакивала свою участь. В этих песнях, как правило, выражалась не любовь, а неприязнь к жениху в результате насильственного замужества.

Одним из наиболее древних видов устной поэзии башкир был *кобайыр*. В отличие от песни, которая построена исключительно на четверостишии, в *кобайыр*

[254] *Рыбаков С. Г.* Музыка и песни уральских мусульман // Зап. Академии наук по историко-филологическому отд-нию. СПб., 1897. Т. II. № 2. С. 47.

могло быть большое (до 24) количество строк в строфе, что связано с сюжетным эпическим его содержанием. В *кобайыр* воспевались красоты природы родного края, в ней звучали призывы к борьбе за независимость от золотоордынских и ногайских ханов, прославлялись народные герои.

Певец, которого слышал И. И. Лепехин, «пел славныя дела своих предков, которых они батырями называют... Певун наш припевал не только все их жизни достопамятное, но голосом и телодвижениями выражал все их действия, как они увещали своих товарищей, как выступали в бой, как поражали противников, как обременешные ранами ослабевали и последний испускали дух»[255].

Прошло полтора столетия, и башкиры к началу XX в. почти повсеместно позабыли уже своих батырей, былых вдохновителей и руководителей их войн. Только последнего из них, Салавата Юлаева, помнили еще хорошо и распевали посвященные ему *кобайыр*.

Самоотверженная преданность Салавата интересам народно-освободительной войны, его мужество и бесстрашие часто возводили его образ на высоту сказочной личности. Салават наделялся чертами эпического богатыря, которого по его силе и доблести можно сравнить лишь с мифическими героями.

Сәсән (певец-импровизатор), повествуя о подвигах Салавата, когда нужно было выразить лирические чувства и переживания героя, вслед за словами «тут Салават запел», пел песню, приписываемую этому герою.

Среди башкир нередко встречались *сәсән*, соединяющие в себе дар поэта и композитора; они составляли новые песни на собственные мелодии. Насколько интенсивно было башкирское поэтическое творчество, можно судить по тому, что у них с каждым поколением появлялись новые циклы песен, хотя лучшие лирические песни и *кобайыр* передавались из поколения в поколение.

В зависимости от мелодии башкирские песни разделялись на две группы: на протяжные, проголосные мелодии (*озон көй* или *озон йыр*) и скорые, короткие мелодии (*кыҫка көй* или *кыҫка йыр*); к последнему классу относятся и плясовые мелодии (*такмак*)[256].

Среди *озон көй* Х. Ахметов, Л. Лебединский и А. Харисов[257] различают песни виртуозно-орнаментированные, импровизационные, высокоразвитого сольного мелодического стиля (*«Урал»*, *«Буранбай»* и др.) и песни мало или совсем не орнаментированного мелодического стиля, без элементов виртуозности, мелос которых в основном покоится на лирически выразительной напевности кантиленного типа (*«Салават»*, *«Биш»*).

Огромную роль в развитии *озон көй* сыграли общественные *йыйыны*, на которых выступали певцы и кураисты.

Озон көй занимали выдающееся положение в музыкально-поэтическом творчестве башкир. Ни один из других жанров, о которых речь будет ниже, в такой степени не выражал национальные черты народа и не воплощал его художественных образов, как *озон көй*.

Озон көй исполнялись либо певцом, либо инструменталистом на *курай* (*курайсы*), либо дуэтом певца и кураиста в стиле гетерофонного одноголосья.

В *кыҫка көй* различались собственно *кыҫка көй* и *бейеү көйө* (плясовые).

Собственно *кыҫка көй* — быстрая, чаще всего не плясовая, песня с текстом (например, *«Салават»*, *«Ирәндек»*).

В некоторых случаях, на что обращают внимание Х. Ахметов, Л. Лебединский и А. Харисов, когда скорая программно-изобразительная пьеса-танец соче-

---

[255] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 113.

[256] *Рыбаков С. Г.* Музыка и песни уральских мусульман // Зап. Академии наук по историко-филологическому отд-нию. СПб., 1897. Т. II. № 2. С. 47.

[257] Башкирские народные песни / Сост., редакция, вступ. ст., коммент. *Х. Ф. Ахметова, Л. Н. Лебединского, А. И. Харисова.* Уфа, 1954.

талась с текстом, она становилась плясовой *кыçка көй* (например, «*Кара юрга*»), исполняемой с поэтическим текстом.

Бейеү көйө были связаны с танцем общелирического содержания и в большинстве случаев были двухколенны.

О происхождении *такмак* в книге «Башкирские народные песни» сообщается следующее. Во второй половине XIX в. напевы многих *бейеү көйө* — общелирических танцевальных напевов — стали соединяться с поэтическими четверостишиями лирического, в большинстве случаев, любовного содержания. Эти четверостишия получили названия *такмак*. *Такмак* стали называться также и быстрые плясовые песни с напевами *бейеү көйө*, связанные с общелирическим танцем.

Текст и мелодии в башкирских песнях не были связаны между собой настолько, чтобы неизменно сопровождать друг друга. В противоположность, например, русским песням, данный текст мог распеваться на данную мелодию, но также и на всякие другие однородные мелодии; нельзя было только протяжную мелодию заменить короткой и наоборот[258].

Среди певцов преобладали высокие голоса, особенно тенора, которые без затруднения брали чрезвычайно высокие ноты, по тембру приближавшиеся к детским голосам (альтам). Одной из особенностей исполнения всех песен являлось продолжительное протягивание последней ноты песни с вибрацией в голосе (особенно в исполнении *озон көй*).

Охотничьи приемы подражания всевозможным крикам птиц и зверей, повидимому, породили своеобразное искусство, в котором эти крики превратились уже в мелодию; среди певцов встречались такие звукоподражатели. И. И. Лепехин в своих записках сообщает: «По окончании бала завели они (башкиры. — *С. Р.*) другое, что можно назвать передражниванием. Они голосом своим подражали крику как зверей, так и разных птиц, и так удачливо, что с трудностию разпознать можно было крик настоящей птицы от башкирскаго»[259].

Образцы звукоподражательных мелодий были записаны и С. Г. Рыбаковым[260].

Наряду с вышеупомянутым звукоподражанием у башкир имелось *өзлəү*, или *тамак курайы* (*«горло-курай»*), — искусство двухголосного пения одним исполнителем. Певец брал голосом нижний остинатный звук и тянул его непрерывно; на фоне этого звука он напевал в верхнем регистре свои оригинальные мелодии[261].

Господствующими у башкир были одноголосные и сольные формы исполнения; многоголосные отсутствовали.

Излюбленное время для пения были вечера, особенно на кочевках, хотя в поле и в пути башкиры охотно пели и днем. Пели также по вечерам на различных сборищах, гулянках и свадьбах; пели всегда поодиночке, редко второй голос подтягивал, хорового же пения мне слышать не приходилось.

Сравнивая башкирские песни с песнями соседних им татар, С. Г. Рыбаков[262] пришел к заключению, что башкирские песни более мелодичны и эффектны, дышали какой-то особой широтой и размашистостью, которая зависела не только от употребления широких интервалов.

Наряду с песенным творчеством у башкир была развита и музыка, причем инструментальная чуть ли не преобладала над вокальной. Почти к каждой песен-

---

[258] *Рыбаков С. Г.* Музыка и песни уральских мусульман // Зап. Академии наук по историко-филологическому отд-нию. СПб., 1897. Т. II. № 2. С. 47.

[259] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 114.

[260] *Рыбаков С. Г.* Музыка и песни уральских мусульман // Зап. Академии наук по историко-филологическому отд-нию. СПб., 1897. Т. II. № 2. С. 139–141.

[261] Там же. С. 114.

[262] *Рыбаков С. Г.* О народных песнях татар, башкир и тептярей // Живая старина. 1894. № 3–4. С. 366.

ной мелодии у башкир имелась инструментальная, как свободная ее вариация.

Среди встречающихся у башкир инструментов наиболее распространены были два: *кумыз* (или *кубыз*) и *курай*. *Кумыз* в свою очередь был двух родов: это или деревянная пластинка с вырезанным на ней язычком (*агас кумыз*), или общеизвестный варган, железная дужка с вибрирующей в ней стальной или медной пластинкой (*тимер кумыз*). При игре на любом из этих инструментов играющий брал его в зубы и дергал за нитку, прикрепленную к деревянному язычку, или ударял пальцем, приводя в движение металлическую пластинку в железном *кумыз*. Деревянный *кумыз*, более примитивный, встречался в Башкирии довольно редко; он отмечен мной у катайцев, гайнинцев и у танып цев.

Мужчины на *кумыз* играли редко, это инструмент девушек и женщин.

Другой более характерный для башкир инструмент, *курай*, делался из стебля растения, называемого медвежьей дудкой (Archangelica officinalis). Для *курай* выбирался гладкий, пустой и чистый внутри стебель растения, в котором вырезывали пять прямоугольных отверстий. На некотором расстоянии от нижнего конца дудки прорезывалось четыре отверстия с промежутком в два пальца одно от другого; пятое же отверстие проделывалось с противоположной стороны на несколько сантиметров выше четвертого отверстия (рис. 270). Музыкант (*курайсы*) вкладывал *курай* широким концом в рот между зубами, закрывая половину верхнего отверстия губой, другую половину отверстия он зажимал языком, а пальцами обеих рук перебирал боковые отверстия. В упомянутом выше сборнике Х. Ахметов, А. Харисов и Л. Лебединский отмечают, что различные регистры *курай* дают различные звукоряды. Самый низший регистр, звуки которого извлекаются простым способом — открыванием или прикрыванием пальцевых отверстий, дает мажорный гексахорд, т. е. шесть звуков мажорной гаммы (до, ре, ми, фа, соль, ля). В среднем регистре, звуки которого извлекаются уже сложным путем — передуванием воздуха в трубку, — мажорный гексахорд превращается в полную мажорную гамму, к которой прибавляются четвертая повышенная и седьмая пониженная (т. е. звуки «си-бемоль» и «фа-диез»). В верхнем регистре, звуки которого извлекаются также сложным способом (передуванием воздуха в трубку), нет четвертой повышенной (фа-диез) и седьмой пониженной (си-бемоль), но сохраняется вводный тон (си) и появляется пятая повышенная (соль-диез) — звук, извлекаемый далеко не всяким кураистом.

Старый, сухой инструмент перед игрой смачивали теплой водой. Звуки *курай*, как это отмечал С. Г. Рыбаков, были столь мелодичны, что достаточно хорошо воспроизводили лиричность башкирских мелодий. Этим мелодиям вообще были свойственны размашистые интервалы (ноны, децимы, дуодецимы и проч.), а характерной их особенностью являлось то, что в начале мелодии выдерживалась довольно

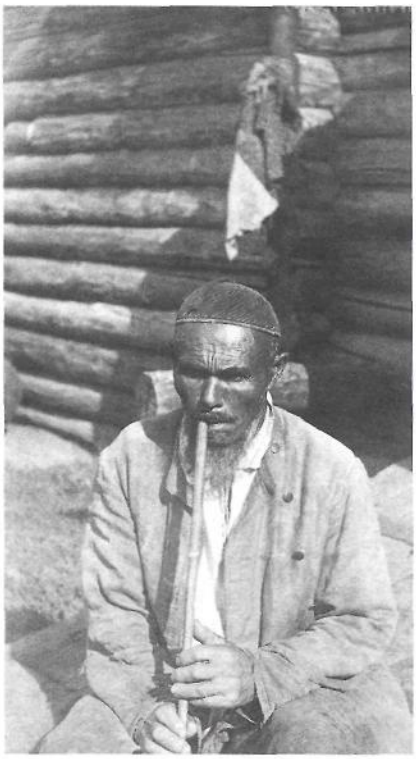


Рис. 270. Кураист — *курайсы*. Гирей-кипчаки

долго определенная нота, как бы фермата, к которой игрок подыскивал голосом квинту и этим как бы устанавливал строй мелодии. Несмотря на тихие звуки *курай*, у хорошего игрока на этом инструменте мелодия приобретала относительную силу и величественность. Подобно казахам, инструментальную мелодию игрок-башкир постоянно сопровождал неизменным тянущимся (остинатным) звуком, производимым горлом[263].

Почти к каждой мелодии башкиры приводили какое-нибудь сказание или легенду, поясняющую ее происхождение.

Играли на *курай* преимущественно мужчины, но были и женщины *курайсы*, хорошо владеющие этим инструментом.

Кое-где у юго-восточных башкир встречался еще трехструнный музыкальный инструмент *думбыра*, мало для них характерный и, по-видимому, заимствованный от казахов.

Танцы башкир отличались некоторым своеобразием. «В пляске своей, — писал И. И. Лепехин[264], — башкирцы много кобенятся и стараются так же телодвижением выражать слова, в песне содержащияся». И действительно, пляска башкир (особенно степных районов), в которой принимали участие и мужчины, и женщины, не отличалась особой живостью, хотя под влиянием русских в XIX в. с интенсивным развитием маршей *бейеү көйө* типа знаменитого «Перовский» последние внесли живость и четкость в башкирскую пляску. Пляски совершались всегда под звуки песни или *курая* с частым ритмом. Присутствующие отбивали такт ладонями и время от времени в одобрение пляшущих восклицали «Эйе!». Танец производился на одном месте или на незначительных размеров площадке. Женщины во время пляски тихо передвигали ногами, махали руками, щелкали пальцами или кружились на одном месте. Мужчины, уперев руки в бока и слегка склонив набок голову, плавно покачивались туловищем, ногами же быстро отбивали такт, топая об пол или ударяя одной ногой о другую. Мужчина то приближался к женщине, то удалялся от нее; женщина в свою очередь манила к себе руками мужчину, но когда он приближался к ней, она закрывала лицо платком, отворачивалась в сторону и склоняла голову.

Беглый обзор башкирского искусства дает возможность судить о его отличительных самобытных чертах. В изобразительном искусстве, по-видимому, только гладевое шитье узоров с их мотивами проникло к башкирам из культурной среды угорских племен и притом сравнительно недавно, равно как и вышивки, характерные для казанских татар. Особо следует отметить, что те три основных группы узорного шитья, собственно башкирский, или, условно выражаясь, древнетюркский, угорский и татарский, не слились воедино и не дали какого-то смешанного стиля искусства, а до конца XIX в. продолжали существовать независимо, связанные с теми предметами, которые этим шитьем украшались. Национально-самобытное народное музыкальное и литературное творчество башкир было в известной мере связано с таковым их восточных соседей и прежде всего казахов.

---

[263] *Рыбаков С. Г.* Курай — башкирский музыкальный инструмент // Русская музыкальная газета. 1896. Январь. С. 13.

[264] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 114.

Глава XIV

ПЕРЕЖИТКИ РЕЛИГИОЗНЫХ ДОИСЛАМСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Ислам начал проникать к башкирам, по всей вероятности, в X–XI вв., когда арабские купцы и миссионеры, часто посещавшие Великую Булгарию, заходили в страну башкир. В XIV в. ислам уже значительно распространился среди башкир. Укреплению религиозных мусульманских идей особенно способствовал ход исторической жизни башкир и то положение, какое заняла Башкирия после падения Казанского царства, когда она являлась пристанищем беглецов, мечтавших о восстановлении независимого от Москвы мусульманского царства. В этой обстановке особенно усилилось влияние, а вместе с ним и эксплуатация со стороны духовенства. Муллы пользовались большим влиянием еще в начале XX в. Имелись они в каждой сколько-нибудь значительной деревне и до революции являлись не только священнослужителями, но и учителями; на мулле лежала обязанность обучения грамоте и религиозное воспитание молодежи своей деревни.

Ислам изгладил из памяти башкир их прежние верования, вместе с арабской, а затем татарской грамотностью привнес ряд новых и чуждых ранее воззрений. В обширной литературе, посвященной башкирам, мы находим крайне мало данных об остатках их былого мировоззрения.

Тем не менее собранные мной материалы свидетельствуют о наличии у башкир даже в начале XX в. пережитков их древних верований и мировоззрения, характерного для народностей, не приобщившихся еще к мировым религиям и не имевших ни сложившихся культов, ни жреческого сословия.

Посол багдадского халифа к царю волжских булгар Ибн-Фадлан, посетивший Башкирию в 922 г., писал о башкирах: «Из них кое-кто говорит, что у него двенадцать господ: у зимы господин, у лета господин, у дождя господин, у ветра господин, у деревьев господин, у людей господин, у лошадей господин, у воды господин, у ночи господин, у дня господин, у смерти господин, у земли господин, а господин, который в небе, самый большой из них, но только он объединяется с ними в согласии и каждый из них одобряет то, что делает его сотоварищ... мы

видели, — продолжает Ибн-Фадлан, — как (одна) группа поклоняется змеям, (другая) группа поклоняется рыбе, (третья) группа поклоняется журавлям, и мне сообщили, что они (некогда) вели войну с одним народом из числа своих врагов, что они (враги) обратили их (башкир) в бегство и что журавли закричали сзади них (врагов) так, что они испугались и сами были обращены в бегство, после того как обратили в бегство (башкир), и поэтому они (башкиры) поклоняются журавлям и говорят: "Эти (журавли) наш господин, так как он обратил в бегство наших врагов", и поэтому они поклоняются им (и теперь)»[265].

Из этого текста следует, во-первых, что башкиры не только одухотворяли природу и ее явления, но считали, что у каждого из них имеется свой господин (хозяин — *әйәһе*); во-вторых, в поклонении землям, рыбам и журавлям можно видеть пережитки тотемных представлений, которые уже в то время утратили первоначальное свое значение. Последнее следует из содержания легенды, объясняющей возникновение культа журавлей.

Тот же автор указывал на существование у башкир фаллического культа. Изображение фаллоса, сделанное из дерева, по словам Ибн-Фадлана, башкиры всегда носили на шее; они обращались к нему, как к идолу, со всеми своими просьбами, говоря, что это единственный творец и что другого они не знают. Однако это сообщение не находит подтверждения ни в легендах, ни в пережитках религиозных представлений башкир.

Былые космогонические представления башкир нам недостаточно известны. Знаем только, что небесные светила, солнце и луну, башкиры считали существами антропоморфными, и в их сказках солнце (*кояш*) фигурирует под видом «красной водяной девы», у которой, когда она выходит из моря, белые волосы, длиною в несколько саженей, плавают над водой; руками она достает звезды и убирает ими свои белые волосы. Сильные и могучие богатыри (*батыр*), видя выплывающую из моря водяную деву, дивятся ее красоте и, когда она хочет опуститься в море, схватывают ее за длинные волосы и опускаются с ней в водяное царство, где отец водяной девы выдает ее замуж за богатыря без выкупа[266], а когда зять соскучится по земле, то отпускает их обоих и наделяет водяным скотом. Месяц (*ай*) в башкирских сказках в противоположность солнцу является существом мужского рода. М. В. Лоссиевский[267] приводит поэтическое башкирское сказание о луне, в котором башкирка, идущая за водой, залюбовалась месяцем, славным и добрым, так весело смотрящим с неба, будто бы улыбающимся. Вглядываясь в месяц, она произнесла: если бы у меня был такой красивый муж, как месяц, я непременно родила бы ему большого богатыря. И месяц взял девушку к себе в жены, и теперь она стоит там с коромыслом и ведрами.

Звезды и планеты, по былым представлениям башкир, висят в воздухе и прикреплены к небу толстыми железными цепями. Для отдельных звезд и созвездий у них имеются свои названия, *Етегән* — Большая Медведица, *Сулпан* — Венера, *Өлкәр* — Плеяды, *Арканак*, *Тимер каҙык* — Полярная звезда, *Эҙерсе йондоҙ*, *Зөһрә йондоҙ*, *Көйәнтә йондоҙ*, *Һары ат* и *Буҙ ат* (звезды в созвездии Малой Медведицы), *таң сулпаны* — утренняя зарница, *шәфәк йондоҙ* — вечерняя зарница; Млечный Путь они называли *кош юлы*, птичьей дорогой, или *каҙ юлы* —

[265] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Под ред. *И. Ю. Крачковского*. М.; Л., 1939. С. 66—67.
[266] *Потанин Г.* Дочь моря в степном эпосе // Этнографическое обозрение. 1892. № 1. С. 39—40.
[267] *Лоссиевский М. В.* Башкирское предание о луне // Изв. О-ва любителей естествознания и антропологии. 1876. № 28.

гусиной дорогой, так как, по их былым представлениям, ею руководились птицы в своих сезонных перелетах.

Гром и молния происходили, по мнению башкир, по воле верховного божества. Это оно посылало ангела наказать шайтана; ангел направлял и гонял тучи, гремящие при столкновении. Ангел преследовал и наказывал шайтана кнутом (*сыбырткы*) за то, что он соблазняет людей и вредит им. На конце его кнута привязаны огненные камешки, которые, срываясь и поражая шайтана, производят молнии. Шайтаны сильно боятся молнии и часто прячутся от нее в жилище человека. Тогда молния, отыскивая шайтана, может ударить в избу. Поэтому во время грозы башкиры тщательно запирали окна, двери и трубу жилища, чтобы шайтан не забрался в избу. Иногда во время грозы шайтаны принимали вид плачущих детей, просящих приютить их от непогоды. Загоревшийся от молнии, пущенной ангелом, дом западные башкиры, подобно великоруссам и другим их западным соседям, считали грехом заливать водой, а тушили его кислым молоком[268].

Интереснее и оригинальнее были представления башкир о смерчах и других воздушных явлениях, как о страшных чудовищах, подобных змеям. Змею (*йылан*) вообще башкиры считали существом зловредным, опасным и вместе с тем необыкновенным. Еще И. И. Лепехин писал: «Когда башкирец такую убьет змею, то как бы скоро он куда ни ехал, не приминет слезть с лошади и палочкой увязить змеиную голову в землю»[269]. Последнее они делали с целью, чтобы змея не ожила, так как, по их убеждению, к убитой змее приходили ее товарищи и приносили корешок неизвестной травы, который накладывали на раны, чтобы она ожила.

Башкиры были уверены, что ничем нельзя так скоро убить змею, как нагайкой (*камсы*), пропитанной лошадиным потом, считая последний для змеи смертельным. И. И. Лепехин[270] приводит между прочим легенду о том, как один башкир смог убить великого змея, живущего на змеиной горе (Жилань-Тау, на Урале), только потому, что напоил свою саблю лошадиным потом.

Обыкновенная змея, по былым представлениям башкир, прожив до ста лет, превращалась в *аждаha*. *Аждаha* — огромная змея (дракон) в несколько десятков саженей длиною, жила в озерах, а иногда и в колодцах. *Аждаha* пожирала подходящую к озеру на водопой скотину, особенно ягнят. Дожив до 500 и 1000 лет, *аждаha* превращалась в *юха*. *Юха* пожирала людей, особенно девушек, могла принимать образ человека, животного и проч. Благодаря милости аллаха, *аждаha* обыкновенно не доживала до возраста *юха*, так как облака уносили ее на гору Каф (*Каф тауы*), лежащую за Ледовитым океаном и наполненную всевозможными гадами и драконами. Каким образом уносилась *аждаha*, среди башкир можно было услышать много рассказов как бы очевидцев такого события. Некоторые из подобных рассказов сообщены Юлуевым в одной из его заметок[271]. При совершенно ясной погоде показывается небольшая тучка с громом и молнией, надвигающаяся на озеро. Едва туча коснется воды, как последняя начинает бушевать, кружиться и бить фонтаном, и из нее показывается

[268] *Roudenko S.* Traditions et contes Bachkirs // Rev. de Traditions pop. Paris, 1909. XXIX. № 4–6. С. 130.

[269] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 173.

[270] Там же. С. 57–58.

[271] *Юлуев Б. Г.* Аждаха — змей в рассказах башкир // Этнографическое обозрение. 1892. № 2–3. С. 246.

голова страшнейшего чудовища с огромными выкатившимися из орбит глазами, похожими на деревянные чашки для кумыса. Туча, схватившая в свои объятия голову чудовища, начинает подниматься кверху, таща за собой и туловище; с виду оно пятнистое с глянцевитым оттенком; наконец, показывается и хвост, раздвоившийся наподобие вил. Чудовище, поднятое на значительное от воды расстояние, начинает вытягиваться и изгибаться, вилять во все стороны хвостом, который волочится по земле и оставляет следы в виде борозды. Несомое облаком чудовище то издает стон, то свистит или шипит, то загибает кольцом хвост, то сердито ударяет по своим могучим бокам, не щадя себя и желая освободиться; но какая-то сверхъестественная сила держит крепче всяких тисков голову чудовища, не давая ему возможности даже пошевелить ею. Не имея сил вырваться, чудовище мало-помалу удаляется, и туловище его под солнечными лучами принимает все более красноватый, ярко-золотистый цвет.

По некоторым рассказам, слышанным мной в северо-восточной, зауральской, Башкирии, и *аждаһа* принимает иногда человеческий вид. Один хан женился на случайно повстречавшейся ему на берегу озера красивой девушке, оказавшейся, впоследствии, *аждаһа*. Хан потерял всякую удачу на охоте и во всех своих делах. Чтобы испытать свою жену, он по совету приближенных накормил ее соленым мясом и не давал ей пить. Ночью она оставляет хвост на груди хана, а головой протягивается к озеру, расположенному метрах в ста пятидесяти от дома хана, из которого и пьет воду. Узнав таким образом, что его жена *аждаһа*, хан сжег ее в железном доме, а оставшаяся от нее зола и поныне употребляется как целебное средство от глазных болезней[272].

По другим рассказам[273], *юха*, обернувшись прекрасной девушкой, выходит замуж за хана, и хан сжигает ее, узнав по отсутствию пупка, что она *юха*.

Помимо светил и физических явлений природы, башкиры в древности одухотворяли и все земное. Они полагали, как об этом писал Ибн-Фадлан, что каждое урочище, каждое сколько-нибудь приметное место имеет своего хозяина (*эйә*); отсюда хозяин горы (*тау эйәһе*), хозяин пещеры (*таш кыуыш эйәһе*), домовой (*йорт эйәһе*) и т. п. Вера в этих хозяев-владык побуждала башкир почитать различные горы и пещеры как места священные. Пример такого почитания приводит И. И. Лепехин при описании горы Тура-Тау: «Никто из них (башкир. — *С. Р.*), — пишет он, — на сию гору с нами итти не хотел, отговариваясь разными обетами, которыми они горе должны и которые еще не исполнены: ибо без исполнения обетов взлазить на гору никто не может»[274].

На некоторых горах Южного Урала, в частности на Масим-Тау, мне приходилось видеть на вершинах жертвы, принесенные хозяину-духу горы лицами, на нее поднимавшимися; жертвами чаще всего были или медные монеты, оловянные или серебряные украшения женских нагрудников, или, наконец, лоскутки материй (*сепрәк*), навешанные на деревья или привязанные к палке, воткнутой в расщелину между камнями на самой вершине скалы. На горных вершинах, в хребте Кыркты, по Уральскому хребту, вблизи кочевок я встречал деревца, сплошь завешанные лоскутками материи (*сепрәк*). При приезде в гости на кочевку одной из женщин, вышедшей замуж в другой род или аул, или при про-

[272] *Бессонов А. Г.* Башкирские народные сказки / Под ред. *Н. К. Дмитриева*. Уфа, 1941. С. 192.
[273] *Филоненко В. М.* Башкиры // Вести. Оренбургского учебного округа. Уфа, 1914. С. 191—192.
[274] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 32.

водах новобрачной женщины и девушки устраивали игры и пляски на ближайшей к кочевке горной поляне. Перед уходом с горы все они привязывали к деревцу (березке) лоскутки материи. По их словам, девушки вешали тряпочки как гаданье: если лоскуток провисит до следующего лета, то она в предстоящем году выйдет замуж; женщины же вешали просто на память о посещении родной горы. Возможно, что привязывание этих лоскутков являлось скорее остатком культа горы и имело несомненную связь с вышеупоминавшимися жертвами.

Почитание духа горы, ее хозяина, было обязательным, неисполнение обета или проявление неуважения влекло за собой месть духа. Башкиры рассказывали И. И. Лепехину, какие последствия влечет за собой неуважение к горе Тура-Тау: «Один татарин, презирая сие освященное место и в возмездие башкирскому заблуждению, на горе напакостил; но сия попытка даром ему не прошла: ибо весь его род в короткое время вымер. Мор начался с его сына, который умирая видел разных хищных зверей, сходящих с горы и готовящихся терзать его тело и всего семейства. Другий, гоняясь за лисицею без всякаго обету и в посмеяние забравшися на гору, растерзан был пегим медведем»[275].

Кроме духов гор и пещер, верили башкиры еще в духов, живущих в лесах, в воде, в хозяев дома и других. Лесные духи, лешие, горными и зауральскими башкирами назывались *шүрәле*, а северо-западными — *ярымтык*. Существует несколько рассказов о встречах башкир с лешими, обыкновенно на охоте или случайно в лесу. Являлся людям леший обычно в человеческом виде, но только с одним глазом во лбу и на одной ноге; впрочем, иногда он принимал и иной вид, например бревна. Так же, как и люди, леший занимался охотой, имел жен и детей, его жена и дочери, как правило, отличались замечательной красотой; жил он в лесах, в расщелинах скал и в пещерах. Леший часто кричал, передразнивал (эхо) и пугал людей, вреда же он, говоря вообще, им не делал, только не следовало его пугаться.

По рассказам башкир, лешие смертны и человек мог убить лешего. Как и человек, леший имел душу, но только во сне душа его выходила изо рта в виде пламени. Что, по представлениям башкир, делалось с душой лешего после смерти, мне не удалось узнать. По представлениям северо-западных (г а й н и н ц ы) башкир, леший любил пошалить; он ездил на лошадях, пасущихся в поле. Излюбленных лошадей леший заезживал до того, что домой они возвращались в пене. В одной из сказок пойманный леший предсказывает будущее, и предсказанное исполняется.

Водяные (*һыу эйәһе*), по поверьям башкир, жили в воде, в озерах, очень богато; на дне, под каким-нибудь камнем имелся вход в их чертоги. Вреда людям не делали и они. Не только дети водяных чертей (шайтанов), но и сами водяные выходили из воды и бегали по окрестностям. Сообразительностью они не отличались, и в состязаниях с башкирами, благодаря хитрости последних, они обыкновенно проигрывали кучи золота. В одной сказке водяной черт принес башкиру много золота, опасаясь, чтобы тот не повесил на веревке озеро и не погубил тем самым водяного.

[275] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 32.

А. Игнатович[276] приводит одну легенду, в которой водяной владыка за пойманную башкиром его собачонку отдал башкиру табун прекрасных кобылиц и жеребцов.

В каждом доме, по мнению башкир, имелся свой хозяин (*йорт эйәһе*), который жил в разных местах, чаще всего на печке. Зла людям он не делал, если его не сердить, но шалить любил: кидался с печки камешками, ездил на лошадях в конюшнях, заплетал им гривы и проч. По поверью северо-западных башкир, домовой любил по ночам после всех париться в бане. В это время ходить в баню было опасно, так как он не любил, чтобы ему мешали. Башкиры вообще не решались поздно оставаться в бане, и у них записан рассказ про черта (шайтана), запарившего до смерти старика, оставшегося в бане. В этих рассказах о домовом башкиры приписывают последнему то функции конюшенного, то банника. Существовали ли в представлениях башкир последние духи самостоятельно и как они назывались, узнать мне не удалось.

Особенно много у башкир было рассказов о *пәрей* — духах-хозяевах ветров и о *дейеү пәрейе* — царе ветров, всесокрушающем вихре. *Пәрей* жили или в расщелине скал, где держали на привязи ветры, или на площадках на вершинах гор, совершенно так же, как и сами башкиры. Жили они в прекрасных войлочных кибитках, возле которых были привязаны жеребята, а кругом ходили табуны лошадей и стада всякого скота. Кругом их кибиток всегда росла прекрасная, сочная, никогда не уменьшающаяся трава. *Пәрей* имели жен, торжественно праздновали свадьбу, на которую нередко приглашали башкир-музыкантов. Зимой во время свадьбы *пәрей* всегда бывал буран. Иногда люди входили в соглашение с *пәрей*, которые всегда помогали им жить богато, работа у таких людей всегда спорилась и во всем им бывала удача. Бывали случаи, когда *пәрей* похищал молодых женщин и девушек, ему понравившихся или спознавшихся с ним. В образе обыкновенных башкир *пәрей* появлялись среди людей даже на ярмарках. Узнать их можно было только намазав глаза чудодейственным снадобьем, но так, чтобы *пәрей* не знал об этом, иначе он вырвет у такого смельчака глаза.

Между другими сказаниями о сверхъестественных существах у башкир были еще рассказы про бесенят (*бисура*). Это маленькие желтые человечки в красных рубашках, живущие на полянках в глухих лесах. *Бисура* мужского пола завлекал в лес женщин и входил с ними в сожитие, а *бисура* женского пола — с мужчинами. Тем лицам, с которыми *бисура* вступали в сношения, они носили деньги, и лица эти всегда были богаты.

Таким образом, мы видим, что духи, по представлению башкир, жили обществами, и жизнь их во всем была подобна людской. Их женщины отличались необыкновенной красотой, и если бы у людей была способность их видеть, то многие погибли бы от безнадежной любви. Нередко люди вступали с различными духами в сожительство, о чем имеется немало рассказов. Рассказывали, как однажды *пәрей* вихрем унес молодую башкирку, случайно посетившую его, и как ее насильно увели с вершины неприступной скалы, где она жила с *пәрей*[277].

---

[276] *Игнатович А.* Башкирская Бурзянская волость // Оренбургские губернские ведомости. 1862. № 6–9, 12. С. 23.

[277] *Roudenko S.* Traditions et contes Bachkirs // Rev. de Traditions pop. Paris, 1908. XXIII. № 2–3. С. 56–57.

Происхождение названия Шайтан-кудейского рода башкиры поясняли рассказом о том, как одному башкиру вследствие его хитрости и находчивости удалось получить себе в жены молодую жену шайтана (черта, точнее, *шүрәле*, лешего), от сожительства с которой у него появились дети, родоначальники Шайтан-кудейского рода. Подобный рассказ можно было услышать в северо-западной Башкирии про башкир, живущих по р. Таныпу; по этой версии, башкир взял себе в жены красавицу, дочь лешего (*ярымтык*), и прижил с ней несколько детей, образовавших впоследствии целую деревню.

Нередки были рассказы о том, что духи вступали в сношения с женщинами. М. Баишев приводит рассказ[278], в котором одна девушка сделалась даже матерью нескольких невидимых детей, отца которых могла видеть только она сама. Когда давали ей хлеб, она разбрасывала его своим невидимым детям со словами «на тебе, на тебе». По уверениям очевидцев, кусочки эти действительно куда-то исчезали. Если случалось иногда домашним запереть на ночь дверь и трубу, сотворив при этом молитву, на утро они находили весь двор в беспорядке. Это с досады дух разбрасывал и ломал все, что только было на дворе, за то, что его не пустили в избу. Тот же автор приводит другой рассказ башкир о том, как духи подменили девочку на какого-то урода и как впоследствии она вернулась уже взрослой девушкой и рассказывала о своем похищении духами, о том, как она была женой одного из них в продолжение нескольких лет.

Рассказы о подмене детей, о том, что духи (*шайтан*) кладут на их место своих уродов, встречались среди башкир повсеместно. Ввиду того, что дети, по представлению башкир, особенно часто подвергались напасти злых духов и подмене, для охранения их принимали особые меры предосторожности. К колыбели (*бишек*), в изголовье, башкиры, в частности г и р е й - к и п ч а к и, пришивали закатанные в шерсть зародышевые волосы младенца, медвежий клык (*айыу теше*) или ноготь (*айыу тырнагы*), зашитые в тряпочку или кожу изречения и молитвы из корана (*бетеү*) и проч.

Среди сверхъестественных существ башкиры упоминали еще про *албаçты*, которую они представляли в образе женщины с такими длинными грудями, что она могла перекидывать их через плечо. По ночам *албаçты* наваливалась на спящих, клала им в рот свою грудь и давила их. Спящий сильно мучился, стонал, метался, но не мог освободиться от нее и проснуться.

Д. П. Никольский[279] пишет, что башкиры верили еще в судьбу, олицетворяющуюся в образе женщины с одним глазом на темени. Она потеряла своих детей (это было очень давно) и с тех пор ходит по ночам по земле и ищет их среди людей.

Понятие о двойственности человеческой природы, о самостоятельном существовании души (*йән*) и тела выражается чрезвычайно определенно в некоторых рассказах башкир. По их убеждению, как только человек засыпал, душа оставляла тело и свободно странствовала; все, что она видела и делала, башкир, проснувшись, хотя и называл сном, но глубоко верил в несомненность и реальность его[280]. Иногда даже можно было видеть душу, вылетающую изо рта засыпающе-

[278] *Баишев М.* Деревня Зианчурина Орского уезда Оренбургской губернии // Изв. Оренбургского отд. Русского Географического о-ва. 1895. Вып. 7. С. 29.

[279] *Никольский Д. П.* Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование: Дис. СПб., 1899. С. 117.

[280] *Roudenko S.* Traditions et contes Bachkirs // Rev. de Traditions pop. Paris, 1908. XXIII. № 2–3. С. 55.

го человека, то в виде неопределенной формы белого комочка, то в виде мухи; при пробуждении она тем же путем возвращалась в человека.

Спящих башкиры никогда не будили быстро, сразу; сначала окликали по имени, потом произносили его имя громче и затем уже начинали энергично будить. Считалось, что сразу будить спящего нельзя, ибо душа его в настоящий момент может быть далеко, не успеет вернуться в тело пробужденного, и он неминуемо и немедленно умрет.

Случаи летаргии, когда человек обмирал на два-три дня и лежал, как мертвый или глубоко спящий, башкиры объясняли путешествием на тот свет[281]. Проснувшиеся от летаргического сна пользовались большим уважением, рассказывали о том, что видели в загробном мире, и поучали народ.

Башкиры верили, что душа человека, умершего неестественной смертью, выйдя из тела, находилась первое время возле покойного. Поэтому, если утонувшего удалось быстро вынуть из воды и откачать, так чтобы вода вылилась (ибо из-за воды душа и покидала тело), душа возвращалась в тело и человек оживал. Чтобы душа нашла дорогу обратно в тело, утопленника клали у воды и изо рта его до воды протягивали шелковую нитку. С этой целью башкиры-сплавщики барок и плотов (по р. Белой, Юрюзани, Инзеру и др.) всегда возили с собой «на случай» шелковые нитки[282]. Нередки были рассказы о том, что душу утопленника видели в образе утки или гагары, плавающей поблизости трупа. Если утонувший не оживал, то только потому, что душа, потеряв надежду найти тело, улетала к аллаху. По мусульманским представлениям башкир, как только люди уходили с кладбища, тотчас к телу возвращалась душа, и для умершего наступала новая могильная жизнь.

Душа умершего, по представлениям башкир, нередко оставалась жить на земле среди людей, принимая своеобразный вид. Называлась она *убыр* или *мәскәй*. Превращение души в *убыр* происходило еще при жизни человека. У всех *сихырсы* («колдун», «гадатель», «ворожей») вместо души, которую они продали шайтану за свои познания, были *убыр*, о чем можно было узнать еще при жизни *сихырсы*, так как они ели иногда и сырое мясо. По рассказам, *убыр* имел только перед, сзади у него не было ничего[283]. По словам горных башкир, днем *убыр* принимал вид старика, а вечером летучей мыши. По ночам *убыр* в виде огня летал по земле и причинял очень много бедствий: насылал болезни на людей, пил кровь, замучивал иногда до смерти свою жертву. Когда *сихырсы* умирали, в ступню покойника вкалывалась игла, чтобы их *убыр* не странствовал по земле[284]. Если же о том, что умерший был *сихырсы* и что его *убыр* причиняет вред и мучает людей, узнавали после его смерти, то в могилу вбивали кол или, разрыв могилу, илимовый кол всаживали в грудь покойника.

По одной версии, человека, у которого вместо души был *убыр*, можно было одолеть, только запустив руку под мышку, где у него была дыра, и вынув сердце[285]. По другим версиям, дыра под мышкой была у леших (*шурәле*), *аждаһа* и у *шайтан*. Был, например, такой рассказ: жил преспокойно башкир с молодой бабой (*шайтан*). Только приходит он однажды домой невзначай, смотрит, а она сняла с головы волосы, сидит и рассматривает их. Вспомнил тут башкир,

[281] *Roudenko S.* Traditions et contes Bachkirs // Rev. de Traditions pop. Paris, 1909. XXIX. № 4–6. С. 132.
[282] Там же. 1908. XXIII. № 2–3. С. 55–56.
[283] Там же. 1909. XXIX. № 4–6. С. 129.
[284] Там же. 1908. XXIII. № 2–3. С. 55.
[285] Там же. 1908. XXIII. № 2–3. С. 50–51.

что баба просила не трогать и не щекотать ее под мышкой. Когда заснули, посмотрел башкир под мышку, видит — дыра, просунул руку, выхватил сердце, и умерла баба.

По сообщению И. Г. Георги[286], у башкир имелись колдуны, которые рассказывали про себя, будто бы они знают прошедшее и будущее. По словам Алектрова[287], башкиры верили еще в существование чернокнижников (*кара китапсы*), которые также знали и настоящее и будущее; они имели черные книги (*кара китап*), написанные в самом аду, и жили с шайтанами в короткой дружбе. Во всякое время чернокнижник мог приказывать шайтану делать чудеса: вить из песка веревки, из лучей солнца канаты, затенять месяц и звезды, останавливать бурю и вихри. При посредстве черных книг *китапсы* управлял шайтаном, как ему угодно; все прихоти и малейшие желания этого человека исполнялись моментально. Имел ли чернокнижник нужду в деньгах — говорил шайтану, и последний воровал для него серебро или золото, наполнял ими кошельки или сундуки своего повелителя. Желая пользоваться наслаждениями любви, он говорил шайтану, и тот приносил ему первую красавицу, хотя бы дело шло о дочери великого Могола или о первом украшении гарема турецкого султана. Чувствуя приближение смерти, чернокнижник отдавал свои книги, кому пожелает, и власть над шайтаном переходила из рук в руки.

Волшебники и волшебницы (*сихырсы*) не имели непосредственного сношения с духами, но могли причинять вред людям и приносить пользу посредством наговоров, корней растений, напусков по ветру. Башкиры боялись этих волшебников, но в случае опасных болезней обращались к ним за помощью и получали от них лечебные корни. *Сихырсы* мог вылечить человека, но мог и наслать на него всевозможные болезни, от которых человек умирал в несколько дней[288].

Башкирские ворожеи и ворожейки (*бағыусы*) гадали различными приемами: смотрели в чашу с чистой водой, бросали стружки в ручьи и реки, причем замечали, прямо ли они плывут или кружатся, развивали клубки ниток, бросали в огонь бересту и шептали над ее золой, кидали 41 камешек или желудь (*нокот булеу*) и смотрели, как они упадут и в каком порядке расположатся. Все это делалось, чтобы обнаружить вора и узнать, найдутся ли и где именно пропавшие деньги, скот, вещи. Алектров[289] пишет, что если у кого-нибудь случалось довольно значительная покража, то хозяин созывал иногда в свой дом всех, на кого имел подозрение, заряжал ружье, клал его на стол и заставлял каждого из присутствующих подходить к столу и прикладываться ртом к дулу ружья, уверяя, что виновного в покраже выстрел из ружья убьет наповал. Случалось, что укравшие, боясь ожидаемой смерти, не прикасаясь к дулу, тут же сознавались.

Сообщалось уже, что люди, по былым представлениям башкир, входили в сношения с духами, роднились с ними, но иногда рассказывали, что бывали и такие случаи, когда духи вселялись в человека. И. Г. Георги писал, что «жестокие припадки от маточной болезни и тоски, которые у них нередко случаются,

[286] *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. 1. С. 107.
[287] *Алектров А. Е.* Башкиры. Этнографический очерк // Оренбургский листок. 1885. № 47.
[288] *Roudenko S.* Traditions et contes Bachkirs // Rev. de Traditions pop. Paris, 1908. XXIII. № 2–3. С. 55.
[289] *Алектров А. Е.* Башкиры. Этнографический очерк // Оренбургский листок. 1885. № 49.

равномерно и некоторые припадки беременных женщин почитают они бесованием и по тому стараются муллы изгонять беса из таковых больных почерпнутыми из алкорана заклинаниями, которыя они ежедневно повторяют и притом больных, добираясь до сатаны, толкают, бьют, ругают и оплевывают. Когда же такому хворому станет полегче, то навешивают они ему на шею зашитое в кожу такое то речение, дабы злой дух паки в него не вселился»[290].

Помимо мулл, они имели еще «бесогонителей», *шайтан күрәҙә*, которые рассказывали, будто бы они шатающихся ночью бесов видят и притом по ним стреляют, саблями машут, палками бьют, преследуют их, ранят, а, по сказкам, иногда и убивают. И. И. Лепехин[291] рассказывает, что *шайтан күрәҙә* был выписан за сотни верст и приехал изгонять шайтана, причинившего беременной женщине незадолго до родов боли. Искусство свое *күрәҙә* получил по наследству от деда. *Күрәҙә* имел обнаженную саблю и заряженное двумя пулями ружье. Выбрал он себе трех товарищей и двоим из них наказал держать себя за полы, ибо иногда шайтан бывает очень силен. Чтобы шайтан не вошел в дом одержимой, набралось в избу много народу, который плясал там с криками и шумом. В полночь *күрәҙә* заметил во дворе шайтана, выстрелил в него из окна, затем вместе с товарищами с криком саблей гнал ряженого шайтана, пока тот не спасся в реке Ик.

Мне самому пришлось записать рассказ одного башкира из рода б у р з я н[292] о том, как он приглашал *күрәҙә* изгонять злого духа из своей больной жены. И в данном случае *күрәҙә* взял себе на подмогу трех человек, изгонял духа, ударяя по воздуху плеткой (*камсы*) и связкой из шести прутьев с колючками. Прогнав шайтана далеко в лес, он с помощниками вернулся домой по другой дороге.

В отличие от простых смертных *күрәҙә* обладал способностью видеть *пәрей*, принявшего человеческий образ, даже затерявшегося в толпе на базаре (г и р е й - к и п ч а к и).

Болезни, по представлениям башкир, были существами живыми, иногда даже антропоморфными. По рассказам северо-западных башкир[293], лихорадку (*тапма*), например, приходилось видеть в человеческом образе, в рысьей шапке на голове. Болезни могли принимать вид животных, чаще всего сороки. Иногда болезни сами вселялись в человека. Иногда же их насылали *сихырсы*.

Былые представления башкир о болезнях яснее всего видны при рассмотрении способов лечения. *Бүҫер*, небольшой беленький, с палец, а иногда с кулак, комочек, производящий боли желудка и гуляющий по кишкам, старухи-лекарки (*осокса*) вырывали из тела, распарив и растерев предварительно больное место. Знахарками вырывались из тела также болезни спины и груди. Некоторые болезни, происшедшие от вселения в человека злых духов, изгонялись, как мы уже видели, особыми *күрәҙә*. Для предохранения, а также для избавления от болезни уральские башкиры вместе с изречениями из корана (*бетеү*, рис. 271) вешали на шею больных (особенно детей) амулеты, медвежьи когти (*айыу тырнағы*)

[290] *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. 1. С. 107–108.

[291] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 73–75.

[292] *Roudenko S.* Traditions et contes Bachkirs // Rev. de Traditions pop. Paris, 1909. XXIX. № 4–6. С. 135–136.

[293] Там же. С. 132.

и клыки (*айыу теше*), так как болезнь, боясь их, как самого медведя, оставляла больного.

Немало у башкир было лечений, основанных на умилостивлении духа, пославшего болезнь, или умилостивлении самой антропоморфной болезни. Башкиры гайнинцы рассказывали[294], что приглашенная к больной знахарка расспрашивала, где больная ходила в то время, когда к ней могла привязаться хворь. Узнав это место, лекарка несла туда горшок с крупой, мясом или еще чем-либо, дабы дух, пославший болезнь, смилостивился и взял ее обратно. Горшок этот никто уже не трогал, боясь прогневить духа и навлечь на себя болезнь.

Рис. 271. Амулет – *бетеу*. Катайцы

Случалось, что ребенок четырех-пяти лет[295] прибегал домой с поля или из леса весь в слезах, а потом заболевал. Тогда мать снимала с ребенка рубашку, обносила ее несколько раз вокруг него со словами: «Оставь его, не играй с ним». Затем несла эту рубашку на перекресток дорог и бросала ее там. Такую рубаху не только нельзя было брать, но нельзя было и прикоснуться к ней, чтобы не навлечь на себя болезни.

У зауральских башкир[296] знахарка вместе с больной отправлялась на место, где, как ей казалось, привязалась болезнь, а последняя жила чаще всего в «дурных» местах, где сваливали всякие нечистоты, заклинала болезнь оставить больную, бросала ей яйца, иголку или еще какой-нибудь предмет, даже одежду. Больная должна была возвратиться домой другой, не той дорогой, по которой пришла, и не должна была ни с кем разговаривать в пути.

Представление о болезни как о существе реальном особенно проявлялось при довольно распространенном способе лечения от лихорадки. Натощак или совсем ничего не поев накануне больной брал горшок с кашей или с чем-нибудь другим съедобным, уходил в поле или за реку, ставил на землю горшок и раскрывал рот. Голодная лихорадка (*тапма*) набрасывалась на кашу, а больной тем временем бежал домой и по дороге переходил вброд речку или ручей, чтобы наевшаяся и погнавшаяся по его следам лихорадка, потеряв след, не настигла его. Если больной не переходил ручей, то он бежал куда-нибудь и дня три не возвращался к себе

[294] *Roudenko S.* Traditions et contes Bachkirs // Rev. de Traditions pop. Paris, 1909. XXIX. № 4–6. С. 133.
[295] Там же. 1908. XXIII. № 2–3. С. 133–134.
[296] Там же. С. 133.

домой, чтобы, вернувшись в деревню, лихорадка не нашла его и не вселилась в него снова[297].

Местами, для того чтобы отпугнуть болезнь (лихорадку), больного окуривали дымом дерева, в которое ударила молния.

Весьма интересно практиковавшееся во многих местах Башкирии и сопровождавшееся жертвоприношениями переселение болезни в человеческое изображение. При одном из таких врачеваний, которое мне удалось наблюдать у башкир к а - р а - к и п ч а к о в, лекарь сделал из тряпок двух кукол (*осок*)[298], мужчину и женщину, и положил их в ведро. Туда же было положено немного хлеба и каши. Взяв затем живого петуха, лекарь поднес его к больному, обвел несколько раз вокруг него, дуя и с усилием изгоняя болезнь. Во время этой операции лекарю помогал юноша-помощник, так как одному ему трудно было справиться с болезнью. Петух тут же был зарезан и положен в ведро с куклами. Сев на заранее приготовленную лошадь, лекарь уехал километра за три, где и бросил ведро со всем содержимым — петухом, куклами и болезнью. Домой он вернулся уже по другой дороге. Местами при подобном же обряде резали гуся.

Умилостивление болезни особенно наглядно видно из рассказов башкир[299] о том, как они встречали хворь, причиняющую падеж скота. Увидев на бане болезнь в образе сороки (*найыҫкан*), башкирка клапялась ей и приглашала ее помыться в бане, приготовляла ей воду, веник и проч. Болезнь мылась в бане, все коровы во дворе этой башкирки оставались живы и здоровы. Когда через несколько лет появлялась та же болезнь, все жители топили бани и просили гостью пожаловать: она мылась, и весь скот в деревне оставался здоровым. Характерно также было замечание башкир, что готовить баню и зазывать гостью нужно было без молитвы, а то болезнь испугалась бы и не пришла мыться, рассердилась бы и погубила скот.

Г. В. Юсуповым зафиксирован имевший достаточно широкое распространение среди башкир обряд *кот койоу* (отливание *кот* — души) при испуге или при болезненном пугливом состоянии человека. Знахарка (*илсе*), посадив нуждающегося в ее помощи, иногда накрыв его платком, держала над его головой ковш с водой и лила в нее расплавленный свинец или воск. Обряд сопровождался заклинанием, один из вариантов которого записан Г. В. Юсуповым.

Корайт мой *кот*, *корайт* мой *кот*, *корайт* мой *кот*.
Приди мой *кот*, приди мой *кот*, приди мой *кот*.
С верховьев речки приди,
С заката солнца приди,
Корайт, *корайт*, *корайт*, приди мой *кот*.

По отлившейся фигурке знахарка определяет, кто испугал человека (собака, лошадь и т. п.), а найдя на ней какую-либо выпуклость, говорит: «Вот сердце», что является подтверждением испуга. После этого фигурка пришивалась к одежде на груди пострадавшего.

[297] *Roudenko S.* Traditions et contes Bachkirs // Rev. de Traditions pop. Paris, 1909. XXIX. № 4–6. С. 132–133.

[298] Куклы, которыми играют дети, у башкир называются *курсак*.

[299] *Roudenko S.* Traditions et contes Bachkirs // Rev. de Traditions pop. Paris, 1908. XXIII. № 2–3. С. 54.

Многие болезни — умопомешательство, боли сердечные, головы и живота, параличи и некоторые другие, — по мнению башкир, являлись результатом порчи (*бозом*), напускаемой *сихырсы* при содействии особых духов *ен*. Для излечения порчи производилось снятие ее с больного человека «на землю» (*ергә һалыу*) следующим образом. Глубокой ночью, когда человеческий след остынет, все живое на земле спит сладким сном и не слышно ни звука, ни блеяния козы, ни лая собак, *сихырсы* брал сырое куриное яйцо, проделывал в нем небольшое отверстие, вкладывал туда красную нить, извлеченную из рубахи больного, полушку денег, маленький железный гвоздь и коготь ласки. Яйцом этим он обводил вокруг тела больного, причем нашептывал, обращаясь к *ен: «Әпсөн-топсөн*, уходи, выходи, кто напустил, иди туда, на того и унеси всю тяготу вон!» Затем, завернув это яйцо в какое-нибудь платье больного, выбрасывал его в овраг, озеро, на зады дворов или в текучую воду[300].

Для предотвращения скота, да и жителей от болезни (например, от сибирской язвы, чумы) башкиры добывали огонь при помощи трения (*сығыр уты*) и подкуривали им скот. При добывании огня трением тушили все огни, затем устраивали особое приспособление, описанное в главе о домашних производствах. Добытый огонь принимали на трут и подкуривали им скот. Этим добытым трением огнем зажигали огни в очагах и печах.

Помимо знахарей, лечением болезней, как упоминалось, занимались и муллы. Приемы лечения последних в общих чертах мало отличались от приемов знахарей. Они лечили больных нашептыванием, чтением корана: дули и плевали больному в лицо, поили водой из чашки, на которой написаны были выдержки из корана, и т. п. В некоторых случаях, когда в семье был тяжелобольной, в жертву (*корбан*) приносилось какое-либо животное, чаще овца. Шкуру ее получал мулла, совершающий жертвоприношение, а мясо съедалось присутствующими, только больной его не ел. Впрочем, жертвоприношения совершались башкирами не только по случаю болезни. По предписанию шариата башкиры приносили в жертву богу много скота во время праздника *корбан байрамы*. Кроме того, они совершали немало жертвоприношений, имевших чисто языческую основу. Выше мы имели случай рассмотреть некоторые жертвоприношения, совершающиеся специально для избавления от болезней. И. Г. Георги сообщал, что башкиры «во время какого ни есть празднества, убьют животное, то ставят на приборе (*каштак*) уваренное мясо против солнца, творя при том много поклонении и проч., во всем подобно шаманским язычникам»[301]. О пермских башкирах Н. С. Попов писал, что «замечают между их обрядами нечто языческое и сходное с шаманскими»[302]. Мне лично известен случай, когда башкиры Шайтан-Кудейской дачи приносили в поле в жертву телку для того, чтобы бог дал дождь. Жертвоприношение это совершалось в присутствии и при участии муллы. Подобные жертвоприношения (*теләк*) совершались и в других местах Башкирии (у табынцев, юрматынцев и др.).

Следует сказать еще несколько слов о сглазе. Считалось, что сглазу особенно подвержены дети, почему им на одежду, мальчикам на тюбетейки, нашивали белый гусиный пух, перламутровые пуговицы, а чаще всего раковину Сургеае

[300] *Алимгулов А.* Башкирские мифологические рассказы // Вестн. Оренбургского учебного округа. 1915. № 5.

[301] *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. 1. С. 107.

[302] *Попов Н. С.* Хозяйственное описание Пермской губернии. Пермь, 1813. Ч. 3. С. 26.

moneta (*кортбаш*). Дурной глаз падал на белую раковину и сразу терял свою силу[303]. Сглазить можно было не только людей, но и животных, и даже деревья; лошадь издыхала от сглаза, дерево сохло. От сглаза животным в хвост (лошадям в гриву) вплетались яркоцветные лоскутки материй. Лоскутки же вешали на борти, которые, кроме того, красились иногда внизу яркой краской.

Магические свойства приписывались пуле, которой одним выстрелом были убиты две птицы. Крошки такой пули принимались внутрь женщинами от бесплодия. Такое же действие приписывалось роговице, соскобленной с когтей птиц (глухарей, в частности).

Возвращаясь к лечению болезней, следует отметить, что, помимо магических приемов лечения и умилостивительных жертв, башкиры прибегали к своей, хотя и небогатой, народной медицине.

Ниже приводится ряд рецептов башкирской медицины, отчасти собранных мной, отчасти сообщенных Д. П. Никольским[304] и В. А. Арнольдовым. При лихорадке башкиры пили настой осиновой коры или отвар полыни. При чахотке они пили с кумысом настой «дорогой травы» (сарсапариль). Если появлялся нарыв, то сначала больное место накрывали свежим овечьим калом и укутывали тряпочкой; когда нарыв прорывался и из него шел гной, язву закрывали мышиной шкуркой; если заживление шло медленно, то прикладывали сухой творог. При заболевании сибирской язвой башкиры прикладывали к больному месту легкое, вынутое из зарезанного козленка[305]. Если появлялась рана, язва на руке или на ноге, то ее лечили следующим образом. Клали в котел семена белены (*тиле-орлок*) и кипятили их; затем туда же клали равное количество конопляного семени, а также кусочек лиственничной коры, снятой непременно с северной стороны дерева. Вскипятив все это вместе, держали больной член над паром с полчаса, прикрыв сверху одеждой, чтобы не выходили пары и не остывала жидкость. Мокрец и раны, в которых завелись черви, у лошадей и коров лечили корнем чемерицы (*akhырғak*); корень этот распаривали и горячим терли больное место. К опухолям делали припарки из заваренного осинового листа. При ревматизме суставов обертывали их бараньей шкурой. При невралгиях седалищного нерва обмазывали больную конечность теплой травой (*айыу көпшәһе*). После родов кровотечение останавливали кусочком чистого белого войлока, обильно смазанного жиром; этот войлок с жиром нагревали над огнем и сажали на него родильницу так, чтобы наружные половые части подвергались влиянию жара. Иногда при этом давали внутрь растопленный бараний жир. При некоторых женских болезнях (хроническое воспаление матки, например) пили настой ромашки. При заболеваниях грудных желез (при груднице) прикладывали к опухолям желтую глину, размоченную в холодной воде и завернутую в тряпку. При цинге ели редьку и обкладывали ноги вареным картофелем. Местами цинготные в течение нескольких дней ходили на озимое поле и ели зеленую озимь. Туда и обратно больной должен был ползти на четвереньках, а озимь должен был рвать зубами и губами. Все это делалось утром до восхода солнца и в отсутст-

[303] *Roudenko S.* Traditions et contes Bachkirs // Rev. de Traditions pop. Paris, 1909. XXIX. № 4–6. С. 131, 132.

[304] *Никольский Д. П.* Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование: Дис. СПб., 1899. С. 118–120.

[305] *Арнольдов В. А.* Случай сибирской язвы. Из практики среди башкир // Земский врач. 1890. № 17. С. 274.

вие свидетелей[306]. Настой на лиственничной губе употреблялся как слабительное[307]. Как слабительное употреблялась также медвежья желчь. При вывихе и поломах костей приглашались костоправы, которые обмывали, массировали и бинтовали поврежденные части. Как потогонным средством при многих болезнях пользовались душицей (*мәтрүшкә*), чебрецом и т. д.

Из изложенного следует, что еще в начале XX в. в мировоззрении башкир были живы древние представления и связанные с ними верования. При анализе этого мировоззрения можно видеть разновременные напластования, начиная от культа животных (медведя, орла, оборотня и т. п.) и светил, одухотворения природы и связанных с ним анимистических представлений до пережитков шаманского культа включительно. Несмотря на тысячелетний период проповеди среди них ислама, башкирами была усвоена только внешняя, обрядовая сторона этого учения, без существенных перемен в их древнем мировоззрении и верованиях. Последние почти исчезли только после Октябрьской революции вместе с распространением среди башкир грамотности и приобщения их к советской социалистической культуре.

[306] *Соколов А.* Условия происхождения и течения цинготной эпидемии в Мензелинском уезде в 1886—1887 гг. Б. м., 1887. С. 8.

[307] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2. С. 95.

Глава XV

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА БАШКИР

Этническая принадлежность неолитического населения Башкирии нам не известна. Знаем только, что антропологически оно было европеоидным.

В эпоху бронзы и раннего железа, т. е. к середине I тысячелетия до н. э., территория Башкирии, судя по наличию памятников ананьинской культуры, в северо-западной ее части была населена тиссагетами, народом многолюдным, средства для жизни добывавшим, по Геродоту, охотой, а по данным археологии, занимавшимся также скотоводством и частично земледелием. Физический тип тиссагетов, в основном европеоидный, имел уже значительную примесь монголоидного компонента.

В культурном отношении, судя по их вооружению и предметам искусства, тиссагеты были тесно связаны с современными им восточными, сибирскими, племенами и отчасти с племенами восточноевропейских степей. Монголоидный элемент в физическом типе тиссагетов также был восточного происхождения, азиатский. Так как Геродот называет тиссагетов народом, отличным от скифов, говоривших на одном из языков северной иранской группы, то, вероятно, не лишено основания предположение, что какая-то часть тиссагетов говорила на одном из древних тюркских языков.

Юго-восточная часть Башкирии в это время была заселена, по-видимому, иирками[308], племенем, по Геродоту, скифским, жившим также охотой. На охоту иирки выезжали верхом на лошади, с собаками, следовательно, занимались не только охотой, но и скотоводством. Курганные погребения иирков в должной мере пока не изучены и физический их тип нам не известен, однако, по сведениям Геродота, обитавшие к востоку от иирков аргиппеи имели монголоидный облик, откуда можно предположить наличие некоторой примеси монголоидного компонента и у иирков. Изучение племен, живших в это время к востоку от аргиппеев, в Горном Алтае, показало, что физический тип и этих племен был смешанным (как и у тиссагетов), также с примесью монголоидного компонента, близким к типу современных нам казахов и киргизов. Основным занятием населения Гор-

[308] Предположение Т. Х. Жданко (1950) о том, что потомки иирков вошли как один из основных компонентов в состав башкир, мне представляется вполне вероятным.

ного Алтая к середине I тысячелетия до н. э. было пастушеское скотоводство. Язык части горноалтайских племен мог быть древним тюркским.

На юге Башкирии в это же время обитали савроматы, племена ираноязычные, в культурном отношении весьма близкие к скифам северного Причерноморья.

Последние века до нашей эры и первые века нашей эры, так называемый сарматский период в истории Приуралья, являясь непосредственным продолжением савроматского, внесли, по-видимому, мало существенного в процесс образования башкирской народности.

Сарматы, одно из савроматских племен, продвинулись с юга далеко на север Башкирии, до параллели г. Уфы. Физический тип приуральских сарматов еще недостаточно изучен, все же при известной нам их брахикранности, широком и относительно плоском лице можно предполагать и у них наличие монголоидного компонента[309]. Со II по IV в., как это было отмечено в кратком историческом очерке, на юге Башкирии выдвигается одно из сарматских племен — аланы, пребывание которых в Башкирии археологически засвидетельствовано вплоть до IX в., т. е. времени, когда о башкирах на их современной территории упоминают уже исторические источники.

Судя по незначительным антропологическим материалам из аланского могильника возле Стерлитамака, изученного Т. А. Трофимовой[310], племя это по своему физическому типу было неоднородным, в основном, по-видимому, брахикранным с примесью мезатикранов. При общем европеоидном их типе отмечается незначительная примесь и монголоидного компонента.

Начиная с IV в. из степей, расположенных к югу от Урала, в западную Башкирию проникают различные кочевые племена, ассимилированные коренным населением этого края.

В VII—VIII вв. н. э. на юго-западе Башкирии появляются булгары, часть которых вошла в состав башкирского народа (Бюлярский и Байлярский башкирские роды)[311]. В дальнейшем в его состав частично вошли киргизы (Киргизский род) и половцы (кыпчаки, Кипчакский род башкир), а также роды, общие с казахами Большого жуза — канглы (Канлинский род башкир) и Малого жуза — кирей (Гирейский род), и, наконец, ктаи (катайцы), известные по орхонским надписям как данники тюркского каганата. Со времени ногайского периода в истории башкир в состав этого народа вошли ногайцы (Ногайлярские тюбы Минского и Бурзянского родов). Тогда же, а возможно, и несколько раньше, в составе башкирских родов появились сарты (Сартовские тюбы айлинцев и зауральских катайцев, Сарт-Калмакская башкирская дача за Уралом) и туркмены (Лемес-трухменская тюба Кудейского рода), позднее, вероятно, уже позже присоединения к России, — калмыки, мишари (Мишар-юрматынская тюба Юрматынского рода) и др.

Среди общих со среднеазиатскими народами Д. Н. Соколов[312] упоминает названия башкирских племен: мин, табын, тамьян и тазлар.

Однако все эти инородные элементы, в большинстве своем родственные башкирам по языку и культуре, были немногочисленны и ассимилированы последними.

С XVII по XIX в. башкирами, в особенности в приуральской Башкирии и на севере ее, было ассимилировано значительное количество татар и мишарей, в меньшем числе мари и удмуртов, что не могло не отразиться как на местных отличиях физического типа, так и на бытовых особенностях башкир.

---

[309] *Руденко С. И.* Описание скелетов из Прохоровских курганов // Материалы по археологии России. 1918. № 37.

[310] *Трофимова Т. А.* Антропологические материалы из аланского могильника возле Стерлитамака в Башкирии // Краткие сообщ. Ин-та этнографии. 1952. Вып. XVII.

[311] В. Н. Татищев в 22-й главе своей «Российской истории», говоря об остатках сарматов, считал башкир происшедшими от булгар.

[312] *Соколов Д. Н.* О башкирских тамгах // Тр. / Оренбургская ученая архивная комиссия. 1904. Вып. 13.

Физический тип башкир был подробно рассмотрен мной в специальной работе[313]. Отсылая читателя, интересующегося данным вопросом, к указанной работе, я остановлюсь здесь только на общих ее выводах применительно к интересующему нас вопросу — сложения башкирской народности.

Прежде всего следует отметить, что не может быть речи о едином типе, характерном для всех башкир. Народ этот образовался, как было показано выше, в результате смешения разнородных, как европеоидных, так и монголоидных, племен. Взаимные перекрестные браки между башкирскими родами в пределах сравнительно ограниченных территорий, с одной стороны, содействовали сложению относительно единого физического их типа, а с другой стороны, в результате заведомой примеси иноплеменных элементов выявились и местные особенности физического типа этого народа. В результате произведенного исследования представилась возможность выделить три области, с отдельными внутри их районами, с населением, отличающимся своими особыми антропологическими признаками (см. карту разделения башкир по физическому типу).

Башкиры первой, восточной, области, зауральские и юго-восточные, отличаются наиболее интенсивной пигментацией. Так, среди них субъектов темного типа, т. е. имеющих темные волосы и темные глаза, оказалось 75,8 %. Рост у них средний, 165 см, не отличающийся от роста башкир других областей, но пропорции тела у них иные — при относительно массивном и длинном туловище ноги их коротки (указатель их скелии 86,8, близкий к брахискелам). По головному указателю башкиры восточной области отличаются наибольшей круглоголовостью. Головной их указатель 82,5 при 78,5 % короткоголовых. У башкир этой области по сравнению с башкирами других областей и ширина носа несколько больше (носовой указатель 74,2); больше и лицевой указатель (77). Относительная широколицесть башкир восточной области зависит исключительно от больших абсолютных размеров ширины лица (скуловой диаметр 145,2 мм), так как общая высота лица башкир всех трех областей почти одинакова (около 188 мм). Кроме того, для башкир этой области характерны значительно и сильно (у 35,3 %) оттопыренные, большие и длинные уши (средняя ушного указателя около 52,3).

При такой общей характеристике физического типа башкир восточной области в ней следует выделить несколько районов, в пределах которых тип населяющих их башкир существенно отличается. Первый район этой области (*а*) находится на крайнем северо-востоке. В нем проживают катайцы зауральские, кара-барын-табынцы с кувакацами и восточная часть айлинцев. Характерными чертами башкир этого района являются пигментация столь же интенсивная, как и во всей области (75,4 % темного типа), рост чуть ниже среднего (164 см), наибольшая, какая только встречалась у башкир, коротконогость (средняя указателя скелии 85,9), максимальная для башкир настоящая круглоголовость (средняя головного указателя 83,5, при огромном большинстве — 87,9 % — круглоголовых), носовой (74,4) и лицевой (77,1) указатели такие же, как в среднем у башкир всей восточной области. Особого внимания заслуживает очень большая ширина лица, максимальная для башкир вообще (средняя скулового диаметра 146,1 мм) при относительно значительной плосколицести. Для башкир этого района характерны также слабое развитие волосяного покрова на лице, большое межглазничное расстояние и нередкая вдавленность переносья (рис. 272—274). Особенности физического типа башкир данного района сближают их до известной степени с тюркоязычными племенами Саяно-алтайского нагорья и объясняются, по всей вероятности, древними связями с населением Алтая и позднейшей примесью калмыков.

[313] *Руденко С. И.* Башкиры. Опыт этнологической монографии. Физический тип башкир // Зап. Русского Географического о-ва. 1916. Т. 43. Вып. 1.

Характеристика, данная башкирам крайнего северо-восточного района, в общем может быть принята и для каждого в отдельности входящего в него башкирского рода, за исключением салзаутцев. Салзаутцы отличаются от остальных башкир своего района довольно значительной примесью смешанно-пигментированных особей, несколько большим ростом, умеренной круглоголовостью, относительной длинноликостью и длинноносостью, узконосостью и т. д. Если сопоставить данные моих и Д. П. Никольского[314] исследований салзаутцев с данными о физическом типе соседних мишарей, исследованных Н. Ю. Зографом[315], то нетрудно будет убедиться, что перекрестными браками с мишарями естественнее всего можно объяснить отклонение среднего типа башкир салзаутцев от типа остальных башкир этого района. Кроме того, в данном районе следует еще отметить повышение роста и относительную длинноликость южных барын-табынцев. Как увидим ниже, салзаутцы от остальных башкир отличаются и в лингвистическом отношении.

Второй район (*б*) восточной области находится на крайнем юго-востоке Башкирии и в состав его входят усерганe, тангаурцы и бурзяне, частью карагай-кипчаки, живущие по левую сторону р. Белой. По своему физическому типу башкиры этого района мало отличаются от северо-восточных. Пигментированы они столь же интенсивно (75,6 % темного типа), ростом они несколько выше северо-восточных башкир (166,4 см) при почти таком же соотношении между длиной ног и туловищем (указатель скелии 87,5). Они круглоголовы (средняя головного указателя 82,6), но уже не в такой степени, как северо-восточные башкиры, форма их лица (средняя лицевого указателя 77,3) почти такая же, как

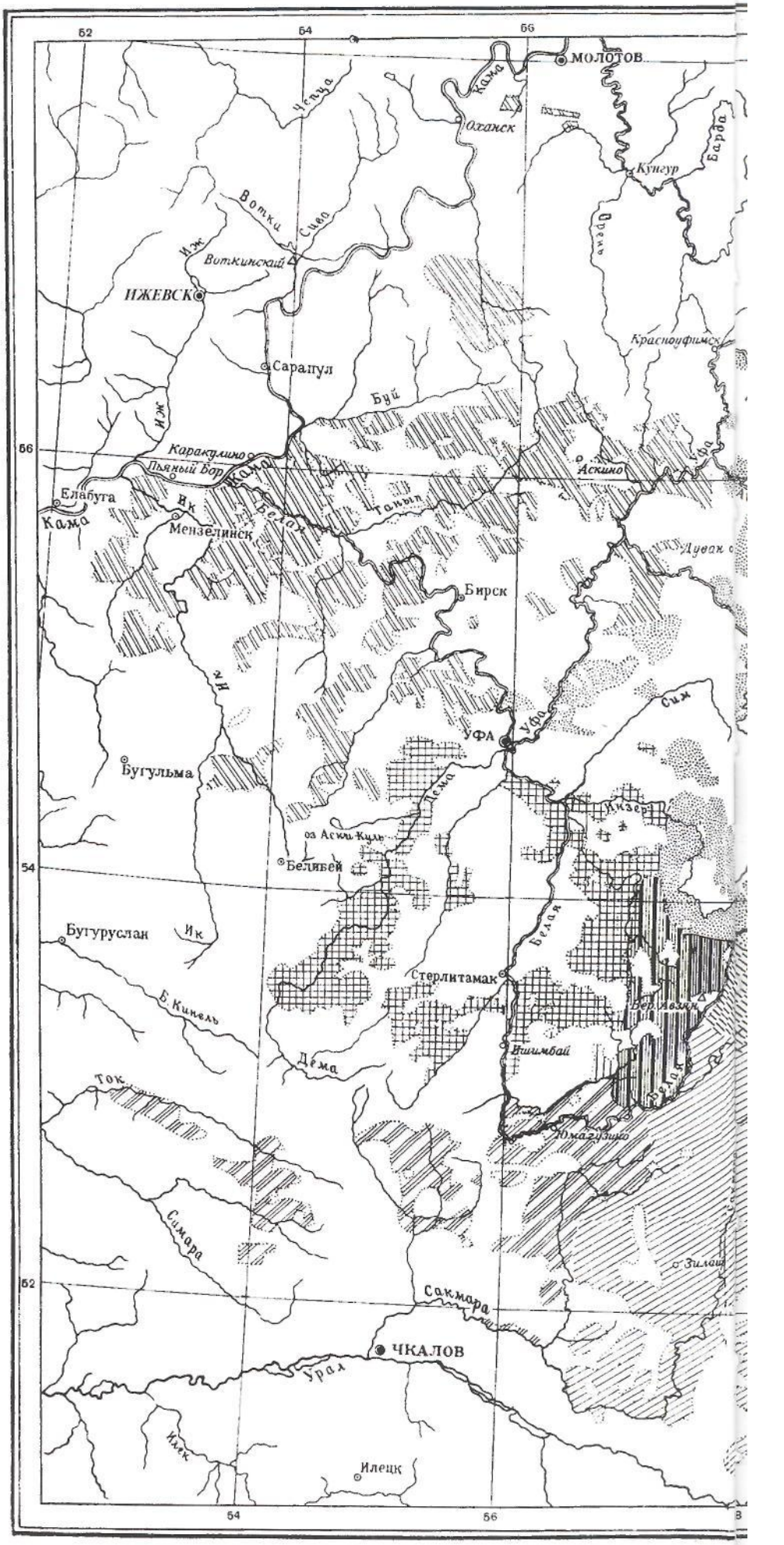
Рис. 272. Кара-табынец

Рис. 273. Сызгинец

Рис. 274. Сызгинец

[314] *Никольский Д. П.* Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование: Дис. СПб., 1899.

[315] *Зограф Н. Ю.* Антропологический очерк мещеряков зауральской части Пермской губ. // Антропологическая выставка. М., 1879. Т. III.


52
54
56
МОЛОТОВ
Кама
Оханск
Кунгур
Барда
Чепца
Вотка
Сива
Иж
Воткинский
ИЖЕВСК
Сарапул
Буй
Красноуфимск
Каракулино
Пьяный Бор
Кама
Аскино
Уфа
Елабуга
Кама
Вк
Мензелинск
Белая
Танып
Бирск
Дуван
Ик
Сим
УФА
Уфа
Бугульма
Дема
Кизер
оз Аскн-Куль
Белябей
54
Бугуруслан
Ик
Белая
Стерлитамак
Б. Кинель
Дема
Ток
Ишимбай
Юмагузино
Зилаир
Самара
52
Сакмара
ЧКАЛОВ
Урал
Илек
Илецк
54
56

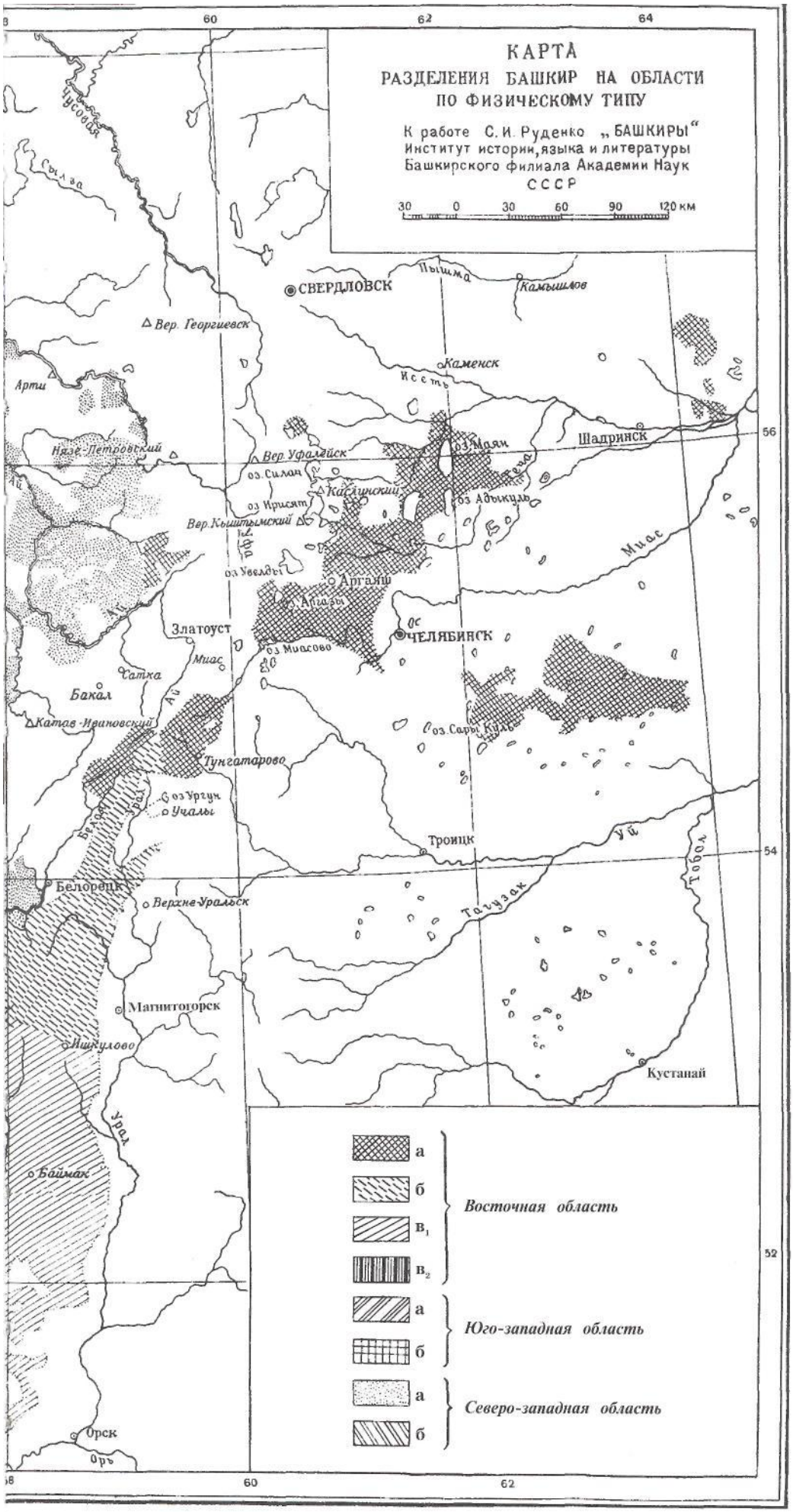

КАРТА
РАЗДЕЛЕНИЯ БАШКИР НА ОБЛАСТИ
ПО ФИЗИЧЕСКОМУ ТИПУ
К работе С. И. Руденко „БАШКИРЫ"
Институт истории, языка и литературы
Башкирского филиала Академии Наук
СССР
30 0 30 60 90 120 км
60
62
64
56
54
52
СВЕРДЛОВСК
Пышма
Камышлов
Вер. Георгиевск
Каменск
Исеть
Арти
Шадринск
Вер. Уфалейск
оз. Маян
оз. Силан
Каслинский
оз. Иргият
оз. Адыкуль
Вер. Кыштымский
оз. Увелды
Миасс
Аргаяш
оз. Аргазы
Златоуст
ЧЕЛЯБИНСК
оз. Миасово
Катка
Бакал
Катав-Ивановский
оз. Сары Куль
Тунгатарово
оз. Ургун
Учалы
Троицк
Белорецк
Верхне-Уральск
Магнитогорск
Ишкулово
Баймак
Орск
Кустанай
Тобол
Тагузак
а
б
в1
в2
Восточная область
а
б
Юго-западная область
а
б
Северо-западная область

Рис. 275. Бурзянец

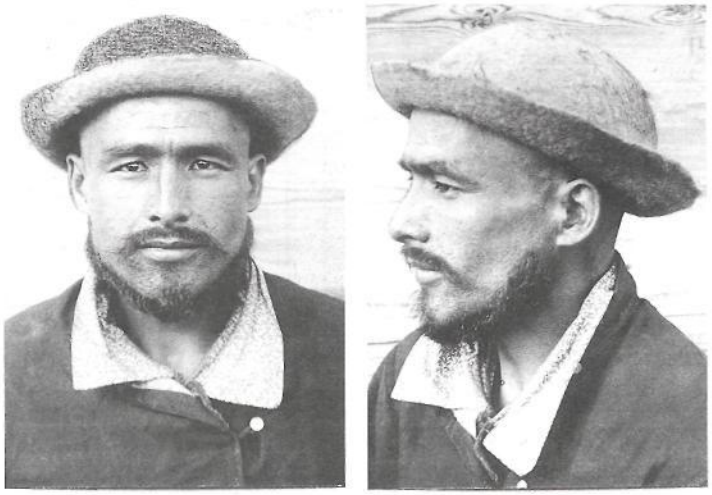


Рис. 276. Тамьян-тангаурец

у башкир первого района (*а*), при несколько меньших его размерах (средняя скулового диаметра 144,2 мм), по носовому же указателю (75,6) они, хотя и незначительно, более широконосы. При характеристике башкир этого района я основываюсь главным образом на исследованиях П. С. Назарова[316].

Следует отметить, что при приведенной выше общей характеристике физического типа башкир этого района наблюдаются существенные различия между отдельными родами, указывающие на меньшую однородность населения южного района по сравнению с северо-восточным. Тип этих южных башкир (рис. 275, 276) имеет много общих черт с казахами соседнего с ними Среднего жуза.

Между северным и южным районами восточной области лежит третий промежуточный район, по типу населяющих его башкир существенно отличающийся от двух первых. Этот район в свою очередь может быть подразделен на восточную его половину ($в_1$), расположенную по левую сторону р. Белой, и на западную ($в_2$), находящуюся по правую сторону р. Белой, в горах Южного Урала. В состав восточной части этого района входят катайцы, кубеляк-телевцы и тамьян-тангаурцы. В западной половине этого района живут гирей-кипчаки, тамьян-тангаурцы, карагай-кипчаки и частично бурзяне.

Башкиры этого района, живущие к востоку от р. Белой, пигментированы несколько слабее (71,7 % темного типа), чем прочие башкиры данной области; средняя их роста такая же, как и в соседнем северо-восточном районе (164,1 см), но они более длинноноги (средняя указателя скелии 87,3). Средняя головного их указателя значительно ниже (81,0 при 65 % круглоголовых), чем у населения двух других районов восточной области. Кроме того, они сравнительно узконосы (средняя носового указателя 72,2) и узколицы (средняя лицевого указателя 76). Башкиры, живущие к западу от р. Белой, в пределах данного района, напротив, пигментированы весьма интенсивно (88,8 % темного типа), ростом они несколько выше (165,1 см) своих северо-восточных соседей и приближаются к юго-восточным, но имеют относительно гораздо более длинные ноги (средняя указателя скелии

[316] *Назаров П. С.* К антропологии башкир // Изв. О-ва любителей естествознания. Тр. антропологического отд. Дневник. № 2. 1890. С. 22.

88,8). По средней головного указателя они являются мезатикефалами (средняя указателя 79,5 при 50,2 % круглоголовых), в такой же степени узконосы (средняя носового указателя 72,4), как и башкиры восточной половины данного района, и имеют почти такую же среднюю (76,7) лицевого указателя при меньшей абсолютной ширине лица (средняя скулового диаметра 144,1 мм), что сближает их с башкирами южного района данной области.

Таким образом, относительная длинноногость, весьма умеренная круглоголовость (доходящая до мезатикефалии), сравнительная узколицесть и узконосость башкир этого района выделяет их среди остальных башкир восточной области. Последнее объясняется совместным в этом районе проживанием с башкирами тептярей и отчасти татар.

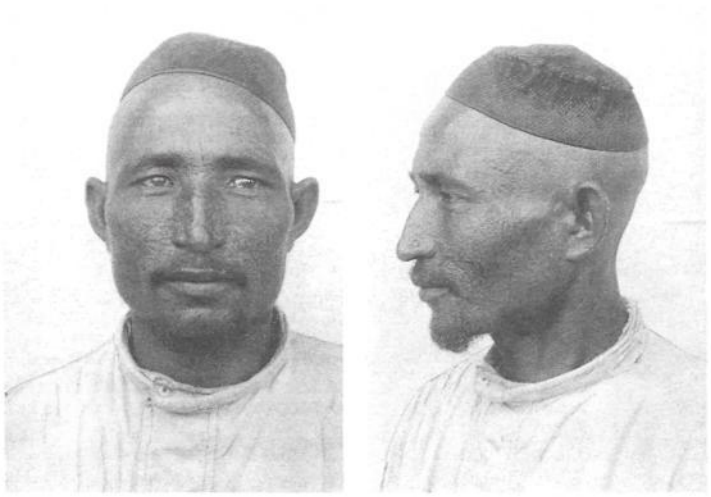


Рис. 277. Карагай-кипчаковец

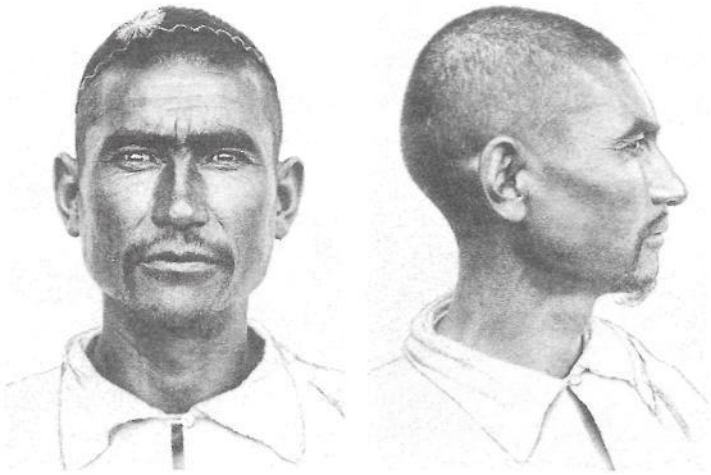


Рис. 278. Гирей-кипчаковец

Довольно типичными представителями горных башкир западной части данного района могут считаться представленные на рис. 277 и 278, отличающиеся слабым развитием волосяной растительности на лице, относительной длинноголовостью, с длинным, но, вследствие значительного развития скуловых дуг, умеренно широким лицом, с длинным и узким прямым носом, сравнительно высоким ростом. Впрочем, среди долихокефалов этого района встречаются и довольно низкорослые и узколицые башкиры, при интенсивной волосяной растительности на лице (рис. 279). В восточной половине данного района ($в_1$) встречаются высокорослые, но относительно коротконогие, круглоголовые, узколицые и узконосые башкиры, типа не редкого и среди северо-восточных башкир восточной области (рис. 280).

Каково происхождение относительно высокорослого и долихокефального типа горных башкир, сказать пока трудно. Весьма вероятно, что он представляет собой остатки древнего населения края, возможно савроматов или иирков.

Вторая, или юго-западная, область, расположенная к западу от первой и к югу от параллели г. Уфы, характеризуется антропологическими показателями, присущими в среднем башкирам в целом. Башкиры этой области в большинстве темноволосы и темноглазы (69,7 % темного типа), рост их средний (164,8 см), указатель скелии (87,2) тот же, что и у башкир восточной области. Головной указатель (81,3 при 69,4 % круглоголовых), указатели носовой (73,3) и ли-

Рис. 279. Гирей-кипчаковец

Рис. 280. Барын-табынец

цевой (76,3), равно как и размеры наибольшей ширины лица (143,2 мм), у башкир этой области соответствуют средним, полученным для всех исследованных нами башкир.

При общем сходстве родовых групп, входящих в состав этой области, по совокупности антропологических их признаков, наблюдается все же и между ними ряд отличительных особенностей, позволяющих подразделить эту область на два района: южный и северный. К южному району (*а*) относятся все кипчаки (исключая гирей- и карагай-кипчаков, вошедших в состав первой области) и живущие смежно с ними бурзяне. В состав башкир северного района вошли табынцы, юрматынцы и минцы. Степень пигментации, размеры роста, форма носа, размеры и форма лица оказались одними и теми же у всех родовых групп башкир, входящих в эту область. Только два признака — сравнительно большая коротконогость и значительно более определенно выраженная круглоголовость — отличают башкир южного района от башкир северного района данной области. Вместе с тем, судя по форме лица, они сближаются с башкирами соседнего южного района первой, восточной, области.

Для населения южного района юго-западной области весьма характерны очень резкие колебания как индивидуальные, так и по родовым группам различных антропологических показателей, свидетельствующих о том, что между разнородными племенными единицами, вошедшими в состав жителей данной области, не произошло еще достаточной нивелировки. Иначе говоря, здесь мы имеем дело с коренным башкирским племенем бурзянами и позднейшими пришельцами кипчаками.

В северном районе (*б*) юго-западной области между входящими в его состав тремя родовыми группами наблюдается, напротив, весьма близкое сходство средних, наиболее характерных антропологических показателей, при весьма значительных не только индивидуальных, но и по различным родам расхождениях в этих показателях. В этом районе мы вступаем в ту часть Башкирии, где смежно с башкирами проживают татары, мишари, чуваши и тептяри, а на крайнем севере — мари и удмурты.

Для того чтобы получить представление, в какой мере примесь той или иной народности может изменить физичес-

кий тип племени или рода, достаточно сравнить средние показатели, полученные для башкир двух соседних подразделений минского рода, слы и илькульмино-кульминцев. В том пункте, где мной производились исследования среди слы-минцев, пигментация оказалась весьма слабой (33,3 % темного типа), для них характерен сравнительно малый рост (163 см) при коротконогости (указатель скелии 84,4), мезатикефалия (головной указатель 79,5 при 37,5 % круглоголовых), сравнительная узконосость (носовой указатель 71,3) и длиннолицесть. Соседние башкиры илькульмино-кульминцы в противоположность слы-минцам пигментированы интенсивно (81,2 % темного типа), они высокого роста (169,8 см), хотя также довольно коротконоги (указатель скелии 87,8), умеренно круглоголовы (головной указатель 80,9 при 65,6 % круглоголовых), далеко не в такой степени узконосы (носовой указатель 74) и сравнительно широколицы (лицевой указатель 77,6). Если принять во внимание, что у 90 % исследованных нами слы-минцев матери были татарки или тептярки, то такое их отличие от более чистых в этническом отношении илькульмино-кульминцев и других сородичей своего района станет вполне понятным.

Типы башкир этого района представлены на рис. 281–283.

Третья, северо-западная, область, отличающаяся особым типом башкир, занимает северную часть Башкирии, севернее параллели г. Уфы и к западу от Уральского хребта. Башкиры этой области отличаются наименее интенсивной пигментацией (темного типа всего 61,3 %) при среднем для всех башкир росте (165 см), относительно большей длинноногостью (указатель скелии 89,3), весьма умеренной круглоголовостью, граничащей с мезатикефалией (головной указатель 80,3 при 51,6 % круглоголовых), сравнительной узконосостью (носовой указатель 72,1) и узколицестью (лицевой указа-

Рис. 281. Слы-минец

Рис. 282. Субыль-минец

Рис. 283. Субыль-минец

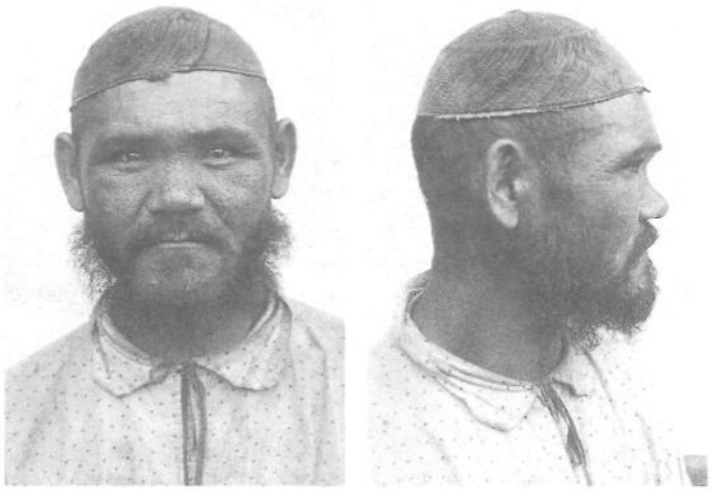


Рис. 284. Урман-кудеец

Рис. 285. Дуван-мечетлинец

тель 75,5) при небольших размерах ширины лица (средняя скулового диаметра 141,6 мм), сравнительно короткими и широкими ушами.

Эта большая область, для характеристики населения которой мы имеем около тысячи исследованных башкир, может быть разделена на два района: восточный (*а*) и западный (*б*), причем жители западного района отличаются от жителей восточного только значительно большим процентом башкир со смешанной пигментацией и большей средней роста.

Восточный район (*а*) занимает северную часть Южного Урала, Айское междуречье, часть западных отрогов Урала, в частности бассейн р. Инзера. В состав населения этого района входят айлинцы (за исключением крайней восточной айлинской дачи), кудейцы, инзер-катайцы, часть минцев в низовье р. Уфы и часть таныпцев, живущих среди айлинцев. Степень пигментации у жителей этого района интенсивней (68,3 % темного типа), чем в западном районе данной области, рост такой же (164,1 см), как и у жителей соседнего северного района восточной области, но они гораздо более длинноноги (указатель скелии 88,7 %). По головному указателю они отличаются весьма умеренной круглоголовостью, граничащей с мезатикефалией (средняя головного указателя 80,1 при 48,4 % круглоголовых). Они более узконосы (носовой указатель 72,2) и узколицы (лицевой указатель 75,4), чем их восточные соседи за Уралом, при значительно меньших абсолютных размерах ширины лица (скуловой диаметр 141,9 мм).

Перечисленные выше особенности физического типа башкир восточного района северо-западной области (рис. 284 и 285) могут быть отчасти объяснены примесью угорского компонента, вошедшего в их состав. Последний по всем своим антропологическим показателям стоит близко к типу башкир данного района, отличаясь только более низким ростом и более отчетливо выраженной мезатикефалией[317].

Западный район (*б*) северо-западной области занимает Уфимское плато, Бирскую равнину и крайний северо-запад Башкирии. Его населяют башкиры таныпцы, елдят-

[317] *Руденко С. И.* Антропологические исследования инородцев северо-западной Сибири // Зап. Академии наук по физико-математическому отд-нию. 1914. Сер. VIII. Т. XXIII. № 3.

цы, кайлино-каршинцы, гарейцы, кайлинцы, киргизы, буляpцы, юрминцы и другие мелкие роды. Отличительной особенностью их физического типа, как уже отмечалось выше, является большой процент смешанно-пигментированных (темного типа всего 54,3 %) и более высокий рост (166 см), макроскелия — относительно большая по сравнению с туловищем длина ног (указатель скелии 90), весьма умеренная круглоголовость (головной указатель 80,5 при 54,8 % круглоголовых), сравнительная узконосость (носовой указатель 72) и узколицесть (лицевой указатель 75,6) при малых абсолютных размерах ширины лица (скуловой диаметр 141,2 мм).

Рис. 286. Тарнаклинец

Нигде в Башкирии нет такого этнически пестрого состава населения, как в северо-западной области. Там между башкирскими деревнями, помимо русских селений, повсюду встречаются деревни тептярей, татар, мишарей, чувашей, мари, удмуртов. В этой области среди исследованных башкир особенно большой процент таких, матери которых не башкирки, а главным образом татарки, мишарки и тептярки. Ниже приводится перечень ряда отдельных башкирских дач данной области, с указанием процента исследованных башкир, матери которых были не башкирки.

Рис. 287. Каплинец

№ 10 — юр-минцы	40 %
№ 70 — айлинцы	78 %
№ 74 — сызгинцы	50 %
№ 86 — каршинцы	67 %
№ 91 — кайлинцы	61 %
№ 114 — киргизы	50 %
№ 121 — ирехтинцы	75 %

Смешение башкир в древности с вышеперечисленными народностями в данной области шло интенсивнее, чем где бы то ни было в других местностях Башкирии. Поэтому физический тип башкир во многих пунктах этой области не в меньшей степени зависит от физического типа скрещивающихся с ними народностей, чем от физического типа ближайших предков самих башкир. Характерные для западного района северо-западной области типы представлены на рис. 286 и 287.

При рассмотрении этнографических особенностей башкир следует отметить главным образом те элементы их материальной культуры, которые в какой-то мере могут способствовать выяснению вопроса о происхождении этого народа.

Охота и отчасти рыболовство были единственной базой, обеспечивавшей существование неолитического населения Башкирии. В эпоху бронзы и раннего железа, время, с которого можно уже пытаться проследить происхождение башкир и их культуры, население Башкирии начинает заниматься уже скотоводством и примитивным земледелием, хотя охота еще продолжает играть выдающуюся роль. Про тиссагетов и иирков Геродот писал, что они добывали себе пропитание охотой. Между тем, археологическими исследованиями установлено, что тиссагеты (культура ананьинская и уфимская) имели уже домашних животных и занимались примитивным земледелием. То же самое следует сказать и об иирках. Если в позднее андроновское время население Башкирии имело домашних животных и частично занималось земледелием, то нельзя допустить, чтобы иирки не занимались скотоводством.

Следует, кстати, отметить, что и Геродот, описывая охоту иирков, сообщает о преследовании ими животных верхом на лошадях.

Известно, что в начале I тысячелетия до н. э. климат Башкирии был достаточно влажен. Еще более увлажненным он был в середине I тысячелетия до н. э., когда леса наступали на степи. В это время природная обстановка была особенно благоприятна для занятия охотой и последняя получила широкое распространение на территории зауральской Башкирии. Однако замечание Геродота о том, что иирки охотились верхом на лошадях, указывает на несомненное их занятие и пастушеским скотоводством, подобно другим племенам того времени. Последующий период ксеротермического климата, возможно, неблагоприятно отразился на охотничьем промысле, но к середине II тысячелетия, ко времени присоединения башкир к России, с наступившим снова максимальным увлажнением климата роль охоты опять стала исключительно важной для пропитания населения Башкирии. Напомню указание «Книги Большому Чертежу» о том, что «кормля их (башкир. — *С. Р.*) мед, зверь и рыба».

В это время, по крайней мере с конца I тысячелетия н. э., охота не только как «кормля», но и как пушной промысел играла крупную роль и в товарообмене башкир.

Известные нам приемы охоты и рыбной ловли башкир, равно как и земледелие, были настолько примитивны и имели настолько широкий ареал распространения за пределами Башкирии, что их трудно увязать с теми или иными этническими группами. Все же характерно наличие двух культурных миров — тиссагетов, с их лесной охотой, стойловым содержанием домашних животных и подсечной или огневой системой мотыжного земледельческого хозяйства, и иирков, с их степной конной охотой, пастушеским скотоводством и переложной системой земледельческого хозяйства. Эти две системы пережили на территории Башкирии тысячелетия.

Так как состав пищи является результатом хозяйственной деятельности, то у башкир и в этом отношении достаточно отчетливо могут быть прослежены наследия двух упомянутых выше культур. Вместе с тем при едином основном типе постоянного жилища башкир (с точки зрения внутреннего его устройства) проживание их в лесной и степной зонах существенно отразилось на материале, из которого строились жилища, и в самой архитектуре построек. Степная культура ярче проявилась в типах временных, переносных жилищ. Верховой конь, типичное для пастушеских народов средство передвижения, вместе с лыжами занял в Башкирии первенствующее место. Одежда тиссагетов нам мало известна, зато одежду савроматскую, точнее скифскую, мы знаем довольно хорошо. Показателен пережиток некоторых форм башкирской одежды с этих отдаленных времен. Много общего между просторной верхней плечевой одеждой башкир и степных

кочевников скифского времени, например длинные и узкие рукава кафтанов или халатов. Покрой башкирской мужской рубахи такой же, какой был у гуннов. Островерхий мужской головной убор башкир и степных кочевников тождественен. Сходной была и их мягкая без подметок обувь с войлочными чулками. Характерное для башкирских женщин и девушек нагрудное украшение (*яға, селтәр*) в аналогичной форме было найдено и у древних горноалтайцев. Чрезвычайно интересна преемственность техники и до некоторой степени мотивов и стиля в башкирском искусстве, известная нам со скифского времени. Я имею в виду башкирскую технику шитья тамбуром и аппликацию вырезанных из цветного сукна узоров на белом сукне, а также мотивы, близкие к аланским растительным орнаментам, сохранившимся в узорах, тисненных на коже (налучьях, колчанах и др.). Скифского типа короткий и сильно выгнутый лук со стрелами унаследован башкирами от древних племен, только наконечники стрел у них были иного типа.

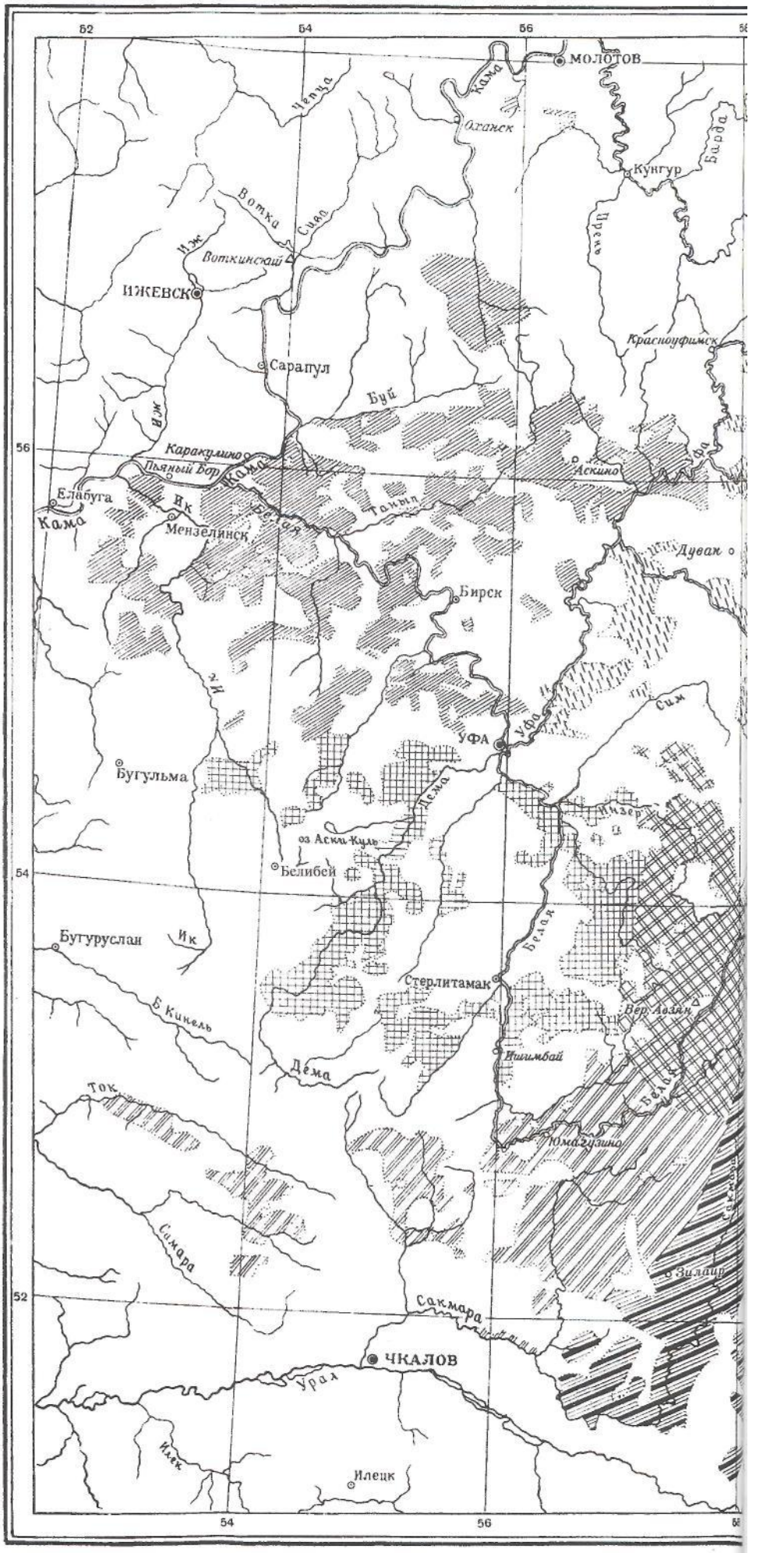
Таким образом, культурная преемственность башкир от древних степных кочевнических племен непосредственно или через посредство более поздних степных кочевников-скотоводов западной Азии, в частности казахов, мне представляется несомненной.

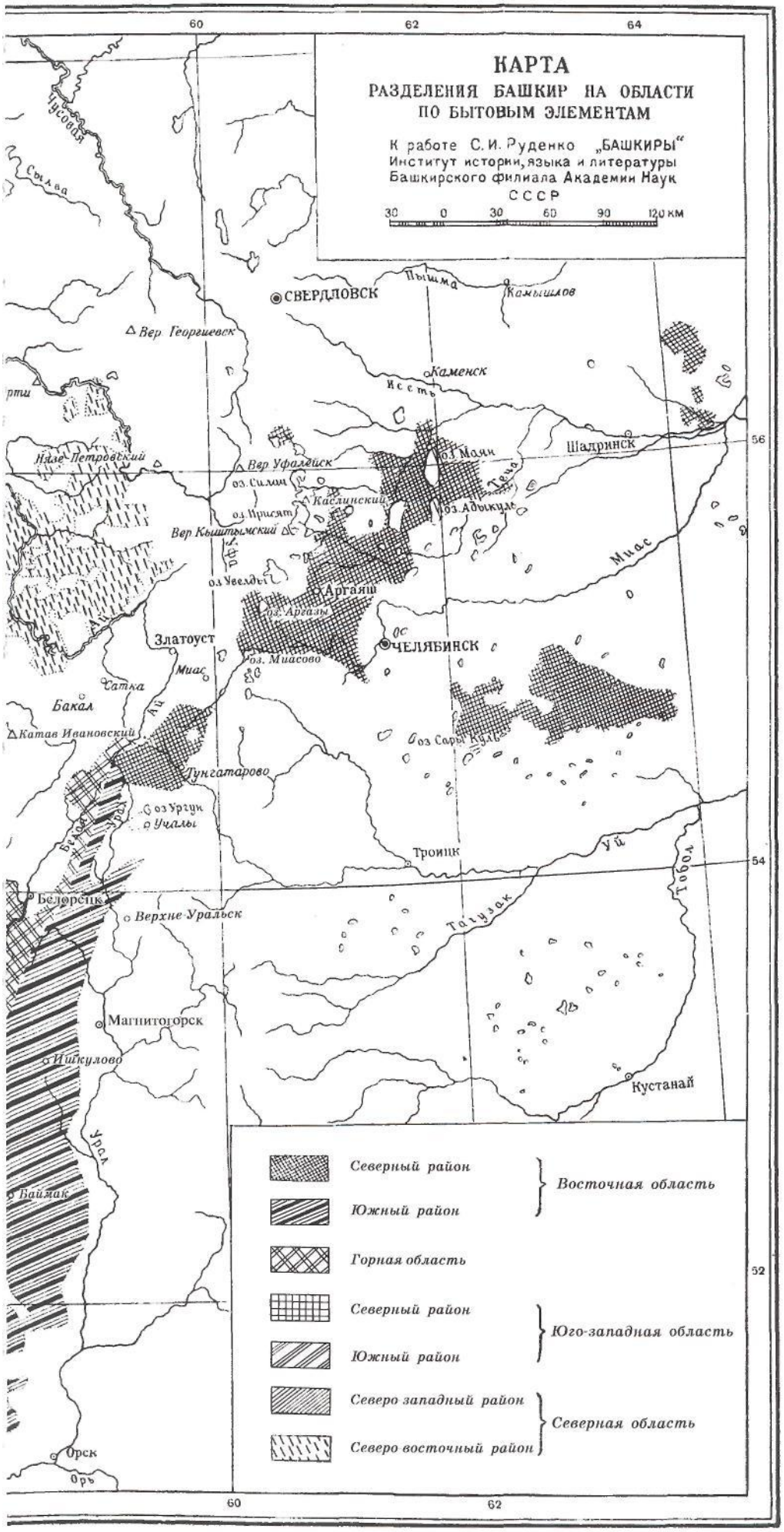
В культуре башкир имеются вместе с тем элементы, воспринятые ими от своих северных соседей — угорских племен, в частности манси и ханты. Они проявляются главным образом на севере и северо-западе Башкирии в типах некоторых одежд, возможно, в некоторых орудиях звероловства (*науыт*, черкан), в питом орнаменте.

Учитывая эти общие положения для освещения интересующего нас вопроса об этногенезе башкир, весьма важно рассмотреть локальные этнографические особенности (см. карту разделения башкир на области по бытовым элементам).

Как по физическому типу, так и по бытовым особенностям может быть выделено население восточной области, занимающей сравнительно узкую, к югу расширяющуюся полосу степи, расположенную к востоку от Уральских гор с прилегающими предгорьями. Оседлые, как и везде, башкиры этой области, за исключением крайнего юга, в связи с процветавшим там табунным скотоводством в значительной своей части летом выезжали на кочевки. Для скотоводческого хозяйства данной области было характерно пребывание скота, в частности лошадей, в течение всего года на подножном корму. Там широко было распространено преследование зверя верхом на лошади, имелась и соколиная охота. Земледелие было только подспорным занятием населения, причем преобладала примитивная переложная система хозяйства. Хлеб молотили лошадьми. В связи с развитием пастушеского скотоводства в этой области повсюду изготовлялся *кымыз* и *корот*; запасы последнего заготовлялись на зиму. Вместе с молочным хозяйством, типичным для степных кочевников, широко была распространена кожаная посуда. Жилищем в деревнях служили небольшие бревенчатые избы без крыш или покрытые всевозможным материалом, с полом над самой землей. Повсеместно встречались плетневые избы, преимущественно из двойного плетня, а также избы пластовые и саманные. Среди летних жилищ особенно характерны были войлочные решетчатые кибитки в двух разновидностях: монгольской на севере и тюркской на юге.

Постоянные жилища в лесостепной зоне отапливались при помощи чувалов. Топливом, кроме дров, служил также кизяк или кустарник. Одежда, помимо фабричных тканей, изготовлялась из домотканого сукна и мехов, выделанных с помощью молочных продуктов, причем как мужчины, так и женщины носили нагольные тулупы. До конца XIX в. повсеместно носили *йылкы тун* и *колаксын*. Мужская рубаха, широкая и длинная, имела отложной ворот; *сарык* являлись мужской и женской обувью. У пояса мужчины до конца XIX в. носили кожаную сумку (*каптырга*). Повсюду имелись женские коралловые нагрудные укра-


52
54
56
МОЛОТОВ
Кама
Чепца
Оханск
Кунгур
Барда
Вотка
Сива
Ж
Воткинский
ИЖЕВСК
Шешма
Красноуфимск
Сарапул
Буй
Ж
56
Каракулино
Пьяный Бор
Кама
Аскино
Уфа
Елабуга
Ик
Кама
Мензелинск
Белая
Танып
Дуван
Бирск
Ик
УФА
Сим
Бугульма
Дема
оз Аскн-Куль
Белибей
54
Бугуруслан
Ик
Стерлитамак
Б Кинель
Дема
Ток
Нигимбай
Юмагузино
Самара
Зилаир
52
Сакмара
ЧКАЛОВ
Урал
Илек
Илецк
54
56


КАРТА
РАЗДЕЛЕНИЯ БАШКИР НА ОБЛАСТИ
ПО БЫТОВЫМ ЭЛЕМЕНТАМ
К работе С. И. Руденко „БАШКИРЫ"
Институт истории, языка и литературы
Башкирского филиала Академии Наук
СССР
30 0 30 60 90 120 км
60
62
64
56
54
52
СВЕРДЛОВСК
Пышма
Камышлов
Каменск
Исеть
Шадринск
Вер Георгиевск
Вер Уфалейск
оз. Силач
оз. Моян
оз. Адыкуль
Каслинский
оз. Присят
Вер Кыштымский
оз. Увелды
Аргаяш
оз. Аргазы
Миас
Златоуст
ЧЕЛЯБИНСК
оз. Миасово
Катка
Бакал
Катав Ивановский
оз. Сары Куль
Тунгатарово
оз. Уртуп
Учалы
Троицк
Тобол
Белорецк
Верхне Уральск
Татлузак
Магнитогорск
Ишкулово
Урал
Кустанай
Баймак
Орск
Орь
Северный район
Южный район
Восточная область
Горная область
Северный район
Южный район
Юго-западная область
Северо западный район
Северо восточный район
Северная область

шения, *яға* на севере, *селтәр* на юге. Коралловый женский головной убор (*кашмау*) носили повсюду, за исключением крайнего севера. В пределах восточной области в семейном быту черты родового строя проявлялись значительно резче, чем в других областях, причем свадебные обычаи, в частности свадебный *туй*, соблюдались там полнее.

Некоторые отличительные этнографические особенности на территории расселения кара-барын-табынцев, айлинцев и катайцев, заключавшиеся в наличии монгольского типа кибиток, широком распространении пластовых и саманных изб, в отсутствии *кашмау* и *хәситә*, в употреблении женских украшений *әмәйзек* и *шңәлек*, вместе с рядом других второстепенных черт могут служить основанием к выделению этой территории в особый северный район восточной области.

Горная область, занимающая центральную часть Южного Урала, территория, заселенная преимущественно инзер-катайцами, гирей-кипчаками, карагай-кипчаками и тамьян-тангаурцами, имела много общих черт с восточной, но должна быть все же выделена по ряду бытовых особенностей своего населения. Башкиры горной области жили оседло в деревнях, но повсеместно летом выезжали на кочевки. Земледелием они не занимались, не было у них ни соколиной охоты, ни преследования на лошадях зверя, т. е. охоты, столь характерной для башкир восточной области. Занимались главным образом скотоводством, но скот у них не тебеневал, вследствие обильных зимних осадков. Пчеловодство, как пасечное, так и бортевое, в горной области было весьма распространено. Лесной промысел в конце XIX в. являлся существенным подсобным занятием населения. Из питательных продуктов в значительном количестве заготовляли впрок *корот*, из напитков там распространены были и *кымыз*, и *асы бал*. Кожаная посуда еще в конце XIX в. в большом количестве употреблялась в горах и только в XX в. почти исчезла и заменилась деревянной. Зимним жилищем в горной области служили бревенчатые избы с полом непосредственно над землей, крышами, покрытыми драницей, и камином (*сыуал*) для отопления. Топливом служило исключительно дерево. Плетневых изб в горах не было. Самым типичным летним жилищем были срубы *бурама*, причем на западных предгорьях вместе с ними встречались лубковые *аласык*, а на восточных — конусообразные шалаши, *кыуыш*. Сорочки с отложным воротником и нагольный тулуп были типичными одеждами. *Колаксын*, *йылкы тун* и *каптырға* там встречались еще в середине XIX в. Лаптей горные башкиры никогда не носили. *Сарык* являлись самой характерной обувью, причем женщины носили еще кожаную обувь (*ката*) с подметками и на высоких каблуках, с белыми суконными голенищами, покрытыми узорами. Из коралловых украшений повсеместно носили *кашмау* и *hакал*, на севере области, кроме того, встречались *яға*, а на юге — *селтәр*. *В* замкнутых горных долинах, вдали от иноплеменных соседей, башкиры этой области, подобно башкирам восточной области, до начала XX в. хранили былые традиции семейно-родового строя и остатки своего древнего мировоззрения.

Юго-западная область расположена к западу от р. Сакмары и горной области, простираясь к северу не далее широты г. Уфы. Здесь живут главным образом минцы и юрматынцы, частью кипчаки и бурзяне. За исключением крайнего востока (бассейн р. Сакмары), башкиры данной области на кочевки в начале XX в. уже не выезжали и жили оседло. Соколиная охота у них к концу XIX в. также вывелась, и только преследование верхом на лошадях зверей широко практиковалось в этом преимущественно лесостепном крае. Здесь было развито пасечное пчеловодство и табунное скотоводство, причем местами скот находился на подножном корму до половины зимы. Земледелием в этой области занимались повсеместно, причем при молотьбе хлеб или топтали лошадьми, или обмолачивали цепами. Огородничеством занимались мало, редки были

посадки овощей, чаще встречался картофель. Занимаясь пчеловодством, повсюду готовили *асы бал*. В связи с табунным скотоводством летом приготовляли кумыс, на зиму делали запасы *корот*. Кожаная посуда, которая в этой области ранее встречалась повсеместно, в начале XX в. была весьма редкой. Преобладала посуда деревянная, нередки были изделия из лыка и мочала.

Деревни в юго-западной области состояли главным образом из бревенчатых изб, покрытых преимущественно соломой, с полом, расположенным невысоко от земли. Вместе с тем встречалось довольно много плетневых изб, чаще всего из одинарного плетня. Чувалов в жилищах в начале XX в. там уже не было. Во второй половине XIX в., когда башкиры этой области выезжали на кочевки, они пользовались, как летним жилищем, войлочными кибитками тюркского типа или лубковыми балаганами (на западных склонах Уральских гор). Помимо нагольных тулупов, которые еще в начале XX в. носили повсеместно, изредка встречались *йылкы тун*, а *колаксын* встречались редко. Ворот сорочек там чаще был отложной. *Сарык*, которые носили в конце XIX в., заменили *ката*; при полевых работах обычно носили лапти. Из женских украшений повсеместно носили коралловый головной убор *кашмау*, нагрудное украшение *hакал* на севере и *селтәр* на юге. Вместе с тем в начале XX в. широкое распространение получил в этой области женский татарский колпак и нагрудное украшение *ырға*.

В юго-западной области можно выделить южный район, расположенный к югу от р. Нугуша. Там, в отличие от северной половины этой области, кое-кто из башкир выезжал на летние кочевки. При уборке хлеб обмолачивали гарманом или телегой, совсем не пользуясь цепом; вместе с плетневыми избами в этой юго-западной части области встречались саманные жилища, отапливаемые чувалами. Некоторые отличия наблюдались и в одежде. Татарский колпак сюда еще не проник, не было и *ырға*, но вместо нее женщины носили *дәүәт*.

Северная область занимает значительное пространство к северу от широты г. Уфы и к западу от Уральского хребта. Она заселена главным образом кудейцами, танышцами, айлинцами, кайлино-каршинцами, елдятцами, гарейцами, енейцами, байлярцами, иланцами, булярцами, тазларцами, ирехтинцами и гайнинцами. В северной области все башкиры оседлы и уже давно никто не выезжал на кочевки. Там не было соколиной охоты, а преследование зверя на лошадях бытовало лишь у некоторых племен, как, например, у айлинцев. Табунным скотоводством не занимались, и скот у них не тебеневал. Пасечное пчеловодство было распространено широко, причем нередко ульи привязывались в лесу на деревья. Вместе с трехпольной встречалась и огневая система земледелия; при уборке хлеб молотили исключительно цепами. Население занималось огородничеством, главным образом посадкой картофеля. Повсеместно приготовляли *асы бал*, но среди молочных продуктов *корот* и *кымыз* встречались крайне редко. Кожаная посуда совсем не употреблялась, преобладала деревянная и многочисленные изделия из мочала и лыка. В то время как в остальной Башкирии были широко распространены тканые шерстяные ковры (*балаҫ*), в северной области изготовлялись почти исключительно тряпичные половики. Для одежды и других изделий меха выделывались без употребления молочных продуктов. Все башкиры северной области жили в бревенчатых избах с полом, расположенным высоко от земли, причем в восточной половине области крыши крылись исключительно тесом, а в западной — преимущественно соломой. Плетневых, а тем более саманных изб там не было; не было и чувалов. Отапливались избы исключительно дровами. Нагольных тулупов северные башкиры не носили, их шубы были покрыты материей. Не было у них ни *йылкы тун*, ни *колаксын*. Мужчины и женщины носили холщевые *сыба*. В отличие от других областей рубахи на севере шились со стоячим воротом. *Сарык* там совсем не носили, но лапти носили повсеместно. Из женских коралловых украшений только на востоке области встре-

чалась *яға*, да и то крайне редко. *Кашмау* нигде не носили, но татарский колпак встречался повсеместно. Из нагрудных женских украшений наиболее распространены были *хәситә* и *дәүәт*, а на западе, кроме того, и *ырға*. Живущие небольшими группами, вкрапленными в массе разноплеменного населения, башкиры северной области пошли гораздо далее других по пути разложения родового строя. Только сознание принадлежности к единой родовой группе, подкрепляемое правами владения землей, свидетельствовало о былом родовом укладе общественной их жизни. В семейном быту, в свадебных и других обычаях следы некогда крепкого родового строя почти изгладились.

В северной области по целому ряду признаков можно выделить северо-восточный район, расположенный к востоку от р. Уфы. В этом районе крыши крыли исключительно тесом и дранцей. Изредка приготовляли *кымыз* и *корот*. В пчеловодческом хозяйстве значительное место занимали борти. Совсем не носили столь характерный для северо-западной части области холщевый кафтан (*сыба*), изредка встречался *колаксын*. Лапти надевали только во время полевых работ. Из коралловых украшений встречалась *яға*, *ырға* не было.

Большую роль в определении этногенеза играют данные лингвистические. Язык, на котором говорят башкиры, относится к группе тюркских языков, а последние по памятникам письменности известны приблизительно с V—VI вв. н. э. К этому времени С. Е. Малов[318] относит некоторые манихейские рукописи и каменописные памятники из бассейна рек Таласа и Енисея. Однако тюркские языки до этого времени имели уже длительную историю, и языки, известные нам по указанным памятникам, представляют собой результат длительного развития. С. Е. Малов полагает несомненным, что современные известные нам тюркские языки восходят ко времени, примерно, за пять веков до нашей эры, никак не позднее, т. е. ко времени пребывания на территории Башкирии тиссагетов, савроматов и иирков. Тот же автор считает, что на западе территории обитания народностей, говорящих на языках, относящихся к тюркской системе, до середины I тысячелетия до н. э. было две языковых группы: одна хазаро-булгарско-чувашская, а другая башкиро-татарско-кипчакско-мишарская. Башкирский, как и татарский язык, по заключению С. Е. Малова, язык очень древний, не уступающий по древности своим восточным родственным языкам.

«Структура языка, — как учит И. В. Сталин, — его грамматический строй и основной словарный фонд есть продукт ряда эпох»[319]. Поэтому, хотя, по заключению С. Е. Малова, современный башкирский язык очень древний, в нем, как и в других западных тюркских языках, превалируют теперь уже многие новые элементы, заменившие собой древние. В нем, как и в западных тюркских языках, более звонких звуков, чем глухих; в середине слов между гласными и в конце слов произошло уже большое изменение — оглушение звуков; вместо задних согласных появились гласные и полугласные долгие, более переднего ряда. Здесь отсутствуют первоначальные долготы. Несмотря на то, что западнотюркские языки, в том числе и башкирский, испытали на себе много различных влияний, они сохранили свои характерные особенности. Все переселения народов, говорящих на тюркских языках, вошедших в тесное соприкосновение с башкирами (гунны, монголо-татары, казахи), не произвели того языкового влияния и переворота в пользу восточнотюркских языковых элементов, какое можно было бы ожидать, если бы башкирский язык в те времена не был бы уже установившимся и отстоявшимся издавна языком. Таким образом, время формирования башкирского языка, а следовательно и башкир как консолидации племен, следует отнести к началу I тысячелетия н. э.

[318] *Малов С. Е.* Древние и новые тюркские языки // Изв. Академии наук СССР. Отд. литературы и языка. 1952. Т. XI. Вып. 2. С. 24.

[319] *Сталин И. В.* Относительно марксизма в языкознании. М., 1950. С. 24.

Первые исторические сведения о языке башкир, как известно, сообщены лингвистом XI в. Махмуд аль-Кашгари, который считал башкирский язык близким к языку огузов и кыпчаков, что не противоречит современным мнениям лингвистов, включающим его в кыпчакскую группу[320], хотя в деталях башкирский язык и особенно его наречия, диалекты еще не изучены в должной мере. Единственная известная мне работа по изучению диалектологических особенностей башкирского языка принадлежит Т. Г. Баишеву, результаты которой и излагаются мной ниже. В своей работе указанный автор ограничился описанием фонетических и морфологических и только частично лексических различий диалектов, не касаясь различий синтаксических (см. диалектологическую карту современного языка башкир).

Отмечая, что башкирский язык резко отличается от других тюркских языков тем, что в нем изобилует звук *h* в начале слов и агглютинируемых слогов (аффиксов) вместо употребляющегося в большинстве других тюркских языков звука *с*, Т. Г. Баишев приходит к выводу, что в башкирском языке семь фонетических различий и три морфологических. При этом он обращает внимание на то, что границы территориального распространения тех или других различий не совпадают и одно морфологическое различие включает в себя несколько фонетических различий, вклинивающихся в то же время в территорию других морфологических различий. В связи с этим границы на приведенной им карте диалектов в известной мере условны, тем более что границы как фонетических, так и морфологических различий не везде выступают резко.

Первое из выделяемых Т. Г. Баишевым фонетических наречий *h* — *ç* отличается тем, что в начале слов и в начале аффиксов всегда без особых отклонений употребляется звук *h*. Звук *h* и *ç* в середине и конце корней, а также в конце аффиксов употребляется различно. На этом наречии говорят северо-восточные башкиры — катайцы, сарт-калмаки, айлинцы, кара-барын-табынцы, сызгинцы, куваканцы, табынцы, кудейцы, восточные минцы, юрматынцы, бурзяне, тамьян-табынцы, усергане.

В наречии *ç* почти отсутствует фонема *h*. В начале слов и аффиксов, в конце слов и аффиксов, также и в середине корня употребляется фонема *ç*. Территория данного фонетического различия (наречия) начинается почти с середины Башкирии и узкой полосой тянется к юго-западу. На этом наречии говорит основная масса минцев.

Наречие *h* отличается обилием фонемы *h* не только в начале, середине, конце слова, в начале, конце аффиксов, но также там, где в других диалектах употребляется звук *ɜ* и *ç*. На этом наречии говорят только салзаутцы, отличающиеся, как мы видели, от остальных башкир и по физическому типу.

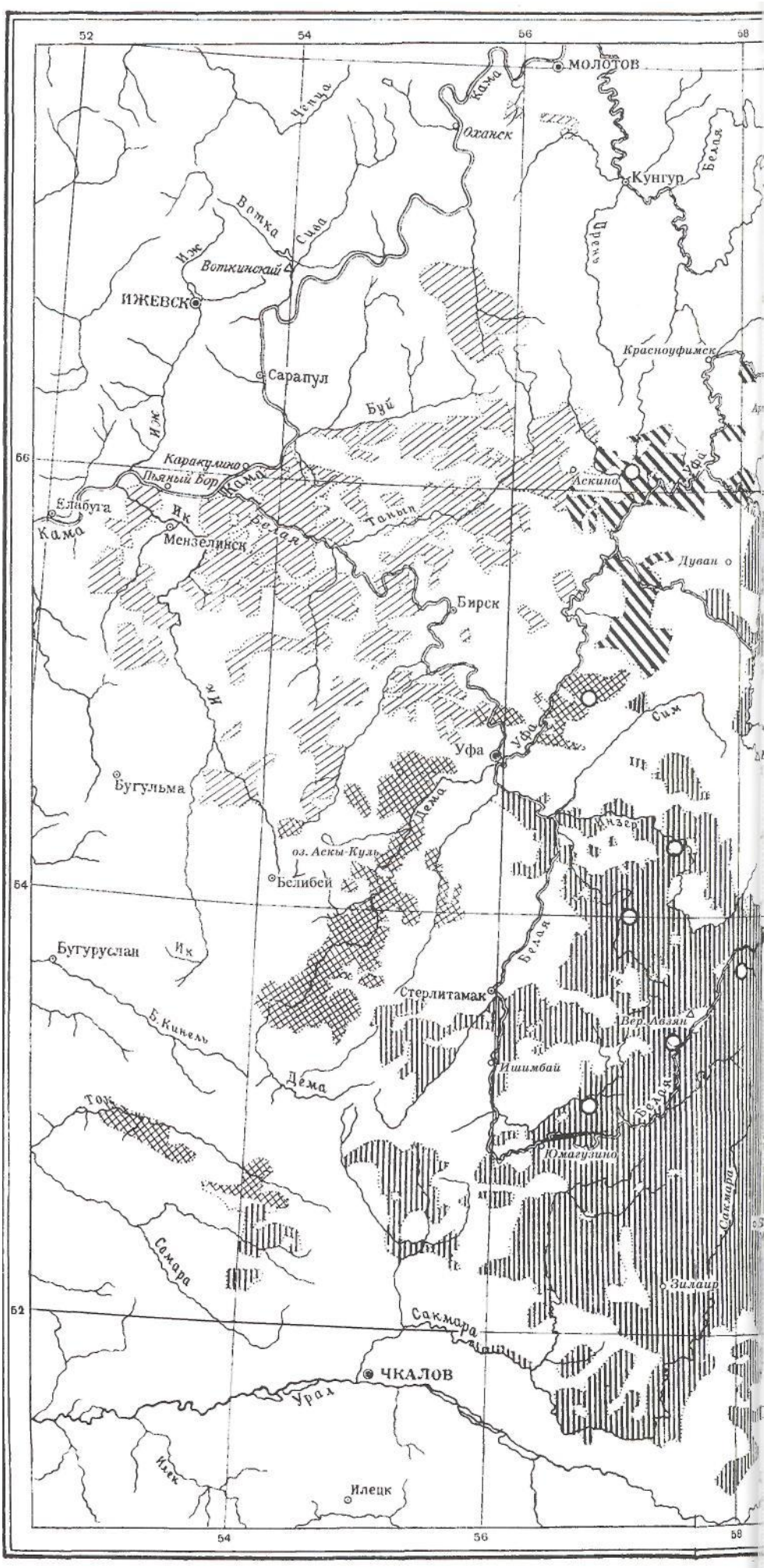
Наречие *ɜ* — *ç*. Там, где в других наречиях употребляется звук *ɜ* в данном наречии, если звук этот является последним звуком закрытого слога, его заменяет звук *ç*. Однако если звук *ç* употребляется между двумя гласными, он переходит в *ɜ*.

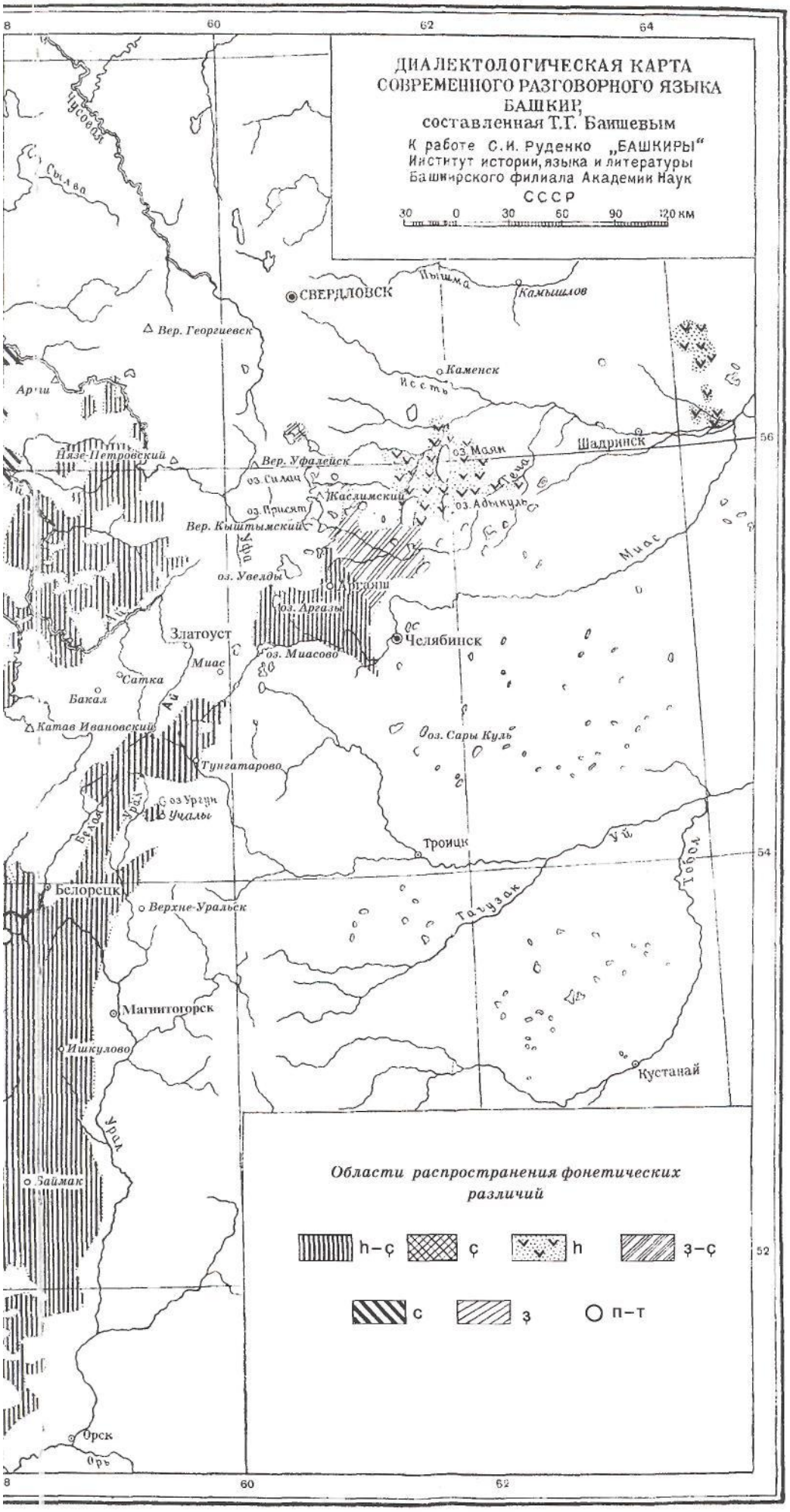
Носителями этого фонетического различия являются башкиры кара-табынцы и бала-катайцы.

В наречии *с* в собственно башкирских словах отсутствуют звуки *h*, *ç*, *ч* (и *дж*). Характерными для него звуками являются *ɜ* и з.

Говорящие на этом наречии таныпцы и частично елдятцы, читающие и пишущие на татарском языке, проживают в бассейне р. Уфы, ниже впадения в р. Ай.

[320] *Баскаков Н. А.* К вопросу о классификации тюркских языков // Изв. Академии наук СССР. Отдние литературы и языка. 1952. Т. XI. Вып. 2. С. 134.


52
54
56
58
МОЛОТОВ
Кама
Чепца
Оханск
Кунгур
Белая
Вотка
Сива
Иж
Воткинский
ИЖЕВСК
Сарапул
Буй
Красноуфимск
Каракулино
Пьяный Бор
Кама
Лекино
Уфа
Елабуга
Ик
Кама
Мензелинск
Белая
Танып
Дуван
Бирск
Уфа
Сим
Бугульма
Дема
оз. Аскы-Куль
Белибей
Бугуруслан
Ик
Стерлитамак
Б. Кинель
Вер. Авзян
Ишимбай
Дема
Белая
Юмагузино
Самара
Сакмара
Зилаир
Сакмара
ЧКАЛОВ
Урал
Илек
Илецк


ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА
СОВРЕМЕННОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА
БАШКИР,
составленная Т.Г. Баишевым
К работе С.И. Руденко „БАШКИРЫ"
Институт истории, языка и литературы
Башкирского филиала Академии Наук
СССР
30 0 30 60 90 120 км
Области распространения фонетических различий
h–ç
ç
h
ʒ–ç
s
ʒ
п–т
СВЕРДЛОВСК
Каменск
Шадринск
Челябинск
Златоуст
Троицк
Белорецк
Верхне-Уральск
Магнитогорск
Ишкулово
Баймак
Кустанай
Орск
Тюмень
Ирбит
Камышлов
Вер. Георгиевск
Арти
Нязе-Петровский
Вер. Уфалейск
Жаслыкский
Вер. Кыштымский
Миасс
Сатка
Бакал
Катав Ивановский
Тунгатарово
Уфалы
Троицк
Татузак
Тобол
Урал
Белая
Уй
Ай
Миасс
оз. Силач
оз. Маян
оз. Аргаяш
оз. Миасово
оз. Сары Куль
оз. Ургун
56
54
52
60
62
64

В наречии *ɜ* отсутствуют звуки *h* и *ç*; кроме того, говорящие на этом диалекте произносят звук *ч* и различают *ж* и *дж*, а меньшинство их вместо *ч* употребляют *с* или особый звук, средний между *ч* и *с*, а также не различают *ж* и *дж*, употребляя *ж*.

Башкиры, говорящие на этом диалекте, занимают довольно значительную северо-западную территорию Башкирии, очень пестрого родоплеменного состава: иланцы, киргизы, юрматынцы, кайлино-каршинцы, булярцы, елдятцы, гирейцы, тазларцы, ирехтинцы, уранцы и гайнинцы. Они также читают и пишут на татарском литературном языке.

Особое место среди других занимает диалект, называемый Т. Г. Баишевым диалектом *п — т*. Говорящие на нем не живут компактно, они разбросаны на значительной территории среди таныпцев, минцев, табынцев, юрматынцев, отчасти среди инзер-катайцев. Особенности этого наречия сводятся к следующему. Во всех перечисленных выше диалектах, кроме диалекта *ɜ*, в начале собственно башкирских слов обычно употребляется звук *б*, в данном же случае произносится *п* (глухое *п*). Вместо двойного *д*, которое обычно употребляется после согласных *л*, *м*, *н*, *ң* в середине слова и в начале аффиксов, в данном диалекте почти повсюду произносится *т*. И наоборот, там, где в начале слов в других диалектах употребляется *т*, в данном диалекте часто встречается *д*.

Территории распространения морфологических различий в башкирском языке, как было сказано выше, не совпадают с территориями распространения фонетических различий.

Северо-восточные морфологические отличия (или различие четырех типов ассимиляции согласных) заключаются в наличии девяти форм аффиксов, а именно: 1) четыре формы падежных окончаний; 2) аффиксы множественного числа; 3) аффиксы словообразования имен существительных; 4) аффиксы словообразования глаголов от имен; 5) аффиксы словообразования имен прилагательных; 6) аффиксы глагола прошедшего времени, изъявительного наклонения; 7) аффиксы наречий; 8) частицы; 9) общие аффиксы употребляются в четырех типах ассимиляции гласных.

Башкиры, язык которых отличается этими морфологическими различиями, занимают преимущественно северо-восточную и отчасти восточную, зауральскую, Башкирию.

Особенности южного морфологического различия (диалекта) заключаются в следующем. Из перечисленных выше девяти аффиксов аффиксы множественного числа, аффиксы словообразования глаголов от имен, аффиксы словообразования имен существительных и аффиксы словообразования имен прилагательных в большинстве своем двутипные: если слова оканчиваются на *м*, *н*, *ң*, то аффиксы начинаются на *н*, а после остальных звуков — на *л*. Все остальные аффиксы: аффиксы падежей, словообразования имен существительных, глагола прошедшего времени, изъявительного наклонения, наречий, частиц и общие — четырехтипны, как и в северо-восточном морфологическом различии.

Говорящие на этом диалекте живут в южных и в некоторых из центральных районов Башкирии.

Наиболее существенные особенности северо-западного морфологического различия в языке башкир (одного, двух, трех и четырех типов ассимиляции согласных) заключаются в следующем.

Аффиксы множественного числа, а также по одной форме из аффиксов, образующих имена существительные, прилагательные и глаголы повелительного наклонения, употребляются в двух типах ассимиляции согласных, подобно тому как

мы это видим в южном морфологическом различии. Иначе говоря, у слов, оканчивающихся на *м*, *н*, *ң*, аффиксы начинаются на *н*, а после остальных звуков — на *л*. Своеобразную форму принимают падежные аффиксы, все же остальные аффиксы принимают форму трехтипную.

Говорящие на диалекте данного морфологического различия занимают западную и северо-западную часть Башкирии.

Лексические богатства башкирского языка изучены крайне слабо, особенно в разрезе диалектов, между которыми несомненно имеются словарные различия. Между тем, из краткого рассмотрения фонетических и морфологических особенностей башкирского языка очевидны местные его диалектические различия. Если даже при сопоставлении территорий распространения фонетических и морфологических различий в языке башкир, наглядно представленных на карте Т. Г. Баишева, видно их несовпадение, то тем более, казалось бы, нельзя ожидать, чтобы ареалы распространения диалектологических особенностей в языке башкир совпали с ареалами распространения выделяемых мной особенностей физического типа башкир и их материальной культуры (данных этнографических). Между тем, достаточно даже беглого просмотра карт, характеризующих географическое распространение особенностей физического типа башкир, их бытовых и диалектических различий, чтобы убедиться в достаточно ясно выраженных совпадениях выделяемых мной и Т. Г. Баишевым областей по рассматриваемым нами признакам.

Восточная область, выделенная мной на основании особенностей физического типа башкир, в общих чертах совпала с областью, намеченной по этнографическим признакам. С языковой точки зрения она соответствует распространению диалекта *h* — *ç* с незначительными ареалами диалектов *h* и *з* — *ç*. Юго-западная область, выделенная мной по антропологическим и этнографическим признакам, в общих чертах совпадает с областью распространения диалектов *h* — *ç* и *ç*, причем южный район, выделенный по этнографическим признакам, и район *а*, по признакам антропологическим, дают совпадение с распространением диалекта *h* — *ç*, а северный этнографический район и антропологическая подобласть *б* с диалектом *ç*. Территориально совпадающие выделенные мной по антропологическим и этнографическим признакам северо-западные области совпадают с распространением диалектов *з* — *ç*, *h* — *ç*, причем распространению диалекта *h* — *ç* во многом соответствует антропологический район *а* и этнографический восточный район.

Линии, разграничивающие морфологические различия в языке башкир, также в известной мере совпадают с границами распространения некоторых особенностей в физическом типе и в быте башкир.

При более или менее четком единстве башкирской народности представляется возможным выделение ряда местных особенностей. Последние явились результатом отчасти влияния географической среды, а главное, результатом взаимосвязей башкир с соседними племенами и народностями.

Особо можно выделить восточную, зауральскую, — степную область, центральную — горно-лесную, юго-западную — лесостепную и северо-западную — преимущественно лесную.

На востоке и юго-востоке ярче всего выступают связи с восточными кочевыми народностями, в горно-лесной области, по-видимому, больше, чем в других областях, могут быть прослежены древние национальные башкирские черты, на северо-западе четко прослеживаются связи, с одной стороны, с угорским, а с другой — с западнотюркским (преимущественно татарским) культурным миром.

Суммируя все то немногое, что дает нам антропология, археология, история, этнография и лингвистика, в качестве рабочей гипотезы для дальнейших углуб-

ленных исследований сложения башкирского народа вкратце можно формулировать следующие положения.

Территория Башкирии во II тысячелетии до н. э. была населена племенами европеоидного типа. Однако уже в самом начале I тысячелетия, не позднее VIII в. до н. э., сюда с востока проникали племена монголоидные, которые уже в VII в. до н. э. являлись одним из существенных компонентов в физическом типе населения Башкирии и Прикамья. Монголоидные черты этих племен, однако, не были особенно ярко выражены и представлены в смягченном виде, возможно, в результате смешения с аборигенными племенами европеоидного физического типа.

Язык, на котором в это время говорило большинство населения Башкирии, был уже, по всей вероятности, древний башкирский, ассимилировавший неизвестные нам пока местные языки, особенности которых могут быть выяснены только путем углубленного сравнительно-лингвистического изучения башкирского языка и языка соседних народностей.

Гипотеза об угорском (финском) происхождении башкир, как мне кажется, неприемлема ни с антропологической, ни с лингвистической точки зрения. Можно говорить только о примеси угорских элементов среди части северных башкирских родов.

Этнически я считаю допустимым связывать древних башкир с тиссагетами Геродота для северо-западной территории Башкирии и с савроматами и иирками для южной и восточной территории. Однако только с первых веков I тысячелетия н. э. можно рассматривать башкир как единую группу племен с бытом, обусловленным в какой-то мере кочевническим скотоводством в сочетании с охотой в степной полосе, в горной же и в лесной полосе с преобладанием занятий охотой, пчеловодством, в известной мере земледелием в сочетании с оседлым скотоводством.

Сложное историческое прошлое башкир, особенно со времени так называемого Великого переселения народов, не могло не отразиться в какой-то мере как на их физическом типе, так и на языке и быте. Однако ни контакт с северными финноугорскими племенами, ни проникновение на территорию Башкирии гуннских, позднее татаро-монгольских, казахских племен, ни взаимосвязи с калмыками и, наконец, позднейшее проникновение с запада таких народностей, как казанские татары и мишари, коренным образом не изменили ни физического типа, ни языка, ни быта башкир.

Несмотря на наличие диалектов, местных говоров, характерных для различных, вошедших в состав башкирской народности племен, над этими диалектами, как писал И. В. Сталин, должен был превалировать, подчинить себе единый и общий язык народности[321]. Без этого башкиры не могли бы существовать как народность. Язык башкир обогащался словарным фондом, в основном сохраняя с давних пор уже установившийся свой грамматический строй.

На большей части занимаемой башкирами территории мало подвергся изменениям и их физический тип. До Великой Октябрьской революции у них в значительной мере сохранялись древние формы материальной культуры и общественного и семейного быта. Тем не менее сложные взаимосвязи башкир с иноплеменными народами не могли не оставить своего следа в процессе сложения башкирского народа и не могли не отразиться в местных особенностях, которые нами отмечены выше.

Те связи, которые в историческую эпоху отмечены у башкир с родственными им по языку и культуре народами востока, а отчасти юга, оказали некоторое влияние на физический тип и быт восточных и юго-восточных башкирских ро-

[321] *Сталин И. В.* Относительно марксизма в языкознании. М., 1950. С. 10.

дов. Однако они существенно не повлияли на сложение этого народа в целом. Влияния с севера, со стороны угорских племен, как уже неоднократно отмечалось, были поверхностными и несущественными в связи с более высоким культурным уровнем башкир по сравнению с их северными соседями. Наиболее существенным оказалось влияние с запада на физический тип, язык и быт башкир, со стороны преимущественно тюркоязычных и нетюркоязычных народов Поволжья, в первую очередь казанских татар, так ярко выраженное у башкир северо-западной части занятой ими территории. Позднейшее, с конца XVIII — начала XIX в., прогрессивное влияние русских и русской культуры существенно сказалось на материальной и духовной культуре башкир, с особенной же силой оно проявилось только после Великой Октябрьской революции, с вхождением башкир в братскую семью народов Союза Советских Социалистических Республик.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции в центре Башкирии, в Уфе, 26 октября (8 ноября) 1917 г. под руководством Уфимского комитета большевиков была установлена советская власть. Однако прошло почти два года в ожесточенной борьбе рабочих и всего трудового населения Башкирии против врагов пролетарской революции, в частности против местных буржуазных националистов, прежде чем на территории Башкирии прочно утвердилась советская власть.

23 марта 1919 г. был опубликован декрет ВЦИК, подписанный 20 марта В. И. Лениным и И. В. Сталиным об образовании в составе Российской Федерации Башкирской АССР в пределах Малой, т. е. юго-западной, Башкирии с центром в Стерлитамаке.

Декретом ВЦИК от 14 июля 1922 г. была образована, путем расширения границ Малой Башкирии, Башкирская АССР с перенесением центра республики из Стерлитамака в Уфу.

Образование Башкирской АССР явилось величайшим событием в жизни башкирского народа. Впервые за всю свою многовековую историю башкиры получили право на создание своего национального государства, во главе которого стали лучшие представители трудового народа, государства, где нет места для эксплуатации и угнетения.

За годы довоенных пятилеток под руководством КПСС Башкирия, в прошлом отсталая полуколониальная окраина царской России, превратилась в цветущую индустриально-аграрную республику. Выращены кадры квалифицированных рабочих и технической интеллигенции из башкир. За годы советской власти коренным образом изменилось и деревенское население.

С современным бытом башкир, о котором будет речь ниже, я имел возможность ознакомиться во время экспедиции 1952 г. Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР в районах: Дюртюлинском (елдятцы), Кармыскалинском (калчир-табынцы), Стерлибашевском (тельтим-юрматынцы), Федоровском (бурзяне), Макаровском (юрматынцы), Бурзянском (гирей-кипчаки), Белорецком (инзер-катайцы), Учалинском (кубеляк-телевцы), Абзелиловском (тамь-

ян-тангауръцы и бурзяне), Баймакском (бурзяне), Матраевском (тангауръцы), Зианчуринском (усерган е), Кугарчинском (кара-кипчаки), Юмагузинском (бушман-кипчаки) и Мелеузовском (бурзяне).

Под влиянием передовой советской агрономической науки и богатого опыта передовых колхозов и совхозов сельское хозяйство, основное занятие большинства башкирского народа, претерпело значительные изменения.

Как мы видели, до революции сельское хозяйство у башкир велось с использованием примитивной техники. Господствовал трехпольный севооборот и залежная система полеводства. Хозяйство было мало производительным.

За годы довоенных пятилеток проведена социалистическая реконструкция сельского хозяйства.

Постановлением правительства земли в настоящее время закреплены за колхозами по актам на вечное пользование. Организация первых колхозов в Башкирии относится к 1920—1922 гг., а с 1929 г. колхозное движение в Башкирии начало перерастать в сплошную коллективизацию. Образование крупных социалистических хозяйств с большими земельными массивами расширяло возможности применения сложных сельскохозяйственных машин и частичного введения травопольной системы земледелия.

Огромную роль в переустройстве сельского хозяйства башкир сыграли машинно-тракторные станции.

До революции сельское хозяйство имело узкозерновое направление. Башкиры только на северо-западе сеяли коноплю и лен и притом на очень небольших площадях.

В настоящее время в Башкирии успешно вводятся и осваиваются полевые и кормовые севообороты. Успешно осваивается также правильная система обработки и удобрения почвы. Расширяется семеноводство и повышается агротехника.

Со строительством оросительных систем и созданием полезащитных лесных полос в степных районах посевы получат надежную защиту от губительного влияния суховеев.

Природа Башкирии, как мы видели, весьма разнообразна. В зависимости от местности существенно варьирует рельеф, почвенный покров, климатические и особенно микроклиматические условия. Поэтому при одной и той же системе земледелия севообороты и порядок чередования культур в этих севооборотах могут быть различными. Наиболее распространенным в настоящее время в башкирских колхозах является севооборот со следующим чередованием культур: 1) пшеница по пласту (по целине), 2) пшеница по обороту пласта, 3) пшеница по третьему пласту или ячмень, 4) пар, 5) рожь, 6) пшеница с подсевом многолетних трав (люцерны), 7) травы (люцерна+злак).

В ряде колхозов с исключительным преобладанием посевов зерновых горох, подсолнух и просо сеются на особых полях, не входящих в принятый для основного пахотного массива севооборот.

Все основные процессы полеводческого хозяйства в огромном большинстве башкирских колхозов осуществляются при помощи машинно-тракторных станций.

Вспашка полей и бороньба производятся тракторами (рис. 288), при помощи тракторов сеют (рис. 289) все культуры и гребут сено.

В некоторых колхозах, там, где еще сохранились небольшие разбросанные участки пашни, или там, где в хлебе много сорняков, его убирают конными жнейками и лобогрейками-самосбросками. Убирают и молотят зерновые комбайнами (рис. 290). Кое-где сохранились конные косилки и грабли.

Веют зерно преимущественно ручными веялками, подсевают на ручных решетах.

В некоторых башкирских колхозах, особенно в степном Зауралье, успешно применяется поливное хозяйство, правда пока в ограниченных размерах.

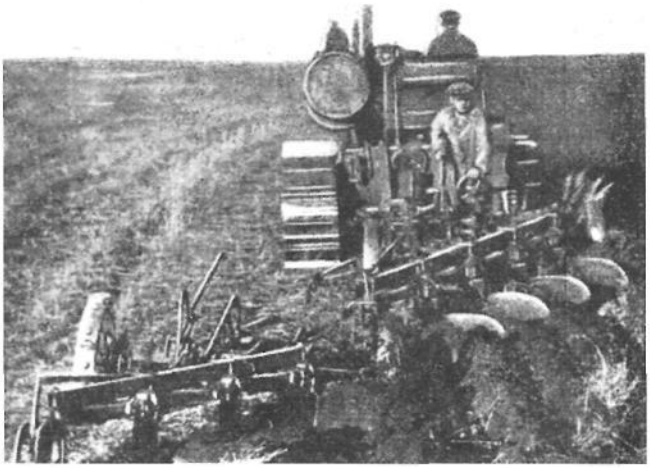


Рис. 288. Подъем пара с предплужником. Давлекановский район

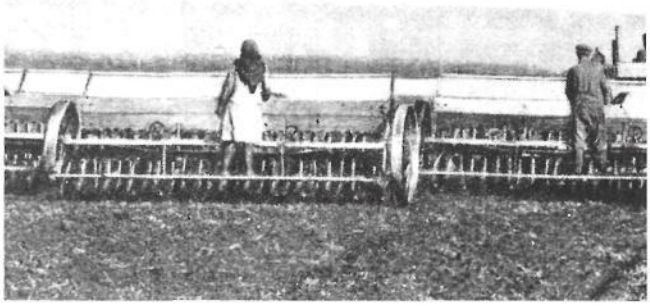


Рис. 289. Сев озимых. Давлекановский район

Рис. 290. Уборка ржи самоходным комбайном. Давлекановский район

Башкирские колхозы, вооруженные самой передовой техникой, располагающие сортовыми высокоурожайными семенами, полностью овладевают культурным земледелием.

Огородничество в коллективных башкирских хозяйствах играет второстепенную роль. Обычно под общественный огород отводится несколько десятков гектаров, на которых садят картофель, капусту, огурцы, лук и другие овощи. Местами выращивается свекла и бахчевые культуры. Напротив, в индивидуальных хозяйствах колхозников огородничество получило широкое развитие.

Если в дореволюционное время башкиры далеко не везде сажали даже картофель, то в настоящее время нет ни одного хозяйства колхозника без огорода и без посадки картофеля в первую очередь. В прежние времена, на что обращалось внимание выше, в главе о жилищах, для башкирской деревни были характерны обширные по площади скотные приусадебные дворы. В настоящее время при ограниченности скота в личном хозяйстве колхозника надобность в этих скотных дворах миновала и все они используются под огороды и главным образом под посадку картофеля. Тучная почва этих дворов оказалась исключительно благоприятной для огородничества.

В горных районах вследствие суровых климатических условий башкиры-колхозники в огородах сажают почти исключительно картофель. На территории остальной Башкирии колхозники на своих приусадебных участках, помимо картофеля, сажают огурцы, капусту, лук, морковь, местами свеклу столовую и даже сахарную.

Садоводство, которым башкиры в прежнее время совсем не занимались, в последние годы, особенно на северо-западе Башкирии и отчасти в Зауралье, приобретает значительное развитие, особенно в колхозных хозяйствах.

Важнейшей отраслью современного башкирского сельского хозяйства является также животноводство. Наличие богатой кормовой базы, больших земельных площадей для использования их для выгона, развивающееся травосеяние и возделывание корнеплодов — все это создает исключительно благоприятные условия для широ-

кого развития животноводства. Башкирское социалистическое животноводство за годы довоенных пятилеток поднялось на более высокую ступень как по росту поголовья скота, так и по подъему его продуктивности.

Отмечу наиболее характерные изменения, которые произошли в советское время в животноводстве башкир.

Башкирские лошади местной породы издревле славились выносливостью и стойкостью. Кобылы отличались молочностью. В северных районах Башкирии была распространена укрупненная порода лошадей упряжного склада (рис. 291), в южных районах — степная, верхового склада, в горных — верхового вьючного склада. Все эти разновидности сохранились и в настоящее время, но в значительной мере улучшились в южных районах верховыми породами (донской, рис. 292; англо-донской, буденновской и др.), а в северных — упряжными (русскими рысаками, рис. 293, и русско-американскими тяжеловозами). В горно-лесных районах, где лошадь используется главным образом на лесоразработках, улучшение местной лошади производится «в себе», т. е. без скрещивания с другими породами, а отбором лучших производителей данной породы, подбором пар для спаривания и направленным воспитанием потомства.

Весьма существенные изменения произошли также в содержании и в воспитании лошадей.

В огромном большинстве башкирских колхозов на коневодческих фермах содержатся хозяйственные, рабочие лошади. Все эти лошади обеспечиваются благоустроенными утепленными колхозными конюшнями и кормом на круглый год. Между тем, в степных районах, на юго-востоке Башкирии, во многих колхозах имеется табунное коневодство, существенно отличающееся от ранее практиковавшегося у башкир.

Зимняя пастьба лошадей уменьшает потребность в грубых кормах, сокращает затраты на строительство помещений и вместе с тем позволяет выращивать здоровых и выносливых животных. Наличие в юго-восточных и зауральских башкирских колхозах обширных площадей, богатых травами, и защищенных от холодных ветров пастбищ, пригодных для зимней

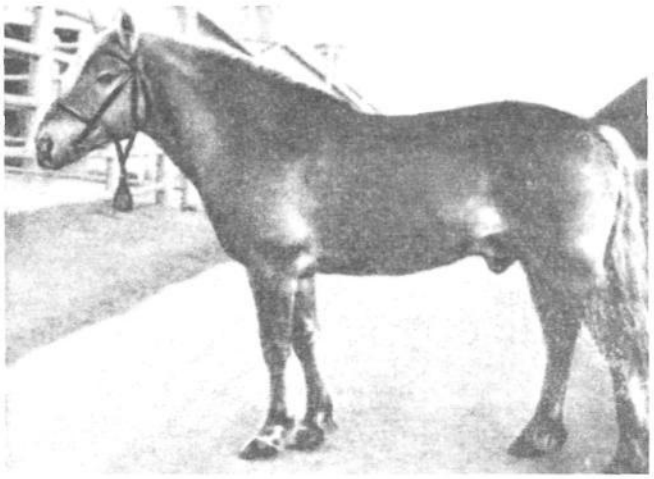


Рис. 291. Жеребец-производитель башкирской породы

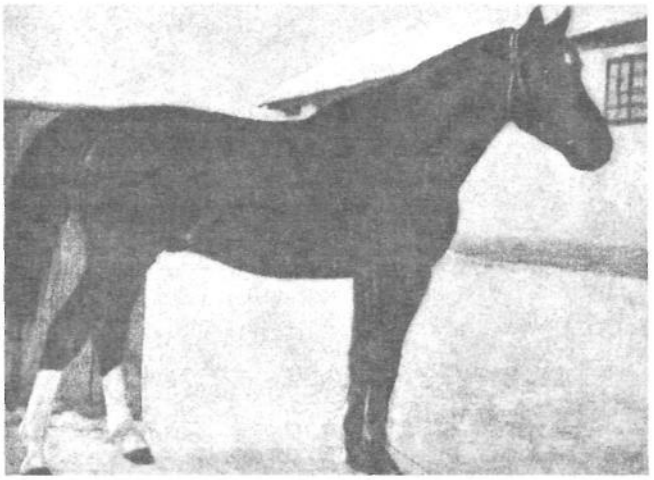


Рис. 292. Жеребец-производитель донской породы

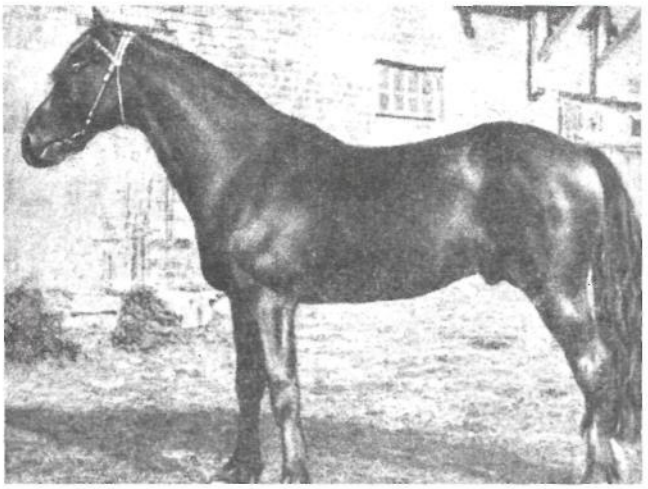


Рис. 293. Жеребец-производитель рысистой породы

пастьбы лошадей, позволило использовать тебеневку и в современном социалистическом животноводстве.

В башкирских колхозах (Учалинский, Абзелиловский, Зианчуринский районы) лошади при табунно-косячном их содержании разбиваются на косяки по 50 кобылиц в косяке при одном жеребце. В одних колхозах косяки пасутся в значительном удалении от пахотных земель, в других — на смежных с ними участках. На конефермах создается естественный, если можно так выразиться, травяной конвейер, обеспечивающий лошадей хорошим пастбищным кормом в течение всего года. При выборе таких участков принимаются во внимание особенности рельефа, растительности и микроклимата. Для зимнего времени выбираются такие участки, где горы защищают их от господствующих в данный сезон ветров. В одних колхозах таких участков имеется до десятка и более, в других лошади находятся в непрерывном передвижении на одной и той же достаточно обширной территории.

В апреле из общего табуна выделяется весь молодняк. В нем остаются только кобылицы с жеребцами и жеребята в возрасте до одного года.

Разбивая кобылиц на косяки, следят за тем, чтобы они были однородные по типу, с учетом племенных качеств жеребцов-производителей.

Раняя выжеребевка производится только в утепленных помещениях, в теплое же время кобылицы жеребятся на пастбище. На июнь и июль из косяков отбираются по 35—40 высокомолочных конематок. Матку на дойку ставят лишь тогда, когда жеребенку минует 2—3 месяца. На время дойки (на 6 часов) жеребята отделяются от матки и содержатся на особых огороженных участках, местами в крытых пригонах. Подкармливаются жеребята свежескошенной травой, овсяной соломой с мукой или отрубями. Остальное время жеребята пасутся с матками.

В некоторых колхозах дойных кобылиц разбивают на две равные по числу группы и доят их попеременно по пять дней каждую. Доят 5—6 раз в день. В конце июля доение кобылиц для приготовления кумыса прекращается и они возвращаются в свои косяки. Осенью, с наступлением холода, жеребята в возрасте 6—7 месяцев отнимаются от маток и вместе с недостаточно упитанными или больными взрослыми животными остаются зимовать на ферме и содержатся в хорошо оборудованных и утепленных конюшнях. С рабочими лошадьми они не смешиваются, и последние на зиму распределяются по бригадам.

Все косяки осенью соединяются в общий табун (рис. 294), в который входят также излишние рабочие лошади. Второй табун составляет молодняк в возрасте до 4—5 лет.

По истечении четырех лет молодых жеребцов кастрируют и, если они сильны, пускают в работу, слабые около года отдыхают в общем табуне.

При небольших буранах тебенюющие табуны скрываются под защитой гор, в сильные бураны они пригоняются на конефермы или в деревни. В некоторых колхозах на этот случай в степи устраиваются специальные затишья, где хранятся запасы страхового сена для подкормки лошадей. При конефермах имеются страховые запасы сена для подкорма табунов и на случай гололедицы.

Жеребцы-производители с конца сентября и до весны содержатся в конюшнях, и табуны пасутся под наблюдением пастухов. Количество пастухов в различное время года бывает не одно и то же. В летнее время при каждом косяке имеется по два пастуха, пасущих посменно. При больших табунах (порядка 500 голов лошадей) пастухов обычно бывает восемь человек, пасущих в две смены по четыре человека при одном старшем пастухе.

Освоение системы травопольных севооборотов, укрепляя кормовую базу и значительно увеличивая объем заготовок сена, дает возможность колхозам постепенного перехода на более культурное содержание лошадей на зимних пастбищах с обязательной подкормкой животных сеном в ночное время.

Второе место после лошадей в современном башкирском хозяйстве занимает крупный рогатый скот. Особенно большое внимание уделяется повышению продуктивности стада. Хотя и в настоящее время во многих колхозах еще преобладает местная порода коров, тем не менее производители, за редкими исключениями, принадлежат к бестужевской (рис. 295), симментальской или шартгорнской породе. В некоторых колхозах уже все поголовье крупного рогатого скота улучшенной породы, заведены книги учета маток, клеймения телят. Порода коров улучшается не только на колхозных фермах, но и у колхозников, имеющих, в зависимости от района, от одной до трех коров в каждом хозяйстве.

Рис. 294. Табунщик

Крупный рогатый скот на время пастьбы разбивается на два стада: дойные коровы и молодняк. Отдельно пасутся и телята, которых подпускают к коровам только во время дойки. Доят коров три раза в день.

Зимой весь крупный рогатый скот находится на стойловом содержании (рис. 297–299), причем для него заготовляются силосные корма. Матки покрываются на четвертом году.

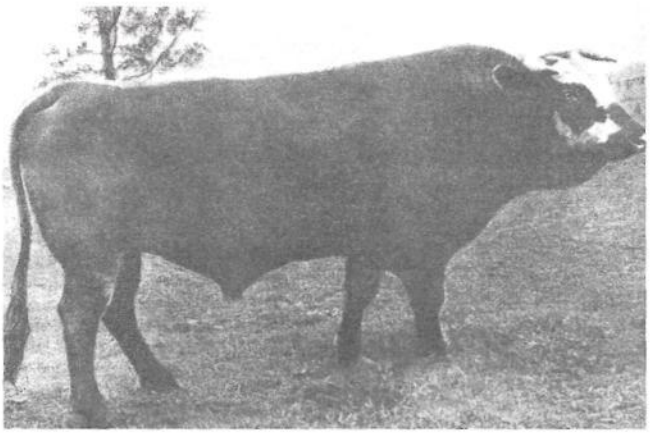


Рис. 295. Бык-производитель бестужевской породы

Некоторые молочные фермы сдают молоко на маслозаводы, а обрат используется колхозом в качестве пойла. Большинство ферм сдают маслозаводам сливки. Сепараторами обеспечены не только молочные фермы, они имеются почти в каждом хозяйстве башкира-колхозника.

Весьма значительно у башкир поголовье овец, примерно в два раза превышающее поголовье крупного рогатого скота. Состав овечьих стад как во всех башкирских колхозах, так и находящихся в личной собственности колхозников не один и тот же.

В настоящее время нет ни одного башкирского колхоза, в котором разводилась бы овца только местной слабожирнохвостой породы, и повсюду наблюдается постепенный переход к содержанию исключительно тонкорунных овец. У части колхозов (Белорецкий, Абзелиловский, Баймакский, Кугарчинский, Макаровский районы и др.) половина овец — местной породы и половина — тонкорунных. В одних колхозах (Абзелиловский район) имеются овцы местной породы, тонкорунные и метисы, в других — только метисы, в третьих (Юмагузинский, Баймакский районы и др.) — тонкорунные и метисы. Гурт жирнохвостых, курдючных, овец, приобретенных у казахов, мне пришлось видеть только в одном зауральском колхозе (Абзелиловский район).

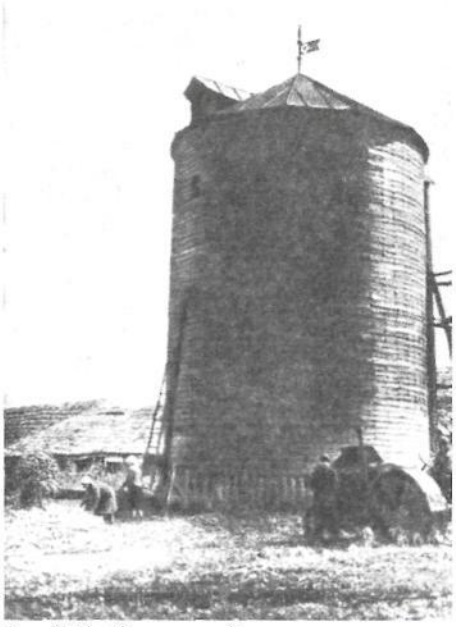


Рис. 296. Силосная башня. Архангельский район

Рис. 297. Колхозный коровник. Абзелиловский район

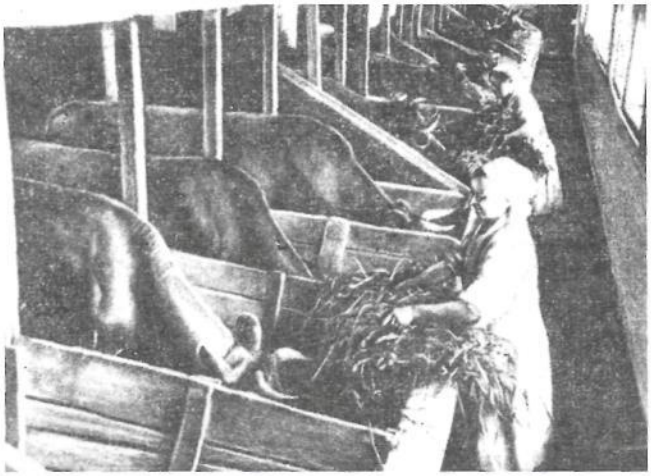


Рис. 298. Подкормка скота в жаркое время дня

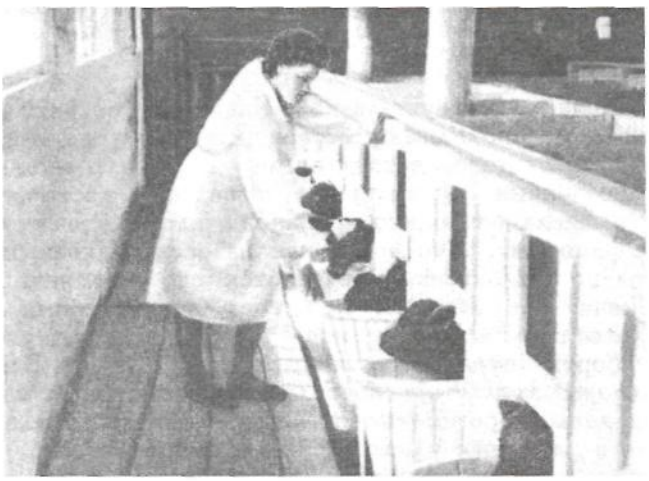


Рис. 299. Колхозный телятник

В качестве производителей преобладают мериносы (местный меринос, сибирский меринос, прекос, рис. 300), реже встречаются кавказские рамбулье.

Овцы местной породы и тонкорунные содержатся отдельно, причем тонкорунные в утепленных помещениях и на лучших кормах.

Покрываются овцы в июне, ягнятся один раз. Кастрируются в возрасте 2—3 месяцев.

Овцы местной башкирской породы и метисы стригутся два раза в году (весной и осенью), чистокровные же один раз в году (весной).

Козы, как и овцы, в хозяйстве башкир-колхозников встречаются повсеместно. Стада коз имеются в большинстве колхозов, некоторые же их не разводят и держат только по 4—5 коз в качестве вожаков овечьих гуртов.

Одни колхозы разводят коз простых, местной породы, и метисов, другие — метисов и пуховых коз, в третьих разводят коз только пуховых (придонской породы). Простые и пуховые козы летом пасутся вместе, зимой же содержатся отдельно, так как пуховые требуют более заботливого ухода.

В некоторых колхозах доят и коз, и овец, причем дойные козы и овцы пасутся в отдельном стаде. Молоко мелкого рогатого скота местами используется для изготовления брынзы.

В настоящее время почти во всех башкирских колхозах имеются свинофермы со свиньями русско-английской и белорусской пород (рис. 301). Свиней в общем разводится немного, а в индивидуальных хозяйствах колхозников они встречаются редко. В этом сказываются еще пережитки влияния ислама.

За редкими исключениями во всех башкирских колхозах имеются птицефермы (рис. 302), причем разводят кур и гусей (уток видеть мне не приходилось). На всех птицефермах гусыни и на огромном большинстве птицеферм куры-наседки высиживают гусят и цыплят. Имеются также колхозы, где на птицефермах все куры целиком выращены из цыплят, полученных из инкубаторов. Следует отметить, что колхозное птицеводство, как и скотоводство, весьма благоприятно отразилось на ку-

роводстве в индивидуальных хозяйствах колхозников. Теперь повсюду башкиры разводят кур крупных и носких — леггорны или улучшенной местной породы.

Пчеловодство, которое издревле играло существенную роль в хозяйстве башкир, не утратило своего значения и в настоящее время. Напротив, оно распространилось на юго-восточные степные районы, где прежде редкие из башкир занимались пчеловодством. В современном башкирском пчеловодстве наблюдаются существенные отличия между социалистическим колхозным пчеловодством и пчеловодством отдельных колхозников. Большинство колхозников занимается пчеловодством по старинке. В горно-лесной Башкирии сохранились еще борти (*солок*), которые продолжают оставаться собственностью отдельных лиц, независимо от того, находятся ли они в колхозном лесу или в лесах государственных, находящихся в ведении лесхозов. Кроме того, у большого числа башкир-колхозников пчелы содержатся в ульях-колодах, а не в рамочных, в то время как на всех колхозных пасеках ульи исключительно рамочные. Объясняется это тем, что башкиры в прежние времена, как и ныне, на своих приусадебных участках в течение круглого года содержат пчел в ульях-колодах, утепленных на зиму, как и борти, пучками травы, веток и лубом. Башкирская желтая пчела (*нары корт*) приспособлена к суровым климатическим условиям края и легко перезимовывает в таких бортях и колодах. При содержании пчел в рамочных ульях необходимо иметь хорошие зимники-омшаники, устройство которых затруднительно для отдельных колхозников.

Кроме желтой горно-лесной башкирской пчелы, в центральной и северо-западной Башкирии распространена пчела другого вида, крупная черная (*кара корт*). Эта пчела не приспособлена к зимованию в колодах, для нее и в дореволюционное время устраивались омшаники. Поэтому на северо-западе и у отдельных колхозников нередко встречаются пасеки исключительно с рамочными ульями (рис. 303).

Еще не так давно общая установка в пчеловодческом хозяйстве Башкирии была на цветение липы. Однако липа не каждый год дает нектар, следовательно, не ежегодно обеспечивает сбор меда. По-

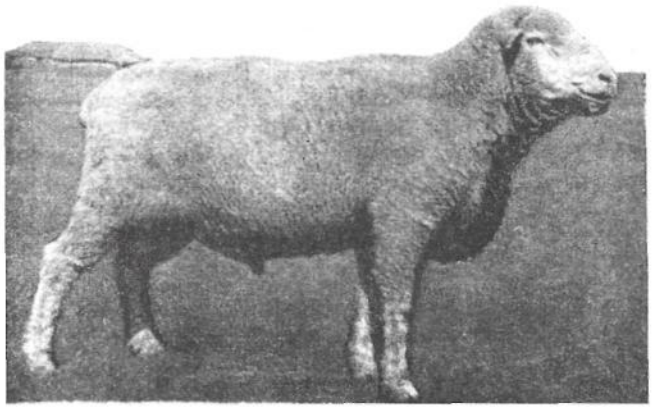


Рис. 300. Баран-производитель породы прекос

Рис. 301. Свиноводка. Аургазинский район

Рис. 302. Колхозная птицеводческая ферма. Иглинский район

Рис. 303. Колхозная пасека. Архангельский район

этому часть колхозов, помимо посева гречихи и клевера, начала посевы донника, фацелии и других медоносов.

При низкой технике, несмотря на обилие богатой и разнообразной медофлоры, колодное пчеловодство в прошлом не давало высокого и устойчивого медосбора в хозяйстве. С организацией и укреплением колхозного пчеловодства у башкир происходит постепенное вытеснение старых методов пчеловодства, широко применяется искусственное роение и ускоренное размножение. Новая для башкир техника пчеловодства значительно повысила продуктивность пчелосемей.

Социалистическая система дала современному хозяйству башкир богатейшие возможности развития. Особенность современного башкирского социалистического хозяйства состоит в том, что оно, во-первых, качественно коренным образом отличается от старого малопродуктивного экстенсивного хозяйства и, во-вторых, оно стало многосторонним. В большинстве башкирских колхозов правильно сочетаются все отрасли хозяйства: полеводство, животноводство, птицеводство, пчеловодство, овощеводство и подсобные предприятия. Кузницы и ремонтные группы имеются в каждом колхозе. Во многих колхозах имеются мельницы, лесопилки, реже кирпичные заводы.

Рыболовство и особенно охота, игравшие в древности столь важную роль в экономике башкир, в настоящее время утратили свое значение. Рыболовецкие артели весьма немногочисленны.

Рыбу по-прежнему в более или менее значительном количестве башкиры ловят в р. Белой и в многочисленных ее старицах, а также на зауральских озерах.

В колхозах рыбпром организует специальные рыболовецкие артели, которые он снабжает всеми орудиями лова, сообразно потребностям артелей и особенностям рыболовных угодий. Основной рыболовной снастью является, как и в прежние времена, невод различных размеров, от 200 до 500 м длиной. В реках ловят рыбу плавными сетями с ботанием в малую воду. Ставные сети как прежде, так и теперь устанавливаются в курьях и затонах (затишье) рек, главным же образом в озерах. Повсюду распространен лов рыбы вителями — сеткой на трех обручах с одним крылом при входе в снасть.

В пойме р. Белой в вешнюю воду, как и в старину, городьбой отделяют старицы от реки и по спаду воды вылавливают зашедшую в них во время разлива реки рыбу.

В зимнее время производится подледный лов рыбы в глубоких затонах р. Белой, а местами и в озерах. При подледном лове рыбу обычно предварительно подкармливают, для чего дня за два до неводьбы в проруби бросают отруби, муку или полову, иногда обваренный кипятком овес. На эту

приманку идет мелкая рыба, а за ней и крупная, которая в значительном количестве и собирается на данном участке затона.

В настоящее время не ставят ни переметов, ни пашковых снастей. Не лучат также рыбу с козой и острогой.

Ловят главным образом судака, леща, линя, щуку, язя; в озерах — окуня, чебака, карася. Запрещено ловить стерлядь, осетра, белорыбицу и белугу, которые из Каспийского моря заходят метать икру в реки Белую и Уфу.

С сооружением колхозных гидроэлектростанций образовалось много искусственных водоемов; местами мелкие озера с подпором воды плотинами превратились в крупные озера. В таких озерах искусственно разводят карпа и сига. В частности, не так давно в озеро Банное за Уралом пустили мальков сигов, они хорошо плодятся и достигли уже трех килограммов веса; их еще не вылавливают.

Отдельные колхозники ловят рыбу удочкой, главным образом зимой, в прорубях, ставят морды, местами вители. Весной, во время нереста, бьют щук острогой и ловят петлями, так же как и в старину.

Охотой на птиц и промыслом пушного зверя в настоящее время башкиры занимаются мало. Глухаря, тетерева, рябчика и уток стреляют из ружья. Лисиц и зайцев ловят главным образом железными тарелочными капканами. Изредка в капканы попадает и выдра. Местами в горно-лесных районах (Макаровский, Белорецкий, Юмагузинский) за последнее время расплодилось много куниц, которых промышляют с ружьем и собакой. С собаками из породы борзых (*тазы*) еще и теперь охотятся (Абзелиловский и Баймакский районы) на лисиц и зайцев. Норку ловят с собаками и плашками, а горностаев черканами. В 1936 г. в Белорецком и Бурзянском районах была выпущена американская норка, которая размножилась и распространилась по местным рекам. С 1948 г. ее начали ловить (Бурзянский район) особыми плашками корытообразной формы, в которые зверек попадается живьем, без повреждения. Пойманные животные запускаются для разведения в соседние горно-лесные районы. В некоторых колхозах имеются зверофермы, в которых с успехом разводятся чернобурые лисицы.

В горно-лесных районах Башкирии, там где природные условия неблагоприятны для хлебопашества и для занятия животноводством, башкиры по-прежнему в крупных размерах занимаются лесным промыслом, но теперь организованно и на новых коллективных началах. В горно-лесных деревнях башкиры (Макаровский, Белорецкий, Бурзянский и другие районы), как правило, владеют ограниченными земельными участками, приусадебными землями по 15 сотых га для огорода (для посадки картофеля) и пастбищными землями для выпаса лично им принадлежащего скота. Население таких деревень объединено в деревообделочные промартели, которым лесхоз ежегодно выделяет определенный участок леса под вырубку. Прямые бревна с вырубленных участков идут на постройки, неровные — на всевозможные поделки, остатки — на дрова.

Большинство промартелей имеет свои лесопилки и мастерские, в которых изготовляются, в зависимости от годового плана, различные изделия: колеса, полозья для саней, дуги, лыжи, всевозможная мебель (столы, стулья, школьные парты, тумбочки, табуретки, классные доски и т. п.). Основное внимание уделяется заготовке мочалы и изготовлению из нее кулей, рогож, попон и веревок.

Снятую с деревьев липовую кору замачивают в июне и через два месяца снимают с нее мочало. Оставшаяся полубина идет на покрытие крыш домов и надворных построек.

Промартели, близко расположенные к железоплавильным заводам, плетут из прутьев коробы для перевозки угля. Часть промартелей гонит смолу и сидит деготь.

Подсобным промыслом башкир в указанных районах является сбор липового цвета, хмеля, ягод черемухи, семян акации и, как дубильного вещества, ивовой коры.

В юго-западных районах Башкирии имеются артели, изготовляющие вязанные из козьего пуха шали.

Ни ткачеством, ни сапожным делом, ни изготовлением кожаной посуды башкиры в настоящее время не занимаются.

Весьма существенное изменение за годы советской власти произошло в обработке металлов. Если в конце XIX — начале XX в. в башкирских деревнях кузницы встречались редко, причем в них выполнялись самые примитивные работы, то в настоящее время повсюду можно встретить хорошо оборудованные механические мастерские с кузнечным, слесарным и токарным цехами.

За годы довоенных пятилеток широкий размах в ряде районов, а особенно на севере Башкирии, получило строительство сельских и межколхозных электростанций, гидро- и теплостанций на местном топливе, электроэнергия которых используется не только для освещения жилищ и работы машинно-тракторных станций, но и для электрификации молотильных токов, зерноочистки и ряда колхозных подсобных производств. В животноводстве местами вводится электродойка, автопоение и электрострижка овец. С электроэнергией башкирская колхозная деревня получила кино и радио. В сельских больницах вводится электролечение.

Способы приготовления пищи и национальные кушанья в башкирской деревне не претерпели за последнее десятилетие сколько-нибудь существенных изменений. Сохранилось традиционное кушанье *бишбармак*. Везде там же, где это было и в начале XX в., в значительных количествах заготовляется *корот*, в качестве напитков в лесных местностях — *асы бал*, в степных — *буза*. Весьма существенно увеличилось только потребление хлеба и сахара. В былые времена у башкир было мало русских печей и, за исключением северо-западной Башкирии, хлеб либо выпекался плохо, либо совсем не выпекался и вместо него пекли в золе пресные лепешки. Сахар, да и то в качестве лакомства с чаем вприкусу, был доступен только богатым семьям. В настоящее время хлеб и притом хорошо выпеченный сделался одним из основных продуктов питания каждой башкирской семьи. Равным образом и сахар имеет каждая семья колхозника, и не как лакомство, а как один из продуктов питания.

Вместе с развитием огородничества картофель и другие овощи прочно вошли в меню башкирского населения республики, сделав его стол разнообразнее, питательнее и здоровее.

Особо следует отметить существенные изменения в хозяйственной посуде. Вместо широко распространенной в прежние времена кожаной и деревянной посуды в настоящее время повсюду в домашний обиход вошла гигиеническая стеклянная и фарфоровая посуда, эмалированные и алюминиевые кастрюли и т. п.

Вместе с ликвидацией кочевок исчезли постройки временного типа. Жилые постройки в деревнях башкир в основном остались теми же, хотя внешний облик башкирской деревни существенно изменился.

Если жилые постройки в башкирских деревнях остались такими же, какими они были в первой четверти XX в., то новыми, необычными для старой башкирской деревни, являются капитальные постройки общественных зданий: школы, больницы, детские дома, интернаты, здания детских яслей, сельских советов, правлений колхозов, клубов, магазинов сельских потребительских обществ.

К деревням примыкают большие, нового типа постройки скотоводческих ферм (рис. 297), зернохранилищ и различных колхозных подсобных предприятий, которых в дореволюционное время не было в башкирских деревнях.

Если в своей архитектуре жилые постройки башкир-крестьян изменились мало, хотя вновь строящиеся дома выглядят аккуратнее, то весьма существенные изменения произошли в их внутреннем устройстве и убранстве.

В незначительной части домов, там, где живут одни старики, по-прежнему сохранились нары, на которых принимают пищу и спят. Нары, как и в былые времена, покрыты кошмами и паласами, у одной из стенок на них лежит гора на-

шитых на войлок паласов (у горно-лесных башкир вышедшие уже из употребления узорные потники от женских седел), перин и подушек. Занавесок (*шаршау*), отделяющих женскую половину жилища от мужской, уже нет и в этих домах. Чувалов не сохранилось нигде. Даже в жилищах стариков можно видеть только комбинированные печи с очагом и вмазанным под последним чугунным котлом (*казан*).

Обращает на себя внимание чистота в жилищах, которая свидетельствует о повышении культурного уровня и старшего поколения.

Для настоящего времени не характерно былое деление башкирского жилища на две половины или комнаты: *аш өйө* и *кунак өйө*. В современном башкирском жилище чаще встречается деление на две половины — для стариков и для молодого взрослого поколения. Если в стариковской половине, за незначительными изменениями, все осталось по старинке, то вторая убрана по-новому, по-городски. В ней нет нар, их заменили кровати, столы и стулья. На столах вместо домотканых *ашъяулык* лежат клеенки или скатерти фабричного производства. Былые *шаршау*, домотканые или ситцевые, использованы для драпировки стен у кроватей или для пологов над кроватями по образцу русских крестьян. На кроватях ватные одеяла, часто с верхом из разноцветных лоскутов ситца — такие же, как у русских.

В таких комнатах встречаются туалетные столики с зеркалами и будильником. На стенах в рамах портреты вождей и в первую очередь Ленина и Сталина, а под стеклом многочисленные фотографии родных и знакомых, открытки с цветными изображениями, вырезки иллюстраций из журналов и газет, полочки с книгами. На окнах белые занавески, иногда с кружевами, реже тюлевые, и цветы.

Точно такое же убранство в жилищах молодежи, выросшей в советское время. В них не увидите медного тульского самовара с набором маленьких чашечек для чая, столь характерных для каждой башкирской семьи в прошлом, нет и медных кувшинов — *комган*, их заменили нового типа никелированные самовары и умывальники. Швейная машина и нередко патефон дополняют обстановку их жилища. На новый манер выложена и печь, иногда с плитой, по форме отличающаяся от обычной голландки.

Изменился несколько и характер башкирского двора. Как уже отмечалось выше, задние скотные дворы превращены в огороды, дворы стали меньше и в них сосредоточены все хозяйственные постройки: летняя кухня, помещения для коров, овец и домашней птицы.

Как на одну из особенностей, характерных для современной башкирской деревни, можно указать на распространение палисадников перед домом с уличной стороны, которые в прежние времена, особенно в степных районах, встречались крайне редко. Наконец, следует отметить наличие во многих деревнях электрического освещения, о чем в дореволюционное время башкиры и не мечтали.

В современной башкирской одежде наблюдается то же, что и в убранстве их жилищ, — сохранение старого у старшего поколения и стремление к новому у молодежи. Вместе с коллективизацией и занятием крупным сельским хозяйством домашние ремесла — изготовление сукна, обработка кожи и мехов, шитье одежды и обуви из материалов собственного производства — потеряли былое значение. В настоящее время у башкир одежда и материалы для одежды исключительно фабричного производства. Вышли из употребления нагольные тулупы, чекмени из домашнего сукна, национальная башкирская обувь — *сарык*, *ката* с сукошными голенищами. В продаже давно уже нет коралловых бус и раковин ужовки, употреблявшихся при изготовлении старинных головных уборов и нагрудных украшений. Прекратилось также массовое полукустарное-полуфабричное производство сафьяновых *ситек* — обуви, широко распространенной не только среди татар, но и среди башкир.

Старшее поколение сельского башкирского населения, точнее — старухи и старики, продолжают еще носить одежду старинного типа и покроя, но преимущественно будничную. Праздничная женская одежда и украшения — *баса тун, кама бүрек*, коралловые с монетами нагрудники (*hакал, селтәр, яға*), *укалы елән, сәсмәү, елкәлек* и т. п. — еще имеются, но только в сундуках старух. Одеваются в эти одежды и украшения и носят их только во время танцев и в постановках кружков самодеятельности колхозной молодежи.

Только у северо-восточных зауральских башкир местами еще бытует национальная женская одежда и украшения.

У среднего по возрасту поколения, особенно у женщин, наблюдаются изменения в одежде в сторону некоторого ее упрощения. Так, например, рубахи шьют без *изеү* и вместо четырех *коршау* по подолу нашивается только один. Местами (Абзелиловский район) лет пять-шесть назад появилась новая мода в украшении *камзул*. До этого женские камзолы украшались только полоской узкого позумента и серебряными монетками по борту. В настоящее время, после того как вышли из употребления нагрудники *hакал*, с них сняли монетки и начали в пять-шесть рядов нашивать на камзолах в поясе.

Башкирская молодежь, как мужчины, так и женщины, одеваются преимущественно по-городскому, в костюмы, приобретаемые в готовом виде в промтоварных магазинах или сшитые сообразно современным модам. То же следует сказать и о женских прическах.

Новый строй жизни в сельских местностях не мог не отразиться и на средствах сообщения. За редкими исключениями, в горно-лесной Башкирии верховые тропы заменены проезжими колесными дорогами и повсюду проведена сеть трактов, приспособленных для автомобильного транспорта. Поэтому в быту седла сохранились только в животноводческих районах, преимущественно у пастухов. Многие колхозники имеют собственные велосипеды, а некоторые и мотоциклы. Огромное большинство колхозов имеет свои грузовые автомобили (а некоторые и легковые), которыми обслуживаются нужды не только колхоза, но и отдельных колхозников. В базарный день в любом районном центре Башкирии можно видеть колхозные грузовые машины не только с колхозным товаром, но и с многочисленными посетителями рынка как для продажи собственных продуктов, так и для покупки различных товаров.

Механизированный транспорт прочно вошел в быт населения сельских местностей и башкирского, в частности.

Вся производственная жизнь башкирского крестьянства протекает в полеводческих бригадах или на фермах. Последнее имеет огромное воспитательное значение. В процессе коллективного производства не только повышается квалификация колхозников, но и вырабатывается сознательное социалистическое отношение к труду.

Одним из великих завоеваний советского социалистического строя, порожденных Великой Октябрьской революцией, явилось полное раскрепощение башкирских женщин от социального и духовного угнетения, вовлечение их в управление государством, в строительство коммунистического общества. В связи с пережитками семейно-родовых отношений башкирская женщина должна была скрывать свое лицо не только от свекра и старших братьев мужа, но и вообще от мужчин, она не смела даже называть свекра по имени. Женщина не могла перейти дорогу мужчине, ни одна из них не бывала на базаре. Женщины не могли с посторонними мужчинами принимать пищу за одним столом. Ислам не допускал их в мечеть для совершения общей молитвы. В настоящее время башкирская женщина — равноправная с мужчиной гражданка Советского Союза.

В связи с уходом на время Отечественной войны в советскую армию и в оборонную промышленность наиболее трудоспособной части населения особенно большая работа выпала на долю башкирской, как и других национальностей,

женщины. Женщину можно было видеть и на скотном дворе, и за плугом, за рулем трактора и за штурвалом комбайна. Увеличилась роль женщины в органах управления колхозов. Активному участию женщин в производственной жизни колхозов способствовало и то обстоятельство, что в колхозной деревне появилась широкая сеть детских учреждений — ясли, детские площадки и сады.

Рис. 304. Школьные занятия по физике

В настоящее время в башкирской среде стерлись все грани, отделяющие женщин от мужчин. Женщин-башкирок можно встретить на всех ответственных административных постах — в качестве бригадиров колхозных бригад, заведующих фермами, председателей колхозов и сельсоветов, в административных аппаратах районов и министерств, наконец, в качестве депутатов Верховного Совета.

В область предания отошло то время, когда среди богатых башкир процветало многоженство, когда женщина по смерти мужа обязана была выйти замуж за младшего его брата или другого родственника, нередко несовершеннолетнего, когда девочку 12—13 лет выдавали замуж, часто за старика, с уплатой калыма.

Пали и религиозные преграды; башкиры теперь свободно заключают браки с русскими и с представителями других национальностей в городе и в деревне.

На время полевых работ во многих башкирских деревнях функционируют детские ясли. Почти во всех крупных селениях имеются детские дома, в которых воспитываются сироты, оставшиеся после второй мировой войны. Осуществляется всеобщее обязательное обучение (рис. 304), многие по окончании средней школы обучаются в высших учебных заведениях (рис. 305). Для детей школьного возраста, приходящих из ближайших к селению со школой деревень, оборудованы интернаты.

Рис. 305. Студенты Уфимского педагогического института

Существенно изменились детские игры. По записям Г. В. Юсупова, наиболее распространенной в настоящее время является игра *сәкән*, несколько напоминающая хоккей. Она состоит в том, что две команды играющих, вооруженных клюками (*сәкән*), стараются забить деревянный шар за кол или камень, установленный посредине стыка двух полей. Второй, также широко распространенной, игрой является *сокор туй* (или по-другому *каҙан*). Играющие, вооруженные также клюками (*сәкән*), располагаются в круг на некотором расстоянии друг от друга (1,5—2 м) у своих лунок. Посредине круга одна большая лунка — *каҙан* — котел. Водитель старается закатить шар в *каҙан*, чего не должны допустить остальные, от-

бивая шар своими клюками. При неосторожности одного из игроков водитель может занять своей клюкой лунку отбивающего, после чего последний становится сам водителем. При попадании шара в *казан* играющие быстро меняются своими местами, в это время водитель старается занять чью-либо лунку. Кто оказывается без лунки — водит.

Игра *билге* («знамя») или *билге haклау* («охрана знамени») сводится к овладению знаменем, в данном случае это воткнутая в землю палка. Хранитель — водитель, находясь возле знамени — палки, всячески старается отбивать нападающих, которые стремятся дотронуться до него. Кто сумеет сделать это, тот становится хранителем знамени, а его предшественник выбывает из игры.

Игра эта является воспроизведением детьми старшего возраста групповой игры взрослых, имевшей место в старину, по словам Т. Г. Баишева, на *йыйын*, в которой принимало участие человек по пятидесяти и более с каждой стороны.

Игра *актар-кызылдар* («белые и красные») заключается в том, что участники делятся на две группы, каждая из которых имеет свой флаг, и группы эти стремятся одна у другой отобрать их флаг. Подобная же игра называется *байрак өсөн* («за знамя»). Появился целый ряд и других, менее распространенных игр.

Любимыми играми башкирских детей стали в настоящее время волейбол и футбол.

Свадебные *туй* в том виде, как они праздновались богатыми башкирами в прошлом, отошли в область преданий. Народные развлечения, такие как *карғатуй* и *набантуй*, с их состязаниями и другими развлечениями, хотя еще и бытуют в некоторых районах, но приняли уже новую форму.

По материалам, собранным Г. В. Юсуповым, как и раньше, для одаривания участников состязания вещи собираются у населения, но значительную их часть выделяют колхозы. Само празднование, как и в былые времена, происходит за селом, на майдане, где и происходят различные состязания. Туда стекается все население села и гости, приехавшие из соседних деревень. Молодежь, разодетая в праздничные одежды, с песнями и гармоникой разгуливает группами, устраивает игры и катается на празднично убранных лошадях.

В наши дни *набантуй* — это праздник коллективного труда и высокого урожая социалистического земледелия. Поэтому в его праздновании наблюдается ряд новшеств, являющихся результатом культурного преобразования башкирского села. Наряду со старинными видами состязаний в программе развлечений появились волейбол, прыжки, состязания велосипедистов, выступления коллективов колхозной художественной самодеятельности.

На смену былым развлечениям кружки самодеятельности (рис. 306) при клубах и школах появились повсеместно. Кружки эти ставят спектакли, устраивают танцы, среди исполнителей имеются песенники, кураисты, гармонисты.

Как правило, каждый колхоз не менее двух раз в месяц посещает кинопередвижка, а некоторые колхозы два раза в неделю. Не менее 2—3 раз в году каждый колхоз посещают труппы, приезжающие из Уфы и других городов, с большой концертной программой, пьесами из колхозной жизни, артисты театра кукол.

Большую роль в жизни современной башкирской деревни играет библиотека, изба-читальня (рис. 307). В сельских библиотеках обычно около 1500—2000 названий книг, брошюр и журналов. Есть и большие библиотеки, имеющие до 5000 и более названий. Такие библиотеки на период полевых работ организуют библиотеки-передвижки, обслуживающие фермы, бригады, артели данного колхоза. Каждая башкирская сельская библиотека получает в среднем 6 газет, в том числе и на своем родном языке, и до 10 журналов. Число постоянных читателей библиотеки значительно превышает число хозяйств в данной деревне. Выписывают газеты обычно 70—80 % общего числа домохозяйств, но имеются и такие колхозы, в которых все домохозяйства получают газеты.

В связи со всеобщей грамотностью и небывалым подъемом культурного уровня коренным образом изменилось мировоззрение башкир и почти полностью исчезли религиозные предрассудки.

Старики еще помнят рассказы о различных мифических существах, таких как *аждаһа, пәрей, шүрәле, мәскәй*, всевозможные *эйәһе* и т. д. Еще и теперь можно собрать кое-какие материалы, характеризующие пережитки былых домусульманских верований башкир. Однако полвека тому назад, когда мне приходилось беседовать на эти темы не только со стариками, но и людьми среднего возраста, о всех этих мифических существах сообщалось, как о чем-то вполне реальном. Многократно приходилось слышать от якобы очевидцев этих *аждаһа, шүрәле, һыу эйәһе* и т. п. рассказы о том, как они являлись людям и что именно делали. Как действительно имевшие место передавались случаи, когда то или иное лицо пострадало или было облагодетельствовано тем или иным мифическим существом.

Рис. 306. Ансамбль башкирской художественной самодеятельности

В настоящее время старики, передавая все подобные рассказы, неизменно повторяли, что все это, о чем идет речь, бывало раньше, а теперь уже никаких подобных существ нет. Молодежь воспринимает рассказы стариков как сказки, большинство же не имеет об этом мифическом мире никакого представления.

Изобразительное, преимущественно орнаментальное, народное искусство башкир, как мы видели, было разнообразно и богато. Тем или иным способом украшались предметы одежды, вооружения, конской упряжи, домашнего обихода. Особенно разнообразны были вышивки, узоры тканей собственного изделия, аппликации. По мере замены ткани собственного изделия фабричными, одежд своей работы покупными, а предметов домашнего обихода изготовленными на фабриках и заводах область применения башкирского национального орнамента для украшения различных вещей очень ограничилась. Тем не менее башкирское художественное творчество не умерло. Художниками и архитекторами Башкирии собран большой материал по народному изобразительному искусству башкир, имеется ряд очень ценных альбомов. Башкирский декоративный орнамент нашел применение в современной городской архитектуре и художественной промышленности. Он обогащен изображениями советской эмблематики и использован в отделке наружных стен (резьба по камню) и внутренних помещений (роспись). Все же использование богатого башкирского орнамента в новом быту пока крайне ограничено, тогда как он мог бы быть ши-

Рис. 307. Сельская библиотека. Бакалинский район

ре использован в декоре зданий, в текстиле, в ковровых изделиях и т. п. Последнее тем более возможно, что из среды башкирского народа уже выделился ряд талантливых профессиональных художников, как живописцев и скульпторов, так и декораторов.

Если наследие башкирского изобразительного искусства еще не получило должного развития и применения в новом быту, то другие отрасли башкирского искусства — песенное творчество и музыка — после Великой Октябрьской социалистической революции получили новое содержание и приняли новые формы.

Как одна из характерных черт башкирского песенного творчества мной уже отмечалась смена песен с каждым новым поколением. И современные нам башкирские песни в отличие от прежних, дореволюционных, отражают все новое, что принесла с собой Великая Октябрьская социалистическая революция во все отрасли жизни народа. Характерно, что в современных песнях наряду с прежними, преимущественно любовно-лирическими песнями большое отражение получила и общественная жизнь.

Если до Октября, как это подметил А. Н. Киреев[322], в песенном репертуаре преобладала песня протяжного жанра (*оҙон көй*), то после Октября первое место заняла песня короткого жанра (*кыҫка көй*). *Кыҫка көй* часто бытует в хоровом, коллективном исполнении, в этом жанре легче проследить то новое, что внесла Октябрьская революция в устное поэтическое творчество башкирского народа.

Русская песня и ее напевы проникали и раньше в деревню через башкир, побывавших в городе или на военной службе, особенно же широкое распространение, в частности русская революционная песня и ее напевы, получили после революции. Русская песня оказала большое влияние на развитие современного песенного искусства башкир, в нем получили преобладание хоровые, коллективные песни.

В песенном репертуаре башкир появилось много новых современных песен, выполняемых и на распев *оҙон көй*.

В качестве примера можно привести получившую широкое распространение песню о Ленине, созданную на основе старинной народной *оҙон көй «Уйыл»*. В этой песне башкирский народ, переосмыслив и по-новому переинтонировав *«Уйыл»*, выразил свою скорбь по утрате великого вождя, преданность Родине и коммунистической партии.

Если раньше народная песня только заучивалась, то теперь, с всеобщей грамотностью, она записывается импровизаторами (*сәсән*) и соответственно получает более широкое распространение.

Указом Президиума Верховного Совета БАССР от 1943 г. введено звание народных *сәсән*, приравненных к народным артистам. В настоящее время высокое звание народных *сәсән* имеют Фаррах Давлетшин и Саит Исмагилов.

Советские башкирские песни весьма разнообразны и, как уже отмечалось выше, в них преобладает общественная тематика. Ниже приводятся отрывки из наиболее характерных песен, опубликованных в переводе с башкирского[323].

Над степью небо в заревой игре,
Багровым светом блещет звезда,
Нам Ленин дал свободу в Октябре,
Врагов в страну не пустим никогда.

Одна из оборонных песен, где оборона Родины показана как священный долг:

[322] Записки Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР. Уфа, 1953. Вып. 1. С. 78–79.

[323] Красная Башкирия. 1950. № 78. 2 апр.

Мы воевали на Дону,
Крепко недруга хлестали,
С честью кончили войну,
Потому что вел нас Сталин.

Одна из песен о конституции:

В законе Сталинском написаны
Вождем священные слова,
Что граждане прекрасной Родины
Имеют равные права
На труд, на отдых и учебу,
Что жизнь для счастья всем дана,
Народы трудятся свободно,
И процветает вся страна.

Образцы песен о социалистическом переустройстве деревни и о труде в послевоенные пятилетки:

Богатеет, цветет наш колхоз,
Даже звезды завидуют нам.
Электричество всюду горит,
И пестреют цветы на лугах.

* * *

Мы страну свободную украсим
Алыми чудесными цветами,
Опояшем все поля колхозов
Стройными зелеными лесами.
Восстановим шахты и заводы,
Чтоб придти скорее к коммунизму.
Чтобы жили в счастье все народы,
Превратим в цветущий сад Отчизну.

В дореволюционное время у башкир не было своей письменности, своего литературного языка. Отдельные писатели пользовались старокнижным, так называемым языком «тюрки».

В последней четверти XVIII в., во время крестьянской войны, со стихами, посвященными родному народу, выступал Салават Юлаев, который был не только героем-воином, вождем своего народа, но и поэтом, певцом-импровизатором. Однако идейные мотивы поэзии Салавата получили свое дальнейшее развитие только в начале XX в. в произведениях национального башкирского поэта М. Гафури.

После Октябрьской революции в результате осуществления советской национальной политики башкирский народ создал свою письменность, свою художественную литературу, получил возможность читать на своем родном языке произведения классиков марксизма.

Основоположником башкирской советской литературы был Мажит Гафури. Традиции Гафури развивали Сайфи Кудаш, Гариф Гумеров, Гайнан Хайри, Сагит Агиш и писатели более молодого поколения.

В годы предвоенных пятилеток сформировались основные кадры башкирских поэтов и литераторов. В своих произведениях они стремились запечатлеть новое

в жизни советской Башкирии. В годы Великой Отечественной войны башкирские писатели в своих произведениях, проникнутых патриотизмом, повествовали о героических подвигах советского человека на фронте и в тылу. Лучшие произведения башкирских поэтов и писателей (Р. Нигмати, С. Агиш, А. Вали, С. Кулибай, М. Карим, Х. Карим, К. Мерген и др.) последних лет свидетельствуют о всевозрастающем их мастерстве, ясности идей и оригинальности формы. Они принесли новые темы, стараясь возможно полнее отобразить советскую действительность. Лучшие писатели Башкирии добились серьезных творческих успехов, учась у русских классиков и развивая традиции М. Горького и В. Маяковского.

Встали вышки стройными лесами,
И на труд упорный и большой
Вышли люди с узкими глазами
И с широкой, словно степь, душой.

(*М. Карим*)

Об успехах башкирской литературы, в частности поэзии, «Литературная газета» в 1950 г. (№ 18) писала: «Башкирская литература играет роль не только в пределах республики: она выходит на всесоюзную арену, она обогащает великолепную сокровищницу нашего искусства».

Театральное искусство башкирского народа является детищем Великой Октябрьской революции. Башкирский государственный академический театр драмы возник из драматических кружков красноармейских частей в начале Гражданской войны. Вместе с театром росла и развивалась башкирская советская драматургия. Ряд пьес Х. Ибрагимова, С. Мифтахова, Б. Бикбая, К. Даяна уже давно идут в театрах республики. В последние годы появились новые пьесы К. Мергена, М. Карима, И. Абдуллина, Н. Наджми, А. Ахметшина, М. Хайдарова.

На новые пути встало и башкирское музыкальное творчество. До самого последнего времени национальная музыка башкир была представлена только народной песней, хотя и очень богатой. У башкир не было профессиональных традиций, и их музыкальная культура очень молода. Первые башкирские профессионалы-музыканты, исполнители и музыкальные деятели получили свое воспитание лишь в советское время. Тем не менее за короткий срок они достигли крупных успехов.

Национальная башкирская оперная культура начинается с оперы «*Һакмар*» (М. Валеева), поставленной в 1940 г. Вслед за постановкой «*Һакмар*» в результате содружеской творческой работы башкирских национальных композиторов с оперными композиторами Москвы появилась опера «*Акбузат*» (Х. Заимова и А. Спадавеккиа) и первый балет «*Сыңрау торна*» (З. Исмагилова и Л. Степанова).

Характерная особенность музыки башкирских композиторов — сочетание старых песенных стилей и старых форм народной музыки с качественно новыми формами.

Новым этапом в развитии башкирской оперы явились оперы «*Айһылыу*» (Н. Пейко), «*Салават*» (З. Исмагилова), «*Азат*» (Р. Муртазина), созданные башкирскими композиторами вполне самостоятельно и на более высоком по сравнению с ранними операми профессиональном уровне.

Многие произведения башкирских советских композиторов: Хабибуллы Ибрагимова, Масалима Валеева, Загира Исмагилова, Хусаина Ахметова, Рауфа Муртазина, Тагира Каримова, Наримана Сабитова — вошли в народный репертуар, стали подлинно народными песнями.

Особым успехом и популярностью пользуются балетные труппы Башкирского государственного театра оперы и балета и Башкирской государственной филармонии, которые за последние годы гастролировали в десятках крупных горо-

дов Советского Союза и за рубежом. Широко известны мастера башкирского балета и народного танца — заслуженный деятель искусств Башкирской АССР Файзи Гаскаров, выдающиеся артисты: Халяф Сафиуллин, Зайтупа Насретдинова, Тамара Худайбердина, Асия Магазова, Фарит Юсупов, Гузель Сулейманова, Фаузи Саттаров и др. Удостоены звания лауреатов первой степени Международного конкурса четвертого Всемирного фестиваля в Бухаресте Мухаммат Идрисов, Мухаммет Шамсутдинов и Анвер Фахретдинов.

За годы советской власти выросли кадры национальной интеллигенции.

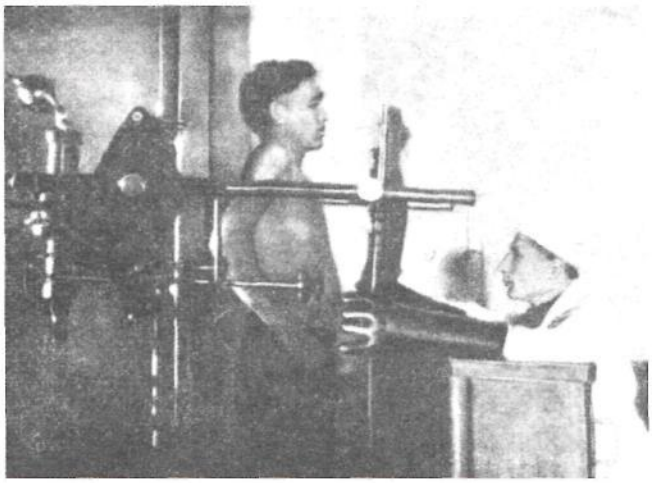


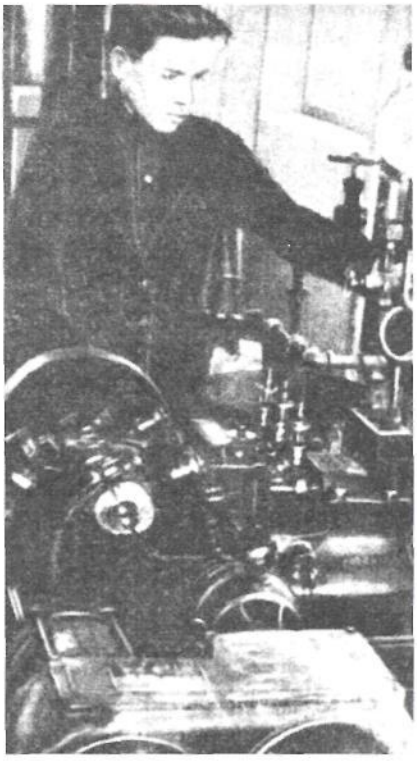
Рис. 308. Рентгеновский кабинет поликлиники в с. Аскино

В деревнях работают трактористы, комбайнеры, агрономы, зоотехники, врачи (рис. 308), электромеханики, радисты, работники других специальностей. Во многих колхозах большинство научно-технического персонала вышло из своей же колхозной среды, получив образование в техникумах и на различных курсах. За это время в городах получили высшее образование тысячи башкир по различным специальностям, на предприятиях повысили свою квалификацию многие сотни инженеров и техников.

В связи с развитием на территории Башкирии промышленных предприятий неизмеримо возросло количество представителей рабочего класса из числа башкир (рис. 309).

Былая разобщенность между городом и деревней в Башкирии с каждым годом постепенно исчезает. Дружная совместная работа крестьян-колхозников с рабочими машинно-тракторных станций преследует одну и ту же цель — всемерное укрепление экономической мощи государства. Развитая сеть магазинов сельских потребительских обществ и магазинов районных обеспечивает сельское население всеми необходимыми для него товарами.

Рис. 309. На нефтеперегонном заводе



Основная масса башкирской советской городской интеллигенции вышла из деревни и поддерживает с ней самую тесную связь. Последнее проявляется не только в быту. Яркое отражение это нашло в современном художественном творчестве башкирского народа, и не только в изобразительном. Теснейшая связь, которая наблюдается между устным, преимущественно сельским и письменным художественным творчеством башкир, сыграла весьма положительную роль в развитии как устного, так и литературного их творчества.

Решения XIX съезда КПСС и последующие партийные и правительственные решения создают башкирскому народу все условия для дальнейшего интенсивного развития экономики и культуры.

В кратком заключительном очерке невозможно было дать обстоятельную характеристику современного быта башкир. Моей целью было только обратить внимание на те колоссальные сдвиги, которые в поразительно короткий срок произошли в жизни башкир под влиянием мудрой

ленинско-сталинской национальной политики, при неустанной заботе партии и правительства и при братской помощи русского народа.

Современный быт башкир является яркой иллюстрацией того, как отсталая, полуколониальная Башкирия царской России в семье братских народов СССР, минуя капиталистическую стадию, могла осуществить переход к социализму и превратиться в цветущую социалистическую республику с высокоразвитыми промышленностью и сельским хозяйством, с высокой социалистической по содержанию и национальной по форме культурой.

Поскольку «культура по своему содержанию меняется с каждым новым периодом общества»[324], советские этнографы, в частности изучающие быт башкир, должны в первую очередь сосредоточивать свое внимание на изучении тех коренных изменений, которые произошли в быте и культуре башкир в период построения социалистического общества и которые совершаются теперь, в период построения коммунизма. Вместе с тем, так как период победы социализма, как писал И. В. Сталин, не дает условий, необходимых для слияния наций и национальных языков, а наоборот, этот период создает благоприятную обстановку для возрождения и расцвета наций[325], то перед башкирскими этнографами открывается широкое поле чрезвычайно плодотворной работы по изучению национальных особенностей своего народа.

Башкирский народ в настоящее время располагает своими научными кадрами, в том числе историков, языковедов и этнографов. Поэтому можно быть уверенным, что такие, еще не вполне выясненные вопросы, как происхождение башкирского народа, а также сложение его национальной по форме, социалистической по содержанию культуры, получат надлежащее освещение в исследованиях упомянутых выше ученых.

[324] *Сталин И. В.* Относительно марксизма в языкознании. М., 1950. С. 19.
[325] *Сталин И. В.* Сочинения. М., 1948. Т. 11. С. 345.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Абдул-Гази. Родословное дерево тюрков. Казань, 1906.

Абрамов Н. А. Башкиры // Русский антропологический журн. 1927–1928. № 3–4.

Абу Зайд аль-Балхи. Книга видов земли // BGA. Leiden, 1870. T. I.

Адольф Е. Вышивка казанских татар // Материалы Центрального музея Татарской АССР. 1927. № 1.

Акимова Т. М. Вышивки саратовских чуваш / Саратовский нижневолжский институт краеведения им. М. Горького. Саратов, 1936.

Алектров А. Е. Башкиры. Этнографический очерк // Оренбургский листок. 1885. № 46–52; 1886. № 1.

Алимгулов А. Башкирские мифологические рассказы // Вести. Оренбургского учебного округа. 1915. № 5.

Аристов Н. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. 1896. № 3–4.

Арнольдов В. А. Случай сибирской язвы. Из практики среди башкир // Земский врач. 1890. № 17.

Арнольдов В. А. Санитарно-бытовой очерк жизни башкир юго-восточной части Стерлитамакского уезда Уфимской губернии // Дневник о-ва врачей при Казанском ун-те. 1894. № 4.

Ахмеров Р. Б. Уфимские погребения VI–VIII вв. н. э. // Краткие сообщ. ИИМК АН СССР. 1951. Вып. XI.

Башев М. Деревня Зианчурина Орского уезда Оренбургской губернии // Изв. Оренбургского отд. Русского Географического о-ва. 1895. Вып. 7.

Баскаков Н. А. К вопросу о классификации тюркских языков // Изв. Академии наук СССР. Отд-ние литературы и языка. 1952. Т. XI. Вып. 2.

Башкирская Автономная Советская Социалистическая Республика // Большая советская энциклопедия. 1950. Т. 4. Физико-географический очерк (С. 336–341), исторический очерк (С. 342–348).

Башкирские народные песни / Сост., редакция, вступ. ст., коммент. *Х. Ф. Ахметова, Л. Н. Лебединского, А. И. Харисова.* Уфа, 1954.

Берг М. И. Восемь татарских и башкирских песен. Казань, 1923.

Бергхольц Л. Горные башкиры катайцы // Этнографическое обозрение. 1893. № 3.

Бессонов А. Г. Башкирские народные сказки / Под ред. *Н. К. Дмитриева.* Уфа, 1941.

Бибиков С. Н. Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала // Советская археология. 1950. Т. XII. С. 66–104.

Бибиков С. Н. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала // Советская археология. 1950. Т. XIII. С. 95–138.

Булычов Н. И. Древности из Восточной России. М., 1902. Вып. I.

Вельяминов-Зернов В. В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями. СПб., 1864.

Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. М.; Л., 1934.

Воробьев Н. И. Казанские татары. Казань, 1953.

Вощинина А. И. О связях Приуралья с Востоком в VI–VII вв. н. э.: Уфимский клад, найденный в 1941 г. // Советская археология. 1953. Т. XVII. С. 183–196.

Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. 1.

Геродот. История.

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая орда и ее падение. М.; Л., 1950.

Жданко Т. Х. Очерки исторической этнографии караколпаков // Тр. / Ин-т этнографии. 1950. Т. IX.

Записки Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР. Уфа, 1953. Вып. 1.

Збруева А. В. Луговской могильник // Тр. / Ин-т этнографии. 1947. Т. II.

Зеленин Д. К. О левирате и некоторых других обычаях башкир Екатеринбургского уезда // Этнографическое обозрение. 1908. № 3.

Зограф Н. Ю. Антропологический очерк мещеряков зауральской части Пермской губ. // Антропологическая выставка. М., 1879. Т. III.

Иванов В. Н. Почвы Башкирии и агропочвенные районы. Уфа, 1937.

Игнатович А. Башкирская Бурзянская волость // Оренбургские губернские ведомости. 1862. № 6–9, 12.

Игнатьев Р. Историко-административные сведения о башкирском народе, составленные по циркулярам графа Панина в 1775 г. // Памятная книжка Уфимской губ. Уфа, 1873.

Игнатьев Р. Сказания, сказки и песни, сохранившиеся в рукописях татарской письменности и устных пересказах у инородцев магометан Оренбургского края // Зап. Оренбургского отд. Русского Географического о-ва. 1875. Вып. 3.

Иессен А. А. Ранние связи Приуралья с Ираном // Советская археология. 1952. XVI.

История Татарии в материалах и документах / Институт истории Академии наук СССР и Татарский научно-исследовательский институт марксизма-ленинизма. М., 1937.

Ищериков П. Ф. Башкир Измаил Тасимов – зачинатель горного дела в России // Башкирский краеведческий сборник. 1927. № 2.

Ищериков П. Ф. Аланский могильник близ г. Стерлитамака // Краткие сообщ. ИИМК АН СССР. 1952. Вып. XLVII.

Казанцев И. Описание башкирцев // Оренбургские губернские ведомости. 1850. № 10, 15, 20.

Казанцев И. Описание башкирцев. СПб., 1867.

Кириков С. В. Охотничьи птицы Южного Урала. М., 1948.

Книга Большому Чертежу, или древняя карта Российского государства, поновленная в разряде и списанная в книгу 1627 г. СПб., 1838.

Конпевский Б. А. Итоги археологического изучения Башкирской АССР // Историко-археологический сборник. М.; Л., 1948.

Коковцов П. О надписях на серебряных блюдах // Материалы по археологии России. 1918. № 37.

Крашенинников И. М., Кучеровская-Рожанец С. Е. Растительность Башкирской АССР. М.; Л., 1941.

Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник // Тр. / Государственный исторический музей. 1947. Вып. XVII.

Крижевская Л. Я. Археологические работы в Башкирии // Краткие сообщ. ИИМК АН СССР. 1953. Вып. LI.

Крюкова Т. А. Марийская вышивка. Л., 1951.

Куватов М. А. Башкирские пословицы // Изв. Оренбургского отд. Русского Географического о-ва. 1895. Вып. 6.

Лебединский Л. Заметки о татарской и башкирской музыке // Советская музыка. 1950. № 1.

Левшин А. Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832. Ч. 1–3.

Лепехин И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 1–3.

Литуновский М. Медико-топографическое описание Оренбургской губернии. М., 1878.

Лосиевский М. В. Башкирская легенда о месяце // Оренбургский листок. 1876. № 24.

Лосиевский М. В. Башкирское предание о луне // Изв. О-ва любителей естествознания и антропологии. 1876. № 28.

Малиев Н. М. Антропологический очерк башкир // Тр. / О-во естествоиспытателей при Казанском ун-те. 1876. № 5.

Малов С. Е. Древние и новые тюркские языки // Изв. Академии наук СССР. Отд-ние литературы и языка. 1952. Т. XI. Вып. 2.

Маркс К. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1938.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. XXI. М., 1929.

Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. Башкирские восстания в XVII и в первой половине XVIII века / Сост. *А. П. Чулошников.* М.; Л., 1936.

Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. / Сост. *Н. Ф. Демидова*; Под ред. *Н. В. Устюгова*. М.; Л., 1949.

Миллер В. Ф. Систематическое описание коллекций Дашковского Этнографического музея. Вып. 1–4. М., 1887.

Назаров П. С. К антропологии башкир // Изв. О-ва любителей естествознания. Тр. антропологического отд. Дневник. № 2. 1890.

Назаров П. С. К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. 1890. № 1.

Назаров П. С. Предварительный отчет о поездке в Башкирию // Дневник антропологического отд. 1890. Вып. 1–2.

Небольсин П. Заметки о башкирцах // Отеч. зап. 1850. Т. 73. № 8. Отд. III.

Никольский Д. П. Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование: Дис. СПб., 1899.

Новиков В. А. Сборник материалов для истории уфимского дворянства. Уфа, 1879.

Оренбургская губерния с прилежащими к ней местностями по ландкартам Красильникова и топографией П. К. Рычкова 1775 г. / Изд. Оренбургского отд. Русского Географического о-ва. 1880.

Отчет экспедиции Оренбургского отдела Географического общества для производства барометрической нивелировки Южной части Уфимского хребта в 1898 г. // Изв. Оренбургского отд. Русского Географического о-ва. 1899. Вып. 13.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1773, 1786, 1788. Ч. 1–3.

Плано-Карпини И. История монгалов / В переводе с примеч. *А. И. Малеина*. СПб., 1911.

Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Пермь, 1813. Ч. 1–3.

Потанин Г. Дочь моря в степном эпосе // Этнографическое обозрение. 1892. № 1.

Поэты Башкирии / Под ред. *С. Кирьянова, Г. Минаева*, предисл. *А. Харисова*. Уфа, 1950.

Природные ресурсы Башкирской АССР / Под ред. *В. Л. Комарова*. М.; Л., 1941. Т. I.

Прокошев Н. А. К вопросу о неолитических памятниках камского Приуралья // Материалы и исследования по археологии СССР. 1940. Т. I.

Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Под ред. *И. Ю. Крачковского*. М.; Л., 1939.

Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // Материалы по археологии России. 1918. № 37.

Рубрук В. Путешествие в восточные страны / В переводе с примеч. *А. И. Малеина*. СПб., 1911.

Руденко С. И. Добывание огня трением у чувашей // Тр. студенческих научных кружков Санкт-Петербургского ун-та. 1909. Вып. I.

Руденко С. И. Антропологические исследования инородцев северо-западной Сибири // Зап. Академии наук по физико-математическому отд-нию. 1914. Сер. VIII. Т. XXIII. № 3.

Руденко С. И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Физический тип башкир // Зап. Русского Географического о-ва. 1916. Т. 43. Вып. 1.

Руденко С. И. Описание скелетов из Прохоровских курганов // Материалы по археологии России. 1918. № 37.

Руденко С. И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Быт башкир // Зап. Русского Географического о-ва. 1925. Т. 43. Вып. 2.

Руденко С. И. Перевес // Материалы по этнографии. 1929. Т. 4. Вып. 2.

Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.

Рыбаков С. Г. Этнографическая характеристика татар, башкир и тептярей. Песни уральских инородцев (башкир) // Отчет Географического о-ва. СПб., 1894.

Рыбаков С. Г. О народных песнях татар, башкир и тептярей // Живая старина. 1894. № 3–4. С. 325–364.

Рыбаков С. Г. Курай – башкирский музыкальный инструмент // Русская музыкальная газета. 1896. Январь.

Рыбаков С. Г. Музыка и песни уральских мусульман // Зап. Академии наук по историко-филологическому отд-нию. СПб., 1897. Т. II. № 2.

Рычков П. И. Топография оренбургская, то-есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. СПб., 1762. Ч. 1–2.

Рычков П. И. О способах к умножению земледельства в Оренбургской губернии // Памятная книжка Уфимской губернии. 1873. 2.

Рычков П. И. История оренбургская (1730–1750) / Оренбургский Губернский Статистический Комитет. Оренбург, 1896.

Салават Юлаев. К 200-летию со дня рождения. Уфа, 1952.

Сальников К. В. Андроновский курганный могильник у с. Федоровки Челябинского округа // Материалы и исследования по археологии СССР. 1940. № 1.

Сальников К. В. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952.

Сборник башкирских песен в подлиннике, собранных И. Покровским, с переводом Батыршина // Зап. Оренбургского отд. Русского Географического о-ва. 1870. Вып. 1.

Смирнов Я. И. Восточное серебро. СПб., 1909.

Соколов А. Условия происхождения и течения цинготной эпидемии в Мензелинском уезде в 1886–1887 гг. Б. м., 1887.

Соколов Д. Н. О башкирских тамгах // Тр. / Оренбургская ученая архивная комиссия. 1904. Вып. 13.

Список населенных мест Оренбургской губернии по сведениям 1866 г. / Изд. Центральн. стат. ком. Министерства внутренних дел. СПб., 1871.

Список населенных мест Уфимской губернии по сведениям 1870 г. / Изд. Центральн. стат. ком. Министерства внутренних дел. СПб., 1877.

Справочная книжка Оренбургской губернии. Оренбург, 1884.

Сталин И. В. Сочинения. М., 1948. Т. 5, 11, 13.

Сталин И. В. Относительно марксизма в языкознании. М., 1950.

Тахаев Х. Я. Башкирия. М., 1950.

Трофимова Т. А. Антропологические материалы из Аланского могильника возле Стерлитамака в Башкирии // Краткие сообщ. Ин-та этнографии. 1952. Вып. XVII.

Тюлина Л. Материалы по высокогорной растительности Южного Урала // Изв. Русского Географического о-ва. 1911. Т. 63. Вып. 5–6.

Усманов А. Н. Присоединение Башкирии к Московскому государству. Уфа, 1949.

Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. 1947. № 24.

Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. М.; Л., 1950.

Филоненко В. М. Башкиры // Вестн. Оренбургского учебного округа. Уфа, 1914.

Флоринский В. М. Башкирия и башкиры. Путевые заметки // Вестн. Европы. 1874. № 12. Т. 6. С. 723–765.

Формозов А. А. К вопросу о происхождении андроновской культуры // Краткие сообщ. ИИМК Академии наук СССР. 1951. Вып. XXXIX.

Харузин Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России // Этнографическое обозрение. 1896. № 1–3.

Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом и промышленном отношении. Уфа, 1859.

Чулошников А. П. Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII в. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. М.; Л., 1936.

Чулошников А. П. Восстание 1755 г. в Башкирии. М.; Л., 1940.

Шмидт А. В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии Наук // Хозяйство Башкирии. Прил. № 8–9. Уфа, 1929.

Юлуев Б. Г. Аждаха – змей в рассказах башкир // Этнографическое обозрение. 1892. № 2–3.

Юлуев Б. Г. К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. 1892. № 2–3.

Falk I. P. Beiträge zur Topographischen Kenntniss des Russischen Reichs. Bd. 3. SPb., 1786.

Patkanov S. Irtysch-ostiaken. SPb., 1897.

Roudenko S. Traditions et contes Bachkirs // Rev. de Traditions pop. XXIII. № 2–3; XXIX. № 4–6. Paris, 1908–1909.

Trever C. Excavations in Northern Mongolia. L., 1932.

Youferov W. Etude éthnographique sur les Bachkirs. Mém. Soc. Ethn. de Paris. 1880. 1.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Глава I. ПРИРОДА БАШКИРИИ

Рис. 1. Река Уфа в среднем течении . . . 9
Рис. 2. Гольцовые россыпи. Южный Урал . . . 10
Рис. 3. Зауральские степи . . . 11
Рис. 4. Известковые скалы. Берег р. Юрюзани . . . 12
Рис. 5. Смешанный лес в бассейне р. Танып . . . 13

Глава II. КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Рис. 6. Ключевая пещера . . . 17
Рис. 7. Каменный инвентарь со стоянки у Старичного гребня . . . 17
Рис. 8. Подвески из змеевика. Погребение в Бурановской пещере . . . 18
Рис. 9. Бусы и пронизки из погребения Усть-Катавской пещеры II (*а*) и подвески из погребения у Старичного гребня (*б*) . . . 18
Рис. 10. Ажурная бронзовая бляха. Собрание Н. И. Булычова . . . 21
Рис. 11–12. Фиалы с р. Юрюзани. Собрание Н. И. Булычова . . . 21
Рис. 13. Пряжка и стилизованное изображение животного. Погребения на Чертовом городище . . . 22
Рис. 14. Серебряные блюда. Первый Прохоровский курган . . . 23
Рис. 15. Эполетообразные застежки. Бирский район . . . 24
Рис. 16. Серебряная чаша. Уфимский клад . . . 24
Рис. 17. Сасанидское серебряное блюдо. Уфимский клад . . . 24
Рис. 18. Пряжки и украшения. Левашовский могильник . . . 25
Рис. 19. Серебряные наглазники. Левашовский могильник . . . 25
Рис. 20. Золотая серьга. Левашовский могильник . . . 25
Рис. 21. Боевая секира (*а*), удила (*б*), бубенчики (*в*) и стремена (*г*). Левашовский могильник . . . 26
Рис. 22. Серебряная чарка. Левашовский могильник . . . 27
Рис. 23. Серебряные дирхемы, битые в Васите (*а*) и в Багдаде (*б*). Левашовский могильник . . . 27
Рис. 24. Золотой динар. Левашовский могильник . . . 27
Рис. 25. Печать старшины Чубиль-Минской волости Ногайской дороги . . . 31

Глава III. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ПЛЕМЕННЫЕ И РОДОВЫЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ

Глава IV. ЗАНЯТИЯ И ОБРАЗ ЖИЗНИ

Глава V. ЗВЕРОЛОВСТВО, ПТИЦЕЛОВСТВО И РЫБОЛОВСТВО

Рис. 26. Колодка к петле для ловли лисиц – *төлкө тозағы*. Бурзяне (1002-76)* 64

Рис. 27. Ловушка *тәпе*: *а* – *науыт*, *б*, *в* – *калак*, *г* – *ян*, *д* – *сирткес*, *е* – *тел*. Гайнинцы 64

Рис. 28. Ловушка *науыт*: *а* – *науыт көпсәк*, *б* – *калак*, *в* – *бөгөл ян*, *г* – *аткыс ағас*, *д* – *ук*, *е* – *теш*, *ж* – *тәте*, *з* – конский волос, *и* – прутик. Гайнинцы (1002-72). 64

Рис. 29. Ловушка *науыт*: *а* – *науыт көпсәк*, *б* – *калак*, *в* – *бөгөл ян*, *г* – *аткыс ағас*, *д* – *ук*, *е* – *теш*, *ж* – *тәте*, *з* – *конский волос*, *и* – *прутик*. Гайнинцы (1002-73). 65

Рис. 30. Ловушка на медведя (Лепехин, 1802) 65

Рис. 31. Ловушка на медведя (Паллас, 1786). 66

Рис. 32. Лук сложный – *әдерһә* (*а*), простой – *ян* (*б*). Гайнинцы (2881-470, 1002-65). 67

Рис. 33. Наконечники стрел – *ук башак*: *а* – гайнинцы, *б* – кара-табынцы, *в* – елы-минцы (1002-66b, 1002-66c, 2881-502, 2881-503). 68

Рис. 34. Налучья – *йәйә һаҙак*. Сызгинцы 69

Рис. 35. Наконечники стрел – *ук башак*: *а* – гайнинцы, *б*–*д* – катайцы; *ук*: *е* – кара-табынцы (1002-66b, 2881-492, 2881-491). 69

Рис. 36. Колчан – *ук һаҙак*: *а* – катайцы, *б* – бала-катайцы (2881-463, 2881-464). 69

Рис. 37. Наконечник пики. Кайлино-каршинцы (2881-524) 70

Рис. 38. Кистень – *кисҙән*. Айлинцы (2881-585) 70

Рис. 39. Ружейные принадлежности: *а* – *котокса*, *б* – *улсәу*, *в* – *фистон науыт*, *г*–*д* – *токсай*, *дроб һалғыс*. Гирей-кипчаки (2881-548) 71

Рис. 40. Ружейные принадлежности: *а* – *котокса*, *б* – *фистон науыт*, *в* – *дроб һалғыс*, *г* – *улсәу*. Гирей-кипчаки (2881-547) 71

Рис. 41. Лабаз для охоты на медведя – *таҙғак*. Бурзяне (3935-234) 72

Рис. 42. Рогатина для охоты на медведя – *айыу һоңғоһө*. Гирей-кипчаки (2881-523) 73

Рис. 43. Приспособление для носки провизии – *алап*. Гайнинцы (1002-77) . . 74

Рис. 44. Ловушка для птиц – *япма* (Паллас, 1786) 76

Рис. 45. План перевесища: *а* – передняя труба, *б* – задняя труба 77

Рис. 46. Схематический рисунок установки перевеса 78

Рис. 47. Сани для охоты на тетеревов – *кор санаһы* (модель). Бурзяне (1234-95) 78

Рис. 48. Выезд с соколами на охоту. Бала-катайцы (1023-9) 79

Рис. 49. Сокол-сапсан на добыче. Бала-катайцы 80

Рис. 50. Котцы (*а*–*д*) и *нәрәтә* (*е*) 82

* Сведения об экспонатах и фотографиях, переснятых в Российском этнографическом музее для выпуска данного издания (первая группа цифр – номер коллекции, вторая – порядковый номер).

Рис. 51. Морда – *мурза* 82
Рис. 52. Рыболовная снасть – *битәл*. Катайцы (3935-232) 83
Рис. 53. Ставная сеть, челн и морда. Катайцы 83
Рис. 54. Петля для ловли щук – *мәскәу*. Инзер-катайцы 84

Глава VI. БОРТНИЧЕСТВО И ПЧЕЛОВОДСТВО, СКОТОВОДСТВО И ПТИЦЕВОДСТВО, ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Рис. 55. Взлезание на борть при помощи *кирәм*. Бурзяне (1022-27, 1022-28) 90
Рис. 56. Долото – *борөз*. Бурзяне 90
Рис. 57. Тесло – *багау*. Бурзяне (1002-98) 91
Рис. 58. Рашпиль – *терпе* – для чистки бортей 91
Рис. 59. Скобель – *йышкы*. Гайнинцы (1002-95) 91
Рис. 60. Чехол для топора – *балта кын*: *а* – бурзяне, *б* – инзер-катайцы (1002-86b, 2881-643) 91
Рис. 61. Деревянный блок для подымания ульев. Кайлино-каршинцы (2881-551) 92
Рис. 62. Пасека – *утар*. Гайнинцы (1022-30) 92
Рис. 63. Роевни – *моҙга* (*а*), таныпцы; *корт тубал* (*б*), урман-кудейцы; подставка – *агас аяк* (*в*), таныпцы (8761-14798, 2881-545, 2881-644) . . . 93
Рис. 64. Роевня – *корт тубал*. Гайнинцы (1002-92a, 1002-92b) 94
Рис. 65. Маточник – *ана корт ситлеге* (*а*) и ковшик – *кашык* (*б*). Гайнинцы (2881-544, 1002-93) 95
Рис. 66. Пасека – *утар* – в усадьбе. Гирей-кипчаки (3935-231) 95
Рис. 67. Табун лошадей. Катайцы (3935-176) 97
Рис. 68. Горбуша. Гайнинцы (1002-101) 100
Рис. 69. Косцы. Елдятцы (1022-83) 100
Рис. 70. Стога сена. Гайнинцы (1022-31) 101
Рис. 71. Блок – *шалтырак*. Гирей-кипчаки (2881-556) 101
Рис. 72. Доение кобыл. Бурзяне 102
Рис. 73. Намордник – *борғак*. Катайцы (2881-642) 102
Рис. 74. Намордник – *моронса*. Гайнинцы (1002-126) 102
Рис. 75. Навес для скота – *тупалык*. Бурзяне (3935-223) 103
Рис. 76. Тавро – *тамға*. Гирей-кипчаки 103
Рис. 77. Кайло – *кәйлә* (*а*), гирей-кипчаки; мотыга – *кәтмән* (*б*), гайнинцы (2881-535) 104
Рис. 78. Борона с деревянными зубьями – *агас тырма*. Миницы (1002-100) . . . 106
Рис. 79. Борона с железными зубьями – *тырма*. Катайцы 107
Рис. 80. Косцы. Елдятцы (5472-30) 107
Рис. 81. Цеп – *сыбағас*. Гайнинцы (1002-102) 108
Рис. 82. Толчение зерна в деревянной ступе (*киле*). Катайцы (3935-167) 109
Рис. 83. Размол зерна ручными жерновами (*кул тирмәне*). Катайцы (3935-168) 109
Рис. 84. Ручные каменные жернова – *таш тирмән*. Катайцы (1002-104) . . . 110
Рис. 85. Мельница-мутовка (Паллас, 1786) 111

Глава VII. ПИЩА

Рис. 86. Печь для выпечки хлеба – *мейес*. Бурзяне (3935-225) 115

Рис. 87. Печь для выпечки – *мейес*, над ней помост – *ылаш* – для просушки *корот*. Тамьян-тангаурцы (3935-226) 115

Рис. 88. Помост для просушки *корот* – *ылаш*. Бурзяне (3935-224) 117

Рис. 89. Мешалка – *бешкәк*. Гирей-кипчаки (1002-119, 2881-633). 118

Рис. 90. Сосуды для кумыса. Катайцы (1022-38). 118

Глава VIII. ДОМАШНИЕ ПРОИЗВОДСТВА

Рис. 91. Приспособление для добывания огня трением. 123

Рис. 92. Часть лиственничного столба с углублениями, высверленными для добывания огня (1002-137). 123

Рис. 93. Чеканка серебром по железу. Бала-катайцы (2881-700, 2881-708) . . 124

Рис. 94. Чеканные украшения конской сбруи. Катайцы (2881-684) 124

Рис. 95. Ключ для выделки кож – *кирге*. Бурзяне. 125

Рис. 96. Меховой мешок – *башмак сарма*. Усергане (1234-74) 125

Рис. 97. Коптильня – *ыçтык* (в разрезе и в плане): *а* – *сокор*, *б* – *ыçтык*. Катайцы 126

Рис. 98. Коптильня – *ыçтык* (в разрезе и в плане): *а* – *ыçтык*, *б* – *улак*, *в* – *сокор*. Табынцы 126

Рис. 99. Кожаные сосуды в *ыçтык*. Табынцы 127

Рис. 100. Кожаный сосуд – *корәгә*. Минцы (2881-570). 127

Рис. 101. Кожаные сосуды: *а*, *б*, *е* – *куллык* и *муртай*, *в*, *г* – *башкүнәк*, *д* – *турһык*, *ж*, *з* – *ботлок* и *домбәй* (2881-581, 2881-573, 2881-583, 2881-576) 127

Рис. 102. Струг – *кубаға*. Кипчаки (1002-110a). 129

Рис. 103. Инструменты для обработки дерева: *а* – *сапкы*, *б* – *йышкы*, *в* – *аталғы*. Кайлино-каршинцы и гирей-кипчаки (2881-534, 2881-536). 129

Рис. 104. Резцы – *юңғыс*. Гирей-кипчаки (2881-537, 1002-109, 2881-526). . . 129

Рис. 105. Деревянные сосуды – *сара* (*а*) и *табак* (*б*). Катайцы (2881-610, 2881-588). 130

Рис. 106. Деревянные сосуды – *бал һауыты* (*а*), гирей-кипчаки; *алдыр* (*б*), минцы (1002-144, 2881-612). 130

Рис. 107. Ковши – *ижау*. Минцы, катайцы, карагай- и гирей-кипчаки (2881-603, 1002-121, 6973-42) 130

Рис. 108. Ковши – *ижау*. Минцы, катайцы, гирей-кипчаки и бурзяне (2881-595, 2881-603, 1234-80, 1234-81, 691-1). 131

Рис. 109. Друшлак и уполовники – *һалма һалғыс* (*а*, *б*), катайцы; *калак* (*в*), бурзяне; *сүмес* (*г*, *д*), карагай-кипчаки (8761-14833, 2881-592, 2881-590, 8761-14836) 131

Рис. 110. Лоток – *һелкеүес*. Кудейцы (2881-608) 131

Рис. 111. Деревянные сосуды – *көрәгә* (*тәпән*): *а* – карагай-кипчаки, *б* – бурзяне (1002-118a-b, 2881-627a-b). 132

Рис. 112. Берестяные сосуды: *а* – *көйөз*, *б* – *төйөз*. Катайцы (2881-640, 2881-641). 132

Рис. 113. Кошель. Кудейцы (2881-647) 132

Рис. 114. Заплечная сума – *биштәр*. Табынцы (2881-645) 132
Рис. 115. Забор и крыша из полубины. Гирей-кипчаки (1022-9) 133
Рис. 116. Станок для изготовления циновок – *септә станы*. Гирей-кипчаки 133
Рис. 117. Станок для изготовления рогож – *септә станы*. Гайнинцы 133
Рис. 118. Прялка – *кабатөбө*. Кайлино-каршинцы 134
Рис. 119. Гребень для чесания шерсти – *тарак*. Тангаурцы (1234-91) 134
Рис. 120. Ткацкий станок. Бала-катайцы (3935-171). 135

Глава IX. ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ

Рис. 121. Башкиры в *тире тун* и *колаксын* (слева), в *ак сәкмән* и *төлкө бүрек* (справа). Минцы (3935-161). 139
Рис. 122. Женские головные уборы – *калпак* (на девочке), *кама бүрек* (на женщине). Катайцы (3935-160) 141
Рис. 123. Покрой мужских шаровар – *салбар* (сверху), бурзяне; покрой женских *салбар* (снизу), катайцы 141
Рис. 124. Суконный чулок – *тула ойок*. Катайцы (1002-15g-1-2) 142
Рис. 125. Женская обувь – *сарык*. Катайцы (1002-5k-1-2) 142
Рис. 126. Башкиры в *тун*, покрытых материей. Айлинцы (1022-84) 143
Рис. 127. Башкиры в *бишмәт* (слева) и *камалы тун* (справа). Гайнинцы (1022-98) 143
Рис. 128. Покрой *кәзәки*. 144
Рис. 129. Башкир в рубахе с отложным воротом. Гайнинцы (3935-98) 144
Рис. 130. Рубахи с прошивкой – *селтәрле күлдәк*: *а* – катайцы, *б* – гайнинцы 145
Рис. 131. Завязка рубахи – *элдек*. Гайнинцы 145
Рис. 132. Башкир в *камалы тун* и *колаксын*. Минцы (5472-87). 147
Рис. 133. Мужской головной убор – *коләпәрә*. Тангаурцы (1234-100) 147
Рис. 134. Кожаная сума *каптырга*. Бурзяне (1234-71). 148
Рис. 135. Нож и ножны – *бысак кыны*: *а* – гайнинцы, *б* – катайцы (1002-69, 1234-73). 148
Рис. 136. Нож и ножны – *бысак* (*а*), гайнинцы; *бысак кыны* (*б*), бурзяне (1002-70, 1002-71). 148
Рис. 137. Пояс – *кәмәр*. Катайцы 149
Рис. 138. Пояс – *кәмәр*. Юрматынцы (2881-399). 149
Рис. 139. Кожаная обувь – *итек* (*а*), катайцы; *ката* (*б*), гирей-кипчаки; галоши (*в*), бурзяне (2881-429-1-2) 150
Рис. 140. Путевая обувь – *бышымлы сабата* (*а*) и *бышымлы кынйырак* (*б*). Гайнинцы (1002-24-1-2, 1002-25-1-2) 150
Рис. 141. Женский чекмень – *ак сәкмән*. Карагай-кипчаки 152
Рис. 142. Башкирки в рубахе и халате. Минцы (1022-58) 152
Рис. 143. Башкирка в халате, украшенном мишурой – *укалы елән*. Слы-минцы 153
Рис. 144. Покрой женского *камзул*. Гайнинцы 153
Рис. 145. Покрой женской рубахи *күлдәк*. Бурзяне 154
Рис. 146. Покрой женской рубахи *күлдәк*. Гайнинцы 154
Рис. 147. Покрой женской рубахи *күлдәк*. Гирей-кипчаки 154
Рис. 148. Нагрудная повязка – *түшелдерек*. Инзер-катайцы 155

Рис. 149. Нагрудная повязка – *түшелдерек*. Гирей-кипчаки 155
Рис. 150. Башкирка в головном уборе *кашмау* и нагруднике *hакал*. Миницы (5472-62) 157
Рис. 151. Башкирка в головном уборе *кашмау* и нагруднике *селтәр*. Тамьян-тангаурцы (1022-66) 157
Рис. 152. Башкирки с нагрудными украшениями *яға* и девочки с нагрудным украшением *әмәйзек*. Катайцы 158
Рис. 153. Холщевая основа женского украшения – *киндер такыя*. Барын-табынцы 159
Рис. 154. Распорядительница праздника *карғатуй*. Барын-табынцы (3935-237a, 3935-237b) 160
Рис. 155. Башкирки с нагрудниками (*яға*) и наспинниками (*ыңһәлек*). Катайцы (3935-162a, 3935-162b) 161
Рис. 156. Подвески – *сулпы*. Тангаурцы 162
Рис. 157. Украшение для косы – *елкәлек*. Гайнинцы 162
Рис. 158. Украшение для косы – *аркалык*. Гайнинцы 163
Рис. 159. Налобная повязка – *нарауыс*. Куль-миницы (2881-201, 2881-202) .. 164
Рис. 160. Женский головной убор – *кәләпуш* (ОК-1335-Т) 165
Рис. 161. Девичий головной убор – *такыя* (ОК-1337-Т) 166
Рис. 162. Булавка с украшением – *инәлек*. Гайнинцы 166
Рис. 163. Браслет – *беләзек*. Гайнинцы 168
Рис. 164. Женская обувь – *ката*. Инзер-катайцы 169

Глава X. ЖИЛИЩА И ПОСТРОЙКИ

Рис. 165. Шалаш, покрытый корой. Кубеляк-телевцы (1022-1) 173
Рис. 166. Шалаш, покрытый дранцей. Кубеляк-телевцы (1022-3) 173
Рис. 167. Шалаш, покрытый войлоком. Бурзяне 174
Рис. 168. Деревянная кибитка – *ағас тирмә*. Сызгинцы 175
Рис. 169. Кибитки тюркского (слева) и монгольского (справа) типов. Катайцы (3935-179) 176
Рис. 170. Кибитки монгольского типа. Катайцы (1022-13) 176
Рис. 171. Семья богатого башкира внутри кибитки. Катайцы (3935-163a) .. 177
Рис. 172. Шалаш, покрытый сеном. Инзер-катайцы (3935-193) 178
Рис. 173. Досчатый балаган и кибитка. Барын-табынцы (3935-190) 180
Рис. 174. Шалаш и деревянный сруб – *бурама*. Тамьян-табынцы (1022-4) 180
Рис. 175. Деревянный сруб – *бурама* – на летовке. Инзер-катайцы (3935-212) 180
Рис. 176. Очаг в летнем жилище. Тамьян-табынцы 183
Рис. 177. Летовка дер. Ниазгуловой. Тамьян-табынцы 183
Рис. 178. Летовка. Горные катайцы 184
Рис. 179. Пластовая изба. Катайцы (3935-200) 186
Рис. 180. План пластовой избы (*а*): *б – урындык, в – мейес, г – көлдөксә, д – усак, е – сыуал, ж – сыуал алды*. 186
Рис. 181. Саманная изба. Катайцы (3935-203) 186
Рис. 182. Саманный амбар (бывшая изба). Катайцы (3935-204) 187

Рис. 183. Изба из двойного плетня. Катайцы (1022-7) 187
Рис. 184. Разрез стены плетневой избы 188
Рис. 185. План плетневой избы (*а*): *б – урындык, в – сыуал*. 188
Рис. 186. Избы: бревенчатая; из двойного плетня; плетневая, обмазанная глиной. Катайцы (3935-207) 188
Рис. 187. Бревенчатые избы. Катайцы 189
Рис. 188. Улица дер. Тунгатаровой. Барын-табынцы (3935-216) 189
Рис. 189. Пятистенная изба с двумя входами. Катайцы (3935-208). 190
Рис. 190. Двойная изба с сенями посредине. Кыр-кудейцы (3935-209) . . . 190
Рис. 191. План двойной избы: *а – кунак өйө, б – солан, в – аш өйө, г – урындык, д – сыуал, е – күтәрмә*. Табынцы 191
Рис. 192. Улица в дер. Анисовой. Инзер-катайцы (3935-210). 196
Рис. 193. Пластовая изба с камышовыми сенями. Катайцы (3935-205) 197
Рис. 194. Изба, покрытая драницей, с сенями из полубины. Инзер-катайцы (3935-211) 197
Рис. 195. Саманная изба с бревенчатыми сенями. Катайцы (3935-206) 198
Рис. 196. Нары: *а* – бурзяне, *б* – миницы 198
Рис. 197. План двойной избы с сенями посредине: *а – кунак өйө, б – өй алды, в – аш өйө, г – урындык, д – сыуал, е – күтәрмә* 198
Рис. 198. Камин – *сыуал* – в избе. Катайцы (3935-228) 199
Рис. 199. План к рис. 198: *а – көлдөксә, б – сыуал, в – мейес, г – усак*. Катайцы 199
Рис. 200. Разрез и план избы: *а – өй, б – урындык, в – көлдөксә, г – сыуал, д – мейес, е – усак, ж – мөрйә*. Катайцы 200
Рис. 201. Камин – *сыуал* – в избе. Катайцы (3935-227) 200
Рис. 202. Кирпичный камин – *сыуал* – с очагом. Катайцы 201
Рис. 203. Светец – *тимер аса*. Гайнинцы (1002-139) 201
Рис. 204. Плетневая кухня. Катайцы (3935-198) 201
Рис. 205. Плетневая клеть – *келәт* (*аласык*). Миницы (3935-195) 202
Рис. 206. Плетневая клеть – *келәт*. Катайцы (3935-197) 202
Рис. 207. Шалаш над ледником. Миницы (3935-194) 202
Рис. 208. План двора: *А, Б и В* – первый, второй и третий дворы; *а – ситән келәт, б, к – сыуал, в – ситән тупалык, г – һыйыр араны, д – ат араны, е – бесән кәртәһе, ж – саман өй, з – крылса, и – ситән солан, л – урындык, м – бакса, н – тәрәтхана*. Катайцы 203
Рис. 209. Камышовый забор. Катайцы (3935-221). 203
Рис. 210. План двора: *А – урам, Б – азбар, В – бакса, а – өй, б – солан, в, ж – тупалык, г, е – лапас, д – кура, з – мунса*. Табынцы 204
Рис. 211. План дворов (*А – В*) северо-западной области (слева): *а – өй, б – сыуал, в, д – тупалык, г – ат араны, е* – загоны для скота, *ж – мунса, з* – амбар; юго-западной области (справа): *а – өй, б – солан, в и г – тупалык, д и е* – загоны для скота, *ж – келәт*. 204
Рис. 212. Изба из одинарного плетня под одной крышей с хозяйственными постройками. Юрматынцы (3935-199) 205
Рис. 213. Расселение родовых групп в деревне: *а – ыласын, б – урускул, в – эткина, г – накандар, д* – место мечети 207
Рис. 214. Дер. Иткуль. Катайцы (1022-19) 208
Рис. 215. Дер. Усть-Бугалыш. Айлинцы (3935-215) 208
Рис. 216. Дер. Тунгатарова. Барын-табынцы 209

Глава XI. СПОСОБЫ И СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Рис. 217. Трензель. Бурзяне 212
Рис. 218. Седло – *эйәр* – мужское (*а*), кара-табынцы, и женское (*б*), инзер-катайцы 212
Рис. 219. Седло женское, украшенное резьбой, – *эйәр* 212
Рис. 220. Потник – *сергетыш*. Бурзяне (1234-61) 213
Рис. 221. Стремена – *өзәңге*: *а* – тангаурцы, *б* – бурзяне (1234-67, 1234-63-1-2) 213
Рис. 222. Переметная сума – *артмак*. Катайцы (1234-70) 214
Рис. 223. Перевозка груза на волокуше – *һөйрәтке*. Инзер-катайцы 214
Рис. 224. Перекочевка на телегах. Сызгинцы 215
Рис. 225. Телега на длинных дрожинах. Инзер-катайцы (1022-24) 215
Рис. 226. Головка хомута. Юрматынцы 215

Глава XII. СЕМЕЙНЫЙ БЫТ И НАРОДНЫЕ ПРАЗДНЕСТВА

Рис. 227. Колыбель – *бишек*. Катайцы (1234-134) 228
Рис. 228. Колыбель – *сәңгелдәк*. Гайнинцы (1002-133) 228
Рис. 229. Колыбель – *сәңгелдәк*. Кайлино-каршинцы 228
Рис. 230. Приспособление для ходьбы – *аяк арбаһы*. Урман-кудейцы (2881-659) 229
Рис. 231. Табор на празднике *карғатуй*. Барын-табынцы (3935-238) 233
Рис. 232. Игра в горелки на празднике *карғатуй*. Барын-табынцы (3935-240) 233
Рис. 233. Борьба на *майҙан*. Катайцы 235
Рис. 234. Борцы, получившие призы. Катайцы (1023-10) 235
Рис. 235. Участники состязания в беге; нижний ряд – получившие призы. Катайцы (1022-122) 235
Рис. 236. Праздник *һабантуй*, беговые лошади. Катайцы (1022-123) 236
Рис. 237. Праздник *һабантуй*, варка мяса. Катайцы (1022-119) 237
Рис. 238. Праздник *һабантуй*, приготовление колбас. Катайцы (1022-118) 237

Глава XIII. ИСКУССТВО И ФОЛЬКЛОР

Рис. 239. Резные ковши – *ижау*. Бурзяне 241
Рис. 240. Деталь прялки – *еп иләүес*. Кайлино-каршинцы 241
Рис. 241. Блок от ткацкого станка. Катайцы 241
Рис. 242. Челнок от ткацкого станка. Катайцы 241
Рис. 243. Деревянная подставка под сундук – *һандык аяғы*. Бурзяне 241
Рис. 244. Деревянная подставка под сундук – *һандык аяғы*. Катайцы 241
Рис. 245. Полочки для ложек 242
Рис. 246. Резные украшения столов. Бурзяне 242
Рис. 247. Резные оконные наличники 243
Рис. 248. Кожаная сума – *каптырға*, лицевая ее сторона. Бурзяне 244
Рис. 249. Налучье – *ук һазак*. Коллекция Уфимского музея 244
Рис. 250. Колчаны – *йәйә һазак*. Коллекция Уфимского музея 244

Рис. 251. Апликация на *сарык* 245
Рис. 252. Апликация на чулке (*а*) и на *сарык* (*б*) 246
Рис. 253. Апликация на чулке (*а*) и на *сарык* (*б*) 247
Рис. 254. Элементы орнамента апликаций 248
Рис. 255. Элементы орнамента апликаций 248
Рис. 256. Элементы орнамента апликаций 248
Рис. 257. Элементы орнамента апликаций 249
Рис. 258. Кисет – *янсык* 250
Рис. 259. S-образные фигуры шитого орнамента 251
Рис. 260. X-образные фигуры шитого орнамента 252
Рис. 261. Древовидные фигуры шитого орнамента 253
Рис. 262. Налобная повязка – *һарауыс*: *а* – кара-табынцы, *б* – барын-табынцы, *в* – катайцы, *г* – карагай-кипчаки 254
Рис. 263. Налобная повязка – *һарауыс*: *а* – катайцы, *б*, *г* – айлинцы, *в* – гирей-кипчаки 254
Рис. 264. Налобная повязка – *һарауыс*: *а*, *б* – гирей-кипчаки, *в*, *г* – карагай-кипчаки 254
Рис. 265. Налобная повязка – *һарауыс*: *а*, *в* – карагай-кипчаки, *б* – айлинцы, *г* – катайцы 254
Рис. 266. Налобная повязка – *һарауыс*: *а*, *в* – катайцы, *б*, *г* – айлинцы ... 256
Рис. 267. Налобная повязка – *һарауыс*. Собрание Уфимского художественного музея 256
Рис. 268. Подушка – *яҫтык* (*а*), карагай-кипчаки; ковер – *балаҫ* (*б*), минцы 258
Рис. 269. Молитвенный коврик – *намазлык*. Юрматынцы 258
Рис. 270. Кураист – *курайсы*. Гирей-кипчаки (1022-55) 263

Глава XIV. ПЕРЕЖИТКИ РЕЛИГИОЗНЫХ ДОИСЛАМСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Рис. 271. Амулет – *бетеу*. Катайцы (1234-87) 275

Глава XV. ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА БАШКИР

Рис. 272. Кара-табынец (3935-31a-b) 283
Рис. 273. Сызгинец (3935-28a-b) 283
Рис. 274. Сызгинец (3935-15a-b) 283
Рис. 275. Бурзянец (3935-20a-b) 286
Рис. 276. Тамьян-тангаурец (3935-8a-b) 286
Рис. 277. Карагай-кипчаковец (3935-10a-b) 287
Рис. 278. Гирей-кипчаковец (3935-3a-b) 287
Рис. 279. Гирей-кипчаковец (3935-21a-b) 288
Рис. 280. Барын-табынец (3935-2a-b) 288
Рис. 281. Слы-минец (3935-4a-b) 289
Рис. 282. Субыль-минец (3935-12a-b) 289
Рис. 283. Субыль-минец (3935-5a-b) 289
Рис. 284. Урман-кудеец (3935-27a-b) 290

Рис. 285. Дуван-мечетлинец (3935-14a-b) 290
Рис. 286. Тарнаклинец (3935-22a-b) 291
Рис. 287. Канлинец (3935-32a-b) 291

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рис. 288. Подъем пара с предплужником. Давлекановский район 308
Рис. 289. Сев озимых. Давлекановский район 308
Рис. 290. Уборка ржи самоходным комбайном. Давлекановский район 308
Рис. 291. Жеребец-производитель башкирской породы 309
Рис. 292. Жеребец-производитель донской породы 309
Рис. 293. Жеребец-производитель рысистой породы 309
Рис. 294. Табунщик 311
Рис. 295. Бык-производитель бестужевской породы 311
Рис. 296. Силосная башня. Архангельский район 311
Рис. 297. Колхозный коровник. Абзелиловский район 312
Рис. 298. Подкормка скота в жаркое время дня 312
Рис. 299. Колхозный телятник 312
Рис. 300. Баран-производитель породы прекос 313
Рис. 301. Свиноводка. Аургазинский район 313
Рис. 302. Колхозная птицеводческая ферма. Иглинский район 313
Рис. 303. Колхозная пасека. Архангельский район 314
Рис. 304. Школьные занятия по физике 319
Рис. 305. Студенты Уфимского педагогического института 319
Рис. 306. Ансамбль башкирской художественной самодеятельности 321
Рис. 307. Сельская библиотека. Бакалинский район 321
Рис. 308. Рентгеновский кабинет поликлиники в с. Аскино 325
Рис. 309. На нефтеперегонном заводе 325

Карта разделения Башкирии на дороги 46–47
Карта родовых групп и земельных башкирских дач 54–55
Карта разделения башкир на области по физическому типу 284–285
Карта разделения башкир на области по бытовым элементам 294–295
Диалектологическая карта современного разговорного языка башкир 300–301

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

От составителя указателя

Сергей Иванович Руденко родился в 1885 г. в г. Харькове в Украине, вырос на Урале, получил всестороннее образование на естественном отделении физико-математического факультета Петербургского университета. Ученик известнейшего не только в России, но и далеко за ее пределами этнографа и антрополога, доктора естественных наук Парижского университета, профессора Ф. К. Волкова, к моменту окончания университета (1910) С. И. Руденко был уже вполне зрелым ученым, достойным продолжателем идей и замыслов своего учителя.

Круг научных интересов С. И. Руденко поражает своей широтой. В какой бы области знаний он не работал: в этнографии, археологии, антропологии или в гидрологии (имел степень доктора технических наук), ученый все делал основательно, с глубоким знанием предмета исследования. В своих научных поисках он буквально исколесил Южный Урал, Казахстан, Западную Сибирь, Горный Алтай и Камчатку. Ему посчастливилось совершенствовать свои знания в лучших музеях, учебных заведениях и лабораториях Турции, Сирии, Палестины, Египта, Италии и Франции. С. И. Руденко прекрасно владел несколькими иностранными языками. В 25 лет ученый представлял Россию на Международном конгрессе антропологов и этнографов в г. Ниме (Франция). Еще при жизни он достиг многого, о чем бы мог мечтать любой исследователь, его труды вошли в золотой фонд российской этнологической науки.

Особое место в жизни и творчестве С. И. Руденко занимала Башкирия, башкиры, их самобытная культура и этническая история. Он вырос среди башкир, знал и тонко понимал их культуру, можно сказать, «знал их в лицо». Недаром свои первые экспедиции 1906 и 1907 гг. он проводит среди башкир, собирая этнографический и антропологический материал. В 1912 и 1913 гг. он продолжает изучение физического типа башкир почти по всем территориальным и родоплеменным группам, сопровождая свои публикации первоклассными по тому времени фотографиями и таблицами измерений.

Одна из первых работ С. И. Руденко – книга «Предания и сказки башкир», изданная в 1908–1909 гг. на французском языке в Париже. Монографии 1916 и 1925 гг., посвященные описанию физического типа и быта башкир, стоят первыми в длинном перечне научных трудов ученого. Его последняя крупная работа, опубликованная в 1955 г., также связана с историей и этнографией башкирского народа. Без преувеличения можно сказать, что фундаментальные труды С. И. Руденко предопределили содержание и основные направления развития башкирской

этнографии и антропологии, стали эталоном этнологического исследования. Такие работы мог писать только ученый, глубоко любивший свое дело и народ, которому он посвятил часть своей жизни.

Предлагаемый значительно дополненный библиографический указатель С. И. Руденко подготовлен на базе первого указателя, изданного к 100-летию со дня рождения ученого, составленного сестрой жены С. И. Руденко В. М. Сунцовой и опубликованного в 1986 г. под редакцией Н. В. Бикбулатова.

В 1998 г. в ИИЯЛ УНЦ РАН отделом этнографии и антропологии была организована Всероссийская конференция, посвященная 110-летию со дня рождения С. И. Руденко, и издан сборник «С. И. Руденко и башкиры». Большинство статей этого сборника также вошли в новый указатель.

Кроме этого, указатель дополнен статьями и материалами, посвященными С. И. Руденко, из сборника, изданного в 2004 г. к его 120-летию Алтайским государственным университетом в г. Барнауле. В этом же сборнике О. Г. Шмидт опубликован обновленный список научных трудов С. И. Руденко, который также был использован при подготовке данного библиографического указателя выдающегося ученого XX века С. И. Руденко.

Заведующий отделом этнологии
ИИЯЛ УНЦ РАН
кандидат исторических наук
Р. М. Юсупов

I. НАУЧНЫЕ ТРУДЫ С. И. РУДЕНКО

1908–1909

Traditions et contes bachkirs // Revue de Traditions populaires. Paris, 1908. Vol. 23. № 2–3. P. 49–63; 1909. Vol. 24. № 4–5. P. 129–136. (В списке цитируемой литературы: 1909. Vol. XXIX. № 4–6.)

Башкиры // Новый энциклопедический словарь. СПб., б. г. Т. 5. Стб. 483–508. Библиогр.: стб. 508.

Вогулы // Там же. Т. 11. Стб. 46–47. Библиогр.: стб. 47.

Грузины // Там же. Т. 15. Стб. 134–136. Библиогр.: стб. 136.

Корелы или карелы // Там же. Т. 22. Стб. 751–754. Библиогр.: стб. 754.

Культ предков // Там же. Т. 23. Стб. 632–634.

1910

Чувашские надгробные памятники // Материалы по этнографии России. 1910. Т. 1. С. 81–88.

Этнографические коллекции из бывших Российско-Американских владений // Там же. С. 155–200. В соавторстве с *Ф. К. Волковым*.

1911

Добывание огня трением у чувашей // Труды студенческих научных кружков физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Т. 1. Вып. I. С. 61–68: 1 л. ил. Рез. на фр. яз.

1912

Предварительный отчет об экспедиции на север Тобольской губернии // Отчет этнографического отдела Русского музея Императора Александра III за 1910 год. СПб., 1912. Приложение. С. 44–50.

1913

По поводу опыта антропологической классификации населения Земного шара А. А. Ивановского // Ежегодник Русского антропологического общества при Санкт-Петербургском университете. 1913. Т. 4. С. 159–172.

1914

Études de la crane et ossements humains // Bulletinset memoriesde la Société ďAnthropologie de Paris. 1914. Janv. P. 1–6. В соавторстве с *И. Раковским*.

Resultats de mensuration antropologique sur le peuplade du Nor-ouest de la Sibérie // Bulletinset memoriesde la Société ď Anthropologie de Paris. 1914. Mars. P. 123–143.

Notes sur les variations de l'inclinations de la tęte du femur etsur la hauteur ischio-suscotyloidienne suivant l'indise busto-sqelique // Bulletinset memoriesde la Société ďAnthropologie de Paris. 1914. Mai. P. 200–204.

Études de squelettes Gaulois // Bulletinset memoriesde la Société ďAnthropologie de Paris. 1914. Juin. P. 257–268.

Погляд на антропологічні відносини українського народу // Праці наукового товариства ім. Т. Г. Шевченка. Львів, 1914. С. 1–9. В соавторстве с *И. Раковским*.

Антропологическое исследование инородцев Северо-Западной Сибири // Зап. Академии наук. Серия 8. Физико-математическое отделение. 1914. Т. 33. № 3. С. 1–125: 7 л. ил.

Инородцы Нижней Оби: Этнографический очерк // Тр. Общества землеведения при Санкт-Петербургском университете. 1914. Т. 3. С. 28–44: ил., 2 табл., 1 л. карт, 1 прилож.

Лаклинская и Игнатьева пещеры Южного Урала // Там же. С. 118–132: 5 табл., 2 л. карт.

Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска // Материалы по этнографии России. 1914. Т. 2. С. 35–36: ил.

1915

Половое бессилие в этнографической литературе // *Якобзон И.* Половое бессилие. Пг., 1915. С. 5–12 (описано по отдельному оттиску).

Пособие для остеометрии. Пг.: Пг. ун-т, 1915. 30 с.: ил., табл. (литограф. изд.).

Размеры бедра и таза в пропорциях человеческого тела // Ежегодник Русского антропологического общества при Санкт-Петербургском университете. 1915. Т. 5. С. 89–98.

1916

Башкиры: Опыт этнологической монографии. Ч. I. Физический тип башкир // Зап. Русского географического общества по отд-нию этнографии. Пг., 1916. Т. 43. Вып. I. 312 с.: ил., 4 л. карт.

Лебедев Н. Н. [Некролог] // Ежегодник Русского антропологического общества при Санкт-Петербургском университете. 1916. Т. 16. С. V–VIII.

Обычай // Новый энциклопедический словарь. Пг. (Ценз.: 1916). Т. 29. Стб. 194–197.

Огонь // Там же. Стб. 249–253.

Одежда // Там же. Стб. 262–270.

Орочи // Там же. Стб. 698–699.

Орудие // Там же. Стб. 715–717.

Оружие // Там же. Стб. 721–723.

Остеометрия // Там же. Стб. 825–827. Библиогр.: стб. 827.

Остяки // Там же. Стб. 962–965. Библиограф.: стб. 964–965.

Указатель русской антропологической литературы за 1912 и 1913 // Ежегодник Русского антропологического общества при Санкт-Петербургском университете. 1916. Т. 6. С. 157–176.

1918

Описание скелетов из Прохоровских курганов. К ст.: *Ростовцев И. И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // Материалы по археологии России. 1918. № 37. С. 84–102: 1 л. ил.

Отчет о раскопках Прохоровских курганов // Материалы по археологии России. 1918. № 37. С. 2–12: ил.

1921

Остатки первобытного человека в Южной Африке // Экскурсионное дело. 1921. № 2–3. С. 240–242: ил.

1922

Ископаемые люди // Географический вестник. 1922. Т. 1. Вып. 2–3. С. 21–24: 1 табл.

Последние данные к вопросу о происхождении человека // Природа. 1922. № 8–9. С. 5–10.

1924

Географический и этнографический очерк Сибири // Вся Сибирь: справочная и адресная книга на 1924 год. Л., 1924. С. 1–16.

Предисл. к кн.: *Крофорд*. Человек и его прошлое / Пер. с англ. *Ф. А. Фиельструп*; Ред. *С. И. Руденко*. Л., 1924. С. 11–12.

Музей истории человечества // Музей. 1924. № 2. С. 35–41.

1925

Башкиры: Опыт этнологической монографии. Ч. 2. Быт башкир // Зап. Русского географического общества по отд-нию этнографии. Л., 1925. Т. 43. Вып. 2. 330 с.: ил., 4 л. карт., библиогр.

Рец.: *Воробьев Н. И.* [Рецензия] // Этнография. 1928. № 1. С. 134–137.

Инструкция для измерения черепа и костей человека: Материалы по методологии археологической технологии / Российская академия истории материальной культуры. Л., 1925. 40 с.: 9 л. ил.

1926

Алтайская экспедиция / Государственный Русский музей // Этнографические экспедиции 1924–1925 гг. Л., 1926. С. 61–78: 6 фотогр.

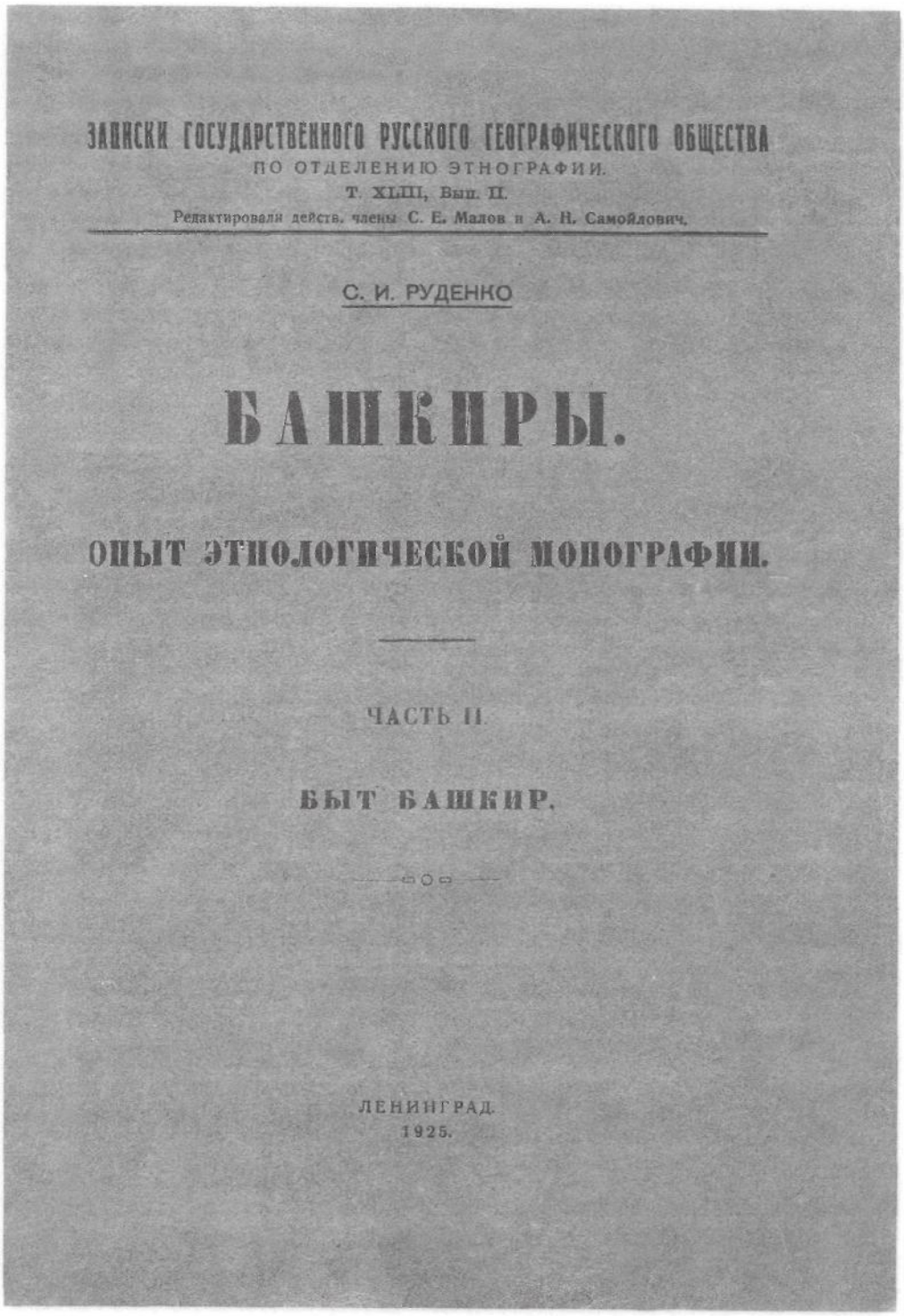
Главнейшие успехи антропологии в СССР за время Революции // Научный работник. 1926. № 2. С. 33–42.

Погребение человека каменного века в Восточном Алтае // Природа. 1926. № 5–6. Стб. 108–109.

Современное состояние и ближайшие задачи этнографического изучения турецких племен // Первый всесоюзный тюркологический съезд. Баку, 1926. С. 58–66.

1927

Physical Antropology in Russia (USSR) // American Journal of Physical Anthropology. 1927. July – Sept. Vol. 10. № 3. P. 483–486.



Обложка издания 1925 г.

Антропологические особенности западных казахов // Казаки: Антропологические очерки (Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик. Вып. 3. Серия казахстанская). Л., 1927. С. 88–221: ил., табл.

Могильник Кудерге на Алтае // Материалы по отделению этнографии Географического общества СССР. 1927. Т. 3. Вып. 2. С. 37–52: ил. В соавторстве с *А. Н. Глуховым*.

Очерк быта казахов бассейна рек Уила и Сагыза // Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик. Вып. 3. Серия казахстанская. Л., 1927. С. 7–57: ил.

1928

Погляд на антропологічні відносини українського народу // Праці наукового товариства ім. Т. Г. Шевченка. Б. м., 1928. С. 1–10. В соавторстве с *И. Раковым*.

1929

Les sepultures de l'Époque des kourganes de Minoussinsk // L'Antropologie. Paris, 1929. Т. 9. P. 401–430.

Графическое искусство остяков и вогул // Материалы по отд-нию этнографии Географического общества СССР. 1929. Т. 4. Вып. 2. С. 13–40: ил., 5 табл. Рез. на фр. яз.

Исключительная находка на Алтае: Интервью с С. И. Руденко // Ленинградская правда. 1929. 17 мая.

Объяснительная записка к этнографической карте Сибири // Тр. комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных территорий / Ред. изд. акад. *С. Ф.Ольденбург* и *С. И. Руденко*. Л., 1929. № 17.

Перевес // Материалы по отд-нию этнографии Географического общества СССР. 1929. Т. 4. Вып. 2. С. 1–12: ил., карты. Рез. на фр. яз.

1930

К палеоантропологии Южного Алтая // Материалы комиссий экспедиционных исследований. Вып. 15: Казаки: Сб. ст. антропологического отряда Казахстанской экспедиции АН СССР. Исследования 1927 года / Под ред. *С. И. Руденко*. Серия казахстанская. Л., 1930. С. 137–158: ил.

Очерк быта северо-восточных казаков // Там же. С. 1–72.

1931

«Скифское» погребение Восточного Алтая // Сообщения Государственной Академии по истории материальной культуры. 1931. № 2. С. 25–31: ил.

1932

Эмпирические данные об элементах волны на озерах средней величины и искусственных бьефах // За качество (Медвежья Гора). 1932. 1 дек. С. 116–119.

1933

Волны и ветер // За качество (Медвежья Гора). 1933. 2 мая. С. 221–224.

Сгонные и нагонные явления на озере Выг // Там же. 18 мая. С. 225–228.

1935

Донный лед на реке Нижний Выг // Беломор.-Балт. комбинат (Медвежья Гора). 1935. № 4.

Приливы и отливы на участке Нижне-Туломского строительства // Там же. 1935. № 5. С. 11–16.

Пропуск паводка 1935 г. через Нижне-Туломский гидротехнический узел // Там же. № 10–11. С. 40–44: ил.

1938

Вопросы расчета потерь на испарение при проектировании водохранилищ // Тр. Государственного гидрологического института. 1938. Вып. 2. С. 255–286.

1939

Об учете влияния ледяного и снегового покровов на водный баланс естественных и искусственных водоемов // Метеорология и гидрология. 1939. № 1. С. 58–68. В соавторстве с *В. Г. Андреяновым*.

1941

Вопросы расчета потерь на испарение при проектировании водохранилищ // Тр. Государственного гидрологического института. Вып. 2. Вопросы гидрофизики. 1941. С. 285–286: ил., библиогр.

1944

Скифская проблема и алтайские находки // Изв. Академии наук. Серия ист. и филос. 1944. Т. 1. № 6. С. 266–275: ил.

1946

К методике изучения элементов озерной волны // Научный бюллетень Ленинградского государственного университета. 1946. № 7. С. 31–39.

1947

Древние наконечники гарпунов азиатских эскимосов // Тр. Института этнографии АН СССР. Новая серия. 1947. Т. 2. С. 233–256: ил.

Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1947. 135 с.: 38 л. ил., карт., библиогр.

Рец.: *Левин М. Г.* [Рецензия] // Советская этнография. 1949. № 1. С. 122–130.

1948

Второй Пазырыкский курган: Результаты работ экспедиции ИИМК АН СССР в 1947 г. Предварительное сообщение. Л.: Гос. Эрмитаж, 1948. 64 с.: 15 л. ил., библиогр.: с. 61–63.

Испарение с водной поверхности и потери на испарение с больших водохранилищ // Тр. Государственного гидрологического института. 1948. Вып. 3 (57). С. 3–90: ил., табл., библиогр.: с. 88–89.

Культура доисторического населения Камчатки // Советская этнография. 1948. № 1. С. 153–179: ил., 1 л. карт.

1949

Древнейшая скифская татуировка // Советская этнография. 1949. № 3. С. 133–143: ил.

Искусство скифов Алтая. М.: Изд-во ГМИИ им. А. С. Пушкина, 1949. 90 с.: ил., библиогр.: с. 87–90. В соавторстве с *Н. М. Руденко*.

Культура Алтая времени сооружения Пазырыкских курганов // Краткие сообщ. Института истории материальной культуры АН СССР. 1949. Вып. 26. С. 97–109: 1 ил.

Предварительное сообщение о раскопках в Улагане 1947 г. // Советская археология. 1949. № 11. С. 261–270: ил.

Татуировка азиатских эскимосов // Там же. № 1. С. 149–154: ил.

1950

К древнейшей истории Горного Алтая: Горно-Алтайская экспедиция ИИМК АН СССР 1949 г. // Вопросы истории. 1950. № 2. С. 155–159.

Раскопки пазырыкской группы курганов // Краткие сообщ. Института истории материальной культуры АН СССР. 1950. Вып. 32. С. 11–25: ил.

1951

Башадарские курганы // Тез. докл. на сессии Отд-ния истории и философии и пленуме ИИМК, посвященной итогам археологических исследований 1946–1950 гг. М., 1951. С. 49–51.

Пятый Пазырыкский курган // Краткие сообщ. Института истории материальной культуры АН СССР. 1951. Вып. 37. С. 106–116: ил.

Сокровища Пазырыкских курганов // По следам древних культур. М., 1951. С. 113–142: 4 л. ил.

Стрелы и принадлежности для стрельбы из лука // Исторический памятник русского мореплавания XVII в. М.; Л., 1951. С. 97–102: ил.

Der Zweite Kurgan von Pazyryk. Arbeits ergebnisse der Expedition des Instituts für Geschichte der Materiallen Kultur der Akademie der Wissenschaften der UdSSR v. g. 1947. Berlin, 1951. 96 s. mit il.; 15 s. il.

1952

Башадарские курганы // Краткие сообщ. Института истории материальной культуры АН СССР. 1952. Вып. 45. С. 30–39: ил.

Горноалтайские находки и скифы. М.; Л., 1952. 268 с.: 2 л. ил., библиогр.

Рец.: *Смирнов К. Ф.* [Рецензия] // Вопросы истории. 1953. № 2. С. 119–122.

Рец.: *Кызласов Л. Р., Смирнов К. Ф.* [Рецензия] // Советская археология. 1954. Т. 19. С. 328–385.

1953

Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. 402 с.: ил., 120 табл., библиогр.

Рец.: *Каралькин П. И.* Древняя культура Горного Алтая // Сибирские огни. 1953. № 6. С. 179–180.

Рец.: *Розен М.* Новый научный труд по археологии Алтая // Бийский рабочий. 1953. № 120 (5759).

Рец.: *Чернецов В. М.* [Рецензия] // Советская этнография. 1954. № 2. С. 183–187.

Рец.: *Евтюхова Л. А.* [Рецензия] // Вопросы истории. 1954. № 6. С. 145–150. Ответ *С. И. Руденко* рецензенту: Вопросы истории. 1955. № 11. С. 120–123.

1954

В курганах Горного Алтая: работы Института истории материальной культуры: [Беседа с начальником экспедиции С. И. Руденко] // Вечерний Ленинград. 1954. 22 окт.

1955

Башкиры: Историко-этнографические очерки. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 392 с.: ил., 5 л. карт., библиогр.

Рец.: *Кузеев Р. Г.* [Рецензия] // Советская этнография. 1956. № 2. С. 154–158.

О датировке Горноалтайских курганов // Вопросы истории. 1955. № 11. С. 120–123.

Сокровища Горного Алтая // Нева. 1955. № 4. С. 134–140: ил.

1957

I grifoni custodi dell'oro // Realtŕ sovietica. Roma, 1957. An. 5. № 6. P. 28–29: 6 photo.

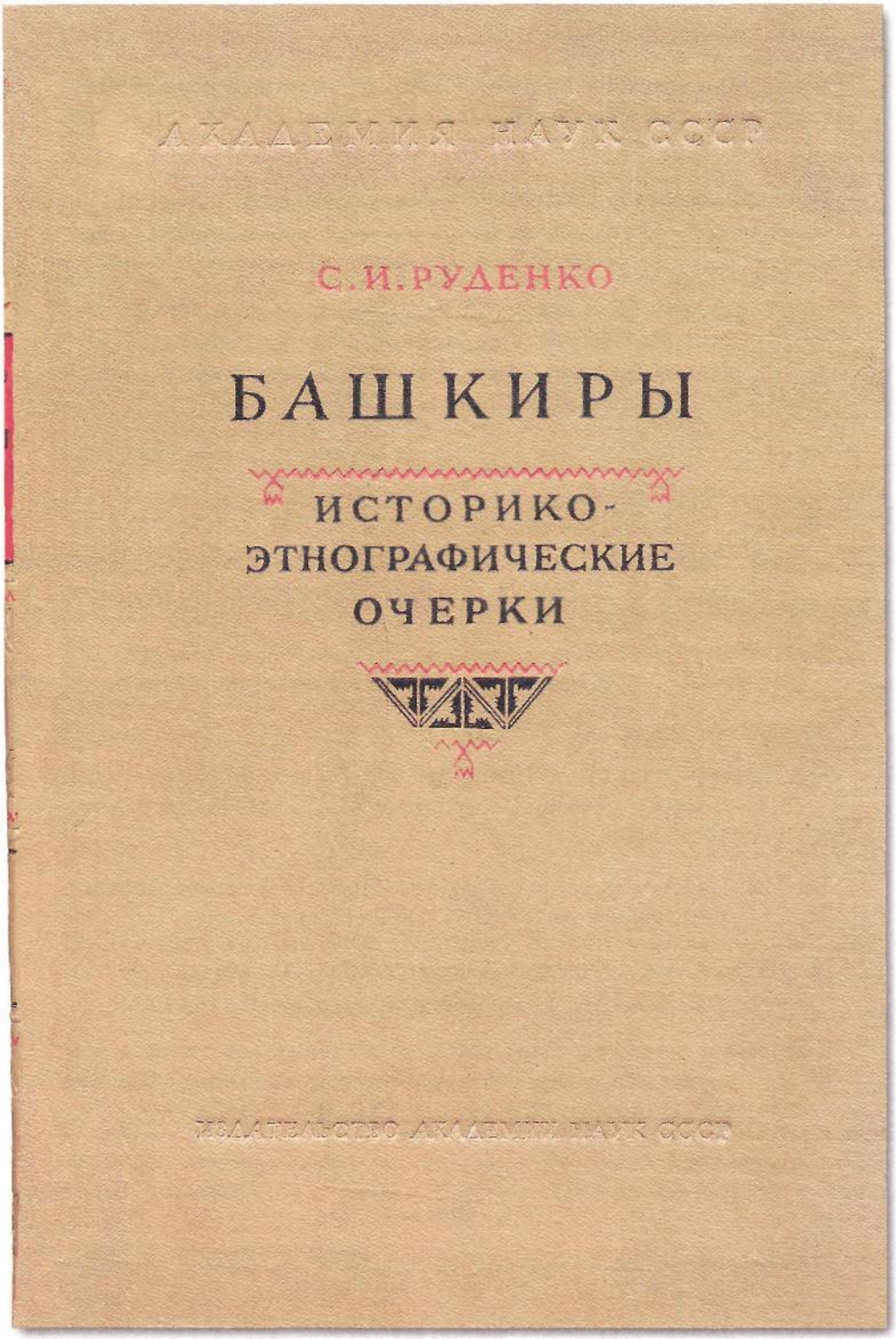
К вопросу о датировке и историко-культурной оценке горноалтайских находок // Советская археология. 1957. Т. 27. С. 301–306.

О древних связях Китая с племенами Алтая // Каогу сюэбао. 1957. № 2 (16). С. 37–48: ил. Кит.

1958

The Mythological Eagle, the Gryphon, the Winged Lion and the Wolf in the Art of Northern Nomads // Artibus Asiae. 1958. Vol. 21. № 2. P. 101–122: il., 5 tab.

О чем поведали курганы // Наука и жизнь. 1958. № 10. С. 23–25: ил.



Обложка издания 1955 г.

1960

The Troove of Pazyryk Horison // Magazine of the Arts. N. Y., 1960. № 1 (jan.). P. 110–112: il.

Алтай и его древние обитатели // Докл. на ежегодных чтениях памяти Л. С. Берга. Чт. IV–VII. 1956–1959. М.; Л., 1960. С. 60–74.

Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 360 с.: ил.

Культура населения Горного Алтая в скифское время и ее связи с культурами Азии и Китая // Науч. конф. по истории Сибири и Дальнего Востока дооктябрьского периода: доклады. Подсекция археологии, этнографии и антропологии Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1960. С. 45–46.

Усть-Канская палеолитическая стоянка // Материалы и исследования по археологии СССР. 1960. № 79. С. 104–125: ил.

[Рецензия] // Советская археология. 1960. № 1. С. 312–315. Рец. на: *Грязнов М. П.* Древнее искусство Алтая: альбом. Л., 1958. Ответ *М. П. Грязнова*: Советская археология. 1960. № 4. С. 236–238.

1961

The Ancient Cultur of the Bering Sea and Eskumo Problem / Transl. *P. Tolstoy*. Toronto: Univ. Toronto Press, 1961. 198 p.: il., cart., 38 tab. il.

The Ust'-Kanskaia Paleolithic Cave Site. Siberia // American Antiquiti. 1961. Vol. 27. № 2. P. 203–215: il., bibliogr.

Искусство Алтая и Передней Азии. Середина I тысячелетия до н. э. М., 1961. 68 с.: 9 л. ил., библиогр.

К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Материалы по отд-нию этнографии Географического общества СССР. Докл. за 1958–1961 гг. 1961. Ч. I. С. 1–15.

1962

Жидкие сцинтилляторы для радиоуглеродного датирования в археологии // Radioisotops in the Physical Sciences and Industry. Vienna: Internat. Atomic Energey Agency, 1962. Vol. I. P. 91–99. (Proceeding of the Conference on the use of radioisotopes in the physical sciences and industry held by the international atomic energy agency, with the cooperation of the United Nations educational, scientifique and cultural organization at Copenhagen, 6–17 sept. 1960. In 3 vols. Англ., фр., рус. В соавторстве с *Е. Е. Стариком, В. В. Артемьевым, С. В. Бутомо, В. М. Дрожжиным, Е. Н. Романовой.*

Культура хуннов и Ноинулинские курганы / Отв. ред. *К. В. Тревер*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 205 с.: 73 л. ил., библиогр.

Сибирская коллекция Петра I. М.; Л., 1962. 52 с.: 27 л. ил., библиогр.

Счетчик веков // Звезда. 1962. № 5. С. 182–183.

1963

Григорий Николаевич Потанин как этнограф // Изв. Всесоюзного географического общества. 1963. Т. 95. Вып. 2. С. 177–180.

Из истории древней металлургии и литейного дела // Материалы по отд-нию этнографии Географического общества СССР. 1963. Вып. 3. С. 17–26.

Предисл. к кн.: Новые методы в археологических исследованиях: Сб. ст. / Отв. ред. *С. И. Руденко*. Л., 1963. С. 3–8.

1964

Die Sibirische Sammlung Peters I. Düsseldorf, 1964. S. 1–67: 27 s. il.

The Culture of Prehistorie Population of Kamchatka // The Archaelogy of Northern Asia. Canada, 1964. P. 265–295.

О работе радиоуглеродной лаборатории Института археологии АН СССР // Абсолютная геохронология четвертичного периода. М., 1964. С. 17–19.

1965

Gold Guarding Griffins. Southern Siberia in Scythian timens. N. Y., 1965. 128 p.: 113 il. Описано по авторской записи: Архив РАН, Санкт-Петербургский филиал. Ф. 1004. Оп. 1. Д. 212. Л. 97.

К вопросу об историческом синтезе: по поводу одной дискуссии // Докл. по отд-нию этнографии Географического общества СССР. 1965. Вып. 1 (4). С. 59–66.

1966

Bibliographical References to Central Asia and the Caucasus // Series of the Peabody Museum of Archaelogy and Ethnology. Harvard: Un-ty Press, 1966. Vol. 3. P. 175–177.

Археологические исследования П. К. Козлова в аспекте исторической географии // Изв. Всесоюзного географического общества. 1966. Т. 98. № 3. С. 240–246: библиогр. В соавторстве с *Л. Н. Гумилевым*.

О возрасте сибирских мамонтов // Докл. по отд-нию этнографии Географического общества СССР. 1966. Вып. 3. С. 51–55.

1967

Итоги дискуссии по проблеме этногенеза // Докл. отд-ний и комиссий Географического общества СССР. Л., 1967. Вып. 3. С. 108–112.

Ноин-Ула // Советская историческая энциклопедия. М., 1967. Т. 10. Стб. 301.

Пазырык // Там же. Стб. 724–725.

1968

Культура бронзы Минусинского края и радиоуглеродные датировки // Докл. отд-ний и комиссий Географического общества СССР. Л., 1968. Вып. 5. С. 39–45.

Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Горного Алтая. М.: Искусство, 1968. 136 с.: ил., библиогр. Рез. на англ., фр., нем. яз.

Падзирику Кофун-но // Согудо-то харедзуму согд. Токио, 1968. С. 5–38 (I ст. из. кн.: По следам древних культур. 1951). Яп.

1969

Die Kultur der Hsiung-nu und die Hügelgräber von Noin-Ula / Übers. Auf dem Rüss. *H. Pollems*; Vorwort *K. Iettmar* // Antiquitas Reihe. Bonn, 1969. Bd. 7. № 3. 320 s.: il.

Studien über das Nomadentum // Vichwirschaft und Hirtenkultur. Ethnographische Studien. Bd.: Akadémiae Kiadó, 1969. S. 15–32.

Юбилей уңайы менән бер-ике теләк (Несколько пожеланий в связи с юбилеем) // Совет Башкортостаны. 1969. 21 март.

[Рецензия] // Советская археология. 1969. № 7. С. 286–288. Рец. на: *Вадецкая Э. Б.* Древние идолы Алтая. М.; Л., 1967.

1970

Frozen Tombs of Siberia: The Pazyryk Burials of Iron Age Horsemen / Transl. autors revisions Prof. *M. W. Thomson*. Berkley; Los Angeles: Univ. Calif. Press, 1970. 340 p.: il., cart.

Предисл. к кн.: *Гумилев Л. Н.* Поиски вымышленного царства. М., 1970. С. 3–8.

Опыт применения методов естественных наук к исследованию неолитических памятников // Докл. отд-ний и комиссий Географического общества СССР. 1970. Вып. 15. С. 38–59: ил.

1971

Сравнительная этнография тангутов и их потомков // Этнография народов СССР: [Сб. посвящен памяти С. И. Руденко]. Л., 1971. С. 21–30.

Искусство Алтая и Южной Сибири в скифское время // История искусства народов СССР. М., 1971. Т. 1. С. 255–275: ил.

1972

Die Ugrie und die Nenzen an Untern Ob: Ihre Vergangen heit und ihre Familien und Sippenver haltnisse // AE. Budapest, 1972. T. 21 (1–2).

1973

Башкирские сказки и поверья // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1973. Т. 5. С. 17–31.

1996

Скифская проблема и алтайские находки // Антология советской археологии (1941–1956). М., 1996. Т. III.

II. НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ МОНОГРАФИИ С. И. РУДЕНКО

(Материалы Санкт-Петербургского архива РАН, г. Санкт-Петербург)

1. Угры и ненцы нижнего Приобья. 1960. Ф. 1004. Оп. 1. Д. 69. Л. 1–192.

   Материалы к монографии: Д. 66–86.

2. Искусство палеолита и народов Крайнего Северо-Востока Азии. 1963–1964. Ф. 1004. Оп. 1. Д. 106.

   Материалы к монографии:

   Искусство древнего каменного века и искусство народов Крайнего Северо-Востока Азии. Машинописный текст: Д. 107. Л. 1–13.

   Иллюстрации, фотографии: Д. 108. Л. 1–64.

3. Дин-лины и современное им искусство минусинской бронзы. 1967. Ф. 1004. Оп. 1. Д. 124. Л. 1–120.

   Материалы к монографии:

   Культура и искусство среднего Енисея скифского времени. Дин-лины и культура населения среднего Енисея в скифское время. Фрагменты монографии. 1967. Д. 125. Л. 1–136.

   О минусинских древностях: Ст. 1967. Д. 126. Л. 1–17.

   Каменные изваяния Минусинского края: Ст. 1967. Д. 127. Л. 1–14.

4. Мертвый город древнего Тангутского царства. 1968. Ф. 1004. Оп. 1. Д. 130. Л. 1–132.
   Иллюстрации к монографии: фотографии, рисунки, карты: Д. 131. Л. 1–71; Д. 543. Л. 1–16.

5. Памяти Федора Кондратьевича Волкова (к пятидесятилетию со дня смерти). Очерк жизни и научного творчества. 1968. Ф. 1004. Оп. 1. Д. 132. Л. 1–47.

III. ЛИТЕРАТУРА О НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С. И. РУДЕНКО

РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ

1928

Воробьев Н. И. [Рец. на кн.: *С. И. Руденко.* Башкиры: Опыт этнологической монографии. Ч. 2. Л., 1925] // Этнография. 1928. № 1. С. 134–137.

1929

Марр Н. Я. К отчету о заграничной командировке // Докл. АН СССР. Л., 1929. № 17. С. 321–327 (цитата и отзыв на сообщение *С. И. Руденко* об открытии Пазырыкского кургана: с. 323–324).

Б. а. Скифские погребения на Алтае // Хочу все знать. 1929. 21 нояб.

Б. а. Пазырыкские раскопки // Красная панорама. 1929. 13 дек.

Б. а. Быт скифской эпохи // Красная газета. 1929. 24 дек.

Б. а. Раскопки алтайских курганов // Красная газета. 1929. 26 сент.

1930

А. К. Прошлое Алтая // Звезда Алтая. 1930. 11 янв.

1932

Бернштам А. Н. Идеализм в этнографии: Руденко и руденковщина // Сообщ. Государственной Академии истории материальной культуры. 1932. № 1–2. С. 22–27.

Горбунова Г. П. Об одной «научной» экспедиции // Антропологический журнал. 1932. № 1. С. 113–120.

1949

Левин М. Г. [Рец. на кн.: *С. И. Руденко.* Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.; Л., 1947] // Советская этнография. 1949. № 1. С. 122–130.

1950

Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. 93 с.

1952

Витт В. О. Лошади Пазырыкских курганов // Советская археология. 1952. № XVI. С. 163–205.

1953

Смирнов К. Ф. [Рец. на кн.: *Руденко С. И.* Горноалтайские находки и скифы. М.; Л., 1952] // Вопросы истории. 1953. № 2. С. 119–122, 266.

Розен М. Новый научный труд по археологии Алтая: [Рец. на кн.: *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953] // Бийский рабочий. 1953. 2 окт.

Каралькин П. И. Древняя культура Горного Алтая // Сибирские огни. 1953. № 6. С. 179–180.

Таднев П. Археологические памятники Горного Алтая: [Рецензия на книгу *С. И. Руденко* «Горноалтайские находки и скифы». М.; Л., 1952] // Алтайская правда. 1953. 4 янв.

Указатель памятников и авторов // Советская археология. 1953. № 27. С. 618.

1954

Чернецов В. М. [Рец. на кн.: *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953] // Советская этнография. 1954. № 2. С. 183–187.

Окладников А. П. Оленный камень с реки Иволги // Советская археология. 1954. Т. 19. С. 207–220.

Кызласов Л. Р., Смирнов К. Ф. [Рец. на кн.: *Руденко С. И.* Горноалтайские находки и скифы. М.; Л., 1952] // Советская археология. 1954. Т. 19. С. 328–385.

Б. а. Археологические раскопки на Алтае // Известия. 1954. 17 дек.

Дворцов Н. О чем рассказывают курганы // Сталинская смена (Барнаул). 1954. 11 июля.

Б. а. В курганах Горного Алтая: Работы экспедиции Института истории материальной культуры // Вечерний Ленинград. 1954. № 251.

Евтюхова Л. А. [Рец. на кн.: *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953] // Вопросы истории. 1954. № 6. С. 145–150. Ответ *С. И. Руденко* рецензенту: Вопросы истории. 1955. № 11. С. 120–123.

1956

Кузеев Р. Г. [Рец. на кн.: *Руденко С. И.* Башкиры: Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1955] // Советская этнография. 1956. № 2. С. 154–158.

1959

Замотории И. М. Относительная хронология Пазырыкских курганов // Советская археология. 1959. № 1. С. 21–30.

1960

Грязнов М. П. По поводу одной рецензии // Советская археология. 1960. № 4. С. 236–238.

1962

Кузеев Р. Г., Авижанская С. А. Этнографические коллекции по башкирам Государственного музея этнографии народов СССР: [Об экспедициях *С. И. Руденко* в Башкирию в 1906, 1907 и 1912 гг. и собранных коллекциях] // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1962. Т. 1. С. 344–357.

1963

Бутомо С. В. Применение радиоуглеродного метода в археологии // Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 9–31.

1964

Григорьев С. В. Внутренние воды Карелии и их использование: Биобиблиографический указатель. Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1964 (о С. И. Руденко: № 814, 1044, 1147–1150, 1231, 1232, 1296).

1965

Каралькин П. И. Исследователь Горного Алтая (К 80-летию со дня рождения С. И. Руденко) // Звезда Алтая. 1965. 14 февр.

Массон В. М. К 80-летию С. И. Руденко // Советская археология. 1965. № 4. С. 233–239. Список научных трудов С. И. Руденко: с. 240–241.

Степанов Н. Н. Творческий путь С. И. Руденко // Изв. Всесоюзного географического общества. 1965. Т. 97. № 3. С. 294–297.

1967

Сәғитов Т. Фән ҡаһарманы (Подвижник науки) // Совет Башҡортостаны. 1967. 21 дек. Башк.

1968

Сәғитов Т. Оло ғалим сәләме (Приветствие большого ученого) // Башҡортостан пионеры. 1968. 31 янв. Башк.

1969

Бикбулатов Н. В., Мажитов Н. А. Археология и этнография Башкирии за 50 лет // Наука в Советской Башкирии за 50 лет. Уфа, 1969. С. 512–530 (о С. И. Руденко: с. 524–525, 526–527).

1970

Гумилев Л. Н. С. И. Руденко (1885–1969): [Некролог] // Изв. Всесоюзного географического общества. 1970. Т. 102. Вып. 1. С. 91–93.

Долуханов П. М. С. И. Руденко: [Некролог] // Советская археология. 1970. № 2. С. 303–304.

Степанов Н. Н. С. И. Руденко // Географическое общество за 125 лет. Раздел «Этнография». Л.: Наука, 1970. С. 193–200: ил.

Сәғитов Т. «Башҡорттар» китабының авторы: (мәшһүр ғалим тураһында бер-ике һүҙ (Автор книги «Башкиры»: несколько слов о знаменитом ученом) // Ағиҙел. 1970. № 2. 119–120-се б. Башк. (Четыре башкирских предания, записанных С. И. Руденко: с. 121–123).

1971

От отделения этнографии: [Вступ. ст. к сборнику, посвященному памяти С. И. Руденко] // Этнография народов СССР. Географическое общество. Отд-ние этнографии. 1971. С. 3–5.

Гумилев Л. Н. С. И. Руденко и современная этнография аридной зоны евразийского континента // Этнография народов СССР: [Сб. посвящен памяти С. И. Руденко]. Л., 1971. С. 6–14.

Артамонов М. И. Вопросы хронологии скифо-сибирского золота // Советская археология. 1971. № 3. С. 40– 57.

Крюкова Т. А. Коллекция С. И. Руденко в Государственном музее этнографии народов СССР // Этнография народов СССР: [Сб. посвящен памяти С. И. Руденко]. Л., 1971. С. 15–20.

1973

Григорьев С. В. Естествознание и техника в Карелии: Биографический словарь. Петрозаводск: Карелия, 1973. С. 22 (годы работы С. И. Руденко: 1930–1936). (Биография С. И. Руденко: с. 98).

Бикбулатов Н. В. С. И. Руденко и башкирская этнография // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1973. Т. 5. С. 9–16.

1974

Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 572 с. (о С. И. Руденко: с. 23).

1975

Бикбулатов Н. В. Күренекле тикшеренеүсе: С. И. Руденконың тыуыуына 90 йыл тулыуға ҡарата (Видный исследователь:

к 90-летию со дня рождения С. И. Руденко) // Совет Башкортостаны. 1975. 22 март.

1977

Руденко Сергей Иванович (фонд 1004) // Тр. Архива. Вып. 27: Архив АН. Обозрение архивных материалов. Л.: Наука, 1977. Т. 8. С. 143–145.

1982

Бикбулатов Н. В. Об изучении проблемы происхождения и этнической истории башкирского народа // Вопросы этнической истории Южного Урала. Уфа, 1982. С. 132–142 (о С. И. Руденко: с. 132–133).

1984

Шитова С. Н. Традиционные поселения и жилища башкир. Вторая половина XIX – первая четверть XX в. М.: Наука, 1984. 252 с. (о С. И. Руденко: с. 14).

1985

Бикбулатов Н., Шәкүр Р. Мөхәббәте уның – Башкортостан: С. И. Руденконың тыуыуына – 100 йыл (Башкирия – его любовь: 100 лет со дня рождения С. И. Руденко) // Аҡиҙел. 1985. № 1. 125–127-се б. Башк.

Мурзабулатов М. Выдающийся исследователь Башкирии // Вечерняя Уфа. 1985. 29 янв.

Бородаев В. Б. Открыватель пазырыкских курганов // Алтайская правда. 1985. 9 янв. (перепеч. в газ. «Алтай туристский» (Горно-Алтайск). 1985. 6 февр.).

Бородаев В. Б. Юбилей ученого (К 100-летию со дня рождения С. И. Руденко) // Звезда Алтая (Горно-Алтайск). 1985. 5 февр.

Суразаков А. Первооткрыватель Пазырыка (Об исследователе археологии Горного Алтая С. И. Руденко) // Звезда Алтая (Горно-Алтайск). 1985. 10 дек.

Бикбулатов Н. В. Жизнь, отданная науке: К 100-летию со дня рождения С. И. Руденко // Советская Башкирия. 1985. 6 февр.

Шәкүр Р. Мәшһүр ғалимдың асыл мирасы (Драгоценное наследие знаменитого ученого) // Совет Башкортостаны. 1985. 7 февр. Башк.

1986

Сергей Иванович Руденко. К 100-летию со дня рождения: Библиографический указатель / Сост. *В. М. Сунцова*. Уфа, 1986. 28 с.

Бородаев В. Б. С. И. Руденко и Алтай // Скифская эпоха Алтая: Тез. докл. к конф., посвященной 100-летию со дня рождения. С. И. Руденко. Барнаул, 1986. С. 3–9.

Долуханов П. М. С. И. Руденко и развитие естественно-научных методов в археологии // Там же. С. 9–10.

Мамадаков Ю. Т., Неверов С. В., Цыб С. В. С. И. Руденко и некоторые проблемы древней истории Алтая // Там же. С. 90–93.

Список печатных работ С. И. Руденко, написанных по материалам его исследований в Горном Алтае // Там же. С. 107–109.

1990

Соловьева К. Ю. Вклад С. И. Руденко в изучение обских угров (по коллекциям ГМЭ народов СССР) // Современное финноугроведение. Опыт и проблемы. Л., 1990. С. 61–65.

Франко А. Д., Франко О. Е. Федор Кондратьевич Вовк (Волков): Биографический очерк: [Об учителе С. И. Руденко] // Советская этнография. 1990. № 1. С. 86–95.

1993

Академическое дело. 1929–1931 гг.: документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993.

1995

Жук А. Б. Археологи Русского музея в Сибири: 1920-е годы // Третьи исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Докл. Всерос. науч. конф. Омск, 1995. Ч. 1. С. 35–38.

Тихонов И. Л. Палеоэтнологическая школа в С.-Петербургском университете (этапы формирования) // Археология Сибири: историография: Межведомст. сб. науч. тр. Омск, 1995. Ч. 1. С. 43–64.

1996

Марсадолов Л. С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н. э. (от истоков до нач. 80-х годов XX века). СПб., 1996.

С. И. Руденко // Энциклопедия Алтайского края. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1996. Т. 2. С. 316–317.

Савинов Д. Г. Погребения Сросткинского могильника (по материалам раскопок М. Н. Комаровой. 1925) // Археология, антропология, этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 192–206.

Гаврилова А. А. Пятый пазырыкский курган (Дополнение к раскопочному отчету и исторические выводы) // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 89–102.

Дьяконов И. М. [Послесловие к статье А. А. Гавриловой] // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 102–104.

Марсадолов Л. С. [Краткое послесловие к статье А. А. Гавриловой] // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 105–107.

1997

Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Алтая. Ч. 1: Культура населения в раннескифское время. 1.2. Археологические исследования материальной культуры населения скифской эпохи Горного Алтая в советское время (20–70-е годы). Барнаул, 1997. С. 12–22.

Клейн Л. С. Российское палеоэтнологическое направление в контексте мировой археологии // Традиции отечественной палеоэтнологии: Тез. докл. Междунар. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения Ф. К. Волкова (Вовка). СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1997. С. 49–55.

1998

Бикбулатов Н. В. Мои встречи с С. И. Руденко // С. И. Руденко и башкиры. Уфа: Гилем, 1998. С. 26.

Иванов В. А. Этнокультурная карта Башкортостана в эпоху средневековья С. И. Руденко и ее дальнейшая историческая судьба // Там же. С. 83–87.

Каримов К. К. С. И. Руденко – руководитель Башкирской экспедиции Академии наук СССР (1928–1930 гг.) // Там же. С. 40–52.

Муллагулов М. Г. С. И. Руденко и изучение средств передвижения башкир // Там же. С. 53–68.

Нафиков Ш. В. С. И. Руденко и некоторые вопросы этногенеза башкир по данным современного языкознания // Там же. С. 88–98.

Овсянников В. В. Комплекс вооружения башкир по данным С. И. Руденко // Там же. С. 110–113.

Решетов А. М. С. И. Руденко – антрополог, этнограф, археолог // Там же. С. 5–25.

Сулейманов А. М. С. И. Руденко и башкирский фольклор // Там же. С. 69–82.

Сулейманова Р. Н. С. И. Руденко о положении башкирской женщины в семье // Там же. С. 106–109.

Султангареева Р. А. Башкирская лечебная магия в записях С. И. Руденко // Там же. С. 99–105.

Фатыхова Ф. Ф. С. И. Руденко и семейные обряды башкир // Там же. С. 114–119.

Юсупов Р. М. С. И. Руденко и современное состояние антропологии башкир // Там же. С. 27–39.

Формозов А. А. Русские археологи и политические репрессии 1920–1940-х гг. // Российская археология. 1998. № 3. С. 191–206.

1999

Тишкина Т. В. Деятельность АО РГО в 1924–25 гг. в связи с приездом на Алтай С. И. Руденко и М. П. Грязнова // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Сб. науч. ст. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 191–193.

2000

Лыжникова О. Г. Изучение фонда С. И. Руденко – В. М. Сунцовой // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: Материалы 40-й РАЭСК. Новосибирск, 2000. Т. 1. С. 23–24.

Лыжникова О. Г. Этнографическое наследие Сергея Ивановича Руденко (1885–1969) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: Материалы 40-й РАЭСК. Новосибирск, 2000. Т. 3. С. 70–74.

Лыжникова О. Г. Воспоминания В. М. Сунцовой как источник для изучения биографии С. И. Руденко // Студент и научно-технический прогресс: Материалы XXXVIII Междунар. науч. студ. конф. Ч. 1: История. Новосибирск, 2000. С. 29–30.

Лыжникова О. Г. Комплексный подход в исследованиях Сергея Ивановича Руденко // Диалог культур и цивилизаций: Тез. докл. участников II Науч. конф. молодых историков Сибири и Урала. Тобольск, 2000. С. 62–64.

Тишкин А. А., Лыжникова О. Г. Научная деятельность С. И. Руденко как опыт комплексного подхода в археологических и этнографических исследованиях // Пятые исторические чтения

памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 2000. С. 110–112.

Шер Я. А. Я учился у М. П. Грязнова // Там же. С. 132–142 (о взаимоотношениях М. П. Грязнова и С. И. Руденко: с. 139).

2001

Дашковский П. К. Проблемы реконструкции социальной организации кочевников Горного Алтая скифской эпохи в творчестве С. И. Руденко // Гуманитарные исследования на пороге нового тысячелетия: Сб. науч. тр. молодых ученых ИФ АГУ. Барнаул, 2001. С. 109–112.

Лыжникова О. Г. Сергей Иванович Руденко и археология // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий: Материалы XLI РАЭСК. Барнаул, 2001. С. 32–34.

Тишкин А. А., Шмидт (Лыжникова) О. Г. Воспоминания С. И. Руденко о своем учителе Федоре Кондратьевиче Волкове // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. тр. Нальчик; Омск, 2001. С. 16–19.

Шмидт (Лыжникова) О. Г. История создания монографии С. И. Руденко «Угры и ненцы Нижнего Приобья» // Историко-культурное наследие Северной Азии: Сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 173–175.

2003

Шмидт О. Г. Изучение хозяйственной деятельности древних и традиционных обществ в работах С. И. Руденко // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. 1. С. 246–250.

Шмидт О. Г. Вклад С. И. Руденко в развитие и внедрение естественно-научных методов в археологии (тезисы) // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. Томск, 2003. С. 87–88.

Решетов А. М. Интеграция наук в научной деятельности и трудах С. А. Теплоухова // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2003. С. 17–21.

Зуев В. Ю. Материалы к истории изучения Прохоровских курганов в Оренбурге. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. 72 с.

2004

Шмидт О. Г. Томский период в жизни Сергея Ивановича Руденко // Традиционные культуры и общества Северной Евразии

с древнейших времен до современности: Материалы XLIV РАЭСК. Кемерово, 2004. С. 55–56.

Васильев С. А. Руденко и Крофорд: британский географический подход и российская палеоэтнологическая школа в археологии // Там же. С. 84–87.

Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А., Шмидт О. Г. Жизненный путь С. И. Руденко (1885–1969) // Там же. С. 9–21.

Китова Л. Ю. Томский период деятельности С. И. Руденко и С. А. Теплоухова // Там же. С. 30–36.

Марсадолов Л. С. Вклад С. И. Руденко и ленинградских археологов в изучение больших курганов Центральной Азии // Там же. С. 55–61.

Морозов С. В. Археологические исследования С. И. Руденко в Минусинской котловине // Там же. С. 42–47.

Понкратова И. Ю. Исследования С. И. Руденко на севере Дальнего Востока России в 40-е гг. XX в. // Там же. С. 48–54.

Рудковская М. А. С. И. Руденко – исследователь минусинской котловины // Там же. С. 36–42.

Тишкин А. А. [Предисл. к кн.] // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег: Сб. науч. ст. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 6–8.

Тишкин А. А., Шмидт О. Г. Годы репрессий в жизни С. И. Руденко // Там же. С. 21–29.

Томилов Н. А. Этнографическое сибиреведение: периодизация и научные проблемы // Там же. С. 88–92.

Шмидт О. Г. Археологические исследования Сергея Ивановича Руденко // Там же. С. 61–84.

IV. ОТЗЫВЫ, КОММЕНТАРИИ К ТРУДАМ С. И. РУДЕНКО В ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ

1929

Ancients Scythian tombs discovered in Siberia // Daily Science News Bull. Washington, 1929.

1951

Ietmar K. The Altai before the Turks // Bul. Mus. Far Eastern Antiquiti. Stockholm, 1951. № 23. P. 135–223: il., cart, 36 tab. Bibliogr.: P. 210–218.

1952

Roes Anne. Achaemenid Influence upon Egyptian and Nomad Art // Artibus Asiae. Ascone, 1952. Vol. 15. № 1. P. 17–30: il.

Hančar F. The Eurasian Animal Style and the Altai Complex // Artibus Asiae. Ascone; Leipzig, 1952. Vol. 15. № 2. P. 171–194.

1954

Childe G. The Culture of the Population of the Higt Altay in Scyphian times = Rec. at op.: S. I. Roudenko. Kultura naselenija Gornogo Altaya v scyfskoye vremya. M.; L., 1953. Antiquity. Berks; Newbury, 1954. Vol. 28. № 112. P. 231–232.

1955

Picard M.-T. Quelque observations sur le custome Scythique a propos des fouilles de Pazyryk // Sb. 1955. T. 3. № 1. S. 152–155 (CZAV sek. Jazyka a liter. Praha).

1956

Haken Roman. Kultura naselenija Gornogo Altaya v scyfskoje vremya = Rec. at op.: С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. Česko-Sl. Ethnografie. 1956. Poč. IV. № 1. S. 97–101.

Findeisen Hans. Die Scythen im Altai vor 2400 Iahren // Kosmos. Stuttgart, 1956. Heft 7. Iuli. Z. 306–311. Описано по отдельному оттиску.

1958

Rice Talbot T. The Scythian. 2-nd ed. N. Y: FA. Praeger, 1958. 255 p.: il., cart. (1-s ed.: Köln, 1957. Verl. D-M Schauberg. 262 s.: il., tab.).

1959

Haskin Iohn. Sarmatian Gold Collected by Peter the Great. The Demidov Gift and conclusions // Artibus Asiae. Ascone, 1959. Vol. 22. № 1/2. P. 64–78: il., 8 pl.

Aserpay Guitty. Some Classical and near Eastern Motifs in the Art of Pazyryk // Artibus Asiae. 1959. Vol. 22. № 4. P. 313–339: il., 42 pl.

1960

Umehara Sweje. Möko NoinUla hakken ibutsu = Studies of Noin-Ula Finds in North Mongolia. Toyo Bunko, 1960. Ser. A. № 27. P. 9–18: il.

1963

István Erdelyi. A hunok kultúrája és a noinlai kurganok = Rec. at op.: С. И. Руденко. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.; L., 1962 // Archael. Értesitö. 1963. Köt. 90. Sz. 2. 319–321 old. (Akadémiai Kiado, Budapest).

1965

Maenchen-Helfen Otto. [О кн.: С. И. Руденко. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.; Л., 1962] // Artibus Asiae. 1965. Vol. 27. № 4. P. 365–369.

1984

Iettmar Karl. Geschichte der Archäologie in Sibirien im Asiatischen Steppenraum // Beiträge zur allgemeinen und ver-gleichenden Archäologie (München). 1984. Bd. 5 (1983). S. 187–226: il., kart. Bibliogr.: s. 222–225.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3
Глава I. Природа Башкирии 8
Глава II. Краткий исторический очерк 16
Глава III. Общественные отношения, племенные и родовые подразделения 35
Глава IV. Занятия и образ жизни 57
Глава V. Звероловство, птицеловство и рыболовство 62
Глава VI. Бортничество и пчеловодство, скотоводство и птицеводство, земледелие 88
Глава VII. Пища 113
Глава VIII. Домашние производства 122
Глава IX. Одежда и украшения 138
Глава X. Жилища и постройки 172
Глава XI. Способы и средства передвижения 211
Глава XII. Семейный быт и народные празднества 217
Глава XIII. Искусство и фольклор 240
Глава XIV. Пережитки религиозных доисламских представлений 265
Глава XV. Вопросы этногенеза башкир 280
Заключение 306
Цитируемая литература 327
Список иллюстраций 333
Библиографический указатель 343

УДК 39 (470.57)
ББК 63.5 (2Рос. Баш)
Р 83

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям в рамках
Федеральной целевой программы «Культура России»

Ответственный редактор – Ю. М. Абсалямов

Подбор экспонатов из фондов Российского этнографического музея –
Л. М. Лойко, К. Ю. Соловьева
Специальная фотосъемка – А. Берман, Н. Галеев, В. Алексеев, В. Юмагузин

Руденко С. И.
Р 83 Башкиры: Историко-этнографические очерки. – Уфа: Китап, 2006. – 376 с.: ил.

ISBN 5-295-03899-8

Настоящая книга является переизданием широко известной монографии ученого-этнографа, с изменениями, связанными в основном с введением в 1956 г. последнего свода «Правил русской орфографии и пунктуации». Книга дополнена библиографическим указателем С. И. Руденко.

В ходе работы над изданием была осуществлена пересъемка многих экспонатов из коллекции С. И. Руденко, хранящейся в Российском этнографическом музее, фотографий, которые были использованы в монографии 1955 г.

Предназначается для широкого круга читателей.

ФП – 2006

УДК 39 (470.57)
ББК 63.5 (2Рос. Баш)

ISBN 5-295-03899-8

© Башкирское издательство «Китап», 2006
© Российский этнографический музей,
иллюстративный материал, 2006

Научное издание

РУДЕНКО Сергей Иванович
БАШКИРЫ
Историко-этнографические очерки

Редакторы *Н. В. Сазонова, Ю. М. Абсалямов*
Художник *А. Г. Кужин*
Художественный редактор *А. Р. Мухтарулин*
Технический редактор *Н. Г. Пятаева*
Корректор *И. И. Садыкова*

Подписано в печать 15.10.06. Формат 60x84 $^{1}/_{8}$. Бумага мелованная.
Гарнитура Академическая. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 43,71+0,47 форз. Усл. кр.-отт. 175,31. Уч.-изд. л. 41,83+0,92 форз.
Тираж 5000 экз. Зак. 1.0156.06.

ГУП РБ «Башкирское издательство "Китап"». 450001, Уфа, ул. Левченко, 4а.
Отпечатано в типографии
ГУП РБ «Уфимский полиграфкомбинат». 450001, Уфа, пр. Октября, 2.